

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ТРУДЫ V (XXI) ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА
в Барнауле–Белокурихе**

Сборник научных статей

Том I

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2017

УДК 902(08)
ББК 63.4я43
Т782

Ответственные редакторы:
академик РАН А.П. Деревянко;
доктор исторических наук, профессор А.А. Тишкин

Редакционная коллекция тома:
В.В. Бобров, С.А. Васильев, А.А. Выборнов, К.Н. Гаврилов, А.Н. Гей,
А.В. Епимахов, Ю.Ф. Кирюшин, В.Е. Медведев, Р.А. Мимоход,
Л.Н. Мыльникова, Н.М. Чаиркина, М.В. Шуньков

Т782 **Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе [Текст] : сборник научных статей / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин.**
– Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. – Т. I. – 364 с.
ISBN 978-5-7904-2228-7

В первом томе сборника статей отражены результаты докладов, вошедших в программу V (XXI) Всероссийского археологического съезда, который состоялся в Барнауле–Белокурихе в октябре 2017 г. В нем представлены публикации по следующим разделам, отражающим изучение эпохи камня и бронзы: «Формирование и развитие культурных традиций в палеолите и мезолите», «Культурные процессы в неолите», «Проблемы энеолита, ранней, развитой и поздней бронзы».

Издание рассчитано на археологов и историков, а также специалистов смежных и естественнонаучных дисциплин.

*Сборник научных статей подготовлен и издан при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-01-14048)*

УДК 902(08)
ББК 63.4я43

ISBN 978-5-7904-2228-7

© Издательство Алтайского государственного
университета, оформление, 2017

**Организаторы V (XXI) Всероссийского археологического съезда,
посвященного 180-летию со дня рождения В.В. Радлова
(Барнаул–Белокуриха, 1–8 октября 2017 г.)**

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

Оргкомитет V (XXI) Всероссийского археологического съезда

Председатель:

академик РАН А.П. Дервянко – научный руководитель
Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

Сопредседатели:

академик РАН Н.А. Макаров – директор Института археологии РАН,
чл.-корр. РАН Е.Н. Носов – научный руководитель Института материальной культуры РАН,
д.ю.н. С.В. Землюков – ректор ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Заместители сопредседателей:

чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков – зам. директора ИА РАН;
чл.-корр. РАН М.В. Шуньков – директор ИАЭТ СО РАН;
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин – почетный профессор АлтГУ;
д.и.н. В.А. Лапшин – директор ИИМК РАН;
д.и.н. А.А. Тишкин – заведующий кафедрой АЭМ АлтГУ

Члены Оргкомитета – академик РАН А.П. Бужилова, академик РАН В.И. Молодин,
академик РАН В.Л. Янин, чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН Л.А. Беляев,
чл.-корр. РАН Н.Н. Крадин, чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев, чл.-корр. РАН Н.В. Полосьмак,
чл.-корр. РАН Вл.В. Седов, чл.-корр. РАН Е.Н. Черных, д.и.н. А.Н. Алексеев,
д.и.н. В.В. Бобров, д.и.н. М.С. Гаджиев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет, д.и.н. А.В. Епимахов,
д.и.н. А.И. Кривошапкин, д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. Д.Г. Савинов,
к.и.н. Л.В. Седикова, д.и.н. А.Г. Ситдииков, д.и.н. Н.М. Чаиркина,
зам. Председателя Правительства Алтайского края Н.А. Капура

Секретариат Оргкомитета – к.и.н. Г.Г. Король, к.и.н. О.И. Новикова, к.и.н. Д.В. Папин

СТРУКТУРА ИЗДАНИЯ
«ТРУДОВ V(XXI) ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА»

Том I

Формирование и развитие культурных традиций в палеолите и мезолите

Культурные процессы в неолите

Проблемы энеолита, ранней, развитой и поздней бронзы

Том II

Культурно-исторические процессы в раннем железном веке

Античная археология Причерноморья и Северного Кавказа

Кочевые культуры Алтая и Центральной Азии

Культурно-исторические процессы в средневековье

Археологическое изучение городов средневековой Руси и сопредельных территорий

Археология Золотой Орды и средневекового Причерноморья

Москва – Сибирь: от царства до империи (XVI–XIX вв.)

Том III

Междисциплинарные подходы и палеоэкологические реконструкции в археологических исследованиях

Проблемы изучения первобытного искусства

Теория, методика и историография археологических исследований

Сохранение археологического наследия в России

Роль археологии в образовании и музейной деятельности

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ

© 2017, Е.В. Акимова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ: НАПРАВЛЕНИЯ И ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект №14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

Географическое понимание термина «Средний Енисей» значительно отличается от его понимания археологами. В сибирском палеолитоведении – это участок от Красноярска до Абакана протяженностью немногим более 450 км, притом, что почти 390 км – зона Красноярского водохранилища, где большинство памятников либо уже разрушено, либо находится в стадии разрушения. Ниже Красноярска, преимущественно в его окрестностях, известны только единичные и недостаточно изученные позднепалеолитические объекты (Частоостровское, Серебряковка, Уртен, Есауловка-III). Севернее, вплоть до устья Ангары, единственным известным памятником является Дружиниха [Абрамова и др., 1991].

Благодаря З.А. Абрамовой [1979а–б] и Н.Ф. Лисицыну [2000], сложилась достаточно стройная картина енисейского позднего палеолита. Мы бы хотели акцентировать внимание на отдельных аспектах, отработанных в последние годы.

Самые ранние памятники позднего палеолита Среднего Енисея (по Н.Ф. Лисицыну – ранняя стадия) известны в большинстве своем в северной и центральной частях Красноярского водохранилища (Сабаниха, Куртак-IV и V, Каштанка-IA, Дербина-IV, V, Усть-Малтат-II, Покровка-I, II и др.), а также в окрестностях Красноярска (Афонтова гора-V, Государев Лог) [Хронология..., 1990, с. 127–129; Артемьев, Дроздов, 1998; Лисицын, 2000, с. 18–26; Тарасов, Артемьев и др., 2002; Акимова, Стасюк и др., 2015; Акимова, Харевич и др., 2016; и др.].

Культурные горизонты этих стоянок залегают в двух основных позициях: в каргинской погребенной почве, неоднократно переотложенной в коношельское и раннегыданское время, и непосредственно выше ее. К первой группе относятся нижний горизонт Куртака-IV, нижний горизонт Дербины-V, Усть-Малтат-II, Покровка-I, II, Каштанка-IA, Афонтова гора-V. Даты для этих памятников, полученные по углю, могут показывать любой возраст в рамках малохетского–раннегыданского времени, что связано скорее не со временем формирования культуросодержащего горизонта, а со временем его переотложения. Ко второй группе относятся Сабаниха, верхний горизонт Куртака-IV, Дербина-IV, VII и др. Известные даты для Сабанихи и верхнего горизонта Куртака-IV (около 25 тыс. л.н.) представляются более древними, чем стратиграфическое положение самих памятников, указывающее на раннесартанское время, т.е. не древнее 22–21 тыс. л.н.

Как уже отмечалось Н.Ф. Лисицыным, в конце каргинского потепления на Енисее проявилось два основных направления развития позднего палеолита: отщеповое, представленное пока единственным памятником Куртак-IV, и пластинчатое («крупнопластинчатое»), к которому, кроме Сабанихи, относятся стоянки Дербинского и Куртакского районов.

Для всех крупнопластинчатых индустрий, независимо от возраста, характерны орудия на удлиненных пластинах, крупные одно-, двухплощадочные моно- и бифронтальные нуклеусы. При этом на большинстве стоянок Дербинского (Усть-Малтат-II, III, Дербина-IV, Покровка-I), Куртакского (Куртак-V, Бережеково, Каштанка-IA, Каштанка-III–IV) и Приморского археологических районов присутствуют бифасы остроконечной или овальной форм. Бифасов нет на Сабанихе, а также на Афонтовой горе-V и Государевом Логу. В то же время только на Сабанихе найдены костяные предметы, полностью отсутствующие в культурных слоях более северных памятников.

Благодаря компактному расположению стоянок Дербинского залива, удалось установить различия между ними по степени пластинчатости инвентаря, что позволяет предполагать постепенный переход от пластинчатой заготовки к отщеповой (от Усть-Малтата-II и нижнего горизонта Дербины-V

к Усть-Малтату-I и верхнего горизонта Дербины-V). Это явление гипотетически могло быть связано с местными экологическими условиями: заболачиванием русла Дербины в гыданское время и необходимостью перехода с речной гальки на обломки местных эффузивов.

В начале сарганского похолодания – около 22–21 тыс. л.н. на Енисее распространяются индустрии, названные «мелкопластинчатыми», т.е. ориентированные на производство пластин небольших размеров неправильной формы [Лисицын, 1996, 2000]. Стоянки, относящиеся к мелкопластинчатым индустриям, сегодня известны в северной и центральной зонах водохранилища. Ниже плотины Красноярской ГЭС расположена Лиственка (19 культурный слой). Возможный вариант мелкопластинчатых индустрий отмечен севернее Красноярска на стоянках Серебряковка и Уртенъ [Акимова, Мотузко и др., 2009; Акимова, 2003].

С учетом того, что стоянки типа Сабанихи – раннесарганские, переход от крупнопластинчатых индустрий к мелкопластинчатым должен быть очень резким. Каштанка-I, Усть-Ижюль-II, Саженцы залегают непосредственно над каргинской погребенной почвой и, таким образом, синхронны той же Сабанихе. Это подтверждают даты для Каштанки-I (24–22 тыс. л.н.) и Саженцов (22 тыс. л.н.) [Хроностратиграфия..., 1990, с. 123–127; Акимова, Стасюк и др., 2009]. Предполагаемая дата для Афанасьевой горы, по Н.Ф. Лисицыну [1987; 2000, с. 31–32], – около 20 тыс. л.н. Такая ситуация больше напоминает не преемственность, а смену населения. Этой смены мы не видим только в Дербинском заливе – в начале саргана здесь продолжает развиваться индустрия бифасов.

В данной ситуации особый интерес представляет комплекс Каштанка-I. Сегодня его материалы опубликованы недостаточно полно [Хроностратиграфия..., 1990, с. 13–129; Археология, геология..., 1992]. Особенностью комплекса Каштанка-I является сочетание признаков, характерных для стоянок типа Сабанихи и стоянок типа Афанасьевой горы. Учитывая разную степень золотой обработки отдельных предметов, а также наличие рядом стоянки Саженцы, идентичной «мелкопластинчатому» компоненту Каштанки-I, можно предполагать смешение разновозрастных культурных слоев.

Все памятники мелкопластинчатой индустрии очень разные. Одну группу представляют стоянки типа Афанасьевой горы, Тарачихи (нижний горизонт) и Лиственки (19 культурный слой) с одноплощадочными монофронтальными нуклеусами и пластинками прямоугольной формы с ретушью по одному краю и обоим концам или с ретушью только по усеченному концу [Лисицын, 1987]. Самой поздней в этой группе и, видимо, самой яркой является Лиственка с многочисленными серийными орудиями на пластинах мелких и средних размеров и изделиями из бивня мамонта [Акимова и др., 2005].

Другая группа – стоянки типа Шленки и Приморска с кубовидными одно-, двухплощадочными моно- и бифронтальными нуклеусами и пластинками с ретушью по одному краю и диагонально усеченным концом [Лисицын, 2000, с. 37–40]. Низкие призматические формы нуклеусов и микропластинки-острия сегментовидной формы характерны для Каштанки-I и Саженцов. Относительно большое количество выемчатых орудий на пластинках и маленьких пластинчатых сколах отличают Усть-Ижюль-II и Малый Ижюль-III.

Таким образом, в гыданское время существует целая группа стоянок, технологически объединяемая разнофункциональным использованием небольших ретушированных пластин, получаемых с различных вариантов нуклеусов с выпуклым или плоским фронтом, но при полном отсутствии клиновидных форм. Все эти памятники расположены вдоль русла Енисея на относительно высоких отметках, что позволило им сохраниться при формировании ложа водохранилища.

В 2000-е гг. в Дербинском заливе были обнаружены памятники, соответствующие стандартам мелкопластинчатых индустрий, но находящиеся в другой стратиграфической позиции и имеющие даты в пределах 12–9 тыс. л.н., – Малтат, Конжул, Ближний Лог, а также, возможно, Дербина-IVA и IX [Акимова, 2010; 2011].

На Малтате присутствуют те же формы нуклеусов и орудий, что и на Афанасьевой горе, Тарачихе и Лиственке. Явным различием является отсутствие долотовидных орудий в раннесарганских памятниках и прокол – в позднесарганском Малтате. В культурном слое Малтата найдена серия каменных бусинок, два аналога которым найдены и в нижнем культурном слое Конжула [Махлаева, 2003]. Однако остальной инвентарь нижнего культурного слоя Конжула изготовлен из кремня и халцедона, позволявших, в отличие от эффузивов Малтата, получать более миниатюрные изделия. По сырью близки друг другу нижний культурный слой Конжула и Ближний Лог, характеризующиеся также мелкими размерами пластинок и упрощенным оформлением ретушью (только вдоль края).

В верхнем культурном слое Конжула, полученном, преимущественно, в экспонированном состоянии, распространены двухплощадочные бифронтальные нуклеусы, более характерные для стоянок типа Шленки и Приморска.

В отличие от раннесартанских стоянок, их позднесартанские аналоги расположены не по руслу Енисея, а в среднем течении его притока – Дербины. К памятникам других малых притоков Енисея – Ижуля и Сухой (Сухашки), относятся также Абрашиха и Сухашка-II. При традиционных для мелкопластинчатых индустрий нуклеусах здесь мало пластинок с ретушью. Подобная ситуация прослеживается на более ранних Усть-Ижуде-II и Малом Ижуде-III [Акимова, Дроздов и др., 1996; Стасюк, Томилова, 1998; Акимова, Харевич, 2016].

Таким образом, памятники Среднего Енисея, обладающие набором определенных признаков в системе расщепления и каменном инвентаре, датированные в диапазоне 22–11 тыс. л.н., могут рассматриваться как археологическая культура. Предпочтительное название для нее «тарачихская» – по названию первого памятника мелкопластинчатой индустрии, открытого на Енисее. В отличие от классических локальных культур, тарачихская культура представляет собой, видимо, переплетение нескольких «пунктирных» линий, существовавших как на всем протяжении сартанского времени, так и на отдельных его отрезках. Прослеживается разрыв в развитии культуры с 16 до 12 тыс. л.н. Можно предполагать, что в середине сартанского времени поселения человека располагались на уровне нижних террас, позже затопленных водохранилищем [Акимова, 2014].

В середине – второй половине сартанского времени в долине Енисея параллельно существуют афонтовская и кокоревская культуры [Абрамова, 1979а–б]. Принципиальным различием является характер основной заготовки: отщеп в афонтовской и пластина – в кокоревской с соответствующей разницей в морфологии орудий. Сходством – правильные микропластины, получаемые с клиновидных микронуклеусов, и вкладышевая техника с использованием роговых оправ. В ареале афонтовской культуры прослеживаются зоны концентрации стоянок: районы Красноярска, Новоселово и Абакана–Минусинска, где есть подъемные сборы, но нет стратифицированных памятников. Стоянки кокоревской культуры известны у Красноярска, в центральной и северной зонах водохранилища. Неожиданным стало открытие стоянки Притубинск в южной части Красноярского края в среднем течении притока Енисея – р. Тубы. В отличие от более «монолитной» кокоревской культуры, афонтовская более разнообразна, варьируясь как во времени, так и в пространстве [Васильев, 1996]. Предположение Н.Ф. Лисицына о преемственности между пластинчатой и отщеповой индустриями конца каргинского – начала сартанского времени, с одной стороны, и кокоревской и афонтовской культурами – с другой, логично, но трудно доказуемо: хронологический интервал между ними заполнен мелкопластинчатыми индустриями.

Таким образом, ситуация в финальном палеолите Енисея характеризуется многообразием культурных проявлений, когда параллельно афонтовской и кокоревской археологическим культурам развивается культура «мелких пластин» во всей своей вариативности. В то же время наличие памятников типа Лысого Лога-I, II, Банного Лога и других в Дербинском заливе, Есауловки-III и культурного слоя 14Б Лиственки в окрестностях Красноярска допускает возможность усложнения этой схемы, вплоть до признания факта существования и других археологических культур, еще не распознанных и не описанных исследователями.

Библиографический список

- Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979а. 200 с.
Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979б. 175 с.
Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. Л., 1991. 158 с.
Акимова Е.В. Поздний палеолит Красноярского археологического района (XX век: итоги и перспективы) // Древности Приенисейского края. Красноярск, 2003. Вып. 2. С. 5–17.
Акимова Е.В. Пластины с ретушью в памятниках «мелкопластинчатых индустрий» Среднего Енисея // Каменный век от Атлантики до Пацифики (Замятнинский сборник. Вып. 3). СПб., 2014. С. 386–401.
Акимова Е.В. Поздний палеолит Красноярского водохранилища // Вестник НГУ. Сер.: история, филология. 2011. Т. 10, вып. 7. С. 111–118.
Акимова Е.В. Финальный палеолит залива Малтат (Дербинский археологический район) // Вестник НГУ. Новосибирск, 2010. С. 75–85.
Акимова Е.В., Дроздов Н.И., Лаухин С.А., Оводов Н.Д., Томилова Е.А., Стасюк И.В., Чеха В.П. Археологические исследования в Ижудском заливе // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 1996. Вып. 1. С. 47–61.

Акимова Е.В., Стасюк И.В., Харевич В.М., Мотузко А.Н., Лаухин С.А. Позднепалеолитическая стоянка Покровка-II (Красноярское водохранилище): место находки скелетных остатков *Homo sapiens* // *Stratum* 2015. Археология и культурная антропология. 2015. №1. С. 309–320.

Акимова Е.В., Харевич В.М. Позднепалеолитические памятники Сухашенского залива (Красноярское водохранилище) // *Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая*. Красноярск, 2016. С. 3–6.

Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В., Кукса Е.Н., Мотузко А.Н., Томилова Е.А. Поздний палеолит Дербинского залива (Красноярское водохранилище, Средняя Сибирь) // *ESSE QUAM VIDERI. К 80-летию Германа Ивановича Медведева*. Иркутск, 2016. С. 232–240.

Артемьев Е.В., Дроздов Н.И. К вопросу о первоначальном заселении Красноярского археологического района (на материалах исследований стоянки Афонтова гора-V в 1998 г.) // *Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий*. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 310–317.

Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян). Путеводитель Международного симпозиума. Красноярск: Изд-во «Зодиак», 1992. 130 с.

Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб., 1996. 225 с.

Лисицын Н.Ф. Средний этап позднего палеолита Сибири // *РА*. 1996. №4. С. 5–17.

Лисицын Н.Ф. Афанасьева гора // *Северная Азия в эпоху камня*. Новосибирск, 1987. С. 23–36.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья // *Труды ИИМК РАН*. СПб., 2000. 230 с.

Махлаева Ю.М. Каменные бусины в позднем палеолите Дербинского залива // *Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе*. Сыктывкар, 2003. С. 2–7.

Стасюк И.В., Томилова Е.А. Новое палеолитическое местонахождение Малый Ижкуль-III // *Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: (тез. РАЭСК)*. Улан-Удэ, 1998. С. 26–28.

Тарасов А.Ю., Артемьев Е.В., Мандрыка П.В., Чеха В.П., Ямских А.А. Раскопки палеолитического местонахождения Урочище Государев Лог-1 // *АО* 2001. М., 2002. С. 471–472.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Путеводитель экскурсии Международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во Института истории, филологии и философии СО АН СССР, 1990. 184 с.

© 2017, А.А. Анойкин

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Алтайский государственный университет, Барнаул;
Новосибирский государственный университет, Новосибирск*

ПАЛЕОЛИТ ПРИМОРСКОГО ДАГЕСТАНА

Комплексная экспедиция ИАЭТ СО РАН и ИА РАН, под руководством А.П. Дервянко, начала свои работы на Северном Кавказе в 2003 г. За два года интенсивных разведок в Кабардино-Балкарии и Дагестане сотрудниками экспедиции было обнаружено более десятка местонахождений с артефактами каменного века и определены наиболее перспективные территории в плане изучения палеолита [Дервянко и др., 2004; Амирханов, Дервянко, 2005]. В последующие годы оформились два основных района, где проводились масштабные раскопочные и разведочные работы – береговая и предгорная зоны Южного Дагестана, долины рек Рубас и Дарвагчай. За последнее десятилетие на этой территории было открыто несколько многослойных стратифицированных палеолитических стоянок (Дарвагчай-1, Дарвагчай-залив-1, Рубас-1, Тинит-1 и др.) и более 20 местонахождений с поверхностным залеганием артефактов. Параллельно с археологическими работами велись также комплексные геохронологические исследования как на самих памятниках, так и на естественных обнажениях четвертичных отложений [Дервянко и др., 2012].

В результате комплексных исследований была создана подробная культурно-хронологическая схема изменений древнейших культур в Приморском Дагестане, позволяющая проследить все основные этапы и специфику их развития в палеолитическое время, имеющая точные хронологические реперы и привязку к основным палеоэкологическим обстановкам плейстоцена региона. Это особенно показательно в кон-

тексте того, что до этих работ территория Дагестана являлась своеобразным «белым пятном» на палеолитической карте России, а в его приморских районах были известны только несколько пунктов подъемного археологического материала, относимых к каменному веку [Котович, 1964; Амирханов, 1986].

Наиболее древние археологические материалы, маркирующие начальный этап заселения человеком территории Западного Прикаспия, фиксируются на местонахождении Рубас-1. Этот раннепалеолитический комплекс характеризуется малыми размерами изделий (~ 2–4 см), а также слабой типологической выраженностью и неустойчивостью орудийных форм. Широко применялась техника дробления сырья, системные нуклеусы единичны. Количество функциональных типов орудий невелико – предметы с разнообразными выемками, шиповидными выступами и мелкие скребловидные изделия. Имеющийся свод естественнонаучных данных позволяет предполагать возраст индустрии как соответствующий финалу акчагыльской трансгрессии, в интервале 2,3–1,9 млн л.н. и относить эти материалы к числу мелкоорудийных индустрий начальных этапов раннего палеолита, что является наиболее древним свидетельством присутствия подобных технокомплексов на территории Евразии [Деревянко и др., 2012; 2015]. Хронология памятника ставит материалы нижнего археологического комплекса Рубаса-1 в один ряд с наиболее древними свидетельствами появления мелкоорудийных техник и возникновения каменного производства как такового. Можно заключить, что в период начального освоения Кавказа древним человеком на этой территории фиксируется присутствие нескольких каменных индустрий, технико-типологические характеристики которых позволяют диагностировать их различия за пределами индустриальной вариабельности. Это олдованские/галечно-отщеповые (Дманиси, Мухкай-2, Кермек и др.), мелкоорудийные (Рубас-1 (сл. 5), Нурнус) и, возможно, архаичные ашельские (Карахач, Мурадово) комплексы [Любин и др., 2010; Щелинский, 2013; Деревянко, 2015; Амирханов, 2016; Lumley et al., 2005; Trifonov et al., 2016].

Дальнейшее развитие традиции мелкоорудийного производства прослеживается на материалах многослойной стоянки Дарвагчай-1, которые датируются временем бакинской трансгрессии, в пределах 750–400 тыс. л.н. [Деревянко и др., 2012]. Несмотря на то, что в интервале 0,8–0,3 млн л.н. мелкоорудийные комплексы получили широкое распространение по всей территории Евразии, материалы Дарвагчай-1 не имеют близких аналогов на Кавказе, оставаясь, наряду с коллекциями слоя 5 Рубаса-1 и Нурнуса, немногочисленными свидетельствами развития этой индустриальной линии в регионе. Хотя мелкоорудийный компонент в той или иной степени присутствует в материалах ряда раннепалеолитических стоянок Кавказа, иногда составляя довольно значительный процент (Кударо-1, Треугольная), нигде, кроме памятников Западного Прикаспия, он не является основным элементом, определяющим облик археологических комплексов. В настоящее время все подобные мелкоорудийные индустрии локализованы за пределами Кавказского региона [Любин, Беляева, 2004; Дороничев и др., 2007].

Материалы финального раннего палеолита (Дарвагчай-залив-1, Дарвагчай-залив-4 и др.) демонстрируют появление на территории Дагестана комплексов с крупными бифасиальными орудиями. Основу первичного расщепления составляют плоскостные параллельные и радиальные ядрища. Техника дробления практически не используется. В орудийных наборах преобладают скребла, орудия зубчато-выемчатой группы, шиповидные изделия и атипичные скребки. Галечные орудия представлены, в основном, чопперами. Доля мелкоорудийного компонента незначительна [Деревянко и др., 2012].

Развитые среднепалеолитические индустрии (Рубас-1 (средний комплекс), Дарвагчай-залив-1 (комплекс 2) и др.) появляются в хазарское время и характеризуются появлением различных вариантов леваллуазской техники, на фоне преимущественного использования плоскостных ядрищ параллельного принципа скалывания, в том числе с несколькими фронтами и площадками. Используются и торцовые формы нуклеусов. Исчезает мелкоорудийный компонент, также отсутствуют изделия с бифасиальной обработкой. Происходит постепенный отказ от производства галечных орудий. Увеличивается типологическое разнообразие орудийного ряда, появляются острийные среднепалеолитические формы (остроконечники леваллуа и мустье, конвергентные скребла) и изделия верхнепалеолитической группы [Деревянко и др., 2012].

Наиболее близки среднепалеолитическим индустриям Приморского Дагестана по индустриальным особенностям, территориальному расположению и, возможно, хронологически материалы слоя III пещеры Азых и нижние слои Ереванской пещеры, но при общем сходстве в первичном расщеплении здесь наблюдаются существенные расхождения в типологии орудийных наборов, хотя на этих памятниках также значителен процент однолезвийных скребел. Вместе с тем в дагестанских материалах очень мало остроконечников и конвергентных форм, отсутствуют изделия с вентральной подтеской и утончением базальной части, нет бифасов [Гусейнов, 2010; Stone Age..., 2014].

Еще более существенные отличия наблюдаются при сравнении материалов Приморского Дагестана с остальными среднепалеолитическими комплексами Кавказа. Большинство последних либо относятся к леваллуазским пластинчатым индустриям (Кударо-1, Джручула, Мыштулагты-Лагат и др.) и в их ассамбляжах значительный процент составляют остроконечные формы, либо они ориентированы в орудийном производстве на изготовление таких специфических форм, как скребла Кина и/или бифасиальные орудия, часто плоско-выпуклые (Цопи-1, Ильская, Матузка и др.). Кроме того, практически на всех стоянках этого времени фиксируются изделия с вентральным утончением, которых нет в дагестанских материалах [Любин, 1977; Щелинский, Кулаков, 2005; Голованова и др., 2006].

Исходя из имеющихся данных можно заключить, что, несмотря на значительное количество известных среднепалеолитических памятников на Кавказе и большое технико-типологическое разнообразие внутри их групп, прямых аналогий между ними и среднепалеолитическими материалами Приморского Дагестана в настоящее время не прослеживается. При этом наблюдается определенное сходство между материалами дагестанских стоянок и памятников закавказского нагорья, близкие связи которых с мустьерскими индустриями Загроса позволяют предполагать возможные аналогии среднепалеолитических ассамбляжей долин Рубаса и Дарвагчая с комплексами именно этих регионов [Голованова, Дороничев, 2003; *The Paleolithic...*, 1993].

Последующие изменения древних культур в регионе демонстрируют каменные индустрии многослойных стоянок Тинит-1 и Рубас-1 (верхний комплекс), соответствующие финалу среднего – рубежу верхнего палеолита (50–35 тыс. л.н., ранее хвалынское время). Они демонстрируют постепенный отказ от леваллуазских техник расщепления и преимущественное использование подпризматической и плоскостной параллельной техник получения пластинчатых заготовок, с редуцированием ударной площадки подтеской и шлифовкой. Также происходит частичная смена орудийного набора, выражающаяся в исчезновении среднепалеолитических острийных форм, упрощении обработки скребел, увеличении количества и разнообразия верхнепалеолитических типов, а также появления единичных «руководящих» орудий (скребки с плечиками и высокой формы многогранные резцы) [Анойкин, 2016, с. 5–9].

Наибольшее сходство эти комплексы имеют с ассамбляжами ряда памятников юга Русской равнины, в первую очередь, с материалами стоянки Шлях (слои 7–9), где прослеживаются аналогии как в первичном расщеплении, так и в орудийных наборах. От материалов же памятников Северо-Западного и Южного Кавказа индустрии Приморского Дагестана отличаются, прежде всего, отсутствием бифасов, низкой долей остроконечных форм (остроконечники, конвергентные и угловатые скребла), крайне редким и не систематическим использованием приема вентрального утончения [Нехорошев, 2009].

Хотя развитие технокомплексов на стоянках Тинит-1 и Рубас-1 (верхний комплекс) демонстрирует ряд устойчивых изменений в направлении формирования верхнепалеолитических черт, но особенности первичного расщепления и состав орудийного набора всё же не дают возможности напрямую соотносить их с РВП-индустриями Европы и Передней Азии. Имеющиеся на настоящий момент материалы позволяют рассматривать данные ассамбляжи только в общем контексте развития индустрий финального среднего – начального верхнего палеолита западной части Евразии [The Early..., 2004]. При этом в ассамбляжах Приморского Дагестана фиксируется начало процесса постепенной трансформации среднепалеолитических индустрий в комплексы верхнепалеолитического облика, который происходил на местной основе и без резких внешних импульсов. В целом их хронология согласуется с данными, полученными по другим стоянкам Кавказского региона, где присутствуют индустрии рубежа среднего – верхнего палеолита (44–37 тыс. л.н.) [Pinhasi et al., 2012]. Однако, в отличие от дагестанских материалов, стоянки западной и центральной части Кавказа не обнаруживают каких-либо принципиальных изменений в первичном расщеплении и орудийных наборах, оставаясь в пределах среднепалеолитической варибельности.

Материалы верхнего палеолита в археологической летописи Приморского Дагестана пока не представлены, что, видимо, объясняется как всё еще недостаточной изученностью региона в плане палеолитоведения, так и плохой сохранностью здесь позднеплейстоценовых отложений. Последнее может быть связано в прибрежных районах с частыми и значительными колебаниями Каспийского моря в хвалынское и более позднее, новокаспийское, время, а также неотектонической деятельностью, оказывавшей значительное влияние на палеогеоморфологическую ситуацию в горных и предгорных районах. На настоящий момент единственная находка, свидетельствующая о заселении данной территории в верхнем палеолите, – чаша из бедренной кости мамонта, обнаруженная около станции Белиджи [Котович, 1964].

Таким образом, полученные результаты позволяют составить общую картину развития каменных индустрий на этой территории в палеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов. Нижнепалеолитические комплексы стоянок Рубас-1 и Дарвагчай-1 дают все основания рассматривать Кавказ как один из очагов развития дошелевых микроиндустрий. Эти материалы дополняют наши представления о начальных этапах освоения человеком пространства Евразии и развитии древнейших микролитических индустрий, предположительно возникших более 2 млн л.н. в Африке (Омо и др.), а затем распространившихся на территорию Леванта (Бизат Рухама), Европы (Изерния ла Пинета и др.), Центральной Азии (Кульдара) и Китая (Дунгута и др.) [Деревянко, 2015].

Более поздние материалы раннего палеолита маркируют появление на Северо-Восточном Кавказе комплексов с бифасами, хорошо известных по находкам на памятниках Центрального Кавказа и Черноморского побережья. Однако состав и технико-типологические особенности среднелепесточных археологических индустрий в прикаспийской зоне Дагестана позволяют утверждать, что последние имеют только некоторые общие аналогии на синхронных памятниках региона, представляя собой местный вариант развития каменного производства, отражающий, однако, общекавказский тренд распространения бифасиальных индустрий.

Развитые среднелепесточные индустрии на территории Дагестана показывают хронологическое и культурное соответствие подобным ассамблеям Закавказского нагорья и Западной Азии (мустье Загроса), что может служить аргументом в пользу их преемственности и указывать возможное направление древних миграций.

Материалы рубежа среднего – верхнего палеолита в Западном Прикаспии, в отличие от «консервативных» технокомплексов других регионов Кавказа этого периода, обнаруживают устойчивый вектор изменений, направленных на формирование верхнепалеолитических черт, что позволяет зафиксировать процессы, которые могли привести к возникновению здесь РВП-индустрий на местной основе.

В целом же проведенные в последние десятилетия исследования показывают, что береговая зона Каспийского моря была интенсивно заселена практически на всем протяжении плейстоцена, с момента первого появления здесь древних человеческих коллективов.

Библиографический список

- Амирханов Х.А. Манас-озеньские мустьерские местонахождения в Прикаспийском Дагестане // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986. С. 5–26.
- Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. М.; Махачкала, 2016. 344 с.
- Амирханов Х.А., Деревянко А.П. Разведки памятников каменного века в Дагестане в 2003 году // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала, 2005. С. 18–32.
- Анойкин А.А. Переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Дагестана // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. №2. С. 5–9.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Средний палеолит Кавказа // Археологический альманах. Донецк, 2003. №13. С. 18–66.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Левковская Г.М., Лозовой С.П., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Романова Г.П., Харитонов В.М. Пещера Матузка. СПб., 2006. 194 с.
- Гусейнов М. Древний палеолит Азербайджана. Баку, 2010. 220 с.
- Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. 1: Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. Новосибирск, 2015. 612 с.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск, 2012. 292 с.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П. Разведка объектов каменного века в Республике Дагестан в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X. С. 65–69.
- Деревянко А.П., Анойкин А.А., Казанский А.Ю., Матасова Г.Г. Новые данные по обоснованию возраста раннепалеолитического комплекса артефактов местонахождения Рубас-1 (Приморский Дагестан) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №3/2. С. 78–83.
- Дороничев В.Б., Голованова Л.В., Барышников Г.Ф., Блэквелл Б.А.Б., Гарутт Н.В., Левковская Г.М., Молодьков А.Н., Несмеянов С.А., Поспелова Г.А., Хоффекер Д.Ф. Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб., 2007. 270 с.
- Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964. 226 с.

Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977. 224 с.

Любин В.П., Беляева Е.В. Стоянка *Homo erectus* в пещере Кударо-1, Центральный Кавказ. СПб., 2004. 272 с.

Любин В.П., Беляева Е.В., Саблин М.В. Открытие раннепалеолитической стоянки в районе Нурнусского палеозера (Центральная Армения) // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала, 2010. С. 36–59.

Нехорошев П.Е. Конец среднего палеолита на Русской равнине в свете материалов стоянки Шлях // Археологический альманах. №20: Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы. Донецк, 2009. С. 111–128.

Щелинский В.Е. Кермек – стоянка начальной поры раннего палеолита в Южном Приазовье // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск, 2013. С. 153–171.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Ильская мустьерская стоянка (раскопки 1920–1930-х гг.). СПб., 2005. 96 с.

The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe. Brantingham P.J., Kuhn S.L., Kerry K.W. (eds.). Berkeley, 2004. 310 p.

Lumley (de) H., Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D. Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanissi en Georgie // L'anthropologie. 2005. №109. P. 1–182.

Pinhasi R., Nioradze M., Tushabramishvili N., Lordkipanidze D., Pleurdeau D., Moncel M.-H., Adler D.S., Stringer C., Higham T.F.G. New chronology for the Middle Palaeolithic of the southern Caucasus suggests early demise of Neanderthals in this region // Journal of Human Evolution. 2012. №63. P. 770–780.

Stone Age of Armenia. A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the Republic of Armenia / eds. B. Gasparian, M. Arimura. Kanazawa, 2014. 370 p.

The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus. Philadelphia, 1993. 238 p.

Trifonov V.G., Lyubin V.P., Belyaeva E.V., Lebedev V.A., Trikhunkov Ya.I., Tesakov A.S., Simakova A.N., Veselovsky R.V., Latyshev A.V., Presnyakov S.L., Ivanova T.P., Ozhereliev D.V., Bachmanov D.M., Lyapunov S.M. Stratigraphic and tectonic settings of Early Paleolithic of North-West Armenia // Quaternary International. 2016. Vol. 420. P. 178–198.

© 2017, Н.Б. Ахметгалеева

Курский областной краеведческий музей, Курчатов

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ КУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА СТОЯНОК ПОЗДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА БЫКИ В ПОСЕЙМЬЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №17-11-46601
«Спасательные археологические исследования ключевого памятника каменного века
Курского региона – верхнепалеолитической стоянки Быки-7»)

Расположение комплекса стоянок Быки на стыке разных палеолитических регионов (Костёнковско-Борщевского, Десны и степных стоянок Левобережья Украины) отразилось в своеобразии существовавшего здесь природного комплекса и материальных культур. Определенная уникальность стоянок Пены, Быки-1, Быки-2, 3 и Быки-7 (слои I и Ia) заключается в серийном присутствии геометрических треугольников в составе их кремневых артефактов во время 18–16000 некалиброванных лет назад и фауне бореального подкомплекса мамонтового териокомплекса Позднего Валдая [Григорьева, Филиппов, 1978; Чубур, 2001; Ахметгалеева, 2015]. С момента открытия возникла дискуссия об их культурной составляющей. Первыми прозвучали версии о принадлежности данных стоянок к мадлену, и спор шел только о его стадиях. Наиболее четко свою позицию сформулировал в этом вопросе Г.П. Григорьев [2006; 2008], выделивший в Быках сочетание мадленских и тарновских типологических элементов для хронологически раннего комплекса позднего верхнего палеолита. К «восточному эпиграветту» с определением треугольников, как «*треугольных острий типа тарденуа*», отнес данные памятники К.Н. Гаврилов [2014]. Параллельно возникали вопросы о том, не может ли присутствие большой серии треугольных микролитов в инвентаре стоянок быть не более чем отражением разной функциональной направленности вскрытых

участков или особенностями используемого сырья. Исследования последних лет полностью опровергли такую возможность. Данные стоянки относятся к разному функционально хозяйственному типу, имеют разную структуру и сезон обитания, а используемое каменное сырье на них едино [Ахметгалеева, 2015, с. 45–77]. В результате мы решили обратиться к технологическому и функциональному изучению археологических материалов с тем, чтобы определить трасологические критерии, позволяющие нам соотнести быковские материалы с какой-либо известной археологической культурой/единством или, наоборот, выделить позиции, по которым такое сопоставление становится невозможным. Материалы наиболее показательных каменных и костяных коллекций со стоянок Быки были исследованы с применением методик Экспериментально-трасологической школы ИИМК РАН [Ахметгалеева, 2015]. Базовыми данными для комплекса Быки служат находки стоянок Быки-1 (раскопки А.А. Чубура) и Быки-7, слои I и Ia (раскопки Н.Б. Ахметгалеевой). Кремневые коллекции данных трех комплексов находок сопоставимы и насчитывают более 3 тыс. экз. расщепленного кремня каждый. Полученные данные сравнивались и с материалами менее представительной Пенской стоянки, имеющей наиболее древние радиоуглеродные датировки (21–23 тысячи некалиброванных лет назад). В настоящее время в Быках-1 и Быках-7, слой I закончено исследование жилых объектов, тогда как исследования культурного слоя Ia Быков-7 продолжаются. Полевой сезон 2017 г. показал наличие здесь новых жилых объектов и горизонта обитания. Предварительные исследования демонстрируют культурную идентичность новых археологических материалов известным быковским индустриям с треугольными микролитами.

Каменные индустрии и трасологические критерии

Технологические приемы при производстве каменных изделий одного подтипа едины для этих стоянок [Ахметгалеева, 2015, с. 99–120]:

Первое, что обращает на себя внимание, – это присутствие в материалах Быков технико-типологической связки первичного производства узких и не длинных пластин и их вторичная трансформация в треугольные микролиты (рис.-1). Серийно необходимые для изготовления треугольников пластины конвергентной и трапециевидной формы объясняют кажущуюся примитивность «нерегулярных» нуклеусов Быков с отсутствием среди них столь типичных для граветта и эпиграветта продольных и бипродольных нуклеусов прямоугольной и цилиндрической формы. Важным трасологическим критерием являются технологические особенности производства треугольников, тем более что в двух комплексах Быков-7 они являются основным типом орудий. В Быках-1 треугольники имеют косо тронкированное основание, а в двух комплексах Быков-7 присутствуют как изделия с косо тронкированным и прямо тронкированным основанием. После оформления основания будущего треугольника простой притупливающей ретушью происходило ретуширование одной и всегда более длинной латерали [Ахметгалеева, Демиденко, 2017]. Это выделяет данные изделия от хронологически близких треугольников других памятников. По заготовкам они близки треугольникам финального палеолита–мезолита, но последние преимущественно ретушировались полукрутой и/или пологой ретушью. По вторичной обработке треугольников только притупливающей ретушью треугольники Быков аналогичны треугольникам мадлена, но последние изготавливались на пластинках, и длинный латеральный край у них оставался не ретушированным, что связано с их исключительным использованием как боковых компонентов дротиков при охоте с копьёметалками.

Оставшийся после производства треугольников дебитаж, включая небольших размеров отщепы и сколы подготовки/переоформления нуклеусов, шел на производство остальных орудий. Это важно, поскольку в типологическом отношении имеющиеся в коллекции резцы, скребки и даже проколки с длинным жалом морфологически имеют свои аналоги в самых различных кремнёвых индустриях. Распространение серийных укороченных скребков на отщепах, фрагментах пластин, сколах-подправках нуклеусов в Быках, хотя есть и скребки на пластинах, находит свое объяснение именно в технологическом плане. Поэтому связка Быков со значительно хронологически более поздними скребками комплексов федермессер/азилия не находит своего подтверждения.

Функциональные наблюдения показали полную идентичность использования разных типов и подтипов каменных орудий Быковских стоянок [Ахметгалеева, 2015, с. 89–97, табл. 1, 3, 4]. Была отмечена *полифункциональность* многих категорий. И к самой универсальной категории относятся резцы. Скребки выполняют функцию скобления разных материалов, характерно максимальное использование угла между скребковым и продольным лезвием или шипа, поэтому типологически выделяется большое количество скошенных лезвий. Зафиксирована большая доля проколов и изделий с выемками радиу-

сом около 0,5 см на пластинах, предназначенных/получившихся в результате скобления твердого материала. Серийно присутствующие комбинированные изделия и их переходные формы с несколькими противоположащими выемками и острием показывают, что данное сочетание объясняется технологической необходимостью и возникает для быстрой смены деятельности за короткое время. Следы резания мягких материалов преимущественно читаются на углах проксимальных частей пластинок. А следы пиления-резания твердых материалов фиксируются на боковых лезвиях пластин и пластинок. Но функциональные наблюдения этих категорий орудий и заготовок подтверждают только культурное единство материалов, пока не достаточно данных для выделения трасологического критерия. Необходимы дальнейшие сопоставления с материалами других памятников Европы.

А вот функциональное назначение самой интересной для данного памятника категории – двух подтипов треугольников – оказалось важным трасологическим критерием. «Макроследы» на треугольниках указали не просто на метательный износ треугольников в качестве компонентов охотничьего метательного вооружения, но именно как *колющего элемента* наконечников древков стрел для лука. Результаты изучения совокупности повреждений на треугольниках и их сопоставление с экспериментальными данными показали разнообразное вложение в древко треугольников на каждой стоянке Быки, но это было использование именно в колющей позиции, а не в качестве латерального компонента [Ахметгалеева, Демиденко, 2017]. Иначе говоря, менялся только угол наклона треугольника, как вариации острой части метательного орудия (рис.-2). Судя по макроповреждениям, среди треугольников с косо тронкированным основанием преобладает *продольное* вложение треугольника в древко, когда присутствует или минимальная выкрошенность по латерали от острия, или фрагментация кончика острия. В то же время среди треугольников с прямо тронкированным основанием преобладает *косолезвийное* вложение в древко, характеризующееся диагональным повреждением угла основания, а также сочетанием повреждения угла основания, кончика острия и наличием крупных фасеток с косой направленностью от кромки в сторону основания. Изучение треугольников на микроуровне выявило особую заполировку. Это – линейная направленность именно косолезвийного крепления треугольника на конце древка стрелы на экземпляре из I культурного слоя стоянки Быки-7. То, что следы износа на *кремнёвых треугольниках* рассматриваются нами как следствие не просто их метательного износа в качестве компонентов охотничьего метательного вооружения, а именно как наконечников древков стрел для лука, выделяет эти изделия от хронологически близких им треугольников мадлена.

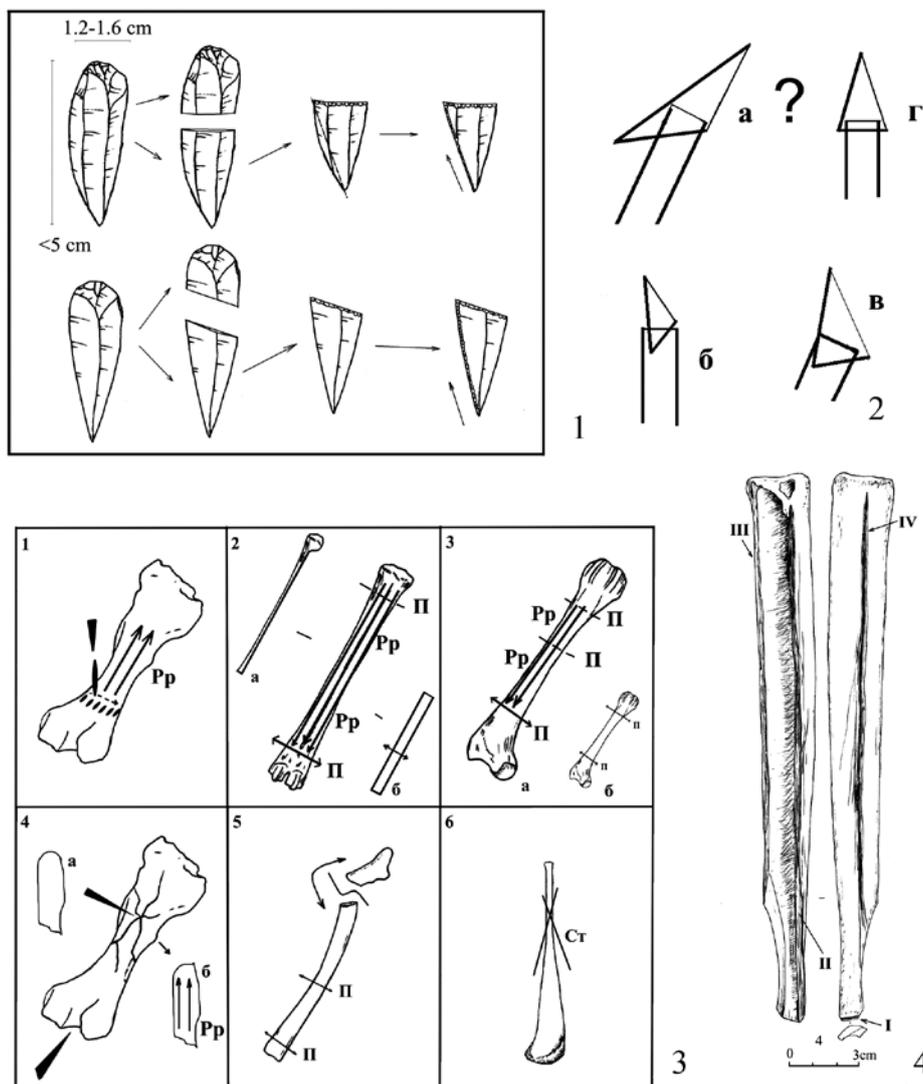
Костяные индустрии и трасологические критерии. В качестве трасологических критериев костяной индустрии стоянок с микролитами в инвентаре мы выделяем **совокупность** используемых технологических приемов и заготовок (рис.-3). Надо отметить, что в таком случае у автора больше возможности для сопоставления технолого-функциональных данных костяной индустрии Быков с другими памятниками Европы. В материалах Быков нет ни одного типа изделия, который был бы принят как культурный показатель граветта или какой-либо из стадий мадлена. Отсутствуют четкие критерии отнесения той или иной костяной индустрии к разнообразию материалов эпиграветта. Поэтому мы попытались определить трасологические показатели быковской костяной индустрии.

Технологические приемы при производстве костяных изделий одного подтипа едины для этих стоянок [Ахметгалеева, 2015, с. 130–253]:

Заготовки и технологии. Основными видами заготовок являются пластины, серийно вырезанные из стенок трубчатых костей копытных млекопитающих (преобладает использование метаподий), а также пластины, полученные путем распила ребер копытных животных. Остальные виды сырья и заготовок используются несравненно реже.

Ярким показателем является то, что в отличие от большинства материальных культур средней и поздней поры верхнего палеолита, на Быковских стоянках продольное расщепление рога северного оленя и ребер копытных животных происходило путем разрыва тканей с применением клина, без использования техники двойного паза. Всегда выдерживается позиция поперечного членения средних и мелких трубчатых костей с помощью техники пиления, а поперечное членение крупных трубчатых костей происходит с помощью кругового подрубания.

В качестве основного приема формообразования имеющегося разнообразия острий, *основной категории костяных изделий*, следует отметить строгание/скобление, но это распространено и по другим стоянкам. Отличительным моментом является обработка их основания и отсутствие шильев из локтевых и берцовых костей мелких животных. Каждый подтип острия имеет совокупность своих технологических особенностей изготовления. И по ним может быть сопоставим с аналогичными по форме материалами других европейских памятников.

Схемы: 1 – типичного производства кремнёвых треугольников на стоянках Быки; 2 – вложения треугольников в древко стрелы; 3 – основных приемов первичного расщепления в костяной индустрии; 4 – костяная основа со следами извлеченной заготовки с указанием последовательности операций: I – поперечное пиление; II–IV – прорезание резцеvidным лезвием пазов

Но наиболее показательной категорией костяных изделий следует считать *наконечники*, присутствие которых в коллекциях Быковских стоянок само по себе является критерием. Технологические особенности их изготовления из метаподий копытных животных, форма, сохраняющая естественный желоб этого вида кости, отсутствие аналогов на других европейских памятниках позволили выделить их в отдельный тип «быковские наконечники с естественным желобком». Основным видом заготовки для данных изделий является вырезанная из метаподии копытного животного пластина (рис.-4).

Функциональное изучение. Для костяных изделий, в том числе острий, характерны вариabельность производимых остриями работ и, как правило, соответствие определенного подтипа острия выполняемой функции [Ахметгалеева, 2015, с. 179–180, табл. 5]. При этом выделяются серии изделий с нетрадиционными следами утилизации, такие как проколки с плечиками со стоянки Быки-1 или костяные пронизки [Ахметгалеева, 2014]. Именно подобные наблюдения могут быть сопоставимы с результатами наблюдений аналогичных по форме предметов по другим памятникам.

Заключение. Технологический-функциональный анализ предметов позволил нам говорить о двух категориях орудий со стоянок Быки, наличие которых является культурным показателем. Это кремнёвые «треугольники типа Быки» и костяные наконечники с естественным желобком «типа Быки». Технологические особенности их изготовления, в том числе ориентация на производство основных типов заготовок именно для этих изделий, функциональные особенности выделенных типов метательного вооружения являются важными трасологическими критериями обозначенных быковских индустрий.

В настоящее время, несмотря на достаточно длительное исследование, не всё еще ясно, но определены основные позиции, по которым данные индустрии не могут быть включены ни в одно известное на сегодня культурное единство, группу и т.п. Материальная культура обозначенных стоянок Быки отличается от других хронологически близких эпиграветтских памятников Русской равнины и классических мадленских памятников Центральной и Западной Европы. Соответственно, стал еще более очевидным особый индустриальный статус Быков в позднем верхнем палеолите Восточной Европы. Но выделение трасологических критериев позволяет искать сходные в культурно-хронологическом отношении памятники. Перспективным видится продолжение работ по детальному технологическому изучению разных категорий каменных орудий и их сравнению с материалами других стоянок Восточной Европы.

Благодарности. Автор выражает признательность своему коллеге Ю.Э. Демиденко (ИА НАН Украины) за совместное сотрудничество и ценные наблюдения, сделанные им во время изучения коллекции каменных орудий стоянки Быки-7.

Библиографический список

- Ахметгалеева Н.Б. Каменный век Посеймья: верхнепалеолитическая стоянка Быки-7. Курск, 2015. 254 с.
- Ахметгалеева Н.Б., Демиденко Ю.Э. Роль костяных и кремневых наконечников в охотничьем метательном вооружении стоянок позднего верхнего палеолита Быки (центр Восточной Европы) // STRATUM+. 2015. №1. С. 205–222.
- Ахметгалеева Н.Б., Демиденко Ю.Э. Комплексный анализ морфологии, типологии, технологии, следов износа по определению функционального назначения и индустриальной роли треугольников позднего верхнего палеолита стоянок Быки (Посеймье) // Древний человек и камень: технология, форма, функция / отв. ред. С.В. Васильев, В.Е. Щелинский. СПб., 2017. С. 198–208.
- Гаврилов К.Н. Восточный эпиграветт на территории бассейна Десны // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. СПб., 2014. С. 205–216.
- Григорьева Г.В., Филиппов А.К. Пенская позднепалеолитическая стоянка // Советская археология. 1978. №4. С. 162–175.
- Григорьев Г.П. Сравнительная характеристика периодизаций верхнего палеолита и мезолита // Тверской археологический сборник. Тверь, 2006. Вып. 6, т. I. С. 87–95.
- Григорьев Г.П. Структура палеолита Десны // Замятинский сборник. СПб., 2008. Вып. 1. С. 48–62.
- Чубур А.А. Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск, 2001. 132 с.
- Akhmetgaleeva N.B. Atypical use of bone objects of known forms some East European Upper Paleolithic sites // J. Marreiros, N. Bicho and J. Gibaja Bao (Eds) International Conference on Use-Wear Analysis. Use-Wear 2012. Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 569–579.

© 2017, Н.Е. Белоусова^{1,2}, А.Ю. Федорченко^{1,2}, Е.П. Рыбин^{1,2}, М.Б. Козликин^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

²Алтайский государственный университет, Барнаул

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА КРУПНЫХ ПЛАСТИН В ИНДУСТРИЯХ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ГОРНОГО АЛТАЯ

Исследование проведено при поддержке проекта РФФ №14-50-00036 (исполнитель – Н.Е. Белоусова) и гос. задания Алтайского государственного университета – проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии» (исполнители – А.Ю. Федорченко, Е.П. Рыбин и М.Б. Козликин)

Технологическая вариабельность индустрий начала верхнего палеолита на территории Горного Алтая определяется распространением в этом регионе двух «индустриальных вариантов» или «культурных традиций», демонстрирующих верхнепалеолитический облик каменного инвентаря – кара-бомовская и усть-каракольская [Деревянко, Шуньков, 2004; Деревянко, 2009]. Каменные индустрии наиболее древней из них – кара-бомовской традиции – обладают ярким и своеобразным обликом, в настоящий момент их относят к единой культурной общности начального верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии [Rybin, 2014; Славинский и др., 2017]. Комплексы данной традиции обладают сходным набо-

ром культурных признаков, включая специфические технологии первичного расщепления и производства определенных типов орудий, практику изготовления персональных украшений и свидетельства использования охры. На основании серии радиоуглеродных определений возраст комплексов кара-бомовской традиции определяется в диапазоне от 47 до 37 тыс. лет (cal BP) [Деревянко и др., 1998].

Основным технологическим трендом индустрий кара-бомовского круга является строгая ориентация на производство пластинчатых заготовок, зачастую достигающих чрезвычайно больших размеров – до 300 мм в длину. В предыдущие годы проводились работы по реконструкции способов первичного расщепления комплексов этой традиции на основе ремонтажа и технологического анализа [Рыбин, 2002; Славинский, 2007; Славинский, Рыбин, 2015; Славинский, Рыбин, Белоусова, 2016; Белоусова, Рыбин, 2016]. Неравномерность в изученности комплексов кара-бомовского круга оставляет слабо освещенными вопросы о способах подготовки зоны расщепления нуклеусов в рамках стратегии получения пластин. Понятие «зона расщепления» в данном случае определяет часть поверхности площадки предмета расщепления и проксимальную часть поверхности скалывания, подготавливаемые к снятию [Васильев и др., 2007]. Вплоть до недавнего времени достоверные свидетельства о существовании единообразия этих приемов в комплексах этой культурной общности в археологической литературе отсутствовали.

Цель настоящей работы состояла в реконструкции способов подготовки зоны расщепления нуклеусов в контексте пластинчатого расщепления наиболее ранних верхнепалеолитических каменных индустрий Горного Алтая. Для анализа привлекались коллекции археологических памятников Кара-Бом (раскоп 4, 1992–1993 гг., культурный горизонт ВП2), Усть-Каракол-1 (раскоп 1, 1986 г., уровень обитания 5.4–5.5) и Кара-Тенеш (слой 3), выборка пластин из палеолитических комплексов 11-го слоя Денисовой пещеры. Исследование базировалось на данных технологического анализа каменных индустрий, отдельное внимание посвящено трасологическому изучению крупных пластинчатых сколов, ядрищ и орудий расщепления, а также экспериментальному моделированию процессов подготовки зон расщепления нуклеусов для пластин.

Результаты технологических исследований позволяют говорить о том, что для производства крупных пластинчатых сколов использовались окатанные или неокатанные отдельности осадочных и эффузивных пород высокого качества мелкокалунной (150–250 мм) и среднекалунной размерности (250–500 мм). Пластины получали в рамках комбинаторного объемного, подпризматического и торцового расщепления, почти исключительно в бипродольной технике (рис. 1.-1–3). Сколы характеризуются листовидной и прямоугольной формой, прямым профилем, трапециевидным или треугольным сечением в медиальной части. Остаточные ударные площадки сколов имеют прямой или слабоскошенный угол, выпуклый или прямой рельеф, подтрапециевидную или треугольную форму (рис. 2.-1–3; 3.-1, 3). Полученные пластины использовались как основы для подготовки разнообразных типов орудий: ретушированных острий с вентральной подтеской основания, простых ретушированных острий, концевых скребков, пластин с ретушью, скребел, резцов, тронкированно-фасетированных изделий. Характерно привлечение пластин в качестве заготовок для вторичных нуклеусов – призматических, комбинаторных, торцовых нуклеусов-резцов, – ориентированных на скалывание мелких пластинчатых сколов. Ширина сколов-основ для орудий и вторичных нуклеусов варьировала в диапазоне от 20 до 55 мм. Серийное производство пластин обеспечивалось применением техники прямого удара каменным отбойником и оптимальных способов подправки зоны расщепления нуклеусов.

Морфометрический и трасологический анализы позволили проследить на пластинах изучаемых индустрий следы нескольких приемов подготовки зоны расщепления. Среди них: 1) редуцирование карниза прямым ударом отбойника или заглаживанием неспециализированным каменным инструментом; 2) обратное редуцирование зоны расщепления и 3) пикетаж – точечное ударное воздействие каменным инструментом для дробления и удаления мелких частиц породы (рис. 2.-4–5; 3.-2, 4). Следы редуцирования карниза прослежены на участке дорсальной плоскости, примыкающей к кромке пересечения площадки и дорсальной поверхности большинства изученных пластин. Негативы коротких мелких многоуровневых снятий редуцирования обладают ступенчатыми окончаниями и направлены со стороны площадки на дорсальную поверхность. На кромке между ударной площадкой и дорсалом изученных пластин отмечено сочетание следов заглаженности и забитости. Формирование на кромке следов заглаженности, вероятно, могло быть связанным с плавным истиранием плоскости выкрашивания за счет давления/заглаживания. Возникновение следов забитости в зоне сопряжения дорсала и площадки могло являться прямым следствием процесса выкрашивания мельчайших осколков и разноуровневых микрофасеток сколов под воздействием удара.

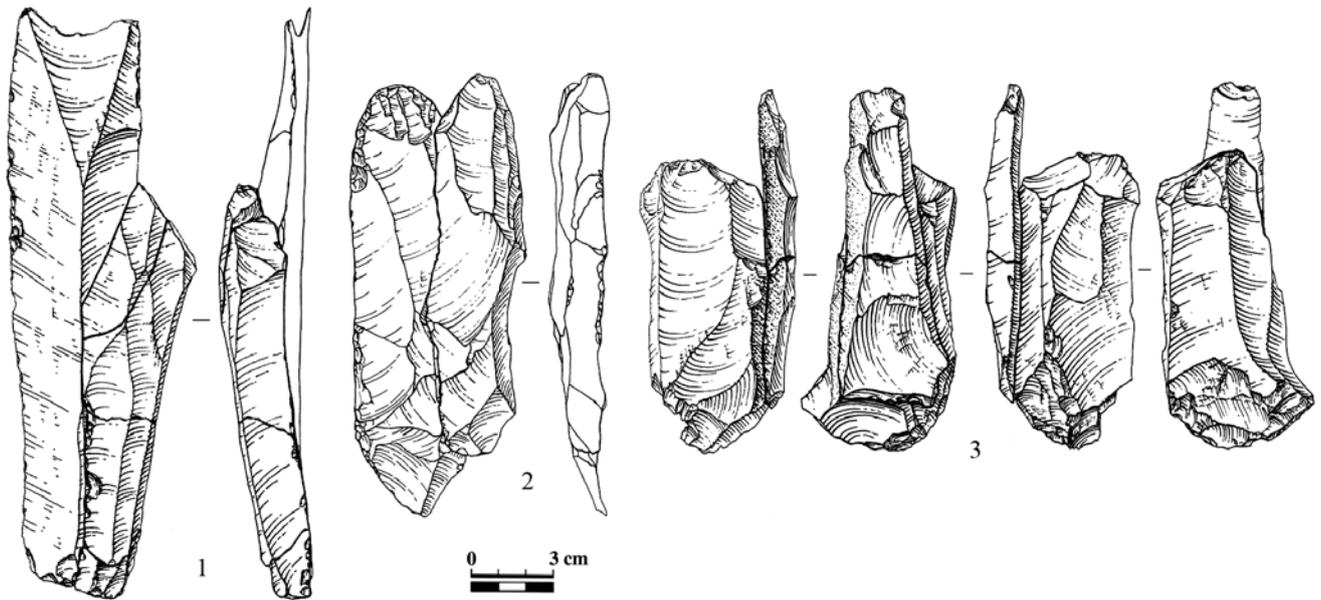

Рис. 1. Технологический контекст производства и утилизации крупных пластин. Каменные артефакты из индустрии культурного горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом

Более сложная картина зафиксирована на участках остаточных ударных площадок, примыкающих к дорсальной плоскости сколов. Нами зафиксированы следы обратного редуцирования – негативы коротких заломов, направленных со стороны дорсала на площадку. Большая часть ударных площадок изученных сколов имеет шероховатый, ячеистый вид, вызванный выполаживанием за счет выкрошенности и смятости. Площадки также имеют следы наложения многочисленных конических или полуконических трещин, прямых межконусных трещин и более крупных грубых выбоин. Фасетки микровыкрошенности обладают заглаженными и смятыми контурами, облик которых связан с проседанием поверхности площадки при формировании ударных конусов. Облик подобных следов может быть вызван достаточно частым несильным точечным ударным воздействием на поверхность нуклеусов каменным инструментом с целью изменения рельефа и морфологии его площадки. В археологических коллекциях стоянок Кара-Бом и Усть-Каракол-1 в качестве инструментов для подготовки зоны расщепления (редуцирование и точечно-ударное воздействие) вторично применялись сработанные комбинаторные и подпризматические нуклеусы и массивные технические сколы [Славинский и др., 2017].

Для уточнения полученных трасологических данных в рамках исследования проведена серия экспериментов по моделированию основных операций подготовки зон расщепления нуклеусов для пластин. В качестве орудий расщепления применялись объемные ядрища и крупные сколы. Редуцирование и точечное ударное воздействие на зоны расщепления ядрищ осуществлялось путем удержания инструментов обработки в руке. Рабочие участки этих изделий располагались на дорсальных сторонах этих изделий. В процессе редуцирования дуги скалывания нуклеусов наносились относительно частые и сильные удары. Спустя 20 минут работы на контактных участках орудий стали прослеживаться визуально определяемые следы шероховатости поверхности и короткие линейные зарубки с поперечной ориентацией. При дальнейшем употреблении инструментов в этой функции происходило взаимное наложение линейных зарубок и формирование локальных зон выкрошенности, приуроченных к выпуклым участкам рабочих поверхностей – межфасеточным ребрам или граням негативов сколов. Процесс износа инструментов для редуцирования сопровождался постепенным выполаживанием рабочих поверхностей, вследствие заметного истирания и микровыкрашивания. При моделировании использования техники пикетажа зона расщепления экспериментальных ядрищ обрабатывалась быстрыми, относительно слабыми ударами. После 40 минут работы контактная поверхность инструментов обработки приобрела сильно заглаженный, шероховатый вид. Процесс работы сопровождался произвольным прямым и обратным редуцированием зоны расщепления – отделением миниатюрных сколов с фронта и площадки. Точечное ударное воздействие приводило к формированию бугорчатого микрорельефа поверхности как на поверхности дуги скалывания нуклеусов, так и рабочего участка самого орудия для пикетажа.

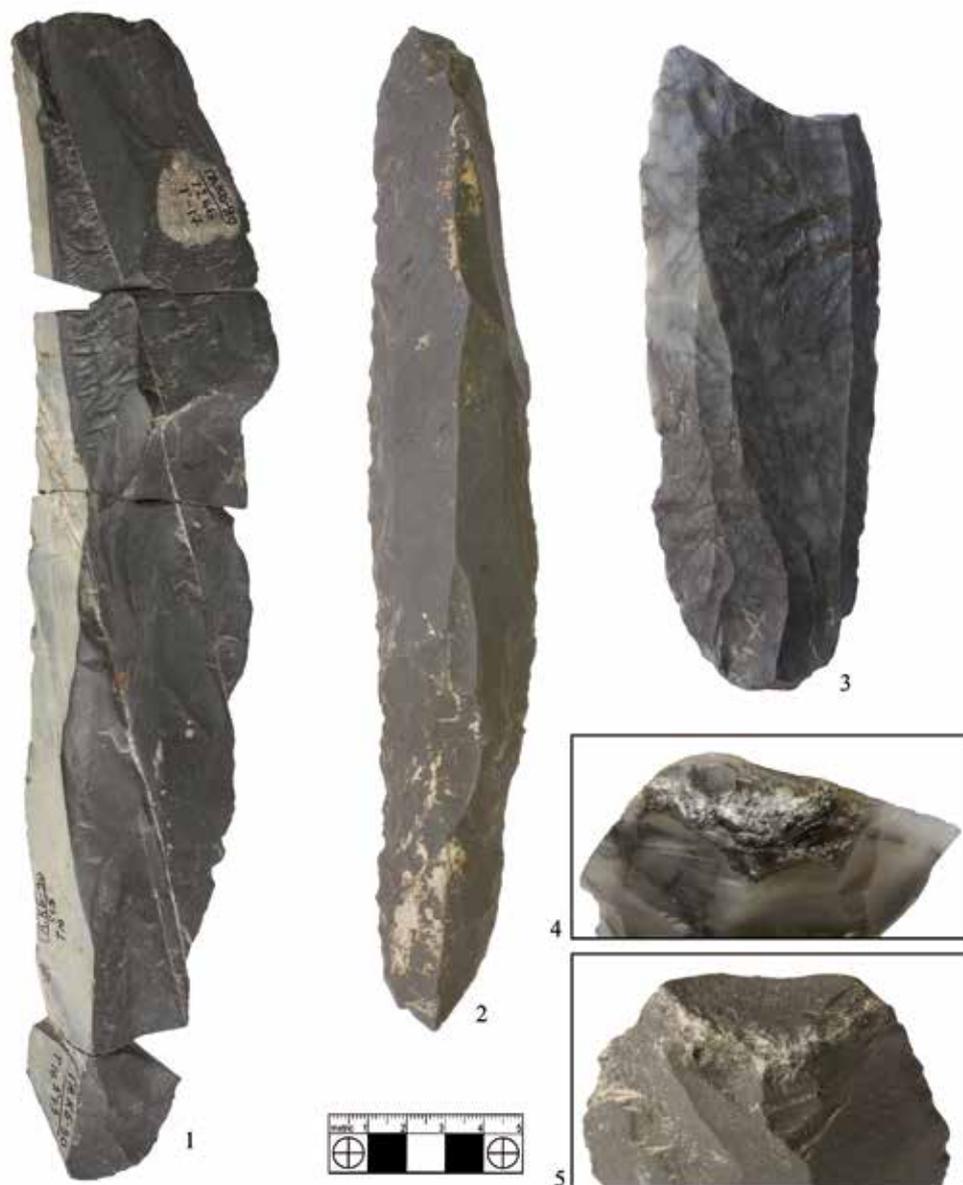

Рис. 2. Крупные пластины комплексов начала верхнего палеолита Горного Алтая:
 1 – Кара-Бом, культурный горизонт ВП2; 2 – Усть-Каракол-1, раскоп 1, уровень обитания 5.4–5.5;
 3 – Кара-Тенеш, слой 3; 4 – следы подготовки зоны расщепления на остаточной ударной площадке
 пластины со стоянки Кара-Тенеш, слой 3. Canon EOS 7D + EF-S 60 mm Macro; 5 – следы подготовки
 зоны расщепления на остаточной ударной площадке пластины из южной галереи Денисовой пещеры,
 слоя 11.1. Canon EOS 7D + EF-S 60 mm Macro (фото А.Ю. Федорченко)

Проведенный анализ позволил выявить и проанализировать на пластинах каменных индустрий начала верхнего палеолита Горного Алтая следы комбинирования нескольких приемов подготовки зоны расщепления. За счет обратного редуцирования и пикетажа формировался слабовыпуклый рельеф ударной площадки. Созданная при помощи этих приемов относительно ровная и шероховатая поверхность обеспечивала лучшее сцепление отбойника с площадкой в момент приложения силового импульса, что являлось важным условием для получения исключительно длинных и широких пластинчатых сколов, распространенных в анализируемых индустриях. Следы применения техники пикетажа фиксируются в индустриях преимущественно на остаточных ударных площадках крупных, массивных пластин стандартной морфологии. Использование приема редуцирования карниза позволяло убирать непрочные остатки негативов бугорковых частей предыдущих сколов, выравнивать рельеф плоскости расщепления и регулировать угол между фронтом и площадкой [Гирия, 1997]. Тщательная подготовка зоны расщепления значительно увеличивала степень контроля скалывающей, позволяя стандартизировать процесс получения крупных пластин и снизить процент ошибок расщепления.

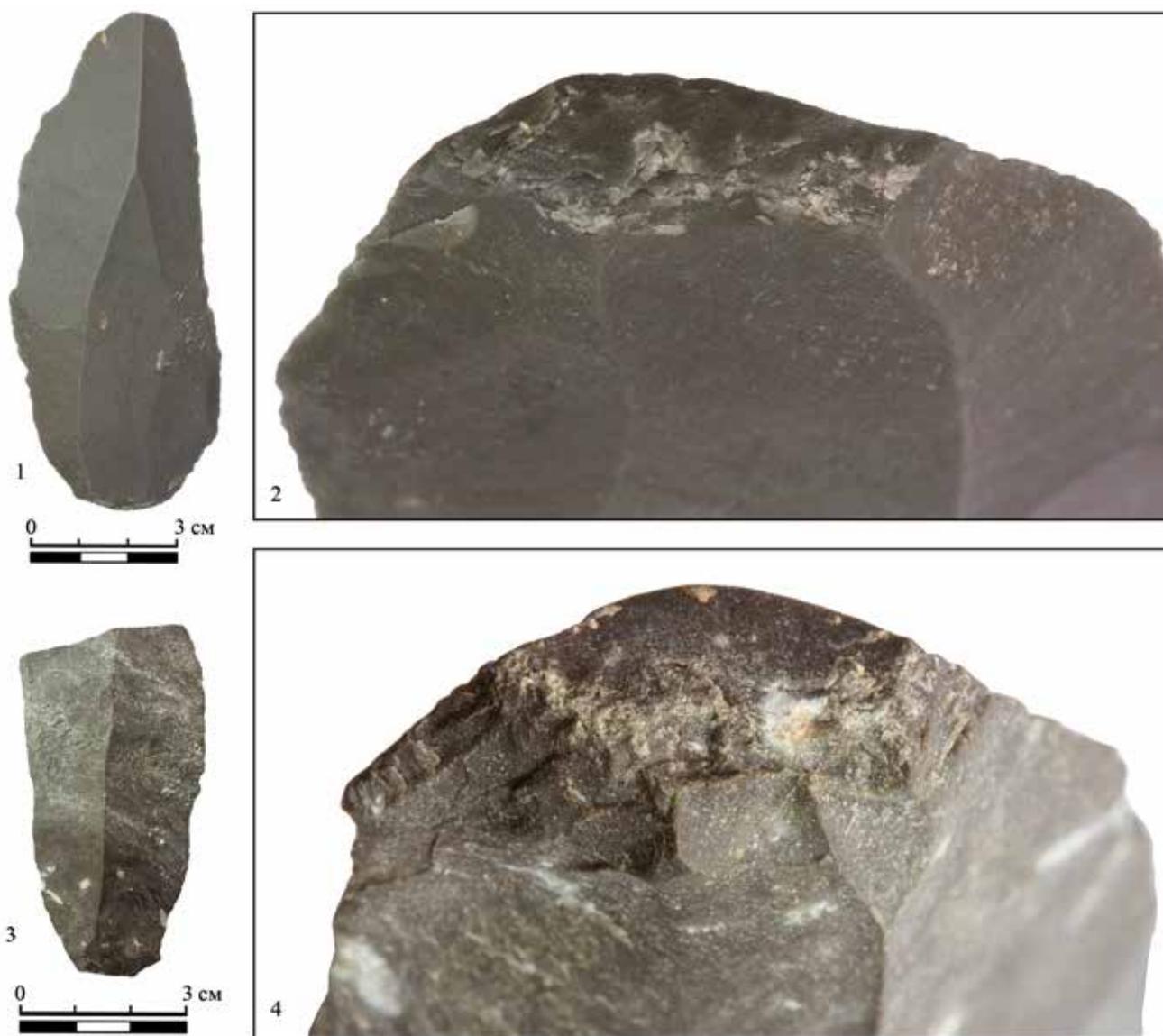

Рис. 3. Следы подготовки зоны расщепления на остаточной ударной площадке пластин со стоянок начала верхнего палеолита Горного Алтая. Canon EOS 7D + EF-S 60 mm Macro: 1 – Кара-Бом, культурный горизонт ВП2; 2 – Усть-Каракол-1, раскоп 1, уровень обитания 5.4–5.5 (фото А.Ю. Федорченко)

Комбинирование приема пикетажа с иными способами подготовки зоны расщепления нуклеусов отмечалось в контексте пластинчатого расщепления наиболее ранних комплексов верхнего палеолита Южной Сибири и Центральной Азии [Славинский и др., 2017]. На территории Алтая данный технологический прием достоверно фиксируется в контексте наиболее ранних индустриальных комплексов, главным образом, входящих в круг кара-бомовской культурной традиции.

Библиографический список

Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П. Технология первичного расщепления каменного сырья в индустрии раннего верхнего палеолита культурного горизонта ВП1 стоянки Кара-Бом (Горный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №4 (16). С. 7–23.

Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гирия Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб., 2007. 262 с.

Гирия Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий: методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб., 1997. Ч. 2. 198 с.

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. Новосибирск, 2009. 328 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). Новосибирск, 1998. 280 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №1 (9). С. 16–41.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №3 (19). С. 12–40.

Рыбин Е.П. Бипродольная технология расщепления камня во время перехода от среднего к верхнему палеолиту в Южной Сибири // Археология та етнологія Східної Європи: матеріали I дослідження. Одеса, 2002. С. 45–48.

Славинский В.С., Рыбин Е.П. Призматическая технология расщепления камня в начальном верхнем палеолите Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №3/2(87). С. 222–228.

Славинский В.С., Рыбин Е.П., Белоусова Н.Е. Вариативность среднепалеолитических и верхнепалеолитических технологий обработки камня на стоянке Кара-Бом, Горный Алтай (на основе применения метода ремонтажа) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. №1 (44). С. 39–50.

Славинский В.С., Рыбин Е.П., Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Хаценович А.М., Анойкин А.А. Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2017. №1. С. 221–244.

Славинский В.С. Индустрии ранневерхнепалеолитических уровней обитания стоянки Усть-Каракол (материалы раскопа 1986 г.) // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск, 2007. Т. 2. С. 197–214.

© 2017, Е.Н. Бочарова¹, Л.В. Зоткина^{1,2}

¹Новосибирский национальный исследовательский государственный университет;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ГРАФИТА С МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КАЗАЧКА-I

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК–1344.2017.6

Археологическая коллекция каменных артефактов с местонахождения Казачка-I превышает двадцать восемь тысяч единиц хранения. Это представительная коллекция орудий, отходов производства, нуклеусов и заготовок. Отдельную, и самую малочисленную, группу составляют шесть предметов из графита со следами обработки, которые представляют большой интерес, с точки зрения возможного проявления символической деятельности древнего населения Казачки или же зарождения особых приемов обработки с использованием графитов в каких-то иных хозяйственных целях. С целью установить функциональную принадлежность данных предметов было проведено трасологическое исследование, результатам которого и посвящена данная статья.

Местонахождение расположено в нижнем течении правого притока Енисея – р. Кан, в устьевом участке ее правого притока – р. Казачки Канского района Красноярского края. Культуросодержащие горизонты приурочены к отложениям 7–8-метровой первой надпойменной террасы. По географическому и геолого-морфологическому районированию Канской лесостепи данная местность относится к северо-западному подрайону Присаянского подгорного района и является контактной зоной Канско-Рыбинской котловины и Енисейского кряжа [Сергеев, 1962, с. 213].

Всего на местонахождении выявлено 20 культуросодержащих горизонтов в диапазоне от 11,5 до 1,5 тыс. л.н. [Савельев и др., 1984]. По палеомагнитным данным, датировка XIX горизонта ложится в интервал 11 004–11 080 л.н. [Бураков и др., 1996], дата по ¹⁴C – 10 800±520 л.н. (ЛЕ кость без номера) (не калиброванные).

Общая площадь вскрытия XIX горизонта – 180 м², общее количество находок в слое 30 499 предметов, из которых 27 046 фрагментов костей животных и 3 453 экз. каменных предметов. Находки в слое располагались скоплениями вокруг сильно размытых (или разветвленных) кострищ. Орудийный набор состоит из вкладышей, резцов, резчиков, скобелей, скребков; комбинированных орудий (скребки-ножи

и орудий, сочетающих в себе признаки нуклеусов и скребков), скребел, чоппера, отбойников. Орудия из кости представлены двухпазовым вкладышевым орудием иволистной формы; остриями из кости и рога, овальными в сечении; а также фрагментами костяных игл [Бочарова и др., 2013].

Основным сырьем для изготовления служили кремль, халцедон, диабаз, кварцит. В слое (как и на местонахождении в целом) зафиксировано лишь шесть находок из графита. Все предметы из одного субстрата с ярким металлическим блеском. Материал очень мягкий, подверженный истиранию. Все находки несут следы обработки. Первая представляет собой подчетырёхугольный в плане предмет, оформленный шлифовкой и сверлением: одно обломано на дистальном конце предмета, второе сквозное (рис. 1.-*c*), 3 фрагмента апплицируются в часть уплощенного изделия с округлыми краями (рис. 1.-*a*), еще два графита типологически диагностировать сложно (рис. 1.-*b, d*).

В задачи трасологического исследования входило определение:

- наличия/отсутствия свидетельств искусственной обработки материала;
- характера сверления и наличия/отсутствия признаков подвешивания предмета с отверстиями.

При проведении микроскопического анализа предмета с отверстиями было выявлено следующее:

1. На многих участках обнаружены линейные следы разной интенсивности, глубины и направленности. В некоторых случаях эти линии пересекаются. Часто они представлены желобками с двумя или несколькими бороздками. Следы представляют собой практически идеально прямые линии, без каких-либо искривлений, что часто характерно для случайных следов, образующихся в ходе тафономизации.

2. Анализ области желобка под целым просверленным отверстием показал, что на рассматриваемом участке (рис. 2.-*d*) присутствуют в небольшом количестве следы обработки в виде линейных царапин, характерных для всей остальной поверхности предмета. Но эти следы не фиксируются непосредственно в желобке, образующем понижение рельефа, – этот желобок имеет нерегулярные стенки, на нем не фиксируются линейных следов, что может указывать на то, что этот участок не подвергался специальной обработке, как может показаться в ходе общего морфологического описания предмета.

3. Характер сверления – биконический, что особенно хорошо видно на незавершенном отверстии, предположительно выполненным лучковым сверлением (рис. 2.-*a*). Нецелое отверстие было обломано в процессе сверления, разомкнутые края которого обнаруживают ярко выраженную сглаженность, однако специфических следов, указывающих на истирание, сглаживание поверхности вокруг отверстия, не обнаружено, что указывает на то, что предмет не использовался в качестве пуговицы и не подвешивался (рис. 2.-*a-b*). Учитывая тот факт, что материал довольно мягкий и податливый, следы такого износа должны быть на нем хорошо заметны.

4. В ходе трасологического изучения предмета были обнаружены фрагменты ярко-красного красителя, предположительно, охры. Некоторые из них фиксируются невооруженным глазом, некоторые требуют достаточно больших увеличений, чтобы их выявить (рис. 2.-*c*). Так, например, мельчайшие частички пигмента в обоих отверстиях. Они встречаются на участке вокруг и на стенках отверстий. Возможно, данный предмет использовался для получения или смешивания черного и красного пигментов. Также стоит отметить, что А.Г. Генералов [2001, с. 195] среди большого количества фрагментов кости описывает два эпифиза со следами охры. Однако можно предположить, что данные следы появились в процессе тафономизации и связаны, например, с окрашиванием оксидом железа, содержащимся в почве. На двух других фрагментах были обнаружены следы более крупных частиц почвы красноватого оттенка, однако при увеличении видно, что это более бурые частицы грунта, качественно отличающиеся от частиц, обнаруженных на предмете с отверстиями. Макроскопическое исследование других фрагментов показало, что форма изделия придавалась специально, путем шлифовки. Почти все фрагменты сочетают в себе ярко выраженные следы шлифовки на узлокаллизированных участках. Но при этом все выступающие области выглядят залощенными (рис. 3). В отличие от шлифованных частей сглаженные блестящие участки не имеют линейных следов и локализуются только на выступах. А следы шлифовки расположены на уплощенных частях, т.е. морфологически выраженных модифицированных поверхностях (рис. 3.-*a1-2*). Именно эти линейные следы и формируют общие очертания предметов в этих случаях. Также стоит отметить, что присутствие линейных следов и уплощенных участков на всех остальных фрагментах графита очень отличается от естественных, необработанных, зон. Эти следы сложно связывать с тафономизацией, так как они довольно локальные и присутствуют не на всей поверхности. На этих примерах хорошо видно, что необработанная поверхность гораздо менее регулярна и не подвергалась специальной

обработке (пришлифовке) (рис. 3.-*b*). Это позволяет сделать вывод о том, что предмет с отверстиями уникален с точки зрения технологии: его поверхность полностью была подвергнута обработке (зашлифована) с целью придания особой формы.

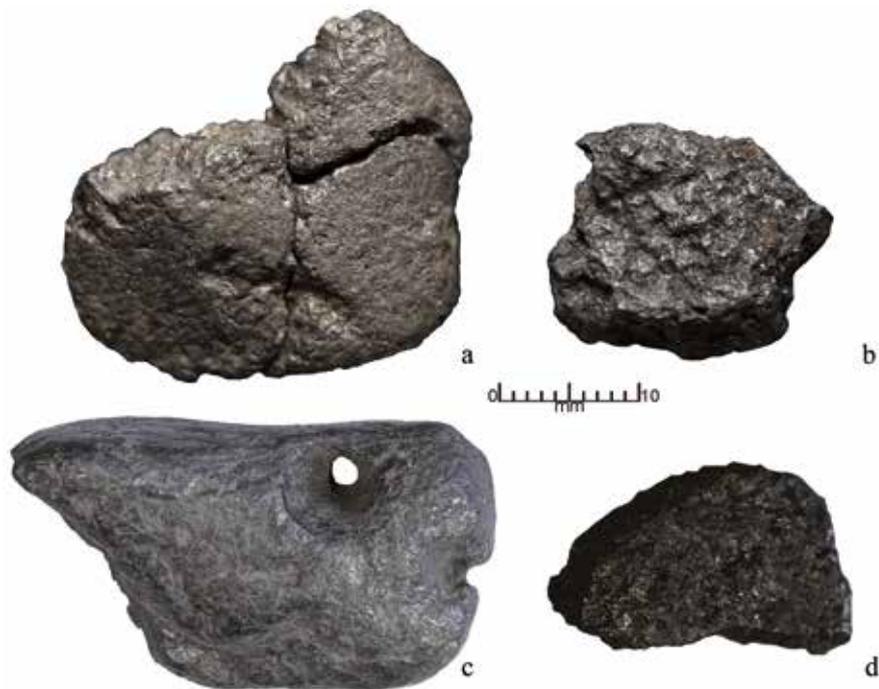

Рис. 1. Предметы из графита с местонахождения Казачка-I

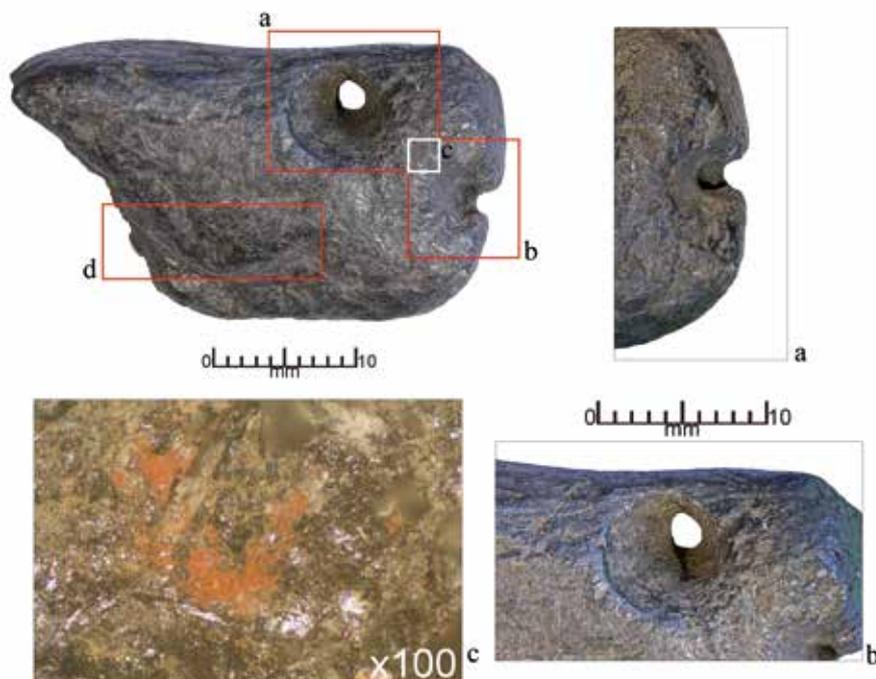

Рис. 2. Изделие из графита с отверстиями: *a, b* – макроснимки отверстий (фотографии обработаны в программе Helicon Focus); *c* – макроснимок отверстия (фото обработано в программе Helicon Focus); *d* – локализация естественного желобка

Таким образом, для пяти мелких фрагментов фиксируется шлифовка. И если в этих случаях сложно сказать, была такая обработка поверхности связана с использованием их в качестве красителей или с преднамеренным приданием формы фрагментам, то для изделия с двумя отверстиями можно говорить именно о намеренной модификации материала с целью изменения его морфологических характеристик.

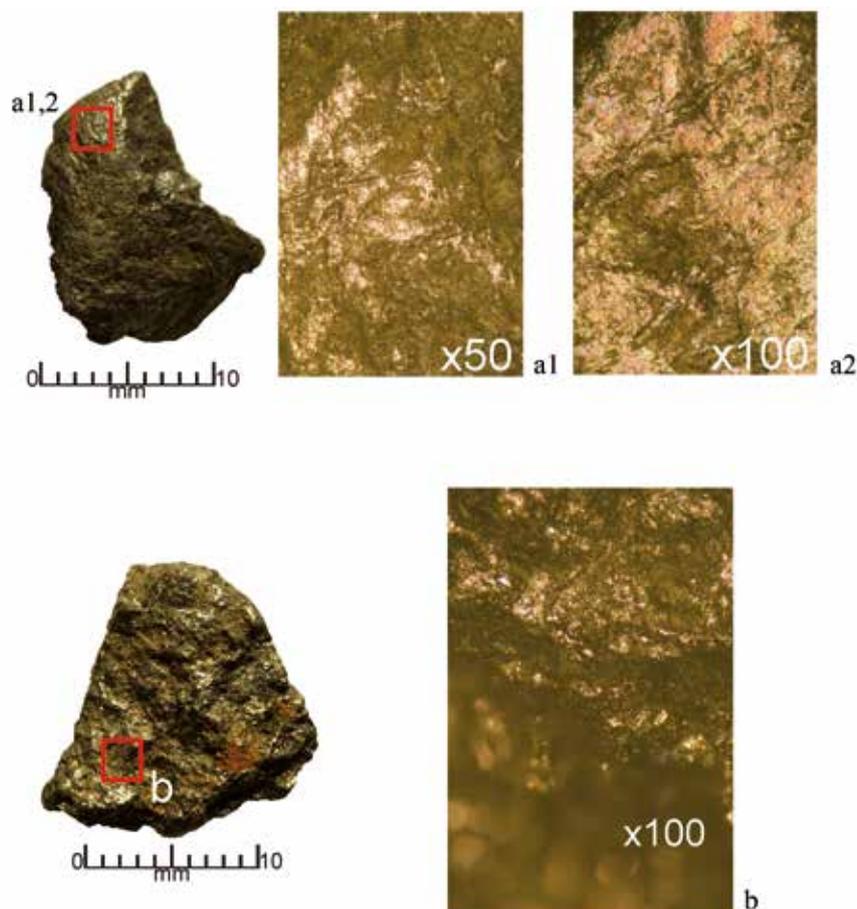

Рис. 3. Предмет из графита: *a 1, 2* – макроснимки линейных следов (фотографии обработаны в программе Helicon Focus); *b* – макроснимок естественной поверхности (фото обработано в программе Helicon Focus)

Подобных предметов, которые можно было бы отнести к категории мелкой пластики, на местонахождении и ближайших объектах обнаружено не было. Анализ археологической литературы также не дал результатов в поисках аналогий для соседних территорий (Прибайкалье, Средний Енисей). Однако интересные аналогии были найдены на нижнем и верхнем Витиме. В разные годы на местонахождениях Большой Якорь-I, Инвалидный-III, пункт 2; Коврижке-II и III, Усть-Каренга-XVI были обнаружены предметы из графитита, которые по описанию напоминают предметы с местонахождения Казачка-I [Инешин, Тетенькин, 2010]. Это четыре предмета со следами шлифовки с местонахождения Большой Якорь-I (3В, 4В и 6 к.г.). В трех случаях предметы непроизвольной формы, по мнению авторов раскопок, полученной в результате истирания кусков, и один фрагмент конической формы. Предмет из шестого горизонта грушевидной формы, с биконическим сквозным отверстием в верхней части, со следами истирания на большей части поверхности. Датировки горизонтов, в которых были зафиксированы предметы из графитита с Большого Якоря, укладываются в пределы 11,7–13 тыс. л.н. [Инешин, Тетенькин, 2006]. На местонахождении Коврижка-III найдены также предметы из графитита. Один предмет имеет форму кончика ножа, со следами шлифовки по всей поверхности. Еще четыре фрагмента представляют собой графитосодержащие сланцевые отдельности, на двух из которых отмечается заглаженная поверхность [Тетенькин, 2012]. Горизонт 2 датирован 10,4–11,0 тыс. л.н., и индустрия этого горизонта характеризуется как финальнопалеолитическая. В целом индустрия Коврижки-III близка к сумнагинской культуре, а также и к Казачкинскому раннеголоценовому археологическому комплексу, который находит широкие аналогии с сумнагинской культурой. Предметы из графитита с нижнего Витима авторами раскопок были отнесены к знаково-символической сфере деятельности [Инешин, Тетенькин, 2010] или рассматривались как красящие вещества [Инешин, Тетенькин, 2006]. Источник сырья авторами был установлен в 40–80 км к северу от расположения стоянки, в долине р. Тахтыга, что маркирует субмеридиальные маршруты доставки сырья [Инешин и др., 2014]. Перспективными, по нашему мнению, являются возможность поиска источника графита с местонахождения Казачка-I и попытка отследить древние маршруты доставки сырья на территорию объекта.

На основе полученных данных мы можем сделать вывод, что предмет с биконическими отверстиями не использовался в качестве подвески или пуговицы. Однако выявленные многочисленные линейные следы, царапины, которые фиксируются невооруженным глазом, могут указать на иные функции данного предмета. Можно предположить, что существовала определенная практика обработки графита, шлифования и лучкового сверления. Стоит отметить, что серийные шлифованные орудия появляются лишь в XIII–XII горизонтах Казачки-I (9,2–9,1 тыс. л.н.). Во всех остальных случаях сложно отделить преднамеренную обработку фрагмента с целью придания формы от использования графитов в качестве красителя, так как модификации были подвергнуты лишь отдельные участки.

Библиографический список

Бочарова Е.Н., Савельев Н.А., Тимошенко А.А. Комплекс раннего голоцена местонахождения Казачка-I в Канско-Рыбинской котловине // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Чита, 2013. Ч. 1. С. 24–29.

Бураков К.С., Начасова И.Е., Генералов А.Г. Запись вариаций геомагнитного поля в химической намагниченности осадочных пород археологического памятника «Казачка» // Палеомагнетизм и магнетизм горных пород. М.: ОИФЗ РАН, 1996. С. 15–18.

Генералов А.Г. Поздний палеолит – ранний мезолит Канско-Енисейского региона: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2001. 418 с.

Инешин Е.М., Демонтерова Е.И., Иванов А.В., Тетенькин А.В. К вопросу о мобильности древнего населения севера Байкальской Сибири в конце плейстоцена // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2014. №1. С. 165–178.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Каменный и костяной инвентарь культурных горизонтов археологического местонахождения Большой Якорь-I: сюжеты морфологической и функциональной характеристики // Известия лаборатории древних технологий. 2006. №1 (4). С. 120–158.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь-I. Новосибирск, 2010. 270 с.

Савельев Н.А., Генералов А.Г., Абдулов Т.А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка как основа для периодизации Канско-Рыбинской котловины // Проблема исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее). Красноярск, 1984. С. 136–142.

Сергеев Г.М. Физико-географическое районирование Канской лесостепи // Известия Красноярского отдела ВГО. 1962. Вып. 2. С. 213.

Тетенькин А.В. Исследования местонахождения Коврижка-III на нижнем Витиме в 2012 году // Евразия в кайнозой. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2012. №1. С. 219–225.

© 2017, Л.В. Голованова, В.Б. Дороничев

АНО «Лаборатория доистории», Санкт-Петербург

МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРНЫХ НОВАЦИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ КАВКАЗА

*Статья посвящается 90-летию со дня рождения
Пшимафа Улагаевича Аутлева (1927–1991)*

Результаты комплексных исследований, полученные в последние 20–30 лет, заставляют переосмыслить механизмы культурных новаций в палеолите Кавказа. Самым важным изменением в понимании этих процессов стал отход от парадигмы однонаправленного эволюционного процесса и предметности к парадигме многофакторного влияния на культурные процессы. Важным результатом междисциплинарного изучения многослойных стратифицированных памятников стало понимание значения **палеогеографических циклов**, которые оказывали существенное влияние на динамику заселения людьми разных регионов Кавказа, миграции и перезаселения. Влияние стадиалов в разные периоды палеолита выражалось прежде всего в сокращении и смещении экологических ниш, пригодных для обитания людей. Расширение ареалов обитания синхронизируется с интерстадиалами, когда палеогеографические условия становились более благоприятными.

Древнейшие на Кавказе олдованские индустрии в Дманиси (1.85 млн. л.н.) существовали в условиях саванны. Хиатус более миллиона лет отделяет эпизод Дманиси от индустрий раннего палеолита, которые

зафиксированы в нижних слоях Треугольной пещеры на Северном Кавказе. Они соответствуют кислородно-изотопной стадии 15–13 (ок. 600–500 тыс. л.н.), когда в этом регионе реконструируется теплый, сухой, субтропический климат (рис. 1А). Эти индустрии существуют до конца кислородно-изотопной стадии 11 (ок. 350 тыс. л.н.), на которую приходится самое теплое межледниковье за последние 800 тыс. лет. Ашельские комплексы появляются на Кавказе достаточно поздно [Doronichev, 2011]. Ашело-кудариен в Кударо-1 синхронизируется преимущественно с теплой кислородно-изотопной стадией 9 (330–300 тыс. л.н.). Концом этой стадии датируется и поздний ашель на Малом Кавказе (стоянка Нор Гехи-1). Поздний (Кударо-3, слои 5–8а; Цона, слои 6, 6b) и финальный (Азых, слой III и Даштадем-3) ашель распространен в период теплой кислородно-изотопной стадии 7 (240–190 тыс. л.н.). На Северном Кавказе поздний и финальный ашель синхронизируется с концом кислородно-изотопной стадии 7 (рис. 1.-Б).

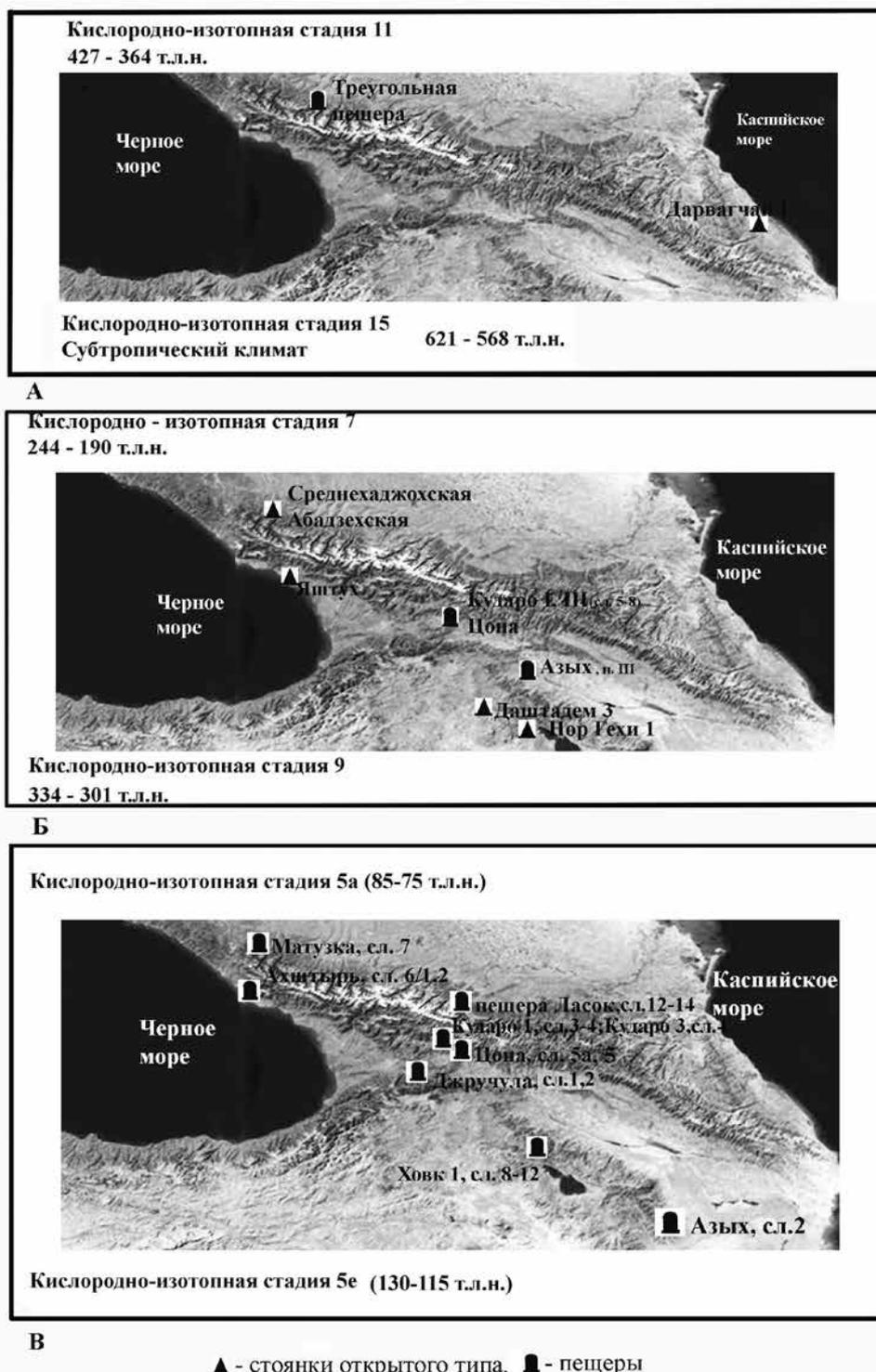

Рис. 1. Стратифицированные памятники раннего палеолита и начала среднего палеолита Кавказа

Холодная кислородно-изотопная стадия 6 (190–130 тыс. л.н.) является рубежом между эпохами раннего и среднего палеолита на Кавказе [Golovanova, Dogonichev, 2017]. С межледниковой кислородно-изотопной стадией 5е (130–115 тыс. л.н.), когда отмечается последний максимум распространения экзотичной палеофлоры, связано появление леваллуа-мустье-ских индустрий (рис. 1.-В), для которых отмечается сходство с мустье Табун-Д Юго-Западной Азии, на Южном (Джрочула, слой 2; Цона, слой 5) и Северном (пещера Ласок, слой 14) Кавказе, индустрий с листовидными бифасами (Ахштырь, слой 6/2; Цона, слой 5а) и ранних среднепалеолитических комплексов (Матузка, слой 7). В период климатических осцилляций кислородно-изотопной стадии 5 (115–75 тыс. л.н.) преимущественно распространяются леваллуазские индустрии, за исключением Северо-Западного Кавказа, где в слое 5В Матузки и слое 2 стоянки Средний Хаджох обнаружены нелеваллуазские индустрии с листовидными бифасами. На Северо-Западном Кавказе в финале кислородно-изотопной стадии 5 – начале кислородно-изотопной стадии 4 появляется индустрия восточного микока, имеющая аналогии в Восточной и Центральной Европе.

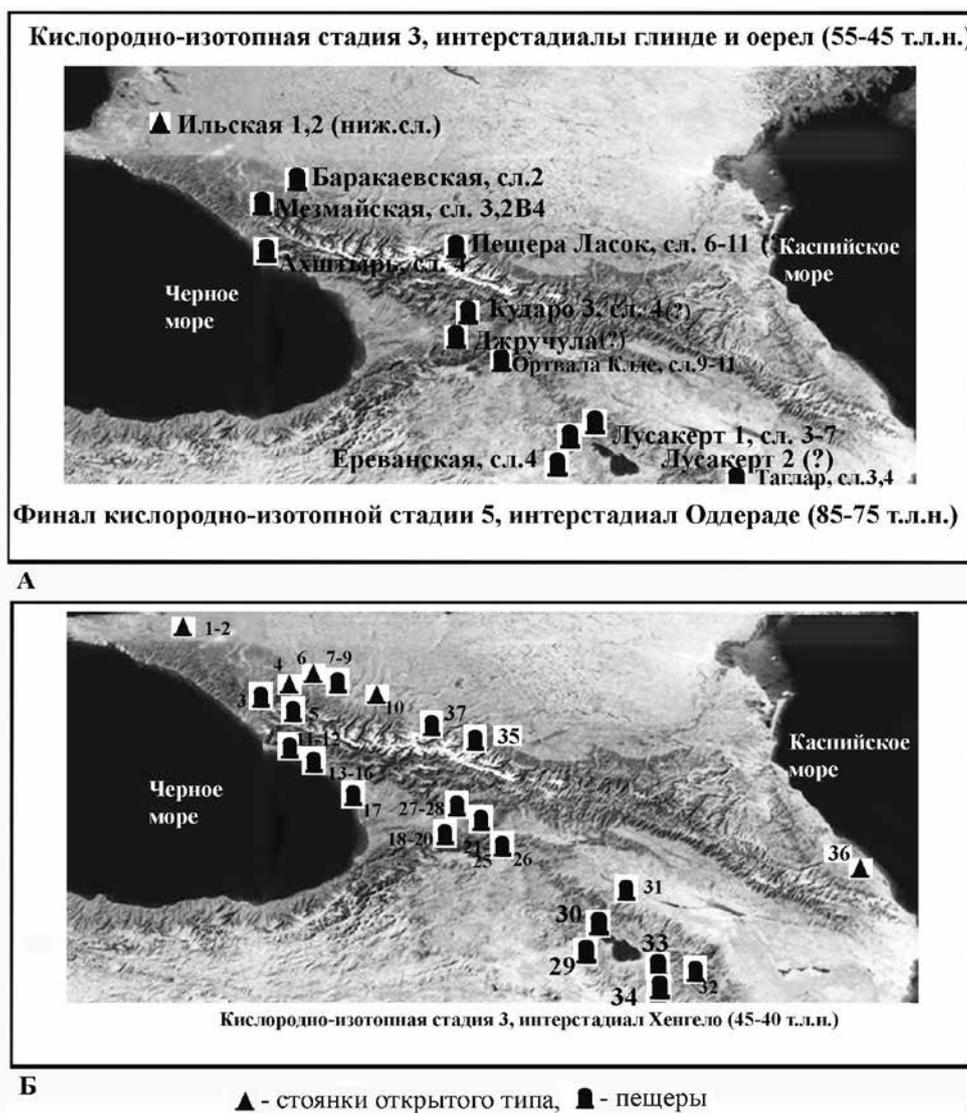

Рис. 2. Стратифицированные стоянки среднего палеолита Кавказа:
Б. 1–2 – Ильская-1, 2, верхние слои; 3 – Матузка – слои 3, 4; 4 – Хаджох-2, верхние слои; 5 – Мезмайская, слой 2, 2А; 6 – Бесленевская, слои 3, 4; 7–9 – Монашеская, слои 2–3, Губский 1, слои 5–7, Аутлевская; 10 – Баранаха-4, слой 2; 11–12 – М. Воронцовская, Навалишенская; 13–16 – Хостинская-1, 2, Ахштырь, слой 3; Кепшинская; 17 – Мачагуа; 18–20 – Чахати, Сакажиа, Ортвала; 21–25 – Бронзовая, Бизоновая, Верхняя, Медвежья, Двойной грот; 26 – Ортвала Клде, слои 6, 7; 27–28 – Кударо-3, слой 3, Кударо-1, слой 3 (?); 29 – Ереванская, слои 2, 3; 30 – Лусакерт-1, слои 1, 2; 31 – Дашсалахлы, Дамджилы; 32 – Таглар, слой 2; 33 – Зар; 34 – Газма; 35 – пещера Ласок, слои 4, 5; 36 – Тинит; 37 – Сарадж-Чуко

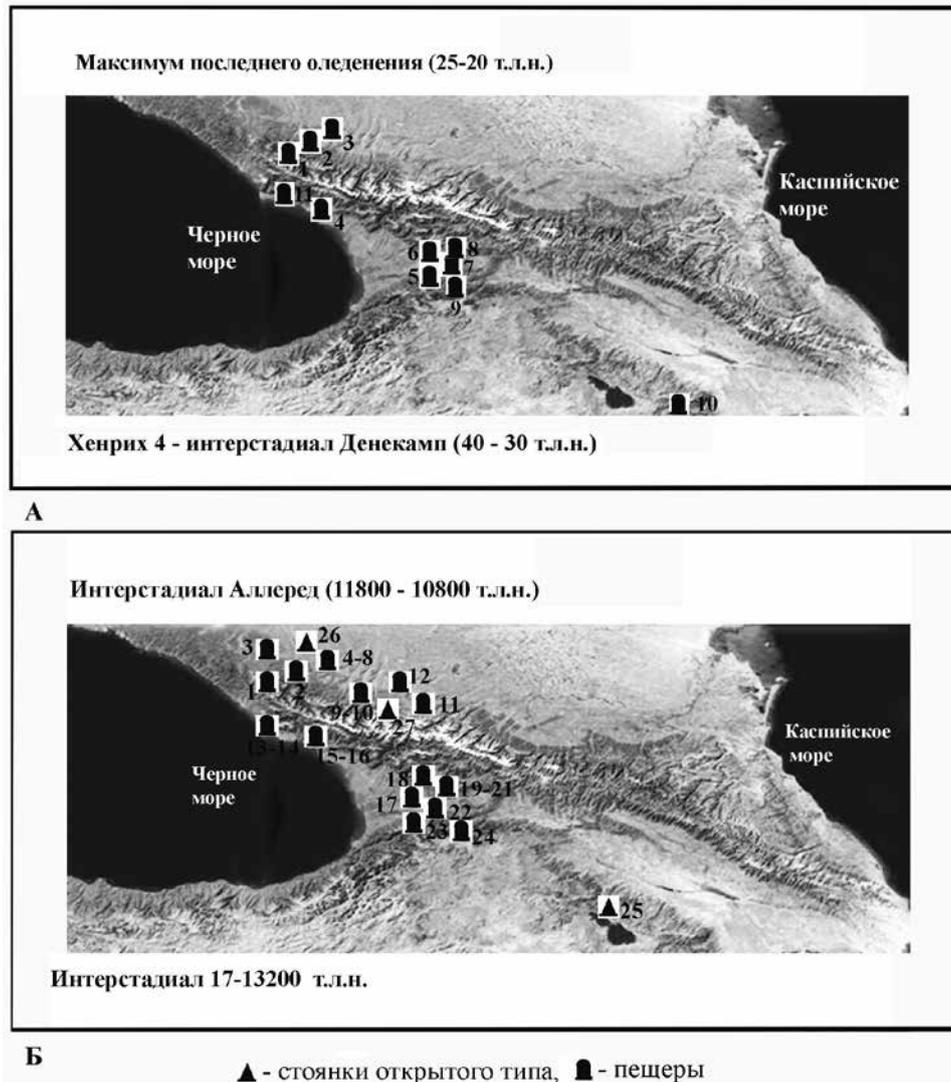

Рис. 3. Стратифицированные стоянки верхнего палеолита и эпипалеолита Кавказа:

- А. 1 – Мезмайская, слои 1С–1А; 2 – Короткая; 3 – Губский-1, ниж. в. п. сл.; 4 – Апианча, гор. 7; 5 – Бонди, слои IV, V; 6 – Ортвала Клде, слои 4с, 4д; 7 – Дзудзуана, слои D, С; 8 – Самерцхле Клде; 9 – Сацурблия, слои В/II, III; 10 – Агиту, гор. VB, VI; 11 – Ахштърь, слои 2/2, 3, 3/1.
- Б. 1 – Мезмайская, слои 1–3; 2 – Даховская-2; 3 – Короткая 2; 4–8 – Губский-1, верх. в. п. сл.; Касожская, гор. 3–5; Сатанай, гор. 3, 4, Двойная, Чигай; 9–10 – Баранаха 4, слой 1А, Баранаха-1; 11 – Сосруко; 12 – Бадыноко, гор. 5; 13–14 – Ахштърь, слой 2/1, М. Воронцовская, слой 1; 15–16 – Апианча, гор. 4, 5, Окуми-1; 17 – Дзудзуана, слой В; 18 – Сакажиа, слой 4; 19–21 – Гварджилас Клде, Мгвимеви, Чахати; 22 – Сацурблия, слои А/II, а, b; 23 – Бонди, слой 3; 24 – Девис-Хврели; 25 – Калаван-1; 26 – Бесленевская, слой 2В; 27 – Явора

Современный уровень знаний о палеогеографических условиях в эпоху среднего палеолита позволяет говорить о наличии как минимум трех периодах экологического стресса, соответствующих максимуму холодной кислородно-изотопной стадии 4, стадиям Хенрих 6 и Хенрих 5 [Golovanova, 2015]. На ряде многослойных памятников (рис. 2.-А, Б) выявлены изменения в индустриях, которые происходят после этих климатических стрессов: фиксируется появление новаций в технологии (восточный микок) или смена культур (цхинвальское мустье в Южной Осетии, загросское мустье на Малом Кавказе).

Важнейшим этапом в позднелейстоценовой истории Кавказа стало похолодание Хенрих 4 (40–38,5 тыс. л.н.). Этот период коррелируется со временем активного вулканизма [Golovanova et al., 2010]. В Мезмайской пещере представлены отложения вулканического пепла от извержения вулкана Казбек на Центральном Кавказе. Исследования предполагают синхронность извержения С1 в Италии с извержением вулкана Казбек и исчезновением неандертальцев в Европе и Кавказском регионе. После похолодания Хенрих 4 на Кавказе появляются стоянки раннего верхнего палеолита, которые ассоциируются

с *Homo sapiens* [Tushabramishvili et al., 2012] и демонстрируют полностью сформировавшиеся культурные традиции и высокоразвитые каменные индустрии (рис. 3.-А) с преобладанием микропластинчатого компонента [Adler et al., 2008]. Направление миграции носителей индустрий раннего верхнего палеолита с Ближнего Востока на Южный и Северный Кавказ хорошо подтверждается сходством раннего верхнего палеолита Кавказа с Ахмариеном Леванта [Bar-Yosef et al., 2011; Golovanova, Doronichev, 2012], а также данными, которые получены при изучении транспортировки обсидиана и результатами палеогенетических анализов, указывающими на общее происхождение кавказской и ближневосточной популяций верхнего палеолита [Jones et al., 2015].

Воздействие глобального экологического кризиса времени *максимума последнего оледенения* (ок. 25–20 тыс. л.н.) отмечается во многих регионах Евразии. На Кавказе он был связан с перестройкой экосистем в результате масштабного роста ледников. После максимума последнего оледенения распространяются эпипалеолитические индустрии (рис. 3.-Б), характерной особенностью которых является раннее появление геометрических микролитов [Golovanova et al., 2014]. В настоящее время все они объединяются под общим названием имеретинской культуры, хотя увеличение количества изученных памятников, безусловно, должно привести к появлению локальных различий. Связи Северо-Западного Кавказа с Центральным и Южным Кавказом в этот период подтверждает анализ поступления обсидиана. Развитие культуры в эпипалеолите Кавказа не было непрерывным. Финальный период эпипалеолитических культур на Кавказе (13–12 тыс. л.н.) характеризуется холодными условиями, слабой облесенностью территории. Этот период климатического стресса коррелируется с *Молодым дриасом*. На некоторых памятниках появляются новации в индустриях, которые находят аналогии в позднем мадлене Европы. Это, вероятно, связано со **смещением культурных ареалов** перед надвигающимся похолоданием Молодого дриаса.

Появление культурных новаций в определенные этапы палеолита Кавказа связано с **контактными зонами**. Соседство на Западном Кавказе в среднем палеолите восточного микока с леваллуазскими индустриями хостиниена [Голованова, Дороничев, 2005], подтверждающееся наличием сырьевых связей, способствовало появлению новаций в позднем микоке.

Кавказ – горная страна, где на протяжении эпохи палеолита реконструируются различные экологические ниши, которые оказывались под **влиянием соседних регионов**. Пограничное положение Кавказа между Восточной Европой и Западной Азией имело большое значение во все периоды палеолита. Например, в среднем палеолите Восточный, особенно Юго-Восточный, Кавказ характеризуется распространением загросского мустье, Юго-Западный Кавказ испытывал большое влияние Леванта, а на Северо-Западном Кавказе распространялся восточный микок, имеющий аналогии в среднепалеолитических индустриях Восточной и Центральной Европы. В эпипалеолите Кавказа существовал пласт индустрий на Южном и Северном Кавказе, которые можно рассматривать как своеобразное культурное явление, выделяемое как имеретинская культура. Эти индустрии отличаются высокоразвитой микропластинчатая технология расщепления; типы острий на пластинках, характерные для граветта и эпиграветта Европы; геометрические микролиты, развитые в эпипалеолите Ближнего Востока. Характерной формой этих индустрий является имеретинское острие с боковой выемкой. Это культурное своеобразие формируется как под влиянием соседних регионов, так и благодаря появлению региональных новаций. Таким образом, рассмотренные нами данные говорят о том, что сложная мозаичная картина культурных ареалов в разные эпохи палеолита на Кавказе формировалась под влиянием многих факторов как естественного, природного, так и социального генезиса.

Библиографический список

- Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Краснодар, 2005. №5. С. 3–72.
- Adler D.S., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Tushabramishvili N., Boaretto E., Mercier N., Valladas H., Rink W.J. Dating the Demise: Neanderthal Extinction and the Establishment of Modern Humans in the Southern Caucasus // *Journal of Human Evolution*. 2008. №55. P. 817–833.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Mesheviliani T., Jakeli N., Bar-Oz G., Boaretto B., Goldberg P., Eliso Kvavadze E., Matskevich Z. Dzudzuana: an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // *Antiquity*. 2011. №85. P. 331–349.
- Doronichev V.B. Le Paleolithique ancien de l'Europe orientale et du Caucase // *L'Anthropologie*. 2011. №15(2). P. 197–246.

Golovanova L.V. Neandertales des Caucase du Nord: entre ouest et est. // *L'Anthropologie* (Paris). 2015. №119. P. 254–301.

Golovanova L.V., Doronichev V.B. EUP of the Caucasus: In context of Western Euro-Asian sources // *The Aurignacian of Yafteh cave and its context (2005–2008 excavations)*. Liège, ERAUL, 2012. №132. P. 137–160.

Golovanova L.V. and Doronichev V.B. Dynamics of transformation of the industries on a boundary of Lower and Middle Palaeolithic Northwest Caucasus // *Quaternary International*. 2017. №428. P. 26–48.

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N.E., Kulkova M.A., Sapelko T.V., Shackley M.S. Significance of ecological factors in the Middle to Upper Paleolithic transition // *Current Anthropology*. 2010. №51(5). P. 655–691.

Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N.E., Sapelko T.V., Kulkova M.A., and Spasovskiy Yu.N. The Epipaleolithic of the Caucasus after the Last Glacial Maximum // *Quaternary International*. 2014. №337. P. 189–224.

Jones E.R., Gonzalez-Fortes G., Connell S., Siska V., Eriksson A., Martiniano R., McLaughlin R.L., Llorente M.G., Cassidy L.M., Gamba C., Meshveliani T., Bar-Yosef O., Muller W., Belfer-Cohen A., Matskevich Z., Jakeli N., Higham T.F.G., Currat M., Lordkipanidze D., Hofreiter M., Manica A., Pinhasi R., Bradley D.G. Upper Palaeolithic genomes reveal deep roots of modern Eurasians // *Nature Communications*. 2015. №6. P. 8912.

Tushabramishvili N., Pleurdeau D., Moncel M.-H., Agapishvili T., Vekua A., Bukhsianidze M., Mauraille B., Muskhelishvili A., Mshvildadze M., Kapanadze N., Lordkipanidze D. Human remains from a new Upper Pleistocene sequence in Bondi Cave (Western Georgia) // *Journal of Human Evolution*. 2012. №62. P. 179–185.

© 2017, **Е.В. Дороничева¹, Л.В. Голованова¹, В.Б. Дороничев¹, А.Г. Недомолкин², М.А. Кулькова³, М.С. Шекли⁴, А.А. Мурысь⁵, С.А. Несмеянов⁵, О.А. Воейкова⁵, А.С. Корзинова⁶**

¹АНО «Лаборатория доистории», Санкт-Петербург;

²Национальный музей Республики Адыгея, Майкоп;

³Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург;

⁴Университет Калифорнии, Беркли, США;

⁵Институт геоэкологии им. Е.М. Сергеева РАН, Москва;

⁶Филиал Института физики Земли РАН «Геофизическая обсерватория “Борок”», Борок

ГРОТ САРАДЖ-ЧУКО – ПЕРВЫЙ СТРАТИФИЦИРОВАННЫЙ ПАМЯТНИК СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ПРИЭЛЬБРУСЬЕ (предварительные данные)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №17-78-20082, «Взаимодействие человека и природы в древности на Центральном Кавказе: динамика изменения природной среды и технологические новации, адаптации систем жизнеобеспечения»)

История изучения региона. Сведения о палеолите Центрального Кавказа весьма ограничены, несмотря на то, что в Кабардино-Балкарии известны выходы обсидианового сырья, изделия из которого поступали в соседние регионы. В Мезмайской пещере на Северо-Западном Кавказе, расположенной на расстоянии ~250 км на запад, в мустьерских слоях выделены изделия из обсидиана, который происходит из источников у с. Заюково в Кабардино-Балкарии [Doronicheva, Shackley, 2014]. Поступление сырья указывает на существование связей населения Северо-Западного и Центрального Кавказа, но характер этих связей еще предстоит выяснить. В верхнем палеолите обсидиан из месторождения у с. Заюково поступал на ряд стоянок Северо-Западного (Мезмайская пещера, навес Сатанай, Касожская пещера) и Южного (пещера Бонди) Кавказа.

Неоднократно предпринимались попытки поиска стоянок палеолита в этом регионе. В 1950-е гг. С.Н. Замятнин осмотрел и прошурфовал десятки гротов и пещер, но только три стоянки, датированные

в то время мезолитом и верхним палеолитом, были открыты в навесах Сосруко, Алебастровый Завод (долина р. Баксан) и в гроте Кала-Тюбю (долина р. Чегем), в бассейне р. Терек [Замятнин, Акритас, 1957а–б; Чеченов, 2012]. В 1976 г. В.П. Любин [Любин, Беляева, 2001] в долине р. Баксан у с. Заюково обнаружил несколько пунктов предположительно мустьерских материалов. Через 30 лет в этом же районе у с. Жанхотеко был изучен навес Бадыноко, исследования которого показали наличие стоянки конца палеолита [Деревянко и др., 2005; Зенин, Орлова, 2006; Селецкий и др., 2017].

Важным открытием стало обнаружение в 1981 г. Н.И. Гиджрати в ущелье р. Гизельдон (бассейн Терека) в Северной Осетии пещеры Ласок (Мыштулагты лагат) [Гиджрати, 1987], которая расположена на границе с Северо-Восточным Кавказом. На сегодняшний день здесь изучены отложения мощностью около 33 м и выделено 36 литологических и 40 археологических слоев, датированных от раннего палеолита до средневековья [Hidjratı, Kimball, Koetje, 2003]. Слои 4b-7 содержат типично мустьерские, непластинчатые, нелеваллуазские индустрии. Слой 5 датирован тремя радиоуглеродными датами ок. 39–41 тыс. л.н. (калиброванный возраст). Для слоя 7 получена AMS дата ок. 49 тыс. л.н. (калиброванный возраст). В слоях 12–14 представлены леваллуазские, пластинчатые индустрии, которые находят аналогии в индустриях загросского мустье на Малом Кавказе [Голованова, Дороничев, 2005; Golovanova, 2015]. Наряду с леваллуазскими ретушированными остроконечниками и угловатыми скреблами, в слоях 12–14 отмечено присутствие орудий с площадочными утоньшениями, конвергентных орудий на узких длинных сколах, узких и массивных брусковидных двойных скребел, ножей с ретушированными обушками на крупных пластинах. Нижние слои 15–25 содержат немногочисленные артефакты. Только для слоя 18 имеется $Ar^{39}Ar^{40}$ дата ок. 200 тыс. л.н.

В одной из своих работ В.П. Любин и Е.В. Беляева [2009] высказали предположение, что малочисленность стоянок палеолита в этом районе связана с почти полным отсутствием здесь кремневого сырья. Однако их предположение не подтвердилось. В 2016 г. мы начали целенаправленные поиски месторождений кремня в долине р. Баксан. В результате были установлены коренные выходы и несколько аллювиальных россыпей кремня серого, розового и черного цвета. Кремь обнаруженных нами коренных месторождений залегает в известняках юрского и мелового возраста. Так, в долинах р. Ханна-Хаку и Штаучукуа (правые притоки Баксана) найдены выходы светло-серого кремня, а в долине р. Баксан ок. с. Бедык – темно-серого – черного кремня. Выходы кремня черного цвета открыты также в долине р. Чегем, а в долине р. Каменка – аллювиальные россыпи розового кремня разных оттенков.

Целенаправленный поиск палеолитических стоянок привел к открытию в 2016 г. первой в Приэльбрусье на Центральном Кавказе стратифицированной стоянки среднего палеолита в гроте Сарадж-Чуко [Doronicheva et al., 2017].

Грот Сарадж-Чуко расположен на территории Республики Кабардино-Балкария в 20 км к северо-западу от Нальчика и в 4 км южнее Заюково, в долине р. Фандуко (бассейн Терека). Координаты грота, взятые GPS-навигатором Garmin, следующие: 43°34'13.2" N, 43°21'30.5" E. (рис. 1.-А). Грот ориентирован на юго-восток (рис. 1.-В) и имеет площадь более 300 м².

Проведенные исследования показали, что ущелье р. Фандуко прорезано в липаритовых лавах, туфах и аллювиальных галечниках апшеронского яруса эоплейстоцена (Q_E), которые ниже по течению реки сменяются выходами олигоценых карбонатных глин и мергелей (Pg_3^1ch , хадумский горизонт). Грот располагается в глубоком (до 200 м) террасированном ущелье, на относительной высоте около 35 м. Район стоянки находится в зоне сочленения новейшего мегасвода Большого Кавказа с Терским прогибом. Поэтому террасовые уровни здесь могут быть тектонически деформированы. Соответственно, геоморфологическое положение грота требует детальных исследований с учетом неотектонических процессов [Геологическая карта, 1959].

Грот Сарадж-Чуко расположен в массиве вулканитов кислого состава, ранее датированных плиоценом (5 млн. лет). Вулканиты представлены в основном туфами, которые залегают в форме лавовых потоков и куполообразных структур. Эти экструзивные купола (экструзии) – магматические по происхождению тела, образованные вязкой лавой при выжимания ее через жерло. Грот располагается в одной из куполообразных структур и имеет свод куполообразной формы. В восточной части имеется участок, на котором расположены глыбы, что свидетельствует о частичном обрушении свода. Отложения грота представлены преимущественно коричневыми суглинками.

В 2016 г. отрядом под руководством Е.В. Дороничевой на памятнике был заложен разведочный шурф (1×1,5 м), позволивший обнаружить каменные артефакты мустьерского облика (24 экз.) и фрагменты костей плейстоценовой сохранности в слое 6. Кроме двух орудий из светло-серого кремня, все изделия

сделаны из обсидиана. Коллекция каменных изделий включала один нуклеус, 16 сколов, на 8 из которых изготовлены орудия, 5 обломков и две чешуйки. Среди орудий представлены продольные скребла (3 экз.), мустьерские остроконечники (2 экз.) и фрагменты (3 экз.) (рис. 2) [Doronicheva et al., 2017].

Комплексные исследования в гроте Сарадж-Чуко начались в 2017 г. Небольшой раскоп (ок. 8 м²) был прирезан к шурфу 2016 г. Раскопки проводились с использованием электронного тахеометра для фиксации находок и полной промывкой отложений. В верхних слоях 2–5 были встречены отдельные артефакты из обсидиана и кремня. Наибольший интерес представляет слой 6. В верхней части слоя 6 (слой 6А) находки немногочисленны. Самое интенсивное обитание древнего человека на стоянке связано со слоем 6В, заполнитель которого – суглинок темно-коричневого цвета мощностью 30–40 см.

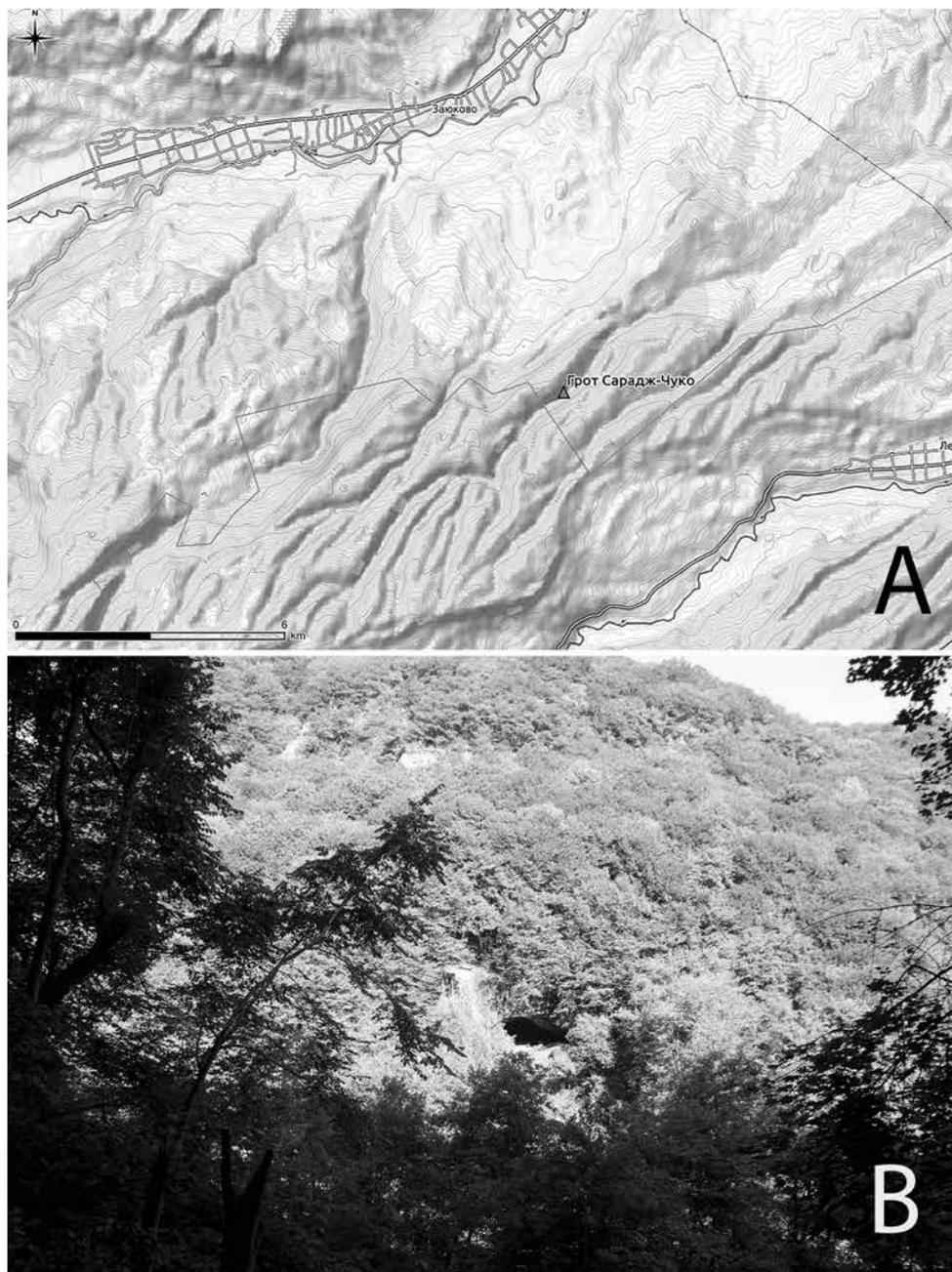

Рис. 1. *А* – карта с указанием расположения грота Сарадж-Чуко;
В – вид на грот Сарадж-Чуко с юга, с противоположного борта ущелья

В слое 6В в 2017 г. было зафиксировано 350 артефактов (без учета промывки). Сохранность всех изделий хорошая, из них 97% изделий сделано из обсидиана. Как показали геохимические анализы, обсидиан происходит из источников около с. Заяково (6–7 км от грота). Только 2% артефактов сделано из кремня серого и розового цвета. Предварительно можно высказать предположение о его местном происхождении, но петрографические анализы кремневого сырья пока не закончены.

Основную часть каменной индустрии слоя 6В составляют сколы (56%). Среди 195 сколов выделены сколы с коркой (34%): первичные, полупервичные и с участками корки. Пластинчатые отщепы и пластины преобладают – ~49%. Нуклеусы немногочисленны (3%), но наличие большого количества сколов с коркой и осколков (9%) указывает, что в пещере активно производилось расщепление каменного сырья. Ретушированные орудия составляют 7% от всей коллекции. Многочисленные чешуйки (25%) свидетельствуют, что на стоянке производились изготовление, подправка и переоформление орудий. Среди орудий выделены скребла (продольные, диагональные, угловатые), конвергентные формы, включая мустьерские остроконечники. Некоторые орудия имеют утоньшения с вентральной поверхности.

Технико-типологические характеристики индустрии позволяют охарактеризовать ее как леваллу-пластинчатое мустье. Пластинчатый характер каменной индустрии отличает мустье Центрального Кавказа от индустрии восточного микока, распространенной на Северо-Западном Кавказе (бассейн Кубани), и находит аналогии в мустьерских комплексах, известных на Северо-Восточном и Южном Кавказе. Однако только дальнейшее изучение стратифицированных памятников (грот Сарадж-Чуко и пещера Ласок) позволит определить хронологию и культурные особенности среднего палеолита Центрального Кавказа, изучить миграции и взаимодействие неандертальского населения соседних регионов на Кавказе.

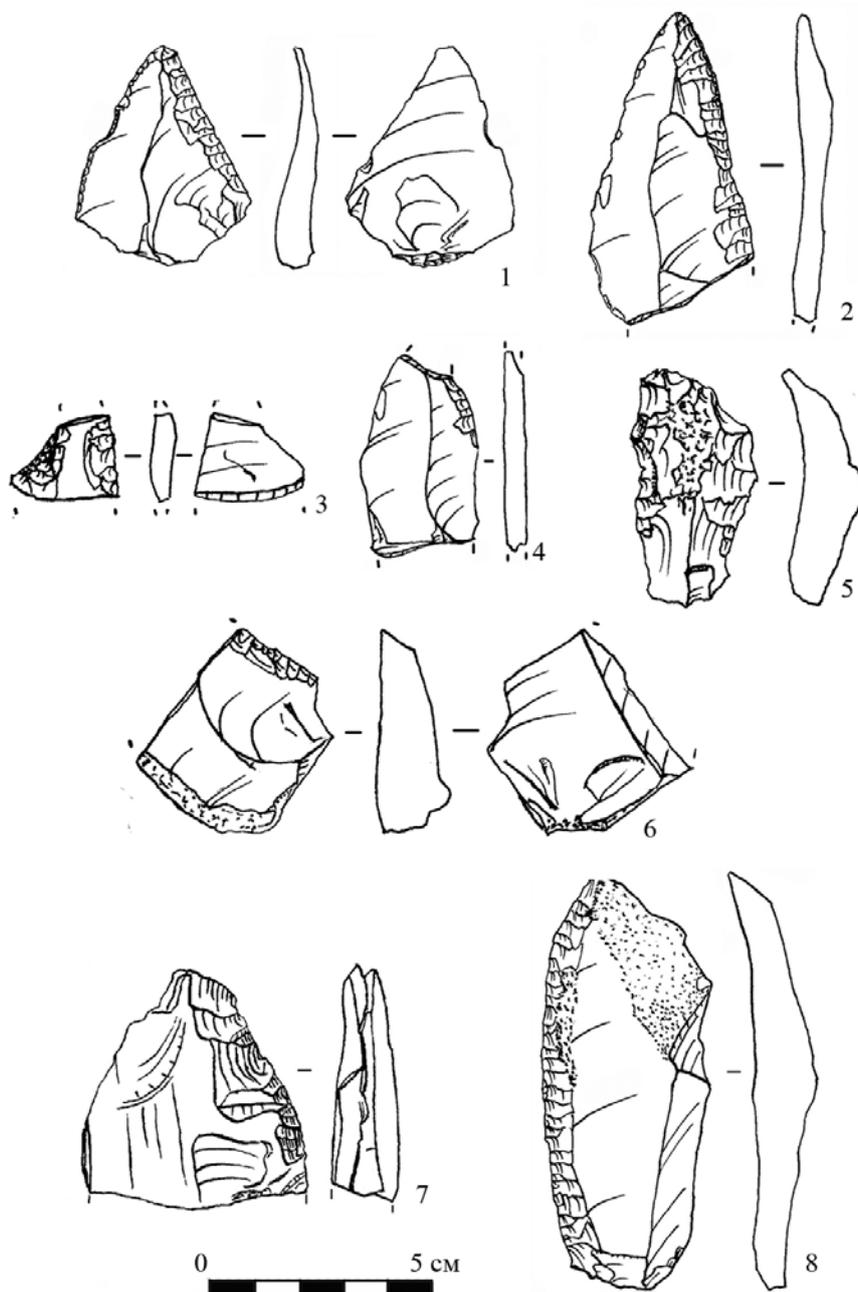

Рис. 2. Орудия из слоя 6 грота Сарадж-Чуко (2016 г.)

Библиографический список

- Геологическая карта: К-38-II. Геологическая карта СССР. Сер.: Кавказская, масштаб: 1:200000 / под ред. В.Н. Робинсона. Северо-Кавказское геологическое управление, 1959.
- Гиджрати Н.И. К проблеме интерпретации нижнепалеолитических отложений пещеры Ласок (Мыштулагты лагат) в Северной Осетии // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе, 1987. С. 141–154.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2005. Вып. 5, №5. С. 3–72.
- Деревянко А.П., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбин Е.П. Многослойное местонахождение каменного века в Кабардино-Балкарии // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: мат. Междунар. конф. Ростов-на-Дону, 2005. С. 24–26.
- Замятнин С.Н., Акритас П.Г. Исследование по каменному веку в 1954–1955 гг. // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1957а. Т. XIII. С. 471–475.
- Замятнин С.Н., Акритас П.Г. Раскопки грота Сосруко в 1955 году // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1957б. Т. XIII. С. 431–455.
- Зенин В.Н., Орлова Л.А. Каменный век Баксанского ущелья: (хронологический аспект) // XXIV Крупновские чтения. Нальчик, 2006. С. 54–57.
- Любин В.П., Беляева Е.В. Среднепалеолитические памятники Ингушетии и проблема миграций палеолитических людей в центральной части Большого Кавказа // *Stratum Plus*. 2001. №1. С. 322–337.
- Любин В.П., Беляева Е.В. Сырьевая база каменных индустрий Кавказа в раннем и среднем палеолите // С.Н. Бибииков и первобытная археология. СПб., 2009. С. 59–86.
- Селецкий М.В., Шнайдер С.В., Зенин В.Н., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Алишер кызы С. Эпипалеолитические комплексы навеса Бадыноко (Приэльбрусье) // Вестник Томского государственного университета. 2017. №418. С. 147–162.
- Чеченов И.М. Краткий очерк первобытной археологии Северо-Западного и Центрального Кавказа (каменный век и энеолит) // Археология и этнология Северного Кавказа. 2012. №1. С. 5–40
- Doronicheva E.V., Shackley M.S. Obsidian exploitation strategies in the Middle and Upper Paleolithic of the Northern Caucasus: New data from Mezmaiskaya cave. *PaleoAnthropology*. 2014. P. 565–585.
- Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Nedomolkin A.G., Shackley M.S. The first Middle Paleolithic site exhibiting obsidian industry on the northern slopes of the Central Caucasus // *Antiquity*. 2017. 91 (359). Pp.1–6.
- Golovanova L.V. Les hommes de Néanderthal du Caucase du Nord: entre l'Ouest et l'Est // *L'Anthropologie*. 2015. V. 119. Pp. 254–301. (<http://dx.doi.org/10.1016/j.anthro.2015.04.003>).
- Hidjrati N.I., Kimball L.R., Koetje T. Middle and Late Pleistocene investigations of Myshtulagty Lagat (Weasel Cave) North Ossetia, Russia // *Antiquity*. 2003. V. 77, №298. Pp. 1–5.

© 2017, В.М. Дьяконов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ФЕРМЕННОЕ ОЗЕРО – ОПОРНЫЙ ПАМЯТНИК СУМНАГИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ

Стоянка Ферменное Озеро была открыта в 1997 г. Якутским отрядом археологической экспедиции Якутского госуниверситета под руководством автора, далее исследовалась этим же отрядом в 2003, 2006 и 2008 гг. [Дьяконов, 1998, 2012, 2016; Дьяконов, Иванова, 2005]. Памятник находится в северной части среднеленской долины Туймаада, 22,5 км севернее Якутска, в 8,4 км западнее с. Сырдах, в 9,4 км к западу-юго-западу от с. Кильдямцы, в южной оконечности старичного оз. Нелегер, на его западном берегу, у юго-восточного подножия и склона 42-метрового мысовидного останца коренного берега Лены.

На территории стоянки были проведены разведочные работы, включавшие подъемные сборы, фотосъемку общего вида памятника и процесса работ, топосъемку, нивелирные работы и определение

границ, а также шурфовку и раскопки общей площадью 79 м². В результате этих работ было выяснено, что культурный слой залегает сразу под дёрном, в сером суглинке мощностью 10–30 см, и содержит несмешанные остатки сумнагинской мезолитической культуры. Коллекцию находок составляют 14 нуклеусов и их фрагментов, 84 фрагмента пластин (82 ножевидных, 2 ребристых), 32 пластинчатых скола, 185 кремневых отщепов, 8 кварцитовых отщепов, 83 кремневых осколка, 115 осколков кварцита, 8 обломков и 1 целая галька, 53 каменных орудия (23 вкладыша на пластинах (из 24 фрагментов), 11 угловых резцов на пластинах, 5 скребков на пластинах и пластинчатых сколах, 4 отщепа с ретушью, 4 скребка на отщепах, 4 резца на отщепах, 2 резчика на пластинах), 11 фрагментов костей, 10 кусочков глиняной обмазки (?). Таким образом, общее количество артефактов стоянки Ферменное Озеро составляет 604 экземпляра. В коллекции имеется 53 экз. орудий (8,7%), 530 экз. заготовок (87,8%), 11 экз. осколков мелких костей (1,8%), 10 кусочков глины (1,7%). Каменных артефактов, в целом, насчитывается 583, фрагментов костей – 11, кусочков глины – 10.

Орудийный набор представлен четырьмя основными видами: вкладышами (23 экз.), резцами (15 экз.), скребками (9 экз.), резчиками (2 экз.). Кроме того, к классу орудий были отнесены отщепы с ретушью (4 экз.). 45 экз. (85%) орудий выполнено на пластинах и пластинчатых сколах, из них – 8 экз. (17,8% от общего числа орудий на пластинах) на микропластинах. 8 экз. (15,1%) орудий выполнено на отщепах.

Все вкладыши (23 экз.) изготовлены на ножевидных пластинах и микропластинах. Вдоль краев их имеется обработка краевой ретушью или следы утилизации в виде мелкой выщербленности (рис. 1.-1, 2, 4–10, 12–16, 33, 34). Кроме того, имеются экземпляры вкладышей на сланцевых пластинах, на которых невооруженным взглядом видны мельчайшие царапины диагональной направленности, концентрирующиеся на одном из продольных краев (рис. 1.-10, 32). Вкладыши и микровкладыши на пластинах распространены по всему ареалу сумнагинской культуры [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 137], отмечается также, что вкладыши на микропластинах характерны только для сумнагинского каменного инвентаря [Аргунов, 1990, с. 171].

Резцы (15 экз.) делятся на угловые и боковые. Угловые резцы (13 экз.) изготовлены на сечениях ножевидных пластин или отщепов без подправки ретушью продольных краев (рис. 1.-11, 20–29). Найдено два боковых резца на отщепах. Угловые резцы на пластинах с различными комбинациями сколов широко представлены в культурах верхнего палеолита, мезолита и неолита Якутии, но микрорезцы этого типа встречаются только в сумнагинской культуре [Аргунов, 1990, с. 175].

Скребки все концевые, выполнены на пластинах, пластинчатых сколах и отщепах (рис. 1.-18, 19, 35–40). Крутой ретушью у скребков обычно оформлено только лезвие, а остальная поверхность скребков либо не обработана, либо сохраняет естественную форму заготовки. Некоторые скребки имеют высокую спинку и изготовлены на массивных сколах и пластинах (рис. 1.-35, 36). Такого рода скребки являются типичными для сумнагинской культуры, наряду со скребками на микропластинах [Мочанов, 1977, с. 244; Аргунов, 1990, с. 168–169]. Примечательно наличие заготовки скребка на крупном первичном отщепах, по форме которого видно, что мастер старался изготовить скребок с высокой спинкой (рис. 1.-40). Сырьем для изготовления орудий служил местный кремний, встречающийся в долине Туймаада, но имеются также хорошего качества кремни, предположительно «импортного» характера.

Резчики отличаются от резцов наличием ретушированного рабочего лезвия и более широким рабочим краем. Этот тип орудий также является характерным для сумнагинской культуры [Мочанов, Федосеева, 2013, с. 137]. На стоянке Ферменное Озеро найдено два резчика, оба они изготовлены на ножевидных пластинах (рис. 1.-30, 31). Лезвия у них оформлены мелкой ретушью, направленной с брюшка на спинку.

Разнообразны виды изделий, относящихся к классу заготовок (530 экз.). К ним отнесены нуклеусы и сколы подправки площадки нуклеусов (14 экз.; 2,6% от общего числа заготовок), отщепы (193 экз.; 36,4%), осколки (198 экз.; 37,3%), пластины (84 экз.; 15,8%), пластинчатые сколы (32 экз.; 6%), расколотые гальки (9 экз.; 1,7%). К виду отщепов нами отнесены также и чешуйки ретуши – продукты вторичной обработки орудий и площадок нуклеусов. Отщепы и пластины с ретушью отнесены к классу орудий. 18 экз. от общего числа пластин (21,4% от общего числа) составляют микропластины шириной менее 0,4 см (рис. 1.-3, 17).

Нуклеусы по своим технико-морфологическим признакам делятся на три типа: торцовые – 6, призматические – 3 и конический – 1. Кроме того, найдено четыре обломка и скола с нуклеусов неопределимой формы (рис. 2.-1–3, 7).

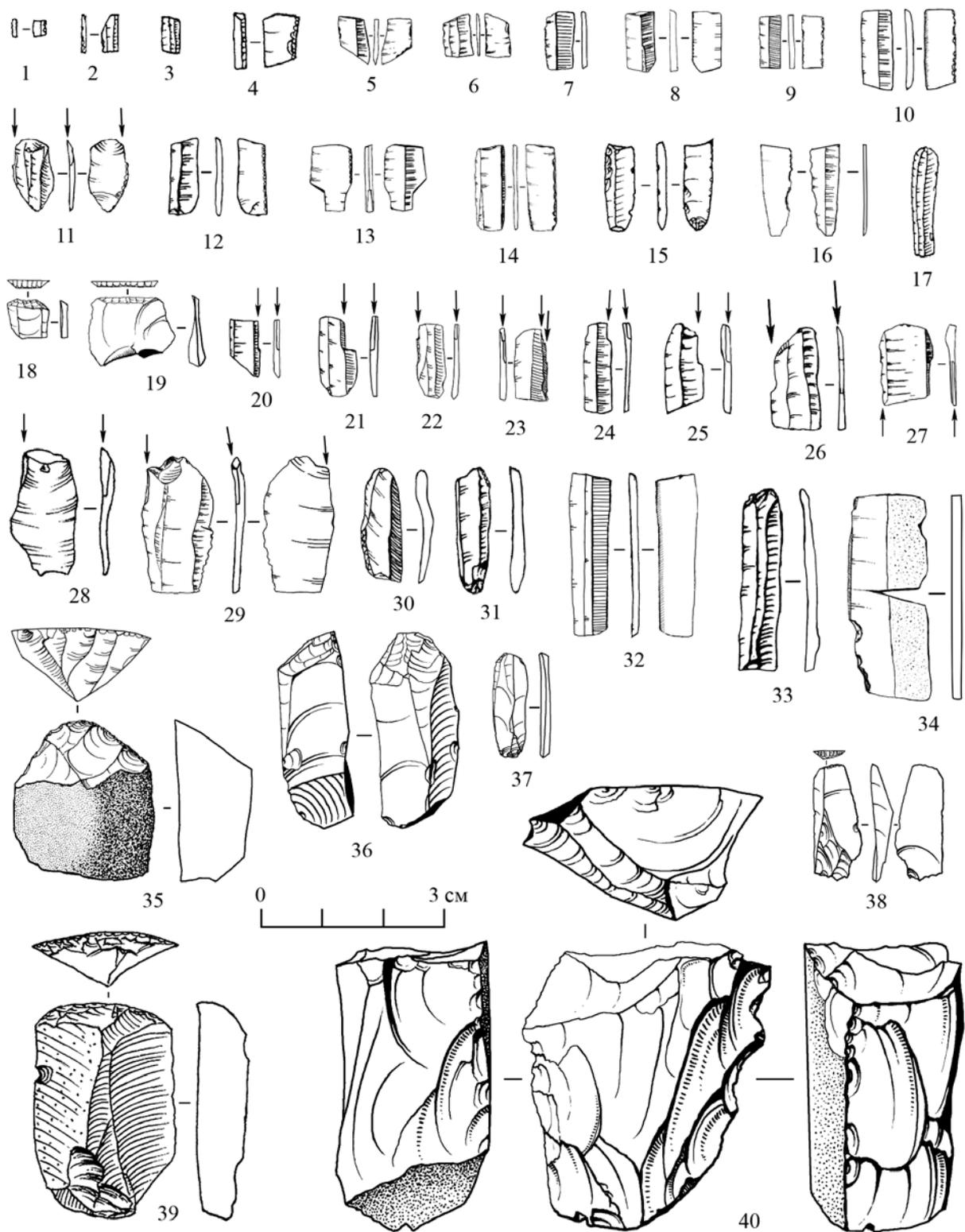

Рис. 1. Стоянка Ферменное Озеро. Каменные изделия: 1, 2, 4-10, 12-16, 32-34 – вкладыши; 3, 17 – микропластины; 11, 20-29 – угловые резцы; 18, 19, 35-39 – концевые скребки; 40 – заготовка концевого скребка; 30, 31 – резчики

Торцовые нуклеусы выполнены на желвачных отщепках, плитках и гальках кремня (рис. 2.-4, 5, 8, 11, 13, 14). Рабочий фронт их расположен на торцах заготовок. Снятие микропластин велось с одной отжимной площадки. Отжимные площадки имеют каплевидную, удлинненно-треугольную и пятиугольную форму. Найдено только два целых торцовых нуклеуса, остальные представлены обломками и заготовкой (рис. 2.-14).

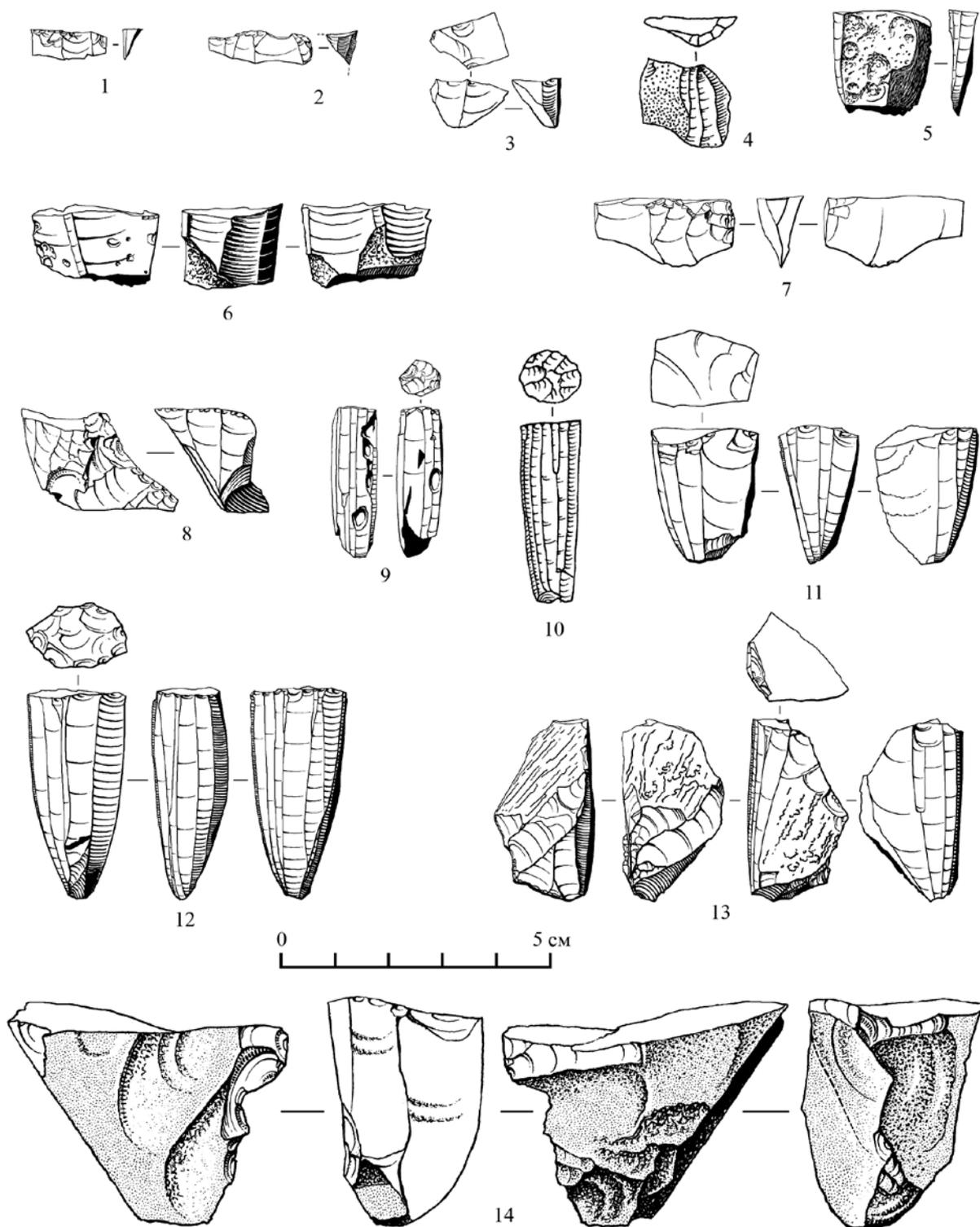

Рис. 2. Стоянка Ферменное Озеро. Нуклеусы: 1-3, 7 – обломки нуклеусов неопределимой формы; 4, 5, 8 – обломки торцовых нуклеусов; 6, 9 – обломки призматических нуклеусов; 10 – призматический нуклеус; 11, 13 – торцовые нуклеусы; 12 – конический нуклеус; 14 – заготовка торцового нуклеуса

Первый нуклеус изготовлен из коричневатой с белыми прожилками яшмовидной породы (рис. 2.-11). Рабочий фронт изделия имеет клиновидную форму. На фронте имеется семь негативов снятий правильных ножевидных микропластин. Отжимная площадка нуклеуса не обработана, имеет неправильную приотстренно-овальную форму и размеры 2×1,5 см. Контрфронт изделия на основной поверхности почти не обработан, одна грань представлена плоскостью естественного обломка гальки. В нижней части контрфронта, примыкающей к фронту, имеется двусторонняя ретушь. Высота нуклеуса и его рабочего фронта – 2,5 см, ширина рабочего фронта и максимальная толщина нуклеуса – 1,5 см.

Следующий нуклеус выполнен из темно-серого сланца с коричневато-розовой желвачной коркой – материала, происходящего из месторождения, расположенного в нескольких километрах от стоянки. Рабочий фронт изделия имеет клиновидную форму с усеченным под углом 45° верхом (рис. 2.-13). На фронте имеются пять негативов снятий правильных ножевидных микропластин. Отжимная площадка нуклеуса почти полностью исчерпана, остался ее небольшой фрагмент неправильной полулунной формы, имеющий размеры $1,4 \times 0,3$ см. Площадка была оформлена, по-видимому, широкой уплощающей ретушью. Край площадки обрывается естественной гранью желвака, покрытой шероховатой коркой коричневато-розового цвета. Эта грань под углом около 45° относительно вертикальной оси нуклеуса отходит вниз. К нижней части рабочего фронта изделия примыкает контрфронт, который двусторонне оформлен пластинчатыми снятиями (одна сторона почти не оформлена и представлена естественной плоскостью желвака). Высота нуклеуса и его рабочего фронта – 3,3 см, ширина нуклеуса – 1,6 см, ширина рабочего фронта и максимальная толщина – 1,7 см.

Торцовые нуклеусы были широко распространены в среде сумнагинцев и являются переходной формой от клиновидных к призматическим.

Призматические нуклеусы – одноплощадочные (рис. 2.-6, 9, 10). Они имеют по одной овальной отжимной площадке, расположенной перпендикулярно продольной оси. Основания нуклеусов слегка приостренные. Снятие микропластин велось по всей окружности. Обнаружен только один целый одноплощадочный призматический нуклеус (рис. 2.-10). Отжимная площадка овальной формы и размером $1,2 \times 1$ см расположена перпендикулярно оси нуклеуса. Сохранилось 14 негативов снятия ножевидных микропластин, которые снимались по всей окружности изделия. Длина нуклеуса – 4,5 см, ширина – 1,2 см. Аналогичные изделия в четких стратиграфических условиях обнаружены на Алдане в IV слое стоянки Усть-Тимптон-I [Мочанов и др., 1983, с. 134, табл. 32.-84], в XI слое стоянки Белькачи-I [Там же, с. 258, табл. 156.-35], в III слое стоянки Усть-Миль-II [Там же, с. 301, табл. 197.-1, 4]. Эти слои относятся к сумнагинской культуре.

Конический нуклеус имеет овальную площадку и сходящиеся на конце грани (рис. 2.-12). Отжимная площадка нуклеуса оформлена уплощающей ретушью, имеет овальную форму и размеры $1,75 \times 1,1$ см. Снятие ножевидных пластин велось по всей окружности нуклеуса. Прослеживается 11 негативов снятий пластин и микропластин. Высота нуклеуса – 3,8 см, ширина – 1,75 см, толщина – 1,4 см.

Все пластины представлены обломками. Материалом для их изготовления служил кремень. Как правило, они имеют четкую огранку. Спинки чаще всего двугранные, трехгранные, четырехгранные. Пятигранные пластины представлены единичными экземплярами. Кроме собственно пластин, выделяются пластинчатые сколы, отличающиеся неровными формами. От обычных отщепов они отличаются своей продолговатостью, дающей сходство с пластинами. Если, исключая нуклеусы, рассматривать заготовки, разделяя их на пластинчатые (пластины и пластинчатые сколы) и непластинчатые (отщепы, осколки, расколотые гальки), то около 77,5% составляют непластинчатые заготовки (400 из 516), а около 22,5% – пластинчатые (116 из 516).

Типологический анализ каменного инвентаря показал, что количество орудий на пластинах преобладает над орудиями, изготовленными на отщепах. Орудийный набор памятника свидетельствует о том, что охота составляла основу хозяйства древнего населения этого края. Предметы, связанные с рыболовством, и крупные рубящие орудия на стоянке пока не обнаружены, хотя они могут быть найдены при продолжении работ, учитывая, что памятник находится на берегу старичного озера р. Лены. Каменные изделия данного памятника типологически сходны с инвентарем одновременных стоянок с четкой стратиграфией, известных на Алдане, Олёкме, Вилюе. Судя по полученным материалам, памятник Ферменное Озеро содержит несмешанные материалы, относящиеся к сумнагинской мезолитической культуре IX–V тыс. до н.э. Остатков других археологических культур на памятнике не зафиксировано, керамические изделия отсутствуют. Описываемый объект представляется ценным, с археологической точки зрения, в плане изучения мезолита средней Лены и Центральной Якутии, где подавляющее большинство памятников имеет смешанные культурные слои и где выделение мезолитического инвентаря затруднено [Дьяконов, 2005]. Стоянка Ферменное Озеро является опорным памятником сумнагинской мезолитической культуры в Центральной Якутии.

Библиографический список

Аргунов В.Г. Каменный век Северо-Западной Якутии. Новосибирск, 1990. 213 с.

Дьяконов В.М. Отчет об исследованиях в долине Туймаады археологического отряда Музея археологии и этнографии ЯГУ за 1996–1997 гг. // Архив МАЭиВШ СВФУ. Ф. 3, оп. 1, ед. хр. 76. Якутск, 1998.

Дьяконов В.М. К проблеме выделения микропластинчатых индустрий на стоянках со смешанными культурными слоями в мезолите Центральной Якутии (по материалам долины Туймаада) // Северная палеоарктика – культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцене: мат. междунар. науч. конф. «По следам древних костров...». Магадан, 2005. С. 117–122.

Дьяконов В.М. Отчет о работах Якутского отряда археологической экспедиции ЯГУ в окрестностях озера Нелегер на территории мэрии г. Якутска Республики Саха (Якутия) в 2004 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-1. №29700. Якутск, 2012.

Дьяконов В.М. Археологические памятники Тулагино-Кильдямского наслеста и Северной Туймаады // Тулагы-Киллэм ытык сирдэрэ / сост. С.С. Борисова. Якутск, 2016. С. 57–72.

Дьяконов В.М., Иванова Е.Н. Ферменное Озеро – новый мезолитический памятник Центральной Якутии // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск, 2005. С. 108–109.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977. 263 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня: в 2 т. Якутск, 2013. Т. 2. 489 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М. Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олёмки. Новосибирск, 1983. 392 с.

© 2017, А.А. Зейналов¹, С.А. Кулаков²

¹Институт археологии и этнографии Национальной АН Азербайджана, Баку;

²Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О КУРУЧАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Почти 40 лет назад, в 1979 г. вводя в научный оборот словосочетание «куручайская культура», ее автор М.М. Гусейнов интерпретировал ее локальной особенностью обитателей Азыхской пещеры и вряд ли предполагал, что спустя десятилетия двуручные чопперы-гигантолиты весом от 3 кг и выше будут обнаружены далеко за пределами Азыха.

Пещера Азых была открыта в 1960 г. Азых оказался уникальным памятником не только в силу сохранения в своих отложениях следов как минимум трех разновременных палеолитических индустрий, но и потому, что комплексное исследование памятника породило гипотезы, давшие толчок новым поискам и открытиям [Зейналов, 2015].

В пещере Азых выявлено 10 слоев мощностью 14,5 м. Десять метров из них приходятся на слои I–VI (сверху вниз). В оставшихся отложениях, мощностью 4,5 м, выделены четыре культурных слоя VII, VIII, IX и X с сохранившимися артефактами галечной культуры, выделенной как куручайская культура [Гусейнов, 1979, с. 71–72].

Одним из критериев для выделения новой культуры были крупные двуручные чопперы, названные М.М. Гусейновым [1985, с. 15] «двуручными чопперами-гигантолитами». Таким образом, он впервые ввел в научный оборот словосочетание «куручайская культура» [1979, с. 71] и термин «двуручный чоппер-гигантолит» – культуuroобразующая форма «куручайской культуры».

Это орудия, изготовленные из очень крупных кварцитовых галек весом до 4–4,5 кг. Всего в пещере Азых было обнаружено три таких предмета, и все они из VIII слоя. Основное рабочее лезвие таких крупных рубящих орудий располагается вдоль длинной оси гальки, иногда с заходом обработки на один или оба коротких края, образуя дополнительно боковые короткие лезвия – прямые или с острием.

В другом случае поперечный длинный край, располагающийся вдоль длинной оси заготовки гигантолита, выделяется с боков симметричными глубокими выемками, благодаря чему оформляется центральный протяженный рабочий участок, в виде широкого прямого рубящего лезвия.

В коллекции VIII слоя, как и в нижележащих слоях, представлены и скребловидные изделия, и отщепы, и отходы производства, и естественные гальки без следов обработки из кварца, среди которых и очень крупные, вполне пригодные для изготовления двуручных чопперов-гигантолитов.

Палеолитические артефакты, собранные в нижних (VII–X) слоях Азыха, сильно отличаются от изделий, обнаруженных в древнеашельском VI слое: крупными размерами, преобладанием галечных форм орудий, отсутствием бифасов, грубостью и примитивностью приемов вторичной обработки.

Вместе с тем типологический состав изделий «куручайской культуры» уже в самом нижнем – X слое Азыха, несмотря на малочисленность собранных здесь предметов, обнаруживает морфологически четко выраженные формы изделий с вполне сложившимися принципами вторичной обработки. Имеются среди них и отщепы с четко выраженными признаками намеренного скалывания – ударным бугорком и ударной площадкой, а также ясно очерченным негативом предыдущего скола на спинке.

Присутствуют в слоях предметы, хотя и не носящие следов искусственного воздействия, но явно принесенные сюда намеренно. В индустрии «куручайской культуры» это исключительно речные гальки, подобранные обитателями Азыха в русле р. Куручай и принесенные в пещеру, возможно, в качестве сырья для изготовления орудий [Гусейнов, 2010, с. 65–85].

На протяжении почти 30 лет культуuroобразующая форма куручайской культуры – двуручные чопперы-гигантолиты оставались локальной особенностью Азыхской пещеры.

В 2012 г. в Азербайджане была открыта новая раннепалеолитическая стоянка Гараджа [Зейналов и др., 2013]. Стоянка расположена на южном берегу Мингячевирского водохранилища, у подножия хребта Боздаг, северо-западнее горы Гараджа на высоте 90 м над уровнем моря. На памятнике выявлено три уровня залегания палеолитических находок, локализованных на разных уровнях континентальной толщи, перекрытых морскими отложениями.

Вулканический пепел, подстилающий нижнюю континентальную толщу, датируется возрастом около 1 млн лет.

В нижней континентальной толще была обнаружена верхняя челюсть южного слона (*Archidiskodon meridionalis*) с зубами, кроме этого, толща насыщена многочисленными ожелезненными остатками стволов деревьев диаметром до 0,7 м и длиной до 3–4 м. Предварительные данные позволяют датировать эту толщу концом апшеронского – началом бакинского времени.

Среди чопперов гараджинской индустрии выделяется одно орудие – это очень крупный, весом более 3 кг, двусторонний чоппер, изготовленный на очень большой гальке. Размеры орудия 18,5×12,0×12,0 см. На верхней части орудия крупными сколами оформлен рабочий край, заходящий на боковую сторону (рис. 1).

В 2016 г. на берегу Мингячевирского водохранилища, в 5–6 км западнее Гараджи, было зафиксировано новое палеолитическое местонахождение Боздаг-1 и 2. Там был обнаружен второй чоппер-гигантолит, изготовленной той же техникой, что и первый, и того же веса – более 3 кг. Размеры орудия 18,0×18,0×8,0 см. Чоппер двусторонний. Рабочий край оформлен крупными сколами, в результате которого образовался зигзагообразный режущий край. На всей остальной поверхности орудия сохранена естественная корка.

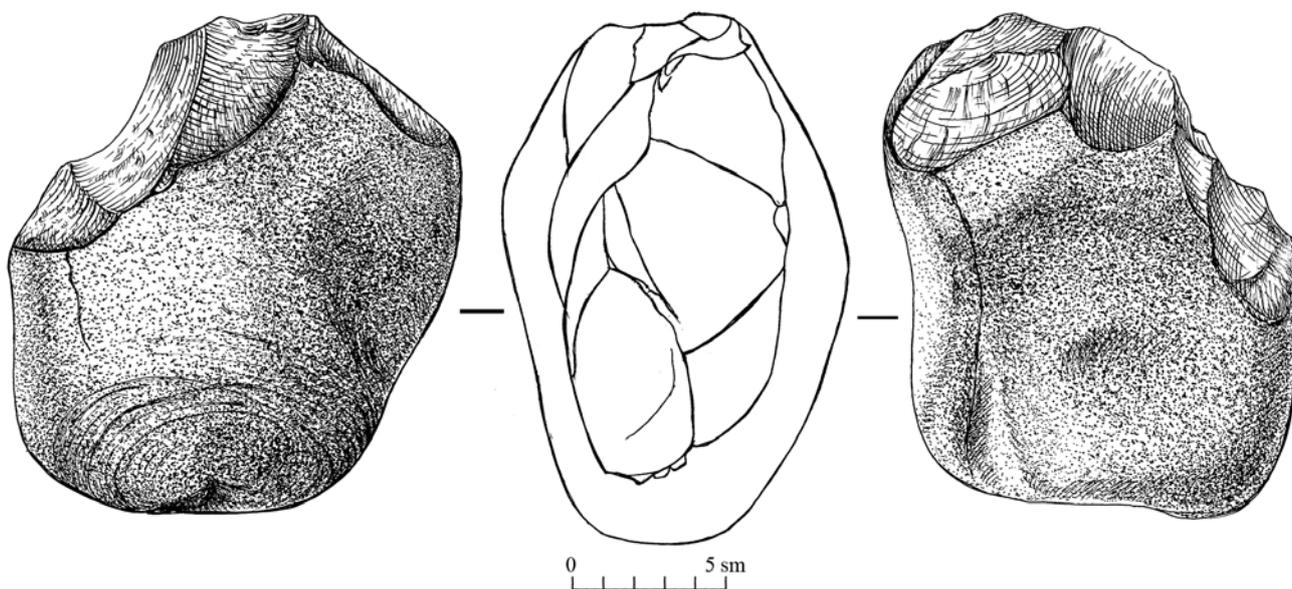

Рис. 1. Гараджа. Двуручный чоппер-гигантолит

В полевой сезон 2017 г. на местонахождении Боздаг был обнаружен третий двуручный чоппер-гигантолит. Орудие несколько отличается от двух предыдущих как по технике оформления, так и по весу.

Двусторонний чоппер оформлен на крупной гальке (24,5×1,09×8,0 см) подтреугольной формы, темно-серого цвета. Вес орудия более 4 кг. Орудие сильно окатано. Рабочий край орудия оформлен крупными сколами по периметру, захватив 2/3 гальки. На торце и обеих сторонах гальки, не затронутых обработкой, сохранена естественная корка.

Не менее важной находкой следует считать обнаруженный на южных отрогах Большого Кавказа, на склоне горы, к юго-западу от г. Габала и севернее с. Сырт Енгиджа, чоппер-гигантолит. Орудие выполнено на крупной уплощенной гальке подтреугольной формы (18,0×25,0×8,4). Исходное сырье – алевритовая порода светло-серого цвета с коричневатым оттенком. Вся поверхность покрыта патиной. На фронтальной стороне негативы двух параллельных сколов, образующих рабочий край по всей ширине орудия. Сохранившиеся негативы занимают почти две трети поверхности орудия, на оставшейся части – естественная корка. Весь контрфронт также сохраняет естественную корку. Это первая находка чоппера-гигантолита на южном склоне Большого Кавказа.

Все четыре артефакта изготовлены на крупных гальках, использование которых предполагает применение обеих рук как с точки зрения веса орудия, так и его оформления, когда на значительной поверхности сохраняется гладкая корочная поверхность для удобного захвата.

Это уже четвертый случай на территории Азербайджана, когда двуручный чоппер-гигантолит был обнаружен далеко за пределами пещеры Азых и пока только в северном направлении.

Элементы галечной индустрии, обнаруженной в нижних, обратно намагниченных слоях Азыха (культура куручай), отслеживаются и на берегу Мингячевирского водохранилища (Гараджа, Боздаг) и на южных отрогах Большого Кавказа (Габалинский район), а также на олдованских памятниках Центрального Дагестана и на Таманском полуострове.

На трех раннепалеолитических памятниках Центрального Дагестана – Айникаб-I, Мухкай-I и Мухкай-II – были обнаружены орудия-гигантолиты, по габаритам и весу во много раз превосходящие аналогичные типы орудий обычных размеров. К орудиям-гигантолитам отнесены предметы, использование которых предполагает участие обеих рук [Амиранов, 2013, с. 5].

Рис. 2. Пункты находок двуручных чопперов-гигантолитов: 1 – пещера Азых; 2 – Гараджа, Боздаг; 3 – Габалинский район; 4 – олдованские памятники Центрального Дагестана; 5 – Таманский полуостров

Слои, где были обнаружены орудия-гигантолиты на олдованских памятниках Центрального Дагестана, по сумме палеонтологических, палинологических, геоморфологических данных и палеомагнитного анализа датируются в диапазоне от 1,25 до 2 млн. л.н. [Амирханов, 2016, с. 150]. Не противоречит этому возрасту и датировка нижних слоев Азыхской пещеры с собственно куручайской культурой, где были обнаружены орудия-гигантолиты.

Таким образом, спустя десятилетия культуuroобразующая форма куручайской культуры – крупные двуручные орудия-гигантолиты, впервые выявленные в нижних слоях пещеры Азых в Азербайджане, была обнаружена не только в Гарадже и на Боздаге, но и на раннепалеолитических стоянках Центрального Дагестана и на Тамани (рис. 2), что дает основание говорить о том, что ареал распространения куручайской культуры вышел далеко за пределы пещеры Азых, и считать введенный более 30 лет назад Мамедали Гусейновым в научный оборот термин «куручайская культура» вполне обоснованным и имеющим право на «жизнь».

Библиографический список

- Амирханов Х.А. Орудия-гигантолиты в индустрии олдована Дагестана // Российская археология. 2013. №3. С. 5–12.
- Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. М., 2016.
- Гусейнов М.М. Ранние стадии заселения человека в пещере Азых // Ученые записки АГУ им. С.М. Кирова. Сер.: История и философия. 1979. №4. С. 70–72.
- Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана (по материалам пещерной стоянки Азых и др.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1985.
- Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. Баку, 2010.
- Зейналов А.А., Кулаков С.А., Идрисов И.А., Эйбатов Т.М., Авшарова И.Н., Мустафаев И.М., Сулейманов Т.Я. Новые памятники каменного века в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана // *Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası*. 2013. №1. С. 4–22.
- Зейналов А.А. Азых кров для трех видов рода *Homo* // Известия НАН Азербайджана. Сер.: Общественные науки. 2015. №1. С. 10–17.

© 2017, В.Н. Зенин¹, С.В. Лещинский², Е.М. Бурканова²,
А.В. Гулина², Н.Я. Федяев², Д.В. Туманцева²

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;*

²*Томский государственный университет, Томск*

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ МАМОНТОВОЙ ФАУНЫ И ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОЛЧЬЯ ГРИВА (Западная Сибирь)

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (2015–2017 гг.), государственного задания Минобрнауки России (проект 5.4217.2017/4.6) и РНФ (проект №14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

Волчья грива – возвышенность на востоке Барабинской низменности (с. Мамонтовое, Каргатский район, Новосибирская область) длиной ~ 8 км, шириной до 1 км и относительной высотой 10–15 м. В 1957 г. здесь впервые найдены кости нескольких мамонтов, лошадей и бизона. Дальнейшее изучение объекта в XX в. было нацелено, в основном, на выяснение роли палеолитического человека в образовании этого крупного мамонтового «кладбища» [Алексеева, Верещагин, 1970; Окладников и др., 1971; Лещинский, 2001]. В 2000-е гг. серией ¹⁴C дат уточнен возраст местонахождения (непрерывный интервал ~ 18–11 тыс. л.н. и дискуссионная дата ~ 34 тыс. л.н.), который показал, что здесь существовал самый южный и один из самых молодых мамонтовых рефугиумов Евразии [Leshchinskiy et al., 2008].

С 2015 г. работы на Волчьей гриве возобновлены. Современные геоархеологические и палеонтолого-стратиграфические исследования направлены на комплексное изучение плейстоцен-голоценовых биогеоценозов юга Западной Сибири, особенно биотических и абиотических связей мамонтовой фауны,

включая человека. В первый после многолетнего перерыва сезон на площади 12 м², непосредственно примыкающей к раскопу 1/1991 г., обнаружено 606 остатков шерстистого мамонта – *Mammuthus primigenius* Blum. (минимум 6 особей разного возраста – от неполовозрелых до взрослых) и 19 остатков лошадей – *Equus* sp. (минимум 2 особи возрастом около 2 лет). При средней мощности костеносного горизонта ~ 0,35 м (глубина залегания находок ~ 0,8–1,2 м) концентрация ископаемых остатков составила более 50 экз./1 м². Причем большинство из них имели максимальные стадии выветривания и признаки трамплинга (от англ. *trampling* – растаптывание, вытаптывание, топтание), что указывает на продолжительное экспонирование каркасов животных на дневной поверхности после их смерти (рис. 1), по-видимому, более 15–25 лет [Лещинский и др., 2015]. По материалам 2015 г. методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) в ЦКП «Геохронология кайнозоя» СО РАН (Новосибирск) и Университете Джорджии (США) получена новая серия из 27 ¹⁴C дат, расширившая непрерывный возрастной ряд местонахождения до ~ 20,3 тыс. л.н. Причем более половины новых датировок расположено в диапазоне между 19 и 17 тыс. л.н.

В 2016 г. исследования впервые проводились в центре с. Мамонтовое – в 700 м от места всех предыдущих работ на северо-восточном краю гривы. В результате раскопок на площади 9 м², кроме обычного уровня залегания находок, ~ 0,8–1,4 м от поверхности, был выявлен более глубокий – ~ 1,6–2,14 м. Многие кости из нижнего уровня имеют очень хорошую сохранность поверхностей, так как они были перекрыты песчано-глинистыми осадками в небольшой промоине через несколько лет после смерти животных. С этим же связано относительно большое количество анатомических сочленений (рис. 2). В раскопе 2016 г. обнаружено 785 фрагментов и целых костей и зубов млекопитающих, из которых почти все принадлежат мамонтам (не менее 8 особей: от 1–2-летних, возможно, даже эмбрионов, до 45–50-летних). Лишь немногие остатки относятся к бизону – *Bison* sp. (фрагмент нижней челюсти взрослой особи), лошади – *Equus* sp. (анатомическое сочленение 3 фаланг и сесамовидной кости пальца особи менее 1,5 лет), вероятно, волку – *Canis* sp. (фрагмент лопатки), а также впервые обнаруженным на Волчьей гриве грызунам и относительно мелким хищникам, предположительно песцу – *Alopex* cf. *lagopus* L. и рыжей лисице – *Vulpes* cf. *vulpes* L. Остатки мамонтов представляют все отделы скелета, причем кости из нижнего уровня крупнее аналогичных костей, принадлежавших особям близкого индивидуального возраста из вышележащих отложений. Тафономические особенности обусловили высочайшую концентрацию костей – на большей части площади раскопа свыше 130 экз./1 м² (~ 3 м² были почти «пустыми»). Очевидно, что изначальная концентрация в субэкринном танатоценозе Волчьей гривы была еще выше, так как выветривание, хищники и падальщики полностью уничтожили определенное количество остатков животных (особенно, мамонты). Таким образом, локальная концентрация остатков *M. primigenius* на Волчьей гриве сегодня является самой высокой в Азии для этого вида [Лещинский, 2017]. Сравнение возможно лишь с аллювиальным местонахождением Берелёх (Северная Якутия), где на некоторых участках фиксировалось до 50 находок на 1 м³ [Верещагин, 1977; Leshchinskiy, 2017].

На участке работ 2017 г. (площадь ~ 9 м²), непосредственно примыкавшем к раскопу 2016 г., был вскрыт оставшийся (меньший) фрагмент древней промоины, включающей нижний уровень костеносного горизонта. Ископаемые остатки залежали узкой полосой на ~ 2 м² изученной площади при максимальной глубине находок 2,04 м (рис. 3). Всего в процессе раскопок обнаружено 106 фрагментов и целых костей и зубов млекопитающих, из которых большинство принадлежат мамонтам (по-видимому, особям, выявленным в 2016 г.). Только несколько костей определено принадлежат другим животным: лошади – *Equus* sp., вероятно, песцу – *Alopex* cf. *lagopus* L. и грызунам. В этом же году осуществлено ручное бурение, имевшее целью разведку и оконтуривание захоронения мамонтовой фауны. Проведенные работы показали, что площадь местонахождения, вероятно, занимает тысячи квадратных метров, а максимальная глубина залегания ископаемых остатков в некоторых случаях превышает 2,7 м. Это выводит Волчью гриву в разряд крупнейшего на сегодняшний день коренного местонахождения мегафауны позднего плейстоцена Северной Азии.

Палинологический анализ проб из отложений костеносного горизонта показал присутствие редкой пыльцы березы – *Betula* sp., сосны – *Pinus* sp. и цикориевых – *Cichoriaceae*, а также трехбороздчатых зерен со стекляннным блеском без выраженных морфологических признаков – *Tricolpopollenites*. Выделенная пыльца плохой сохранности и часто деформирована. Кроме того, в этих же препаратах в большом количестве обнаружены плодовые тела и споры грибов, одноклеточные водоросли, гелифицированные растительные остатки и редкие угольки [Лещинский и др., 2015]. Палеогеографическая реконструкция периода обитания мамонтов и других представителей позднеплейстоценовой фауны на Волчьей гриве, основанная на этих данных и таксономическом составе млекопитающих, предполагает широкое развитие открытых пространств мамонтовой степи.

Рис. 1. Верхний уровень костеносного горизонта Волчьей гряды в раскопе 2015 г. Максимальные стадии выветривания костных поверхностей указывают на экспонирование каркасов животных после их смерти более 15–25 лет

Рис. 2. Верхняя часть нижнего уровня костеносного горизонта Волчьей гряды в раскопе 2016 г. Видны остатки не менее трех мамонтов (в том числе анатомические сочленения позвонков, кости с погрызами), захороненные в небольшой промоине в течение нескольких лет, что подтверждается нулевой стадией выветривания большинства костей

На костях мамонтов из всех уровней Волчьей гряды зафиксированы патологические изменения, типичные для остеодистрофии, которая часто развивается в условиях недостатка в среде обитания жизненно необходимых макро- и микроэлементов. Хроническое минеральное голодание в конце плейстоцена обуславливало непреодолимое стремление крупных травоядных к миграциям на зверовые солонцы, где они могли употреблять отложения, поверхностные и грунтовые воды, богатые дефицитными элементами. Во время сарганского похолодания литофагия была главной причиной посещения мамонтовой фауны Волчьей гряды из-за благоприятного Ca-Na геохимического ландшафта. В пики минерального дефицита она становилась своеобразным оазисом – очагом активности мамонтов и других

млекопитающих, включая человека. Периодическое массовое скопление (десятков, возможно, сотен особей во время миграций, гона и периода лактации) животных, их относительно высокая смертность и благоприятные условия захоронения на отдельных участках рельефа способствовали формированию крупного местонахождения [Лещинский, 2001; Leshchinskiy, 2015].

Рис. 3. Нижний уровень костеносного горизонта Волчьей гривы в раскопе 2017 г. Хорошо виден край древней промоины

Роль палеолитического населения в накоплении костеносного горизонта Волчьей гривы представляется незначительной. В процессе обширных раскопок (в общей сложности более 530 м²) за все время исследований получено 60 каменных изделий. Два отщеп и мелкая галька с негативами укороченных сколов происходят из раскопа 1968 г., 4 фрагмента пластинок обнаружены в 1975 г. Самую многочисленную коллекцию из 30 артефактов составляют находки 1991 г. В качестве сырья преимущественно использовались кремнистые породы черного и серо-зеленого цвета. Единичны изделия из зеленой, серой, пятнистой черно-серой породы и темно-коричневой яшмы. В коллекции полностью отсутствуют изделия нуклевидных форм. Преобладают пластинки и их фрагменты. Ширина пластинок варьирует от 10 до 19 мм. Огранка спинок продольная и бипродольная. Все микропластинки имеют двугранную спинку и представлены обломками шириной от 3 до 7 мм. Орудийный набор, выявленный при работах XX в., состоит из отщеп с краевой ретушью и разнообразных изделий, выполненных из пластинок, включая боковой резец. Микроинвентарь представляют микропластинка с притупленным краем и фрагмент микроострия. Преобладают изделия с краевой разнофасеточной ретушью (7 экз.). На одном из орудий вогнутое лезвие оформлено крутой ретушью на проксимальном крае пластинки. Подобный прием оформления лезвия на проксимальном крае пластинок получил распространение в ряде стоянок Сибири: Мальте, Шестаково, Ачинской и некоторых других [Деревянко и др., 2000, 2003].

В 2015 г. коллекцию артефактов Волчьей гривы пополнили 11 изделий из темно-серой, почти черной, кремнистой породы и почковидного агрегата опал-халцедонового (?) состава. Среди них доминируют пластинчатые формы без следов вторичной отделки. Единичное орудие представлено двойным резцом на фрагменте пластинки. Раскопки 2016 г. впервые выявили использование иных видов сырья для изготовления каменного инвентаря. Из восьми изделий – два (отщеп с ретушью утилизации и пластинка) изготовлены из кремня, а шесть – из горного хрусталя: отщеп, фрагменты пластин и микроострие с притупленным краем. В 2017 г. при промывке нижнего уровня костеносного горизонта были обнаружены осколок, фрагмент пластинки (длина ~ 6 мм) и чешуйка (~ 12 мм), соответственно из черной, темно-коричневой и зеленовато-серой кремнистой породы (кварцит?) с явными признаками искусственного расщепления, а также фрагмент тонкой ретушированной пластинки (~ 11 мм) из горного хрусталя.

Петрографическое разнообразие артефактов позволяет допустить поступление каменного сырья на Волчью гриву из различных источников. Несмотря на малочисленность, палеолитический инвентарь местонахождения представлен выразительной серией изделий, морфология которых позволяет проводить аналогии с мелкопластинчатыми индустриями раннесартанского времени Сибири и Урала [Зенин, 2002]. Описанная индустрия наиболее близка инвентарю стоянок Шестаково (слой 6; ~ 24–

20 тыс. л.н.) и Ачинской (~ 19–17 тыс. л.н.). На это указывают мелкие пластины и характерные элементы отделки редких орудий, включая микроострия и изделия с вогнутым лезвием на проксимальном крае пластинки. Условия нахождения артефактов и тафономические особенности свидетельствуют о том, что захоронение мамонтов на Волчьей гриве, вероятно, начало формироваться до появления здесь человека и данный процесс с перерывами продолжался до конца плейстоцена.

Относительная редкость каменных артефактов при отсутствии прямых свидетельств охоты и достоверных следов разделки туш [Окладников и др., 1971; Лещинский и др., 2015] подтверждает мнение исследователей о том, что Волчья грива – место естественной гибели мамонтов, освоенное палеолитическим человеком [Абрамова, Григорьева, 1997]. Результаты новейших работ 2015–2017 гг. позволяют уверенно сказать только то, что человек мог использовать остатки мамонтов, павших от болезней, травм, хищников и других причин. Подобные выводы сделаны при изучении крупных аллювиальных мамонтовых местонахождений финала плейстоцена Северной Азии [Верещагин, 1977; Seuru et al., 2017].

Авторы благодарны Н.С. Москвитиной и С.С. Москвитину (Биологический институт ТГУ) за консультации и возможность сравнения ископаемых остатков хищников и грызунов местонахождения Волчья грива с остатками современных млекопитающих из фондов Зоологического музея ТГУ. Отдельную признательность за помощь в определении таксономической принадлежности ископаемых остатков хищников выражаем А. Марцишаку (Институт эволюционной биологии и экологии Вроцлавского университета, Польша).

Библиографический список

- Абрамова З.А., Григорьева Г.В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1997. Вып. 3. 149 с.
- Алексеева Э.В., Верещагин Н.К. Охотники на мамонтов в Барабинской степи // *Природа*. 1970. №1. С. 71–74.
- Верещагин Н.К. Берелехское «кладбище» мамонтов // *Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири. Труды ЗИН АН СССР*. 1977. Т. 72. С. 5–50.
- Дервянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н. Особенности аккумуляции костей мамонтов в районе стоянки Шестаково в Западной Сибири // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2000. №3 (3). С. 42–55.
- Дервянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск, 2003. (Палеолит Западно-Сибирской равнины). 168 с.
- Зенин В.Н. Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2002. №4 (12). С. 22–44.
- Лещинский С.В. В урочище Волчья Грива обнаружена самая высокая в Азии концентрация костей мамонтов // *Природа*. 2017. №1. С. 85–87.
- Лещинский С.В. Новые данные о геологии и генезисе местонахождения Волчья Грива // *Современные проблемы евразийского палеолитоведения: мат. междунар. симпозиума*. Новосибирск, 2001. С. 244–251.
- Лещинский С.В., Зенин В.Н., Бурканова Е.М., Дудко А.А., Гулина А.В., Федяев Н.Я., Семиряков А.С., Канищева Е.В. Комплексные исследования Барабинского мамонтового рефугиума в 2015 г. // *Вестник ТГУ*. 2015. №400. С. 354–365.
- Окладников А.П., Григоренко Б.Г., Алексеева Э.В., Волков И.А. Стоянка верхнепалеолитического человека Волчья Грива (раскопки 1968 г.) // *Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции*. Новосибирск, 1971. Вып. 2. С. 87–131.
- Leshchinskiy S. Enzootic diseases and extinction of mammoths as a reflection of deep geochemical changes in ecosystems of Northern Eurasia // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2015. Vol. 7, №3. P. 297–317.
- Leshchinskiy S.V. Strong evidence for dietary mineral imbalance as the cause of osteodystrophy in Late Glacial woolly mammoths at the Berelyokh site (Northern Yakutia, Russia) // *Quaternary International*. 2017. Vol. 445. P. 146–170. <http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2017.02.036>
- Leshchinskiy S.V., Kuzmin Y.V., Zenin V.N., Jull A.J.T. Radiocarbon Chronology of the «Mammoth Cemetery» and Paleolithic Site of Volchia Griva (Western Siberia) // *Current Research in the Pleistocene*. 2008. Vol. 25. P. 53–56.
- Seuru S., Leshchinskiy S., Auguste P., Fedyaev N. Woolly mammoth and Man at Krasnoyarskaya Kurya site, West Siberian Plain, Russia (excavation results of 2014) // *Bulletin de la Societe Geologique de France*. 2017. Vol. 188. №1–2. P. 1–13. doi.org/10.1051/bsgf/2017005

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО СРЕДНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ АЛТАЯ (по материалам Денисовой пещеры)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (№14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

В ходе комплексных археологических работ последних нескольких лет в Денисовой пещере были изучены отложения нижней части плейстоценовой толщи восточной галереи [Деревянко и др., 2013, с. 79–83; Ульянов и др., 2015, с. 158–160; Козликин, 2016, с. 84–88]. Наиболее древние археологические материалы обнаружены в пределах литологических слоев 15 и 14.

Осадок слоя 14 представляет собой суглинок средний, темно-коричневый, опесчаненный и одресвяненный с линзами суглинка черно-коричневого. Слой до 20–25% проективной площади обогащен щебнистым материалом с заглаженными ребрами и хорошо развитой реактивной каймой. Нижняя граница слоя условная, мощность в разрезе на разных участках варьирует от 0,2 до 0,9 м. Отложения слоя 15 – суглинок легкий, опесчаненный и одресвяненный, черно-коричневый, насыщен включениями раздробленных копролитов и обломков костей. Щебень преимущественно мелкий, изометричный, его содержание достигает 15–20% проективной площади. Нижняя граница резкая, четкая, инволюционно деформированная. Мощность слоя в разрезе составляет 0,15–0,50 м. В центральном зале пещеры аналогом слоя 15 являются осадки слоя 21 [Ульянов и др., 2016, с. 171–172].

Палинологические образцы из слоя 15 оказались не информативны, они содержали несколько пыльцевых зерен, принадлежащих сосне и злакам. Накопление отложений слоя 14 происходило в межледниковую эпоху в условиях значительно более теплого климата, чем современный. В окрестностях пещеры в это время произрастали широколиственные леса из граба сердцелистного, дуба монгольского, липы и вяза мелколистного, а также смешанные леса, в которых, кроме широколиственных пород, участвовали ель, сосна, береза и ольха [Болиховская и др., 2016, с. 13].

Образцы микротериофауны из слоя 15 демонстрируют необычную морфологию зубов водяной полевки [Агаджанян и др., 2015, с. 9]. Она имеет признаки, отражающие промежуточное положение между *Arvicola mosbachensis*, типичного представителя фауны лихвинского межледниковья, и *Arvicola sapidus*, из микулинских отложений, что позволяет связывать время существования этого таксона с рубежом среднего и верхнего плейстоцена.

Таким образом, согласно данным биостратиграфии, литологии и предварительным результатам абсолютного (OSL) датирования, формирование отложений слоев 15 и 14 происходило в благоприятной природно-климатической обстановке ширтинского времени в период кислородно-изотопной стадии 7.

Каменная индустрия из слоев 15 и 14 насчитывает более 35 тыс. экз. При этом основная часть находок происходит из слоя 14 – более 25 тыс. экз. Несмотря на количественное расхождение, основные технико-типологические характеристики коллекций слоев 15 и 14 принципиально схожи, что позволяет рассматривать эти материалы в качестве единого культурно-хронологического комплекса раннего этапа среднего палеолита.

Первичное расщепление в этой индустрии в целом характеризуется использованием нуклеусов, утилизируемых в радиальной системе, как в моно-, так и в бифронтальном вариантах (рис. 1.–1–3). Заготовками для этих ядрищ служили небольшие валуны или крупные массивные в поперечном сечении сколы. Последний тип заготовки преобладает. Расщепление осуществлялось от неподготовленного ребра. В коллекции из слоя 14 отмечено несколько экземпляров параллельных одноплощадочных монофронтальных ядрищ. Негативы последних снятий на фронтах всех типов нуклеусов демонстрируют получение укороченных или коротких сколов, преимущественно мелких и средних.

Индустрия сколов, представленная отщепами, в полной мере соответствует сопутствующему набору ядрищ. Немногочисленные пластины, скорее всего, являются случайным продуктом расщепления. Более половины целых отщепов составляют мелкие экземпляры, далее по количеству следуют крупные и средние заготовки. Большинство отщепов укороченные или короткие, доля удлиненных сколов незначительная. Анализ остаточных ударных площадок отщепов показывает, что преобладают экземпляры с гладкой или естественной площадкой без подправки карниза. Огранка дорсальной поверхности отщепов преимущественно продольная однонаправленная или ортогональная. Распространены первичные сколы.

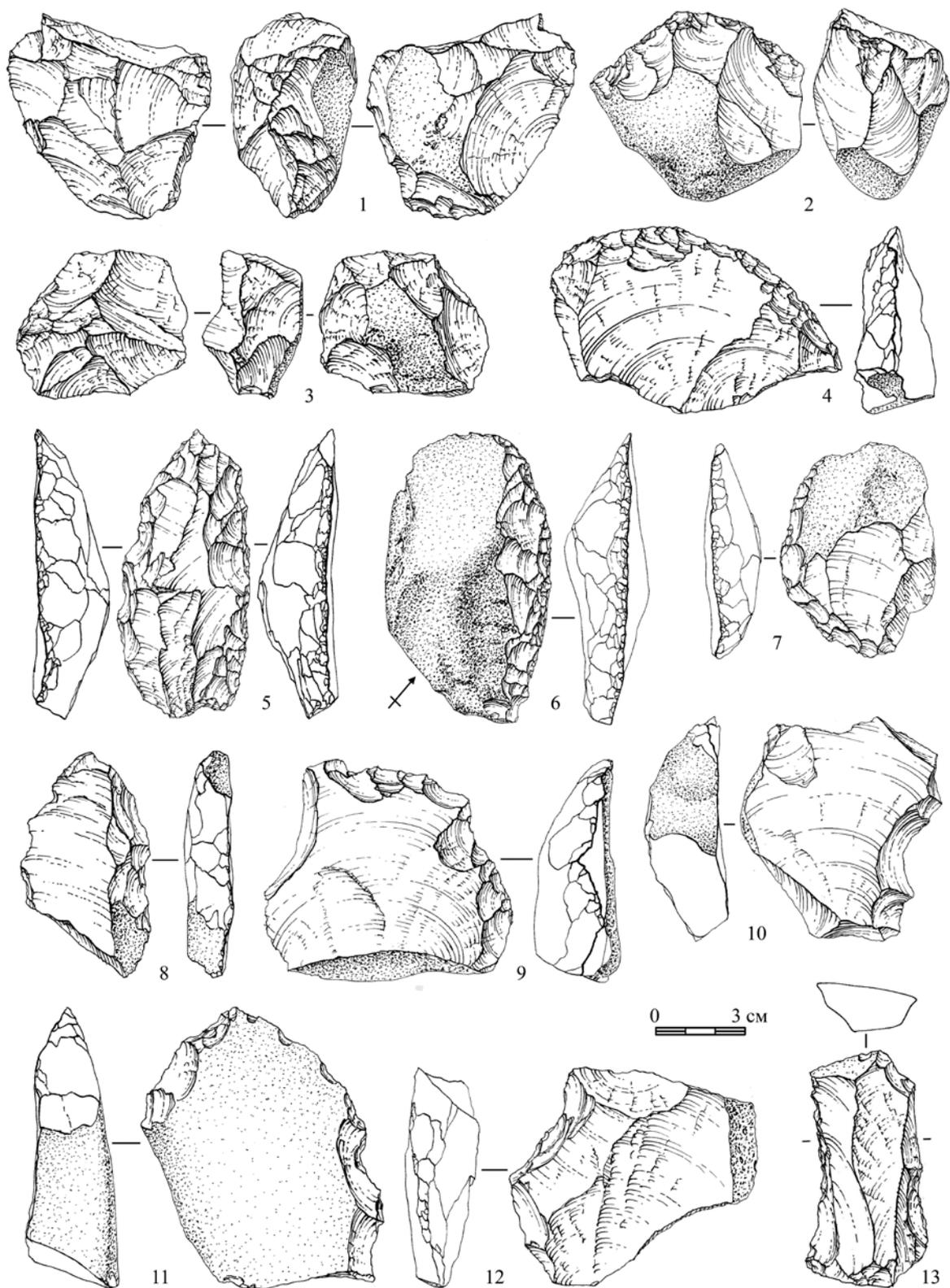

Рис. 1. Каменный инвентарь из слоев 15 и 14 в восточной галерее Денисовой пещеры: 1-3 – нуклеусы; 4-7 – скребла; 8-11, 13 – зубчатые орудия; 12 – шиповидное орудие (рисунки Н.В. Вавилиной)

В качестве заготовок для орудий в данном комплексе использовались крупные, реже средние отщепы, а также фрагменты крупных сколов. Более половины целых заготовок короткие, менее распространены укороченные или удлиненные основы. Чаще всего при оформлении орудий использовалась дорсальная краевая крутая или полукрутая чешуйчатая крупнофасеточная средне- или сильно модифицирующая ретушь.

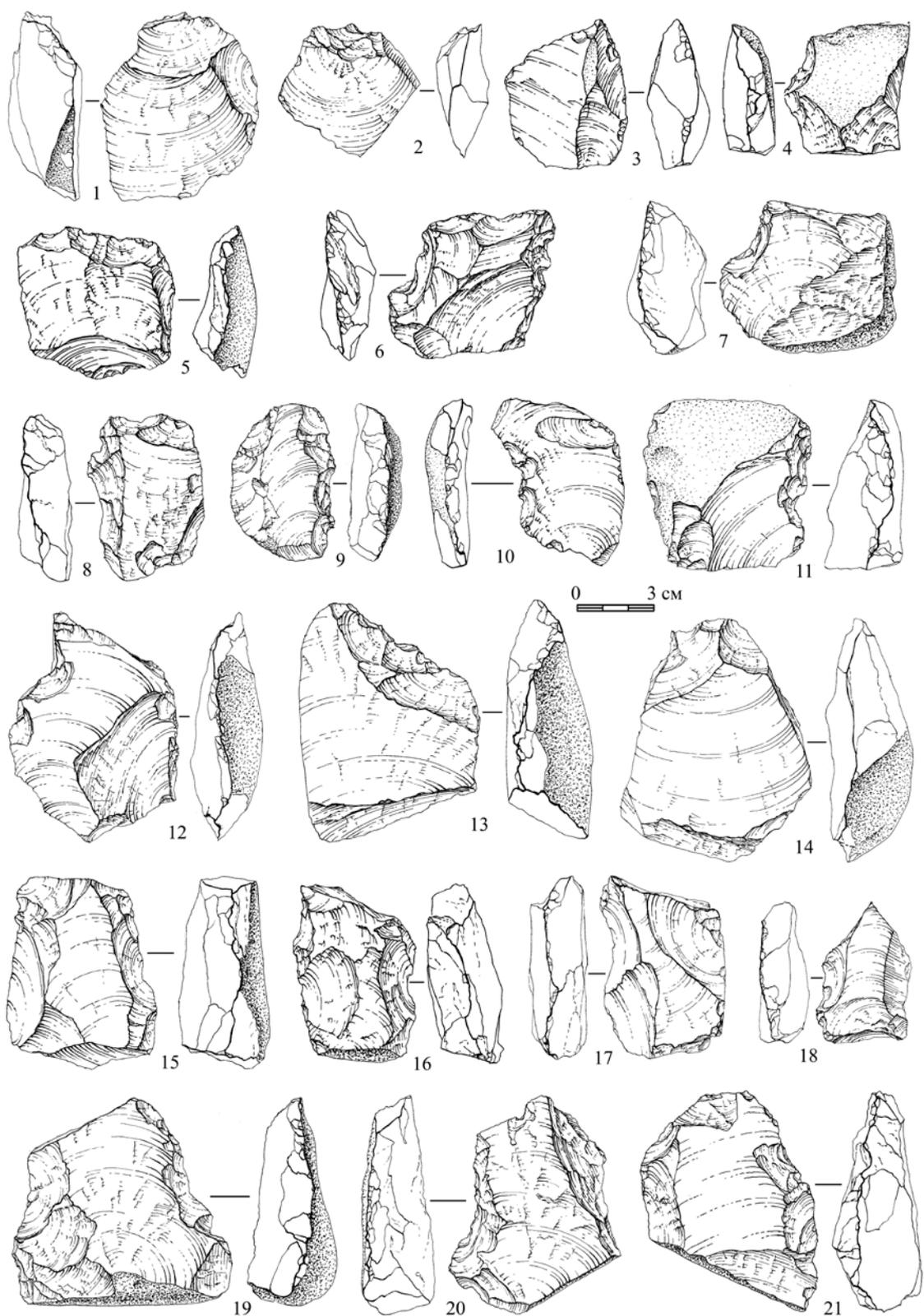

Рис. 2. Каменный инвентарь из слоев 15 и 14 в восточной галерее Денисовой пещеры:
 1, 2, 12, 14 – сколы с удаленной остаточной ударной площадкой; 3, 4 – шиповидные орудия;
 5, 6, 8, 9, 11, 13 – зубчатые орудия; 7, 10 – выемчатые орудия;
 15–21 – сколы с вентральной обивкой продольных краев (рисунки Н.В. Вавилиной)

Основу орудийного набора составляют различные типы зубчатых (рис. 1.-8–11, 13; 2.- 5, 6, 8, 9, 11, 13), выемчатых (рис. 2.-7, 10), шиповидных орудий (рис. 1.-12; 2.-3, 4), реже скребел (рис. 1.-4–7). Отдельного внимания заслуживает устойчивая и многочисленная серия изделий, представляющих собой

крупные массивные отщепы с интенсивной обработкой обоих продольных краев крупными вентральными снятиями (рис. 2.-15–21). Такие снятия (фактически обивка) покрывают значительную часть вентральной поверхности заготовки и формируют край с редкими, но крупными зубцами.

Другим «специфическим» типом изделий в индустрии являются крупные сколы с удаленной остаточной ударной площадкой вместе с ударным бугорком при помощи серии (реже одного) крупных вентральных снятий (рис. 2.-1, 2, 12, 14). Изделия такого типа, как и сколы с вентральной обивкой продольных краев, ранее рассматривались в контексте нуклевидных форм по аналогии с техникой «комбева» [Деревянко и др., 2013]. Однако полное отсутствие орудий на мелких сколах все же подвергает сомнению целесообразность такого расщепления для получения заготовок. В настоящее время в связи со значительным расширением всей коллекции слоев 15 и 14 очевидными стали морфологическая устойчивость данных изделий и необходимость пересмотра их атрибуции.

Синхронные материалам слоев 15 и 14 восточной галереи и, скорее всего, более древние индустрии связаны со слоями 22 и 21 в центральном зале пещеры [Природная среда..., 2003]. Эта коллекция значительно меньше (612 экз.), однако в целом с технико-типологической точки зрения соответствует рассматриваемым комплексам из галереи.

Каменная индустрия из вышележащих слоев среднего палеолита (слои 13–11.3 в восточной галерее, слои 20–12 в центральном зале пещеры) отражает некоторый разрыв технико-типологической преемственности с предшествующим археологическим комплексом раннего этапа среднего палеолита. В первичном расщеплении рассмотренных индустрий использовалась леваллуазская технология, направленная на получение удлиненных острий, пластин и отщепов, которые отсутствуют в коллекции из слоев 15 и 14, 22 и 21. Также в вышележащих комплексах широко представлены различные типы параллельных плоскостных нуклеусов, присутствуют подпризматические и торцовые ядрища. В индустрии сколов увеличивается процентное содержание удлиненных отщепов, появляются регулярные пластины.

Наиболее древний этап проникновения палеолитического человека на территорию Алтая представляют архаичные галечные орудия из отложений среднего плейстоцена стоянки Карамы, расположенной в долине Ануя, в 14 км ниже по течению от Денисовой пещеры. Каменные артефакты стоянки, представленные в основном нуклевидно обколотыми гальками, скреблами и чопперами на массивных гальках, зубчатыми и зубчато-выемчатыми орудиями на сколах, связаны с отложениями возрастом 600–800 тыс. лет [Стоянка..., 2005].

Достоверных свидетельств пребывания на Алтае человека на рубеже нижнего и среднего плейстоцена (кислородно-изотопные стадии 14–9) пока не обнаружено. Следующий эпизод проникновения в регион древних популяций с принципиально иной индустрией отражают материалы раннего этапа среднего палеолита из нижней части плейстоценовой толщи Денисовой пещеры. Хронологически и/или культурно близких комплексов индустрии слоев 15 и 14 восточной галереи и слоев 22 и 21 центрального зала на территории Алтая пока не обнаружено.

Библиографический список

Агаджанян А.К., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Новые материалы по мелким позвоночным из восточной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015. Т. XXI. С. 7–10.

Болиховская Н.С., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Предварительные результаты палинологического анализа плейстоценовых слоев 12–17 в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII. С. 12–14.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Козликин М.Б., Чеха А.М. Новые результаты исследования среднего палеолита в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 79–83.

Козликин М.Б. Каменная индустрия раннего этапа среднего палеолита из восточной галереи Денисовой пещеры: материалы 2016 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII. С. 84–88.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. Новосибирск, 2003. 448 с.

Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Н.С. Болиховская, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, Н.А. Кулик, В.А. Ульянов, К.А. Чиркин. Новосибирск, 2005. 88 с.

Ульянов В.А., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Шуньков М.В. Строение плейстоценовых отложений в центральном зале Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII. С. 169–172.

Ульянов В.А., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Строение разреза плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры (по данным раскопок 2015 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015. Т. XXI. С. 157–160.

© 2017, К.А. Колобова¹, В.П. Чабай², С.В. Маркин¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

²Институт археологии НАН Украины, Киев

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ (Горный Алтай)

Территория Горного Алтая в настоящее время находится в центре мировых исследовательских интересов, поскольку было определено, что данная территория одновременно заселялась разными под-видами древнего человека, в частности, неандертальцами и денисовцами, между популяциями которых могли происходить различного рода взаимодействия. Хронологически этот период приходится на финал среднего – начало раннего верхнего палеолита в регионе. В этом контексте Чагырская пещера является одним из ключевых памятников по изучению данного вопроса, поскольку здесь был получен уникальный многочисленный палеоантропологический материал, относящийся к неандертальскому антропологическому типу ископаемого человека. При исследованиях этого объекта (2007–2017 гг.) использовался комплекс естественнонаучных и археологических методов, основные результаты применения которых освещаются в настоящей статье.

Чагырская пещера (51°26'32.99", 83°09'16.28") расположена в предгорьях Северо-Западного Алтая. Пещера северной экспозиции, включающая два зала общей площадью 130 м², располагается на высоте 353 м над уровнем моря и на высоте 19 м от современного уровня р. Чарыш.

В составе заполнителя пещеры мощностью ок. 3,5 м выделяются голоценовые (слои 1–4) и неоплейстоценовые образования (слои 5–7). Плейстоценовые отложения разделяются на верхнюю и нижнюю части, отражающие различные седиментационные процессы. Верхняя часть в основном представлена субаэральными отложениями, включающими два слоя лёссовидных отложений (слои 5, 6а, 6б, 6в/1 and 6в/2). Нижняя часть отложений состоит из тяжелых суглинков (слои 7а–в; рис.).

Результаты проведения серий абсолютных датировок свидетельствуют о возрасте культуросодержащих отложений, соответствующего финалу стадии OIS-4 и началу стадии OIS-3 [Derevianko et al., 2017].

Слои 6а–6в2, с которыми связано заселение пещеры неандертальцами, накапливались в условиях континентального аридного климата. Слой 5 накапливался в более теплых и влажных условиях [Rudaya et al., 2017].

Палеоантропологические образцы происходят из слоев 5–6в2. В культурных комплексах пещеры Чагырская была обнаружена самая многочисленная коллекция остатков неандертальцев в Северной Азии [Viola et al., 2012]; более 70 находок краниальных и посткраниальных частей скелетов принадлежали нескольким индивидам разного возраста. Учитывая высокую вероятность получения ДНК в силу хорошей сохранности образцов, в настоящее время поводится ДНК-анализ с целью выявления внутренишей вариативности алтайских неандертальцев.

В течение полевых сезонов 2007–2016 гг. раскопки были сфокусированы на исследовании отложений в предвходовой и центральной части пещеры. Общая площадь раскопок составляет ок. 37 м². Культурные слои демонстрируют крайне высокую степень насыщенности литологических отложений каменными артефактами и обломками костей. Палеонтологические находки из слоев 5 и 6а в большей степени являются результатом активности хищников. При этом палеонтологические находки из слоев 6б, 6в1 и 6в2 являются результатом охотничьей деятельности неандертальцев, специализировавшихся в охоте на бизона (*Bison priscus*) [Vasiliev, 2013]. В процессе работ была определена представительная коллекция костяных орудий, представленных ретушерами (рис.-б) и отжимниками (личное сообщение М. Боманн, 2016).

Поперечный разрез пещеры Чагырская; каменные и костяные орудия из комплекса слоя бв/1

Для анализа каменных артефактов применялся технико-типологический анализ в рамках атрибутивного подхода, в результате чего составлялись таблицы технологически и морфометрически значимых признаков для каждого артефакта в категориях сколов, технических сколов, орудий, нуклеусов и двусторонних орудий с целью определения стилистических особенностей и функциональной принадлежности исследуемых комплексов. Чешуйки подразделялись по своим метрическим параметрам и в зависимости от морфологических характеристик определялись как обычные чешуйки или чешуйки утончения двусторонних изделий. Основные цели предложенного анализа состоят в реконструкции стилистических особенностей и функциональной направленности коллекций артефактов – определение моделей эксплуатации каменного сырья [Чабай, 2006].

Общая коллекция артефактов, найденных в слоях ба, бб, бв1 и бв2, составила 89539 экз. Из них к отходам производства, включающим обломки, осколки, чешуйки, отщепы до 20 мм, было отнесено 72427 экз. (80,9%). Типологически определяемые ядрища в исследуемых комплексах немногочисленны – 145 экз. (0,84% комплексов без отходов). Первичное расщепление было ориентировано на получение отщепов – 13820 экз. (80,7% комплексов без отходов). Значительную долю отщепов составляют различные варианты технических сколов. Пластины, которые не являлись основной целью расщепления, насчитывают 320 экз. (1,8% комплексов без отходов). Специфической чертой индустрий Чагырской пещеры на фоне других среднепалеолитических объектов региона является значительная доля орудий – 2827 экз. (16,52% комплексов без отходов).

В настоящее время технологическая и типологическая характеристика индустрии Чагырской пещеры базируется на детальном технико-типологическом изучении в рамках атрибутивного подхода комплекса слоя бв1 из раскопок 2008 г. (3021 экз.). В качестве сырья для изготовления артефактов использовался галечник из русла Чарыша, в непосредственной близости от пещеры [Derevyanko, Markin, Kulik et al., 2015].

Общая структура индустрии демонстрирует все признаки полного цикла утилизации каменного сырья внутри пещеры. Каменная технология основана на использовании ортогонального и радиального

приемов скалывания в рамках призматического принципа с целью получения укороченных заготовок, а также на применении плоско-выпуклого метода изготовления двусторонних орудий. В комплексах не было зафиксировано свидетельств применения техники леваллуа либо пластинчатой технологии.

К чешуйкам отнесены сколы с максимальной длиной или шириной, не превышающей 29,9 мм. Почти 18% чешуек по отношению ко всем чешуйкам с сохранившимися ударными площадками обладают признаками сколов, снятых при обработке лезвий двусторонних орудий.

К сколам отнесены все отдельности каменного сырья с выраженными вентральными и дорсальными поверхностями, длина или ширина которых ≥ 30 мм. Категория сколов подразделяется на три основных класса: отщепы, пластины и неопределимые сколы. К технологическим сколам отнесены первичные сколы, краевые сколы с коркой, сколы краевые реберчатые, сколы краевые латеральные, отщепы краевые с радиальных нуклеусов, отщепы технические и сколы оформления двусторонних орудий. Технологические сколы составляют 38,78% совокупности всех определимых отщепов и пластин.

Подавляющее большинство сколов составляют отщепы. Преобладают трапециевидные и прямоугольные по форме сколы (67,11%). При этом более трети (35,98%) приходится на трапециевидные формы. Для почти двух третей (60,90%) ось скалывания не совпадает с максимальной длиной сколов. Среди всех типов сколов доминируют продольные и ортогональные огранки. Далее следуют сколы с дорсальными поверхностями, покрытыми коркой, подперекрестными и латеральными негативами. Для всей совокупности сколов указывают на незначительные объемы подправок ударных площадок нуклеусов, что соответствует приведенным выше данным, полученным в результате анализа нуклеусов. Почти половина всех ударных площадок сколов относится к типу гладких. Более двух третей ударных площадок расположено в диапазоне от 90 до 119° по отношению к вентральной плоскости скалывания. Практически полностью отсутствует прием подправки карниза между ударной площадкой и дорсальной поверхностью скола.

Орудийный набор включает острия с ретушью (14,4%), скребла различных модификаций (70,9%), двусторонние острия (2,1%), двусторонние скребла (4,6%), тронкированно-фасетированные изделия (3,8%, рис. -1–5, 7–9). Скребки, зубчатые и выемчатые формы немногочисленны. В большинстве случаев орудия обработаны при помощи постоянной крутой сильномодифицирующей ретуши. Широко применялась вентральная подтеска при обработке скребел и остроконечников с ретушью. Орудия листовидной формы наиболее распространены среди острий, в то время как угловатые формы (трапециевидные и прямоугольные) доминируют среди скребел. Двусторонние орудия типа *Klausennismesser* и *Bocksteinmesser* были выделены среди двусторонних скребел и острий. Относительно большие размеры орудий, примерно одинаковое соотношение одинарных и конвергентных скребел, незначительное количество реутилизированных двусторонних орудий свидетельствуют о неинтенсивной деятельности по производству орудий на исследуемой площади.

Все прослеженные технологические и типологические характеристики каменной индустрии пещеры Чагырская на настоящем этапе исследований можно считать типичными для сибирячихинского варианта среднего палеолита Горного Алтая. К данному варианту также относятся немногочисленные комплексы пещеры им. Окладникова [Деревянко, Маркин, 2014]. Дальнейшие исследования всей совокупности комплексов пещеры Чагырская посредством естественнонаучных и археологических методов позволят реконструировать условия обитания и системы жизнеобеспечения алтайских неандертальцев в максимально возможной степени.

Библиографический список

Деревянко А.П., Маркин С.В. Стоянки и материалы сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Cultural developments in the Eurasian Paleolithic and the origin of anatomically modern humans. Novosibirsk, 2014. С. 50–59.

Чабай В.П. Історія і методи дослідження типологічної варіабельності середнього палеоліту Криму // Археологический альманах. 2006. №18. С. 5–46.

Derevianko A.P., Markin S.V., Rudaya N.A., Viola B., Zykin V.S., Zykina V.S., Chabai V.P., Kolobova K.A., Vasiliev S.K., Roberts R.G., Bo L., Jacobs Z. Interdisciplinary Studies of Chagyrskaya cave – Middle Paleolithic site of Altai. Novosibirsk, 2017.

Derevianko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A. Lithic Raw Material Exploitation in the Sibiryachikha Facies, the Middle Paleolithic of Altai // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2015. Vol. 43. P. 3–16.

Rudaya N., Vasiliev S., Viola B., Talamo S., Markin S. Palaeoenvironments during the period of the Neanderthals settlement in Chagyrskaya cave (Altai Mountains, Russia) // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2017. Vol. 467. P. 265–276.

Vasiliev S.K. Large Mammal Fauna from the Pleistocene Deposits of Chagyrskaya Cave, Northwestern Altai (Based on 2007–2011 Excavations) // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2013. Vol. 41. P. 28–44.

Viola B.Th., Markin S.V., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Dobrovolskaya M.V., Le Cabec A., Shun'kov M.V., Derevianko A.P., Hublin J.-J. New Neanderthal remains from Chagyrskaya Cave (Altai Mountains, Russian Federation) // *American Journal of Physical Anthropology*. 2012. Vol. 147. Suppl. 54. P. 293–294.

© 2017, Н.В. Косорукова, М.Г. Жилин

*Череповецкий государственный университет,
Череповецкое музейное объединение, Череповец;
Институт археологии РАН, Москва*

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ПОГОСТИЩЕ-15 В ВОСТОЧНОМ ПРИОНЕЖЬЕ

Торфяниковая стоянка Погостище-15 находится на севере Вологодской области, на р. Модлоне в бассейне оз. Воже. Находки эпохи мезолита залегают под оторфованным слоем в сапропеле, на глубине в среднем 1,1–1,2 м от верхней поверхности раскопанной площади, и включают изделия из кости, камня и дерева, кости животных и рыб. Радиоуглеродным и палинологическим методом стоянка датируется серединой – второй половиной бореального периода [Косорукова и др., 2017].

Среди костяных изделий наиболее многочисленны наконечники стрел, за период раскопок 2011–2016 гг. найдено 54 экз., включая 20 обломков, в том числе короткие фрагменты стержней и более длинные фрагменты стержня вместе с насадом, которые не позволяют точно определить тип изделия из-за отсутствия острия. По целым орудиям и с сохранившимся боевым концом (острием) выделены **следующие типы**.

1. С утолщенной биконической головкой (преобладают 23 экз.), стержнем округлого сечения (диаметр варьирует на разных участках стержня) и пирамидальным, реже коническим, насадом (рис. 1.-1–13; 3). Изделия различаются по размерам и пропорциям головки и ее оформлению (более характерны головки удлиненные, вытянутых пропорций, но также присутствуют головки короткие, как бы сжатые), длине изделия в целом (от довольно миниатюрных до более длинных – от 9 до 24–25 см), а также некоторым другим особенностям. Выделяются следующие варианты: 1) с гладкой головкой без поясков и уступов (3 экз.) (рис. 1.-11, 13); 2) с рельефным пояском в наиболее широкой части головки, подчеркнутым канавками (12) или без канавок (4) (рис. 1.-1–8, 12; 3); в пределах данного подтипа выделяется интересный вариант, когда верхний конец острия оттянут кверху и на самом конце оформлена еще как бы маленькая головка (2 экз.) (рис. 1.-1–2); 3) с кольцевым уступом в сторону острия (4 экз.) (рис. 1.-9–10). К данному типу относится и единственное деревянное орудие, представленное обломком.

2. К первому типу примыкает одно массивное изделие с рабочим концом, напоминающим биконическую головку, только она значительно более длинная и массивная, расширяющаяся в середине, с прерывистой нарезкой в наиболее широкой части, стержень изделия утолщенный, диаметр его немного больше, чем в целом наконечников первого типа (рис. 1.-14).

3. С конической головкой и пояском или канавкой в основании головки (3 экз.) (рис. 1.-15–17), причем один из них имеет еще и неглубокий паз для вкладышей в нижней половине стержня (рис. 1.-15).

4. Игловидный простой уплощенно-округлого сечения, с плоским сечением пера и округлым, несколько массивным сечением средней части орудия, насад конический (1 экз.) (рис. 2.-1).

5. Игловидный с уплощенно-овальным сечением и рельефным ободком в нижней трети орудия (над насадом) (1 экз., украшен орнаментом в виде нескольких продольных рядов из коротких горизонтальных насечек, а сразу над рельефным ободком прочерчены короткие крестики в виде горизонтально лежащих римских цифр «X») (рис. 2.-2).

6. Однокрылый с шипом на конце крыла и пазом со смолой и кремневыми вкладышами на противоположном крае (1 экз.) (рис. 2.-3).

Рис. 1. Погостище-15. Костяные наконечники стрел:
 1–14 – наконечники с биконической головкой; 15–17 – наконечники с конической головкой;
 18–19 – наконечник с рельефным пояском в верхней части насада и обломанным острием;
 20 – наконечник с обломанным острием и пазами для вкладышей в верхней части стержня

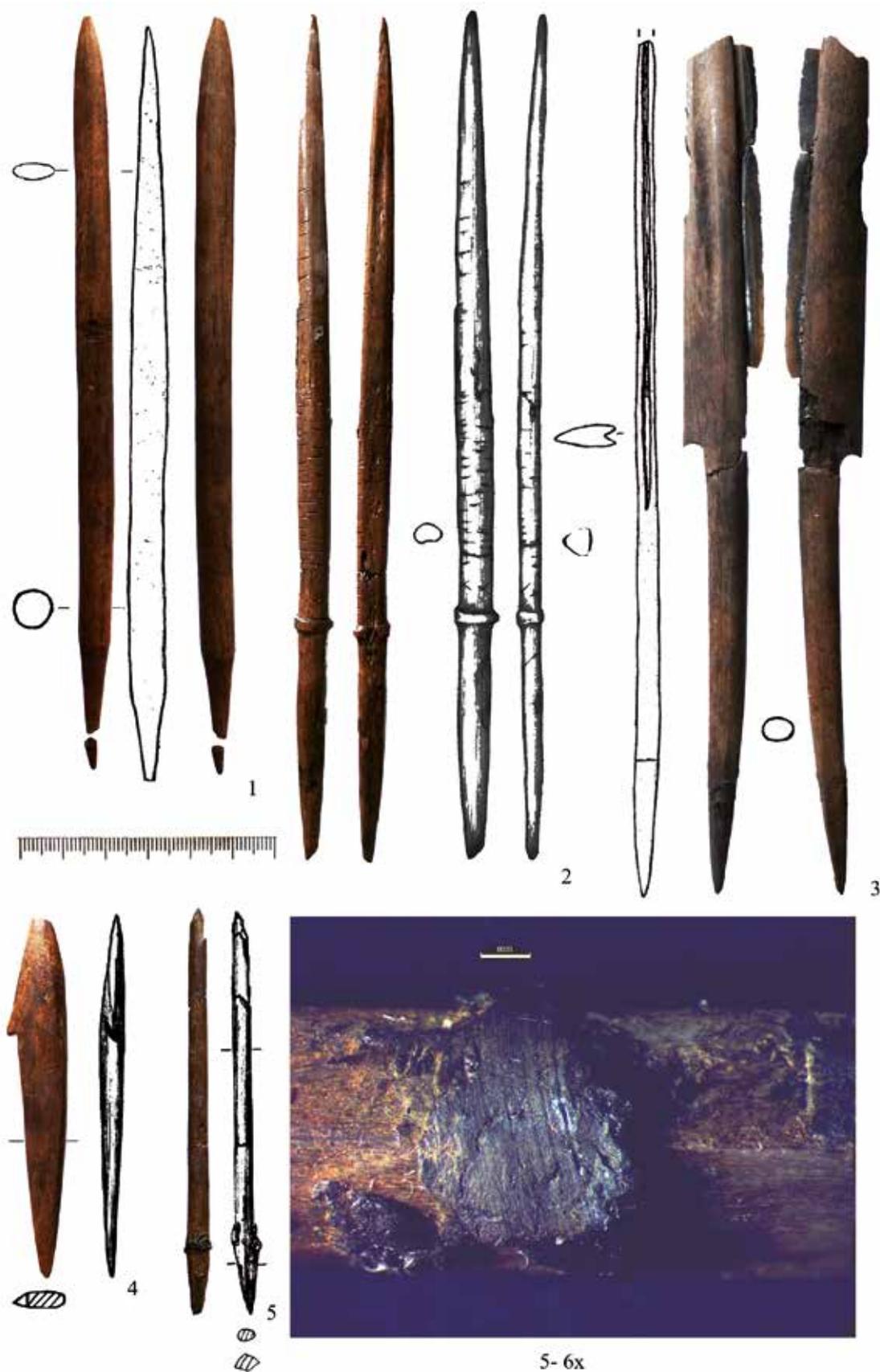

Рис. 2. Погостище-15. Костяные наконечники стрел: 1 – игловидный наконечник с уплощенной верхней частью изделия; 2 – игловидно-уплощенный с рельефным ободком в нижней трети стержня и орнаментом на стержне; 3 – однокрылый с шипом на конце крыла и пазом с вкладышами на противоположном крае; 4 – однокрылый асимметричный с коротким пером; 5 – обломок стержня наконечника и остатки клеящего вещества с поперечными следами обмотки на насаде этого наконечника (на микрофото)

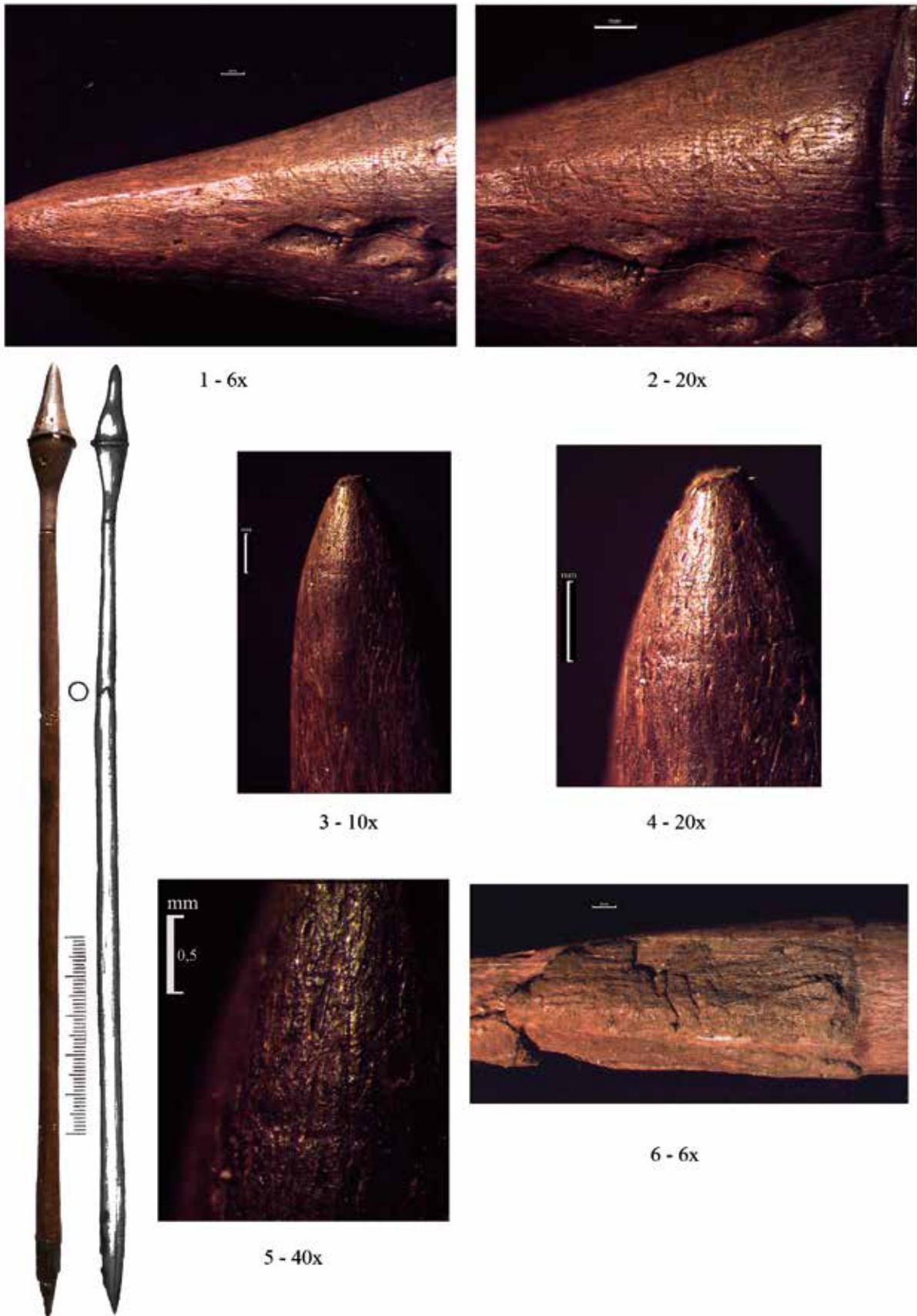

Рис. 3. Погостище-15. Костяной наконечник стрелы с биконической головкой и микрофото отдельных его участков: 1–2 – верхний конус головки наконечника со следами поперечной шлифовки мелкозернистым абразивом; 3–5 – следы работы на острие: смятость кончика, заполировка и тонкие царапины, идущие от острия наконечника вдоль оси и под острыми углами к ней (следы попаданий в зверя); 6 – остатки клеящего вещества с продольными отпечатками древесных волокон на насаде (крепление наконечника в расщеп древка)

7. Однокрылый асимметричный с относительно коротким пером (длина пера составляет одну треть длины орудия) и уплощенно-овальным сечением, шип пера (или зубец) – короткий, выделен под прямым углом к стержню; это единственный наконечник, найденный в целом виде (рис. 2.-4).

У двух довольно длинных наконечников острие обломано, их тип можно определить предположительно. Одно изделие, возможно, представляло игловидный наконечник с утолщением или выступом (рельефным ободком) в верхней части конического насада (рис. 1.-18). От второго, более массивного, наконечника сохранился длинный стержень круглого сечения, с насадом и пазами длиной 3 см для вкладышей у верхнего обломанного конца со следами смолы и обломком вкладыша из микропластинки (рис. 1.-19); острие, предположительно, могло иметь биконическую или коническую головку.

Аналогии. Все типы наконечников стрел из Погостища-15 известны на стоянках бореального времени в Волго-Окском междуречье, при этом игловидные с пояском на стержне, а также с конической головкой здесь единичны; вариант с биконической головкой и пазом для вкладышей на стержне не отмечен [Жилин, 2001]. В мезолите Прибалтики не представлены игловидные наконечники с поясками, нет и однокрылых вкладышевых, а наконечники с биконической головкой весьма малочисленны и не столь разнообразны. Те же типы, что в Погостище-15, представлены на мезолитических стоянках Зауралья и в Шигирской коллекции за исключением игловидных с пояском на стержне и с биконической головкой и пазом для вкладышей на стержне [Савченко, 2011]. На стоянке Веретье-1 в бассейне оз. Лаче (наиболее близко расположена в территориальном плане) наконечники стрел также преобладают среди костяных изделий, и наконечники с биконической головкой наиболее многочисленны; почти для всех типов можно найти здесь аналогии, за исключением наконечников второго и седьмого типов [Ошибкина, 2006].

Техника обработки. Изученные наконечники изготовлены из пластин, продольно вырезанных из стенок трубчатых костей. Заготовки обрабатывались при помощи продольного строгания или скобления. Такие детали, как поперечные пояски, оформлялись кольцевыми надпилами (рис. 3.-2) с последующим строганием, реже скоблением от надпила. Часто после чистового строгания наконечники обрабатывались шлифовкой на мелкозернистом абразиве, особенно в верхней части (рис. 3.-1-2), а некоторые после шлифовки еще и полировались. На двух обломках наконечников отмечены следы ремонта – край слома скошен, на нем следы смолы, а на противоположном крае – следы обмотки полоской растительного материала на смоле.

Следы использования. Кончик острия наконечников скруглен, смят или сколот, заполировка средней яркости постепенно затухает по мере удаления от острия, в ее пределах тонкие короткие царапины вдоль оси наконечника или под острыми углами к ней (рис. 3.-3-5). Такие следы говорят о попадании в мягкий среднезагрязненный материал. На большинстве изученных наконечников они выражены слабо, но на некоторых зафиксированы выразительные следы многократных попаданий. Эти наконечники, вероятно, использовались длительное время. На некоторых из них встречены следы попаданий в грунт, вероятно, при промахах. Кончик острия некоторых наконечников расщепился от попадания в твердый материал, возможно, при столкновении с костью. На кромке вкладышей составного наконечника микровыкрошенность на обе стороны, линия кромки извилистая, выступы слегка стерты, на выступающих участках вдоль кромки яркая заполировка без линейных следов.

На насадах ряда наконечников сохранилось темное клеящее вещество, иногда с отпечатками древесных волокон (рис. 2.-5; 3). Наконечник вставлялся в коническое гнездо в древке, либо заполненное смолой, либо насад был ею обмазан. Излишняя смола выдавилась из гнезда, образовав валик на стержне наконечника на границе древка. После чего древко в месте крепления наконечника было туго обвязано, но обмотка не заходила на стержень наконечника за пределами древка. Значительно реже на стержне перед насадом на смоле встречаются отпечатки спиральной обмотки полоской растительного материала.

Библиографический список

- Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001. 328 с.
- Косорукова Н.В., Кулькова М.А., Сапелко Т.В. Торфяниковая стоянка Погостище-15 по данным археологии и междисциплинарных исследований // Археологические вести. СПб., 2017.
- Ошибкина С.В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М., 2006. 322 с.
- Савченко С.Н. Костяные наконечники стрел в мезолите Урала // Замятнинский сборник. Вып. 2: Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии / под ред. Г.А. Хлопачева. СПб., 2011. С. 153–181.

© 2017, А.М. Кузнецов, Е.О. Роговской

Иркутский государственный университет, Иркутск

ДРЕВНЕЙШИЕ ЗУБЧАТЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТОЯНКИ ВЕРХОЛЕНСКАЯ ГОРА-I: ХРОНОЛОГИЯ, МОРФОЛОГИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Работа выполнена в рамках госзадания № 33.2057.2017/ПЧ Минобрнауки РФ

Костяные зубчатые наконечники фиксируются в материальной культуре обществ охотников-собираателей в период от среднего палеолита до этнографической современности. Древнейшие на сегодняшний день, но хронологически изолированные зубчатые наконечники найдены в Центральной Африке, на стоянках среднего и финального палеолита долины р. Семлики. Одна серия находок датируется возрастом около 90 тыс. л.н., другая – около 20 тыс. л.н.* [Yellen, 1998]. Сравнительно непрерывная технологическая эволюция зубчатых наконечников прослеживается в Европе на материалах мадленской культуры. Надежные даты по мадленским «гарпунам» начинаются от 15,5 тыс. л.н. [Pettillon, 2009].

В Азии самые ранние находки датируются периодом финального палеолита и фиксируются на пещерных стоянках Сиаогушань (Северный Китай) и Мааньшань (Южный Китай). В первом случае возраст культурного слоя, содержащего наконечники, был определен в широких хронологических рамках от 40 до 20 тыс. л.н. [Bone artifacts and..., 1986]. Во втором случае получены более точные датировки – от 23 до 18 тыс. л.н. [Ma'anshan cave and..., 2016].

В Байкальской Сибири древнейшие зубчатые наконечники фиксируются в отложениях, датированных 11–12 тысячелетиями от наших дней на стоянках Верховенская Гора-I, Большой Якорь-I, Курла-I, Макарово-II и Стрижова Гора.

Многослойная стоянка **Верховенская Гора-I** расположена в долине Ангары, в 3 км к северу от центра Иркутска. Зубчатые наконечники зафиксированы в самом нижнем III и во II культуросодержащих горизонтах, включающих так называемые *композитные* уровни залегания материала. Если по III горизонту получены радиоуглеродные даты по кости 12570±180 л.н. (МО-441), 12050±120 л.н. (СОАН-6115), 12110±120 л.н. (СОАН-6116) [Когай, 2007], то для II горизонта исследователи, основываясь на стратиграфических наблюдениях, предлагают датировку 11–10 тыс. л.н. [Стратиграфия, палеография и археология..., 1991].

Общее количество найденных костяных зубчатых наконечников за более чем 120-летнюю историю изучения Верховенской Горы составляет 17 экземпляров.

Три из них на основании публикаций авторов раскопок и сохранившейся полевой документации достоверно относятся к III культуросодержащему горизонту.

Первый наконечник изготовлен из роговой пластины (рис. 2.-3). Имеет два ряда асимметрично вырезанных зубцов. Насад плоский, подтреугольной формы, с четко вырезанными выступами – «плечиками». На насаде фиксируются параллельные горизонтальные прочерченности. Между насадом и первыми зубцами оформлено небольшое расширение ромбовидной формы.

Второе изделие представляет собой проксимальный фрагмент, состоящий из насада и двух фрагментированных зубцов (рис. 1.-8). В верхней части насада под углом к продольной оси изделия оформлена косая прорезь. Насад уплощен, овальных очертаний, с параллельными горизонтальными прочерченностями. Судя по сохранившимся фрагментам зубцов, они были расположены в два ряда и асимметрично.

Третье изделие хотя и обладает зубцами, формально не может быть отнесено к зубчатым наконечникам (рис. 1.-1). Предположительно оно представляет собой шаблон для вырезания зубцов.

Остальные 14 зубчатых наконечников с большой долей вероятности можно отнести ко II горизонту (рис. 1.-2, 5–7; 2.-1, 2, 4–6). Здесь представлены оба морфологических типа наконечников, что и в III горизонте: с плоским насадом и косой прорезью (8 экз.) и подтреугольным насадом с четко оформленными выступами – «плечиками» (3 экз.). Оставшиеся три фрагмента зубчатых наконечников представлены медиальной и дистальной частями орудий (рис. 1.-3–4), вследствие чего их нельзя причислить к той или иной группе. Однако все они демонстрируют уплощенность в сечении, а два изделия – асимметрично расположенные зубцы в два ряда.

* Здесь и далее даны некалиброванные даты.

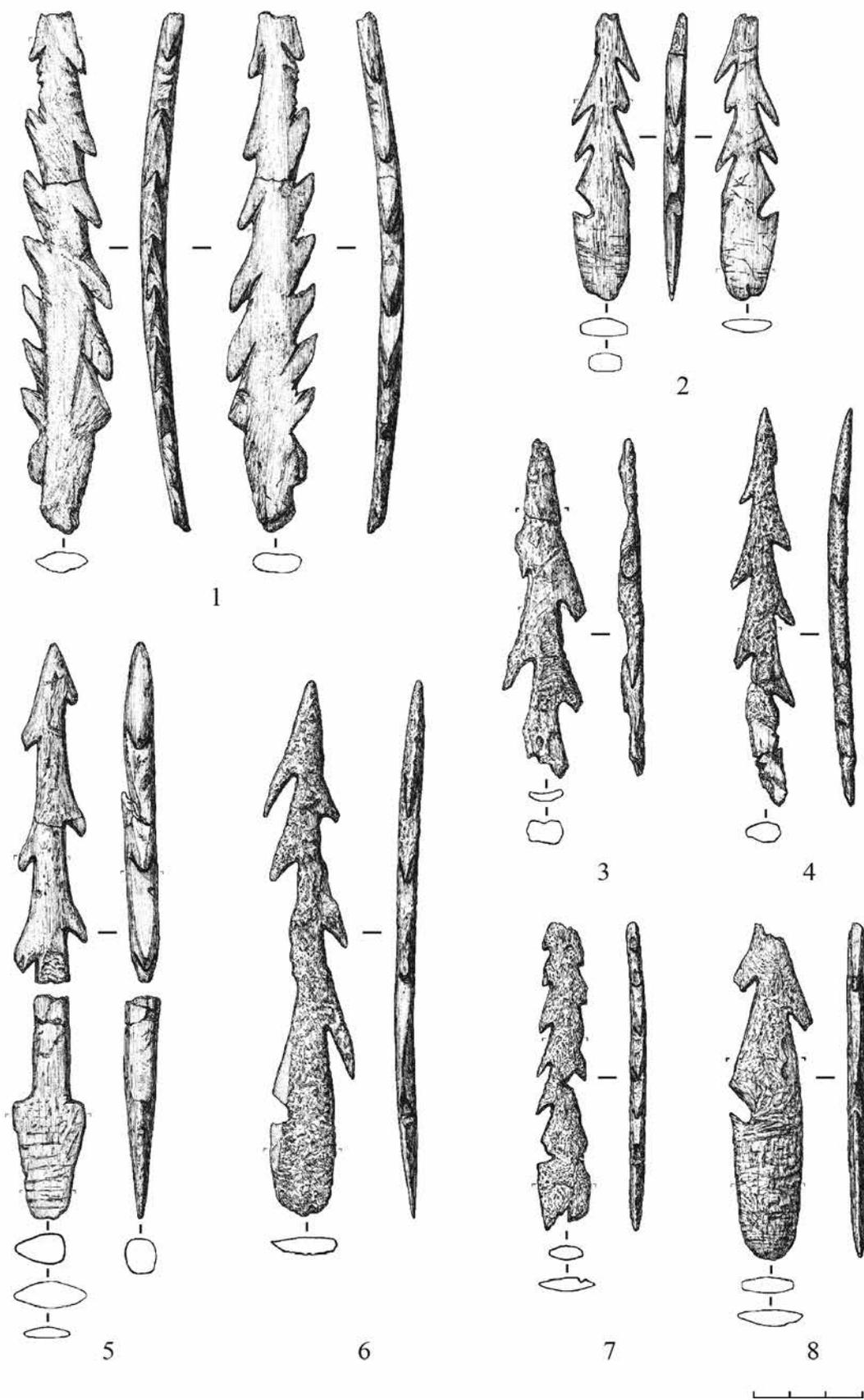

Рис. 1. Зубчатые наконечники Верхоленской Горы-I (1)

При определении функционала зубчатых наконечников авторы опирались на этноархеологические разработки зарубежных исследователей [Pettilon, 2009; Weniger, 1992].

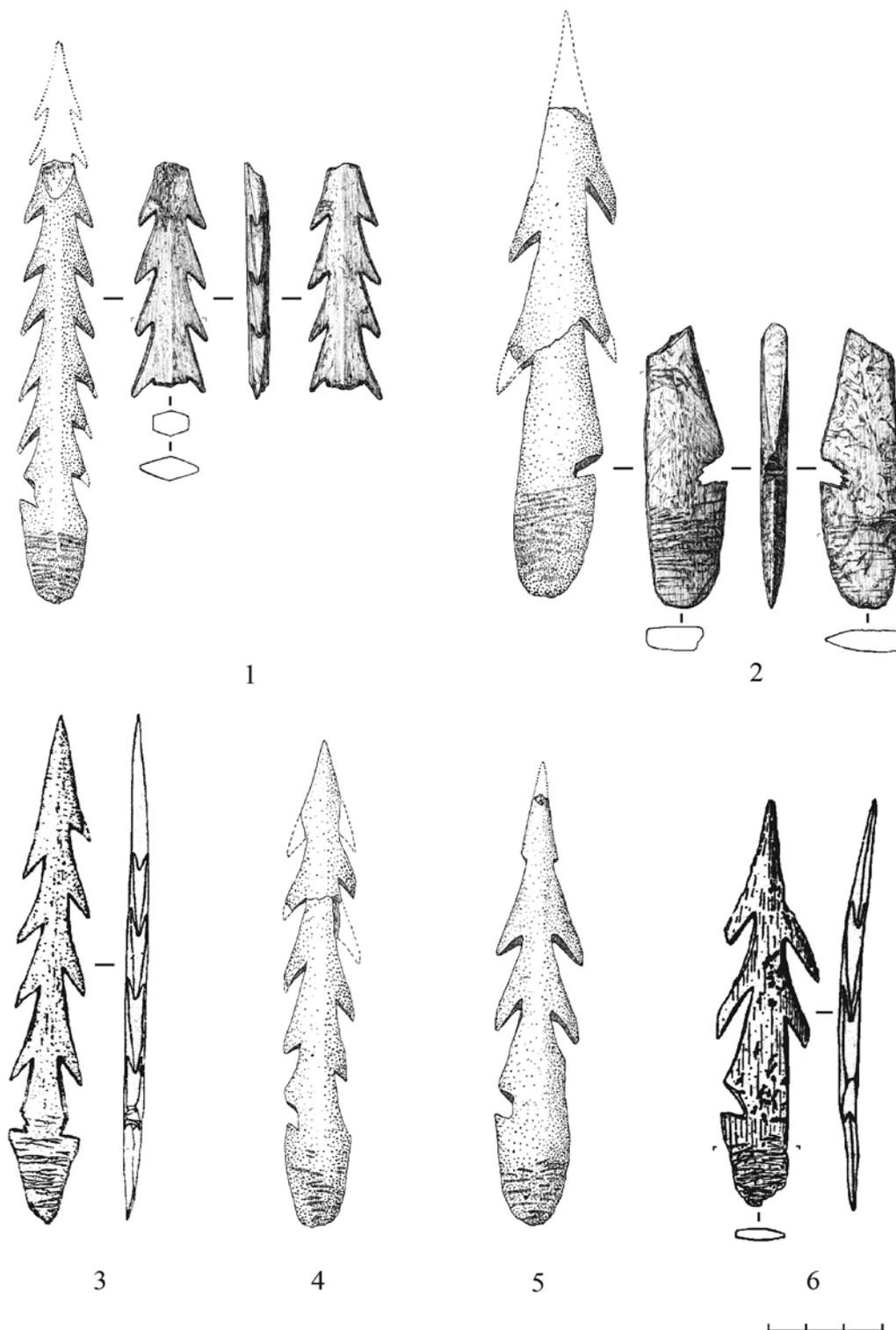

Рис. 2. Зубчатые наконечники Верхоленской Горы-I (2)

По соотношению длины к ширине получены следующие пропорции – на шести целых экземплярах они составляют от 1/5 до 1/8. По расчетам зарубежных авторов, это соответствует параметрам этнографических гарпунов.

Другая морфометрическая характеристика: от 28 до 50% ширины зубчатой части орудий занимают зубцы. Полученные данные говорят о том, что зубцы занимали от 1/3 до 2/3 ширины зубчатой части, т.е. были конструктивно предназначены для хорошей фиксации в теле жертвы. На это же указывает их количество – в пределах одной стороны оно не превышает этнографические показатели для гарпунных типов орудий.

Большинство зубчатых наконечников Верхоленской Горы имеет уплощенную базу с прорезью или плечиками, т.е., по применяемой этнографической классификации, конструктивно предполагает зажимной насад, типичный для несъемных наконечников. Кроме того, большинство наконечников имеет расположенные поперек, параллельные, тонко прорезанные линии на проксимальной части насада, которые предположительно предназначались для лучшей фиксации наконечника в древке, конкретно в процессе их склеивания, что было экспериментально подтверждено [Pettillon, 2009].

Таким образом, в соответствии с морфометрическими данными, можно отнести большинство зубчатых наконечников Верхоленской Горы к гарпунному типу орудий с несъемной либо многосоставной головной частью. Исходя из присутствия в видовой зооархеологической коллекции II и III горизонтов ихтиофауны, предполагается использование этих орудий для рыбной ловли.

Библиографический список

Когай С.А. О возрасте, стратиграфии и планиграфии техноморфологического ансамбля Верхоленской Горы // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Иркутск, 2007. Т. 1. С. 290–295.

Стратиграфия, палеография и археология Средней Сибири: (к XIII Конгрессу ИНКВА) / отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев, В.В. Свинин. Иркутск, 1990. 165 с.

Pettillon J.-M. What are these barbs for? Preliminary study on the function of the Upper Magdalenian barbed weapon tips // *Palethnologie*. 2009. №1. P. 66–97.

Weniger G.-C. Function and Form: An ethnoarchaeological analysis of barbed points from northern hunter-gatherers // *Ethnoarcheologie: Justification, Problemes, Limites. XIIe rencontres Internationales d'Archeologie et d'Histoire d'Antibes*. Juan-les-Pins, 1992. P. 257–267.

Weiwen H., Zhenhong Z., Renyi F. Baofeng C., Jingyu L. Mingye Z., Hongkuan W. Bone artifacts and ornaments from Xiaogushan site of Haicheng, Liaoning province // *Acta Anthropologica Sinica*. 1986. Vol. 5. P. 259–266.

Yellen J. E. Barbed bone points: Tradition and continuity in Saharan and Sub-Saharan Africa // *African Arch. rev.* 1998. №15/3. P. 173–198.

Zhang S., d'Errico F., Backwell L. R., Zhanga Y., Chena F., Gao X. Ma'anshan cave and the origin of bone tool technology in China // *Journal of Archaeological Science*. 2016. Vol. 65. P. 57–69.

© 2017, С.А. Кулаков¹, А.С. Дятлов², А.А. Казарницкий³

¹Институт истории материальной культуры РАН,

²Санкт-Петербургский государственный университет,

³Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург

ОТКРЫТИЕ НОВОГО ПАМЯТНИКА КАМЕННОГО ВЕКА НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №14-21-12001а/м «Палеолит Западного Кавказа (Абхазия, Сочинское Причерноморье): памятники, индустрии, варианты»)

Весной 2014 г. А.С. Кизиловым были найдены артефакты в небольшом гроте в ущелье р. Мзымта, летом того же года были проведены осмотр и сборы в осыпи кремневых, каменных изделий и фаунистических остатков, которые полностью подтвердили факт открытия нового пещерного археологического памятника в Адлерском районе г. Сочи (рис. 1). В июле 2015 г. были проведены первые разведывательные раскопки в гроте, которые позволили наименовать памятник как «пещерная стоянка в гроте Ахцу». Памятник расположен на правом берегу Мзымты в 500 м на юго-запад от пос. Монастырь, на выходе реки из теснины Ахцу, которая дала ему название. Благодаря юго-восточной экспозиции, эта небольшая, уютная карстовая полость хорошо прогревается солнцем, вся видимая площадь (ок. 30 м²) которой покрыта рыхлыми пещерными отложениями. Абсолютная высота грота – 133 м, относительная высота над уровнем р. Мзымта – 12 м (рис. 2). В 2015 г. в гроте был поставлен шурф-зачистка в месте пересечения центральной оси полости, капельной линии и края осыпи пещерных отложений, глубиной более 3 м и площадью более 2 м². В общей сложности в шурфе-зачистке были разобраны 13 литологических подразделений [Кулаков и др., 2016].

Рис. 1. Расположение пещерных памятников каменного века в долине р. Мзымта: 1 – грот Ахцу; 2 – Кепшинская пещерная стоянка; 3 – Ахштырская пещерная стоянка

Рис. 2. Местоположение грота Ахцу

Несмотря на небольшой объем вскрытия, полученные наблюдения дают возможность разделить отложения в гроте на две литологические пачки (рис. 3, 4). Первая, верхняя, – культуросодержащие слои с 1 по 6, все они насыщены артефактами, фаунистическими остатками, встречались мелкие угольки и крупинки охры. Вторая, нижняя, – археологически стерильные слои 8–12, которые маркируются и сверху, и снизу горизонтами обвалов разновеликих известняковых глыб (слои 7 и 13). Кроме этого, внутри первой пачки выделяется очень яркий стратиграфический маркер – слой 3 – слой брекчии (рис. 3, 4), кото-

рый, очевидно, указывает на очень влажные условия накопления пещерных отложений. Грот в это время был переобводнен, на древней дневной поверхности стояла вода, перенасыщенная известью, при высыхании эта лужа превратилась в настоящий бетон. Благодаря этому событию, слой 3 бронировал и сохранил нижележащие культуросодержащие отложения. С другой стороны, слой 3 отделил, в литологическом плане, слои 1 и 2, которые содержат гораздо меньше известняковой щебенки, чем все остальные уровни.

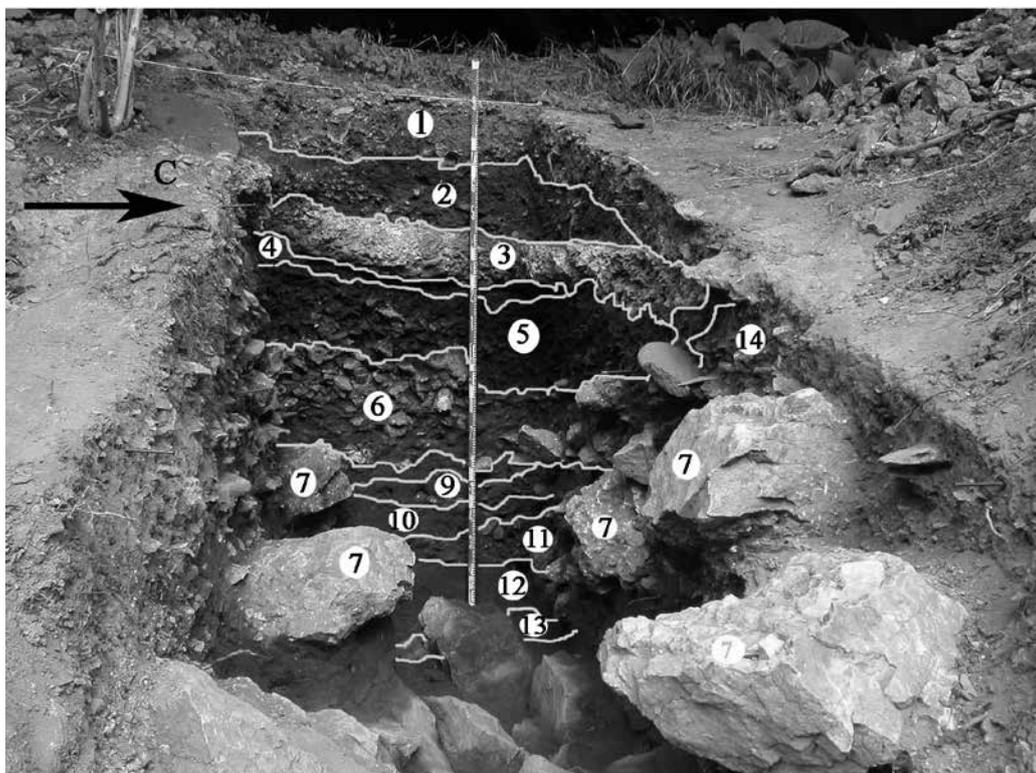

Рис. 3. Грот Ахцу. Стратиграфия отложений по западной стене шурфа (цифрами обозначены номера литологических слоев)

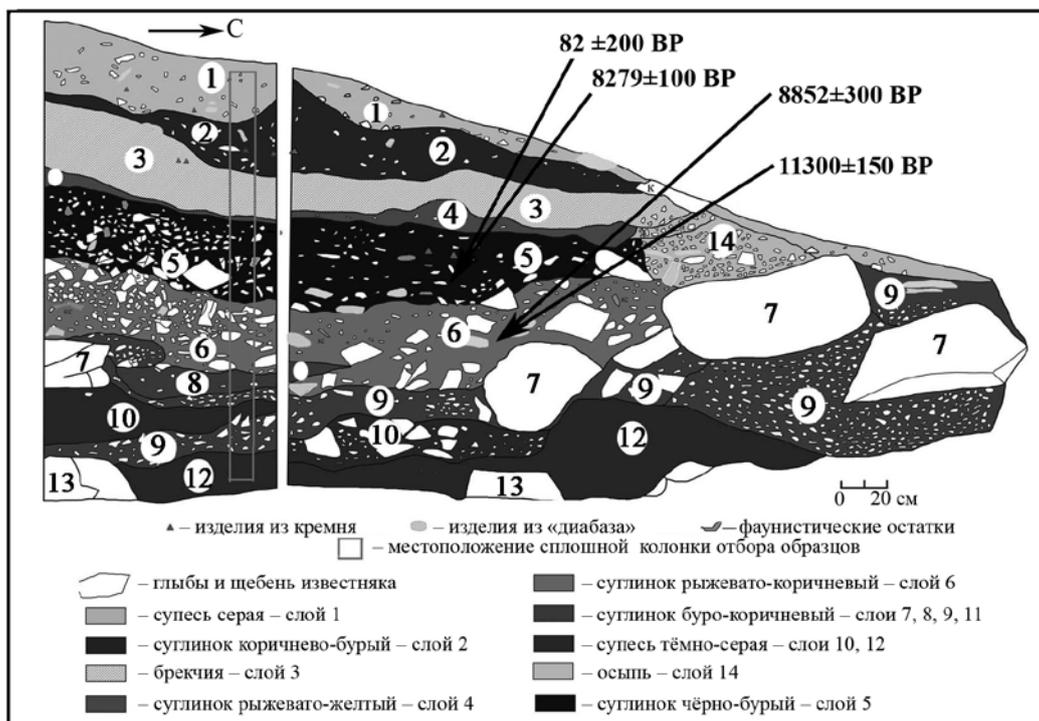

Рис. 4. Грот Ахцу. Сводный разрез пещерных отложений с датами из слоев 5/3 и 6. В каждой точке верхняя цифра — дата Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН, радиоуглеродная группа (Г.И. Зайцева), нижняя — дата Лаборатории изотопных исследований РГПУ им. А.И. Герцена (М.А. Кулькова)

В 2016 г. для нижних культуросодержащих слоев памятника были получены по кости абсолютные даты ^{14}C (табл. 1). Слой 5/3, наиболее богатый находками, был датирован обеими лабораториями одинаково – концом мезолитического времени на Кавказе – концом VII тысячелетия до н.э. Разница дат в более чем 2000 лет для слоя 6 пока может объясняться тем, что этот литологический уровень был сильнее разрушен на краю отложений, чем вышележащие слои. Вследствие чего костные остатки были перемешены еще в древности. Но в любом случае датировки слоя 6 говорят о его голоценовом возрасте.

Таблица 1

Грот Ахцу 2015 г. Шурф 01. Абсолютные даты (BP) по костным остаткам

Лаборатория	Слой 6	Слой 5/3
Радиоуглеродная лаборатория ИИМК РАН (Г.И. Зайцева)	LE-11398 : 8852 ± 300	LE-11399 : 8280 ± 200
Лаборатория изотопных исследований РГПУ им. А.И. Герцена (М.А. Кулькова)	SPB-2074 : 11300 ± 150	SPB-2075 : 8279 ± 100

Коллекции каменных изделий из культуросодержащих слоев и осыпи (около 700 экз.) состоят в основном из сколов, их обломков и отходов их производства; ядрища и орудия немногочисленны. По сырьевому составу коллекция артефактов четко разделяется на три компонента. Достаточно представительный кремнёвый, около 500 изделий – кремнь хорошего качества, разноцветный. Так как почти все ядрища и нуклевидные формы представлены на кремнёвом сырье, то, скорее всего, кремнёвое сырье было местное. Набор обработанных кремней уже позволяет предположить, что различные виды кремня использовались в разное время неодинаково. Так, в слоях 1–3 предпочтение отдавалось кремню серого цвета, в то время как в нижележащих слоях обитателями преимущественно использовался коричневый кремнь, а наибольшее разнообразие кремневого сырья отмечается в индустрии слоя 4.

Самый малочисленный компонент артефактов – изделия из обсидиана черного и темно-серого не местного происхождения. Использование обсидиана также имеет свои особенности. Его появление следует относить к 4-му слою, в нижележащем слое 5 его распространение достигает своего максимума. Obsидиановые изделия, за исключением остаточного сильно сработанного призматического нуклеуса и пластинки с краевой ретушью (слой 5), представлены сколами и их обломками.

Еще одним, но самым многочисленным компонентом коллекции артефактов грота являются изделия из местных галек, происходящих с пляжа р. Мзымты, в основном, серой и серо-зеленой мелкозернистой породы. Как и в случае с обсидианом, количество галечного компонента возрастает сверху вниз, наиболее активное его использование фиксируется в 5 слое.

Основную часть коллекций во всех слоях составляют расколотые гальки, галечные сколы и их обломки. Кремневый инвентарь всех культуросодержащих слоев характеризуется, главным образом, сколами и их обломками. Нуклеусы представлены призматическими формами.

Орудийные формы представлены разнообразными изделиями (табл. 2–3), типологическое определение которых производилось по общепринятым разработкам [Sonneville-Bordes, 1960; Tixier, 1963; Demars, Laurent, 1992].

Таблица 2

Грот Ахцу 2015 г. Шурф 01. Распределение кремнёвых и обсидиановых орудий по слоям

Наименование	Слой 1	Слой 2	Слой 3	Слой 4	Слой 5/1	Слой 5/2	Слой 5/3	Слой 6	Осыпь	Всего
Скребки концевые			1		2	2	1		5	11
Скребки округлые						1	1	1	1	4
Скребки высокой формы					1				1	2
Микроскребки				1						1
Резцы		1	1		1				3	6
Трапедии			1	1						2
Сегменты				2						2
Пластинки с притупленным краем					1					1
Тронкированные пластинки						1		1	1	3
Острия	1									2
Косоретушные острия									1	1
Проколки		1		1		2	1			4
Чешуйчатые орудия		1							1	2
Выемчатые орудия				1					1	2
Ножи				2						2
Комбинированные орудия	1			1						2
Сколы с ретушью	3	5	1	6	11	5	12	2	12	57
Итого	5	8	4	15	16	11	15	4	26	104

Таблица 3

Грот Ахцу 2015 г. Шурф 01. Распределение орудий из галек по слоям

Наименование	Слой 1	Слой 2	Слой 3	Слой 4	Слой 5/1	Слой 5/2	Слой 5/3	Слой 6	Осыпь	Всего
Топор							1			1
Груборубящие орудия на сколах									5	5
Тесло		1								1
Обломок тесла/топора	1									1
Бифас				1					1	2
Скребковидные изделия				1				1		2
Пластины с ретушью				1		1				2
Нож					1					1
Итого	1	1		3	1	1	1	1	6	15

Среди орудийных форм наиболее распространены различные сколы с регулярной и нерегулярной ретушью, они обнаружены во всех культуросодержащих слоях. Остальные категории орудий представлены единичными находками. Самыми представительными являются скребки, обнаруженные, главным образом, в слое 5. Наиболее интересным является слой 4, который содержит орудия геометрических форм – трапеции и сегменты.

Все кости, за исключением отдельных зубов, разбиты и имеют вид «кухонных остатков». Фаунистическую коллекцию из грота Ахцу определял А.К. Каспаров (ИИМК РАН) (табл. 4).

«Костный материал сильно фрагментирован. Достаточно сказать, что определимых или хотя бы частично определимых костей найдено всего 110, неопределимых же – 763. То есть процент определимых обломков составляет всего 12%. Фрагменты весьма мелкие, что затрудняет определение: крупным (лошадь, корова, олень) или мелким (козлы, бараны, свиньи) животным они принадлежали. Потому такое разделение в описи несколько условно.

В материалах достоверно выделены остатки бурого медведя, благородного оленя, дикого козла, дикого барана, куницы, лисы, а также немногочисленные остатки птиц и рыб. Из-за небольшого числа остатков количество особей подсчитать не удается...

Таблица 4

Грот Ахцу 2015 г. Шурф 01. Распределение костных остатков по слоям

Наименование	Слой 5	Слой 5/1	Слой 5/2	Слой 5/3	Слой 6	Слой 9	Осыпь	Всего
Благородный олень		1	4	6	2	1	2	16
Медведь бурый		2	2	2	1			7
Лиса		1						1
Куница		3	1					4
Дикий козел				3	1			4
Дикий баран				1	3			4
Дикие козел/баран	1			25	12		5	43
Косуля							1	1
Птицы		2		2				4
Рыбы				1			1	2
Моллюски							3	3
Волк/крупная собака							1	1
Лиса/мелкая собака							1	1
Овца/коза (дикие/домашние?)		3	1	12	5		2	23
Корова домашняя?			1					1
Неопределимые обломки	15	106	83	302	106	9	139	760
ИТОГО	16	118	92	354	130	10	155	875

Дикие животные представлены в коллекции разрозненными мелкими костями, в основном концевых отделов конечностей: обломками дистальных частей метаподий, фалангами, разрозненными запястными или заплюсневыми костями. Среди диких или предположительно диких копытных имеется большое количество отдельных зубов.

Несколько костей птиц принадлежат в основном небольшим особям, примерно размером с курицу, за исключением одной, из контекста Ш-01, сл. 5/2, которая принадлежала крупной птице размером с глухаря или журавля.

Рыбы представлены позвонками. Ориентировочный размер рыб составляет примерно 20, 50 и 60 см. То есть рыбы были довольно крупные...

Можно констатировать, что прямых доказательств наличия в материале домашних животных нет. Они определяются предположительно, просто исходя из не очень крупных размеров остатков (в основном зубов)...»

При обработке фаунистической коллекции А.К. Каспаровым были выделены, предположительно, антропологические находки (4 экз.), которые для обработки были переданы в МАЭ РАН. Специалисты Отдела антропологии Кунсткамеры подтвердили безусловную принадлежность этих находок *homo sapiens*, к сожалению, все они происходят из сборов в осыпи отложений. Это – три фрагмента теменной кости мозгового отдела черепа и один фрагмент проксимальной (или основной) фаланги одного из пальцев руки взрослого человека. Все три фрагмента теменной кости стыкуются друг с другом и собираются в один – это фрагменты правой теменной. На одной из граней самого большого фрагмента присутствует участок шва – вероятно, лямбдовидного. Этот шов зарастает, как правило, в возрасте старше 50 лет. Остальные швы мозгового отдела черепа зарастают еще раньше, поэтому сам факт наличия этого шва свидетельствует о том, что кости принадлежали далеко не старому человеку. То, что это и не ребенок, видно по фрагменту фаланги, ее проксимальный эпифиз полностью прирос к диафизу, а это происходит еще в 16–18 лет. При этом возрастных изменений на сохранившейся части суставной поверхности этого эпифиза нет, что, конечно, характерно для скелетов людей молодого возраста (приблизительно до 35–40 лет), однако одного маркера недостаточно, чтобы уверенно судить о биологическом возрасте погребенного. Маркеры пола отсутствуют вовсе.

Первоначальное исследование пещерной стоянки Ахцу уже дало некоторые неожиданные результаты.

1. Столь низкое над руслом реки геоморфологическое положение полости – неожиданно новое для Сочинского Причерноморья. До этого момента все пещерные памятники позднего каменного века находились гораздо выше. Самым низким была Малая Ахштырская пещерная стоянка, около 30 м над рекой, тогда как грот Ахцу – на высоте всего 12 м над р. Мзымта. Этот факт заставляет нас пересмотреть методику поиска пещерных памятников на Западном Кавказе.

2. Полное отсутствие керамики в гроте Ахцу как в слоях, так и на дневной поверхности и даже в осыпи. То есть все культуросодержащие слои памятника принадлежат к донеолитическому периоду на Западном Кавказе.

3. По предварительным наблюдениям А.К. Каспарова, на стоянке Ахцу возможно обнаружение, при дальнейшем накоплении костного материала, домашней фауны. Если это подтвердится, то стоянка Ахцу будет самым ранним свидетельством domestikации животных на Западном Кавказе.

4. Антропологические находки, к сожалению, пока в осыпи отложений, дают надежду на получение впервые для Западного Кавказа стратифицированных человеческих остатков для позднего каменного века.

Находка нового стратифицированного памятника времени каменного века всегда является уникальным явлением. Полное отсутствие фрагментов керамики и полученные первые датировки культуросодержащих отложений позволяют отнести индустрию стоянки Ахцу к эпохе мезолита Северо-Западного Кавказа. Судя по каменному инвентарю стоянки Ахцу, памятник предварительно можно сближать с «причерноморской мезолитической культурой» [Бадер, Церетели, 1989, с. 93], с памятниками ее «позднемезолитической хронологической группы» [Габуня, Церетели, 1977, с. 41].

Библиографический список

Бадер Н.О., Церетели Л.Д. Мезолит Кавказа // Мезолит СССР (Археология СССР). М., 1989. С. 93–105.

Габуня М.К., Церетели Л.Д. Мезолит Грузии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1977. Вып. 149.

Кулаков С.А., Кизилов А.С., Дятлов А.С. Открытие нового памятника каменного века в Сочинском Причерноморье // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа: XXIX. Крупновские чтения. Грозный, 2016. С. 36–38.

Demars P.-Y., Laurent P. Types d'outils lithiques du Paleolithique superieur en Europe. Paris, 1992.

Sonneville-Bordes D. de. Le paleolithique superieur en Perigord. Bordeaux, 1960. T. 1. P. 20.

Tixier J. Typologie de l'epipaleolithique en Maghreb. Paris, 1963. 209 p.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ НОВЫХ РАБОТ НА РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ БОГАТЫРИ/СИНЯЯ БАЛКА НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-09-00282 «Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя балка – самый северный пункт первоначального расселения человека из Африки: комплексные, междисциплинарные исследования»)

Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя балка входит в состав Таманского палеолитического комплекса, расположенного на южном берегу Азовского моря в районе пос. «За Родину» Темрюкского района Краснодарского края (рис. 1). Уникальный археологический объект был открыт в 2002 г., когда на палеонтологическом местонахождении Синяя балка – стратотипе таманского фаунистического комплекса были найдены каменные артефакты, залегающие *in situ* вместе с костями животных. Планомерные исследования стоянки Богатыри/Синяя балка проводились в 2003–2008, 2011, 2016 гг., были получены уникальные данные по эоплейстоценовой истории жизнедеятельности древнейших человеческих коллективов в Северной Евразии [Щелинский и др., 2004; Щелинский, Кулаков, 2007а; Кулаков, 2012; Несмеянов, Кулаков, 2013]. В это же время по соседству были открыты еще несколько разновременных палеолитических памятников, среди которых были раннепалеолитические местонахождения Родники-1 и 2, Кермек (рис. 1) [Щелинский, Кулаков, 2007б; Щелинский и др., 2010; Shchelinsky et al., 2010].

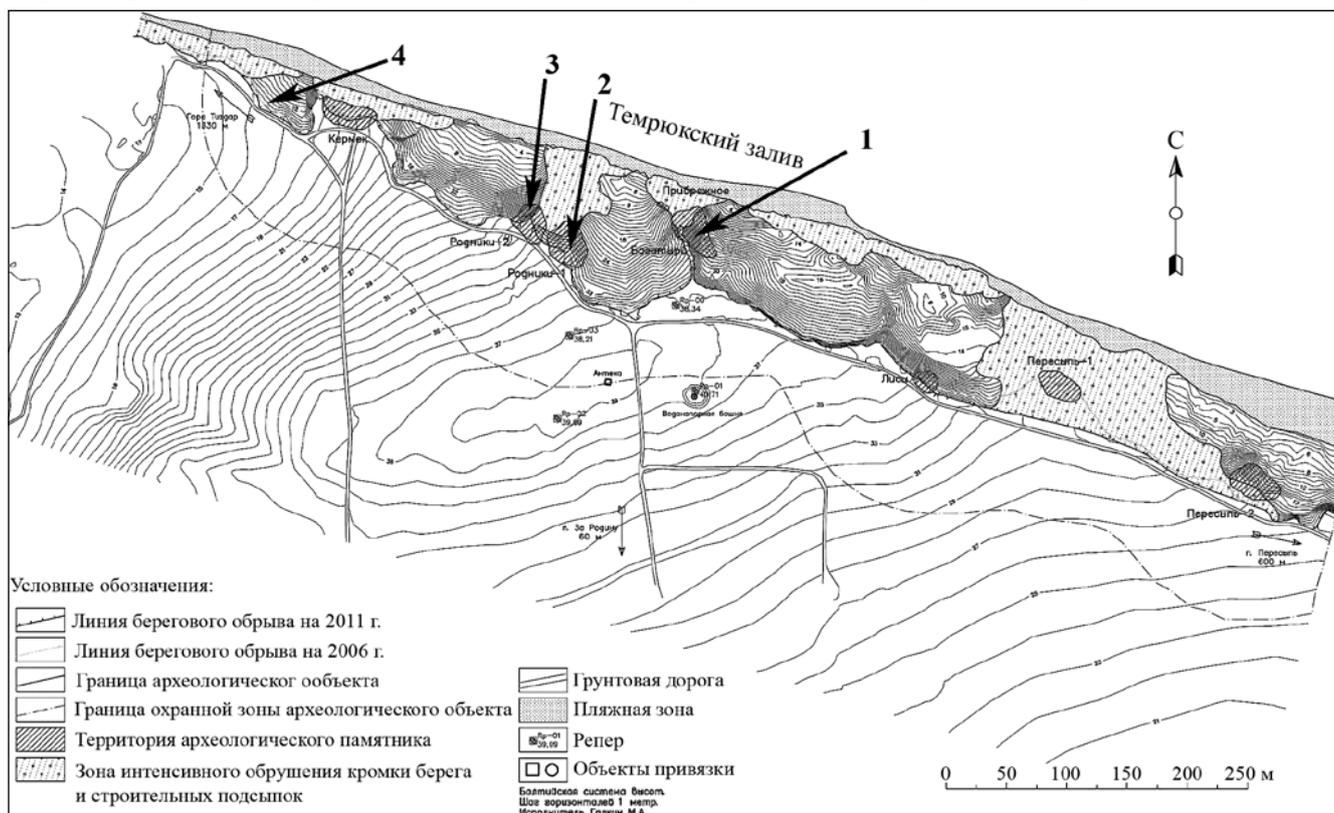
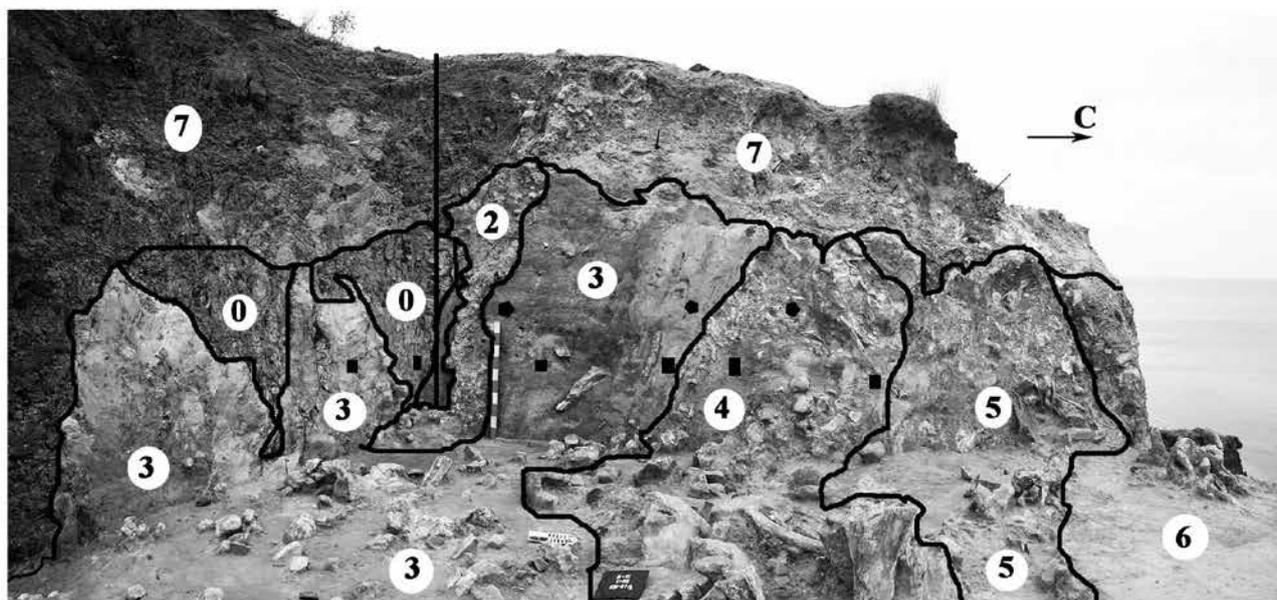

Рис. 1. Таманский палеолитический комплекс. Топоплан 2011 г. (выполнен М.А. Галкиным): 1 – стоянка Богатыри/Синяя балка; 2 – стоянка Родники-1; 3 – стоянка Родники-2; 4 – стоянка Кермек

Многолетние комплексные исследования стоянки Богатыри/Синяя балка неопровержимо доказали, что каменные изделия древнего человека и остатки костей животных таманской фауны залегают совместно в нескольких непо потревоженных литологических слоях, которые в результате геологических процессов дислоцированы – опрокинуты «на бок», на северо-восток под углом 90° (рис. 2) [Щелинский, Кулаков, 2007а; Несмеянов, 2010; Кулаков, 2012; Несмеянов, Кулаков 2013]. Многолетние полевые ра-

боты доказали, что западная часть мыса Богатырь в настоящее время не содержит культуросодержащих отложений. Таким образом, «овражно-селевая» версия образования объекта Богатыри/Синяя балка рассматривается геологами как основная [Верещагин, 1957; Лебедева, 1978; Несмеянов, 1999]. С другой стороны, комплексные исследования памятника убедительно показали уникальность этого памятника первоначального расселения человечества в Северной Евразии.

■ - Места отбора образцов на палеомагнитный анализ

Рис. 2. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя балка, раскоп 01.
Стратиграфия отложений по западной и южной стенам: 0–7 – нумерация слоев

В результате многолетних раскопок памятника сложилось устойчивое понимание геоморфологии и стратиграфии культуросодержащих отложений на стоянке Богатыри/Синяя балка. Особенно показательна для анализа стратиграфии западная стена раскопа, которая демонстрирует сложный вид горизонтальных и вертикальных взаимоотношений (нарушенность, переслаивание, линзовидность и пр.) подразделений культуросодержащих отложений многослойного памятника (рис. 2). Согласно современным представлениям [Кулаков, 2012], на материковый слой 0 «куяльницкой» глины непосредственно налегают непо потревоженные песчанисто-щебнистые слои водно-эолового происхождения. Слои 1 и 2 образовались непосредственно в пляжной зоне крупного водоема. Слой 3, толща разнозернистого серо-желтого песка, содержащая не образующие концентрации артефакты и кости животных, также образовался на берегу крупного водоема. «Костеносная толща» слоя 4 – линза в верхней части песчаной толщи, забитая разновеликими обломками, костной крошкой и целыми костями южных слонов и кавказских эламотериев. Среди этого костного «бурелома» и обнаружена основная коллекция артефактов стоянки. Щебнистые толщи 5 и 6 являются следами деятельности грязевых вулканов, с последующим их разрушением, здесь также встречаются фаунистические остатки и артефакты. Слой 7 – это разновременные «вложения», показывающие разрушения береговых отложений в районе памятника в виде разновеликих блоков и ступенчатое сползание этих блоков в море, которые могут иметь возраст от эоплейстоцена до голоцена. Таким разрушениям подверглись все культуросодержащие слои памятника, поэтому в этих «вложениях» встречаются и артефакты, и фаунистические остатки [Несмеянов и др., 2010; Несмеянов, Кулаков, 2013].

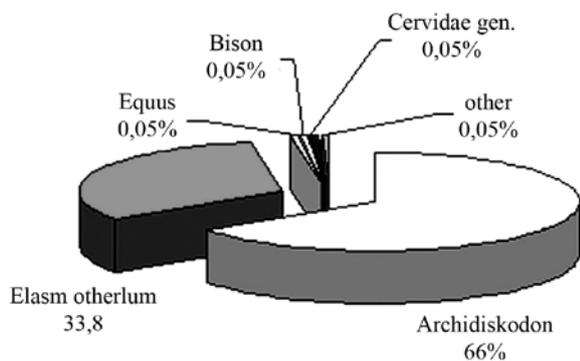
В плане стратиграфия культуросодержащих отложений стоянки полностью повторяет принципиальную последовательность (рис. 3, 4). Северную часть площади раскопа занимают чередующиеся разноцветные пески, мелкощебнистые отложения и брекчии с артефактами и фауной – фрагменты разрушенных слоев 1–4, местами сильно сцементированные, которые хорошо документируют наше положение о том, что здесь мы имеем следы разрушений и переотложений нижележащих «инситу» отложений в южной части раскопа. Костеносная толща слоя 4 занимает примерно треть площади раскопа, в его середине, являясь огромной линзой в слое песков. Заполнителем этого «хаоса» из костей, их обломков и костяной крошки является сопочная брекчия древнего грязевого вулкана, состоящая из се-

ро-коричневой глины со щебнем. Практически на всех костях имеются тончайшие глиняные корочки, которые свидетельствуют, что они захоранивались в жидкой глине, в болоте, скорее всего, в кальдере грязевого вулкана. Крупные кости, как правило, целые, разломаны, прежде всего, ребра и тонкие плоские кости. Иногда встречаются кости в анатомическом порядке. Артефакты находятся здесь же между костей. Мощные отложения серо-желтого и желто-рыжего песка слоя 3 занимают 2/3 площади в южной половине раскопа и включают окатыши глины и брекчии, отдельные крупные камни, артефакты и кости, покрытые песчано-цементной толстой коркой. Как правило, артефакты в этих слоях оглажены, иногда, окатаны. В юго-западном углу раскопа выделяется пятно конгломерата, состоящее из песка, окатышей глины и доломитового, разновеликого щебня – слой 2. Подстилает его тонкий слой сцементированного песка, забитого обломками и осколками раковин, – слой 1. Вся толща культуросодержащих слоев опирается на темно-серые и темно-коричневые «куяльницкие» глины слоя 0, содержащие морскую фауну.

Рис. 3. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя балка, раскоп 01.
Стратиграфия отложений в плоскости на уровне 25 горизонта

Богатая фаунистическая коллекция стоянки Богатыри/Синяя балка, происходящая из всех слоев памятника, оказалась чрезвычайно своеобразна. Все тысячи целых и определимых костей животных и несколько тысяч их обломков принадлежат исключительно таманскому слону (*Archidiskodon meridionalis tamanensis*) и кавказскому эласмотерию (*Elasmotherium caucasicum*). За все годы исследований памятника было расчищено около 16 особей слонов и 14 особей эласмотерия разного возраста, и найдено только четыре кости других животных. Наши коллеги палеонтологи немного ошибаются, определяя процентное содержание состава фаунистической коллекции, когда костям лошади, бизона, косули и обломку выделяют по целому проценту. Правильнее было бы считать на эти четыре единичные кости не по 1%, а по 0,05% каждой. Тогда слон и эласмотерий по праву займут в коллекции свои 66 и 33,8% (диаграмма).

Процентное соотношение костных остатков видов животных на стоянке Богатыри/Синяя балка

Непосредственно в раскопе на стоянке Богатыри/Синяя балка исследователями А.Е. Додоновым и В.М. Трубиным два раза (2007 и 2016 гг.) проводился отбор образцов для палеомагнитного анализа культуросодержащих отложений (рис. 2). Все образцы в обеих сериях (3 и 6 экз.) дали одинаковый результат, везде «минус» хрона Матуяма, т.е. древнее 800 тыс. л.н. [Щелинский и др., 2008; Щелинский и др., 2010; Shchelinsky et al., 2010]. Таким образом, палеомагнитные датировки культуросодержащих отложений памятника полностью вписываются в общепринятую датировку таманского фаунистического комплекса [Вангейгем и др.,

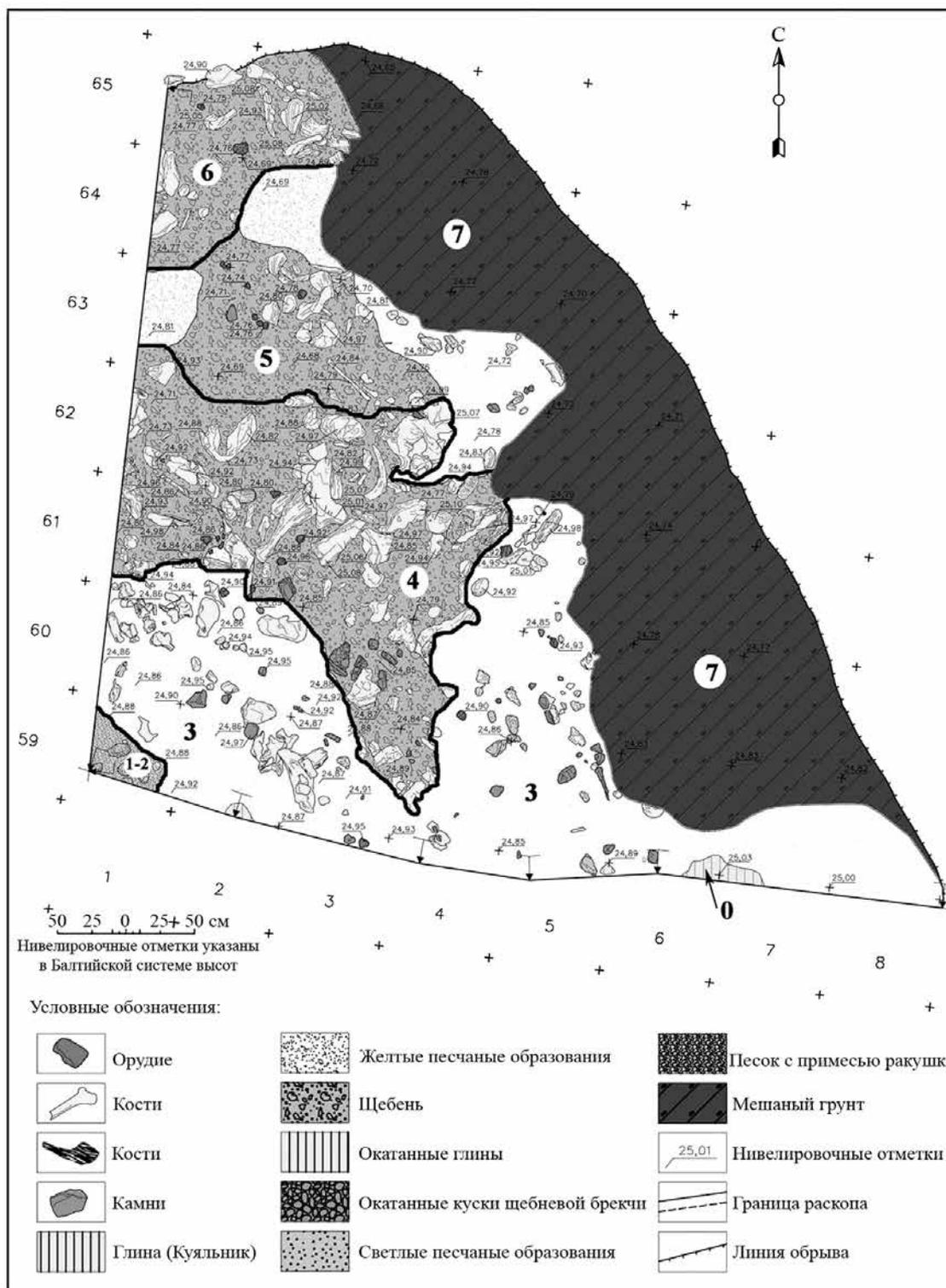

Рис. 4. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя балка, раскоп 01.
Стратиграфия отложений в плоскости на уровне 25 горизонта. План

1991], которую некоторые исследователи в настоящее время опускают до 1,6 млн л.н. [Саблин, 2010; Тесаков, Титов, 2013].

Каменные изделия раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя балка, изготовленные только из местного сырья, составляют единую индустрию и по составу коллекции (табл. 1) наиболее всего принадлежат олдованской традиции. Основу индустрии составляют предметы, которые находились *in situ* в слоях 2–4. Немногочисленные находки из слоя 1–2, происходящие из зоны контакта слоев 2 и 3, хорошо демонстрируют положение о редком появлении эректусов на пляже древнего водоема. Арте-

факты слоя 3 показывают уверенное обживание людьми берегов этого водоема. Самая богатая коллекция каменных изделий из слоя 4 демонстрирует долгое проживание и уникальную адаптацию человеческих коллективов в данном месте. Артефакты из слоев 5 и 6, также принадлежащие этой индустрии, были переотложены в результате разрушения отложений в древности. Изделия из осыпи – результат процессов современного разрушения берега моря.

Таблица 1

Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя балка. Распределение артефактов по слоям

Слой/квадраты	Нуклеидные	Сколы крупные	Сколы мелкие	Обломки с ретушью	Грубо-рубящие	Орудия	ИТОГО
1–2 сл. 59/1–2		1	7		2	1	11
3 сл. 59/3–8; 60/1–5	8	15	39	6	15	31	114
4 сл. 61/1–3; 62/1–3	8	19	25	10	23	49	134
5–6 сл. 63/1–3; 64/1–2; 65/1–2	8	20	18	6	10	16	78
Осыпь	11	29	36		28	33	137
ВСЕГО	35	84	125	22	78	130	474

Таблица 2

Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя балка. Распределение орудий по слоям

Орудия Слой	Чопперы	Грубо-рубящие	Скребла	Скребки	Острия	Зубчато-выемчатые	Клювовидные	Сколы с ретушью	Обломки с ретушью	ИТОГО
1–2 сл. 59/1–2	3		1	1						5
3 сл. 59/2–8; 60/1–5	18	2	7	9	14	3	1		6	60
4 сл. 61/1–3; 62/1–3	22	1	15	14	14	2	4	1	10	83
5–6 сл. 63/1–3; 64/1–2; 65/1–2	14		11	6	4	1		1	6	43
Осыпь	29		7	13	9	4		9		71
ВСЕГО	86	3	41	43	41	10	5	11	22	262

Каменные изделия «с вторичной обработкой» представлены разнообразными орудиями, сколами и обломками со следами использования (табл. 2). Лицо богатырской раннепалеолитической индустрии составляют разнообразные чопперы и грубо-рубящие орудия (78 экз.), выполненные на разновеликих доломитовых обломках. Среди орудий явно преобладают скребла, скребки и острия, имеющие разновеликие размеры и разнообразную морфологию, изготовленные как на крупных и мелких намеренных сколах, так и на разновеликих обломках доломита.

Принадлежность индустрии стоянки Богатыри/Синяя балка олдованской культурной традиции была изначально определена исследователями на основании геоморфологии памятника (эоплейстоцен) и морфологии каменных изделий [Щелинский, Кулаков, 2007а; Щелинский, Кулаков, 2009; Щелинский и др., 2010; Shchelinsky et al., 2010]. При этом сразу было выделено ее своеобразие как на общем олдованском фоне, так и на фоне раннепалеолитических индустрий Кавказа [Амирханов, 2016; Деревянко, 2009]. Свообразие богатырской индустрии проявляется в изобретении и использовании особых при-

емов расщепления камня, обусловленных, в основном, плитчатой формой местного сырья. В орудийном плане это своеобразие характеризуется в отсутствии категории пиков (если к ним не перечислять типичные острия, изготовленные на достаточно крупных доломитовых обломках), а также в полном отсутствии бифасиальной обработки на изделиях, даже на чопперах, среди них нет ни одного двустороннего.

Исследования и наблюдения дают возможность представить следующую картину природного окружения и жизнедеятельности первобытных коллективов на стоянке Богатыри/Синяя балка. Всё действие происходило на берегу большого водоема, являющегося, по всей видимости, заливом апшеронского бассейна Каспийского моря. Слои 1 и 2 демонстрируют первые, редкие появления древнейших людей на пляже у самой кромки воды. Мощная слоистая, эолово-морская песчаная толща слоя 3 свидетельствует о процессах жизнедеятельности человеческих коллективов на периодически затапливаемом берегу водоема, на этом же берегу паслись животные таманского фаунистического комплекса. Эту картину дополняет костеносная линза – слой 4, накопившаяся в это же время на берегах какого-то пресноводного водоема, использовавшегося слонами и эласмотериями как место водопоя и грязевых ванн. Таким водоемом вполне могла быть кальдера грязевого вулкана. Хищники и, возможно, древние люди, используя топкие берега такого водоема, могли охотиться здесь исключительно на этих крупных животных. Сами человеческие коллективы обитали поблизости, но на достаточно безопасном расстоянии. Примером таких жилых стоянок эректусов могут служить пятна концентрации артефактов на стоянках Родники-1 и 2. Такое функционирование памятников, видимо, совпадает со временем расцвета таманского фаунистического комплекса на Тамани. После этого картина сильно меняется, наступает время каких-то катаклизмов. Сначала происходит резкий сброс этого водоема-болота, с захоронившимися в нем орудиями и костями, в песчаную толщу, без большого смещения и переотложения. При этом происходит быстрое пересыхание водоема, на костях еще не начался процесс фоссилизации. Можно предположить, что эта катастрофа – следствие извержения крупного грязевого вулкана; подтверждением этого является слой 5 отложений памятника. Эта щебнистая толща похожа на грязекаменную вулканическую брекчию, которая при своем истекании захватила и перемешала участки песков (слоя 3) и костеносной толщи (слой 4). Застыв, этот щебнистый слой перекрыл, а после цементации даже и бронировал нижележащие культуросодержащие слои. Затем вновь тектоника разрушает берег, и целый огромный блок его, с законсервированным в нем памятником, опрокидывается на бок. Разрушения берега продолжаются в виде грязекаменных потоков – «селей», что демонстрируют нам мелкощебнистые отложения слоя 6, которые еще раз перекрывают и консервируют культуросодержащие отложения. Дальнейшее разрушение берега происходит склоновыми процессами в виде разновеликих блоков – слой 7, которые разламывают, захватывают и перемешивают различные, в том числе и культуросодержащие отложения.

Уникальность стоянки Богатыри/Синяя балка заключается в том, что она демонстрирует первое проявление подлинной адаптации древнейшего человека к конкретным природным условиям Таманского полуострова. Памятник рассматривается как место добычи мяса слонов и эласмотериев, возрастом более 1 млн л.н. Скорее всего, таманские слоны и эласмотерии, так же как и современные слоны и носороги, специально принимали грязевые ванны. А кальдера древнего грязевого вулкана, с озерцом пресной воды в середине и топкими грязевыми берегами, была часто посещаемым слонами и эласмотериями местом. При этом эти крупные и тяжелые млекопитающие, войдя в грязь, бесспорно, теряли свою подвижность и становились легкой добычей, прежде всего, кошачьих хищников и, возможно, *homo erectus*. Древние люди достаточно легко могли доставать из грязи и разделять остатки пиршеств кошек. Чему явно свидетельствует наличие среди костей каменных орудий, особенно крупных чопперов, скребел и острий. Но, как представляется, люди непосредственно на этом месте не жили, а использовали более удобные места в ближайшей округе, возможно местонахождения Родники-1 и 2, Кермек.

Библиографический список

- Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала, 2016. 344 с.
- Вангенгейм Э.А., Векуа М.Л., Жегалло В.И., Певзнер М.А., Тактакишвили И.Г., Тесаков А.С. Положение таманского фаунистического комплекса в стратиграфической и магнитохронологической шкалах // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. М., 1991. №60. С. 41–52.
- Верещагин Н.К. Остатки млекопитающих из нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова // Труды Зоологического института АН СССР. Л., 1957. Т. 22. С. 9–74.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск, 2009. 232 с.

Кулаков С.А. Новые данные по стратиграфии раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012. С. 81–84.

Лебедева Н.А. Корреляция антропогенных толщ Понто-Каспия. М., 1978.

Несмеянов С.А. Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита (на примере Западного Кавказа). М., 1999. 392 с.

Несмеянов С.А., Кулаков С.А. Геологическое строение раннепалеолитической стоянки Богатыри/Синяя Балка // Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии. СПб., 2013. С. 40–50.

Несмеянов С.А., Леонова Н.Б., Воейкова О.А. Палеоэкологическая реконструкция района Богатырей и Синея балки // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010. С. 47–61.

Саблин М.В. Наиболее вероятный возраст стоянки Богатыри // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010. С. 62–66.

Тесаков А.С., Титов В.В. Биостратиграфическая основа расчленения континентального нижнего плейстоцена (гелазий+калабрий) России // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: мат. VIII Всерос. совещания по изучению четвертичного периода. Ростов-н/Д, 2013. С. 628–630.

Щелинский В.Е., Додонов А.Е., Байгушева В.С., Кулаков С.А., Симакова А.С., Тесаков А.С., Титов В.В. Раннепалеолитические памятники Таманского полуострова (Южное Приазовье) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб., 2010. С. 11–46.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Богатыри (Синяя Балка) – раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // Российская археология. М., 2007а. №3. С. 7–18.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Новые данные о раннем палеолите на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2007б. №2. С. 155–165.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри (Синяя балка) и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) // Древнейшие миграции человека в Евразии: мат. Междунар. симпозиума. Новосибирск, 2009. С. 188–206.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А., Бозински Г., Киндлер Л. Открытие нижнепалеолитической стоянки на Таманском полуострове // Невский археолого-историографический сборник. СПб., 2004. С. 223–233.

Shchelinsky V.E., Dodonov A.E., Baigusheva V.S., Kulakov S.A., Simakova A.N., Tesakov A.S., Titov V.V. Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Suthern Azov Sea region, Russia): Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki // Quaternary International. 2010. №223–224. P. 28–35.

© 2017, Е.В. Леонова, О.И. Успенская (Александрова)

Институт археологии РАН, Москва

ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ИЗ РАСКОПОК ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ: К ВОПРОСУ О ФАЦИАЛЬНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №15-01-00380
«Комплексные исследования материалов многослойных
памятников Северо-Западного Кавказа навес Чыгай и пещера Двойная:
проблемы хронологии, периодизации, культурный контекст и природное окружение»)

Проблема хронологии и культурной дифференциации материалов верхнего палеолита и мезолита Кавказа поднималась еще С.Н. Замятниным [1957; Замятнин, Акритас, 1957] в середине XX в., была предложена концепция стадиального однолинейного развития. Позднее предлагались более дробное членение периодизации и локальная культурная дифференциация на заключительных этапах верхнего

палеолита и мезолита, получены немногочисленные, но стратифицированные материалы, позволяющие поставить проблему культурной и/или хронологической дифференциации раннеголоценовых материалов, а также пересмотрены и по-новому атрибутированы некоторые коллекции из раскопок прошлых лет [Бадер, 1964; Формозов 1965; Замятнин, Акритас, 1957; Бадер, Церетели, 1989; Амирханов, 1987].

В конце 1980-х и в 1990-е гг. выходит ряд работ, посвященных критическим обзорам источников по верхнему палеолиту Кавказа, переосмыслению материалов, и предприняты попытки создания периодизационных схем. Исследователями отмечается ущербность источников, связанная как с их сохранностью (многие коллекции полностью или частично утеряны), так и с уровнем методики раскопок прошлых лет, без дробной фиксации археологического материала, который на тот момент воспринимался как единый синхронный комплекс [Любин, 1989; Амирханов, 1994].

С середины 1990-х гг. начались полевые исследования памятников верхнего палеолита и мезолита на Северо-Западном, Центральном и Южном Кавказе, ведущиеся на качественно новом методическом уровне с применением разнообразных естественнонаучных методов, а также проведена ревизия некоторых старых коллекций, для материалов которых получены серии дат [Деревянко и др., 2004; Голованова, 2008; 2009; Беляева и др., 2009; Александровский, Александровская, 2009; Леонова, 2015]. Но позднее была предпринята попытка возродить в новом качестве имеретинскую культуру, которая должна вобрать в себя весь «пласт индустрий, представленных несколькими памятниками на Южном и Северном Кавказе, которые можно рассматривать как своеобразное культурное явление» [Голованова, Дороничев, 2012, с. 132]. «Новая» имеретинская культура помещена в так называемый эпипалеолит (от 16–15 до 13–12 тыс. л.н.). Опорным памятником для трактовки накопленных материалов при этом служит Мезмайская пещера, верхние слои которой на основе ряда радиоуглеродных дат и характера каменной индустрии отнесены авторами раскопок к поздней поре верхнего палеолита (эпипалеолиту). Присутствие в одной коллекции Мезмайской пещеры форм орудий, характерных для верхнего палеолита Кавказа, так и разнообразных (!) геометрических микролитов, характерных для мезолита, свидетельствует скорее о частичном смешении разновременных и, вероятно, разнокультурных материалов. В качестве подтверждения последнего тезиса могут служить коллекции, полученные из раскопок стратифицированных памятников Северо-Западного и Центрального Кавказа [Замятнин, Акритас, 1957; Леонова, 2015]. Недифференцированное обобщение материалов, на наш взгляд, отбрасывает состояние проблемы на середину XX в. и не может привести к решению вопросов генезиса, эволюции или смены культур.

Комплексные полевые исследования на Северо-Западном Кавказе, проводившиеся в 1990–2010-е гг., позволили наметить смену или развитие каменных индустрий в конце верхнего палеолита и в мезолите в этом регионе. На основании анализа стратиграфии и каменного инвентаря стратифицированных памятников пещера Двойная и навес Чыгай было выделено четыре периода заселения ущелья на рубеже плейстоцена и голоцена [Леонова, 2015], для каждого из которых присущи определенный набор и формы каменных орудий. Отчасти эти выводы подтверждаются и дополняются материалами навесов Губский-1 [Амирханов, 1986], Сосруко [Замятнин, Акритас, 1957]. Направление развития (или смены) мезолитических индустрий от более ранних без трапеций и с большим количеством сегментов к более поздним, где среди геометрических микролитов доминируют трапеции, совпадает с направлением развития или сменой мезолитических индустрий Горного Крыма [Бадер, 1964; Леонова, 2012], а на некоторых материалах даже прослеживается более тонкая культурная стратификация [Манько, 2010].

Однако существует точка зрения, что все специфические черты каменного инвентаря, характерные для отдельных хронологических этапов, выделенных на основе северокавказских стоянок, присущи лишь одной «возрожденной» имеретинской культуре [Голованова, Дороничев, 2012], а различия, прослеженные в памятниках Губского ущелья, могут быть объяснены фаціальностью*. Такая точка зрения заставляет еще раз обратиться к коллекциям из раскопок пещеры Двойной, где наиболее полно представлена последовательность культурных отложений.

Пещера Двойная исследована раскопом площадью около 25 м², что составляет примерно 1/5 ее площади (насколько отдельные культурные слои простираются по площади пещеры, неизвестно). Раскопом вскрыта западная часть грота, примыкающая непосредственно к входу. На основе стратиграфии выделено три культурных слоя: позднемезолитический (слой 4/5), раннемезолитический (слой 6) и верхнепалеолитический (слой 7). Во всех трех слоях представлены почти все основные категории

* Устное заявление Л.В. Головановой на семинаре «Проблемы изучения костяной индустрии каменного века Восточной Европы и Кавказа» (ИА РАН, апрель 2016).

каменного инвентаря: орудия для первичного расщепления, продукты первичного расщепления, орудия, их обломки и технологические сколы изготовления орудий. Структура каменного инвентаря во всех трех слоях схожа, а процентное соотношение различных групп из слоев 6 и 7* совпадает полностью (табл.).

Структура каменного инвентаря культурных слоев пещеры Двойная

	Нуклеусы и технологические сколы	Дебитаж		Отбойники ретушеры	Орудия	Технологические сколы пр-ва орудий	Всего
		отщепы	пластины				
Слой 4/5	102 (3%)	2880 (83%)		2	505 (14%)	5	3494
		1694	1186				
Слой 6	134 (4%)	2400 (79%)		8	527(17%)	2	3071
		1545	861				
Слой 7	159 (4%)	3339 (79%)		1	701 (17%)	14	4514
		1853	1481				

Доля нуклеусов и технологических сколов их подправки невелика и составляет от 3 до 4%. Основной заготовкой, на получение которой было направлено первичное расщепление, были пластинка и пластина: в нижнем слое преобладают пластинки, в мезолитических слоях соотношение пластинок и пластин равное, во всех слоях есть незначительная доля микропластинок. Одноплощадочные призматические ядрища для пластинок и пластин доминируют во всех трех слоях, но биполярные нуклеусы со встречным скалыванием заготовок происходят только из нижнего (7) слоя. В составе коллекции верхнего позднемезолитического слоя есть несколько уплощенных и конических одноплощадочных ядрищ для микропластинок, форма которых свидетельствует о применении техники отжима, есть и соответствующие заготовки.

При общем сходстве структуры всего комплекса коллекций соотношение отдельных групп орудий верхнепалеолитического слоя и мезолитических отличается. В слое 7 преобладают пластинки и микропластинки с притупленным краем (28%) и острия (16%). И лишь третью по численности группу составляют скребки (13%). В мезолитических слоях соотношение в пределах слоя пластинок и микропластинок с притупленным краем и острий равное: по 7 (слой 6) и по 8% (слой 4/5).

В мезолитических слоях доминируют скребки: 33% – в верхнем слое и 23% – в нижнем. Но во всех трех слоях преобладают концевые формы.

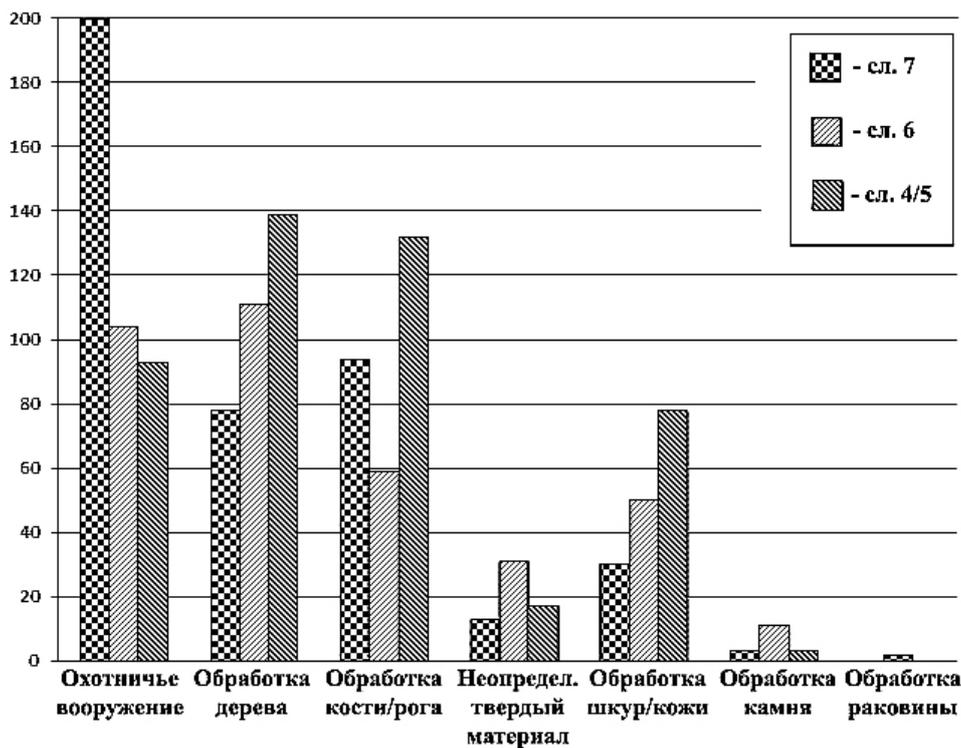
Резцов меньше, чем скребков, но если в верхнепалеолитическом слое разница составляет всего 3% (10%), то в верхних слоях соотношение более чем в 5–6 раз (4% – сл. 6; 8% – сл. 4/5). Примечательно, что в слоях 7 и 6 преобладают ретушные (для более раннего слоя характерны косоретушные) резцы, в верхнем слое формы доминируют на сломе и окончании заготовки.

Значительную долю орудий в мезолитических комплексах составляют выемчато-зубчатые орудия: 13 (сл. 6) и 11% (сл. 4/5). В верхнепалеолитическом слое этих орудий значительно меньше – всего 5%.

Доля геометрических микролитов в верхнепалеолитическом слое невелика – всего 3%, а в мезолитических эта группа вторая по численности после скребков – 14% (сл. 6) и 17% (сл. 4/5). Для каждого слоя характерны свои доминирующие формы микролитов: низкие асимметричные треугольники и прямоугольники происходят из 7-го слоя; в среднем слое абсолютно доминируют сегменты; в верхнем слое наряду с сегментами появляются разнообразные трапеции, включая так называемые *рогатые*. Во всех трех слоях присутствуют немногочисленные долотовидные орудия. Из позднемезолитического слоя происходит обломок рубящего орудия.

По данным трасологического анализа каменного инвентаря пещеры Двойная, для каждого из трех слоев фиксируется весь спектр деятельности, характерный для неспециализированных стоянок с выраженной охотничьей направленностью и полным циклом производственной деятельности, связанной с выполнением бытовых операций по утилизации охотничьей добычи, а также по изготовлению орудий из органических материалов, обработкой шкур/кожи [Александрова, 2015]. На материалах трех культурных слоев рубежа позднего плейстоцена – раннего голоцена прослежены три разных традиции оснащения охотничьего вооружения [Александрова, Леонова, 2017]. Количественное соотношение состава функциональных групп орудий на стоянках конца верхнего палеолита и мезолита пещеры Двойная позволяет выявить некоторые отличия в функциональной специфике хозяйственной деятельности на разных этапах заселения грота (рис.).

* Коллекция 2014 г., в которой большую часть составляют материалы 7-го слоя, не учитывалась.

Пещера Двойная. Количественное соотношение состава функциональных групп орудий на стоянках конца верхнего палеолита и мезолита пещеры Двойная

Только для материалов позднепалеолитической стоянки (лит. сл. 7) наблюдается абсолютное преобладание группы охотничьего вооружения (48% от всех орудий со следами), в то время как для материалов раннемезолитического (лит. сл. 6) и позднемезолитического (лит. сл. 4/5) времени характерно преобладание группы орудий для обработки различных твердых органических материалов (кости/рога, дерева).

Специфической особенностью раннемезолитического слоя пещеры Двойная является комплекс специализированных деревообрабатывающих орудий, морфологически определяемых как выемчатые и зубчато-выемчатые, он находит прямые аналогии в индустриях мезолитических памятников Европы [Guéret et al., 2014]. Для материалов позднемезолитического слоя наблюдается некоторая специализация орудийного комплекса, связанная со скоблением кости и прорезанием пазов, что может быть косвенно связано с наличием серии костяных оправ с пазом, интерпретируемых как основа для составного метательного вооружения.

Таким образом, при высокой степени сходства состава коллекций, происходящих из разных слоев, наблюдается ряд различий в формах отдельных групп каменного инвентаря, выделенных как на основе типологического, так и функционального анализов. Специфика форм кремневых изделий из отдельных слоев прослеживается в разных группах каменного инвентаря (нуклеусы, резцы, выемчатые орудия и т.д.), но наиболее ярко – в составе охотничьего вооружения. Комплекс конца верхнего палеолита с колющими наконечниками стрел и составным метательным вооружением (острия, пластинки с притупленным краем, низкие асимметричные треугольники) сменяется раннемезолитическим с преобладанием косолезвийных форм (сегменты) и позднемезолитическим, в котором присутствуют все функциональные типы наконечников, включая поперечнолезвийные (острия, сегменты, трапеции) [Александрова, Леонова, 2017]. Эти данные, а также стратиграфические и планиграфические наблюдения, аналогии в коллекциях других памятников Северного Кавказа позволяют уверенно говорить о культурно-хронологических различиях ансамблей каменного инвентаря пещеры Двойная, а не о фаціальности материалов. Остается открытым вопрос о статусе этих культурных проявлений – фиксируем ли мы отдельные этапы развития в рамках единой культуры или генезис этих индустрий (всех или нескольких) различен. Более подробное технико-типологическое изучение и расширение базы данных, возможно, позволит подойти к решению этой проблемы.

Библиографический список

Александрова О.И. Функциональный анализ каменного инвентаря стоянок конца верхнего палеолита и мезолита Губского ущелья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.

Александрова О.И., Леонова Е.В. Реконструкция охотничьего вооружения культур поздней поры верхнего палеолита и мезолита Северного Кавказа (по материалам пещеры Двойная) // *Stratum Plus*. 2017. №1. С. 255–270.

Александровский А.Л., Александровская Е.И. Новые естественнонаучные исследования археологических памятников в пещерах Губского ущелья (Кубанский Кавказ) // *Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе*. СПб., 2009.

Амирханов Х.А. Верхний палеолит Прикубанья. М., 1986.

Амирханов Х.А. Чохское поселение. М., 1987.

Амирханов Х.А. К проблеме эволюции и периодизации верхнего палеолита Западного Кавказа // *Российская археология*. 1994. №4.

Бадер Н.О. О соотношении верхнепалеолитических и мезолитических культур Крыма, Кавказа и Ближнего Востока // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. С. 1–11.

Бадер Н.О., Церетели Л.Д. Мезолит Кавказа // *Мезолит СССР*. М., 1989.

Беляева Е.В., Леонова Е.В., Любин В.П., Александровский А.Л., Александровская Е.И. Палеоэкологическая динамика и обитание человека в Губском микрорегионе (Кубанский Кавказ) в среднем палеолите – мезолите // *Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе*. СПб., 2009.

Голованова Л.В. Об одной важной черте верхнего палеолита Кавказа // *Наследие Кубани*. Краснодар, 2008. Вып. 1.

Голованова Л.В. Динамика изменения среды и культуры в позднем палеолите Северо-Западного Кавказа // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009.

Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // *Первобытные древности Евразии*. Воронеж; М.; СПб., 2012. С. 111–154.

Деревянко А.П., Зенин В.П., Анойкин А.А., Рыбин Е.П., Керэфов Б.М., Виндугов Х.Х. Бадыноко – новое многослойное местонахождение каменного века в Кабардино-Балкарии // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. 1. С. 70–76.

Замятнин С.Н. Палеолит Западного Закавказья. Т. 1: Палеолитические пещеры Имеретии // *Сборник Музея антропологии и этнографии*. 1957. Т. 17.

Замятнин С.Н., Акритас П.Г. Раскопки грота Сосруко в 1955 году // *Ученые записки*. Нальчик, 1957. Т. XIII. С. 431–452.

Леонова Е.В. К вопросу о тенденциях развития мезолитических индустрий Северо-Западного Кавказа и Горного Крыма // *Человек в истории и культуре*. Вып. 2: Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Гос. премии Украины академика РАЕН, профессора В.Е. Станко. Одесса, 2012. С. 201–205.

Леонова Е.В. К проблеме хронологии и культурной вариабельности каменных индустрий конца верхнего палеолита и мезолита Северо-Западного Кавказа (по материалам навеса Чыгай и пещеры Двойная) // *Традиции и инновации в истории и культуре*. М., 2015. С. 77–87.

Любин В.П. Палеолит Кавказа и Северной Азии // *Палеолит мира*. Л., 1989. С. 8–142.

Манько В.А. Случаи интерстратификации в слоях пачки 3 стоянки Грот Скалистый и вопрос о происхождении крымского финального палеолита // *Stratum Plus*. 2010. №1. С. 245–262.

Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

Guéret C., Gassin B., Jacquier J., Marchand G. Traces of plant working in the Mesolithic shell midden of Beg-an-Dorchenn (Plomeur, France) // *Mesolithic Miscellany*. Vol. 22, №3. 2014. P. 3–15.

© 2017, В.И. Макулов, Н.И. Дроздов, В.П. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

Проблема сохранения объектов археологического наследия при строительстве ГЭС в Красноярском крае на современном этапе является одной из наиболее актуальных – в связи с проектируемым строительством ряда ГЭС на реках Енисей, Ангара и Нижняя Тунгуска. Как показал опыт строитель-

ства Красноярской, Саяно-Шушенской, Майнской и Богучанской ГЭС, урон, наносимый объектам археологического наследия при этом, грандиозен и невосполним. Он обусловлен масштабностью сооружений и огромной площадью речных долин, затапливаемых водами водохранилищ. Первый опыт проведения масштабных охранно-спасательных археологических мероприятий был приобретен во время строительства Красноярской ГЭС и при наполнении водохранилища. В это же время обозначились существенные проблемы сохранения объектов археологического наследия, связанные с наполнением и эксплуатацией водохранилища, которые повторялись при строительстве других ГЭС. Красноярское водохранилище образовано в результате строительства Красноярской ГЭС на Енисее. Оно входит в десятку крупнейших водохранилищ мира и занимает второе место в России по объему после Братского. Площадь водохранилища более 2000 кв. км, протяженность затопленного русла около 390 км, длина береговой линии составляет около 1600 км, максимальная глубина – 105 м, а средняя – 40 м. Перекрытие Енисея состоялось в 1963 г., а процесс наполнения водохранилища прошел в период 1967–1970 гг.

К началу строительства Красноярской ГЭС в 1956 г. на территории, проектируемой к затоплению, находились тысячи археологических объектов. В историческом аспекте научные исследования енисейских памятников были начаты в декабре 1722 г. Д.Г. Мессершмидтом – руководителем первой академической экспедиции в Сибирь, направленной по указу Петра I. Несмотря на зимние условия и сильные морозы, он раскопал курган тагарского времени возле населенного пункта Абакано-Перевоз на Енисее, ныне затопленного водохранилищем. В процессе раскопок производились фиксация и описание раскопанного сооружения, мест расположения отдельных предметов и захороненных. Так 295 лет назад зародилась сибирская археология.

К началу строительства археологические памятники в зоне будущего водохранилища в основной своей массе не были учтены. Основная их часть была открыта в ходе охранно-спасательных мероприятий и охватывает хронологический период от палеолита до этнографической современности. Самую многочисленную группу составляли курганные и грунтовые могильники, поминальники, петроглифы, изваяния и несколько стоянок каменного века [Вадецкая, 1986]. Для проведения охранно-спасательных археологических работ была создана крупнейшая в стране Красноярская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР, проводившая исследования с 1960 по 1975 г. под руководством М.П. Грязнова.

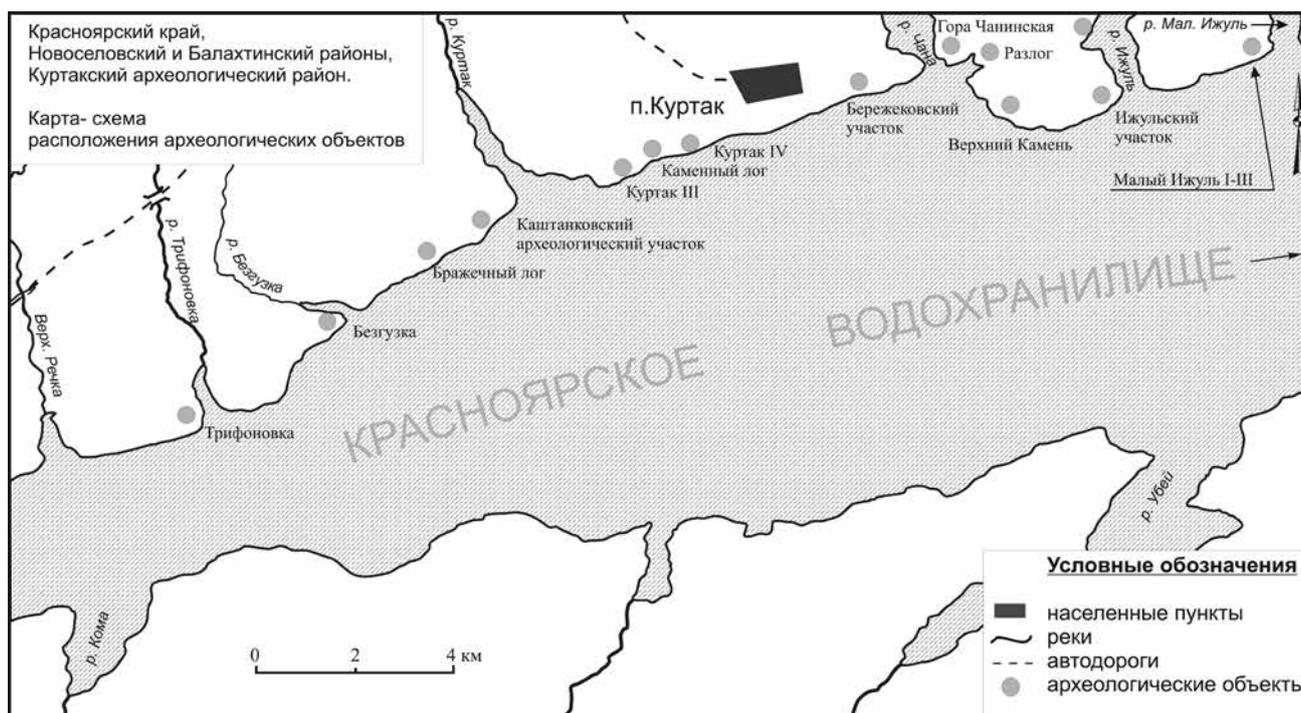
Объем проведенных экспедицией разведочных, раскопочных и иных работ на памятниках археологии был огромен. На некоторых памятниках работы велись до того момента, пока археологические раскопы полностью не заливала вода. В процессе исследований были выявлены и частично раскопаны несколько неолитических стоянок, которые дали интереснейший материал по периоду неолита Среднего Енисея. Раскопки курганов дали уникальный материал: «В результате были обнаружены три новых типа древних кладбищ, открывших ранее не известную окуневскую культуру, и выделены новые этапы карасукской и тагарской. В зоне исследования оказались тысячи курганов, поэтому экспедиция выбирала для работы наименее изученные, что позволило заполнить существующие лакуны, в частности, по периоду энеолита и ранней бронзы» [Вадецкая, 1986, с. 9]. Была разработана и применена новая методика раскопок погребальных комплексов. Курганы раскапывались полностью, включая могилы и курганные ограды. Производились массовая фиксация и копирование древних наскальных рисунков, развита и дополнена разработанная предшественниками периодизация памятников Среднего Енисея от неолита до средневековья, были выделены археологические культуры эпохи палеолита, получившие название «кокоревская» и «афоновская» [Абрамова 1979а–б].

При всей масштабности охранно-спасательных археологических работ, проведенных Красноярской экспедицией, при которых были обследованы и раскопаны тысячи археологических памятников, они носили ограниченный характер. Прежде всего из-за ограниченности финансирования, времени, отпущенного для раскопок, и опережающего графика строительства плотины. Сотни объектов археологии ушли под воду не исследованными или изученными частично.

Вместе с наполнением ложа Красноярского водохранилища начался масштабный процесс абразии береговой линии. На отдельных участках обрушения прибрежной полосы составляют до 30–50 м в год. Ситуацию усугубляет ежегодное сезонное изменение уровня водохранилища, при котором перепад составляет до 25 м. В результате были полностью или частично уничтожены многочисленные археологические объекты, которые располагались на затапливаемых площадях от русла Енисея до современных отметок. В то же время абразия вскрыла десятки новых археологических объектов эпохи палеолита, расположенных на высоких гипсометрических отметках и отстоящих от прежнего русла Енисея порой на несколько километров. Изучение некоторых из них было начато отрядами ЛОИА АН СССР сразу

после наполнения водохранилища [Абрамова и др., 1991]. В целом Красноярской экспедицией были зафиксированы более 90 стоянок и отдельных местонахождений палеолитического материала в акватории водохранилища.

В 1986 г. отрядом Красноярского государственного педагогического института в окрестностях п. Куртак Новоселовского района Красноярского края были обнаружены галечные артефакты, которые залежали на глубине десятков метров от уровня дневной поверхности. Эти местонахождения расположены на значительном удалении от бывшего русла Енисея и на более высоких гипсометрических уровнях по сравнению с ранее выявленными памятниками. Находки позволили выделить Куртацкий геоархеологический район (рис.). На отдельных участках мощность обнажений разрушаемых пород достигает 40 и более метров. Здесь и были выявлены одни из древнейших палеолитических памятников Средней Сибири, относящиеся к раннему и среднему палеолиту [Дроздов и др., 2007]. Находки открыли новую страницу в истории изучения палеолита Среднего Енисея, связанную с комплексными исследованиями древнейших памятников Средней Сибири. Материалы и результаты исследований получили широкую международную известность и неоднократно представлялись мировому научному сообществу на международных конференциях и симпозиумах, которые были проведены непосредственно на памятниках. Несколько позже в результате исследований в Дербинском заливе водохранилища был выделен еще один археологический район, получивший название Дербинский. В целом за период исследований на Красноярском водохранилище совместными отрядами Красноярской лаборатории археологии Средней Сибири и КГПУ им. В.П. Астафьева были выявлены более 70 стоянок и местонахождений в Куртацком и Дербинском археологическом районах, а также в заливе Кома, урочище Чегерак, у с. Лебяжье, в Ижувском заливе, у п. Приморск и Даурское и других местах [Археология, геология..., 1992; Дроздов и др., 1997; 2000; 2005; Хроностратиграфия археологических..., 1990; Акимова и др., 2016]. Некоторые из них к настоящему времени полностью разрушены, а некоторые только начинают проявляться.

Карта-схема Куртацкого геоархеологического района

Проведенные исследования носили ограниченный точечный характер, поскольку финансировались из бюджета научных и образовательных учреждений, в которых ученые работают, так как, согласно законодательству, с момента наполнения водохранилища охранно-спасательные археологические работы и их финансирование были прекращены. Авторы неоднократно обращались в различные инстанции с предложением ввести для археологических работ обязательное целевое отчисление, от стоимости киловатта вырабатываемой ГЭС электроэнергии. Но собственники ГЭС против такого решения проблемы. В результате сотни памятников разрушаются и бесследно исчезают.

Ситуацию усугубляет зародившаяся в последние десятилетия так называемая *черная археология*. Идет безнаказанное разграбление археологических памятников. На территории разрушающихся стоянок и из размываемых погребальных комплексов с целью наживы изымается археологический материал, костные останки животных и человека, производятся незаконные раскопки целых погребальных комплексов, древние наскальные рисунки выламываются или покрываются новыми надписями. Все это происходит на фоне вынужденного бездействия государственных органов, в чьи обязанности входит охрана историко-культурного наследия. Это не их вина, а беда. Археологических памятников на территории Красноярского края десятки тысяч, в основном они расположены в отдалении от населенных пунктов, что дает свободу грабителям. И несмотря на ужесточение наказания за незаконный оборот предметов археологии, правоприменительная практика отсутствует. В целом положение на данном этапе можно охарактеризовать как катастрофическое для сотен археологических памятников Красноярского водохранилища и требуется государственное решение проблемы.

Более свежим примером является Богучанское водохранилище на Ангаре, образованное в результате строительства Богучанской ГЭС. Площадь водохранилища 2326 км², протяженность 375 км, длина береговой линии более 2500 км. При наполнении водохранилища по притокам Ангары образовались заливы протяженностью 15–75 км.

Предыстория археологических исследований зоны будущего Богучанского водохранилища начинается с 1937 г. разведочными работами отряда Иркутского областного музея под руководством А.П. Окладникова, которые велись в связи с проектом строительства каскада гидроэлектростанций на Ангаре. В результате были открыты десятки археологических памятников. А ранее, в 1881 г., Н.И. Витковский провел по Ангаре разведку и открыл несколько десятков стоянок.

В 1969 г. отряд Иркутского государственного университета под руководством Г.И. Медведева провел разведочные работы в зоне Богучанского водохранилища от п. Кеуль до устья р. Чадобец, открыв и вновь обследовав несколько десятков стоянок. В последующие годы отрядами ИГУ разведки были продолжены и проведены стационарные раскопки на стоянках Кода 1–4, Чадобец (под руководством Н.И. Дроздова). С 1973 г. раскопные и разведочные работы в зоне водохранилища вела Северо-Ангарская археологическая экспедиция (с 1985 г. – Комплексная археологическая экспедиция) Красноярского краеведческого музея и Красноярского пединститута, возглавляемая Н.И. Дроздовым. С 1986 по 2006 г. экспедиция работала совместно с отрядами КЛАПСС ИАЭТ СО РАН. Экспедицией проведены масштабные разведочные работы, паспортизированы 42 археологических памятника, определены объемы и первичная оценка охранно-спасательных работ в ложе водохранилища на территории Красноярского края. Раскопные работы проведены на стоянках Чадобец, Кода и Усть-Кода, Пашино, Усть-Кова, Толстый Мыс, Окуневка, Сосновый Мыс [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988]. Одновременно в зоне затопления периодически работали отряды ИИФиФ СО АН СССР под руководством В.В. Бурилова, Д.Ю. Березина, отряды Красноярского краевого краеведческого музея под руководством В.И. Привалихина, усилиями которых исследовались стоянки и могильники Парта, Колпаковка, Сергушкин-1–3, Слопцы, Капонир и др. Но работы носили ограниченный характер, поскольку финансировались за счет собственных средств учреждений.

Качественно новый этап в истории охранно-спасательных археологических работ в современных условиях ознаменован исследованиями Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН, проведенными в зоне ложа водохранилища Богучанской ГЭС в 2007–2012 гг. под научным руководством директора института, академика РАН А.П. Деревянко.

В 2008–2012 гг. в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской археологической экспедицией были раскопаны 222 археологических памятника на площади 165 тыс. м², в результате были получены около миллиона артефактов возрастом от палеолита до русской этнографии [Труды Богучанской..., 2015]. По прошествии коротких пяти лет с момента наполнения водохранилища мы можем констатировать, что уже начали развиваться негативные процессы, как и на Красноярском водохранилище. Началась абразия береговой линии. Происходит это пока на отдельных участках, но процесс пошел.

Несомненно, накопленный опыт по организации, проведению, научному руководству и сопровождению масштабных охранно-спасательных археологических работ в зонах ложа водохранилищ сибирских гидроэлектростанций поможет в будущем более оперативно и в полной мере решать вопросы спасения объектов археологического наследия. При этом работы должны начинаться еще на стадии технико-экономического обоснования проекта, для определения объемов и сроков археологических

работ, объемов финансирования, продолжены при подготовке раздела проекта по охране памятников истории и культуры и планомерно заканчиваться в процессе строительства гидротехнического сооружения по мере наполнения водохранилища.

В связи с этим мы считаем, что должна быть разработана государственная долгосрочная программа археологического изучения территорий будущих водохранилищ в соответствии с перспективным планом строительства гидроэлектростанций.

Представляется целесообразным внести изменения в законодательство РФ в области вопросов финансирования охранно-спасательных мероприятий на памятниках археологии в зонах водохранилищ ГЭС. Проводить эти работы необходимо не только за счет государства, но и за счет инвесторов. Законодательно определить обязательность проведения мероприятий по переносу из зон затопления стел, изваяний, скальных поверхностей с древними рисунками, письменами и других памятников.

На государственном уровне решить проблему создания государственной службы археологического мониторинга водохранилищ, целевого отчисления средств собственниками гидроэлектростанций как на содержание службы, так и на проведение комплексных охранно-спасательных мероприятий в процессе всего срока эксплуатации водохранилищ.

Библиографический список

- Абрамова З.А. Палеолит Енисея: Афонтовская культура. Новосибирск, 1979а. 157 с.
- Абрамова З.А. Палеолит Енисея: Кокоревская культура. Новосибирск, 1979б. 199 с.
- Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицин Н.Ф. Палеолит Енисея. Л., 1991. 160 с.
- Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В., Кукса Е.Н., Мотузко А.Н., Томилова Е.А. Поздний палеолит Дербинского залива (Красноярское водохранилище, Средняя Сибирь) – Иркутск: (сборник памяти Г.И. Медведева). ESSE QUAM VIDERI: (к 80-летию Германа Ивановича Медведева). Иркутск, 2016. С. 232–240.
- Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В., Орешников И.А., Томилова Е.А., Гурулев Д.А. Новые стоянки каменного века в северной части Красноярского водохранилища // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2015. Вып. 7. С. 36–51.
- Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири (Северо-Минусинская впадина, Кузнецкий Алатау и Восточный Саян): путеводитель Международного симпозиума / Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, Е.В. Акимова, Е.В. Артемьев, В.Г. Кольцова, А.А. Бокарев, Н.Д. Оводов, Н.В. Мартынович, А.С. Вдовин, Л.А. Орлова, А.Ф. Ямских, В.Е. Ларичев, Ю.П. Холушкин, Л.Д. Сулержицкий. Красноярск, 1992. 130 с.
- Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 гг.) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко; Федер. агентство науч. организаций, Ин-т археологии и этнографии. Новосибирск, 2015. 564 с. (Тр. Богучанской археологической экспедиции. Т. 1).
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. 180 с.
- Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск, 1988. 244 с.
- Дроздов Н.И., Лаухин С.А., Чеха В.П., Акимова Е.В., Оводов Н.Д., Хлагула И., Томилова Е.А., Стасюк И.В. Находка «кладбища» древних мамонтов на Енисее // Доклады Академии наук. М., 1997. Т. 352, №2. С. 1–5.
- Дроздов Н.И., Артемьев Е.В., Макулов В.И., Чеха В.П., Дроздов Д.Н. Куртацкий георхеологический район – выдающийся естественно-археологический объект в Средней Сибири // Российская археология. №4. 2007. С. 32–41.
- Дроздов Н.И., Чеха В.П., Артемьев Е.В., Хазартс П., Орлова Л.А. Четвертичная история и археологические памятники Северо-Минусинской впадины. Красноярск, 2000. 77 с.
- Дроздов Н.И., Чеха В.П., Хазартс П. Геология и четвертичные отложения Куртацкого георхеологического района (Северо-Минусинская впадина). Красноярск, 2005. 111 с.
- Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея): путеводитель экскурсии международного симпозиума / Н.И. Дроздов, В.П. Чеха, С.А. Лаухин, Е.В. Акимова, В.Г. Кольцова, Е.В. Артемьев, А.А. Бокарев, В.П. Леонтьев, А.А. Викулов. Новосибирск, 1990. 184 с.

ИСТОЧНИКИ КАМНЕСАМОЦВЕТНОГО СЫРЬЯ И ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА В ЦЕНТРАЛЬНОМ И ВОСТОЧНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-06-00003
«Источники минерального сырья в каменном веке Забайкалья:
минералого-геохимические критерии и геолого-археологическое картирование»)

На современной археологической карте Забайкалья наряду с доминирующими памятниками железного и бронзового века также важное место занимают стоянки и поселения каменного века, в том числе относящиеся к эпохе палеолита. Территория региона традиционно подразделяется археологами на Западное и Восточное Забайкалье, а памятники каменного века в этих «провинциях» распределены крайне неравномерно. Западное Забайкалье, включая республику Бурятия, изучалось наиболее интенсивно, и там найдены десятки известных стоянок и поселений каменного века [Лбова, 2000; Ташак, 2005]. То же самое можно сказать и о западных районах Забайкальского края, где расположены Студёновский и Усть-Мензинский археологические комплексы, стоянки Толбага, Читкан, Мастеров ключ и многие другие [Константинов, 1994; Мещерин, 2010]. В то же время Восточное Забайкалье (территория, расположенная к востоку от Яблоневого хребта) представлено незначительным количеством объектов каменного века, выявленных во 2-й половине XX в. [Окладников, Кириллов, 1980], а количество стратифицированных стоянок палеолита на этой территории исчисляется единицами. Такие памятники, как Арта и Танга, мало известны даже специалистам-палеолитчикам. Пожалуй, единственным исключением является Сухотинская группа памятников, основу изучения которой заложил А.П. Окладников, а непосредственно руководил работами И.И. Кириллов. К огромному сожалению, уникальные коллекции стоянок сухотинской группы так и не были полноценно опубликованы, за исключением крайне незначительной выборки материалов [Окладников, Кириллов, 1980].

Таким образом, сложилась во многом аномальная ситуация, когда западные районы насыщены стратифицированными объектами палеолита, а восточные в этом отношении представляют практически Terra incognita. Одной из причин подобной ситуации, на наш взгляд, является то, что хорошо зарекомендовавшая себя методика поиска стратифицированных объектов палеолита для Западного Забайкалья (шурфовка надпойменных террас) не работает в его центральной и восточной части из-за иного режима осадконакопления. На наш взгляд, это связано с тем, что Восточное Забайкалье, в отличие от Западного, в значительно большей мере подвержено аридизации. Поэтому мощность и количество водотоков на этой территории существенно меньше.

Подобные выводы вполне подтверждаются естественнонаучными исследованиями. Так в одной из недавних работ [Нагаева, Обязов, Курганович, 2014] сделан детальный комплексный анализ стока рек Забайкальского края на основании данных за 33 года, в результате которого проведено районирование региона. На основе анализа физико-географических условий территория Забайкальского края разделена на шесть гидрологических районов [Нагаева, Обязов, Курганович, 2014, с. 13]. Каждый район охарактеризован с точки зрения орографии и высотных отметок, выявлена площадь водосборов основных рек, и на основании анализа высоты водосбора и его площади установлена одна из важнейших характеристик – модуль стока [Нагаева, Обязов, Курганович, 2014, с. 16, табл. 2]. В нашем случае наибольший интерес представляют следующие районы: №1 – связанный с западной частью края и объединяющий бассейны верхнего и среднего течения рек Хилок, Чикой и Ингода; №2 – представляющий собой левобережную часть бассейна р. Онон и правобережье нижнего течения Ингоды; №5 – включающий водосборы рек Борзя, Турга, Урулунгуй, верховье р. Газимур; район №6 – включающий притоки правобережья нижнего течения Онона, нижнего течения Шилки и левобережные притоки нижнего течения Аргуня. В работе [Нагаева и др., 2014, с. 16, табл. 2] авторами приводятся модули стока (л/с·км²), где максимумы (1,32...10,1 и 0,42...9,09) связаны с первым и вторым районом, в то время как минимумы значений (0,40...1,49 и 1,47...4,38) наблюдаются в пятом и шестом районах. Близкое соотношение наблюдается и в средней высоте водосбора. Так, если для первого и второго районов средняя высота водосборов имеет значение 992...1620 и 761...1576 м соответственно, то для пятого и шестого районов эти значения составляют 773...965 и 773...988 м.

Таким образом, рассматриваемые районы охватывают как западные и центральные территории Забайкальского края, так и восточную его оконечность, вплоть до границы с Монголией, Китаем и Амурской областью. Во-первых, максимальные значения как модуля стока, так и средней высоты водосбора связаны с районом №1, как правило, относимым к Забайкалью Западному. Кроме того, именно с этой территорией связаны 95% ныне известных стратифицированных стоянок каменного века в регионе. Во-вторых, районы №5 и 6 представляют собой территории Восточного Забайкалья и резко контрастируют с Западным как в высотных отметках, так и в значении модуля стока. В-третьих, согласно представлениям авторов схемы (см. рис. 1), граница между вторым и четвертым районами проходит по левому берегу Онона, включая его притоки.

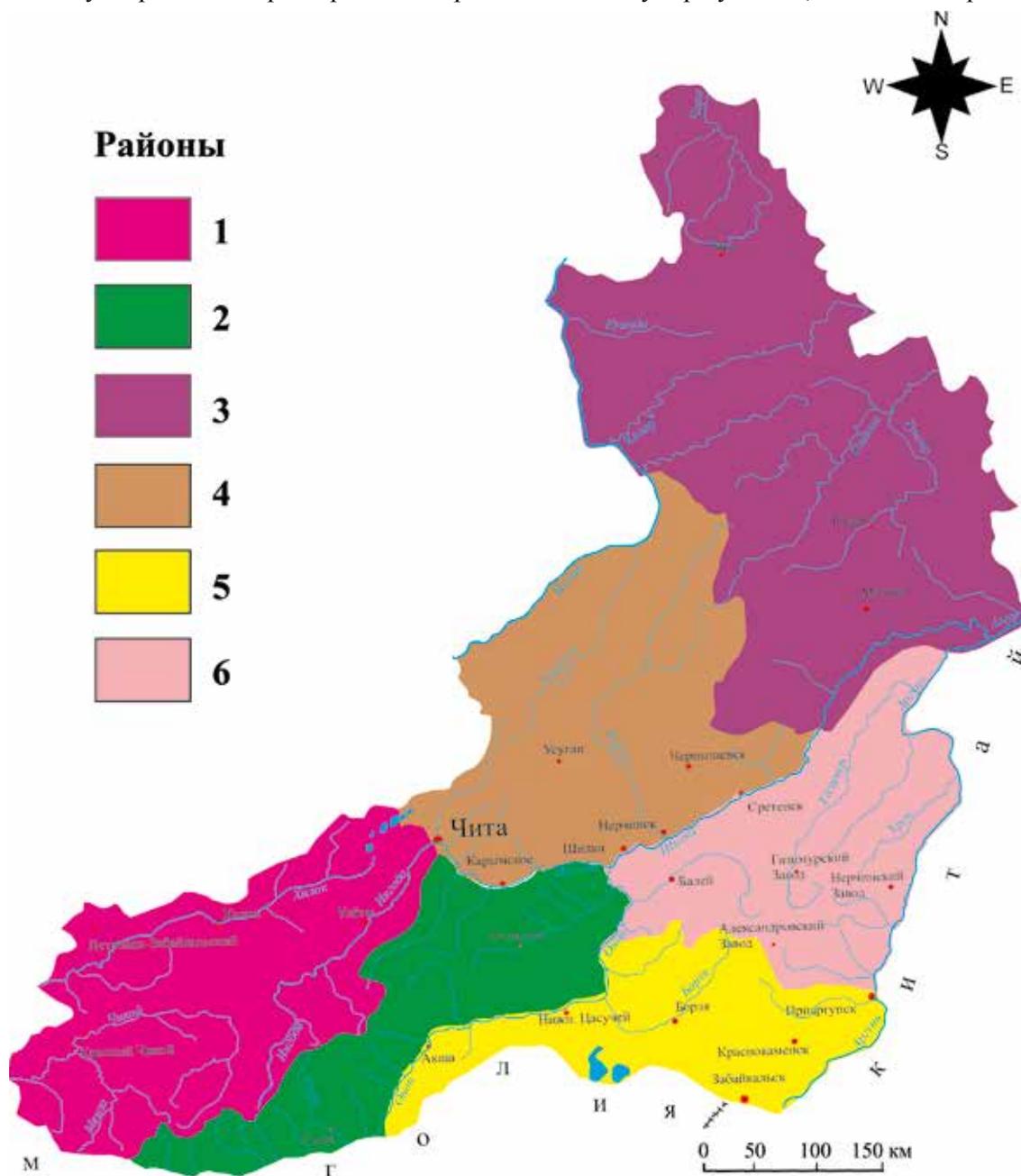

Рис. 1. Гидрологические районы Забайкальского края (по: [Нагаева, Обязов, Курганович, 2014, с. 13])

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что слабая живая сила рек Восточного Забайкалья не позволяла создать выраженные аккумулятивные террасы. Но возникает справедливый вопрос, а верно ли это утверждение для финала неоплейстоцена? Нам видится схожая динамика процессов, но осложненная неотектоническими процессами. В условиях Восточного Забайкалья господствуют долины забайкальского типа, имеющие ширину до 20 км (средний Онон) при перепаде высот в первые десятки метров. Мощности водных потоков просто не хватало для переработки такого количества рыхлого материала, а паводки не успевали откладывать достаточное количество аллювия для образования надпой-

менных террас, в отличие от районов Западного Забайкалья. В подобных условиях поздние террасовые уровни не сохраняются, а шурфовка имеющихся надпойменных террас, как правило позднеголоценового возраста, не эффективна, и вполне резонен поиск иного маркера для выявления стратифицированных объектов каменного века.

На наш взгляд, подобным маркером могут служить выходы минерального сырья [Мороз, Юргенсон, 2015]. На территории Восточного Забайкалья в значительной мере сосредоточены источники минерального сырья высокого качества, такого как халцедон, вулканический кремь и яшма. Установлено, что эти виды минерального сырья начинают доминировать в западных районах с приходом микротехники на рубеже средней и поздней поры верхнего палеолита [Мороз, 2014], несмотря на то, что в западных районах Забайкальского края это сырье практически полностью отсутствует. Поэтому источники сырья здесь являлись фокусом притяжения древних коллективов [Мороз, Юргенсон, 2016].

Одним из самых главных и распространенных источников минерального сырья в Забайкалье являются галечники. Речная сеть региона сформировалась в мезозое, поэтому коренные породы размываются, сортируются и переносятся водными потоками на протяжении миллионов лет. Несмотря на всеобщую доступность галечников, справедливо возникает вопрос об их технологичности – в нашем понимании способности сырья удовлетворять той или иной технологии расщепления. В настоящее время автор совместно с доктором геолого-минералогических наук Г.А. Юргенсоном завершает работу над выборкой галечного материала, полученного с различных рек Западного, Центрального и Восточного Забайкалья. Несмотря на то, что это современные галечники, выборка крайне показательна, так как баланс коренных горных пород для Забайкалья в четвертичном периоде не менялся.

Были изучены основные реки Западного, Центрального и Восточного Забайкалья, такие как Чикой с его притоком Мензой, Хилок – в пределах Забайкальского края с притоком р. Гыршелун, Ингода и Онон, с притоками Кыра, Тарбальдей и Акша. Река Аргунь в силу ее пограничного значения оказалась недоступна для детального изучения, рассмотрены только отдельные притоки. Вследствие того, что физически невозможно изучить все притоки крупных рек, сбор галечников строился по принципу статистически достоверных выборок (100–200 экз.), полученных в верхнем, среднем и нижнем течении каждой реки. Площадь сбора галечников от 100 до 500 м². Таким образом, изучено более 2000 образцов, что позволяет нам сделать некоторые предварительные выводы.

Во-первых, несмотря на многочисленность галечников для бассейна каждой из изученных рек, качество минерального сырья с точки зрения его «технологичности» оставляет желать лучшего для всех речных систем. Основу всех выборок составляют кварц-полевошпатовые горные породы, иногда с обособленными выделениями кварца, метаморфизованные сланцы и песчаники. Это минеральное сырье из-за своей вязкости и значительной твердости не является колким и не позволяет производить расщепление с использованием как твердого, так и мягкого отбойников. Эти горные породы в основном активно использовались в качестве манупортов, элементов обкладки структур обитания и отбойников на стратифицированных памятниках Западного Забайкалья [Константинов, 2001].

Во-вторых, группа «деловых» горных пород, таких как кварц, кварцит, микрокварцит и микросланец, встречается в выборках на порядок реже. Все перечисленные горные породы использовались для производства каменных орудий, причем микрокварцит и микросланец применялся для получения заготовок 5–7 см по длинной оси и более, иногда массивные гальки (валунчики) микрокварцита использовались для изготовления крупных скрѐбел [Мороз, 2014].

В-третьих, высококремнистое сырье (халцедон, вулканический кремь) в бассейнах рек Западного Забайкалья в географических границах современного Забайкальского края отсутствует полностью. Все выборки, полученные по рекам Менза, Чикой и Хилок, демонстрируют полное отсутствие вышеперечисленных материалов. Более того, многочисленные пешие маршруты по этим рекам также не выявили ни одного экземпляра халцедона и кремня. Яшма, в основном кирпично-красного цвета либо красных оттенков, присутствует в количестве до 1% по рекам Менза и Чикой. Но при этом гальки из яшмы обладают сильной внутренней трещиноватостью, что также значительно снижает ее технологичность. Вулканический кремь и халцедон распространены исключительно в галечниках р. Онон. Все выборки, начиная от границы с Монголией, содержат порядка 1% халцедона и вулканического кремня желтоватых и коричневых оттенков. Причем если в среднем течении Онона размерность отдельностей халцедона невелика (2–3 см по длинной оси), но все-таки достаточна для изготовления микронуклеуса, ближе к нижнему течению Онона встречаются отдельности более 10 см по длинной оси. Таким образом, р. Онон является не только своего рода «водораздельной линией» между Западным и Восточ-

ным Забайкальем, но и своего рода разделительной чертой между районами с халцедоном и кремнем и районами без них. Эта «ононская линия» (см. рис. 2) имеет принципиальное значение для понимания минерально-сырьевой базы Забайкалья и ее взаимосвязи с древним населением. Учитывая, что большинство стратифицированных памятников верхнего–финального палеолита связаны с западными районами современного Забайкальского края, а горные породы высокого качества, начиная с поздней поры верхнего палеолита, доминируют в этих индустриях, отсутствие этого сырья накладывало явные отпечатки как на облик и размерность каменных индустрий, так и на характер поселений. Ввиду отсутствия необходимого сырья в относительной близости, древние коллективы вынуждены были передвигаться с целью пополнения запасов камня, поэтому подавляющее большинство культурных слоев демонстрируют кратковременные стоянки охотников, а не долговременные поселения.

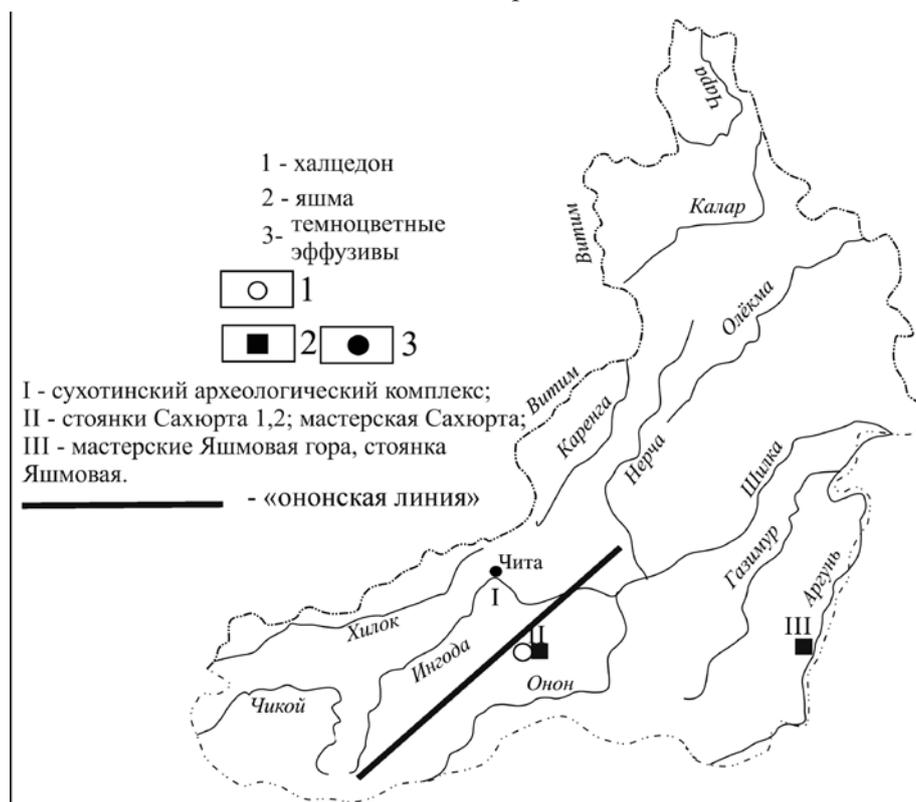

Рис. 2. Объекты каменного века на палеовулканах в Восточном и Центральном Забайкалье и «ононская линия»

Источником миндалин халцедона и кремня в галечниках являются миндалекаменные эффузивы, прорезаемые Ононом и его притоками. Причем поля эффузивов, начинаясь от «ононской линии», распространены на восток Забайкальского края, в дальнейшем концентрируясь в бассейне Аргуня. То же относится и к вулканическим постройкам трещинного и реже центрального типа, которые являются еще одним важнейшим источником камнесамоцветного сырья. Известные памятники сухотинской группы связаны именно с выходом сырья, представляющим собой мезозойский палеовулкан, продуцирующий эффузивы среднего и кислого состава. Тем не менее индустрии поздней поры верхнего–финального палеолита Сухотино-4 в значительной мере базируются на халцедоне и кремне, подтверждая значимость этого сырья.

Исходя из этой гипотезы, пристальное внимание было обращено на палеовулканы Восточного Забайкалья, ранее практически не попадавшие в орбиту археологов. Изначально были намечены районы разведок с ориентацией на палеовулканы в бассейне Онона и в более восточных районах.

В результате полевых работ выявлены две стратифицированные стоянки палеолита и мастерская каменного века в районе палеовулкана Дунда-Ага близ с. Сахюрта в Агинском Бурятском округе Забайкальского края. Палеовулкан находится в долине р. Хойто-Ага, правом притоке Онона. Обе стоянки представляют собой многослойные памятники. Стоянка Сахюрта-1 демонстрирует пять культурных компонентов. Третий – наиболее представительный – связан с мощной (до 1,2 м) каргинской почвой, расчлененной на три уровня. В полевой сезон 2017 г. доктором географических наук Ю.Н. Рыжовым взяты пробы на ¹⁴C. В настоящее время стоянка Сахюрта-1 представляет собой единственный страти-

фицированный памятник, восточнее Читы, демонстрирующий сложный, но информативный разрез, включающий каргинский педокомплекс, содержащий материал не моложе средней поры верхнего палеолита, а выявленные в полевой сезон 2016 г. 4 и 5 культурный компоненты однозначно древнее и их следует отнести ко времени РВП. Данный факт трудно переоценить, так как опорных объектов, включающих индустрии как ранней, так и средней поры верхнего палеолита в рамках одного памятника в Восточном Забайкалье ранее выявлено не было.

В полевой сезон 2016 г. выявлены комплекс мастерских каменного века и стоянка, основанная на местном сырье в районе палеовулкана Яшмовая гора на границе с Китаем (см. рис. 2). В качестве сырья использовалась изумрудная яшма, которая применялась в ряде памятников в пределах 5–7 км от источника сырья.

Таким образом, в настоящее время видна отчетливая связь между источниками высококачественного сырья и древними коллективами, населявшими Центральное и Восточное Забайкалье.

Библиографический список

- Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья (палеолит, мезолит). Новосибирск, 2001. 224 с.
- Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994. 180 с.
- Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 2000. 240 с.
- Мещерин М.Н. Средняя пора верхнего палеолита в Забайкальской региональной схеме периодизации (состояние изучения) // Российская археология. 2010. №3. С. 5–13.
- Мороз П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита, 2014. 182 с.
- Мороз П.В., Юргенсон Г.А. Палеовулканы как источники минерального сырья в палеолите Забайкалья // Методы изучения каменных артефактов. СПб., 2015. С. 184–188.
- Мороз П.В., Юргенсон Г.А. Применение минерального сырья в палеолите Забайкалья: культурная преемственность или технологическая необходимость? // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2016. №1. С. 65–76.
- Нагаева Е.В., Обязов В.А., Курганович К.А. Распределение модуля стока рек по территории Забайкальского края // Вестник ЗабГУ. 2014. №10. С. 11–19.
- Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск, 1980. 176 с.
- Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ, 2005. 130 с.

© 2017, Д.В. Ожерельев

Институт археологии РАН, Москва

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СТОЯНКЕ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА МУХКАЙ-ПА

Многослойная стоянка Мухкай-Па расположена в среднегорной зоне Внутреннего Дагестана и приурочена к останцовым отложениям раннеплейстоценового времени, которые в настоящее время слагают чехол водораздела рек Акуша и Усиша. Стоянка Мухкай-Па находится в северной части памятника Мухкай-П. Общая мощность культурных отложений Мухкай-П насчитывает 73 м и включает 129 литологических слоев, в 35 из которых был обнаружен археологический материал. Геологический возраст памятника охватывает практически весь ранний плейстоцен (~2,0–0,9 млн л.н.) [Амирханов, 2012, 2016]. Стоянка Мухкай-Па погребена в средней части культуросодержащей толщи на глубине 37,7–39,0 м от условного нулевого уровня. Абсолютная высота ее составляет 1580 м над у.м. Всего раскопками вскрыта площадь 42 м². В результате было обнаружено три культурных слоя (номенклатурные наименования – слои 2013-1, 2013-2, 2013-3), где в едином стратиграфическом контексте были выявлены обработанные кремневые изделия и кости животных. Находки приурочены к экспонируемым в древности поверхностям и не переотложены. Все культурные слои представляют собой древние уровни обитания первобытного человека. Причем каждый из этих уровней запечатлел единовременное либо ограниченное во времени пребывание здесь древнего *Ното*. Мощность каждого из культурных слоев – от 5 до 10 см. Они разделены между собой стерильными горизонтами суглинка [Ожерельев, 2016].

В планиграфии всех трех слоев выявляется схожая структура, могущая объяснить особенности хозяйственной деятельности на стоянке. Так, обитание древнего человека здесь проходило на берегу небольшого (~ 1 м шириной) водотока со слаботекущей или стоячей водой. Водоток этот являлся, возможно, одним из притоков (старицей, меандром) более крупной реки либо впадал в небольшое озеро. В слоях 2013-2, 2013-3 обнаруживаются две главные зоны: это участок водотока-промоины, определяющийся в качестве вытянутого углубления, и прибрежные участки. Структурное и стратиграфическое единство этих двух зон стоянки не вызывает сомнений. Обе они содержат археологические находки. Углубление водотока заполнено многочисленными костями древних млекопитающих – останками расчленения туш животных. Среди костного материала фиксируется выраженная сортировка по разновидностям костей, присутствие множества расколотых фрагментов и наличие искусственных нарезок на них [Amirkhanov и др., 2016]. Наличие костей хищников говорит о жесткой пищевой конкуренции человека с плотоядными животными. Всего фаунистическая коллекция стоянки Мухкай-Па насчитывает 2489 целых и фрагментированных находок крупных млекопитающих. Среди определяемых костей выделяются следующие виды животных: *Canis etruscus*, *Vulpes alopecoides*, *Pliocrocuta perrieri*, *Lynx issiodorensis*, *Acinonyx pardinensis*, *Archidiskodon meridionalis*, *Equus (Allohippus) stenonis*, *Libralces gallicus*, *Eucladoceros senezensis*, *Gazellospira torticornis*, *Gazella bouvrinae*, *Gallogoral meneghini*, *Crustacea* (определения М.В. Саблина, ЗИН). Фауна этой стоянки находит близкие параллели с материалами стоянки Мухкай-П, слой 80, а также с раннеплейстоценовыми фаунами Северо-Западного Кавказа и Закавказья. Датировка фауны Мухкай-Па – 2,1–1,7 млн л.н. Этот же возраст подтверждает анализ костей и зубов мелких позвоночных, обнаруженных непосредственно в культурном слое 2013-2 (определения А.С. Тесакова, ГИН). Среди выявленных костных останков определены следующие рода и виды животных: *Soricidae* gen., *Leporidae* gen., *Muridae* gen., *Ellobius* sp., *Pitymimomys pitymyoides*. Микротериофауна Мухкай-Па датируется поздним акчагылом и региональной зоной MNR1. Возраст ее оценивается не моложе 1,7 млн л.н., а наиболее вероятно – древнее 2 млн л.н.

Среди малакологического материала представлены многочисленные остатки сухопутных моллюсков. Также обнаружены единичные раковины и обломки раковин водных моллюсков. Согласно определениям, время их обитания вполне соотносится с ранним плейстоценом. Палеоландшафт, свойственный экологическим нишам, соответствует открытым пространствам степных или остепненных луговых участков, примыкающих к водоему с пресной или слабосоленой водой.

Подобная реконструкция природного окружения времени функционирования стоянки также подтверждается и палеопочвоведческими исследованиями [Столпникова и др., 2016].

Коллекция кремневых изделий во всех слоях немногочисленна. Всего находок насчитывается 412 ед. Среди них единичные нуклеусы, желваки и обломки со сколами, чопперы, орудия с ретушью (скребло, скребки, отщепы с ретушью), отщепы, обломки, чешуйки. В целом для инвентаря всех трех слоев фиксируется схожий типологический состав. Отмечается преобладание продуктов первичного расщепления. Высок процент выбракованных при раскалывании предметов, представленных обломками. Орудийный набор немногочисленный. Среди орудий преобладают орудия на обломках и отщепах со вторичной подработкой. Нуклеусы и чопперы единичны. Имеющийся материал в целом типичен для индустрий эпохи олдована.

Характер культурных слоев, категориальная выборочность каменного инвентаря, фиксируемая сепарация костей по видам животных и разновидностям костей скелетов, наличие нарезок на костях от каменных орудий и следов на орудиях от работы указывают на функциональную специфику стоянки. Стоянка Мухкай-Па определяется как место, где в прибрежной части водоема (озера, залива, лимана) происходили добыча и разделка туш животных (butchering site).

Таким образом, важнейшее значение памятника Мухкай-П заключается в том, что индустрия олдована здесь представлена многообразием культурных слоев, каждый из которых по сути является отдельной стоянкой. Стоянки эти разновременны в рамках раннего плейстоцена, что позволяет изучать динамику археологической культуры олдована. Кроме этого, на памятнике отмечается наличие функционально различных стоянок – стоянок разделки туш животных (Мухкай-Па), долговременных стоянок-мастерских (слои 25, 34, 74 и др.). Археологический материал из них имеет некоторую функциональную специфику в пределах олдованской культуры. Этот факт необходимо учитывать при дальнейших исследованиях. Особенно это важно при сравнительных исследованиях материалов как различных слоев Мухкай-П, так и разных памятников региона.

Библиографический список

Амирханов Х.А. Памятники раннего плейстоцена Центрального Дагестана // Проблемы палеолита Дагестана / А.П. Деревянко, Х.А. Амирханов, В.Н. Зенин, А.А. Анойкин, А.Г. Рыбалко. Новосибирск, 2012. С. 6–67.

Амирханов Х.А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала, 2016. 344 с.

Ожерельев Д.В. Исследования раннеплейстоценового памятника Мухкай-II в Дагестане // XXIX Крупновские чтения. Грозный, 2016. С. 48–49.

Столпникова Е.М., Ковалева Н.О., Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В. Палеопочвенные исследования раннепалеолитической стоянки Мухкай-II (Северный Кавказ) // Природа и общество: технологии обеспечения продовольственной и экологической безопасности. Сер.: Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России. М., 2016. С. 202–206.

Amirkhanov H.A., Ozherelyev D.V., Alexandrova O.I., Girya E.Yu., Sablin M.V. Cut marks on the bone of *Equus (Allohippus) stenorhinus* and traces of utilization on the stone tool from the Oldowan site Muhkai II in the North Caucasus // Conference: Homo erectus 100+25. International Senckenberg Conference. Tbilisi, 2016. Pp. 23–24.

© 2017, Г.Д. Павленок

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Алтайский государственный университет, Барнаул*

ДВЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КАМНЕОБРАБОТКИ В ФИНАЛЬНОМ ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ БАССЕЙНА р. СЕЛЕНГИ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда
(проект №14-50-00036)

Река Селенга, важнейшая водная артерия, соединяющая территории Северной Монголии и России (Западное Забайкалье), берет свое начало в слиянии рек Идэр и Мурэн и впадает в озеро Байкал. История изучения каменного века на рассматриваемой территории насчитывает уже более ста лет, и ключевые события археологических изысканий не единожды были опубликованы в крупных обобщающих работах [Окладников, 1981; Константинов, 1994; Лбова, 2000; Асеев, 2003; Гладышев и др., 2011].

Стратифицированные комплексы каменного века более представительны на территории Западного Забайкалья (рис.), поэтому и первые культурно-хронологические схемы выстраивались именно на забайкальских материалах. Результатом первых регулярных экспедиций и разведок середины XX в. [Окладников, 1948; 1950; 1959] стали неоспоримые доказательства наличия памятников эпохи палеолита на территории Западного Забайкалья. Открытие разновременных памятников каменного века стало основой для выделения двух отдельных эпох – палеолита и эпипалеолита [Окладников, 1966]. Дальнейшее активное накопление археологических материалов позволило отдельным исследователям поставить вопрос о выделении на этой территории промежуточной эпохи каменного века – мезолита. Однако необходимо отметить, что критерии выделения этого периода сильно разнятся у разных авторов [Константинов, 1994; Ташак, 2005].

М.В. Константинов [1994, с. 147] предлагает выделять мезолит как отдельную археологическую эпоху в рамках периода 10 800–6 500 л.н. по целому комплексу признаков, характерных для таких памятников, как Студеное-1 (горизонты 10–13/2), Усть-Менза-1 (горизонты 9–12), Конюхово (горизонт 3), Ошурково (горизонты 1, 2), Студеное-2 (горизонт 2), Подлопатки (горизонт 1). К ним относятся:

- наличие более развитой, чем в верхнем палеолите, техники расщепления клиновидных нуклеусов и широкое употребление микропластин;
- наличие специфических костяных орудий – наконечников стрел и костяных рыболовных крючков;
- сохранение традиции строительства жилищ с каменными обкладками с уменьшением общей площади и размеров самих жилищ по сравнению с позднепалеолитическими.

Принципиально иное понимание мезолитической эпохи и ее хронологических границ представлено в работах В.И. Ташака [2000; 2005]. Исследователь на основе анализа материалов комплекса памятников Усть-Кяхта, Подножие горы Черной, а также некоторых данных с местонахождений Зарубино и Харанхой [Ташак, 2005, с. 117] относит начало мезолитической эпохи ко времени ~18 000 л.н., когда появляются первые микропластинчатые индустрии и начинается активное развитие вкладышевой техники, а завершает ее ~8 000 л.н.

Практически одновременно с обоснованием трехчленного деления каменного века (палеолит, мезолит и неолит) исследователями ставится вопрос о культурно-хронологическом разнообразии комплек-

сов и выделяются три археологические культуры, принадлежащие развитому и финальному верхнему палеолиту, а также мезолиту. Это студеновская, чикойская и селенгинская культуры [Константинов, 1994; Ташак, 2000; 2005]. В целом это деление актуально и на современном этапе исследований в регионе, однако наблюдается тенденция к отказу от выделения мезолитической эпохи, а также некоторая редакция прежних ареалов обозначенных выше культур [Мороз, 2014; Павленок, 2015а].

Расположение основных финальнопалеолитических памятников долины р. Селенги

Студеновская культура, которая существовала в интервале ~18 000–10 800 л.н., была выделена М.В. Константиновым на основе анализа комплексов Студеное-1 (горизонты 14–19/4), Студеное-2 (горизонты 3–5), Усть-Менза-1 (горизонты 13–25), Усть-Менза-2 (горизонты 4–24), Усть-Менза-3 (горизонты 3–5), Усть-Менза-4 (горизонты 2, 3), Косая Шивера-1 (горизонты 13, 14), Санний Мыс (горизонты 3–5) [Константинов, 1994; Малая энциклопедия..., 2011]. Согласно М.В. Константинову [1994], она характеризуется:

- развитой традицией утилизации клиновидных нуклеусов;
- наличием разнообразных костяных изделий, в том числе основ вкладышевых инструментов, а также предметов неутилитарной деятельности человека;
- наличием весомой доли каменных орудий микроразмеров при сохранении верхнепалеолитических типов изделий в орудийном наборе.

К этим характеристикам необходимо добавить, что, судя по опубликованным материалам [Константинов, 1994], в первичном расщеплении каменная индустрия комплексов студеновской культуры направлена на получение микропластин с клиновидных нуклеусов, заготовками которых выступали гальки и массивные сколы; пластин с плоскостных и подпризматических нуклеусов продольного способа скалывания; отщепов с ортогональных ядрищ. В орудийном наборе преобладают скребки и скребла преимущественно на отщепах, присутствуют долотовидные орудия, резцы и остроконечники, изготовленные преимущественно на пластинах, и резцы на микропластинах. В единичных экземплярах присутствуют остроконечники усть-кяхтинского типа и проколки на микропластинах. В студеновских материалах абсолютно доминирует краевая дорсальная ретушь, единично фиксируются свидетельства унифасиальной обработки. Для студеновской культуры также характерны проявления материальной культуры древнего человека, не связанные с каменной индустрией, – костяная индустрия (острия, основы вкладышевых орудий, рыболовные крючки), и предметы искусства (орнаментированный «жезл начальника», зооморфная скульптура, бусины из мягкого поделочного камня и скорлупы яиц страуса) [Константинов, 1994; Мещерин, Разгильдеева, 2002].

Изначально комплекс материалов, положенный в основу выделения студеновской культуры, был более представительным. Однако культурно-периодизационная позиция комплексов устья р. Мензы была пересмотрена П.В. Морозом [2014]. В результате часть пересмотренных материалов была отнесена к усть-мензинскому варианту поздней поры верхнего палеолита, а часть – к селенгинской культуре.

Селенгинская культура в ее современном определении была изначально выделена В.И. Ташаком по материалам памятников Усть-Кяхта, Подножие горы Черной, местонахождений Зарубино и Харанхой [Ташак, 2005, с. 117]. Позднее пересмотр коллекций памятников Усть-Менза-1 (гор. 15–19, 21–25), Усть-Менза-2 (гор. 4–6), Усть-Менза-3 (гор. 2х), Косая Шивера-1 (гор. 14) позволил включить их материалы в селенгинскую культуру [Мороз, 2014], хотя ранее они были включены в студеновскую [Константинов, 1994]. Последним дополнением селенгинской культуры стали материалы стоянки Усть-Кяхта-3 [Павленок, 2015а].

Для селенгинской культуры характерно наличие двух основных стратегий расщепления камня в индустрии: получение пластин в рамках плоскостного и призматического расщепления и получение микропластин с клиновидных ядрищ, заготовками которых выступали гальки и массивные сколы. На получение укороченных сколов было ориентировано расщепление единичных ортогональных и радиальных ядрищ. Для моносырьевых индустрий селенгинской культуры (Усть-Кяхта-3, Усть-Кяхта-17) [Павленок, 2016] зафиксирован технический прием переориентации части сработанных плоскостных нуклеусов с целью последующего их использования в качестве заготовок для клиновидных ядрищ [Ташак, 2005; Павленок, 2015б]. В орудийном наборе преобладают ножи, скребла, скребки, реже представлены остроконечники усть-кяхтинского типа резцы, выполненные преимущественно на пластинах. Выразительной серией представлены проколки на микропластинах. Основным приемом оформления орудий выступает дорсальная ретушь. Для селенгинской культуры также фиксируются проявления материальной культуры, не связанные с каменной индустрией, – костяная индустрия (острия, основы вкладышевых орудий, рыболовные крючки), предметы искусства (антропоморфная скульптура, бусины из скорлупы яиц страуса) и свидетельства организации жилого пространства (жилищные конструкции) [Ташак, 2005; Павленок, 2014]. Для рассмотренных культурных подразделений (студеновской и селенгинской) выявлено большое количество сходств в материальной культуре, что позволяет объединить их в единую технологическую традицию, которую предлагается называть селенгинской.

Чикойская культура была выделена В.И. Ташаком [2000] по материалам комплекса с поверхностным залеганием артефактов – Аршан Хундуй и определена в пределах 11 000–15 000 л.н. Позже к этой же культуре был отнесен П.В. Морозом [2014] гор. 20 Усть-Мензы-1. Чикойская культура на определенном этапе сосуществовала с селенгинской культурой, но контрастно отличалась от нее по технологическим показателям. В комплексах чикойской культуры при оформлении клиновидных нуклеусов подготавливались преформы-бифасы. Также она демонстрирует яркие отличия в орудийном наборе. Они выражаются в значительной доле орудий с бифасиальной обработкой, большой доле изделий с вентральной ретушью и резцов исключительно трансверсальных форм.

В настоящий момент при изучении финальнопалеолитических индустрий Западного Забайкалья остается актуальной проблема культурного членения материалов [Павленок, 2015а]. Особенно важным в этом контексте представляется систематическая публикация материалов стратифицированных комплексов Северной Монголии [Деревянко и др., 2013], в том числе и материалов развитого и финального палеолита [Рыбин и др., 2016], которые могут иметь генетические связи с забайкальскими материалами. Действительно, свободное перемещение человеческих популяций в рамках единой речной системы Селенги могло быть возможным за счет отсутствия естественных границ между территориями Западного Забайкалья и Северной Монголии. Подобная идея уже высказывалась ранее [Ташак, 2000], но в настоящий момент накопился значительный массив новых данных, что обеспечивает основу для будущих исследований. В частности, сейчас актуален вопрос о характере контактов древнего населения Западного Забайкалья с популяциями Северной Монголии в позднем и финальном палеолите [Павленок, 2015а].

Наиболее полно рассматриваемый период каменного века в монгольской части р. Селенги характеризуют материалы толборской группы стратифицированных памятников – Толбор-15, гор. 3 и 4; Толбор-4, гор. 3; Харганын-Гол-5, гор. 3 (рис.). Этап развитого позднего палеолита с датами в пределах 14 000–15 000 л.н. также иллюстрируют индустрии памятников этой группы (Толбор-15, гор. 3 и 4; Толбор-4, гор. 3) [Гладышев и др., 2010]. Как и в ранее рассмотренных комплексах, облик толборских индустрий определяет присутствие клиновидных нуклеусов и продуктов их расщепления – микропластин. Здесь важно отметить, что в данных индустриях наблюдается присутствие в одном комплексе как клиновидных ядрищ, изготовленных на отдельностях сырья и массивных сколах, так и на специально подготовленных

заготовках-бифасах. Помимо этого, в индустриях фиксируются плоскостные и подпризматические нуклеусы однонаправленного принципа скалывания для пластин, а также небольшие подпризматические ядрища для пластинок. В орудийном наборе доминируют массивные скребла, скребки разнообразных форм, в меньшей степени представлены резцы, остроконечники, пластинки с притупленным краем, редки зубчато-выемчатые и галечные орудия [Рыбин и др., 2016]. Орудийная составляющая индустрий также демонстрирует некоторую «смешанность» характеристик, выявленных по забайкальским материалам для селенгинской традиции камнеобработки и чикойской. Это, с одной стороны, преобладание в качестве заготовки пластинчатых сколов и небольшое количество разнообразных по типологическому облику резцов, а с другой – устойчивое присутствие вентральной ретуши, причем для обработки ярких, типологически-выраженных орудий типа скребел, скребков, сколов с выемками, а также вентральной подтеской.

Комплекс гор. 3 Харганын-Гола-5 имеет более поздние датировки – около 13 000 л.н. и демонстрирует характеристики, близкие только селенгинской традиции камнеобработки. Это наличие клиновидных нуклеусов на сколах, присутствие подпризматических форм ядрищ для отщепов и пластинок. В орудийном наборе это скребки, резцы, долотовидные орудия с преимущественно дорсальной обработкой рабочего края. Важным элементом, сближающим этот комплекс с селенгинскими, является бусина из скорлупы яйца страуса [Хаценович и др., 2017].

Если рассматривать все представленные в исследовании финальнопалеолитические комплексы бассейна р. Селенги, можно заключить следующее. Селенгинская технологическая традиция на территории Западного Забайкалья объединяет памятники селенгинской и студеновской культур [Павленок, 2015а]. Ее истоки прослеживаются на той же территории, в усть-мензинском варианте поздней поры верхнего палеолита с датировками около 17 000 л.н. [Мороз, 2014; Павленок, 2015а]. В пределах 11 500–13 000 л.н. свидетельства селенгинской традиции фиксируются как на территории Западного Забайкалья, так и на территории Северной Монголии. Чикойская технологическая традиция впервые (около 14 000–15 000 л.н.) фиксируется на территории Северной Монголии и затем уже на территории Западного Забайкалья (есть лишь одна относительная датировка – древнее 11 500 л.н.). В качестве рабочей гипотезы для этой традиции предлагается рассматривать происхождение с территории Северной Монголии.

Библиографический список

- Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск, 2003. 208 с.
- Гладышев С.А., Олсен Дж., Табарев А.В., Кузьмин Я.В. Хронология и периодизация верхнепалеолитических памятников Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №3. С. 35–42.
- Гладышев С.А., Табарев А.В., Олсен Д.В. Итоги изучения верхнего палеолита Северной Монголии // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. 2011. С. 28–43.
- Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994. 180 с.
- Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 2000. 240 с.
- Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск, 2011. 368 с.
- Мещерин М.Н., Разгильдеева И.И. О находках произведений искусства «малых форм» на палеолитическом поселении Студёное-2 // История и культура Востока Азии: мат. междунар. науч. конф. Новосибирск, 2002. Т. 2. С. 116–120.
- Мороз П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита, 2014. 182 с.
- Окладников А.П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР. Сибирь и Средняя Азия // У истоков древних культур (эпоха мезолита). М.; Л., 1966. С. 213–223. (МИА; №126).
- Окладников А.П. Палеолит Забайкалья: общий очерк // Археологический сборник. Улан-Удэ, 1959. Вып. 1. С. 5–25.
- Окладников А.П. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 году // ВДИ. 1948. №3(25). С. 155–163.
- Окладников А.П. Археологические исследования в низовьях реки Селенги // КСИИМК. 1950. Вып. XXXV. С. 85–90.
- Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын ам. Новосибирск, 1981. 460 с.
- Павленок Г.Д. Костяная индустрия стоянки Усть-Кяхта-3 (Западное Забайкалье) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. №2. С. 14–18.
- Павленок Г.Д. Технология обработки камня в селенгинской культуре Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015а. 26 с.

Павленок Г.Д. Технология изготовления клиновидных нуклеусов в селенгинской культуре Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2015б. №3/2 (87). С. 178–184.

Павленок Г.Д. Технологические особенности каменного производства в моносырьевых комплексах селенгинской культуры // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология и культуры. Иркутск, 2016. С. 138–144.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Павленок Г.Д. Последовательность развития индустрий раннего–позднего верхнего палеолита Монголии // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 16. С. 3–23.

Ташак В.И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. Улан-Удэ, 2005. 130 с.

Ташак В.И. Торцовые клиновидные нуклеусы Западного Забайкалья в позднем палеолите и мезолите // Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия. Улан-Удэ, 2000. С. 59–74.

Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Павленок Г.Д., Анойкин А.А., Харевич В.М., Гунчинсүрэн Б., Болорбат Ц., Одсүрэн Д., Кулик Н.А., Попов А.Ю. Заключительный этап полевых исследований многослойного палеолитического памятника Харганын-Гол-5 в Северной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015. Т. XXI. С. 166–170.

© 2017, А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИНДУСТРИИ С БИФАСАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №14-50-00036 «Развитие древнейших культур и формирование человека современного вида в Северной и Центральной Азии»)

Пространственное распределение палеолитических стоянок на Кавказе крайне неравномерно. Большинство известных здесь памятников сосредоточено в центральной части, в Закавказье или вдоль Черноморского побережья. Территория Северо-Восточного Кавказа, особенно прибрежные районы Каспийского моря, до недавнего времени была изучена крайне слабо. В ходе многолетних стационарных и разведочных исследований экспедициями Института археологии и этнографии СО РАН в юго-восточной части Дагестана в бассейне р. Дарвагчай обнаружено более 10 памятников палеолита, в том числе несколько многослойных стратифицированных объектов. Хронологический интервал обнаруженных и изученных каменных индустрий охватывает период от нижнего до финала среднего палеолита, что позволяет представить общую картину развития древнейших культур на территории Приморского Дагестана [Деревянко и др., 2012]. Наиболее ранние свидетельства появления бифасов (рубил) на рассматриваемой территории отмечены в слое 8 памятника Дарвагчай-1 и в аналогичных отложениях стратифицированных стоянок Дарвагчай-залив-1 и 4 (рис. 1) [Кандыба, Рыбалко, 2016; Рыбалко, 2017]. Другие бифасы известны из подъемных сборов на местонахождениях Дюбекчай, Дарвагчай-залив-2, Дарвагчай-карьер и Чумус-Иниц. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых снизу вверх прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки [Рыбалко, 2014, с. 76].

Раннепалеолитические комплексы, в которых присутствуют бифасиально обработанные орудия, сформировались на местной полисырьевой базе. В качестве исходного сырья использовался пластовый кремль, желвачный кремль, сильно окремненный известняк наружной части кремневых желваков и слабоокремненный опесчаненный известняк в виде галек и желваков. Перечисленный материал в исходном виде встречается в верхнемеловых (датский ярус) известняках (Cr_{2d}) в виде линз различной мощности и протяженности, а также желваков, в среднем не более 0,3 м в поперечнике. Данные разновидности каменного сырья являются непосредственной составляющей литологических горизонтов, в которых были обнаружены артефакты, и хорошо прослеживаются в нескольких обнажениях на близлежащей территории. Все эти породы весьма разнообразны по своим поделочным свойствам, что в свою очередь в значительной мере определяло типы производимых орудий. Анализ коллекции археологического материала показал, что доминирующим сырьем на памятнике является кремль (не менее 80% от общего количества

артефактов). Анализ кремня в галечном материале показал, что данное сырье отличается большим количеством внутренних дефектов, в первую очередь трещиноватостью, при раскалывании сколы часто прерываются трещинами и имеют неровные очертания. Сырьевые ограничения, возможно, в значительной степени повлияли на широкое использование для изготовления орудий нескованных основ.

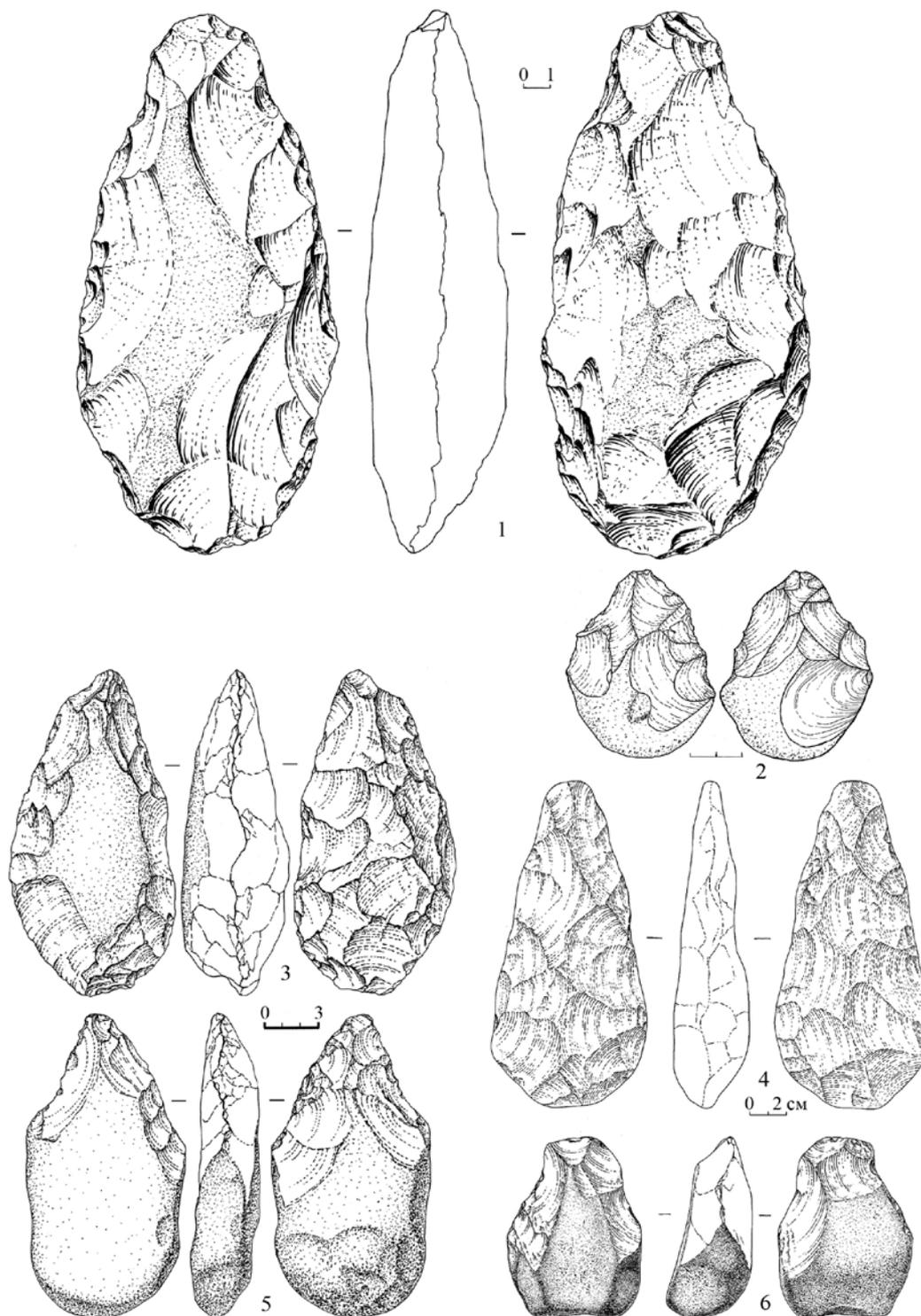

Рис. 1. Индустрии с бифасами. Местонахождения:
Дарвагчай-залив-4 – 1, 2, 4, 6 и Дарвагчай-залив-1 – 3, 5

Каменные артефакты также различаются по степени сохранности поверхности – от среднеокатанных изделий, составляющих основную часть коллекций, до слабо- и практически не окатанных экземпляров. При этом в стратифицированных комплексах не прослеживается какой-либо зависимости между сохранностью поверхности стратиграфическим и планиграфическим положением находок. Анализ пла-

ниграфии, наряду с данными стратиграфии, показывает, что артефакты претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Высокая концентрация артефактов (для раннего палеолита), полный набор продуктов первичного расщепления (включая мелкие отщепы и чешуйки) и разнообразный набор орудий (среди которого выделяются достаточно наглядные серии) свидетельствуют о наличии полного набора каменных изделий, характерного для раннепалеолитических индустрий. Коллекции артефактов стратифицированных стоянок Дарвагчай-залив-1 и 4 демонстрируют глубокое сходство по основным технико-типологическим параметрам (техники расщепления, характерные типы орудийного инвентаря, приемы вторичной обработки), в известной мере допустимо рассматривать эти материалы как остатки нескольких стоянок существовавших на данной территории в течение определенного периода. В то же время анализ всех аспектов каменного инвентаря свидетельствует, что в период формирования культуросодержащих слоев на данной территории обитали носители одной индустриальной традиции, базировавшиеся на местной полисырьевой базе. Данное свидетельство имеет большое значение как для полноценной характеристики обнаруженных археологических материалов, так и дальнейшей корреляции их с другими раннепалеолитическими стоянками, для определения места данного комплекса среди аналогичных местонахождений исследуемого региона.

Общий анализ археологических коллекций позволяет сделать следующие выводы о характере полученных материалов. На памятниках представлены все циклы обработки камня (от апробации сырья до изготовления орудий). Фиксирующиеся приемы первичного расщепления и вторичной обработки относятся к простейшим вариантам. Предварительная подготовка ядрищ для регулярного расщепления была минимальной, в основном использовались удобные естественные поверхности (рис. 2.-5). Есть свидетельства применения дробления и долечной техники (использование обломков кремня для вторичной обработки и единичные долечные сколы). Среди сколов преобладают массивные подпрямоугольные и широкие заготовки. Более 40% отщепов полностью или частично сохраняют галечную корку. Огранка дорсалов, как правило, гладкая, естественная или бессистемная. Вторичная обработка в виде ретуши чаще всего была краевой и лишь в редких случаях изменяла морфологию заготовки, широко использовались оббивка и приемы получения клетонских анкошей. Среди выделенных категорий орудий преобладают скребловидные, шиповидные и выемчатые (рис. 2.-1-4). Наиболее яркой «маркирующей» частью орудийного набора являются крупные галечные и бифасиально обработанные изделия, немногочисленные, но представляющие собой предельно выразительные морфологические образцы, которые соответствуют самым строгим представлениям о типе археологической классификации (рис. 1.-1, 3, 4) [Рыбалко, 2016]. Таким образом, имеющиеся данные позволяют определить памятники как многократно посещаемые, стоянки-мастерские, где осуществлялась деятельность, связанная с массовым изготовлением серий артефактов, в том числе сложных орудийных форм.

Хронология памятников построена на основе анализа палеонтологических остатков раковин моллюсков (малакофауна). Обнаруженные на стоянках в ходе раскопок разновидности дидакн относятся к позднебакинскому (урунджикскому) комплексу моллюсков. Суммарная информация, полученная методами естественных наук, позволяет предполагать, что геологические горизонты, где были обнаружены археологические материалы, накапливались в субаэральных и субаквальных условиях морского побережья (пляжная и предфронтальная зоны). Хронологически время формирования культуросодержащих слоев соотносится с разными фазами активности Каспийского моря (позднебакинское и постбакинское время) и, согласно принятым стратиграфическим схемам, соответствует возрасту $\approx 0,4-0,3$ млн лет назад (стадии 11-9 MIS).

Появление и дальнейшее распространение ашельских индустрий, наиболее характерная черта которых – присутствие ручных рубил (бифасов), становится одной из наиболее обсуждаемых тем в археологическом сообществе. Разнообразие локальных вариантов в ашельских индустриях Кавказа отмечают все исследователи, при этом значительно расходясь по принципам их выделения, хронологии, границ распространения и т.д. [Любин, 1998; Любин, Беляева, 2006; Деревянко, 2014; и др.]. Неравномерные поделочные свойства используемого сырья, разнообразие его форм и размеров привели к большой вариативности бифасиально обработанных орудий. При этом вырабатывались наиболее оптимальные для конкретного сырья технологии и приемы изготовления.

В этом контексте поздние раннепалеолитические комплексы Юго-Восточного Дагестана, видимо, стоит рассматривать как еще один местный вариант развития каменного производства, находящийся в общекавказском ареале распространения и развития индустрий ашельского облика. Для рассматриваемого региона характерна общая для всего Большого Кавказа особенность, выражающаяся в относительной малочисленности рубил в коллекциях памятников. Бифасиально оформленные орудия представляют

широкий спектр индивидуальных форм, наблюдается крайнее разнообразие в типах, формах и приемах отделки двусторонних орудий, которые практически все индивидуальны и не образуют выраженных типологических групп. При этом тщательно обработанные, геометрически правильные, классические изделия, являющиеся стандартными массовыми типами в других ашельских индустриях, здесь немногочисленны (рис. 1.-1, 3, 4). Преобладают разнообразные частичные бифасы, иногда в виде грубо оббитых галек с асимметричным контуром и неровными лезвиями (рис. 1.-2, 5, 6; 2.-6). Технологические особенности сырья, а также чрезвычайно разнообразные формы исходных заготовок обусловили большое многообразие морфологических форм и соответственно низкую стандартизацию указанных орудий.

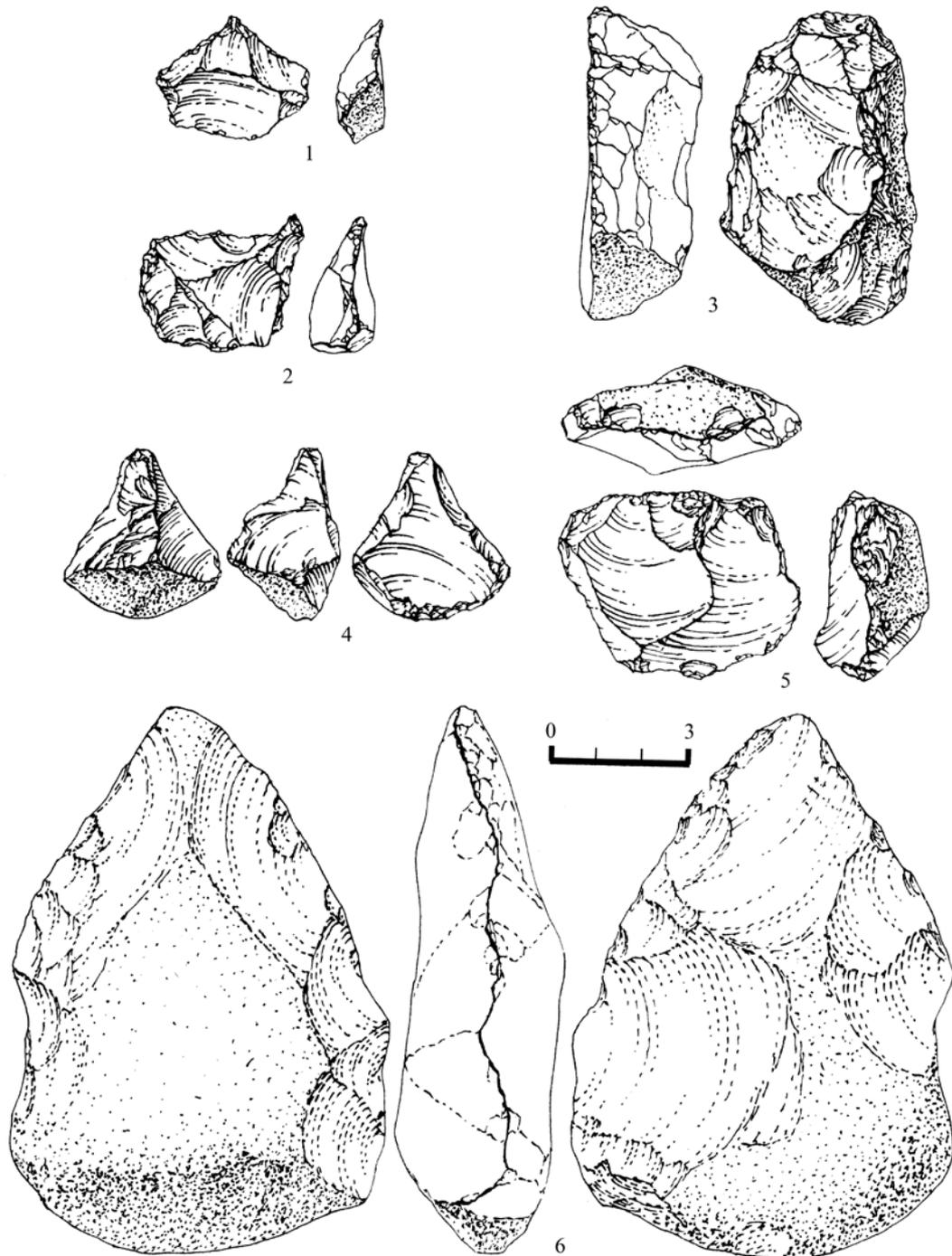

Рис. 2. Стоянка Дарвагчай-залив-1. Каменный инвентарь:
1, 2, 4 – шиповидные орудия; 3 – скребло; 5 – нуклеус; 6 – рубило

Подытоживая вышесказанное, стоит отметить, что территория Западного Прикаспия, несомненно, является зоной распространения раннепалеолитических индустрий с бифасиально обработанными орудиями. В то же время бифасы классических типов, имеющие сплошную обработку поверхности,

здесь немногочисленны, преобладают так называемые частичные бифасы [Рыбалко, 2016]. Проведенные исследования позволили получить новый массовый материал по древнейшей истории региона, что дает возможность более наглядно представить общую картину эволюции каменных индустрий на этой территории в палеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов.

Библиографический список

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск, 2012. 292 с.

Деревянко А.П. Бифасиальная индустрия в Восточной и Юго-Восточной Азии. Новосибирск, 2014. 372 с.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-залив-4 // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2016. №2 (90). С. 210–214.

Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998. 192 с.

Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. СПб., 2006. 108 с.

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив 1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2014. Т. XX. С. 73–76.

Рыбалко А.Г. Бифасиально обработанные орудия Дарвагчайского геoarхеологического района (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII. С. 152–155.

Рыбалко А.Г. Раннепалеолитические индустрии ашельского облика на территории Дагестана // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16, №5. С. 32–40.

© 2017, Е.П. Рыбин^{1,2}, В.С. Славинский¹, А.М. Хаценович^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

²Алтайский государственный университет, Барнаул

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ РАЗНООБРАЗИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СТРАТЕГИЙ РАСЩЕПЛЕНИЯ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ – РАННЕМ ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда
(проект №14-50-00036)

Введение. Центральная Азия и Южная Сибирь относятся к тем регионам Евразии, где может быть предположено последовательное или одновременное существование нескольких видов гоминид в короткий промежуток времени позднего плейстоцена, относящийся к концу среднего палеолита – ранней стадии верхнего палеолита. Кроме того, эта территория в центре Азиатского континента относится к тем областям, где фиксируется одно из наиболее ранних свидетельств обитания человека современного типа. Одновременно здесь свидетельствуется, возможно, синхронное с Левантом появление феномена культуры крупнопластинчатых индустрий начального верхнего палеолита. До сих пор вызывает дискуссию характер смены эпох в этом регионе в промежутке от среднего до раннего верхнего палеолита. В основном, споры сосредоточены на том, является ли начальный верхний палеолит свидетельством миграции населения [Kuhn, Zwyns, 2014] или же он был продуктом местного развития, и, соответственно, сходство его с похожими индустриями из западной части Евразии может объясняться закономерностями конвергентного развития технологического субстрата в виде леваллуазских технологий, существовавших в поздних среднепалеолитических комплексах [Деревянко, 2009]. Наличие ряда палеоантропологических находок все же позволяет предположить, что в период среднего и раннего верхнего палеолита в Сибири и Центральной Азии по меньшей мере несколько раз происходило появление пришлого населения – например, носителей своеобразной среднепалеолитической индустрии сибирячихинского варианта среднего палеолита и, возможно, популяций, привнесших культуру начального верхнего палеолита. Однако для данной области Евразии известно очень немного антропологических свидетельств, связь которых с определенными типами индустрий является четко прослеживаемой.

Поэтому при исследованиях неоднократных смен культурных и технологических традиций на изучаемой территории исследователи вынуждены опираться почти исключительно на данные анализа технологий редукции нуклеусов и оформления каменных орудий. Столь же актуальной является проблема абсолютного датирования индустрий, относящихся к периоду древнее 50 000 радиоуглеродных лет назад; за исключением пока немногочисленных опубликованных термолюминесцентных, ЭПР и ОСЛ-дат, а также стратиграфических корреляций, основной массив среднепалеолитических комплексов остается недатированным. В данном случае приходится исходить из доступных хронологических данных, корреляций на основе морфологии артефактов и технологии раскалывания, а также относительного культурно-стратиграфического ранжирования ископаемых ассамбляжей.

Можно выделить следующие основные исследовательские вопросы, возникающие при анализе последовательности культурного развития индустрий Южной Сибири и Центральной Азии:

а) представлены ли в позднем среднем палеолите Южной Сибири и восточной части Центральной Азии методы расщепления, нашедшие свое продолжение в начальном верхнем палеолите? Можно ли предполагать существование континуума между средним палеолитом и начальным верхним палеолитом хотя бы в одном регионе Центральной Азии и Южной Сибири? Был ли средний палеолит статичным явлением или мы можем проследить проявление развития и возникновения новых технологий? Связаны ли с периодом среднего палеолита вероятные передвижения населения и/или традиций в Южной Сибири и восточной части Центральной Азии?

б) является ли предполагаемая миграция носителей культуры начального верхнего палеолита единственным объяснением распространения карабумовского комплекса?

в) существовала ли технологическая преемственность между начальным верхним палеолитом и ранним верхним палеолитом?

С целью определения общих и локальных тенденций в передаче и затухании традиций технологии расщепления каменных индустрий должна быть прослежена хронология и пространственное распространение основных методов/стратегий расщепления в позднем среднем – начальном верхнем – раннем верхнем палеолите Южной Сибири и восточной части Центральной Азии.

Методы. Ранее на основании выделенных специфических типов орудий и персональных украшений было предположено наиболее раннее появление южносибирского начального верхнего палеолита в его карабумовском варианте на территории Горного Алтая и переносе его традиций путем относительно быстрой и прямой миграции популяций-носителей в Северную Монголию и Российское Забайкалье через систему перевалов Алтая, через Джунгарию и Монгольский Алтай [Рыбин, 2014]. В этой статье мы постараемся интегрировать данные, полученные в результате анализа присутствия орудий-маркеров с выявлением распространенных на определенных этапах среднего палеолита и верхнего палеолита технологических наборов и специфических технологий расщепления. На основании выявленных характерных технологических последовательностей редукции будет исследована возможность трансляции данных методов в индустрии других культурно-хронологических этапов: среднего палеолита – ранней стадии верхнего палеолита – начального верхнего палеолита, а также в случае выявления явных пространственно-хронологических трансгрессий переноса их на другие территории.

Изучаемый регион мы подразделяем на пять провинций: 1) Горный Алтай; 2) Восточный Казахстан и Джунгария; 3) Монголия и Западное Забайкалье; 4) Прибайкалье 5) Енисейская Сибирь. Хотя памятники из Джунгарии и Казахстана пока практически не обеспечены радиоуглеродными определениями, эта территория играет потенциально исключительно важную роль, как один из регионов, связывающих восточные и западные области изучаемых территорий.

Исследования подобного рода ограничены неизбежными трудностями, связанными как со стратиграфическими проблемами изучения археологических объектов (переотложения, палимпсесты и сложная стратиграфия, характерные для многих многослойных пещерных стоянок), неравномерностью распределения и различной степенью достоверности хронологических определений и, не в последнюю очередь, доступностью коллекций или опубликованных данных. Поэтому анализ и характеристика редукционных технологий должны опираться на опорные объекты, снабженные абсолютными датировками и относительно надежными реперами в виде серий ремонтжей каменных артефактов и/или атрибутивных технологических исследований. Для опорных комплексов выделяются технологии, которые являются основными, предположительно не связанными с очевидными поведенческими или сырьевыми девиациями. При изучении технологий основным методологическим инструментом являлась концепция операционной цепочки (*chaîne opératoire*). При этом последовательность утилизации нуклеусов рассматривается

как последовательность технологически взаимосвязанных этапов, включающих в себя стадию отбора сырья; оформление заготовки нуклеуса; регулярное производство сколов; переоформление нуклеуса в заключительной стадии расщепления; производство орудий. Предполагается, что какая-либо отдельно взятая технология на данной территории впервые на устойчивой основе появляется в среднем палеолите, начальном верхнем палеолите или в раннем верхнем палеолите. Каждая рассматриваемая эпоха (фаза) обладает технологическим набором, включающим впервые фиксируемые здесь технологии. Технология, выделяемая в отдельный тип, должна встречаться в нескольких объектах, имеющих близкий (или предположительно близкий) возраст и схожие культурно-технологические характеристики.

Среди них – *среднепалеолитический набор*: 1) леваллуазская конвергентная однонаправленная технология (опорные объекты – Кара-Бом СП2, Усть-Каракол-1 сл. 18); 2) орхонская леваллуазская комбинированная пластинчато-отщеповая технология (Орхон-1 сл. 3; Харганын гол сл. 6; Орок-нор-1, 2); 3) сибирячихинская радиальная и связанная с ней технология фасоннажа бифасов (пещеры Чагырская и Окладникова); 4) денисовская отщеповая радиальная и ситуационная технология (сл. 14–15 восточного зала Денисовой пещеры; слои второго цикла осадконакопления пещеры Цаган-Агуй; Орхон-7, гор. 3; Хотык – ур. 5–6); 5) леваллуазская конвергентная бинаправленная технология (Денисова пещера, сл. 12–11.1 Восточной галереи, СП1 Кара-Бом, гор. 6 Толбора-4 и сл. 3 пещеры Цаган-Агуй).

Набор начального верхнего палеолита: 1) карабумовская технология получения пластинчатых заготовок. Характеризуется бипродольным попеременными снятиями, асимметричным поперечным сечением (с основным фронтом на торце изделия) нуклеусов, выпуклость фронта и инициализация расщепления поддерживаются снятиями реберчатых сколов. Ориентирована на получение удлиненных пластин как крупных размеров, так и пластинок (Кара-Бом ВП2, Толбор-4, гор. 6; Толбага, сл. 4, Усть-Каракол-1 (1986), слой 5). Для этого метода характерна специфическая технология подработки кромки ударной площадки – пикетаж [Славинский и др., 2017]; 2) макаровская однонаправленная подпризматическая (как вариант, плоскостная) технология (Орхон-7 сл. 3, Макарово-4).

Набор раннего верхнего палеолита: 1) усть-каракольская кареноидная технология в сочетании с использованием двухплощадочной «невстречной» подпризматической технологии (Усть-Каракол-1, сл. 8–11); 2) ортогональная – продольно-поперечная плоскостная отщеповая технология (Куналей, Толбор-4, гор. 4).

Обсуждение. Наиболее протяженную хроностратиграфическую последовательность имеют метод леваллуазской конвергентной однонаправленной технологии, первые свидетельства которого берут свое начало либо в начале морской изотопной стадии 4 (МИС-4), либо в конце МИС-5. Распространение этого метода почти точно совпадает с локализацией леваллуазских индустрий позднего среднего палеолита и пластинчатых ассамбляжей начального верхнего палеолита от Горного Алтая (наиболее ранние свидетельства) и бассейна Енисея через Джунгарию к территории Монголии и Северного Китая. Наиболее поздние свидетельства применения этого метода прослеживаются вновь на территории Горного Алтая и относятся к финалу МИС-3 в раннем верхнем палеолите местонахождения Быструха-2 около 29 000 радиоуглеродных лет назад. Более узкие географические и культурно-хронологические рамки имеют два других леваллуазских метода расщепления – это леваллуазский конвергентный бипродольный и леваллуазский черепаховидный комбинированный (или орхонский), сочетающие производство леваллуазских сколов с помощью комбинации биполярных пластинчатых сколов оформления фронта. Эти методы характерны исключительно для индустрий финального среднего палеолита и начального верхнего палеолита; при этом первый метод фиксируется сначала в финальном среднем палеолите Алтая, а потом проявляется и в индустриях начального верхнего палеолита Алтая и Монголии. Второй, «орхонский», метод может быть зафиксирован и в среднем палеолите, и в начальном верхнем палеолите как на Алтае, так и в Монголии, при этом более ранние комплексы свидетельствуются на Алтае. Сибирячихинская и денисовская радиальная и ситуационная технологии связаны исключительно со среднепалеолитическими комплексами. Сибирячихинская технология достаточно достоверно ассоциирована с определенным антропологическим типом (неандертальцами) и имеет рамки, ограниченные финалом МИС-4 и началом МИС-3. Вторая, денисовская, технология, по всей видимости, также связанная с определенным антропологическим типом, имеет существенно более широкие хронологические и территориальные границы, по меньшей мере, от начала позднего плейстоцена (МИС-5 или древнее) и заканчивая периодом МИС-4 на Алтае, в Монголии и Забайкалье. В начале МИС-3 эта технология везде сменяется финально-среднепалеолитическими индустриями с элементами черепаховидного леваллуа и подпризматического расщепления орхонского типа.

Широко распространенной технологией на изучаемой территории является карабумовский метод бипродольной редукции подпризматических ядрищ начального верхнего палеолита. При сопоставле-

нии данных, полученных при анализе имеющихся ремонтжей, приходится признать, что наиболее вероятная предтеча карабумовского метода – леваллуазская конвергентная однонаправленная технология – представляет совершенно иную объемную и операционную концепцию расщепления. Несколько более близким относительно верхнепалеолитического метода является бипродольное конвергентное расщепление, представленное в индустриях финального среднего палеолита – начального верхнего палеолита Денисовой пещеры.

Как уже отмечалось, карабумовский метод ассоциируется с устойчивым набором специфических и неспецифических типов орудий. Наиболее ранние даты, связанные с появлением этих индустрий, фиксируются на Алтае около 50 000 л.н. Вместе с тем хронологическая разница для наиболее ранних объектов между Забайкальем, Северной Монголией и Алтаем относительно невелика, что подразумевает вероятность быстрой направленной миграции. С другой стороны, как на Алтае, так и в Монголии этот технокомплекс подстилается финально-среднепалеолитическими леваллуазскими индустриями. Нельзя исключать возможность генетических связей между ними; в то же время требуется обоснование преемственности между средним палеолитом и начальным верхним палеолитом Центральной Азии и Южной Сибири. При этом нельзя исключать вероятности короткого периода сосуществования индустрий начального верхнего палеолита и финального среднего палеолита в Забайкалье и Монголии, что ставит под сомнение вероятную преемственность этих традиций, но не позволяет исключать возможностей заимствования тех или иных технологий.

Наиболее поздние индустрии начального верхнего палеолита в Центральной Азии и Южной Сибири датируются в довольно широких хронологических рамках: от 38 000 до 33 000 л.н., верхняя граница этого явления до сих пор определена довольно нечетко и требует дальнейшего уточнения. На всей изучаемой территории возникают комплексы раннего верхнего палеолита, для которых характерна тенденция к уменьшению размеров сколов-заготовок и развитию мелкопластинчатого производства наравне с уменьшением доли пластинчатых заготовок и увеличением доли отщепов. В различных сочетаниях и регионах, равно как и подпризматические простые однонаправленные методы, и ортогональное отщеповое расщепление, значительно более локальное распространение имеют кареноидные технологии. Если на Алтае, в Монголии и Забайкалье можно предположить связи индустрий ранней стадии верхнего палеолита с предшествующим периодом начального верхнего палеолита, то на территории Прибайкалья и Забайкалья переход является внезапным.

Заключение. Предлагаемые варианты составляющих частей технологических наборов не являются закрытым списком, они могут расширяться по мере уточнения хронологических позиций комплексов и появления новых технологических исследований. Необходимо отметить, что технологии могли появляться и исчезать вновь или же продолжать свое существование на всем протяжении среднего палеолита – раннего верхнего палеолита. Наибольшее количество продолжающихся технологических линий может быть прослежено между средним и начальным верхним палеолитом; значительно редуцированными выглядят связи между начальным верхним палеолитом и ранним верхним палеолитом, а также финальным средним палеолитом и ранним средним палеолитом. Распределение хронологии возникновения – передачи технологий – позволяет предварительно предполагать наличие пространственно-хронологической трансгрессии между западными и восточными провинциями изучаемого региона, что подтверждается и характером распространения маркирующих специфических орудийных типов. Является ли выявленный нами тренд результатом человеческих миграций или же миграции идей; какова роль использования различающихся между собой типов каменного сырья и форм их исходных отдельностей – эти вопросы должны лечь в основу дальнейших исследований.

Библиографический список

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. Новосибирск, 2009.

Рыбин Е.П. Хронология и географическое распространение культурно значимых артефактов в начальном верхнем палеолите Северной Азии и восточной части Центральной Азии // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2014. №4/1. С. 188–198.

Славинский В.С., Рыбин Е.П., Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Хаценович А.М., Анойкин А.А. Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2017. №1. С. 221–244.

Kuhn S., Zwyns N. Rethinking the initial Upper Paleolithic // *Quaternary International*. 2014. Vol. 347. P. 29–38.

**ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ ВИТИМА В МАТЕРИАЛАХ
МНОГОСЛОЙНОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ КОВРИЖКА-IV
(Байкало-Патомское нагорье, Восточная Сибирь)**

Стоянка Коврижка-IV находится в нижнем течении Витима, в центральной части Байкало-Патомского нагорья, в составе ансамбля археологических местонахождений Коврижка-I-V [Тетенькин, 2010]. Коврижка-IV дислоцируется на 11-метровой надпойменной террасе. Памятник открыт автором в 2004 г. Работы по его изучению проводились в 2007, 2009, 2010, 2012, 2014–2016 гг. [Тетенькин, 2010, 2014, 2016, 2017; Тетенькин и др., 2016; Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017]. Выявлено более 15 уровней залегания культурных остатков в покровных почвенных и склоновых и в пойменных аллювиальных отложениях. В пачке аллювия на части площади стоянки зафиксирован размыв верхней части отложений и вложение аллювия нового цикла. Судя по радиоуглеродным датам, это событие произошло между 15,3 и 15,6 тыс. л.н. Наиболее информативными являются 2–3 объединенный, 2Б, 4, 5 и 6 культурные горизонты. Датированные 2Б, 3 и 6 культурные горизонты указывают на время обитания людей и формирования террасы в интервале ~ 14–15,7 тыс. радиоуглеродных лет назад (табл.).

Радиоуглеродные даты стоянки Коврижка IV

Культурный горизонт	Дата, л.н.	Индекс	Образец	Источник
2Б	15320±100	LTL-16563A	уголь, ива	Тетенькин и др., 2016
3	3880±140	ЛЕ-11120	уголь	Тетенькин и др., 2017
3	14290±35	UGAMS-27447	зуб, биоапатит	Тетенькин, 2017
5	7940±205	СОАН-7294	уголь из кротовины	Тетенькин, 2010
6	4400±240	ЛЕ-11117	уголь	Тетенькин и др., 2017
6	8350±120	СОАН-8839	уголь	Тетенькин, 2014
6	14790±35	UGAMS-27448	зуб, биоапатит	Тетенькин и др., 2017
6	15558±103	Ua-50437	кость	Тетенькин, 2016
6	15740±100	LTL-16562A	уголь, ива, кострище 1	Тетенькин и др., 2017
6	15750±60	Beta-453119	уголь, ива, кострище 2	Тетенькин и др., 2017

В 6 культурном горизонте раскопана структура, обладающая выраженными признаками жилища (рис. 1.-1) [Тетенькин, Анри, Клементьев, в печ.]. Она представляет собой: а) выкладку камней в виде дуги половины окружности диаметром 4,2 м из 13 валунов и плит, б) в радиальном центре и на окончании дуги два кострища, в) культурные остатки в пределах окружности, обозначенной дугой, и на выходе из нее у внешнего кострища. Особенностью дуги являются три пары камней, уложенных в одинаковой последовательности: «окатанный валун – неокатанная плита». Кострище в радиальном центре не имело прокала. Оно было перекрыто набросом из местного речного песка и черного глинистого песка, принесенного извне. Поверх наброса на противоположных краях кострища лежали валунчик и плитка. Второе кострище имело мощность до 6 см. Оно находилось в створе между последней гнейсовой плиткой дуги конструкции и ямкой продавленной поверхности диаметром до 13 см. Культурные остатки состоят из каменного дебитажа, фрагментов кости, частиц угля и частиц гематита и охры. Общее количество находок на площади этой структуры составляет 9918 единиц. В том числе 33 изделия: восемь скребков (рис. 1.-10–13, 16), два скребла (рис. 1.-18, 20), два резца (рис. 1.-15), нож (рис. 1.-19), вкладыш, девять долотовидных предметов из горного хрусталя, три галечных скола с амортизационной ретушью, отщеп с шипом и амортизационной ретушью, шесть нуклеусов, из них четыре – клиновидных (рис. 2.-7–9). Отмечен самый высокий среди финальнопалеолитических комплексов Нижнего Витима показатель сегментов микропластин в дебитаже – 37% (n = 392). Планиграфически орудия, найденные в пределах радиальной структуры, локализуются в правой половине. Абсолютное большинство микропластин, сегментированных и целых, найдено в северо-западном секторе – левой части. Полученные материалы интерпретируются как остатки жилища с двумя очагами в центре и на входе, с привходовой хозяйственной зоной и небольшим участком хозяйственной активности на противоположной стороне за жилищем.

Вероятно, имела место ритуально-символическая деятельность, опознаваемая по наличию охры и кусочков гематита в полу жилища и на входе, парным выкладкам «валун – плита», намеренному пе-

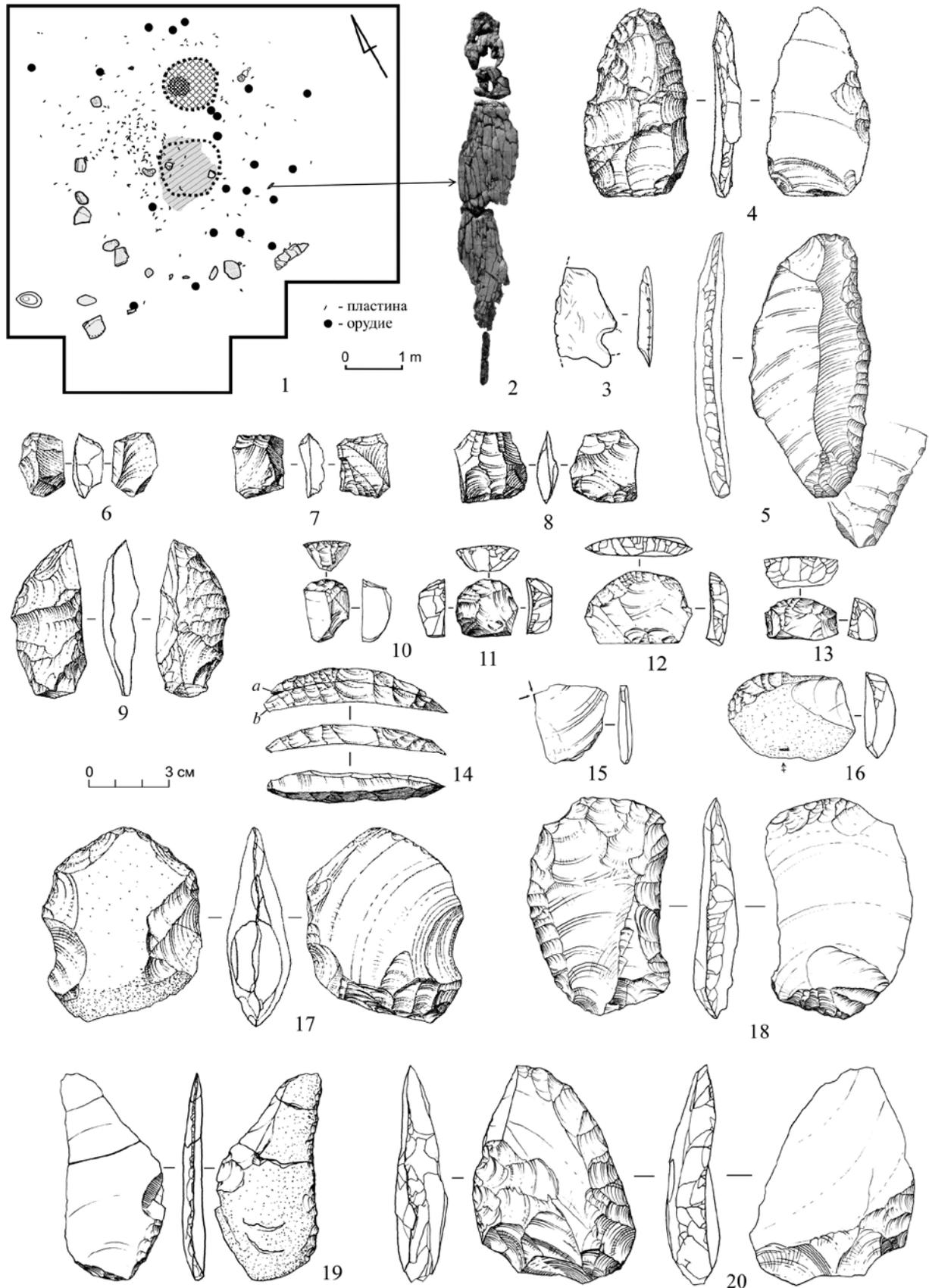

Рис. 1. Стоянка Коврижка-IV: 1 – схема жилища из 6 культурного горизонта; 2 – антропоморфная поделка из кости/бивня мамонта; 3 – фрагмент подвески из графитита; 4, 5, 19 – унифасы-ножи; 6–8 – долотовидные орудия (*piuce esquiliue*); 9 – бифас; 10–13, 16 – скребки; 14 – ребрчатый и лыжевидный сколы; 15 – резец; 17 – отщеп с краевой ретушью (скребок); 18, 20 – скребла; (3 – графитит, 4–20 – эффузивы; 2, 10–13, 16, 18–20 – 6-й культурный горизонт, 3–4, 4, 5–3Б, 6–9, 14, 17 – 2Б культурные горизонты)

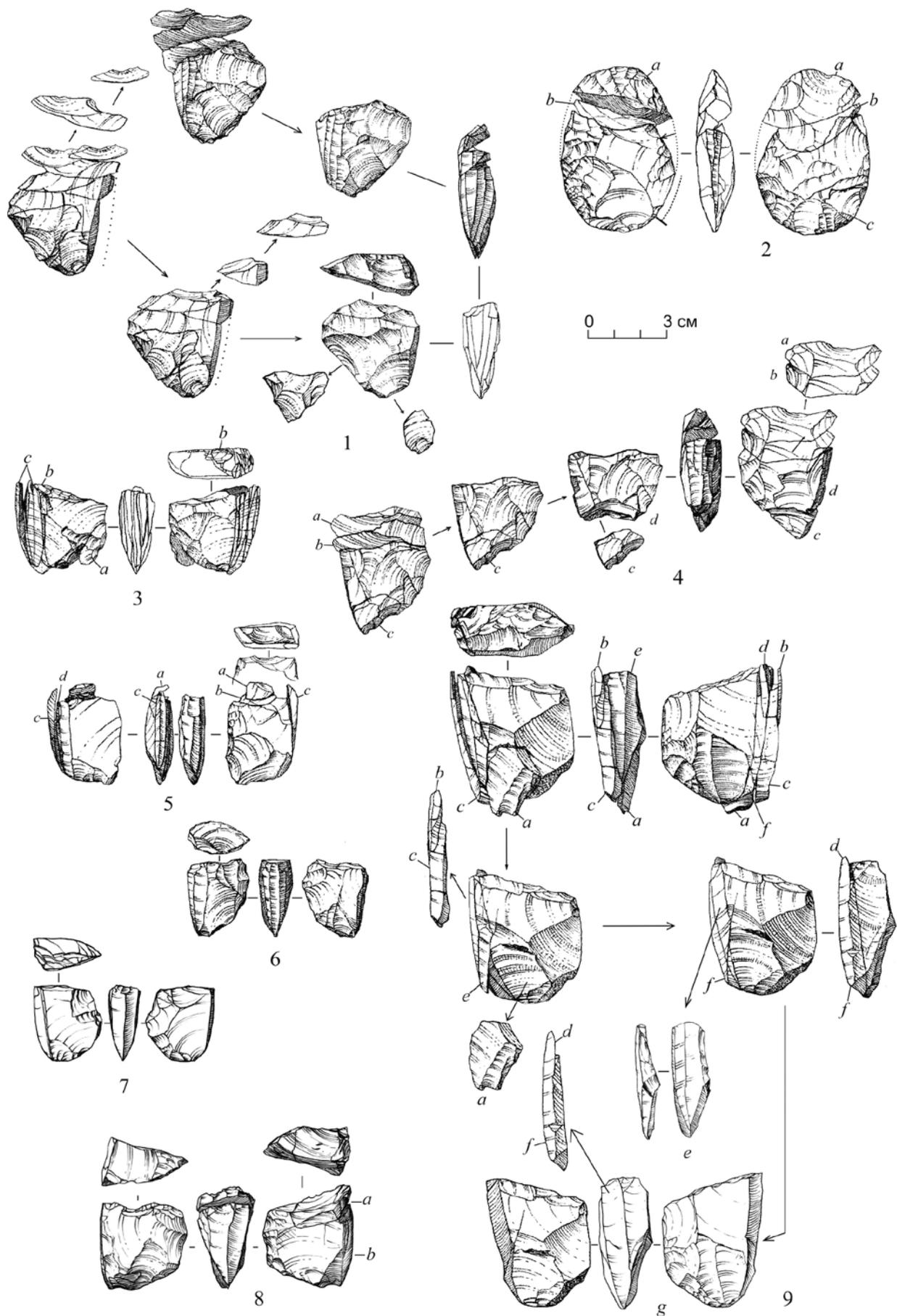

Рис. 2. Стоянка Коврижка-IV: 1-9 – клиновидные нуклеусы, эффузивы (1-6 – 2Б культурный горизонт, 7-9 – 6 культурный горизонт)

рекрытию кострища в центре жилища. Кроме того, были найдены и отреставрированы в Лаборатории реставрации Кунсткамеры РАН О.В. Жмур две фигурные костяные поделки, обладающие признаками антропоморфных статуэток. Одна из них найдена в правой половине жилища, залегала «головкой» на восток. «Головка» была окрашена охрой. В ходе реставрации выявлены искусственно выгравированная дуга на лице, в виде глаза или брови, и галочка углом вниз в средней части поделки в районе «венериного треугольника» (рис. 1.-2). Вторая фигурка найдена в привходовой зоне. В изголовье лежали 6–8 кусочков гематита. Неявным признаком статуэтки является общий «антропоморфный» контур в виде выделенной «головки с плечиками», вытянутой в форме «утюжка» основной части. По мнению В.П. Питулько и Е.Ю. Павловой, оба предмета изготовлены из пластин из бивня мамонта.

Во 2Б культурном горизонте раскопан очаг с прилегающими к нему культурными остатками, размерами около 4×5 м [Тетенькин и др., 2016]. На восточной половине очага поверх углей залегали шесть валунов и плит. «Пол» и подошвы культурных остатков интенсивно окрашены охрой. Каменные артефакты локализованы преимущественно на СВ–С–СЗ периферии очага. К югу от него найдены почти все крупные кости, включая две челюсти снежного барана. Коллекция каменных артефактов состоит из 5631 единицы. Среди изделий ($n = 35$) 12 микронуклеусов (рис. 2.-1–6), 1 отщеповый нуклеус, 7 долотовидных изделий (рис. 1.-6–8), 6 отщепов с краевой ретушью (рис. 2.-17), 3 отщепа со следами амортизации, 3 бифаса (рис. 1.-9) и 2 фрагмента бифаса, 1 тесловидное изделие. Микропластины занимают долю в 26% в общем объеме дебитажа (без учета чешуек).

Оба комплекса 6 и 2Б культурных горизонтов отличает интенсивное производство микропластин. Микронуклеусы изготовлены, главным образом, из бифасов. Под площадку ударами с латерали готовился узкий конец бифаса. Для поджигания нуклеуса использовались приемы переоформления ударной площадки, снятия фронтальных сколов, переноса фронта на противоположный торец и переноса площадки на дистальный конец (рис. 2.-1–9). Вместе с тем во 2Б культурном горизонте найдены реберчатый и лыжевидный сколы с бифасов, характерные для техники юбецу (рис. 1.-14).

Общим для 6 и 2Б культурных горизонтов является также использование охры в обеих стоянках (комплексах), определены те же снежный баран и лось, тот же субстрат основных (диабаз, микрогабро) и единичных пород (кварц, аргиллит, дымчатый кварц, графитит). Для обоих горизонтов А.М. Клементьевым по выросту зубов в челюстях снежных баранов сделано определение зимы, А. Анри были определены угли кустарниковой ивы в подавляющем большинстве наблюдений и в качестве доминирующего предположен ландшафт кустарниковой тундры [Тетенькин и др., 2016; Тетенькин, Анри, Клементьев, в печ.].

3Б, 4 и 5 культурные горизонты немногочисленны. В 4 и 5 культурных горизонтах обнаружены лыжевидные сколы с бифасов. В 4 культурном горизонте зафиксирован обломок подвески из графитита, изготовленный с применением шлифовки, сверления и гравировки насечек по ребру (рис. 1.-3). В 3Б культурном горизонте найдены два выразительных унифасиальных ножа из крупных пластин (рис. 1.-4, 5). Один из них лежал под плитой. Объединенный 2–3 культурный горизонт подвергся размыву. Его коллекция насчитывает около 3,5 тыс. находок. Индустрия характеризуется преобладанием типологически невыразительных ретушированных отщепов, большая часть из которых определена как скребки [Тетенькин, 2017]. Присутствуют также технические сколы с бифасов, сбитые лезвия унифасиальных орудий, микропластины. В 1, 1А культурных горизонтах встречены материалы, характерные для раннеголоценовых донеолитических комплексов: тесло с перехватом, призматические нуклеусы, микропластины из яшмовидного кремня.

На общем фоне поздней поры верхнего палеолита Восточной Сибири индустрия 2–6 культурных горизонтов Коврижки-IV не выглядит экзотичной. Округлые скребки из отщепов, клиновидные нуклеусы из бифасов, отщеповые галечные нуклеусы известны на широком пространстве от Енисея до Чукотки. В том числе аналогии имеются в соседних регионах в ансамблях дюктайской культуры Якутии (пещера Хайергас, Усть-Тимптон-I, Дюктайская пещера и др.) и студеновской культуры Южного Забайкалья (Усть-Кяхта-17, Студеное-1, 2, Усть-Менза-1, 2) [Мочанов, 1977; Константинов М., 1994; Ташак, 2005; Мороз, 2014].

Таким образом, работы на местонахождении Коврижка-IV открыли перспективу всестороннего изучения культуры позднего верхнего палеолита на этапе более раннем, чем время существования опорных для региона стоянок Большой Якорь-I и Авдеиха [Мочанов, 1977; Инешин, Тетенькин, 2010; Ineshin, Tetenkin, 2017]. В том числе появилась уникальная возможность характеризовать сюжеты строительства жилищ, символической деятельности и искусства, в таком объеме впервые представленные в регионе севера Байкальской Сибири. Для местной археологии Нижнего Витима и Байкало-Патомского нагорья появилась источниковая база, характеризующая новый этап (17–19 тыс. календарных

лет назад) развития палеолитической культуры, условно обозначенный как «коврижский этап позднего палеолита на Нижнем Витиме».

Библиографический список

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь-I. Новосибирск, 2010. 270 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: К Всемирному археологическому интерконгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ; Чита, 1994. 264 с.

Мороз П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита, 2014. 182 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977. 264 с.

Тетенькин А.В. Материалы исследований ансамбля археологических местонахождений Коврижка на Нижнем Витиме (1995–2009 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2010. Вып. 8. С. 64–134.

Тетенькин А.В. Предварительное сообщение о раскопках жилого комплекса 6 культурного горизонта стоянки Коврижка-IV на Нижнем Витиме // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2014. Вып. 3. С. 159–165.

Тетенькин А.В. Проблема определения археологической специфики Байкало-Патомского нагорья в конце плейстоцена – первой половине голоцена // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 94–95.

Тетенькин А.В. Результаты исследований многослойного геoarхеологического местонахождения Коврижка-IV на Нижнем Витиме в 2014–2015 гг. // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: мат. VII Междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск, 2016. Т. 1. С. 94–98.

Тетенькин А.В. Комплекс 2–3 культурных горизонтов стоянки Коврижка-IV на Нижнем Витиме // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2017. Т. 13. №1. С. 9–30.

Тетенькин А.В., Анри О., Жакье Дж., Клементьев А.В., Уланов А.А. Исследования нового палеолитического комплекса культурного горизонта 2Б стоянки Коврижка IV на Витиме в 2015–2016 гг. (предварительное сообщение) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2016. №4(21). С. 9–18.

Тетенькин А.В., Анри А., Клементьев А.В. Коврижка-IV: позднепалеолитический комплекс 6 культурного горизонта // Археологические вести / Ин-т истории материальной культуры РАН. 2017. Вып. 23. СПб., 2017 (в печати).

Ineshin E.M. and Teten'kin A.V. Humans and the environment in the Late Pleistocene of Northern Baikalian Siberia. Trans. and ed. P. Hommel and N. Reynolds. 2017. Cambridge Scholars Publishing, Newcastle. 337 p.

© 2017, А.Ю. Федорченко, М.Б. Козликин, М.В. Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ УКРАШЕНИЯ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЗАЛА ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ (по материалам полевых работ 2016–2017 гг.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ
(проект №14-50-00036)

Персональные украшения из кости, камня, раковин и скорлупы являются одним из наиболее выразительных элементов комплекса современного человеческого поведения. На территории Евразии большинство древнейших находок подобного рода выявлено в составе индустрий начального и раннего верхнего палеолита [Rubin, 2014]. Особый интерес вызывает обнаружение материальных свидетельств древнего символизма в составе переходных комплексов, сочетающих элементы среднего и начального верхнего палеолита. Предполагается связь этих индустрий как с анатомически современными людьми, так и с популяциями других подвидов рода *Homo* – неандертальцев и денисовцев [Krause et al., 2010;

Fu et al., 2014; Welker et al., 2016]. Ключевую роль в изучении проблем генезиса древнейшего символизма играют материалы палеолитических комплексов Горного Алтая.

Древнейший для территорий Северной и Центральной Азии комплекс свидетельств современного человеческого поведения получен из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры. При исследовании слоев 11.1–11.4 центрального зала пещеры выявлены многочисленные примеры существования символизма, практики транспортировки редких видов сырья (поделочных пород камня, скорлупы, раковин моллюсков), развитых технологий обработки кости и бивня, изготовления украшений и предметов искусства [Деревянко и др., 2014]. Большинство указанных технологических инноваций неизвестно для среднепалеолитических индустрий этого региона. Согласно данным литологии, стратиграфии, биостратиграфии, результатам абсолютного датирования, археологические материалы слоя 11 в центральном зале относятся к началу верхнего палеолита (MIS-3).

В 2016–2017 гг. Алтайским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН были возобновлены археологические исследования плейстоценовых отложений в центральном зале Денисовой пещеры. Для уточнения литолого-стратиграфической последовательности юго-восточной стенки основного раскопа к ней была сделана прирезка (2,0×0,5 м) по линии квадратов Ж/6–8. На участке северо-западной стенки по линии квадратов В–Г/9 осуществлялась зачистка рыхлых отложений. При изучении слоя 11 получена коллекция персональных украшений из 28 предметов. Цель данного исследования – реконструкция основных приемов и способов изготовления этих изделий на основе технологического и экспериментально-трассологического методов. В процессе работы использовались микроскопы МБС-10 и Olympus ВНМ, фотокамера Canon EOS 7D с объективом EF-S 60 mm f/2.8 Macro USM. Фаунистические определения выполнены доктором биологических наук А.К. Агаджаняном, петрографический анализ – кандидатом географо-минералогических наук Н.А. Кулик.

Производство персональных украшений у верхнепалеолитических обитателей Денисовой пещеры опиралось на исключительно богатую сырьевую базу, в составе которой несколько разновидностей поделочных пород камня, трубчатые кости животных и птиц, зубы травоядных и хищных млекопитающих, бивень мамонта, раковины пресноводных моллюсков, скорлупа яиц крупных птиц [Шуныков и др., 2016]. Данные о количественном и сырьевом составе палеолитических украшений в материалах из раскопок центрального зала в 2016–2017 гг. представлены в таблице.

Коллекция персональных украшений из центрального зала Денисовой пещеры по результатам работ 2016–2017 гг.

Материал / Тип	Подвеска	Бусина	Бляшка	Диадема	Пронизка	Заготовка	Всего
Бивень	2	1	2	2		3	10
Зубы животных	5						5
Мягкий камень	1	4					5
Кость	1				3		4
Скорлупа		3					3
Раковина						1	1
Всего	9	8	2	2	3	4	

Коллекция изделий из бивня включает десять изделий. Уникальным экземпляром представлена орнаментированная пластина прямоугольной формы (61,4×8,5×1,6 мм) с уплощенно-линзовидным поперечным сечением и прямым профилем (рис.-1). Заготовкой украшения служил удлиненный скол, отделенный от бивня в продольном направлении. Сначала изделие было обработано строганием, далее осуществлялась абразивная подготовка, применявшаяся для удаления неровностей рельефа, выравнивания краев, получения профиля определенной формы и формирования ровной гладкой поверхности. На микроуровне следы шлифовки имеют вид регулярных параллельных борозд или линий. О применении абразива свидетельствует своеобразная ступенчатая с плавными переходами огранка изделия, отчетливо прослеженная на микроуровне. На обеих сторонах пластины прослежены следы орнаментации – серия углублений треугольной формы со сторонами 0,4–0,6 мм, сгруппированных в 2–6 линий, параллельных продольной оси изделия. Следы орнамента частично перекрыты следами износа – заполировкой, стертостью и неглубокими разнонаправленными рисками. Фрагмент второй пластины из бивня (13,5×8,5×2 мм) обладает схожей морфологией и набором следов обработки и износа, но не имеет орнамента.

Персональные украшения начала верхнего палеолита центрального зала Денисовой пещеры:
 1 – орнаментированная пластина из бивня мамонта; 2–3 – подвески из бивня; 4–5 – бляшки из бивня;
 6, 8–9 – подвески из зубов млекопитающих; 7 – бусина из бивня; 10 – орнаментированная пронизка;
 11 – подвеска из стенки трубчатой кости; 12, 13, 15 – бусины из мягкого камня;
 14 – подвеска из серпентинита; 16–18 – бусины из скорлупы

Помимо пластин, набор изделий из бивня мамонта также включает две подвески, две бляшки и одну бусину. Заготовками этих изделий являются сколы, снятые с бивня в продольном или тангенциальном направлениях. В коллекции 2016–2017 гг. зафиксировано три таких скола. Первая подвеска обладает вытянутой шестиугольной формой (рис.-3), линзовидным сечением, слегка изогнутым профилем и одним биконическим отверстием в верхней части ($d = 4,6$ мм). Размеры этого изделия составляют $32 \times 24,5 \times 4$ мм. Вторая подвеска ($16,5 \times 7,8 \times 2$ мм) имеет своеобразную форму в виде дважды приплюснутого с боков овала, уплощенно-линзовидное и цилиндрическое отверстием в центре ($d = 2,9$ мм) (рис.-2). Плоские бляшки с двумя биконическими отверстиями на противоположных краях имеют форму вы-

тянутого прямоугольника с закругленными углами (15,9×8×1,6 мм) или приплюснутого с боков овала (12×6,7×1,8 мм) (рис.-4, 5). Бусина из бивня мамонта (5,9×5,8×0,6 мм) имеет уплощенно-линзовидное сечение и отверстие диаметром 2,5 мм (рис.-7). Лицевые стороны и боковые грани украшений из бивня выровнены и плавно заглажены шлифовкой и полировкой. На длинной боковой грани одной бляшки (рис.-4) отмечено шесть коротких насечек. Короткая грань этого изделия обладает в месте слома следами заглаженности и заполировки, которые указывают на ремонт и повторное использование изделия после его поломки.

В изучаемой коллекции украшений наиболее распространены подвески из зубов млекопитающих – *Bison priscus*, *Martes*, *Crocota spelaea* или *Ursus sp.* (рис.-6, 8, 9). Всего в результате работ 2016–2017 гг. обнаружено пять изделий этого типа. Подвески достигают 20,5–42,1 мм в длину, 4,8–16,8 мм – в ширину, 3,5–11,4 мм – в толщину. Три изделия обладают биконическим отверстием в корневой или медиальной части ($d = 4,2/3,6/3,8$ мм). Одна подвеска имеет сквозное отверстие ($d = 1,7–2,4$ мм) от двустороннего продавливания каменным инструментом. Процессу перфорирования украшений предшествовали утончение и уплощение места будущей перфорации скоблением или строганием. Еще одна подвеска из зуба имеет следы крепления короткими кольцевыми нарезками в проксимальной части (рис.-6). Коллекцию костяных украшений дополняет подвеска округлой формы из стенки трубчатой кости крупного млекопитающего (рис.-11). Изделие обладает округлой формой и уплощенно-линзовидным сечением, цилиндрическое сверленное отверстие ($d = 3,4$ мм) немного смещено от центра к одной из боковых граней. Размеры подвески составляют 11,3×11,9×2,3 мм.

Среди украшений других типов примечательны три пронизки из трубчатых костей птиц – *Turdus sp.* и *Lyrurus tetrix*. Длина изделий колеблется от 18,3 до 22,6 мм; ширина – 4,3–12 мм и толщина – 3,6–11,8 мм. Технология производства пронизок подразумевала освобождение эпифизов путем глубокого кругового разрезания трубчатой кости с последующим сломом. Плоскости надразов расположены под углом 70–90° относительно поперечной оси изделий. Одна из пронизок имеет следы нарезок, сгруппированные по три блока из шести коротких незамкнутых линий (рис.-10). Ширина линий – 0,8–1,4 мм, глубина – 0,6–0,7 мм, расстояние между каналами – 1,0–3,1 мм. На отдельных участках двух пронизок прослежена серия пробных надразов.

Морфологически устойчивую серию изделий образуют четыре бусины округлой формы из талька и пирофиллита желтоватого, молочно-белого и голубовато-зеленого цветов, глинистого сланца темно-коричневого цвета (рис.-12, 13, 15). Заготовками каменных бусин служили сколы или небольшие отдельности. Эти изделия имеют уплощенный подпрямоугольный или односторонне выпуклый профиль. Диаметр каменных бусин колеблется от 7,3 до 14,4 мм, толщина – 1,8–3 мм. Биконически или цилиндрически просверленные отверстия ($d = 2,9/3,2/1,9/3$ мм) расположены в центре или немного смещены к одному из краев изделий. Единственным экземпляром (рис.-14) представлена подвеска из темно-зеленого антигорита, она имеет подпрямоугольную форму и размеры 15×4,8×1,3 мм. Биконически просверленное отверстие ($d = 1,9$ мм) смещено к одному из краев изделия. На отдельных участках лицевых сторон и граней бусин и подвески из камня фиксируются следы абразивной обработки – тонкие риски-борозды, расположенные диагонально продольной оси изделия. Концентрические борозды от сверления внутри отверстий украшений сохранились слабо, будучи перекрыты следами стертости.

Еще три бусины из коллекции слоя 11 центрального зала последних лет изготовлены из скорлупы яиц страуса (рис.-16–18). Диаметр этих бусин колеблется от 6,6 до 9,2 мм, толщина составляет 1,7–2,2 мм. Лицевые стороны изделий практически полностью сохраняют облик естественной поверхности скорлупы. Грани бусин тщательно заглажены пришлифовкой и полировкой. Сверленные биконические или цилиндрические отверстия располагаются в центральной части ($d = 2,7/2,5/2,4$ мм). Особенности морфологии следов перфорации указывают на использование двустороннего сверления, направленного на получение конусообразного по форме отверстия с одной лицевой поверхности и последующего расщепления с противоположной стороны. На всех изученных бусинах из скорлупы концентрические борозды не сохранились или прослежены только в основании конусов отверстия. Это может указывать на использование артефактов в качестве составных элементов ожерелья. В изучаемой коллекции украшений также имеется заготовка подвески (10,8×14,6×4,1 мм) из раковины пресноводного моллюска *Corbicula tibetesis* со следами коротких сколов краевых сколов.

Технология изготовления большинства украшений центрального зала Денисовой пещеры состояла из нескольких этапов, включавших подбор и принос на стоянку сырья, получение заготовки, формообразующую обработку строганием, скоблением и/или шлифовкой, оформление отверстия

или кольцевой нарезки для подвешивания прорезанием, продавливанием или сверлением, нанесение орнамента, полировку. Отметим, что источники некоторых видов сырья удалены от пещеры на большое расстояние. Для изготовления предметов из кости, бивня и мягкого камня применялись единые способы обработки, которые являются технологическими инновациями начала верхнего палеолита региона: шлифовка, сверление, полировка. Поверхность большинства этих изделий имеет следы утилизационного износа, связанного, скорее всего, с их длительным использованием. Морфологическая вариабельность персональных украшений из слоя 11 центрального зала Денисовой пещеры отражает существование устойчивых традиций и предпочтений в выборе материалов, построении композиций и сценариев использования этих изделий, их сложных социальных, культурных и эстетических функций.

Большинство новых находок персональных украшений имеют прямые аналогии в материалах из раскопок предыдущих лет в Денисовой пещере. В процессе исследований плейстоценовых отложений слоя 11 центрального зала ранее отмечались выразительные находки подвесок из зубов млекопитающих с просверленными отверстиями или креплением в виде кольцевой нарезки, округлых бусин из стенок трубчатой кости, талька, глинистого сланца и скорлупы, бляшки с двумя отверстиями из бивня, орнаментированные пронизки, подвески из раковин с односторонне пробитым или сверленным отверстием [Деревянко, Шуньков, 2004, с. 294]. Серия миниатюрных округлых бусин из скорлупы встречается в слое 6 предвходовой площадки пещеры [Природная среда..., 2003, с. 175]. Единичные подвески со сверленными отверстиями из серпентинита отмечены в материалах восточной и южной галерей, центрального зала Денисовой пещеры, в литологическом слое 13.2 стоянки Ануй-2 и литологическом горизонте 9.2 стоянки Усть-Каракол-1 [Там же, с. 292, 328]. Бляшка из бивня мамонта с двумя отверстиями и формой вытянутого прямоугольника с закругленными углами морфологически аналогична изделию этого типа из палеолитических материалов пещеры Страшной [Деревянко и др., 2012, с. 12]. Уникальная бивневая пластина с орнаментом из слоя 11 центрального зала имеет многочисленные аналогии в костяной индустрии Янского стояночного комплекса, в которой подобные изделия интерпретированы в качестве диадем [Питулько, 2015].

Библиографический список

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Павленок Г.Д., Шнайдер С.В., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Поздние среднепалеолитические индустрии Горного Алтая: новый этап изучения пещеры Страшной // Теория и практика археологических исследований. 2015. №2 (12). С. 7–17.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск, 2005. С. 283–311.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В. Динамика палеолитических индустрий в Африке и Евразии в позднем плейстоцене и проблема формирования *Homo sapiens*. Новосибирск, 2014. 228 с.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Искусство Янской стоянки: диадемы и браслеты из бивня мамонта (предварительный анализ коллекции) // Археология Арктики. Екатеринбург, 2014. Вып. 2. С. 141–161.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Павленок Г.Д. Костяные орудия и украшения раннего верхнего палеолита из Центрального зала Денисовой пещеры: коллекция 2016 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII. С. 221–224.

Fu Q., Li H., Moorjani P., Jay F., Slepchenko S.M., Bondarev A.A., Johnson P.L., Aximu-Petri A., Prüfer K., de Filippo C., Meyer M., Zwyns N., Salazar-García D.C., Kuzmin Y.V., Keates S.G., Kosintsev P.A., Razhev D.I., Richards M.P., Peristov N.V., Lachmann M., Douka K., Higham T.F., Slatkin M., Hublin J.-J., Reich D., Kelso J., Viola T.B., Pääbo S. Genome sequence of a 45,000-year-old modern human from western Siberia // Nature. 2014. Vol. 514. P. 445–450.

Krause J., Fu Q., Good J., Viola B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Pääbo S. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia // Nature. 2010. Vol. 464. P. 894–897.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and central Asia // Quaternary International. 2014. Vol. 347. P. 39–52.

Welker F., Hajdinjak M., Talamo S., Jaouen K., Dannemann M., David F., Julien M., Meyer M., Kelso J., Barnes I., Brace S., Kamminga P., Fischer R., Kessler B.M., Stewart J.R., Pääbo S., Collins M.J., Hublin J.-J. Palaeoproteomic evidence identifies archaic hominins associated with the Châtelperronian at the Grotte du Renne // PNAS. 2016. Vol. 113. №40. P. 11162–11167.

© 2017, В.М. Харевич¹, Е.В. Акимова¹, А.А. Вашков², И.В. Стасюк^{1,3}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

²Геологический институт Кольского научного центра РАН, Апатиты;

³Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ РУБЕЖА ПЛЕЙСТОЦЕНА-ГОЛОЦЕНА В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА (по материалам стоянки Бюза-II)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ (№14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

Факт заселенности бассейна Среднего Енисея в финальном плейстоцене – раннем голоцене подтверждается наличием целого ряда памятников (Малтат, Конжул, Пещера Еленева, Большая Слизнева, Шалуний Бык, Бирюсинская стоянка и др.). Однако большинство этих объектов тяготеют к последним тысячелетиям плейстоцена либо к развитому голоценовому времени. Памятники, датированные рубежом эпох, единичны (Аешка-III, Большой Кемчуг), при этом материалы их имеют палеолитический облик [Лисицын, 2000]. Еще одним объектом этого времени стала стоянка Бюза-II.

Стоянка Бюза-II расположена в 50 км выше плотины Красноярской ГЭС по левому берегу залива Бюза, около 1 км выше затопленного устья самой р. Бюзы. Памятник был открыт в 2014 г. во время разведки в северной зоне Красноярского водохранилища. В 2014–2015 гг. были проведены рекогносцировочные работы, стационарные работы проводились отрядом ИАЭТ СО РАН совместно с КГПУ им. В.П. Астафьева в 2016 г.

Район стоянки приурочен к западной части складчатой зоны Восточного Саяна в районе пересечения ее долиной Енисея. В структурном плане район стоянки расположен на компактном блоке сильно дислоцированных, смятых в складки коренных метаморфических, вулканогенно-осадочных и магматических пород. Этот блок ограничен разломами северо-восточного и юго-западного простирания.

Коренные породы на участке исследований перекрыты отложениями плейстоцена и голоцена мощностью 1,0–3,5 м. Они строят собой делювиальный покров длиной более 0,7 км, шириной до 0,4 км. Поверхность покрова имеет неровный, вогнутый продольный профиль, осложненный относительно пологими площадками. Стоянка Бюза-II приурочена к площадке с абсолютными отметками 244–250 м, строение которой изучено в шурфе глубиной 2,9 м. Здесь, под современной почвой (слой 1), вскрыты переслаивания деллювиальных (слои 2–3, 5, 7) и лёссовидных (слои 4, 6, 8) отложений. Хорошо выражен базальный горизонт, представленный коллювиально-деллювиальными (слой 9) и коллювиальными склоновыми отложениями (слой 10).

Деллювиальные отложения преобладают в разрезе стоянки Бюза-II и являются формообразующими, в основном они строят собой тело покрова. Мощность отдельных слоев деллювиальных осадков варьирует от 0,3 до 0,5 м, суммарная мощность – до 1,9 м. Отложения неоднородны по окраске: от светло-серых (слой 2), светло-бурых, желтовато-бурых (слои 5, 7) до пестроцветных бурых, коричнево-бурых (слой 3). Общей чертой деллювиальных отложений слоев 2, 3, 5 является мелкоплитчатая текстура (плитки толщиной 1–5 мм). В интервале 2–10 см от кровли слоя 3 отмечается слоистость за счет прослоев (до 3 шт.) супеси тяжелой коричнево-бурого цвета с катунами суглинков и глин бурого цвета. Археологический материал стоянки Бюза-II зафиксирован в средней и нижней части слоя 2 и кровле слоя 3.

Лёссовидные отложения представлены слоями супесей серых, светло-серых, палево-серых, легких (слои 4 и 6) и тяжелых (слой 8), рыхлых, пылеватых, карбонатных, микропористых. В слое 4 отмечаются признаки мелкой плитчатости, в слоях 6 и 8 присутствует вторичная слоистость охристо-бурого цвета, в слое 8 отмечаются пятна черного цвета марганцевых новообразований. Мощность слоев лёссовидных супесей изменяется от 0,16 до 0,35 м, суммарная мощность по разрезу составляет 0,65–0,7 м.

Коллювиально-деллювиальные и коллювиальные склоновые отложения представлены грубыми супесями и суглинками бурой, желто-бурой окраски с обломками дресвы, щебня и глыб. Размерность обломков постепенно возрастает вниз по разрезу до 15–20 см в диаметре. В слое 10 супеси и суглинки отсутствуют, пространство между крупными обломками заполнено разнородным песком.

В шурфе, расположенном в 70 м к северо-востоку от стоянки Бюза-II, в подошве слоя 3 отмечается большое число раковин наземных моллюсков. Данная малакофауна относится к числу перигляциальных, достаточно холодолюбивых фаун так называемого *лессового комплекса* [Вашков и др., 2016, с. 32].

Строение делювиального покрова изученного района указывает на седиментацию отложений в условиях значительных изменений климата от похолоданий (формирование лёссовидных супесей, морозобойных клиньев) до потеплений (аккумуляция делювиальных отложений плитчатой текстуры). Отсутствие в разрезе Бюза-II признаков погребенных почв и остатков крупной фауны позволяет судить о том, что аккумуляции делювиального покрова относятся только к сартанскому горизонту верхнего плейстоцена и голоцену.

Культурный слой стоянки Бюза-II, связанный с делювиальными супесями, приурочен к отложениям нижнего голоцена. Об этом свидетельствуют неравномерная, возрастающая к кровле слоя гумусированность; наличие прослоев суглинков и глин бурых в кровле слоя 3, соответствующих началу потепления и повышенной обводненности отложений; наличие в нижней части слоя 3 холодолюбивой наземной малакофауны, соответствующей заключительной (норильской) стадии похолодания в позднем плейстоцене [Кинд, 1974].

Культурный слой изучался шурфами, траншеей и раскопом, общая площадь которых составляет около 45 м². На вскрытой площади отмечаются определенные различия в сохранности культуросодержащего горизонта и планиграфической ситуации. В северной части раскопа (верхняя часть склона, вскрытого раскопом) отдельные предметы залегают преимущественно на ребре или с сильным уклоном, в южной (нижняя часть склона) – преобладают предметы в горизонтальном положении. Наибольшая плотность находок отмечена в подошве культурного слоя. Отмечено компактное расположение снятий с одного нуклеуса, предметов из одного и того же сырья. В южной части раскопа культурный слой был частично размыт максимальным подъемом воды, вследствие чего археологический материал залегают непосредственно под оплывшим по склону дерном.

В западной части раскопа прослеживается цепочка разноразмерных обломков порфира розовато-серого цвета, установленных плашмя в соответствии с направлением уклона поверхности, или реже – углом с продавливанием грунта. Камни расположены непосредственно на прослое коры выветривания, маркируя тем самым низ культурного слоя. Артефакты, соответственно, располагаются как на уровне камней, так и выше их, ниже этого уровня найдены единичные предметы. Основная часть каменного инвентаря (нуклеусы и орудия) найдены между самими камнями, а также севернее и восточнее их.

В восточной части раскопа выявлена выкладка из разноразмерных обломков порфира. Учитывая небольшое сползание по склону, первоначальный диаметр конструкции должен был составлять около 0,8–0,9 м. В северной части выкладки камни расположены вертикально с наклоном к центру, очерчивая полуокружность, в южной – смещены и залегают в горизонтальном положении. В центральной части выделяется крупный плоский камень, установленный наклонно; менее крупные обломки, как правило, уложены плашмя. Между камнями отмечено рыхлое сероватое супесчаное заполнение, содержащее мелкие отщепы и микропластины. Мелкие артефакты обнаружены и под отдельными камнями. По контуру выкладки расположены нуклеусы на начальной стадии сработанности и концевой скребок на крупной пластине. При разборке конструкции были найдены фрагменты костей в очень плохой сохранности. За пределами кладки костные остатки обнаружены не были. Следов искусственного углубления ниже уровня камней не обнаружено, однако под центральной частью конструкции выявлена неглубокая (до 5 см) линза, представляющая собой рыхлую порфировую россыпь, образовавшуюся при разрушении нижней части камней, уложенных в основание кладки.

Всего из культурного слоя было получено 4155 артефактов, большую часть которых составляют отходы производства (чешуйки, осколки и обломки). Среди нуклеусов преобладают морфологически разнообразные клиновидные формы (7 экз.) с одно- или двусторонней обработкой латералей. Примечателен нуклеус, подготовленный на поперечно фрагментированном удлинённом сколе. Помимо завершённых изделий найдены три заготовки. Типологический ряд микронуклеусов дополняют торцовые ядрища (3 экз.), одно из которых было переоформлено в резец. Найдены нуклеусы для мелких пластин и пластинок (3 экз.), два из которых выбракованы на начальной стадии расщепления, а один сильно сработан. В коллекцию также входят выбракованные на начальных стадиях расщепления одноплощадочный монофронтальный с широким выпуклым фронтом и одноплощадочный торцовый нуклеусы. Нуклеусы крупных форм здесь не найдены, однако присутствие крупных пластин однозначно указывает на их наличие в системе первичного расщепления комплекса. В индустрию сколов входят отщепы (669 экз.), пластины (185 экз.) и микропластины (296 экз.), заметную долю составляют технические сколы, большинство из которых представлены обушковыми и первичными отщепами, в нескольких экземплярах найдены реберчатые и полуреберчатые пластины, сколы и микропластины.

Орудийный набор не столь представительен, основную его часть составляют резцы (5 экз.): угловые на пластинах и отщепе, поперечный и вогнуторетушный на пластинах. Выполненные на отщепе и двусторонне обработанной заготовке долотовидные орудия имеют по два противолежащих лезвия.

В коллекцию также входят концевые скребки на обушковом сколе пластине и отщепе, угловое острие на полуреберчатом сколе, скребловидное орудие на первичном отщепе, выемчатое орудие на отщепе и струг на выбракованном нуклеусе.

Представительная коллекция (960 экз.) собрана на разрушенном участке стоянки на береговой отмели. Наиболее выразительна коллекция нуклеусов, микронуклеусов и их заготовок (31 экз.). В ее составе можно выделить четыре типологические группы:

1. Одноплощадочные монофронтальные нуклеусы с широким выпуклым фронтом для пластинок и мелких пластин (5 экз.). Их отличает наличие гладкой, оформленной одним сколом ударной площадки с редуцированной дугой скалывания.

2. Конусовидные одноплощадочные монофронтальные нуклеусы для пластинок и микропластин (3 экз.).

3. Торцовые нуклеусы для мелких пластин (5 экз.). Среди них одноплощадочные монофронтальные (4 экз.) на отщепях с гладкими ударными площадками, в двух случаях – с односторонней подтеской кия. К этой группе отнесен торцовый двухплощадочный бифронтальный нуклеус, к которому апплицируется скол подправки ударной площадки.

4. Клиновидные нуклеусы (6 экз.). Как правило, одна их латераль обработана ретушью полностью, вторая – только по килегребневой части. В единственном экземпляре найден микронуклеус, скомбинированный с проколкой. Оформление ударных площадок производилось как со стороны фронта, так и с правой или левой латерали. Помимо собственно клиновидных нуклеусов, найдены три заготовки, у которых приемы оформления латералей и ударных площадок аналогичны имеющимся у завершенных форм. Ряд изделий представлен в единственных экземплярах. Примечателен крупный двухплощадочный монофронтальный нуклеус встречного скалывания. В коллекции также присутствуют два истощенных одноплощадочных монофронтальных нуклеуса, крупный конусовидный одноплощадочный монофронтальный нуклеус для пластин, двухплощадочный монофронтальный микронуклеус встречного скалывания и одноплощадочный монофронтальный нуклеус, оставленный на начальной стадии утилизации.

Орудия относительно немногочисленны. Исключая функционально неопределимые обломки, заготовки и ретушированные сколы, можно выделить скребла, скребки, резцы, долотовидные и галечные орудия. Скребла (8 экз.) типологически разнообразны. Наиболее яркую группу представляют орудия небольшого размера, изготовленные на широких отщепях (3 экз.), дорсальная сторона, как правило, полностью или частично обработана ретушью, вентральная уплощена сколами, направленными с ударной площадки и/или обоих краев. На расколотых гальках изготовлены массивные скребла со схематичной обработкой рабочего края (2 экз.). Также можно выделить скребла на плоских первичных отщепях с приотстригающей вентральной или дорсальной ретушью по краю. В одном экземпляре найдено скребловидное орудие на крупном галечном сколе, два рабочих края которого сходятся под прямым углом. Скребки малочисленны (4 экз.) и разнотипны: крупный концевой скребок на плоском отщепе с сильно выступающим рабочим краем на дистальном конце; концевой скребок трапециевидной формы с сильно скошенным выпуклым рабочим краем; микроскребок округлой формы с крутым рабочим краем. Долотовидные орудия (5 экз.) изготовлены как на небольших плоских отщепях, так и на крупных обломках и сколах с одной-двумя парами противоположащих рабочих краев. Резцы (4 экз.) подразделяются на две достаточно определенные группы: вогнуторетушные резцы на отщепе и обломке массивного пластинчатого скола и крупные срединные резцы на пластинах с противоположно направленными диагональными сколами вдоль обоих краев заготовок. Галечные орудия типологически разнообразны, наиболее представительны поперечные струги с отвесной оббивкой лезвия отщеповыми снятиями и массивная треугольная галька с одним отвесно заостренным концом.

Сопоставив коллекцию экспонированного материала, собранную в 2014–2015 гг., с находками из раскопа, мы можем отметить между ними ряд общих черт. В первую очередь, это сочетание в одном комплексе крупнопластинчатых и клиновидных нуклеусов с мелкопластинчатыми ядрищами, имеющими прямые аналоги в финальнопалеолитических «индустриях мелких пластин» (Малтат, Конжул, Ближний Лог) [Акимова, 2011, с. 114–115]. Совпадают и основные типы орудийного набора. В обеих коллекциях найдены изделия, выполненные из одних и тех же галек и блоков горной породы. Часть изделий из подъемного комплекса апплицируется между собой и с предметами, найденными в культурном слое. Все это, а также то, что в пройденном до цоколя шурфе выявлен только один культурный слой, позволяет утверждать, что экспонированная и стратифицированная коллекции принадлежат одному комплексу. По всей видимости, стоянка имела характер комплексного поселения с выделением различных зон. Судя по стратиграфическому положению находок, индустрию стоянки Бюза-II следует датировать раннеголоценовым временем.

Число памятников раннеголоценового времени на Енисее невелико. Ближайший объект – ныне затопленная Бирюсинская стоянка, мезолитические слои которой характеризуются наличием таких

специфических форм, как топоры и тесла с перехватом [Лисицын, 2000, с. 74–75]. К этому же времени относятся слои 15–17 пещеры Еленева, откуда получена представительная коллекция артефактов, связанных с изготовлением и использованием микропластин [Макаров и др., 2009, с. 93–94]. Рубежом плейстоцена–голоцена датируется пятый культурный слой стоянки Большая Слизнева, в котором отсутствуют мезолитические формы и крупные пластины [Вдовин и др., 1992, с. 31–32].

Таким образом, от других раннеголоценовых индустрий комплекс стоянки Бюза-II отличает полное отсутствие каких-либо мезолитических черт и сохранение традиции изготовления и использования крупных пластин. Типологически комплексу Бюзы-II наиболее близки материалы стоянки Троицкая, датированной рубежом плейстоцена–голоцена и относящейся к финальным этапам кокоревской культуры [Харевич и др., 2017]. Все это позволяет говорить о сохранении на Енисее палеолитической традиции в раннеголоценовое время. Комплекс стоянки Бюза-II правомерно отнести к эпипалеолиту, истоки которого, видимо, следует искать в развитии индустрий кокоревской археологической культуры, характеризующейся сочетанием ядрищ для крупных пластин и микронуклеусов и широким распространением техники резцового скола [Абрамова, 1979, с. 167–174]. В то же время наличие мелкопластинчатых форм сближает рассматриваемый комплекс с такими финальнопалеолитическими «индустриями мелких пластин», как Малтат, Конжул и Ближний Лог.

Библиографический список

- Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979. 199 с.
- Акимова Е.В. Поздний палеолит Красноярского водохранилища // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7. С. 111–118.
- Вашков А.А., Саньков А.Ф., Харевич В.М., Стасюк И.В., Акимова Е.В. Геологические условия размещения стоянки Бюза-II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII. С. 29–33.
- Вдовин А.С., Ямских А.Ф., Ямских Г.Ю., Оводов Н.Д. Позднепалеолитическая стоянка Большая Слизнева // Археология, геология и палеогеография палеолитических памятников юга Средней Сибири: путеводитель Международного симпозиума. Красноярск, 1992. С. 22–34.
- Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М., 1974. 256 с.
- Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья // Труды ИИМК РАН. СПб., 2000. Т. II. 230 с.
- Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д. Пещера Еленева – многослойный голоценовый памятник на Среднем Енисее. Краткие итоги изучения // Пещеры: охрана, история исследований, культура, туризм, современное состояние и перспективы научных исследований в пещерах на территории бывшего СССР. Красноярск. 2009. С. 81–105.
- Харевич В.М., Акимова Е.В., Вашков А.А. К проблеме верхней границы кокоревской культуры в позднем палеолите Енисея (по материалам стоянки Троицкая) // Вестник Томского государственного университета. 2017. №418. С. 182–190.

© 2017, А.М. Хаценович^{1,2}, Д.В. Марченко¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

²Алтайский государственный университет, Барнаул

ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ: ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ И ИНТРУЗИВНЫХ КОМПОНЕНТОВ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда
(проект №14-50-00036)

Термин «начальный этап верхнего палеолита» (далее – НВП) используется применительно к тем ассамбляжам, которые демонстрируют переходные черты от среднего палеолита к верхнему. Впервые этот этап был выделен на материалах ассамбляжа памятника Бокер-Тахтит, горизонт 4 [Marks, Fering, 1988]. Антропологический вид носителей этих индустрий остается неясным по сей день [Hublin,

2012]. Круг таких индустрий был выявлен на обширной территории – в Центральной Европе, Леванте, Горном Алтае, Восточном Казахстане, Монголии и Северном Китае. В Восточной Европе и Леванте, как правило, он характеризуется получением пластин в рамках леваллуазской технологии и верхнепалеолитическим орудийным ассамбляжем [Kuhn, Zwyns, 2014], в Центральной Азии – технологией производства пластин в рамках подпризматического бипродольного расщепления и незначительным леваллуазским компонентом. Верхнепалеолитический орудийный набор обладает устойчивым набором маркирующих типов для каждого региона.

Генезис индустрий начального этапа верхнего палеолита и их связи с предшествующими комплексами начального этапа верхнего палеолита в Азии являются дискуссионной проблемой как в антропологическом смысле – какой таксон мог быть носителем данных индустрий, так и в археологическом – можем ли мы зафиксировать архаичные и переходные черты в комплексах НВП, позволяющие говорить об эволюции среднепалеолитической каменной технологии. Для Центральной Европы фиксируется сосуществование популяций-носителей среднего и начального верхнего палеолита на протяжении 10 тыс. лет [Bolus, Conard, 2001], которое объясняется с трех позиций: присутствием одного вида человека в регионе, многовидовым составом населения и мозаичной моделью (подробнее см.: [Longo, Condemi, 2012]). Кроме того, весьма вероятно, что синхронные памятники шательперона и ориньяка указывают на присутствие в регионе неандертальца и человека современного анатомического типа одновременно [Longo et al., 2012].

Для Центральной Азии, где находки антропологических остатков единичны, нельзя аргументированно говорить о сосуществовании разных таксонов на одной территории. Однако полученные недавно археологические данные фиксируют, что в Северной Монголии могло иметь место сосуществование как минимум двух различных человеческих популяций в период 45–43 тыс. л.н. Здесь, в долине р. Толбор, правого притока Селенги в ее среднем течении, расположена концентрация памятников, слои которых вмещают культурные комплексы от начального этапа до финальной стадии верхнего палеолита: Толбор-4, Толбор-16, Толбор-21. В соседней долине р. Харганын-Гол обнаружен памятник (Харганын-Гол-5), в стратиграфической последовательности которого нижние слои вмещали средний палеолит, подстилая слой с комплексом начального этапа верхнего палеолита. Для среднепалеолитических горизонтов 7 и 6 памятника Харганын-Гол-5 характерно сочетание производства крупных пластин и леваллуазской техники получения отщепов и острий с черепаховидных и комбинированных нуклеусов, а также орудийный набор без верхнепалеолитических маркирующих типов.

В целом данный комплекс может быть отнесен к кругу среднепалеолитических индустрий, представленных на территории Монголии в долине р. Орхон и Гобийском Алтае, и, прежде всего, он близок комплексу терминального среднего палеолита горизонта 3 Орхон-1. Последний характеризуется леваллуазским комбинированным и черепаховидным расщеплением, в сочетании с подпризматическим и плоскостным принципами получения пластин, в том числе с торцовых нуклеусов. В орудийном наборе наиболее представительна группа отщепов и пластин с ретушью. Среднепалеолитический компонент (скребла) превалирует над единичными верхнепалеолитическими типами орудий, такими как проколка, скребки; распространены выемчатые и шиповидные орудия [Деревянко и др., 2010]. Использование двух леваллуазских отщеповых технологий является характерной чертой среднего палеолита Монголии. Первая технология представлена «черепаховидным» методом, при котором осуществлялась подправка фронтальной поверхности с помощью центростремительных сколов с латералей и фасетированной площадки нуклеуса. Результатом являлся округлый или овальный скол с фасетированной ударной площадкой. В случае необходимости получения нескольких predetermined сколов производились повторяющиеся циклы подготовительных операций. Второй способ получения леваллуазских отщепов – это «комбинированный» метод, при котором подготовка фронта ядрища осуществлялась с противоположащих площадок латеральными отщепами и встречными удлиненными, нередко пластинчатыми сколами. С одной из таких площадок впоследствии реализовывался скол леваллуа. Получившийся в результате использования такого метода леваллуазский отщеп, в отличие от классического черепаховидного метода расщепления, был, видимо, более удлиненным, дорсальная поверхность его сочетала негативы радиальной подправки вдоль латералей заготовки, вместе с размещенными вдоль центральной оси негативами встречных удлиненных снятий. Кроме отщеповых методов, в палеолите Монголии представлено несколько вариантов леваллуазско-острийных методов, включающих в себя как однонаправленные, так и бипродольные разновидности.

Представления о географическом распространении комплексов, содержащих свидетельства леваллуазской технологии, позволяют уточнить анализ нестратифицированных объектов с экспонированными артефактами. Комплексы так называемого орокнорского пласта, отнесенного его исследователями к финалу среднего палеолита, наиболее ярко представлены в Долине Озер на юге Центральной Монголии в отрогах Хангайской горной системы на эпонимных местонахождениях Орок-Нор-1 и 2 [Derevianko, Petrin, 1995]. В комплексах этих объектов имеет место сочетание плоскостных и подпризматических нуклеусов для получения пластин (индекс пластинчатости очень высок, и составляет 31,8). Яркой чертой индустрии является наличие серии леваллуазских нуклеусов для получения отщепов, обрабатывавшихся преимущественно в радиальной системе, а также нескольких типичных и атипичных однонаправленных леваллуазских острий.

Для памятников долин Орхона и Харганын-Гола характерным является пролонгирование среднепалеолитических технологических традиций на начальном этапе верхнего палеолита. В частности, комбинированное леваллуа в сочетании с черепаховидным широко представлено в комплексах, определяемых как переход или начальный этап верхнего палеолита: слои 3-2.5 Чихэн-2, слой 3 грота Чихэн-Агуй, горизонт 5 Харганын-Гол-5, и в сочетании с острийным – в горизонте 3 Мойлтын ам [Деревянко и др., 2010; Деревянко и др., 2015]. В целом можно заключить, что на этих памятниках начальный этап верхнего палеолита развивался на местной основе, а леваллуазская техника не претерпевала изменений. На памятнике Толбор-4 в Северной Монголии комплекс начального верхнего палеолита, залегающий в самых нижних слоях стратиграфической последовательности, также демонстрирует незначительное, но устойчивое присутствие леваллуазского компонента. Он характеризуется ядрищами с ретушированным ребром для получения острий и комбинированными нуклеусами и продуктами их расщепления. Индустрия в целом представлена подпризматическими ядрищами для производства крупных остроконечных пластин бипродольным способом, подпризматическими ядрищами для получения пластин однонаправленным параллельным способом, нуклеусами-резцами и торцовыми ядрищами для пластинок. Если допустить, что не все случаи существования леваллуазской технологии в контексте начального верхнего палеолита или поздних комплексов раннего верхнего палеолита сводятся к нерасчлененности различных стратиграфических уровней, то можно предположить возможность взаимодействия носителей леваллуазского и верхнепалеолитического технокомплекса на территории Монголии. Будучи синхронными, комплекс терминального среднего палеолита памятника Харганын-Гол-5 и комплекс пластинчатого начального верхнего палеолита долины Толбора, при наличии сходных компонентов в виде комбинированного леваллуа, демонстрируют мало общего. Комплекс памятника Толбор-4 находит ближайшие аналогии в комплексах Горного Алтая и Леванта, тогда как терминальный средний палеолит и начальный верхний палеолит памятников Орхонской долины и Харганын-Гол-5 указывают на генезис верхнепалеолитических традиций на местной основе, с пролонгированным использованием архаичного компонента в виде комбинированного и черепаховидного леваллуа. Радиоуглеродные даты, полученные для всех комплексов, указывают, что в период как минимум 45–43 тыс. л.н. на территории, где проживали носители среднепалеолитического культурного набора, появились популяции пластинчатого начального верхнего палеолита, и в конечном итоге они вытеснили местное население.

Ситуация, фиксируемая в Монголии, также имеет свои аналогии в последовательности культурного развития Алтая и Леванта, где комплексы начального верхнего палеолита сменяют местные леваллуазские индустрии, такие как позднеlevantийское мустье и карабумовский вариант среднего палеолита. Вместе с тем главное и наиболее существенное отличие картины смены эпох на территории Монголии от западных регионов Евразии заключается в существовании как возможной преемственности среднепалеолитических и верхнепалеолитических индустрий, так и возможного периода сосуществования между финальным средним палеолитом и начальным верхним палеолитом. Другой важной и необычной чертой данного региона является наличие одновременно существующих двух вариантов индустрий начального верхнего палеолита, напоминающих ту, которая была показана ранее для Западной Европы, где представлено два варианта ранних верхнепалеолитических традиций, одна из которых (шательперон) может быть выведена из местного среднего палеолита, в то время как вторая (ориньяк) является пришлой. Данный пример, даже с учетом огромного расстояния и большой разницы в местных культурных традициях между Центральной Азией и западной оконечностью Евразии, позволяет предполагать весьма сложную картину становления верхнепалеолитических традиций в ряде регионов, служивших ареной взаимодействия локальных и пришлых популяций.

Библиографический список

- Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. Новосибирск, 2010. 284 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Гладышев С.А., Олсен Д. Ранний этап верхнего палеолита Гобийского Алтая (по материалам стоянки Чихэн-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №3 (43). P. 17–41.
- Bolus M., Conard N. The late Middle Paleolithic and earliest Upper Paleolithic in Central Europe and their relevance for the Out of Africa hypothesis // Quaternary International. 2001. Vol. 75. P. 29–40.
- Derevianko A.P., Petrin V.T. The Levallois of Mongolia // The Definition and Interpretation of Levallois Technology: Monographs in World Archaeology. Madison; Wisconsin, 1995. P. 455–471.
- Hublin J.-J. The earliest modern human colonization of Europe // Proceedings National Academy of Science. 2012. Vol. 109 (34). P. 13471–13472.
- Kuhn S., Zwyns N. Rethinking the Initial Upper Paleolithic // Quaternary International. 2014. Vol. 347. P. 29–38.
- Longo L., Boaretta E., Caramelli D., Giunti P., Lari M., Milani L., Mannino M.A., Sala B., Hohenstein U.T., Condemi S. Did Neandertals and anatomically modern humans coexist in northern Italy during the late MIS 3? // Quaternary International. 2012. Vol. 259. P. 102–112.
- Longo L., Condemi S. Middle to Upper Paleolithic biological and cultural shift in Eurasia // Quaternary International. 2012. Vol. 259. P. 59–72.
- Marks A.E., Ferring C.R. The Early Upper Palaeolithic of the Levant // Hoffecker J.E., Wolf C.A. (eds.). The Early Upper Palaeolithic: Evidence from Europe and the Near East. British Archaeological Reports International Series. 1988. Vol. 437. P. 43–72.

© 2017, А.М. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИАРАЛЯ В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №14-50-00036
«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии: происхождение человека,
этногенез, этническая история и миграции населения Северной и Центральной Азии»)

На территории Казахстана открыто и исследовано большое количество памятников археологии каменного века, представляющих все этапы – от эпохи ашеля до энеолита. В то же время степень исследованности этих памятников в разных районах Казахстана неравномерна. В первую очередь это связано с тем, что преобладание аридных условий на территории Казахстана препятствовало процессу активного осадконакопления. В результате были образованы археологические объекты особого типа – памятники с поверхностным залеганием артефактов. Отсутствие рыхлых отложений на подобных местонахождениях во многом снижает их информативность. В большинстве случаев при изучении комплексов поверхностного залегания артефактов невозможно использовать естественные методы. По этой причине первостепенное значение приобретает всесторонний технико-типологический анализ каменных индустрий. Таким образом, среди актуальных тематических направлений изучения древнейших этапов заселения человеком территории Казахстана и Центральной Азии в целом, одним из основных является исследование палеолитических памятников с поверхностным залеганием археологического материала. Подобными объектами являются палеолитические комплексы Северного Приаралья, расположенные на северном побережье Аральского моря в Западном Казахстане.

Палеолитические местонахождения северного побережья Аральского моря Арал А-D, Арал-1–6, -8 были обнаружены совместной Российско-Казахстанской экспедицией, производившей в 1998–1999 гг. разведочные работы по исследованию территории Западного Казахстана. В связи с тем, что из-за крайне ограниченных сроков исследований детальное изучение указанных пунктов не представлялось воз-

возможным, сбор археологического материала производился выборочно; предпочтение отдавалось наиболее выразительным изделиям [Деревянко и др., 1999].

Каменное сырьё, использованное на местонахождениях Северного Приаралья, имеет наиболее близкий к кварцитам вид, однако отсутствие типичных для кварцитов структур перекристаллизации обломочного материала сохраняет за ними название кварцитовидных песчаников.

Местонахождения Арал А-D и Арал-1-6, -8 в первичном расщеплении характеризуются отсутствием леваллуазских нуклеусов, непластинчатостью. Здесь присутствуют, главным образом, призматические нуклеусы параллельного принципа расщепления в плоскостном и объёмном вариантах. Подчиненное положение отводится торцовому и дисковидному вариантам. В орудийном наборе наблюдается высокое содержание бифасов, а также наличие скребел, зубчато-выемчатых и комбинированных изделий и орудий позднелептостеинских типов (скребки, ножи). В качестве оформления применялись оббивка и ретуширование. При этом ретушь, используемая в качестве вторичной отделки, характеризуется как краевая чешуйчатая, в большинстве случаев, дорсальная крутая и полукрутая средних и мелких размеров.

В целом, у вышеописанных местонахождений наблюдаются такие общие черты, как однообразие изделий, сосуществование мустьерских и позднелептостеинских типов орудий.

Среди материалов пунктов Северного Приаралья особого внимания заслуживает необычайно большое число двусторонне обработанных орудий. В общей сложности был обнаружен 91 экз. целых бифасов и их фрагментов. Наблюдаются различия в форме этих изделий, их размерах и массивности. По нашему мнению, они не составляют единую серию, а относятся к разным этапам палеолита.

При работе с коллекциями, двусторонне обработанные изделия были разделены на три группы. В первую группу вошли изделия начальной стадии оформления. Для них характерны становление формы, грубая черновая отделка крупными сколами, оставляющими глубокие негативы, наличие вспомогательных ударных площадок на продольных краях предметов. Во второй группе, куда входят изделия заключительной стадии оформления, наблюдается совершенно противоположная картина. Здесь преобладающее число орудий симметричны, двояковыпуклые в сечении. Сколы оформления, покрывающие обе плоскости, средних размеров, уплощенные. В некоторых случаях боковые края изделий дополнительно подработаны эпизодическими мелкими фасетками ретуши. В третью группу вошли фрагменты двусторонне обработанных изделий, разбитые на три подгруппы: проксимальные, медиальные и дистальные части.

В плане формообразования в анализируемой коллекции двусторонне обработанные изделия представлены округлыми, овальными, подтреугольными, листовидными разновидностями. В то же время встречаются атипичные (угловатые) формы. Несколько особняком стоят четыре изделия с обушком, где обушок массивный, подработан несколькими крупными сколами, не несет на себе следов желвачной корки. Также выделяются четыре двусторонне обработанных изделия с «плечиком». Допустимо предположить, что «плечиком» являлась часть вспомогательной ударной площадки, которая по неизвестной причине была оставлена древним мастером.

На наш взгляд, массивные двусторонне обработанные изделия возможно рассматривать не только в качестве рубящих орудий, но и бифасиальных нуклеусов.

К настоящему времени на территории Казахстана выявлено три области распространения палеолитических индустрий с бифасами. Это – северо-западные, западные и центральные районы республики [Гладышев, Зенин, 2003].

Территориально наиболее близкими местонахождениями, в большом количестве содержащими аналогичные крупные уплощенные листовидные бифасы, являются ашельские комплексы Мугоджарских гор. Здесь, как и в Северном Приаралье, обилие сырья различной формы (желваки, плитки, крупные массивные отщепы и десквамационные сколы) позволяло изготавливать крупные двусторонне обработанные изделия правильной (листовидной и овальной) формы.

В Центральном Казахстане, в верховьях р. Ишим, при исследовании палеолитического памятника Вишневка-3, В.С. Волошиным были обнаружены бифасы различной (подтреугольные, эллипсоидные, удлинённо-овальные) формы. Как отмечает автор раскопок, особенности геоморфологической позиции памятника позволили отнести его к миндель-риссу (среднему палеолиту) [Волошин, 1988].

Также двусторонне обработанные изделия были обнаружены на памятниках с поверхностным залеганием артефактов на побережье о. Кудайколь (Прииртышье) [Медоев, 1968, 1982], Северном Прибалхашье (комплексы Семизбугу, окрестности п. Саяк) [Деревянко и др., 1993; Артюхова, 2001], на п-ве

Мангышлак [Медоев, 1982; Вишняцкий, 1996] и Краснодарском плато (Янгаджа-Каратенгир) [Окладников, 1966; Вишняцкий, 1996].

За пределами Казахстана местонахождения с двусторонне обработанными изделиями обнаружены на Южном Урале (стоянка Мысовая). Первоначально полученная коллекция, на основании типологии и наличия на поверхности изделий глубокой патины, была отнесена к ашелю, позднее разделена на два комплекса – ашельский и мустьерский [Бадер, Матюшин, 1973; Цейтлин, 1975].

Двусторонне обработанные изделия присутствуют на памятниках поверхностного залегания Тувы (Торгалык и др.) [Астахов, 2008] и Монголии (Ярх, Дно Гоби, Кремневая Долина) [Деревянко и др., 2002], но здесь они имеют совершенно иную морфологию и вряд ли могут рассматриваться в качестве аналогов как приаральским, так и мугоджарским образцам [Деревянко и др., 2001].

На Западном Кавказе и на юге Кавказского хребта довольно ярко и информативно представлены памятники ашельского времени, содержащие бифасиально оформленные изделия [Любин, 1998]. Материалы с Мугоджарских гор по технико-типологическим параметрам вполне сопоставимы с изделиями кавказских местонахождений, что дает возможность выделить ашельскую фацию в мугоджарских комплексах без уточнения нижней хронологической границы. По мнению А.П. Деревянко, палеолитические комплексы Казахстана с бифасами представляют собой своеобразную линию развития, отличную от каратауской галечной (Оби-Мазар-6, Каратау, Лахути), микроиндустриальной (Кульдара, Кошкурган, Шоктас) и линией зубчатого мустье (Кульбулак, Сельунгур) [Деревянко и др., 2001].

Разработкой периодизации палеолита Казахстана занимались многие исследователи (Б.Ж. Аубекеров, Х.А. Алпысбаев, А.Г. Медоев, В.С. Волошин, Ж.К. Таймагамбетов).

Так, Х.А. Алпысбаев разделил все палеолитические комплексы Казахстана на три хронологические группы: местонахождения первой хронологической группы (Акколь, Борыказган, Танирказган) датируются ашельской эпохой; вторая группа (Токалы, Дегерез) – ашело-мустьерской эпохой; третья группа (стоянка Ч. Валиханова) – позднемустьерской и верхнепалеолитической эпохами [Алпысбаев, 1979].

Для двух крупных регионов Казахстана (Мангышлака и Северного Прибалхашья) периодизационные схемы были разработаны А.Г. Медоевым. В основу его схемы была положена трансформация культуры леваллуа-ашель I в культуру леваллуа-ашель II (мустье) и далее в поздний палеолит (комплексы типа Шахбагата-I (Мангышлак) и Саяк (Северное Прибалхашье)) [Медоев, 1982].

По мнению В.С. Волошина, в Центральном Казахстане развитие палеолитических индустрий происходило по двум линиям, одна из которых связана с галечной технологией расщепления (комплексы Обалысай и Музбель), другая – с леваллуазской (комплексы Курома и Ак-Кошкар) [Волошин, 1987, 1990].

Проблемами происхождения и развития культур каменного века Средней Азии и Казахстана занимались такие исследователи среднеазиатской археологии, как А.П. Окладников, Х.А. Алпысбаев, А.Г. Медоев, В.А. Ранов.

По Х.А. Алпысбаеву [1979], для индустрии раннего этапа палеолита характерно развитие по азиатскому пути (галечная линия). Однако, по мнению А.Г. Медоева [1982], эти комплексы принадлежат леваллуазской линии развития, так как большая часть чопперов и чоппингов является результатом работы леваллуазских нуклеусов для получения черепховидных отщепов.

В.А. Ранов, вслед за А.П. Окладниковым, предложил концепцию о существовании на территории Средней Азии двух культурных зон, одна из которых связана с западом (Передняя Азия), вторая – с востоком (Восточная Азия). В.А. Ранов выделил контактную зону с двумя линиями развития: для одной (группа А) на первоначальной стадии характерны рубила, для другой (группа Б) – галечные изделия (чопперы, чоппинги). Первая линия развития своим происхождением обязана культурам Передней Азии, вторая – культурам восточно-азиатского облика [Окладников, 1966; Ранов, Шефер, 2000].

Также одним из возможных путей заселения территории запада Средней Азии и Казахстана (и, вероятно, Поволжья и Приуралья) является Закавказский путь, возможность которого не исключают В.П. Любин и Л.Б. Вишняцкий [Вишняцкий, 1996]. В это время древнеашельское население осваивает пространства равнин, новые источники каменного сырья. Происходит постепенная эволюция каменного инвентаря с сохранением традиции двусторонней обработки орудий.

Анализ индустрий с бифасами Каспийско-Аральского региона показал, что раннепалеолитические комплексы с бифасами в Казахстане и Туркмении обладают сходными технико-типологическими параметрами с ашельскими комплексами постбакинского времени в Дагестане. Появление техники

двусторонней обработки камня в раннем палеолите, вероятно, было связано с проникновением носителей леваллуа-ашельской индустриальной традиции. Один из миграционных маршрутов пролегал вдоль побережья древнего Каспия через территорию Каспийско-Аральского региона. Результаты новейших исследований позволяют рассматривать кавказское побережье Каспия как транзитную зону на пути расселения древнейших человеческих коллективов в Евразии. Особый интерес представляет относительно высокая доля бифасиально оформленных изделий в палеолитических комплексах Каспийско-Аральского региона по сравнению с близкими в культурно-хронологическом плане индустриями сопредельных территорий. Наиболее ранние свидетельства использования бифасиальной техники в Прикаспии отмечены в материалах из нижнего слоя стоянки Дарвагчай на юго-востоке Дагестана, которые относятся к микроиндустриальному комплексу раннего палеолита. Рубила с более совершенной отделкой, зафиксированные в стратиграфически вышележащих отложениях стоянки, принадлежат ашельской индустрии. [Деревянко и др., 2009; Зенин А.Н., Зенин В.Н., 2010; Деревянко и др., 2012].

Наиболее вероятным временем ашельских миграций с Северного Кавказа в восточные районы Прикаспия являются периоды сингильской и чернойяской регрессий (изотопные стадии 11, 9 и 7). Экологические условия в неоплейстоцене на территории Каспийско-Аральского региона в целом были благоприятны для проживания первобытных сообществ. Наиболее оптимальными в палеоклиматическом и палеоландшафтном отношении являлись пограничная зона леса и степи и прибрежные участки крупных внутренних водоемов [Зенин А.Н., Зенин В.Н., 2010].

Как показано выше, интерпретация палеолитических комплексов с бифасами в Северном Приаралье и Казахстане в целом представляется довольно сложной. Во-первых, большинство памятников не датировано или датировано лишь предположительно. Во-вторых, источником распространения раннепалеолитических индустрий, предшествуемых изучаемым комплексам, имеют как восточные (Передняя Азия и Ближний Восток), так и западные черты (Кавказ).

Таким образом, оценивая результаты исследования палеолитических местонахождений на северном побережье Аральского моря в целом, следует отметить, что пункты Арал А-Д, Арал-1–6, -8 представляют смешанные комплексы, основные материалы которых, вероятно, относятся к заключительной стадии среднего – верхнему палеолиту и, вероятно, мезолиту и неолиту. В то же время часть коллекций на основе морфологических признаков может быть отнесена к более ранним этапам палеолита.

Библиографический список

- Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979. 207 с.
- Артюхова О.А., Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье). Новосибирск, 2001. 120 с.
- Астахов С.Н. Палеолитические памятники Тувы. СПб., 2008. 180 с.
- Бадер О.Н., Матюшин Г.Н. Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале // СА. 1973. №4. С. 135–142.
- Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб., 1996. 213 с.
- Волошин В.С. Ашельские бифасы из местонахождения Вишневка-3 (Центральный Казахстан) // СА. 1988. №4. С. 199–203.
- Волошин В.С. Стратиграфия и периодизация палеолита Центрального Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. Новосибирск, 1990. С. 99–106.
- Гладышев С.А., Зенин А.Н. Итоги изучения палеолита Мугоджарских гор (Республика Казахстан) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 31–37.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск, 2012. 292 с.
- Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. Новосибирск, 2009. 124 с.
- Деревянко А.П., Аубекеров Б.Ж., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Артюхова О.А., Зенин А.Н., Петров В.Г. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний – поздний палеолит). Новосибирск, 1993. 114 с.
- Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Искаков Г.Т. Палеолитические местонахождения северного побережья Аральского моря // Проблемы

археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. Т. V. С. 46–50.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). Новосибирск, 2001. 135 с.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэвэндорж Д. Палеолитические комплексы Кремневой Долины (Гобийский Алтай). Новосибирск, 2002. 228 с.

Зенин А.Н., Зенин В.Н. Регрессии Каспия и возможные пути древнейших миграций с Кавказа в Центральную Азию // Карабах в каменном веке. Баку, 2010. С. 163–173.

Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб., 1998. 187 с.

Медоев А.Г. Стоянка-мастерская у озера Кудайколь // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 128–134.

Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. Алма-Ата, 1982. 64 с.

Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 11–75.

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2000. №2. С. 20–32.

Цейтлин С.М. К геологии палеолитической стоянки Урта-Тубе (Мысовая) в Восточной Башкирии // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 27–41.

© 2017, А.В. Шалагина, С.В. Шнайдер, К.А. Колобова

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;
Алтайский государственный университет, Барнаул*

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ 3-D СКАНИРОВАНИЯ И АНАЛИЗА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ СКОЛОВ (SCAR PATTERN ANALYSIS) ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДВУСТОРОННЕ ОБРАБОТАННЫХ ОРУДИЙ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №14-50-0036)

Введение. В настоящее время палеолитоведение переживает период стремительного развития. В частности, к исследованиям активно привлекаются современные достижения информационных технологий, значительное внимание уделяется разработке новых методов детального анализа отдельных артефактов.

Ключевой особенностью морфологии каменных артефактов является совокупность негативов снятий, оставленных на их поверхности. Остаточные негативы содержат информацию о процессе оформления конкретного предмета и являются ключевым компонентом при технико-типологическом и других видах анализа. В связи с этим разработка новых методов для детального изучения остаточных негативов на поверхности артефактов позволяет получить дополнительную информацию о технологиях расщепления конкретного комплекса. В свою очередь, современное развитие информационных технологий в области трехмерного высокоточного сканирования значительно облегчает задачу качественного документирования артефактов, что дает возможность их последующего детального изучения, и качественно визуализирует результаты исследования.

Данная работа посвящена актуальным методам детального изучения поверхности двусторонне обработанных орудий и их высокоточной визуализации на примере материалов среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры.

Анализ последовательности сколов «scar pattern analysis» как самостоятельный метод стал применяться в палеолитоведении сравнительно недавно и в последнее время приобретает все большую популярность. Впервые идея анализа была предложена Ю. Рихтером и А. Пасторсом при изучении бифасиальных изделий из Сесельфельсгрота [Richter, 1997]. Детально его основные принципы были сформулированы немного позже в работах А. Пасторса [Pastoors, 2000], Ю. Рихтера [Richter, 2001], где «scar pattern analysis» стал рассматриваться как самостоятельный метод для выделения основных этапов оформления бифасиальных орудий в микокских и ашельских комплексах Центральной и Восточной Европы. Одно из крупных исследований, основанных на данном методе, было предложено

в диссертации М. Кот, посвященной изучению технологии изготовления бифасиальных листовидных остроконечников в среднем палеолите Европы [Kot, 2014]. Также анализ последовательности негативов снятий успешно используется при изучении нуклеусов [Soriano et al., 2015] и был апробирован при анализе тронкированно-фасетированных изделий [Шалагина и др., 2015].

Анализ последовательности снятий основан на реконструкции отдельных этапов изготовления и подправки каменных изделий, а именно: на определении их роли в производственном процессе посредством систематизации в хронологическом порядке негативов, видимых на поверхности артефакта. Анализ предусматривает несколько этапов.

1. Изучение каменного изделия начинается с *определения направлений всех негативов снятий* (рис. 1.-1). На этом этапе каждый негатив рассматривается отдельно. Направление скола определяется при детальном анализе поверхности негатива и обусловлено направлением ударной волны, отразившейся на его поверхности. Задачу облегчает наличие на негативе точки удара либо изогнутого края, указывающего на дистальное окончание снятия.

2. На следующем этапе *оценивается взаимная последовательность соседних негативов снятий* (рис. 1.-2). В некоторых случаях удается установить взаимную хронологию сколов невооруженным взглядом, но чаще необходимо применять увеличительное стекло (при исследовании нами применяется 10-кратное увеличительное стекло). На взаиморасположение соседних негативов указывает ряд характерных признаков:

– негатив, полностью расположенный на поверхности другого негатива, оформлен позже нижележащего снятия;

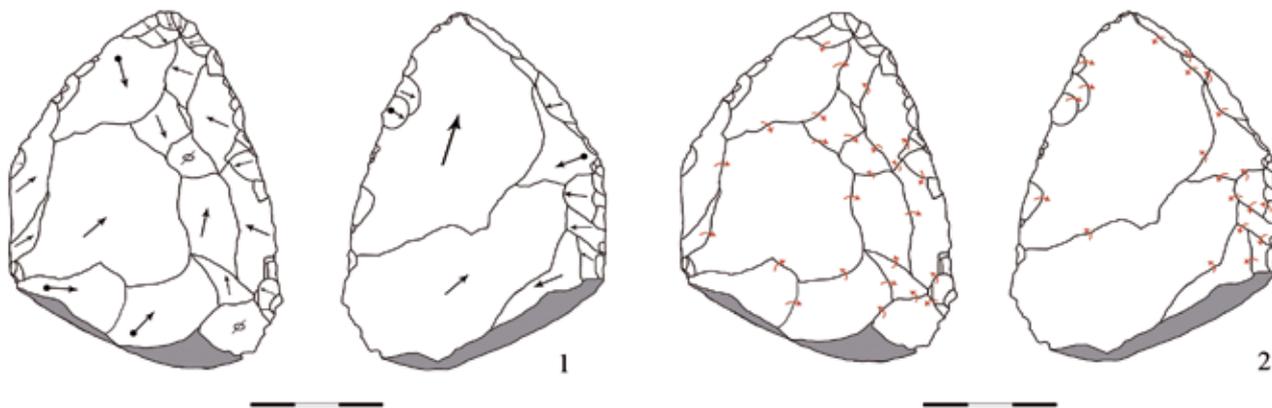

Рис. 1. Анализ последовательности снятий двусторонне обработанного орудия из Чагырской пещеры (этапы 1–2)

– более поздний негатив расположен глубже предыдущего, что фиксируется по разделяющему ребру между ними, заданному последним сколом [Pastoors, 2000];

– негатив, который полностью сохранил вдоль ребра мелкие веерообразные следы направляющей волны, выполнен позже соседнего снятия;

– также края более позднего негатива часто сопровождаются мелкими заломами, заходящими на поверхность предыдущего скола [Pastoors, 2000];

– в том случае, если негативы получены с противоположных площадок и соприкасаются по линии окончания сколов, со стороны более позднего негатива образуется небольшая «ступенька» за счет сохранности контура дистального окончания [Kot, 2014].

3. После определения взаимной хронологии соседних снятий негативы объединяются в группы, так называемые *последовательности снятий* [Kot, 2014], или «технологические единицы» [Pastoors, 2000]. В данном случае под «последовательностью» понимается группа негативов сколов, которые определяются как единое целое, они обладают схожими морфологическими характеристиками (сняты с одной ударной площадки, в одном направлении и т.д.), и их получение было направлено на достижение единой цели. То есть это негативы, которые были получены примерно в одно время на определенной стадии оформления орудия. Для упрощения визуального восприятия каждая такая «последовательность» на графическом изображении артефакта обозначается отдельным цветом (рис. 2).

4. На следующем этапе анализа *устанавливается взаимная очередность уже объединенных групп негативов*, что находит отражение в специальных графических изображениях. То есть на данном этапе рисуется непосредственная схема оформления изучаемого предмета. Каждая «последовательность» на

схеме обозначается своей буквой. Если хронологическая взаимосвязь двух «последовательностей» не является очевидной, то на схеме они изображаются параллельно. Пунктиром изображается возможный хронологический промежуток обозначенной «последовательности» (рис. 2). Для удобства «последовательности», расположенные на разных краях изделия, обозначаются разным цветом.

5. На завершающем этапе анализа, исходя из составленной схемы, весь *производственный процесс* делится на *этапы*. В некоторых случаях выделение этапов подразумевает объединение нескольких «последовательностей», выполненных в рамках единой цели (рис. 2). И таким образом, в результате анализа всех имеющихся на поверхности предмета негативов выстраивается схема его оформления с выделением основных технологических этапов, что наглядно проиллюстрировано на рисунке.

Возможности 3D-визуализации. Для создания высококачественных трехмерных иллюстраций двусторонних орудий были привлечены возможности 3D-сканирования.

Принцип лазерного сканирования состоит в высокоскоростном измерении расстояний до точек объекта относительно самого прибора. Максимальная погрешность прибора в режиме максимального качества составляет 1 мм на 100 м. В отличие от еще одного метода создания трехмерных изображений – фотограмметрии, где для создания одной модели требуется несколько часов квалифицированной работы (подготовка сцены, создание фотоснимков, склеивания моделей) [Казаков и др., 2016], – при использовании лазерного сканера большая часть операций происходит автоматически. Таким образом, использование 3D-сканера достаточно быстро позволяет получать высокоточные 3D-модели одновременно нескольких предметов. А созданные посредством сканирования модели артефактов могут быть преобразованы в 2D иллюстрации.

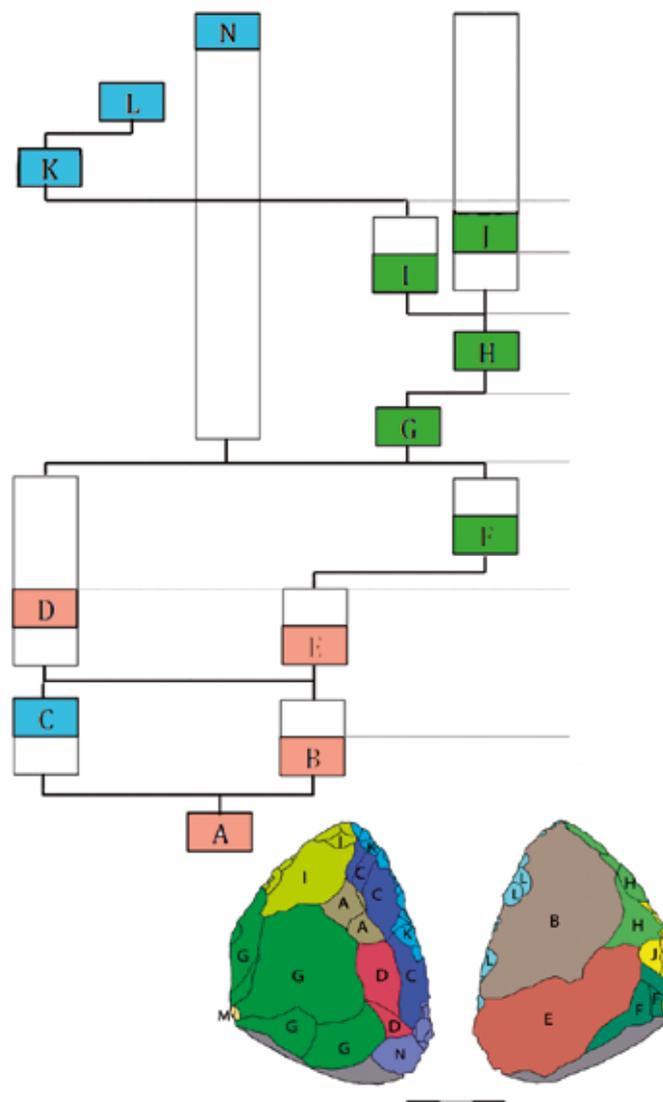

Рис. 2. Графическая схема анализа последовательности снятий двусторонне обработанного орудия из Чагырской пещеры (этапы 3–5)

Преимущество 3D-иллюстраций перед традиционными типами документирования (фотография и графический рисунок) заключается в том, что в отличие от графического рисунка и фотографии, на трехмерной модели отражается максимальный объем информации об объекте. Напротив, классическое графическое изображение или фотография, так или иначе, носят субъективный характер и отражают только те свойства предмета, которые видит исследователь. При данном подходе могут потеряться такие значимые для ученого-археолога признаки, как вторичная обработка, следы макроизноса и т.д.

В свою очередь, использование 3D-моделей открывает новые возможности перед исследователями и создает более объективную иллюстрацию объекта. В частности, специальное программное обеспечение, например, Artifact 3D-program, созданное командой компьютерной лаборатории Еврейского университета (Иерусалим, Израиль), позволяет исследователям удаленно работать с отсканированными артефактами и производить различные операции (рис. 3) [Grosman et al., 2014]. В частности, можно производить различные измерения, такие как длина, ширина, толщина артефакта, в любом направлении и измерения отдельных негативов (рис. 3.-2). Помимо этого, трехмерная модель позволяет посмотреть сечение артефакта в продольной или поперечной плоскости; осуществлять измерения различных углов артефакта: углы между плоскостями бифаса, угол сопряжения ударной площадки и плоскости расщепления нуклеуса, центр массы артефакта и его центр симметрии, что делает иллюстрации более информативными и повышает уровень демонстрации результатов исследования, а инструменты, позволяющие анализировать форму артефакта, направление сколов, высчитывать центр массы и ось симметрии, предоставляют возможность получить информацию, недоступную при классическом типологическом анализе [Richardson et al., 2013].

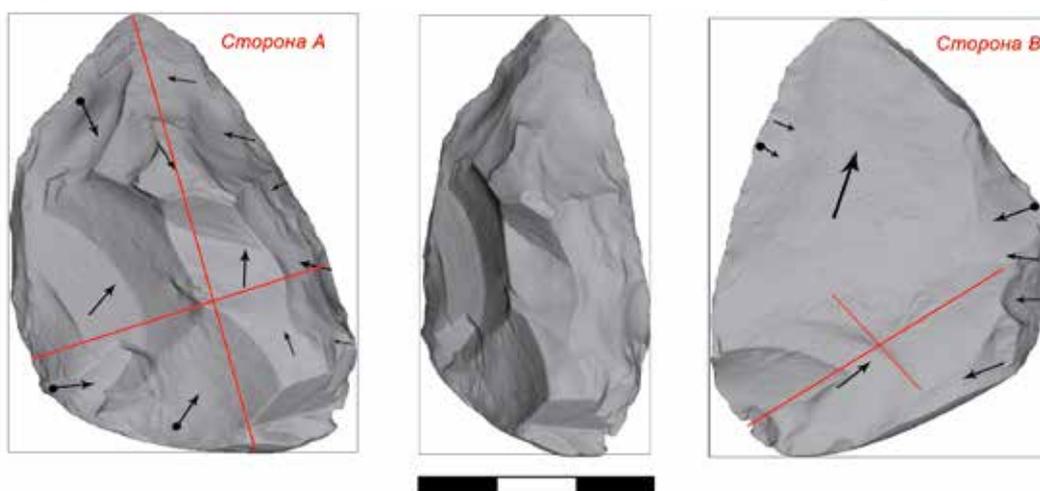

Рис. 3. 3D-модель двусторонне обработанного орудия из Чагырской пещеры

Обсуждение. Описываемые в данной работе «scar pattern» анализ и метод создания иллюстраций посредством 3D-сканера были апробированы нами при изучении технологии изготовления двусторонне обработанных орудий из среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры (слои бв/1, бв/2).

Чагырская пещера расположена в среднегорном районе Северо-Западного Алтая и является опорным памятником в изучении финального среднего палеолита региона. Наиболее близкие аналогии данной индустрии (археологические слои ба, бб, бв/1-2) [Деревянко, Маркин, 2013] проводятся с комплексами Восточно-Европейского микока [Chabai, 2004]. Соответственно одной из характерных черт орудийного набора стоянки является наличие двусторонне обработанных орудий: скребел и остроконечников, чем и обусловлено использование описанных нами методов при изучении орудийного набора комплекса.

Детальное изучение с помощью «scar pattern» анализа небольшой выборки (10 экз. из слоев бв/1, бв/2) двусторонних предметов продемонстрировало эффективность метода и позволило восстановить подробные схемы оформления данных орудий. Среди полученных схем акцентируются два вида технологических последовательностей, которые традиционно выделяются при изучении технологии изготовления микокских бифасов: «длинная» и «короткая», обусловленные различными факторами. В соответствии с той или иной технологической цепочкой полученные схемы демонстрируют взаимную последовательность различных этапов: этапы первичной обработки заготовки; последовательного оформления плоской или выпуклой сторон; этапы ретуширования и подправки рабочего края орудия. В целом среди проанализированных изделий преимущественно использовался плоско-выпуклый метод изготовления двусторонних орудий [Voeda, 1995].

Полученные в результате анализа схемы в совокупности с 3D-визуализацией хорошо иллюстрируют роль каждого оформляющего этапа в общем производственном процессе, создавая наглядную модель процесса оформления каждого конкретного двустороннего орудия.

Заключение. Предварительные результаты 3D-сканирования небольшой выборки орудий из Чагырской пещеры и апробация анализа последовательности сколов позволили изучить возможности данных методов, а также показали их эффективность и перспективы дальнейшего использования в изучении материалов данного памятника.

Современное развитие информационных технологий в области трехмерного высокоточного сканирования и визуализации материальных объектов значительно облегчает задачу документирования артефактов и создает возможности для их последующего детального анализа, а также объективной оценки результатов работы другими исследователями. Основное преимущество «scar pattern» анализа заключается в том, что он позволяет выделить основные этапы оформления орудия и определить их роль в общем процессе, в том числе и для тех коллекций, где практически не сохранились или вообще отсутствуют продукты дебитаж.

Дальнейшее применение данного метода в совокупности с визуализацией объектов посредством трехмерного высокоточного сканирования позволит детально изучить технологию производства и утилизации двусторонне обработанных орудий Чагырской пещеры и создать качественную визуализацию изучаемых объектов с последующей перспективой их детального изучения в оцифрованном формате.

Библиографический список

Деревянко А.П., Маркин С.В. Структура, состав и особенности технокомплексов сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012. Т. XVIII. С. 55–58.

Казаков В.В., Ковалев В.С., Жумадилов К.Б., Шнайдер С.В. Трехмерная визуализация геометрических микролитов при помощи макрофотограмметрии // *Universum Humanitarium*. 2016. №2 (3). С. 65–72.

Шалагина А.В., Кривошапкин А.И., Колобова К.А. Тронкированно-фасетированные изделия в палеолите Северной Азии // *Археология, этнография и антропология Евразии*, 2015. №4(43). С. 33–45.

Boeda É. Caractéristiques techniques des chaînes opératoires lithiques des niveaux micoquiens de Külna (Tchécoslovaquie). In: *Les industries à pointes foliacées d'Europe centrale, Actes du Colloque de Miskolc, 10–15 septembre 1991*. Paléo, supplément. 1. Liège, 1995. Pp. 57–72.

Chabai V.P. Chokurcha I, Unit IV: Artifacts // *The Paleolithic of Crimea. The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea*, vol. 3 / ed.: V. Chabai, K. Monigal, A. Marks. *Études et Recherches Archéologiques de L'Université de Liège*. 2004. №104. P. 377–416.

Grosman L., Karasik A., Herush O., Smilanksy U. Archaeology in Three Dimensions Computer-Based Methods in Archaeological Research // *Journal of Eastern Mediterranean Archaeology and Heritage Studies*. 2014. Vol. 2, №1. P. 48–64.

Kot M.A. The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe: Technological Approach // *Quaternary Intern.* 2014. Vol. 326–327. P. 381–397.

Pastors A. Standardization and individuality in the production process of bifacial tools – leaf-shaped scrapers from the middle Paleolithic open air site Sare Kaya I (Crimea) // *Neanderthals and Modern Humans – Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000 – 30.000 B.P.* Mettmann, 2000. P. 243–255.

Richardson E., Grosman L., Smilanksy U., Wermar M. Extracting Scar and Ridge Features from 3D-scanned Lithic Artifacts // *Archaeology in the Digital Era. Papers from the 40th Annual Conference of Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA), Southampton, 26–29 March 2012*. Amsterdam, 2013. P. 83–92.

Richter J. Sesselfelsgrötte III: der G-Schichten-Komplex der Sesselfelsgrötte: zum Verständnis des Micoquien. Saarbrücken, 1997.

Richter J. Une analyse standardisée des chaînes opératoires sur les pièces foliacées du Paleolithique moyen tardif. In: L. BOURGIGNON, I. ORTEGA and M.-C. FRÈRESAUTOT, eds. *Préhistoire et approche expérimentale*, 2001. P. 77–78.

Soriano S., Villa P., Delagnes A., Degano I., Pollarolo L., Lucejko J.J., Henshilwood Ch., Wadley L. The Still Bay and Howiesons Poort at Sibudu and Blombos: understanding Middle stone age technologies // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10(7). P. 1–46.

© 2017, С.В. Шнайдер^{1,2}, А. Абдыканова³, М. Крайцарж⁴, А.Ю. Федорченко^{1,2},
С. Алишер-кызы⁵, К.А. Колобова^{1,2}, Д.А. Гурулев⁶, В. Тэйлор⁷, А.И. Кривошапкин^{1,2,5}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

²Алтайский государственный университет, Барнаул;

³Американский университет Центральной Азии, Бишкек, Киргизия;

⁴Институт геологии, Варшава, Польша;

⁵Новосибирский государственный университет, Новосибирск;

⁶Сибирский федеральный университет, Красноярск;

⁷Институт Макса Планка, Йена, Германия

ОБИШИРСКАЯ КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ

Исследование проведено при поддержке проектов РФФ №14-50-00036 (исполнитель – С.В. Шнайдер),
РГНФ №15-31-01000 (исполнитель – А.И. Кривошапкин),
грант президента РФ МД-2845.2017.6 (исполнители – К.А. Колобова, А.Ю. Федорченко)

Период позднего плейстоцена – раннего голоцена на территории западной части Центральной Азии активно изучался в середине прошлого столетия, в это время было обнаружено несколько сотен памятников, а также были сформулированы основные культурно-хронологические схемы развития локальных культур. Исследователями предлагалось выделение двух синхронных культурных вариантов – мезолит и эпилепеолит. К мезолиту были отнесены все индустрии с геометрическими микролитами, его генезис связывался с миграцией населения с территории Ближнего и Среднего Востока. Индустрии без геометрических микролитов определялись как эпилепеолитические с вероятным генезисом на основе локальных верхнепалеолитических комплексов. В рамках данных вариантов исследователями выделялись отдельные культуры. Обиширская культура во всех культурно-хронологических схемах определялась в рамках эпилепеолитического варианта [Исламов, 1980; Коробкова, 1989; Ранов, 1988].

Основой для выделения обиширской культуры стали материалы стратифицированных памятников Обишир-5, грота Таш-Кумыр и около сотни подъемных комплексов Центральной Ферганы [Исламов, 1980]. Для этой культуры были определены следующие характерные черты: преобладание призматических нуклеусов для пластинчатых сколов и дисковидных – для отщепов, доминирование в орудийном наборе концевых скребков и микропластин с ретушью, наличие единичных геометрических микролитов – сегментов, орудий типа чопперов и чоппингов. На основе аналогий с материалами Ближнего Востока и Северного Афганистана У.И. Исламов [1980] предполагал, что данная культура датируется в пределах 10–8 тыс. л.н. Ее генезис ученый связывал с развитием локальных позднеплейстоценовых индустрий Самаркандской стоянки и Ходжа-Гора.

В период с 2015 по 2017 г. силами российско-киргизской археологической экспедиции проводится изучение памятников Обишир-5 (юг Кыргызстана, Ферганская долина) (рис. 1А). На новом этапе полевых работ был заложен раскоп площадью 8 м². В процессе исследований уточнена стратиграфическая ситуация на памятнике, выделено шесть литологических слоев.

Слой 0 – почвенно-растительный слой. *Слой 1* сложен суглинками от светло-серого до серо-коричневого цветов, содержит археологические остатки раннесредневекового времени. *Слои 2 и 3* состоят из суглинков от светло-коричневого до темно-коричневого цветов, имеющих коллювиальный генезис. Данные слои содержат находки мезолитического времени. *Слои 4 и 5* сложены суглинками от кремового до желтовато-коричневого цветов, слой 4 залегает *in situ* и состоит из лёссового материала и обломков известняка, аккумулярованных морозным выветриванием под скальными породами. Слой 5 может рассматриваться как типичный лёсс, который был сформирован в период последнего ледникового максимума. В данных отложениях были найдены каменные артефакты верхнепалеолитического облика [Шнайдер и др., 2016].

По образцу угля из слоя 1 получена дата 1650±20 (PLD-31751: 1570–1530 кал. л.н.). По образцам угля из слоя 2 получены две калиброванные AMS радиоуглеродные датировки: 7405±25 л.н. (PLD-31752: 8317–8179 кал. л.н.) – для средней части, 9410±30 л.н. (PLD-31753: 10717–10571 кал. л.н.) – для нижней части слоя [Шнайдер и др., 2016, с. 197]. Все даты были откалиброваны при помощи программного обеспечения OxCal v.4.2 с калибровочной кривой IntCal13, при использовании допуска 68,2%.

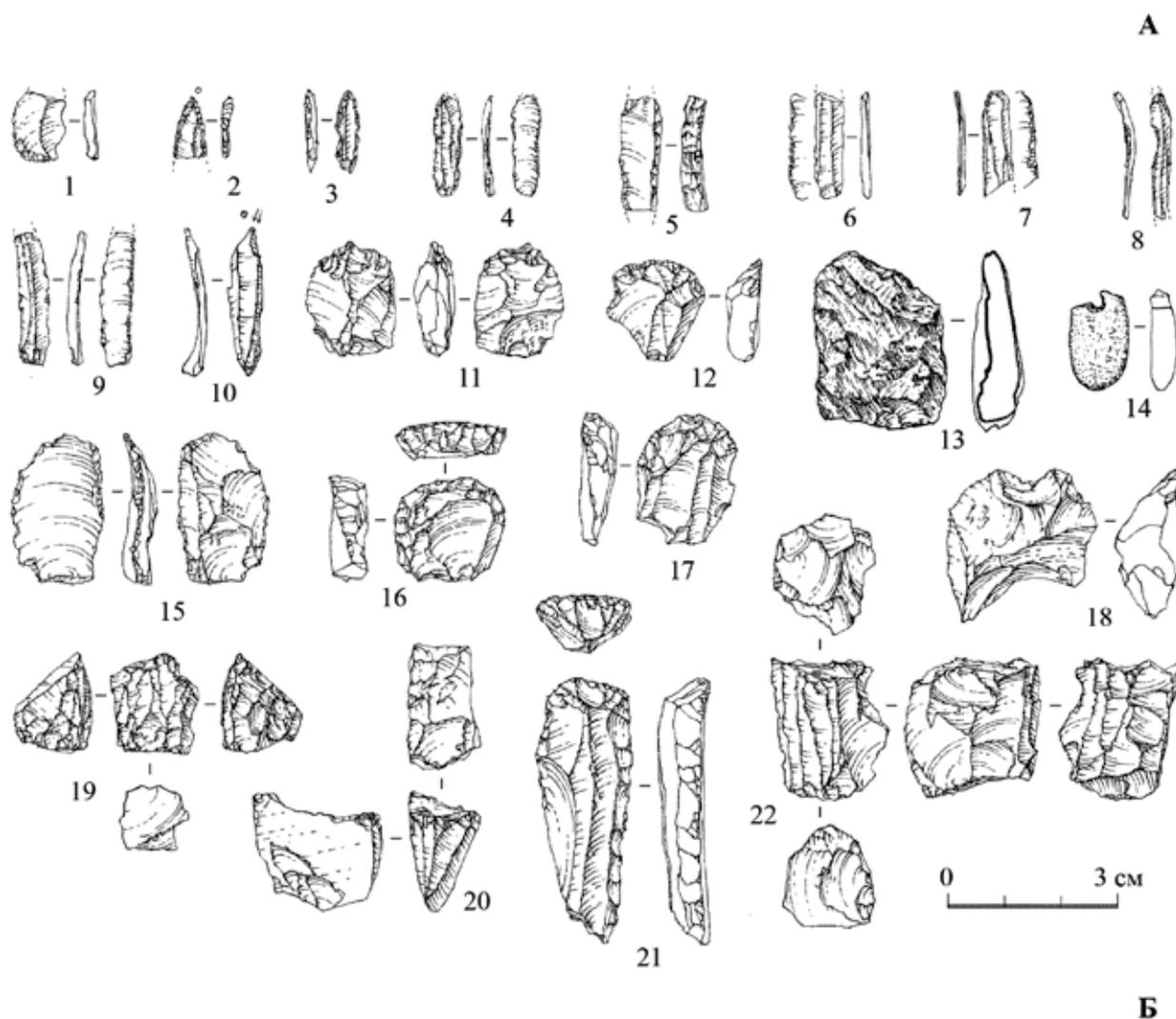

Рис. 1. А. Карта расположения памятников, упоминающихся в тексте.
 Б. Каменные артефакты памятника Обишир-5

Археологическая коллекция литологических слоев 2–5, полученная в процессе нового цикла раскопок, насчитывает более 2200 экз. В основе первичного расщепления комплексов слоев 2–3 лежало призматическое (рис. 1Б.-19, 22) и торцовое расщепление, направленное на получение пластинок и микропластин посредством отжимной техники. Наиболее многочисленной и представительной категорией орудийного набора являются микропластины с вентральной ретушью (рис. 1Б.-6, 7, 9), выемчатые изделия (рис. 1Б.-8) и концевые скребки (рис. 1Б.-16, 21), помимо этого, выделяются проколки и микродолотовидные орудия, единичными экземплярами представлены резцы (рис. 1Б.-10), долотовидные изделия (рис. 1Б.-11), острия (рис. 1Б.-2, 3), пластинки с притупленным краем (рис. 1Б.-5) и трапеции.

Предварительные результаты экспериментально-трасологического анализа наиболее представительной части орудийной коллекции – микропластин с вентральной ретушью, позволили интерпретировать эти изделия в качестве вкладышей составных орудий. При увеличении $\times 40$ – $\times 200$ на поверхностях оформленных вентральной ретушью краев орудий прослежены следы крепления в костяной рукояти. Яркая глянцевая заполировка от контакта с костью или рогом локализуется в виде отдельной узкой полосы или отдельных пятен, приуроченных к самому краю орудий или выступающим участкам микрорельефа (рис. 2.-1). На противоположных, неретушированных краях этих изделий прослежен хорошо выраженный комплекс следов от интенсивного резания мягких органических материалов. Тусклая заполировка с «жирным» блеском проникает в глубь фасеток сколов и неровностей микрорельефа. Заполировка плавно повторяет поверхность рабочих поверхностей изделий, проникая практически во все углубления микрорельефа и негативов сколов (рис. 2.-2). Границы зон с выраженными следами утилизационного износа и следами крепления выделяются отчетливо. Выявленный комплекс следов указывает на использование этих изделий в качестве вкладышей составных инструментов для работы по мясу.

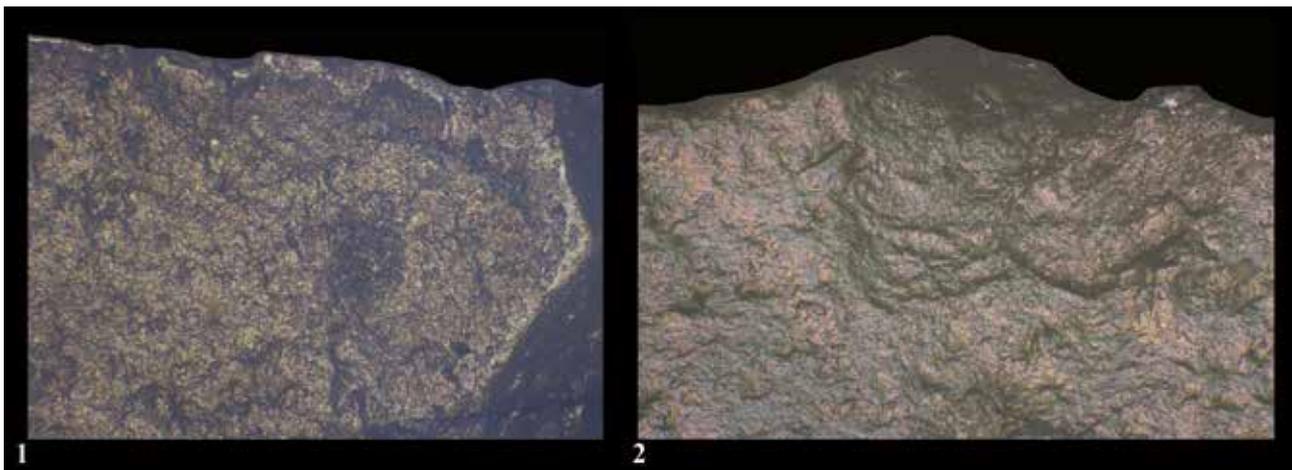

Рис. 2. Следы на микропластинах с вентральной ретушью. Стоянка Обишир-5, слой 2.

Встроенное, проходящее через оптическую систему микроскопа

Olympus ВНМ освещение, ДИК. Обработка в программе Helicon Focus:

1 – следы неутилитарного износа от крепления в костяной оправе. Увеличение $\times 200$;

2 – следы износа от работы по мягкому органическому материалу. Увеличение $\times 100$

Также в слое 2 были обнаружены подвеска, выполненная из талькита, и заготовка подвески из серпентинита (рис. 1Б.-13, 14). Для изготовления этих предметов использовалось локальное сырье, доставляемое с расстояния около 5 км. Заготовками подвесок служили мелкие гальки и сколы с более крупных отдельностей сырья. Процесс производства включал обработку поверхностей изделий абразивом и резцом, с дальнейшим биконическим сверлением и полировкой [Федорченко и др., 2017].

Согласно проведенному корреляционному анализу, материалы слоев 2–3 памятника Обишир-5 могут быть сопоставлены с рядом стратифицированных памятников финального плейстоцена – раннего голоцена Ферганской долины (Обишир-1), Центрального Тянь-Шаня (Аламышык, Айгыржал-2) и Памира (Ошхона, Истыкская пещера, гор. 1–2), которые датируются в пределах 13–7 тыс. л.н. [Абдыканова и др., 2015; Шнайдер, 2015; Шнайдер и др., 2016].

Согласно результатам технико-типологического анализа и данным экспериментов, в основе первичного расщепления комплекса литологических слоев 4 и 5 лежало получение пластинок с призматических и торцовых ядрищ (рис. 1Б.-20) посредством ударной техники. При этом отмечается значи-

тельная доля плоскостных нуклеусов, предназначенных для получения отщепов. В орудийном наборе отмечается преобладание пластинок и микропластин с ретушью (рис. 1Б.-4) и ретушью притупления, выемчатых орудий (рис. 1Б.-6, 18) и отщепов с ретушью (рис. 1Б.-15), также многочисленны скребки (рис. 1Б.-12, 17).

Материалы слоев 4–5 находят аналогии с материалами верхнепалеолитических памятников Тянь-Шаня (Додекатым-2, сл. 4–2, Курама, сл. 2–1) и Памиро-Алая (Ходжа-Гор), которые датируются в пределах 28–23 тыс. л.н. (калиброванные значения). Сходство между комплексами прослеживаются в применении технологий мелкопластинчатого расщепления, наличии в орудийных наборах пластинок и микропластин с дорсальной ретушью, ретушью притупления, микроскребков и микродолотовидных орудий [Колобова и др., 2011; Чаргынов, 2015; Алишери, 2017].

Проведенный атрибутивный анализ комплексов слоев 2–3 и 4–5 позволил существенно скорректировать принятый в научной литературе облик каменных индустрий стоянки Обишир-5 и их технологически значимые характеристики. На настоящем этапе исследований в связи с получением комплекса новых данных по ключевому объекту обиширской культуры поставлен вопрос о пересмотре ряда ее основных характеристик. В частности, предлагается нижние слои 4–5 стоянки Обишир-5 рассматривать отдельно от обиширской культуры и определять их хронологические рамки поздним палеолитом. На наш взгляд, к обиширской культуре следует относить, помимо материалов слоев 2–3 Обишира-5, еще ряд стратифицированных комплексов Центрального Тянь-Шаня и Памира (Аламышык, Айгыржал-2, Ошхона, Истыкская пещера, гор. 1–2), датирующихся в пределах 13–7 тыс. л.н., индустрия которых характеризуется применением мелкопластинчатого отжимного расщепления, распространением в орудийном наборе микропластин с вентральной ретушью.

Библиографический список

Абдыканова А.К., Табалдиев К.Т., Чаргынов Т.Т., Рашит-уулу Н., Алишер-кызы С. Результаты исследований памятника каменного века Аламышык в 2012–2013 гг. // Возвращение к истокам: сб. памяти выдающегося археолога В.А. Ранова. Новосибирск, 2015. С. 207–214.

Алишери Д. Техничко-типологическая характеристика мелкопластинчатых сколов стоянки Ходжа-Гор // Матер. 55-й междунар. науч. студ. конф. МНСК–2017. С. 7–8.

Исламов У.И. Обиширская культура. Ташкент, 1980. 147 с.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Деревянко А.П., Исламов У.И. Верхнепалеолитическая стоянка Додекатым-2 (Узбекистан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №4. С. 2–21.

Коробкова Г.Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. М., 1989. С. 149–174.

Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1988. 52 с.

Федорченко А.Ю., Шнайдер С.В., Абдыканова А., Романенко М.Е., Алишер-кызы С. Технология производства каменных украшений мезолитического комплекса стоянки Обишир-5, западная часть Центральной Азии (по материалам раскопок 2016 г.) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. №6. В печ.

Чаргынов Т.Т. Археологические раскопки стратифицированного памятника Курама в 2014 г. // Материалы международной научно-практической конференции «VII Оразбаевские чтения». Алматы, 2015. С. 83–87.

Шнайдер С.В. Туткаульская линия развития в мезолите западной части Центральной Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 26 с.

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Крайцарж М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Алишер-кызы С., Романенко М.Е. Результаты полевых исследований памятника Обишир-5 в 2016 г. (юг Кыргызстана) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII. С. 194–198.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НЕОЛИТЕ

© 2017, К.М. Андреев

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

РАННИЙ НЕОЛИТ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ (елшанская культура)

Работа выполнена в рамках государственного задания
Министерства образования и науки РФ (проект №33.1907.2017/ПЧ)

Согласно значительному массиву абсолютных датировок, полученных по различным материалам в широком круге радиоуглеродных лабораторий, лесостепное Поволжье является одним из наиболее ранних центров неолитизации в Восточной Европе. Ранний неолит лесостепного Поволжья по времени совпадает с началом атлантического периода, в это время происходит достаточно резкое изменение климатических условий в сторону потепления. В конце VII тыс. до н.э. прогрессирующая аридизация начала атлантического периода достигает своего пика в европейской части России, получают широкое распространение процессы опустынивания, затем аридизация постепенно ослабевает, происходит некоторое увлажнение и похолодание климата [Спиридонова, Лаврушин, 1997, с. 155–156; Андреев, 2014].

Ранний неолит лесостепного Поволжья связан с развитием елшанской археологической культуры, на сегодняшний день исследовано порядка 30 стоянок. Сохранность культурного слоя и условия залегания артефактов на них различны. Наиболее представительные материалы получены на стоянках Ивановка, Нижняя Орлянка-II, Чекалино-IV, Красный Городок, Вьюново Озеро-I, Ильинка и ряде других.

Ранненеолитические керамические комплексы типологически можно разделить на два варианта: западный и восточный. Условной границей между ними служит междуречье Суры и Мокши.

Керамика восточного варианта характеризуется относительной тонкостенностью, внешняя поверхность заглажена или залощена, фактура черепка плотная. Преобладают прямостенные сосуды, около четверти венчиков имеют профилировку. Срезы венчиков округлые или приостренные, реже уплощенные. Примерно в равном количестве выявлены приостренные и плоские днища, единично встречаются округлые. Сосуды имеют яйцевидную и баночную форму, единично представлены округлодонные чаши, в ряде регионов выявлены сосуды яйцевидной формы с выраженным ребром на тулове. Орнамент приурочен к верхней трети сосуда, в основном он наносился на шейку, реже – на срез венчика, иногда мотив, представленный на шейке, спускался до тулова. Весьма характерным для рассматриваемой посуды является полное отсутствие орнаментации, ограниченное количество керамики орнаментировано прочерченными линиями или наколами-тычками. Среди элементов орнамента наибольшее распространение имеют ряды ямок-жемчужин или заменяющие их сквозные отверстия. Обозначенные элементы образуют следующие мотивы орнамента: ямочно-жемчужный поясок на шейке сосудов, насечки/наколы по срезу венчика, косая решетка, горизонтальный зигзаг, висячие треугольники, двойной ряд прочерченных линий с точечным заполнением, горизонтальные и диагональные мотивы, образованные прочерченными линиями.

По технологии изготовления и формам посуда западного варианта близка восточному. Она тонкостенна, имеет плотную фактуру черепка, лощение или загладку на внешней поверхности. Типичными формами являются яйцевидные сосуды с острым дном закрытых и открытых пропорций, округлодонные чаши; полностью реконструированных сосудов баночной формы с плоским дном пока не выявлено. Венчики прямые, профилированные и вогнутые. Срезы венчиков округлые, приостренные и плоские. Орнамент на сосудах, как правило, приурочен к верхней трети и редко опускается ниже. Для керамики западной группы менее характерно использование такого распространенного в восточной группе памятников элемента орнамента, как ямки-жемчужины под срезом венчика. Однако широко представлены накольчатые элементы орнамента, не типичные для восточной группы. Наколы имеют следующую форму: треугольные, округлые, тычковые, спаренные и др. Из других элементов на данной керамике представлены прочерченные линии и насечки. Элементы орнамента образуют следующие мотивы: горизонтальные линии наколов, состоящие иногда из нескольких рядов; горизонтальные линии наколов

с отходящими от них диагональными линиями наколов; диагональные и вертикальные линии наколов; сочетание прочерченных линий и наколов; параллельные и одиночные прочерченные линии, горизонтальные и вертикальные; перекрещивающиеся под углом прочерченные линии; ромбическая сетка.

Керамика западной группы памятников имеет много общего с керамикой восточной, но также наблюдаются и существенные различия, главным образом в орнаментации сосудов, которые имеют, по всей видимости, культурно-хронологический характер. Обозначенное обстоятельство не позволяет рассматривать их в рамках одной культурной традиции и дает основания выделить западную группу памятников в отдельный вариант. На ее формирование определяющее влияние оказало население восточного варианта при участии инокультурных компонентов [Андреев, 2015а].

С точки зрения технологии изготовления раннеолитической посуды обоих вариантов, в качестве исходного пластического сырья выступала илистая глина, содержащая естественную примесь песка, бурого железняка, растительной и животной органики. Искусственный компонент, применявшийся при подготовке формовочных масс елшанской керамики, связан с органическими растворами и в незначительном количестве с шамотом. Изготовление сосудов производилось лоскутным налепом, применялись как формы-емкости, так и формы-основы. Обжиг сосудов производился при низких температурах и проходил в восстановительной среде. В западных районах получает большее распространение традиция введения шамота или шамота обожженной глины в формовочные массы и отмечаются признаки утраты какой-то части технических знаний о термической обработке сосудов, что находит отражение в меньшей механической прочности фрагментов [Васильева, 2006; 2011; Vybornov, Vasilyeva, 2013].

Характеристика кремневой индустрии раннеолитического населения может быть обозначена лишь в общих чертах, до значительного расширения источниковой базы предложенные выводы будут оставаться относительно условными. Раннеолитическим населением использовался кремнь различных сортов. На всех памятниках среди орудий и продуктов расщепления представлены как отщепы, так и пластины, при этом первые доминируют. Обработанные и необработанные пластины представлены примерно в равных пропорциях. Процент утилизации сильно варьирует, что связано с различной хозяйственной спецификой памятников. Среди нуклеусов наиболее распространенными являются аморфные и торцевые, также представлены фронтальные и пирамидальные типы, в меньшем количестве обнаружены уплощенные и конические. Скрепки демонстрируют значительное типологическое разнообразие: концевые скрепки на укороченных и удлиненных отщепах, скошенные, угловые, нуклеидные, с ретушью на 3/4 периметра и боковые. Скобели являются довольно редкой категорией находок и представлены невыразительными экземплярами на отщепах, реже на пластинчатых заготовках. Одной из наиболее представительных категорий являются рубящие орудия, преобладают топоры, изготовленные в технике двусторонней обивки, значительно уступают им в количественном плане долота и тесла. Перфораторы представлены в ограниченном количестве срединными формами на отщепах, пластинах и продольных сколах. Наконечники являются изделиями листовидной формы с частичным ретушированием боковых граней, пера и насада, также к раннему неолиту могут относиться черешковые наконечники, имеющие аналогичную обработку. Среди ножей на раннеолитических памятниках преобладают и представлены примерно в равном количестве прямолезвийные и саблевидные формы, менее распространены овальные ножи. Наконец, резцы демонстрируют значительную типологическую вариативность, среди наиболее устойчивых форм можно отметить многофасеточные и угловые изделия [Андреев, 2015б].

Большинство неолитических памятников лесостепного Поволжья являются многослойными и площадь распространения раннеолитического культурного слоя на них не определена. В связи с обозначенным обстоятельством данный критерий не поддается культурно-хронологической детерминации. Жилищ, которые с высокой долей вероятности могут быть отнесены к раннему неолиту, выявлено ограниченное количество. Они незначительно углублены в материк и, вероятно, являлись наземными каркасными конструкциями площадью 20–35 м². На сегодняшний день выявлено всего два погребения, которые относятся исследователями к раннему неолиту, при этом раннеолитическая культурно-хронологическая атрибуция погребения стоянки Лебяжинка-IV нуждается в дополнительной аргументации. В связи с этим вопрос о погребальной практике раннеолитического населения на сегодняшний день остается открытым, так как ее характеристика на основании лишь одного захоронения стоянки Чекалино-IV невозможна.

Для раннеолитического населения лесостепного Поволжья характерна модель комплексного присваивающего хозяйства. Эксплуатация различных экологических ниш, вероятно, происходила в сезонном ритме. С одной стороны, это обстоятельство предполагает наличие у населения сезонного

планирования хозяйственной деятельности, с другой – в значительной мере объясняет существование особой поселенческой модели, не предусматривающей долговременного проживания на одном месте [Мамонов, 2000, с. 159].

С точки зрения хронологии ранненеолитических комплексов лесостепного Поволжья, на сегодняшний день можно констатировать необходимость отказа от датировок, полученных по раковинам моллюсков, уходящих далеко в VIII тыс. до н.э. Столь древние значения могут быть связаны с воздействием «резервуарного эффекта» на датированные образцы или их случайным проникновением в неолитический слой памятников из подстилающих отложений. Наиболее приемлемой выглядит гипотеза образования елшанской культуры в начале VII тыс. до н.э. Она находит подтверждение в значительной серии радиоуглеродных определений ряда памятников, полученных в нескольких лабораториях по различным материалам. Количество определений, относящихся ко 2-й половине VII тыс. до н.э., крайне мало, что, скорее всего, связано с ограниченностью источниковой базы по раннему неолиту региона. С концом VII тыс. до н.э. может быть связано начало освоения елшанским населением западных регионов – формирование западного варианта елшанской культуры. Елшанская культура существует в лесостепном Поволжье как минимум до середины, а возможно, и до 3-й четверти VI тыс. до н.э. [Выборнов, 2008; Vybornov, 2011; Андреев и др., 2012; Vybornov et al., 2013].

Наиболее аргументированной является гипотеза о юго-восточной ориентации связей раннего неолита лесостепного Поволжья. Можно констатировать высокую степень сходства керамики Средней Азии и посуды елшанской культуры. Для обоих регионов характерны тонкостенность, плотный черепок, залощенность или заглаженность поверхностей. Сосуды имеют вертикально-вытянутые пропорции со слегка раздутым туловом и плавно отогнутым наружу верхним краем. Для посуды характерны профилированность венчиков, их округлый и утоньшенный срез, остродонность или округлодонность. Типичной чертой является отсутствие орнамента, а если он и присутствует, то приурочен к верхней части сосуда и представляет собой прочерченные линии [Szymczak, Khudzhazarov, 2006; Виноградов, Мамедов, 1975; Виноградов, 1981]. Однако кремневые индустрии рассматриваемых областей имеют значительные различия. Это может быть связано с освоением лесостепного Поволжья пришлыми группами населения, не знакомыми с качественными выходами кремневого сырья. В то же время ряд мезолитических комплексов среднеазиатского междуречья обнаруживает значительную близость с материалами елшанской культуры [Холматов, 2000]. Взаимодействию обитателей лесостепного Поволжья и среднеазиатского междуречья способствовала близость природно-климатической обстановки, установившейся в регионах в начале атлантического периода.

На заключительном этапе развития елшанская культура вступает во взаимодействие с носителями накольчато-прочерченной керамической традиции Нижней Волги [Васильев, Выборнов, 1988, с. 26–36]. Они мигрируют на территорию Самарского Поволжья в связи с усиливающейся аридизацией второй половины VII тыс. до н.э. В результате контактов с пришлым населением в елшанском керамическом производстве получают распространение такие черты, как плоскодонность, примесь ракушки в керамическом тесте, использование илов в качестве формовочных масс и накольчатая система орнаментации. В кремневой индустрии увеличиваются пластинчатость комплексов и количество орудий, изготовленных на пластинах.

Елшанская культура оказала значительное влияние на неолитизацию регионов, расположенных к западу, северо-западу и северу от лесостепного Поволжья.

На наш взгляд, продвинувшиеся в северо-западном направлении от лесостепного Поволжья отдельные группы елшанского населения в конце VII тыс. до н.э. достигли волго-окского междуречья и оказали определенное влияние на формирование первого этапа верхневолжской культуры. Для керамики обоих регионов характерна тонкостенная, с заглаженной или залощенной поверхностью посуда, с прямыми или вогнутыми во внутрь венчиками, под срезом которых иногда нанесены сквозные отверстия, днища приостренные или плоские. Орнамент либо отсутствует, либо представлен разряженными наколами-тычками разнообразной формы, образующими простые линейные мотивы, что сближает его с орнаментом комплексов западного варианта елшанской культуры [Крайнов, 1996, с. 169].

По всей видимости, формирование ранних этапов карамышевской культуры (начало VI тыс. до н.э.) связано с влиянием западного варианта елшанской культуры. Для обеих культурных традиций характерны неорнаментированная посуда либо керамика, украшенная наколами различной формы и горизонтальными рядами ямок-жемчужин по шейке сосуда. В меньшем количестве представлены черепки с прочерченной орнаментацией. Венчики сосудов прямые, прикрытые или профилированные.

Днища плоские и приостренные. Поверхность черепков тщательно заглаживалась, вплоть до лощения [Смолянинов, Сурков, 2014].

На поздней стадии своего развития ранний неолит лесостепного Поволжья оказал значительное влияние на неолитизацию лесного Среднего Поволжья. Для обоих регионов характерна слабоорнаментированная плоскодонная посуда с заглаженной или залощенной поверхностью, баночной формы с прямыми, вогнутыми или профилированными венчиками, с рядами ямок-жемчужин или сквозными отверстиями на них. Накольчатый орнамент, образующий простые линейные композиции, находит также ряд аналогий в материалах западного варианта елшанской культуры [Никитин, 2011, с. 134–135].

Возможность участия ранненеолитических обитателей лесостепного Поволжья в сложении культур других регионов нуждается в дополнительном фактическом подтверждении. В то же время с культурами Южного и Среднего Зауралья елшанские материалы проявляют малое количество общих черт, которые связаны со стадиальными факторами развития неолитических культур и свидетельствуют о разных источниках формирования их традиций. Посуда обозначенных регионов различается как по технологии изготовления, так и по орнаментации, малое количество аналогий в елшанских комплексах находит и кремневая индустрия зауральских культур [Мосин, 2005, с. 22–30; Ковалева, Зырянова, 2008].

Библиографический список

Андреев К.М. Палеоклиматический фон развития культур мезолита – раннего неолита в лесостепном Поволжье // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. СПб., 2014. С. 25–27.

Андреев К.М. О двух вариантах елшанской культуры // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб., 2015а. С. 29–33.

Андреев К.М. Характеристика ранненеолитической кремневой индустрии елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. Самара, 2015б. Т. 17, №3. С. 198–211.

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия СНЦ РАН. Самара, 2012. Т. 14, №3. С. 193–199.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Куйбышев, 1988. 112 с.

Васильева И.Н. О происхождении гончарства // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 243–245.

Васильева И.Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011. №2 (48). С. 70–81.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М., 1981. 173 с.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975. 287 с.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008. 490 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25. С. 73–113.

Крайнов Д.А. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 166–172.

Мамонов А.Е. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000. С. 147–176.

Мосин В.С. Мезолит – энеолит Южного Зауралья: автореф. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2005. 55 с.

Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2011. 470 с.

Смолянинов Р.В., Сурков А.В. Ранний неолит Верхнего Дона // Самарский научный вестник. Самара, 2014. №3 (8). С. 161–171.

Спиридонова Е.А., Лаврушин Ю.А. Корреляция геолого-палеоэкологических событий голоцена арктической, бореальной и аридной зон Восточной Европы // Четвертичная геология и палеогеография России. М., 1997. С. 150–170.

Холматов Н.У. Мезолит низовьев Зарафшана // История материальной культуры Узбекистана. Самарканд, 2000. Вып. 31. С. 25–34.

Vybornov A. Time and palaeoenvironment in the Neolithisation of the Povolzhye forest – steppe // Documenta Praehistorica XXXVIII. Ljubljana, 2011. P. 267–274.

Vybornov A., Kulkova M., Goslar T., Possnert G. The problem of the neolithisation process chronology in Povolzhye // Documenta Praehistorica XL. Ljubljana, 2013. P. 13–20.

Vybornov A., Vasilyeva I. Interdisciplinary research of the Neolithic Volga-Kama pottery // Documenta Praehistorica XL. Ljubljana, 2013. P. 165–173.

Szymczak K., Khudzhazarov M. Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums. Ayakagitma “The site” and other collections. Warsaw, 2006. 252 p.

© 2017, В.В. Бобров

*Кемеровский государственный университет,
Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемерово;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА ЭПОХИ КАМНЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект №33.2598.2017/ПЧ)

Реалии познания новокаменного века Южной Сибири таковы, что неоднократно приходится обращаться к историографии данной проблематики [Бобров, 2015; 2016; Марочкин, 2013; Шмидт, 2006]. Наиболее злободневной она является для лесостепного Приобья и близлежащих сопредельных территорий, в частности, северо-западных районов Алтая, Кулундинской степи и Кузнецко-Салаирской горной области. К сожалению, объем работы позволяет дать развитие идей о культурной принадлежности археологических комплексов в виде модели. Сравнительно недавно – в 70–80-е гг. прошлого столетия неолит Приобья был представлен двумя культурами: верхнеобской [Матющенко, 1969; 1973] и кузнецко-алтайской [Окладников, Молодин, 1978]. Но в те же годы позиция немногочисленных оппонентов формировала тенденцию на опровержение объективности выделения и существования названных культур.

Первоначально М.Ф. Косарев [1974; 1996], последователь идей В.Н. Чернецова, развивая его концепцию, подверг сомнению неолитическую принадлежность Самусьского могильника и погребений на Старом мусульманском кладбище, а затем ряд поселений верхнеобской неолитической культуры (по В.И. Матющенко) отнес к новокузнецкому этапу. Он, как и В.Н. Чернецов, считал, что плоскодонная керамическая посуда не характерна для новокаменного века Западной Сибири. Она является «визитной карточкой» такого историко-культурного периода, как ранняя бронза. Абразивы, найденные в погребальных памятниках, М.Ф. Косарев [1964; 1974, с. 43–70] считал предназначенными для заточки металлических изделий, при этом не приводя каких-либо доказательств.

Идентичную позицию в отношении хронологической принадлежности Самусьского могильника и могильника на Старом мусульманском кладбище занимает Ю.Ф. Кирюшин. Одним из главных аргументов принадлежности кладбища к ранней бронзе, по Ю.Ф. Кирюшину [1988, с. 59–63], явились абсолютные даты, которые совпадают с ранними датами афанасьевской культуры Горного Алтая. В целом его концепция удревнения нижней хронологической границы эпохи палеометалла восходит к датировке естественнонаучными методами афанасьевской культуры Горного Алтая, к выделению им большемысской культуры и выявлению взаимодействия между населением этих культур. Соответственно результаты этих исследований легли в основу его концепции о культурно-исторических процессах в лесостепном и лесном Приобье. Об этом мне приходилось уже писать [Бобров, 2015]. Повторю только то, что суть концепции сводится к следующей схеме. В пределах данного географического ареала существовала верхнеобская неолитическая культура, которую на юге сменила большемысская, а на севере – новокузнецкая с двумя этапами: собственно новокузнецким и игрековским, между этими культурами в Новосибирском Приобье обитало население, оставившее памятники ирбинского типа [Кирюшин, 1988, с. 59–61; и др.]. Но возникает вопрос: а что остается неолитического на территории лесостепного Алтая при отрицании существования кузнецко-алтайской культуры, а на севере верхнеобской, если из нее выведен ряд памятников, включая Старое мусульманское кладбище? Исключение в этой схеме – незначительное количество «новосибирских» памятников, исследованных В.И. Молодиным [1977] и В.А. Захом [2003]. В связи с этим обращу внимание на достаточно аргументированное обоснование принадлежности Иткульского могильника к кузнецко-алтайской культуре, представленное В.И. Молодиным [1999, с. 36–57]. Наконец, следует напомнить радиоуглеродные даты могильников Солонцы-5,

Лебеди-2, Иткуль, Усть-Иша, Кузнецк [Кунгурова, 2005, с. 57]. Большая часть их совпадает с датами погребений могильника Старого мусульманского кладбища. Они соответствуют IV тыс. до н.э. Как это объяснить? С точки зрения Ю.Ф. Кирюшина [1991, с. 44]: «Получилась парадоксальная ситуация: племена, живущие рядом, вступающие между собой в различные контакты, в том числе и брачные, относились к различным историческим периодам». Нет ничего удивительного в существовании контактов народов с разным уровнем социально-экономического развития. На периферии ранних государств существовали общества первобытнообщинной формации. Это яркий пример неравномерности исторического развития. Что же касается археологической периодизации, то в ее основе материал для производства орудий, а не история.

Точка зрения В.А. Заха [2003] о культурной и хронологической принадлежности Самусьского могильника и могильника на Старом мусульманском кладбище абсолютно идентична взглядам М.Ф. Косарева. Их принадлежность к эпохе раннего металла у него не вызывает сомнения, и, более того, Самусьский могильник он связывает с ирбинским этапом. Это заключение требует комментария. Представление об ирбинском этапе, выделенном М.Н. Комаровой почти в середине 50-х гг. прошлого столетия, претерпело лишь некоторое дополнение. В настоящее время возникла необходимость провести ревизию источников этого этапа и сформировать его характеристику, соответствующую современному уровню знаний об эпохе бронзы верхнеобского бассейна. Таким образом, почти не аргументированная принадлежность ирбинскому этапу Самусьского могильника к тому же противоречит теоретическим принципам археологической науки.

Если следовать концепции таких авторитетных специалистов, как М.Ф. Косарев и Ю.Ф. Кирюшин, то от верхнеобской неолитической культуры остается только завьяловский этап (неясно только – чего этап?), характеризующий комплексы Новосибирского Приобья [Молодин, 1977].

Более решительно была опровергнута кузнецко-алтайская культура. В 1986 г. Ю.Ф. Кирюшин выделил большемысскую культуру и отнес ее к энеолиту. Характеристика культуры основана на керамических комплексах поселений, однотипных морфологически и практически идентичных по орнаментации. Но к ней исследователь отнес и могильник, расположенный на берегу оз. Иткуль [Кирюшин, 2002], который входил в реестр памятников кузнецко-алтайской культуры. Следует иметь в виду, что эта культура была представлена исключительно материалами погребальных комплексов. Хронологическая принадлежность первоначально включенных в нее Турочакской писаницы и ранних изображений Томской писаницы позже была пересмотрена [Молодин, 1993; Ковтун, 1993]. Таким образом, позиция Ю.Ф. Кирюшина в отношении кузнецко-алтайской культуры достаточно ясна. Она подтверждена и другими его публикациями, в том числе в соавторстве с А.В. Шмидтом.

Более сложный процесс историко-культурного развития в IV тыс. до н.э. был, по мнению Н.Ю. Кунгуровой, в ареале кузнецко-алтайской культуры. Она поставила под сомнение принадлежность к большемысской культуре ряд погребений, по Ю.Ф. Кирюшину и А.В. Шмидту, в частности в Нижнетыткескенской пещере и на Большом Мысу (могильник Иткуль), на основании абсолютных дат, анализа материалов и данных погребального обряда и практики. Усматривая отличие могильника на Большом Мысу (автор солидарен с этим заключением) от погребений кузнецко-алтайской культуры, исследователь предполагает, что данные памятники принадлежали разным группам населения, которые могли составлять этническую общность [Кунгурова, 2005, с. 55].

Своеобразна научная концепция В.А. Заха [2003, с. 9], который объединяет все памятники Томского и Новосибирского Приобья, включая погребальные, в верхнеобскую неолитическую культуру, но указывает при этом, что ареал ее на юге ограничен северными предгорьями Алтая. По его логике, в культуру должны входить и алтайские неолитические могильники. Всё же он допускает возможности относить к кузнецко-алтайской культуре только могильник Усть-Иша. Достаточно очевидна позиция автора, согласно которой в лесостепном Приобье существовала одна культура с двумя этапами: изылинским и кипринским. Однако из публикаций автора совершенно не ясна аргументация принадлежности верхнеобской неолитической культуре таких могильников, как Кузнецкий, Васьковский, Иткульский, Лебеди-2, некоторых погребений могильника Крутиха-5. Более того, В.А. Зах не подвергает критике доказательства инокультурности основных погребальных памятников, представленных М.В. Аниковичем, независимость взглядов которого демонстрирует его публикация 1969 г., особенно на фоне знаний о неолите Западной Сибири в тот период времени, да и в последующие десятилетия. В.И. Молодин [1975; 1977] на новых материалах не только подтверждает, но и существенно дополняет аргументацию о том, что названные могильники не принадлежали верхнеобской неолитической культуре. В со-

вместной с А.П. Окладниковым [1978] статье он предлагает рассматривать их в рамках самостоятельной археологической культуры – кузнецко-алтайской. Отметим, что В.И. Матющенко также считал, что названные выше могильники не связаны с верхнеобской культурой. Но, к сожалению, материалы их были включены в ее характеристику и историческую интерпретацию. Именно отсутствие критики процедуры научного исследования предшествующих авторов и аргументации принадлежности погребальных памятников верхнеобской неолитической культуре придают точке зрения В.А. Заха характер гипотетической версии.

Наконец, оригинальное видение неолитической эпохи в лесостепи Приобья изложил А.В. Шмидт [2005], который предложил отказаться от понятия «верхнеобская неолитическая культура» и рассматривать неолитические памятники в рамках общности, группируя их в локальные варианты. В развитии неолита на территории Приобского плато он видит ранние комплексы, в виде рубцовской культуры, и поздние.

Таким образом, историографический очерк изучения неолита в бассейне Верхней Оби позволяет констатировать, что на современном уровне археологических знаний об этом историко-хронологическом периоде представлены три концепции. Суть первой заключается в существовании на территории региона одной неолитической культуры (В.А. Зах, Ю.Ф. Кирюшин). Вторая концепция сводится к сосуществованию в лесостепном Приобье двух культур, имеющих разное происхождение (М.В. Аникович – инокультурные памятники, В.И. Матющенко, В.И. Молодин, В.В. Бобров, А.Г. Марочкин). Наконец, третья точка зрения о локальных вариантах и неолитической общности принадлежит творчеству А.В. Шмидта.

Историография дает четкое представление о том, что на познание неолита верхнеобского региона существенное влияние оказала полемика о хронологической и культурной принадлежности Самусьского могильника и могильника на Старом мусульманском кладбище. А.Г. Марочкин, рассматривая истоки формирования представлений о неолите на данной территории, правильно отмечает, что в основе интерпретации комплексов М.Ф. Косаревым и В.И. Матющенко [2013, с. 99; 2014] лежат разные методологические подходы. Первый подходил к процессам исторического развития с глобальной позиции в рамках ландшафтных зон. В работах 60–70-х гг. прошлого столетия это проявилось в линейной тенденции развития культур от неолита к бронзе и эпохи бронзы. Принятые им археологические критерии были обозначены в этой работе выше. Но они несостоятельны на современном уровне знаний о неолите Западной Сибири. Плоскодонная посуда неолитического времени представлена на широком географическом пространстве севера Восточной Европы и Западно-Сибирской равнины; с неолитических поселений происходят многочисленные абразивы, идентичные по форме и следам износа абразивам, найденным в верхнеобских могильниках. Наконец, исследователи Южной Сибири неоднократно отмечают ландшафтное разнообразие в условиях горной экосистемы и на близлежащих к ним территориях. Это позволяет допускать неравномерность исторического развития, а тем более в пределах Горного Алтая и Верхнеобской лесостепи. Это к вопросу о синхронности афанасьевской культуры и неолитических комплексов региона, в том числе могильника на Старом мусульманском кладбище. Полученные абсолютные даты афанасьевской культуры Горного Алтая с использованием современных методов и на новейшей приборной базе демонстрируют время ее существования в пределах III тыс. до н.э. [Святко, Степанова, Поляков, 2017]. Это моложе, чем названные томские могильники.

Позиция В.И. Матющенко достаточно ясная. Импонирует его подход к определению одновременности объектов в составе памятника (планиграфия, типолого-морфологическое сопоставление), а затем использование метода аналогий на широком археологическом поле, включая значительно удаленные комплексы [1960]. Для определения принадлежности к эпохе на первом месте для него был материал, из которого изготовлены орудия труда. А от них шла реконструкция социально-экономического уровня развития общества.

В заключение позволю себе отметить следующее. Современное состояние знаний о неолите Верхнеобского региона дает возможность обозначить первоочередные задачи: 1) ревизия всего фонда известных комплексов, их коллегиальная критика и формирование качественно новых источников; 2) теоретическое обоснование принципов соотношения погребальных и поселенческих комплексов (по этой проблеме автор готовит публикацию); 3) методическое обеспечение и мультидисциплинарные исследования, которые позволят расширить информационное поле археологических источников; 4) подготовка специализированных кадров. Решение этих и других задач возможно на консолидированной основе всех заинтересованных специалистов в изучении неолита как Южной Сибири, так и соседних регионов.

Библиографический список

- Аникович М.В. О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск, 1969. С. 62–64.
- Бобров В.В. Каменные орудия разрушенных погребений из северных предгорий Кузнецкого Алатау // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 148–154.
- Бобров В.В. Современное состояние знаний о новокаменном веке контактной зоны Северной и Центральной Азии (Южная Сибирь) // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии. Кемерово, 2016. С. 13–18.
- Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень, 2003. 168 с.
- Кирюшин Ю.Ф. Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 59–63.
- Кирюшин Ю.Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 43–47.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004. 295 с.
- Ковтун И.В. Петроглифы висящего камня и хронология Томских писаниц. Кемерово, 1993. 140 с.
- Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Бронзовый век лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987. С. 252–267.
- Косарев М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 253–269.
- Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул, 2005. 128 с.
- Марочкин А.Г. Неолит и ранний металл Верхнего Приобья: истоки научного осмысления // Вестник ТГПУ. 2013. №7 (135). С. 96–100.
- Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в период неолита и энеолита: автореф. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 33 с.
- Матющенко В.И. Вопросы датировки томских неолитических памятников // Ученые записки Томского гос. ун-та. Томск, 1960. №35. 1960. С. 200–214.
- Матющенко В.И. О сложении верхнеобской неолитической культуры // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск, 1969. С. 60–61.
- Матющенко В.И. Древняя история лесного и лесостепного Приобья. Ч. 1: Верхнеобская неолитическая культура // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 9. 182 с.
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья: автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1975. 25 с.
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 174 с.
- Молодин В.И. Еще раз о датировке Турочакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 4–25.
- Молодин В.И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных компонентов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита–энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999. С. 36–57.
- Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 11–21.
- Святко С.В., Степанова Н.Ф., Поляков А.В. Новые данные по радиоуглеродной хронологии памятников афанасьевской культуры Алтая // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. / отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Электрон. текст. дан. (36, 739 Мб). Барнаул, 2017.
- Шмидт А.В. Неолит Приобского плато: автореф. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005.
- Шмидт А.В. Историография неолита лесостепной и предгорной зоны Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. Вып. 3–4. С. 32–45.

© 2017, О.И. Горюнова, А.Г. Новиков

*Иркутский государственный университет, Иркутск;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск*

КЕРАМИКА РАННЕГО НЕОЛИТА ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ ПОБЕРЕЖЬЯ ОЗЕРА БАЙКАЛ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-18-10169 «Историко-культурная динамика в период неолита на юге Средней Сибири (по материалам керамических комплексов)»)

Археологические памятники побережья Байкала изучаются более двух столетий. За этот период выявлено 93 пункта (без учета погребений), содержащих неолитическую керамику. Преимущественно они представлены местонахождениями, выявленными по небольшим разведочным работам, результаты которых в настоящее время не позволяют определить их реальный возраст в рамках неолита.

К раннему неолиту в настоящее время относится 16 пунктов, преимущественно представленных сборами подъемных материалов и стоянками с компрессионными слоями. Стратифицированные (а тем более многослойные) объекты единичны; все они расположены вдоль западного побережья Байкала. Культурные комплексы раннего неолита привязаны к гумусированным, субэдральным отложениям склонов и конусов выносов (делювиальные, пролювиальные, эоловые, смешанные). В стратиграфическом разрезе они фиксируются в нижних слоях оптимальной пачки середины голоцена и приурочены к гумусированным горизонтам, в ряде случаев разделенных светлыми прослоями.

По степени изученности и информативности материалов выделяются девять стратифицированных стоянок: Шракшура-III, Улан-Хада, Итырхей, Тышкинэ-II, Характа-I, Саган-Заба-II, Бугульдейка-I и Бугульдейка-II, Падь Долгая-II, являющихся опорными при изучении комплексов раннего неолита не только побережья Байкала, но и всего юга Средней Сибири [Горюнова, 1984; Коршунов, 2005; Бочарова, Коршунов, 2010; Новиков, Горюнова, 2011; Горюнова, Новиков, Вебер, 2011; Горюнова, Новиков, 2015; Горюнова и др., 2016; Лозей, Номоконова, Савельев, 2014; Тимошенко, Бочарова, 2016]. Большинство из этих местонахождений представляют собой многослойные объекты, содержащие по несколько слоев, отнесенных к раннему неолиту. В результате междисциплинарных исследований, проведенных в последние десятилетия, получен большой массив информативных материалов, включая серию радиоуглеродных AMS-определений [Горюнова и др., 2014; Лозей, Номоконова, Савельев, 2014; Горюнова и др., 2016; Тимошенко, Бочарова, 2016]. Новые данные позволили переосмыслить и детализировать датировку ранее выделенных культурных рубежей, построенных на единичных датах, и расширить наши представления о культурных процессах, протекавших в этом регионе.

Цель предлагаемой статьи – обобщить и охарактеризовать керамические комплексы раннего неолита побережья Байкала и определить их хронологические рубежи. При определении возраста выделенных комплексов за основу брались AMS-даты, полученные по костям копытных животных (см. табл.).

В настоящее время на основе стратиграфических данных, типологии материалов и радиоуглеродных определений в раннем неолите побережья Байкала выделено два хронологических периода.

Наиболее ранний керамический комплекс представлен материалами VI-х слоев поселения Саган-Заба-II, IX слоя Тышкинэ-II, слоя IV-4 Бугульдейки-II, VIII слоя Бугульдейки-I и VI слоя Итырхея. Основным критерием выделения раннего неолита является появление керамических сосудов. Все они сложной или простой закрытой формы, с круглым или приостренным дном. По технико-морфологическим признакам выделено две традиции изготовления посуды: сетчатая и шнуровая хайтинского типа.

Сетчатая керамика (с оттисками сетки-плетенки) фиксируется на всех объектах раннего неолита побережья озера Байкал. К стратифицированным стоянкам, содержащим только подобную керамику, относятся слой IV-4 Бугульдейки-II и VI слой Итырхея. Внешняя поверхность всех сосудов и срез венчика – с оттисками сетки-плетенки. В большинстве случаев негативы ровные, четкие, рельефные. Размер ячеек сетки преимущественно 4 мм; встречаются сосуды с негативами мелкоячеистой сетки (1,5–3 мм). На внутренней поверхности большинства посуды отмечены сетчатые отпечатки, что указывает на использование при их изготовлении форм-основ, в качестве которых могли выступать другие сетчатые сосуды [Горюнова, Соколова, Новиков, 2017]. При конструировании изделия использовалась техника лоскутного налета. Как правило, сосуды без орнамента. В единичных случаях вдоль венчика отмечен поясик ямочек.

Керамические комплексы поселений раннего неолита побережья озера Байкал

Объекты	Керамика	Ранний период 7,3–6,7 тыс. л.н. (8,2–7,5 тыс. кал. л.н.)	Поздний период 6,4–6,2 тыс. л.н. (7,4–7,0 тыс. кал. л.н.)
Однокомпонентные	Сетчатая	Бугульдейка II, сл. IV-4 7214±36 (ОхА-24000) л.н. 7144±39 (ОхА-24001) л.н. Итырхей, сл. VI 6715±36 (ОхА-34917) л.н.	Характа I, сл. II 6385±20 (UCIAMS-183009) л.н. 6335±15 (UCIAMS-183010) л.н. Бугульдейка II, сл. IV-3 6220±34 (ОхА-23998) л.н. 6200±32 (ОхА-23953) л.н. Итырхей, сл. V Улан-Хада, сл. X
	Хайтинская + сетчатая	Саган-Заба II, сл. VI 7203±37 (ОхА-229357) л.н. 7188±36 (ОхА-22390) л.н. 7179±36 (ОхА-22356) л.н. 7147±38 (ОхА-22374) л.н. Бугульдейка I, сл. VIII 6870±20 (UCIAMS-183007) л.н. Тышкинэ II, сл. IX	
Многокомпонентные	Сетчатая + хайтинская		Саган-Заба II, сл. V нижний Шракшура III, сл. II 6405±25 (UCIAMS-186312) л.н. Тышкинэ II, сл. VIII Бугульдейка I, сл. VII

Радиоуглеродные AMS-даты (см. табл.) по слою IV-4 Бугульдейки-II – в пределах 7214–7144 л.н. (8160–7870 кал. л.н.), а по VI слою Итырхей – 6715±36 (ОхА-34917) л.н. (7660–7510 кал. л.н.).

Выделяются стоянки с многокомпонентными керамическими комплексами, сочетающими сетчатую посуду с сосудами хайтинского типа (VI-е слои Саган-Заба-II, IX слой Тышкинэ-II, VIII слой Бугульдейки-I). На ранних этапах отмечено преобладание шнуровой керамики хайтинского типа по отношению к сетчатой. Оттиски шнура, как правило, тонкие (менее или 1 мм); встречаются более толстые негативы. Их расположение преимущественно параллельно друг другу; наложение негативов отмечено достаточно редко. На внутренней поверхности сосудов зафиксированы отпечатки какой-то основы. Судя по характеру спаев, вся посуда изготовлена лоскутным налепом. Конструирование проводилось на форме-основе, с последующим выколачиванием стенок изделия [Горюнова, Соколова, Новиков, 2017].

Орнамент, как правило, покрывает верхнюю часть тулова сосуда; в ряде случаев он наносился по срезу венчика. Доминируют простые композиции, состоящие из одного мотива: наклонные, горизонтальные линии и горизонтальная «елочка». Встречается сложная композиция, сочетающая несколько мотивов. Узор выполнен прочерченными линиями или оттисками узкой лопаточки в технике накалывания или отступания. От последнего ряда часто спускаются короткие наклонные линии, расположенные группами. По срезу венчиков нанесены насечки или штамповые вдавления. В единичных случаях встречаются сосуды, украшенные только пояском отверстий.

Посуда с оттисками сетки-плетенки полностью аналогична керамике с однокомпонентных объектов побережья Байкала, рассмотренных выше. На одном сетчатом сосуде орнамент представлен горизонтальной линией, выполненной наклонными оттисками зубчатого штампа.

Радиоуглеродные AMS-даты (см. табл.) по VI-м слоям Саган-Заба-II – в пределах 7203–7147 л.н. (8160–7880 кал. л.н.), а по VIII слою Бугульдейки-I – 6870±20 (UCIAMS-183007) л.н. (7750–7660 кал. л.н.).

Вторая хронологическая группа раннего неолита представлена комплексами V нижнего слоя Саган-Забы-II, VIII слоя Тышкинэ-II, слоя IV-3 Бугульдейки-II, X слоя Улан-Хады, V слоя Итырхей, IV–III слоев Пади Долгой-II, II слоя Характы-I, VII слоя Бугульдейки-I, II слоя Шракшуры-III. Сосуды сложной и простой, закрытой формы, с круглым или приостренным дном. Выделяется посуда с высокими венчиками. По составу керамики продолжают встречаться одно- и многокомпонентные комплексы. На всех объектах преобладает керамика с оттисками сетки-плетенки.

Однокомпонентные стоянки (X слой Улан-Хады, V слой Итырхей, IV–III слои Пади Долгой-II, II слой Характы-I, слой IV-3 Бугульдейки-II) содержат только сетчатые сосуды. По морфотехнологическим признакам наблюдается общая линия развития керамической традиции с аналогичной посудой первой хронологической группы раннего неолита побережья Байкала. Продолжают преобладать сосуды без

орнамента; из украшений доминирует поясok ямочек или мелких отверстий. В единичном случае встречено сочетание пояска ямочек с пересекающимися прочерченными линиями (слой IV-3 Бугульдейки-II).

Радиоуглеродные даты по этим комплексам (см. табл.) в пределах 6385–6200 л.н. (7420–7000 кал. л.н.).

Многокомпонентные комплексы (V нижний слой Саган-Забы-II, VIII слой Тышкинэ-II, VII слой Бугульдейки-I, II слой Шракшурь-III) представлены сосудами с оттисками сетки-плетенки (преобладающий тип) в сочетании со шнуровой керамикой; в небольшом количестве встречена посуда с гладкой поверхностью.

Сетчатая посуда, в основном, без орнамента. Она различается размерами ячеек и рельефностью оттисков (встречается мелкая ячейчатая и с заглаженными негативами). Из украшений тулова преобладает поясok ямочек либо отверстий, расположенных вдоль венчика. Отмечены сосуды, оформленные прочерченными линиями (косое перекрестие, наклонные или углом пересекающиеся линии).

В числе шнуровой керамики преобладает посуда без орнамента; продолжают встречаться сосуды, украшенные прочерченными линиями или оттисками узкой лопаточки в технике накальвания (вариант керамики хайтинского типа). Отмечены сосуды, оформленные вдоль венчика пояском ямочек или отверстий.

Впервые в комплексах зафиксирована керамика с гладкой поверхностью. Как правило, она без орнамента либо с пояском ямочек. Обнаружен один сосуд (V нижний слой Саган-Забы-II), украшенный горизонтальными рядами, выполненными прочерчиванием двузубчатый штампом.

Радиоуглеродная AMS-дата по II слою Шракшурь-III – 6405±25 (UCIAMS-186312) л.н. (7420–7290 кал. л.н.).

В целом на основе междисциплинарного изучения и корреляции материалов стратифицированных поселений побережья озера Байкал в раннем неолите выделено два хронологических периода: ранний (8,2–7,5 тыс. кал. л.н.) и поздний (7,4–7,0 тыс. кал. л.н.). На этой территории с раннего периода отмечено существование разных традиций изготовления керамических сосудов: сетчатая (с оттисками сетки-плетенки) и шнуровая хайтинского типа. Выявлены однокомпонентные стоянки, содержащие керамику с оттисками сетки-плетенки (Улан-Хада, Итырхей, Бугульдейка-II, Характа-1, Падь Долгая-II), и многокомпонентные объекты, сочетающие сетчатую и шнуровую керамику хайтинского типа (Саган-Заба-II, Тышкинэ-II, Бугульдейка-I, Шракшурь-III). Комплексы только с керамикой хайтинского типа на побережье Байкала в настоящее время не зафиксированы. Судя по радиоуглеродным датам, обе традиции гончарного производства существовали в одних хронологических рамках.

Керамика с оттисками сетки-плетенки характерна для всех объектов периодов раннего неолита (и далее вплоть до позднего неолита), в связи с чем она рассматривается нами как автохтонная. На стоянках с многокомпонентными керамическими традициями в комплексах раннего периода преобладают сосуды хайтинского типа, в то время как на поздних этапах раннего неолита они количественно уступают сетчатой и значительно видоизменяются. Возможно, это следует объяснить притоком иной группы населения со своими сложившимися гончарными традициями, в связи с этим, вероятно, следует рассматривать керамику хайтинского типа привнесенной. Принадлежность этих традиций к разным группам населения подтверждают находки сетчатых и хайтинских сосудов в ранне-неолитических захоронениях разных погребальных практик (сетчатая – в китойских, хайтинская – в уюгинском) [Базалийский, 2012; Кичигин, Емельянова, Коростелев, 2017]. Радиоуглеродные даты по этим погребениям подтверждают их принадлежность к раннему неолиту. Необходимо заметить, что носители керамики хайтинского типа особо не повлияли на общую линию развития местной (сетчатой) керамической традиции, которая, практически не меняясь, существовала до позднего неолита включительно. Некоторые взаимовлияния отмечены в комплексах периода 7,4–7,0 тыс. кал. л.н. Они выражены в наличии прочерченных орнаментов на некоторых сетчатых сосудах.

Сравнительный анализ керамических комплексов раннего неолита побережья Байкала с материалами многослойных поселений юга Средней Сибири показал их соответствие между собой [Савельев, 1989; Бердников, 2013]. Новым является стратиграфическое выделение на байкальских объектах двух хронологических периодов, относящихся к раннему неолиту, и выявление стоянок с одно- и многокомпонентными керамическими традициями, существующими относительно синхронно.

Библиографический список

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия лаборатории древних технологий. 2012. Вып. 9. С. 43–101.

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. №1 (2). С. 203–229.

Бочарова Е.Н., Коршунов Е.О. Ранний неолит юго-западного побережья оз. Байкал (по материалам местонахождения Бугульдейка-II) // Историко-культурное наследие Азии: изучение, сохранение, интерпретация. Новосибирск, 2010. С. 8–17.

Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 17 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Неолитическая керамика из поселений Приольхонья (озеро Байкал): вопросы периодизации и датировки // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири. Хух-Хото, 2015. Т. 1. С. 42–48.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Керамика раннего неолита Прибайкалья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба-II) // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 125–127.

Горюнова О.И., Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Новиков А.Г., Вебер А.В. Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Приольхонья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба-II) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014. Т. 1. С. 237–240.

Горюнова О.И., Соколова Н.Б., Новиков А.Г. Сравнительный анализ ранне-неолитической керамики с поселений побережья озера Байкал // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Чанчунь, 2017. С. 98–101.

Горюнова О.И., Туркин Г.В., Новиков А.Г., Клементьев А.М. Новый стратифицированный объект раннего неолита на западном побережье озера Байкал: поселение Характа-1 // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 17. С. 55–73.

Кичигин Д.Е., Емельянова Ю.А., Коростелев А.М. Парное погребение раннего бронзового века могильника Мыс Уюга (предварительное сообщение) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Чанчунь, 2017. С. 102–107.

Коршунов Е.О. Многослойная стоянка Падь Долгая-II на южном Байкале // Истоки формирования евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск, 2005. С. 120–122.

Лозей Р.Дж., Номоконова Т.Ю., Савельев Н.А. Радиоуглеродное датирование и фауна многослойной стоянки Бугульдейка-II на Байкале (по материалам раскопок 2006–2008 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 18–36.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Новый взгляд на неолитические комплексы многослойного поселения Тышкинэ-II (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2011. Т. 17. С. 87–92.

Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири, история основных идей и современное состояние проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. 25 с.

Тимощенко А.А., Бочарова Е.Н. Предварительные результаты изучения многослойного археологического объекта Бугульдейка-I на юго-западном побережье оз. Байкал в 2016 г. // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2016. Вып. 5. С. 180–187.

© 2017, Н.С. Дога¹, А.А. Выборнов¹, А.И. Юдин², П.А. Косинцев³,
М.А. Кулькова⁴, И.Н. Васильева¹, А.С. Попов¹

¹Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара;

²АНО «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия», Саратов;

³Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург;

⁴Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ НЕОЛИТА–ЭНЕОЛИТА ОРОШАЕМОЕ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ
(проект №33.1907.2017/ПЧ)

Более 40 лет назад в Северном Прикаспии А.Н. Мелентьевым были обнаружены плоскодонные сосуды с воротничковым оформлением венчика, орнаментированные прочерченными зигзагами и рядами «шагающей» гребенки. Каменный инвентарь был представлен скребками и наконечниками стрел на

крупных пластинах из кварцита. Исследователь выделил прикаспийскую позднеэнеолитическую культуру и предположил наличие у ее населения скотоводства [Мелентьев, 1976]. В последующие годы И.Б. Васильев, П.П. Барынкин, В.А. Лопатин и другие специалисты продолжили исследования в этом направлении [Барынкин, 2003; Васильев, 1981; Лопатин, 1989; Моргунова, 2011; Юдин, 2012]. Их работы позволили расширить ареал культуры до степного Заволжья и Волго-Уральского междуречья и отнести ее к эпохе энеолита. Из всех известных на сегодняшний день памятников прикаспийской культуры только несколько имеют сохранившийся культурный слой. В связи с этим открытыми оставались вопросы хронологии, генезиса и хозяйства прикаспийского населения.

Стоянка Орошаемое известна с 1983 г., с момента ее открытия экспедицией под руководством В.Б. Воробьева в ходе проведения работ по археологическому картографированию района. Памятник находится в 1,5 км к северу от окраины районного центра Александров Гай Саратовской области и в 2,1 км к северо-западу от его центра, на мысу правого берега Большого Узенья (бессточный Камыш-Самарский водный бассейн на водоразделе рек Волга и Урал). В 1984 г. А.Т. Юдиным на памятнике были произведены охранно-разведочные археологические работы, в результате которых было вскрыто 40 м² культурного слоя вдоль осыпающегося берегового обрыва. Он состоит из светло-коричневого суглинка, в нижней части имеет более светлый цвет и сильнее насыщен находками, в том числе и костями животных. Все предметы из слоя относятся к энеолитическому времени. Керамика представлена фрагментами светло-коричневого и черного цвета с обильной примесью толченой раковины в тесте глины. Сосуды орнаментированы наклонными и горизонтальными отпечатками зубчатого штампа. Венчики сосудов имеют воротнички, выраженные в различной степени, в зависимости от размеров, или просто отогнуты наружу. Большинство каменных находок изготовлено из кварцита. Исключение составляют 6 орудий и 14 отщепов из кремня и кремневой корки. Преобладает пластинчатая техника расщепления камня, на отщепах изготовлено всего 6 скребков. Из 144 каменных предметов, найденных в культурном слое, 59 – ножевидные пластины, сечения пластин и орудия на них. Ширина пластин колеблется от 7 до 35 мм, преобладают пластины шириной 14–15 мм. 11 экземпляров имеют ретушь по одному или двум краям, нанесенную со спинки, в двух случаях – со стороны брюшка; на двух пластинах оформлены скоблевидные выемки. Концевые кварцитовые скребки на пластинах и укороченных пластинах, как правило, имеют округлое лезвие. Найдено 3 обломка наконечников стрел с двусторонней обработкой. В результате произведенных работ было установлено, что культурный слой памятника, достигавший толщины до 1,2 м, содержал находки исключительно энеолитического времени, а конкретнее – раннеэнеолитической прикаспийской культуры [Юдин, 1986].

В 2014–2017 гг. раскопки были продолжены. За четыре сезона вскрыто 102 м² культурного слоя толщиной от 1,2 до 2,65 м на раскопе «Орошаемое» [Выборнов и др., 2015; Выборнов, Юдин, 2015; 2016; Выборнов и др., 2016; Выборнов и др., 2017]. На поселении стратиграфически в светло-желтом суглинке выделяются три слабо гумусированных литологических пласта, относящихся к трем культурно-хронологическим горизонтам (слоям). Они разделены относительно стерильными прослойками. Верхний культурный слой толщиной до 30 см по находкам определяется временем бытования хвалынской энеолитической культуры. Толщина среднего культурного слоя колеблется в пределах 30–60 см. Слой включал находки прикаспийской культуры. Находки нижнего культурного слоя, залегающего на материке, относятся к орловской неолитической культуре. Мощность его изменяется в пределах 0,4–0,8 м.

Керамическая коллекция памятника не выразительна и сильно фрагментирована. Исходя из стратиграфии выделено три группы керамики. К первой группе относятся фрагменты керамики хвалынской культуры, залегающие примерно в первых десяти слоях: часть венчика от прямостенного сосуда с неглубокими расчесами на внешней поверхности и горизонтальными рядами скобковидных насечек; два фрагмента стенок сосудов, украшенных оттисками полой камышинки и рядами гребенчатого штампа; фрагмент венчика с характерным для хвалынской культуры утолщением на внутренней стороне. Вторая группа более многочисленна и представлена керамикой прикаспийской культуры. На сегодняшний день на памятнике обнаружено чуть более 100 фрагментов. Часть из них на внутренней поверхности содержит нагар. Для данной группы характерно «воротничковое» оформление венчика и орнаментация в виде отпечатков зубчатого и гребенчатого штампов. Также среди обломков посуды найдены неорнаментированные фрагменты стенок сосудов и плоских днищ. Третью группу представляют неорнаментированные стенки и два выразительных венчика орловской культуры. Первый венчик украшен узкими подтреугольными наколами по внешней поверхности. Второй сосуд имеет подтреугольный наплыв на внутренней стороне и также орнаментирован узким подтреугольным наколом. По данным И.Н. Васильевой, сосуды всех трех

групп изготовлены из илистых глин, за исключением одного сосуда третьей группы, изготовленного из ила. В глиняном тесте сосудов первой и второй группы обнаружена примесь толченой раковины, а тесто сосудов третьей группы имеет примесь в виде органического раствора. Сходство технологии изготовления керамики разновременных культур предполагает их преемственность [Выборнов и др., 2017 с. 187].

Каменная коллекция представлена кварцитовыми (72%) и кремневыми (28%) изделиями. Общее количество составляет около 260 экземпляров. Преимущественно это отходы первичного расщепления. Два нуклеуса для получения пластин из кварцита и кремня имеют конусовидную форму. В основном присутствуют артефакты, изготовленные на крупных кварцитовых пластинах или сколах: более 30 концевых скребков с округлым, прямым или скошенным рабочим краем. В ряде случаев они обработаны ретушью по одной-двум продольным граням. Кроме того, представлены симметричные острия, крупные ретушированные пластины и их сечения (41 экз.), прямолезвийный и саблевидный ножи. Комплекс из кремня гораздо меньше, он представлен следующими категориями: скребки на отщепах и пластинах – 9 экз., несколько пластин и их сечения, наконечник стрелы подтреугольной формы. Ширина ножевидных пластин, являющихся основной заготовкой для орудий, варьирует от 7 до 42 мм. В коллекции присутствуют двусторонне обработанные наконечники стрел (из кварцита) в форме «рыбки», типичные для прикаспийской культуры. Один имеет форму «флажка» и находит аналогии в материалах хвалынской культуры [Агапов и др. 1990, с. 121, рис. 25.-7]. Есть два сечения пластин, имеющие ретушь по продольным граням – вкладыши (один из кварцита). Сочетание кремня и кварцита в использовании сырья, а также макро- и микротехники в материалах гомогенного комплекса поселения Орошаемое подтверждают предположение исследователей о данном своеобразии прикаспийской культуры. Что касается инвентаря нижнего неолитического слоя, то он немногочисленный: пластины, скребки на отщепах и пластинах, обломок сегмента с односторонней ретушью. Такой набор полностью соответствует индустрии орловской культуры.

Во всех трех культурных слоях были обнаружены остеологические останки в количестве 1163 экземпляров. Из них определимые – 355. Сайге принадлежит 132 экз., туру – 116; тарпану – 40; кулану – 38. Единичны кости кабана и лисицы. 23 кости от 9 особей принадлежат домашней овце. В верхнем (хвалынском) и среднем (прикаспийском) горизонтах определены останки тарпана, тура, сайги и овцы. В нижнем (орловском) слое преобладают кости тура, сайги и кулана. В 26 горизонте раскопа 2016 г. обнаружены кости домашней собаки. Учитывая хвалынскую принадлежность артефактов в верхнем слое, наличие там костей домашних животных было вполне ожидаемым. Что касается слоя с артефактами прикаспийской культуры, то здесь впервые в Нижнем Поволжье достоверно определена домашняя фауна (овца) в стратифицированном культурном слое.

Возраст комплексов памятника определен радиоуглеродными датами по различным органическим материалам. Так, для верхнего культурного слоя получена дата по кости – 5667 ± 100 BP (4725–4336 cal BC) (SPb-1474). Для среднего слоя с материалами прикаспийской культуры получена дата по органике в керамике – 5890 ± 120 BP (5056–4462 cal BC) (SPb-1729) и по коллагену – 5934 ± 100 BP (5060–4547 cal BC) (SPb-2091). Кроме того, на УМС непосредственно по кости домашней овцы получена дата – 5806 ± 26 BP (4724–4557 cal BC) (UGAMS-23059). Данный хронологический диапазон – рубеж VI–V тыс. до н.э. – 1-я половина V тыс. до н.э. (в калиброванных значениях) соотносится со временем прикаспийской и хвалынской культур. В то же время следует обратить внимание на различие дат из верхнего (хвалынского) и среднего (прикаспийского) слоев, что объясняется и наличием между ними относительно стерильной прослойки. Еще несколько дат с Орошаемого – 6889 ± 100 BP (5933–5631 cal BC) (коллаген), 7245 ± 60 (6227–6015 cal BC) и 7010 ± 110 BP (6072–5674 cal BC) – по углю совпадают с временем формирования слоя 2Б на Варфоломеевской стоянке орловской неолитической культуры [Юдин, 2014, с. 217] и нижним слоем раскопа Алгай-1 на поселении Орошаемое [Юдин и др., 2016, с. 67; Выборнов и др., 2017, с. 189].

Существует несколько взглядов на проблему генезиса прикаспийской культуры. Так, одни исследователи обосновывают автохтонную гипотезу и выводят ее из местной неолитической орловской культуры. Она выстраивается в том числе и на совместном залегании материалов орловской и прикаспийской культур, а также схожей технологии изготовления керамики [Юдин, 1998, с. 83–105]. Другие выдвигают версию о прошлом характере носителей прикаспийской культуры. Сторонники этой точки зрения указывают на схожесть прикаспийских материалов с артефактами нижнедонской и азово-днепровской культур, а также на некоторые аналогии в материалах куйрукского типа полуострова Мангышлак [Дога, 2017, с. 20–22].

Учитывая наличие стратиграфии, определяемой фауны и колонки радиоуглеродных дат, стоянка Орошаемое является одним из важнейших источников для изучения различных аспектов неолита и энеолита Нижнего Поволжья.

Библиографический список

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990. 160 с.
- Барынкин П.П. Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2003. Вып. 3. С. 47–60.
- Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981. С. 127.
- Выборнов А.А., Юдин А.И. Раскопки поселения Орошаемое в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2014 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2015. Вып. 13. С. 3–33.
- Выборнов А.А., Юдин А.И. Исследования в Александрово-Гайском районе Саратовской области в 2015 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2016. Вып. 14. С. 3–41.
- Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Дога Н.С. Новые данные по неолиту–энеолиту Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2015. Т. 17, №3. С. 235–241.
- Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Попов А.С. Исследования поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2016. Т. 18, №3. С. 140–145.
- Выборнов А.А., Юдин А.И., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Дога Н.С., Попов А.С. Новые материалы исследований на поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2017. Т. 19, №3. С. 185–190.
- Дога Н.С. К вопросу о происхождении прикаспийской культуры // Новые материалы и методы археологического исследования: (мат. IV конф. молодых ученых). М., 2017. С. 20–22.
- Лопатин В.А. Стоянка Озинки II в Саратовском Заволжье // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989. С. 135–146.
- Мелентьев А.Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С. 13–17.
- Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург, 2011. С. 219.
- Юдин А.И. Новые энеолитические памятники на реке Большой Узень // Древние культуры Северного Прикаспия / отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев, 1986. С. 36–56.
- Юдин А.И. Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия / отв. ред. И.Б. Васильев. Самара, 1998. С. 83–105.
- Юдин А.И. Поселение Кумыска и энеолит степного Поволжья. Саратов, 2012. С. 212.
- Юдин А.И. Орловская культура в свете новых данных по хронологии неолита степного Поволжья // Самарский научный вестник. Самара, 2014. №3 (8). С. 215–218.
- Юдин А.И., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Гослар Т., Филиппсен Б., Барацков А.В. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. Самара, 2016. №3 (16). С. 61–68.

© 2017, И.В. Калинина

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РАЗВИТОГО НЕОЛИТА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ЕВРАЗИИ

Керамика для археологов – неисчерпаемый источник информации. Новые подходы в исследованиях керамики, с одной стороны, способствуют решению вопросов культурогенеза, с другой – высвечивают и новые проблемы, которые еще предстоит решать археологам.

Благодаря успехам естественнонаучных методов датирования керамики, на основании анализа многочисленных радиоуглеродных дат достоверно выделена раннеэнеолитическая керамика, зафиксированная археологами в небольших количествах на отдельных памятниках. Ранняя керамика бедна орнаментацией или совсем не содержит таковой. Предполагается, что роль керамики в культурах раннего и развитого неолита различна [Долбунова, 2015, с. 18]. По своему облику ранний неолит тяготеет еще

к мезолитическим обществам. Появление устойчивых керамических традиций в развитом неолите – это новая ступень интеграции древних обществ.

В развитом неолите население Среднего Поволжья и Прикамья изготовляло «посуду, украшенную в гребенчатой технике (к востоку от Илети) и ямочно-гребенчатым орнаментом (к западу от Илети). <...> Между носителями гребенчатой керамики и миром культур ямочно-гребенчатой керамики культурные контакты не прослеживаются» [Никитин, 1991, с. 90]. Территориальное разграничение неолитических культур с разными типами керамики – «граница между мирами» – сохраняется вплоть до появления в эпоху энеолита волосовской керамики. Памятники волосовской культурно-исторической общности, по Д.А. Крайнову [1981, с. 7], получили распространение «от Прибалтики до Камы и от Вологды до Пензы... Это по существу почти вся лесная и часть лесостепной территории, занятой прежде культурами с ямочно-гребенчатой керамикой». Несмотря на то, что волосовские поселения «располагаются непосредственно на местах предшествующих неолитических поселений» [Крайнов, 1981, с. 12], их материальная культура имеет существенные отличия. У волосовской керамики отсутствует преемственность с ямочно-гребенчатой – керамические традиции отличаются по формам сосудов, примесям в глиняном тесте, орнаментации сосудов [Халиков, 1978, с. 10]. В Прикамье, напротив, между энеолитической керамикой, относящейся, как и волосовская, к кругу культур пористой керамики, и неолитической камской керамикой типологическая связь прослеживается. Вопрос о генезисе волосовской культуры стал особо острым в 70-х гг. XX в., «выявились две точки зрения на происхождение волосовской культуры: 1) волго-окское и 2) камско-уральское» [Крайнов, 1981, с. 5].

Проблема культурогенеза и трансформации неолитических культур непосредственно связана с проблемой этногенеза проживающих на этой территории народов. Д.А. Крайнов [1986, с. 8] считал, что население культур с ямочно-гребенчатой керамикой является субстратом в образовании протофиннов, а О.Н. Бадер [1972, с. 10–11] настаивал на том, что нет ретроспективной связи между носителями ямочно-гребенчатой керамики и «древнефинским населением Волго-Окского края и смежных районов ...непрерывная цепь культур, уводящая от современных финских народов Волго-Окского края ...вглубь... имеет разомкнутое звено: оно находится между неолитической культурой с ямочно-гребенчатой керамикой и энеолитической волосовской культурой». Вместе с тем «для неолитического населения камской или ...волго-камской приуральской историко-культурной области устанавливается по материальной культуре преемственная связь с более поздними местными культурами вплоть до этнических удмуртов и коми в Прикамье и марийцев в Положье» [Бадер, 1970, с. 25]. Гипотеза О.Н. Бадера [1970, с. 38], что волосовцы – пришельцы с востока – «на таких больших путях, как долина Оки... быстро вытеснили или уничтожили аборигенов», поддержки не получила. Д.А. Крайновым [1981, с. 7] было справедливо замечено, что «вряд ли можно допустить при охотничье-рыболовческом хозяйстве такую огромную, ничем не объяснимую экспансию волосовских племен с территории Волго-Камья».

Вопрос о причинах исчезновения в эпоху энеолита ямочно-гребенчатой керамики до сих пор остается нерешенным, неясна также судьба неолитического населения, изготовлявшего эту керамику, в дальнейшей этнической истории народов Урало-Поволжья. Новые данные, полученные в ходе изучения традиций орнаментации керамики развитого неолита, позволяют представить несколько иную модель культурогенеза. Вопрос о смене керамических традиций, неразрешимый на основании типологии керамики, предлагаю рассмотреть, с позиции семантико-технологического подхода. Основопологающим является постулат, что в навыках орнаментации находят отражение образные представления изготовителей древних сосудов.

Неоднократно предпринимались попытки рассматривать глиняные сосуды в системе мировоззрения земледельцев, через орнаментацию керамики выйти на понимание архаического мировоззрения. По мнению исследователей, в древних земледельческих культурах имеются безусловные свидетельства о восприятии сосудов как антропоморфных вместилищ. В современных языках зафиксировано частое уподобление частей сосуда частям человеческого тела [Антонова, 1986, с. 41]. Очевидно, что «в неолите лесной зоны имело место длительное переживание и развитие не только присваивающей экономики, но и древних культов, на значительной части территории Европы к этому времени сменившихся иным кругом идеологических представлений, свойственных раннеземледельческим обществам» [Тимофеев, 2002, с. 210]. В лесной зоне Евразии керамику осваивало население с другим типом мировоззрения.

В результате изучения технологии орнаментации гребенчатой керамики развитого неолита–энеолита удалось идентифицировать орнаменты, выполненные челюстями зайца, бобра, куницы (соболя), лисицы (песца) [Калинина, Гаджиева, 1995, с. 69–83]. На древних поселениях Уральского региона была

выявлена локализация в использовании при орнаментации челюстей одного вида животных, что, по всей видимости, отражает тотемические представления. Связь гребенчатой керамики с образом зверя прослеживается и в способах обработки поверхностей сосудов [Калинина, 2002, с. 241–247]. Орнаменты «след зверя», «отпечатки зубов» доживают до эпохи бронзы. Если же рассматривать орнаментацию керамики в рамках развития древнего искусства, то в Уральском регионе звериный стиль остается господствующим на протяжении тысячелетий археологических культур, позднее он находит свое продолжение в звериной тематике искусства обских угров.

Ямочно-гребенчатая керамика отличается от гребенчатой керамики и по способам орнаментации, и по орнаментам. По наблюдению В.В. Сидорова [2011, с. 207], «ямочная орнаментация очень трудоемка и сложна для выполнения. Средний сосуд нес около тысячи оттисков. <...> Угол наклона, интервалы, размеры выдерживаются по всему сосуду». В ходе экспериментально-трассологических исследований выяснилось, что способы орнаментации челюстями животных требуют овладения не менее сложными навыками [Калинина, 2000, с. 263–265].

В.В. Сидоровым [2011, с. 208] замечено, что «в льяловскую среду совершенно не попадает прием использования штампов из челюстей». В качестве орнаментов использовались белемниты и аммониты [Коробков, Крижевская, 1958], метаподии и фаланги [Костылева, Калинина, 2002]. Для белемнитов – «громовых стрел», «чертовых пальцев» – известна фаллоидная символика. Метаподии и фаланги с эпохи палеолита соотносятся с женским образом [Гвоздовер, 1985; Кияшко, 1992]. Следовательно, по семантике, орнаменты ямочно-гребенчатой керамики с образом зверя не связаны. Носители ямочно-гребенчатой керамики, видимо, отличались и по мировоззрению, и по этническому самосознанию от прауральцев (древних финно-угров). В.В. Напольских [1990, с. 7], на основании выявленных им ареалов древних мифов о водоплавающей птице, склоняется к гипотезе «о палеоевропейской (неуральской и неиндоевропейской) языковой принадлежности носителей ямочно-гребенчатой керамики».

Исчезновение ямочного орнамента в эпоху энеолита связано, полагаем, с изменением мировоззрения. Доминантный у древних уральцев, соответствующей родовой идеологии образ матери-лосихи, сменяет мужской образ медведя-богатыря. Культ медведя формируется в уже новой социальной среде [Калинина, 2003, с. 71–78]. С наступлением эпохи раннего металла, как отмечали исследователи, «во 2-й пол. III – нач. II тыс. до н.э. в культурах лесной зоны Евразии от Восточной Прибалтики до Дальнего Востока распространяется антропоморфная скульптура малых форм... Наибольшее распространение данный тип изображений получил у волосовских племен» [Уткин, Костылева, 1996, с. 259]. Д.А. Крайновым было замечено относительно ряда антропоморфных изображений, что они «скорее напоминают... медведя, стоящего на задних лапах. Культ этого животного (по Д.А. Крайнову) прослеживается на всех поселениях волосовского типа. Около погребений волосовцев в стоянках Сахтыш-I, II, VIII найдены черепа медведей, обнаружены они и в жилищах указанных стоянок. Наличие медвежьего культа доказывают и частые находки клыков медведей, служивших амулетами» [Крайнов, 1978, с. 101]. Об особом отношении к медведю свидетельствуют присутствующие на волосовской керамике отпечатки *os penis* а медведя [Калинина, 1996, с. 293–296]. Ямочный – «женский» – орнамент, напоминающий о былом значении образа женщины-прародительницы, в волосовской культуре исчезает.

Технология орнаментации глиняных сосудов в эпоху энеолита существенно изменяется. Наряду с появлением разреженных композиций и знаков наблюдается переход от естественных форм заготовок для орнаментов к искусственным штампам. Несомненны перемены и в жизнедеятельности населения. Начиная с середины III тыс. до н.э. чрезвычайно активизируются связи между волосовскими племенами и населением Восточной Прибалтики [Студзитская, 1994, с. 67]. Д.А. Крайнов [1978, с. 106] предполагал, что шкурки куницы обменивались на янтарные изделия: «Куница у волосовцев имела особое промысловое значение, о чем свидетельствуют, прежде всего, высокий процент костных остатков куницы... наличие большого количества челюстей и зубов куницы в ожерельях и, наконец, находка “святылища” (из дерева и камней) – ритуального места около волосовского жилища на стоянке Сахтыш-I. Здесь, в особой ямке с углями, было захоронено около 30 черепов и челюстей куницы». С проникновением в лесную зону Приуралья и Волго-Окского междуречья из лесостепи племен, знакомых с металлургией, скотоводством, происходит постепенное преобразование хозяйственной деятельности.

На территории бывших неолитических культур с гребенчатой и ямочно-гребенчатой керамикой складывается новая историко-культурная общность, формируются новые этносы. Этнические общности, как известно, возникают и распадаются: «каждая этноистория – бесконечная череда перерождений» [Головнёв, 2009, с. 120]. Гипотеза В.В. Никитина [1991, с. 94], что одним из составных компонентов

волосовской этнокультурной исторической общности является население, изготовлявшее ямочно-гребенчатую посуду, согласуется с моделью этногенеза, разработанной Г.И. Пелих на примере селькупов. Каждый этнос, по Г.И. Пелих [1972, с. 3–4], является, как правило, наследником былых культур, вошедших в его состав, в качестве этнических субстратов. <...> Одна и та же древняя этническая общность могла войти в состав как селькупов, так и других народностей Западной Сибири». Культура ямочно-гребенчатого неолита, соответственно этой модели, может рассматриваться как один из этнических компонентов новых этносов, зарождающихся в эпоху раннего металла.

С появлением волосовской историко-культурной общности складывается, возможно, новое, в лингвистическом понимании, языковое единство. Д.В. Бубрихом – основателем отечественной школы финноугроведения в 1946 г, была выдвинута идея «контактного развития» языков. Согласно Д.В. Бубриху [1949, с. 191–192], «материальные сходства между языками вырабатываются только при ... контакте между коллективами – носителями этих языков. Если контакт между коллективами длится, материальные сходства между языками укрепляются и нарастают. Если контакт между коллективами расторгается, материальные сходства между языками вступают в полосу разрушения. <...> ...разрушение древнего финно-угорского языкового контакта было связано с установлением контактных отношений с новыми “партнерами”». Эта концепция, способствующая пониманию процессов культурогенеза, в современном финноугроведении, к сожалению, развития не получила.

В эпоху раннего металла изменяются, точнее сказать, расширяются основанные на брачных связях культурные и хозяйственные контакты. Археологические материалы, керамика в первую очередь, свидетельствуют, что в энеолите население Прикамья и Зауралья поддерживают еще ранее сложившиеся контакты, но вектор будущего развития определяют западные коммуникативные связи. Д.А. Крайнов [1981, с. 15–16] писал: «...некоторые элементы в материальной и духовной культуре волосовцев были получены с Запада из Прибалтики». В.В. Никитин [1991, с. 93] обратил внимание, что если «признать финно-язычным население ямочно-гребенчатой керамики... это могло бы объяснить и происхождение балтийских финнов, куда культура уральского типа, как отмечалось прибалтийскими учеными, не проникает». Можно предположить, что волосовская этнокультурная общность включает в качестве этнического субстрата бывших носителей ямочно-гребенчатой керамики, которые сохраняют свои древние северо-западные связи. Контакты населения Центра Русской равнины и Прибалтики обуславливают, согласно концепции Д.В. Бубриха, сближение их языков. Другими словами, с изменением жизнедеятельности, мировоззрения, в процессе выработки нового самосознания в волосовское время формируются новые этносы.

Таким образом, возможно в едином научном контексте изучение культурогенеза, этногенеза и, хотелось бы добавить, глоттогенеза, но лингвисты этот термин по отношению к происхождению языков отдельных народов не используют.

Библиографический список

- Антонова Е.В. К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 35–65.
- Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. 176 с.
- Бадер О.Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 10–31.
- Бубрих Д.В. О советском финноугроведении // Советская этнография. №2. 1949. С. 189–196.
- Гвоздовер М.Д. Орнамент на поделках костяной культуры // Советская археология. №1. 1985. С. 9–22.
- Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. 496 с.
- Долбунова Е.В. Древнейшие керамические традиции в Днепро-Двинском междуречье (7–6-го тыс. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.
- Калинина И.В. Орнаментация сосуда Скрабы-III // Тверской археологический сборник. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 293–296.
- Калинина И.В. Веревоочный орнамент в неолите (о соотношении понятий археологическая культура и технологическая традиция) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. С. 263–267.
- Калинина И.В. Морфология декора неолитических сосудов и стилистические особенности деревянной зоо-антропоморфной скульптуры // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 241–247.

- Калинина И.В. Структурированность потестарного общества в семантическом аспекте // Теория и методология архаики. I. Стратиграфия культуры: мат. теорет. семинара. СПб., 2003. Вып. 3. С. 71–78.
- Калинина И.В., Гаджиева Е.А. Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // Российская археология. 1995. №2. С. 69–83.
- Кияшко В.Я. К вопросу о молоточковидных булавах // Донские древности. Азовский краеведческий музей. Азов, 1992. Вып. 1. С. 4–57.
- Коробков И.А., Крижевская Л.Я. Использование первобытным человеком аммонитов и белемнитов для орнаментации керамики // Вестник Ленинградского университета. Сер. геологических наук. Л., 1958. Вып. XVIII. С. 53–59.
- Костылева Е.Л., Калинина И.В. Использование костей животных для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 248–256.
- Крайнов Д.А. Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 101–110.
- Крайнов Д.А. К вопросу происхождения волосовской культуры // Советская археология. 1981. №2. С. 5–20.
- Крайнов Д.А. Спорные вопросы неолита Центра Русской равнины // Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы: (тез. докл. областной конф.). Оренбург, 1986. С. 6–9.
- Напольских В.В. Древнейшие финно-угорские мифы о возникновении земли // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 5–21.
- Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола, 1991. 177 с.
- Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.
- Сидоров В.В. Орнаменты и орнаментыры льяловской керамики // Тверской археологический сборник. Тверь, 2011. Вып. 8. С. 202–208.
- Студзицкая С.В. Особенности духовной культуры волосовских племен // Труды ГИМ. М., 1994. Вып. 85. С. 59–77.
- Тимофеев В.И. Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 209–214.
- Уткин А.В., Костылева Е.Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // Тверской археологический сборник. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 259–270.
- Халиков А.Х. Волосовская проблема // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1978. Вып. 3. С. 7–13.

© 2017, Т.В. Корниенко

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

ПИЩЕВЫЕ РЕСУРСЫ И СОЦИАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ НА ЭТАПЕ ПЕРЕХОДА К НЕОЛИТУ

Обсуждаемая с 90-х гг. XX в. теория Ж. Ковена о «революции символов» в неолите [Cauvin, 1994] в настоящее время может быть уточнена при сопоставлении ярких свидетельств символического содержания с данными естественнонаучных дисциплин по материалам памятников эпипалеолита и раннего неолита в зоне Плодородного полумесяца. Ж. Ковен выделял принципиальные сдвиги в общественном сознании на территории Леванта в хиамский, переходный от натуфийской эпохи к этапу PPNA, период. Он полагал, что социальные системы, идеология и ритуальные практики изменились до, а не как следствие появления земледелия. В Восточной Анатолии, по мнению Ковена, земледельческие традиции появились в ходе вторичной или «экономической» неолитизации за счет передвижения общин из района среднего Евфрата [Cauvin, 1994, p. 124–125, 163].

Современными данными экономической левантоцентризм Ж. Ковена не подтверждается. В том числе открытия и исследования остатков злаков в Иране на памятниках Чога Голан и Шейх-эль-Абад (возраст дикорастущих – 11700 лет и со следами культивирования – 11300 лет) показывают, что воз-

дельвание диких злаков в Восточном крыле Плодородного полумесяца началось почти одновременно с очагами земледелия, расположенными в Леванте [Riehl et al., 2012].

Северная Месопотамия, являясь центральной частью Плодородного полумесяца, включает в себя три из выделяемых сейчас локальных очагов становления производящего хозяйства. Злаки уже использовались 13000 лет назад в Северной Сирии, около 12000 лет назад в Северном Ираке и 11500 лет назад в Юго-Восточной Турции. При этом в южнолевантийских памятниках наличие злаков фиксируется материалами с возрастом 23000 лет [Willcox, 2013]. 14000 лет назад в долговременных жилищах стационарных поселений данного региона стали активно использовать ступки и пестики, терочные камни; распространение получают достаточно эффективные и великолепные по оформлению жатвенные ножи в роговых, костяных или деревянных оправах. Находки рубежа плейстоцена и голоцена не позволяют провести однозначное разграничение между собирательством и возделыванием злаков, но ряд косвенных свидетельств, а также трасологический анализ [Коробкова, 1994 и др.] указывают на то, что сообщества периода Натуф имели уже определенный опыт в растениеводстве.

Время появления растений с признаками начала культивирования по материалам памятников Северной Сирии (Абу Хурейра, Халула, Мурейбит, Джерф эль-Ахмар, Телль Абр, Джада) определяется близким с материалами Южного Леванта. Изменение частоты встречаемости в зависимости от уровня залегания обугленных остатков конкретных пищевых растений указывает на наличие долговременных и многовариантных экспериментальных попыток на начальной стадии возникновения земледелия. В период докерамического неолита А процесс культивирования становится в данном регионе устоявшейся практикой, и основные сельскохозяйственные культуры, включая ячмень, полбу, двузернянку и бобовые, начинают активно использоваться на евфратских поселениях [Willcox et al., 2008; 2009].

В Юго-Восточной Турции признаки культивирования растений фиксируются на полтысячелетия позже, уже на этапе перехода к PPNB (свидетельства Невали Чори, Чайёню Тепеси, Кафер Хуюка и др.). На этапе PPNA, о чем говорят археоботанические коллекции Халлан Чеми, Демиркоу, Гёбекли Тепе, Кёртык Тепе, здесь, а также в Северном Ираке – Немрик-9 и М'лефаат, свидетельства начала доместики растений отсутствуют [Savard et al., 2006; Willcox, Vuxho, Nerveux, 2009; Riehl et al., 2012]. Уверенных датировок начала доместики с территории Северного Ирака пока нет. В целом памятники Леванта показывают временной приоритет в процессах перехода населения к оседлому образу жизни, распространении специализированной охоты и собирательства, хранения продуктовых запасов, первых опытах по доместикации зерновых в натуфийскую и преднатуфийскую эпоху, что предшествовало выделяемому Ж. Ковеном в контексте «революции символов» периоду Хиам.

Взлет символизма, выстраивание сложных общественных отношений у населения Юго-Восточной Анатолии приходится на период PPNA, когда там, в отличие от соседнего Леванта, доместикация каких-либо видов растений еще не была осуществлена. В данном локальном варианте теория Ж. Ковена о преддверии кардинальных экономических изменений эпохи неолита «революцией символов», похоже, находит свое подтверждение. Одной из ярких предоставленных археологией иллюстраций такого развития событий стали свидетельства исследуемого сейчас межплеменного культового комплекса Гёбекли Тепе (PPNA и переходное PPNA/PPNB время) [Шмидт, 2011]. Анализ костей животных и оценка ботанического материала Гёбекли Тепе, так же как и ряда других памятников эпипалеолита и PPNA в Юго-Восточной Турции и Северном Ираке, показали отсутствие в них признаков одомашнивания. Как возможное объяснение отсутствия здесь свидетельств начала культивации в отмеченный период, в отличие от синхронных материалов Леванта, назывался более прохладный и влажный климат в предгорных и горных районах Тавра по сравнению с Восточным Средиземноморьем; а также крайне благоприятная для присваивающего хозяйства экосреда, предоставлявшая богатый и разнообразный рацион питания, основанный на охоте, собирательстве, рыбной ловле [Willcox et al., 2009, p. 155–156]. Соседство с многочисленными стадами горных газелей, джейранов, куланов и зубров, близость мест произрастания в изобилии диких видов употреблявшихся в пищу растений на склонах и у подножия потухшего вулкана Караджа Даг приводили к тому, что на этапе PPNA население Юго-Восточной Анатолии не испытывало необходимости прилагать усилия по осуществлению экспериментов с выращиванием растений и одомашниванием животных. По заключению К. Шмидта [2011, с. 237–251], скопление в течение длительного времени большого количества людей по причине существования древнего межплеменного культового центра, как это показывают материалы Гёбекли Тепе и соседних памятников, в конкретном регионе могло привести к постепенному установлению контроля человека над природными ресурсами и их воспроизводству. Ранее мы высказывали мысль о том, что на Гёбекли Тепе могли

встречаться не только представители племен охотников и собирателей, но также общин, переходящих уже к производящим формам хозяйства [Корниенко, 2011, с. 312–313]. Недавно опубликованные результаты исследований органических остатков с различных памятников Северной Месопотамии могут пояснить этот вопрос.

По данным генетического анализа растений на территории Юго-Восточной Турции, проводившегося независимо от археологических работ, процесс доместикации одноостной пшеницы-однозернянки и пшеницы-двухзернянки осуществлялся непосредственно в окрестностях горы Караджа Даг [Heun et al., 1997; Luo et al., 2007], т.е. культурные злаки не были принесены из южнолевантийского центра. Однако циркуляцию идеи культивации растений между различными очагами в зоне Плодородного полумесяца исключить нельзя.

Проведение общественных пиров в сакральных зонах особым образом оформленного пространства на территории поселений и в отдаленно расположенных культовых центрах, несомненно, являлось важной частью жизни эпипалеолитических и раннеолитических сообществ. Задолго до появления письменности пиры стали значимыми элементами систем внутри- и межобщинной символической коммуникации. Свидетельства проведения ритуальных пиршеств обнаружены на древнейших долговременных поселениях Северной Месопотамии: в Халлан Чеми [Rosenberg, 1999, p. 26, 28; Rosenberg, Redding, 2000, p. 58], Кёртык Тепе [Özkaya, 2009; Özkaya, San, 2007; Özkaya, Coşkun, 2011], ранних слоях Чайёню Тепеси [Çambel, 1985, p. 187].

В Гёбекли Тепе материал, использовавшийся при символическом погребении монументальных культовых сооружений общественного назначения, состоял из обломков известняка, кремниевых артефактов и невероятно большого количества костей животных, раздробленных с целью получения костного мозга. Их количество превышает все известные до сих пор на других поселениях находки подобного рода, что фиксирует проведение здесь масштабных коллективных трапез [Dietrich et al., 2012, p. 690]. Кроме того, на Гёбекли Тепе терочные камни, ступки и пестики встречены в большом количестве. Растительных остатков немного, и они полностью состоят из диких злаков [Neef, 2003].

Обнаруженные останки животных включают, по большей части, кости газелей, зубров и азиатских диких ослов (куланов) – типичную добычу охотников того времени. Результаты зооархеологического и изотопного анализа показали, что период, который многочисленные группы охотников и собирателей предпочитали проводить в Гёбекли Тепе, длился с *середины лета до осени*. Вполне вероятно, что их выбор был осознанным и оправданным с прагматической точки зрения: к этому времени все основные продукты питания, необходимые для выживания человека, в особенности (дикие) злаки и бобовые, были уже собраны, а в южных предгорьях Антитавра, как показывают археоботанические материалы, в избытке произрастали миндаль и фисташки. Такая, в высшей степени питательная, еда не могла не привлекать группы людей и стада травоядных и всеядных животных. Очевидно также, что в верховьях р. Балих в период созревания разнообразных плодов имелось значительное количество дичи [Lang et al., 2013].

Весьма любопытными оказались зооархеологические данные, полученные в результате анализа коллекций, собранных на памятниках эпохи раннего докерамического неолита Мурейбита и Джерф эль-Ахмара, располагающихся на Евфрате в Северной Сирии, примерно в 110–130 км к юго-западу от Гёбекли Тепе. Здесь охота на газелей осуществлялась *преимущественно в зимний период* (с ноября по март – сезон дождей в данном регионе), постепенно сходя на нет к концу весны, в сезон засухи (с июля по сентябрь) охота полностью прекращалась [Gourichon, 2004]. В летние месяцы этот вид животных не использовался в качестве пищевого ресурса [Gourichon, Helmer, 2008]. С другой стороны, анализ останков газелей из Гёбекли Тепе указывает, что там на них охотились с середины лета и до осени. Довольно заманчиво было бы предположить, как пишет К. Лэнг с коллегами, наличие своеобразного годового цикла, в течение которого газели (а возможно, и люди?) перемещались туда и обратно между верховьями р. Балих в Юго-Восточной Анатолии и районом верхнего сирийского течения Евфрата [Lang et al., 2013, p. 12–13]. Такие сезонные миграции вполне соотносятся с картиной функционирования единого символического пространства, в котором взаимодействовали сообщества Северной Месопотамии. Помимо прочего, эти миграции могли способствовать перенесению семян дикорастущих злаков из района подножия потухшего вулкана Караджа Даг на территорию евфратских памятников, где на этапе РРНА, о чем говорилось выше, отмечены признаки культивации растений. В обратном направлении с территории Северной Сирии могли проникать идеи о возможности выращивания растений. Вполне вероятно, что в ритуальных собраниях на Гёбекли Тепе принимали участие не только представители групп охотников и собирателей, но также общин, уже экспериментировавших с растениеводством.

Изобразительные сюжеты комплексов Северной Месопотамии переходного к неолиту времени представляют танцующих участников ритуальных встреч и их перевоплощение в животных [Hauptmann, 1999, p. 76, fig. 16; Yartah, 2004, fig. 11, 12; Шмидт, 2011, с. 78, 178]. Употребление во время подобных собраний алкогольных напитков или галлюциногенов вполне вероятно. Лабораторные исследования органических остатков на стенках двух каменных чаш из Кёртык Тепе обнаружили присутствие виннокаменной кислоты, что свидетельствует о возможном производстве вина [McGovern, 2009, p. 81]. Новые подтверждения получает сейчас выдвинутая Р. Брэйдвудом с коллегами еще в 1953 г. [Braidwood et al., 1953] гипотеза о том, что пивоварение и domestикация пшеницы на территории Северной Месопотамии могли быть взаимосвязаны. Открытие процесса ферментации, начало использования пива в социальной и религиозной жизни, вероятно, инициировали процесс domestикации злаков [Dietrich et al., 2012].

Благоприятные природно-климатические условия, установившиеся в эпоху PPNA, способствовали утверждению долговременного проживания большого количества людей совместно на общей территории. Охотникам и собирателям пришлось изобретать принципиально новые социальные отношения. Новые идеологические представления, новые формы ритуального поведения, сложные символические системы, ставшие ответом на вызов переходного времени, явились важнейшей адаптационной стратегией, которая помогала преодолеть стресс от распространения оседлого образа жизни, способствуя формированию общинной и надобщинной (региональной) идентичности, оказывая влияние при этом на взаимодействие коллективов с окружающей средой.

Библиографический список

Корниенко Т.В. Послесловие // Шмидт К. Они строили первые храмы. Тайнственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб., 2011. С. 303–317.

Коробкова Г.Ф. Орудия труда и начало земледелия на Ближнем Востоке // Археологические вести. 1994. №3. С. 166–178.

Шмидт К. Они строили первые храмы. Тайнственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб., 2011. 320 с.

Braidwood R.J., Sauer J.D., Helbaek H., Mangelsdorf P.C., Curtler H.C., Coon C.S., Linton R., Steward J., Oppenheim A.L. Symposium: did man once live by beer alone? // *American Anthropologist*. 1953. Vol. 55/4. P. 515–26.

Çambel H. Çayönü, 1984 // *Anatolian Studies*. 1985. Vol. 35. P. 186–188.

Cauvin J. Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique. Paris, 1994. 304 p.

Dietrich O., Heun M., Notroff J., Schmidt K., Zarnkow M. The role of cult and feasting in the emergence of Neolithic communities. New evidence from Gobekli Tepe, south-eastern Turkey // *Antiquity*. 2012. Vol. 86. P. 674–695.

Gourichon L. Faune et saisonnalité : L'organisation temporelle des activités de subsistance dans l'Épipaléolithique et le Néolithique précéramique du Levant nord (Syrie). Thèse de Doctorat, Université Lumière. Lyon 2. Lyon, 2004 (http://theses.univ-lyon2.fr/documents/lyon2/2004/gourichon_1#p=0&a=top).

Gourichon L., Helmer D. Étude archéozoologique de Mureybet // *Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord)*. En hommage à Jacques Cauvin / J.J. Ibañez (ed.). Oxford, 2008. P. 115–227.

Hauptmann H. The Urfa Region // *Neolithic in Turkey: the Cradle of Civilization: New Discoveries* / M. Özdoğan, N. Başgelen (eds). Istanbul, 1999. P. 65–86.

Heun M., Schäfer-Pregl R., Klawan D., Castagna R., Accerbi M., Borghi B., Salamini F. Site of einkorn wheat domestication identified by DNA fingerprinting // *Science*. 1997. Vol. 278/5341. P. 1312–1314.

Lang C., Peters J., Pöllath N., Schmidt K., Grupe G. Gazelle behaviour and human presence at early Neolithic Göbekli Tepe, south-east Anatolia // *World Archaeology*. 2013. Vol. 45/3. P. 410–429.

Luo M.-C., Yang Z.-L., You F.M., Kawahara T., Waines J.G., Dvorak J. The structure of wild and domesticated emmer wheat populations, gene flow between them, and the site of emmer domestication // *Theoretical and Applied Genetics*. 2007. Vol. 114. P. 947–959.

McGovern P.E. *Uncorking the past: the quest for wine, beer, and other alcoholic beverages*. Berkeley (CA) & London, 2009. 348 p.

Neef R. Overlooking the steppe-forest: a preliminary report on the botanical remains from early Neolithic Göbekli Tepe // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2003. №2. P. 13–16.

Özkaya V. Excavations at Körtik Tepe. A New Pre-Pottery Neolithic A Site in Southeastern Anatolia // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2009. №2. P. 3–8.

Özkaya V., San O. Körtik Tepe: Bulgular Işığında Kültürel Doku Üzerine İlk Gözlemler // Anadolu'da Uygarlığın Doğuşu ve Avrupa'ya Yayılımı: Türkiye'de Neolitik Dönem, Yeni Kazılar, Yeni Bulgular / M. Özdoğan and N. Başgelen (eds.). Istanbul, 2007. P. 21–36.

Özkaya V., Coşkun A. Körtik Tepe // The Neolithic of Turkey / M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm (eds.). Vol. 1. Istanbul, 2011. P. 89–127.

Riehl S., Benz M., Conard N., Darabi H., Deckers K., Nashli H., Zeidi-Kulehparcheh M. 2012. Plant use in three Pre-Pottery Neolithic sites of the northern and eastern Fertile Crescent: a preliminary report // Vegetation History and Archaeobotany. 2012. Vol. 21/2. P. 95–106.

Rosenberg M. Hallan Çemi // Neolithic in Turkey: the Cradle of Civilization: New Discoveries / M. Özdoğan, N. Başgelen (eds). Istanbul, 1999. P. 25–33.

Rosenberg M., Redding R.W. Hallan Çemi and Early Village Organization in Eastern Anatolia // Life in Neolithic Farming Communities: Social Organization, Identity, and Differentiation / I. Kuijt (ed). N.Y., 2000. P. 39–61.

Savard M., Nesbitt M., Jones M.K. The role of wild grasses in subsistence and sedentism : new evidence from the northern Fertile Crescent // World Archaeology. 2006. Vol. 38/2. P. 179–196.

Willcox G. The Roots of Cultivation in Southwestern Asia // Science. 2013. Vol. 341/6141. P. 39–40.

Willcox G., Fornite S., Herveux L.H. Early Holocene cultivation before domestication in Northern Syria // Vegetation History and Archaeobotany. 2008. 17. P. 313–325.

Willcox G., Buxo R., Herveux L. Late Pleistocene and Early Holocene climate and the beginnings of cultivation in northern Syria // The Holocene. 2009. Vol. 19/1. P. 151–158.

Yartah T. Tell' Abr 3, un village du néolithique précéramique (PPNA) sur le Moyen Euphrate. Première approche // Paléorient. 2004. Vol. 30/2. P. 141–158.

© 2017, С.В. Маслодудо, М.В. Константинов

Забайкальский государственный университет, Чита

НЕОЛИТ И БРОНЗА ТАЕЖНОГО ЧИКОЯ: ПРИРОДНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

На таежных реках Чикой и Менза в Забайкалье с 1970-х гг. планомерно изучаются древние береговые поселения, отличающиеся высокой степенью многослойности. Особенный интерес представляют поселения, связанные с I надпойменными террасами высотой 6–8 м над меженными уровнями рек (от 600 до 800 м над уровнем моря). Террасы имеют позднеплейстоценовое основание с культурными слоями в пределах от 12,8 до 10,8 тыс. л.н. и весьма представительное голоценовое покрытие с сериями тонких черных прослоек, чередующихся с осветленными супесчано-суглинистыми прослойками. Черные прослойки имеют иловатую основу, образующуюся во время высоких, но кратковременных паводков и позволяющую постфактум формироваться уплотненным с травянистой растительностью поверхностям. Они активно осваивались древними людьми для создания поселений в атлантическом оптимуме. Кровлю террас образуют каштановый супесчаный и дерново-почвенный слои. Эти поверхности использовались, соответственно, в периоды суббореала и субатлантики.

Наиболее представительны культурные слои эпохи голоцена на поселениях Студёное-1, Усть-Менза-1, Алтан, Косая Шивера-1. К неолиту и бронзе на указанных памятниках относится совокупно 48 культурных слоев, раскрытых на площади около 2 тыс. м². Разрезы отложений уверенно коррелируются между собой. Наглядная и весьма детальная стратиграфическая картина, дополненная археологической информацией в виде содержимого культурных слоев, обрамленных и защищенных стерильными прослойками, позволяет уверенно судить о характере и последовательности природных изменений и культурных новаций. Их взаимоувязанность в стратотипических разрезах создает надежную основу для создания природно-исторической хронологии явлений и процессов (рис. 1).

Ранний неолит приходится на начальную стадию атлантики, уступая истоки этого природного периода позднему мезолиту (8–7 тыс. л.н.). Рассчитанный возраст раннего неолита – 7–5,5 тыс. л.н. Средний неолит приходится на середину атлантики – 5,5–4,5 тыс. л.н. Поздний неолит – на конец атлантики – 4,5–3,8 тыс. л.н.

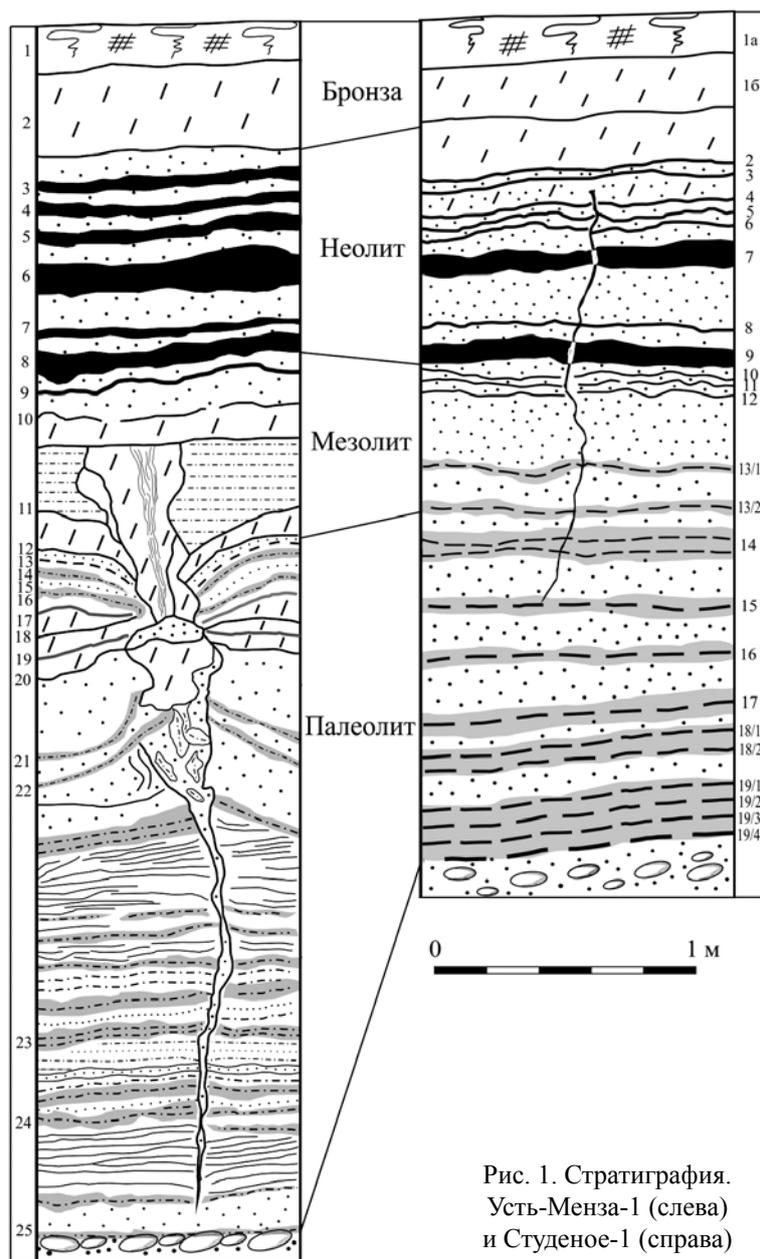

Рис. 1. Стратиграфия.
Усть-Менза-1 (слева)
и Студеное-1 (справа)

Для неолита характерны керамические сосуды небольших размеров с острым или округлым дном, изготовленные техникой выколачивания и сохраняющие отпечатки нитей на поверхности. Использование нитей для обматывания колотушек предполагает наличие тканей. Художественное оформление сосудов выполнялось штамповым орнаментом, размещенным в зоне венчика, с постепенным усложнением и охватом верхней трети тулова. Первоначально весьма слабый обжиг сменился более качественным. Каменная индустрия построена на широком использовании торцовых клиновидных микронуклесов, унаследованных от технологии палеолита и мезолита. Микропластинки использовались для вкладышевых ножей и наконечников стрел с костяными основами. Мелкий инструментарий изготавливался из пластинок и отщепов. Он включал в себя скребки, резцы, проколки, ножи, скобели. Отдавалось предпочтение яшме и халцедону, но их приходилось доставлять издалека, и потому этот материал использовали максимально полно. Вероятно, большинство каменных изделий закреплялось в рукоятках. Вплоть до позднего неолита в ходу были остроконечники из пластин. Основной прием вторичной обработки – краевая ретушь (рис. 2). Для крупных орудий, рубящих и скребловидных, основами служили местные речные гальки темных пород с идеально отшлифованными водным потоком поверхностями. Искусственно шлифованных орудий на поселениях не встречается. Обитатели поселений охотились на главных обитателей тайги – изюбров, лосей и медведей, а также на лошадей и бизонов, последних в этих местах. Костяные заколки-укэны свидетельствуют об охоте на пушного зверя. Дополняли охоту рыболовство и собирательство.

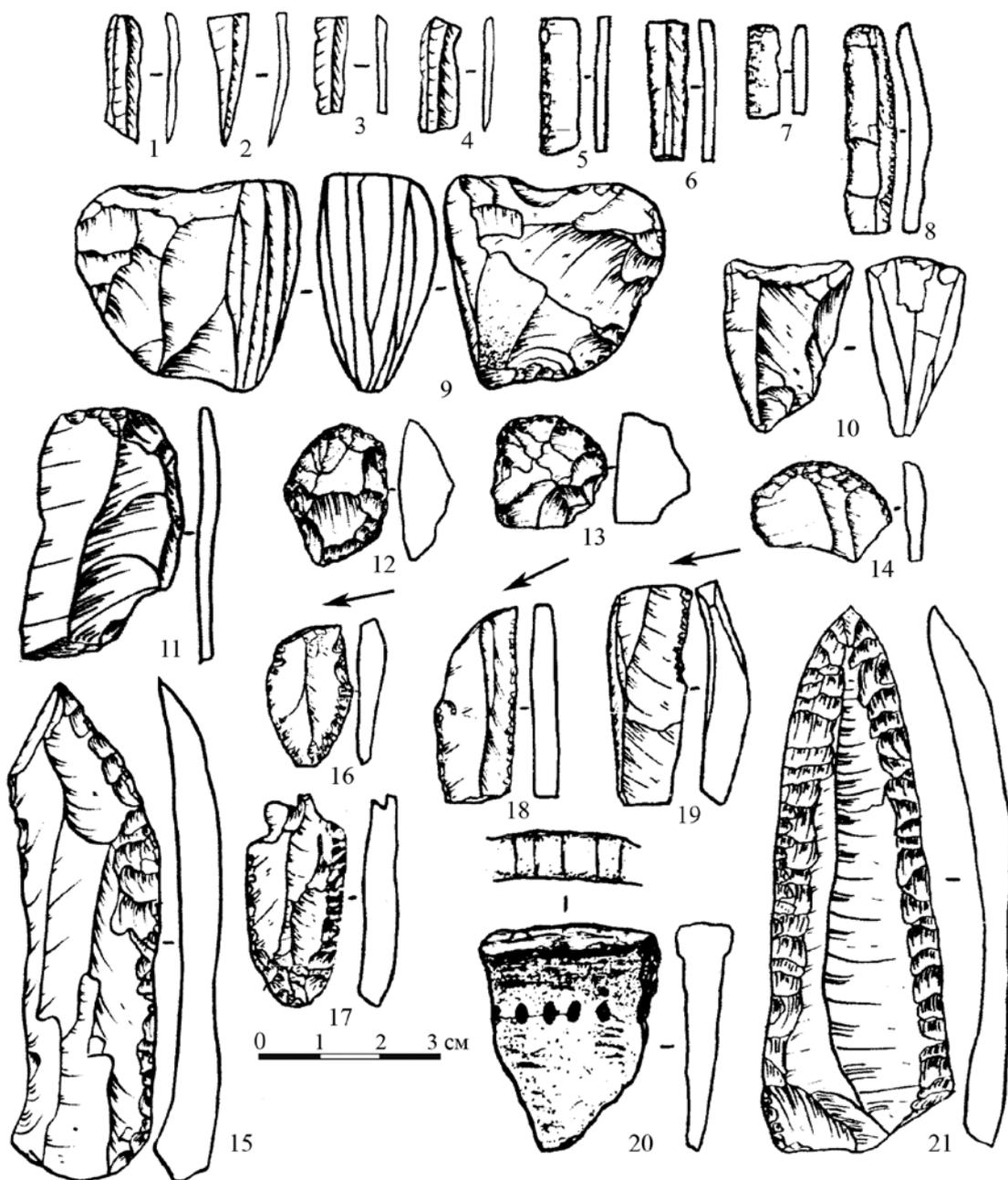

Рис. 2. Типичные артефакты неолита

Суббореал и субатлантика отмечены использованием бронзы. Соответственно обозначенным геологическим периодам выделяются ранняя бронза (3,8–2,8 тыс. л.н.) и поздняя бронза (2,8–2,2 тыс. л.н.) Об умении самостоятельно добывать руду свидетельствуют массивные молоты, кирки, отбойники. Изделия из металла и литейные формы крайне немногочисленны. Выявлены абразивные камни со следами заточки металлических инструментов. Крупные ножи по-прежнему изготавливались в виде наборных микропластинчатых лезвий, заключенных в костяную основу. Микропластинки традиционно отжимались с торцовых клиновидных микронуклеусов. Наконечники стрел известны двух типов: бифасиальные из отщепов и пластинчатые с оформлением острия в даурской технике. Круглодонные и плоскодонные сосуды несут богатый штамповый орнамент и отличаются крепким обжигом. Они могли окрашиваться красной охрой. Появляются плоские керамические плитки (рис. 3). Сохраняются охотничьи традиции, но в поздней бронзе начинается одомашнивание животных. Найдены кости свиньи, овцы, козы, коровы. О контактах со степняками свидетельствуют обломки триподов. Усложняется планиграфия поселений. Появляются основательно устроенные из плоских плиток очаги прямоугольной формы, обогревающие жилища. Таежное население эпохи бронзы, несомненно, имело местные неолитические корни.

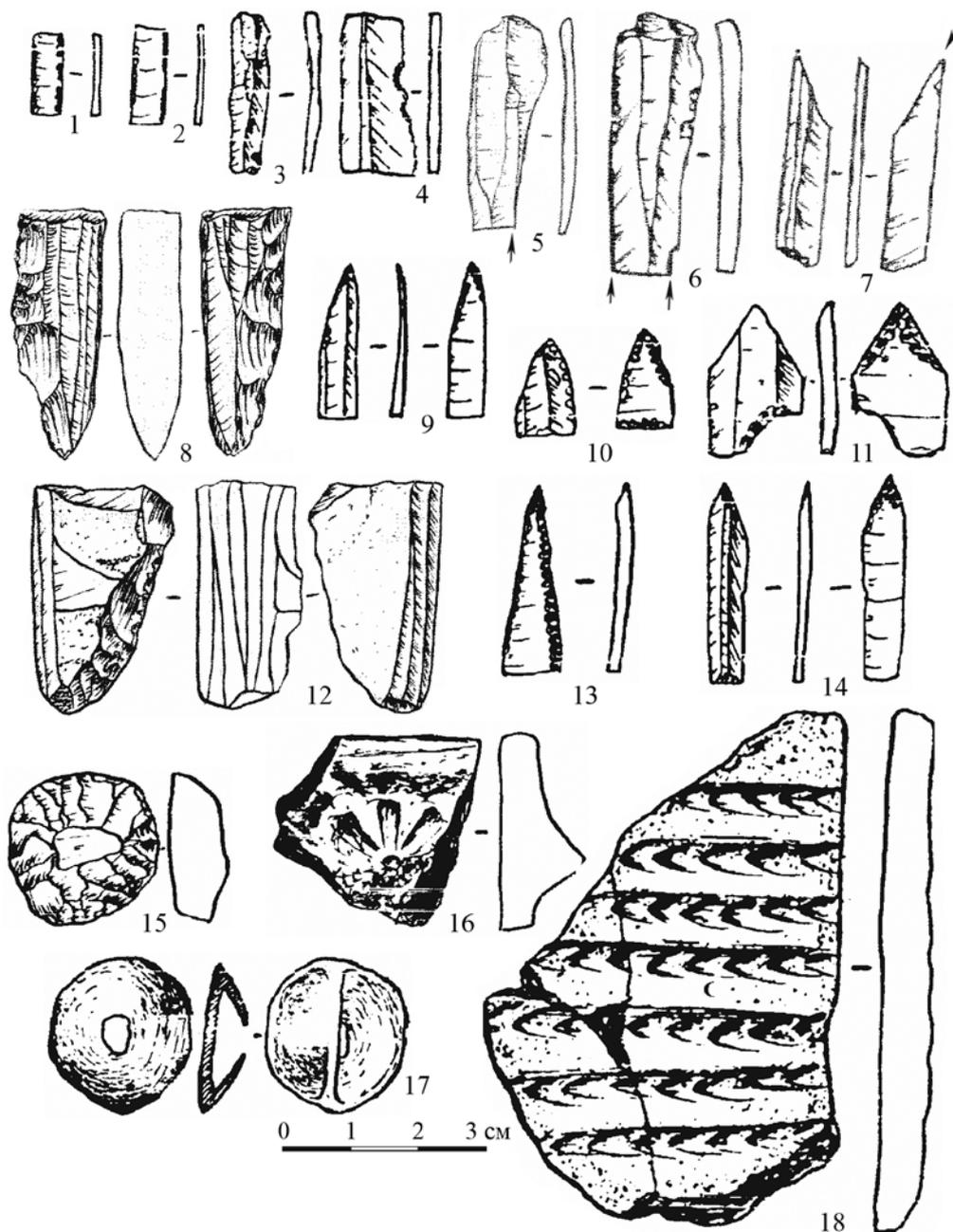

Рис. 3. Типичные артефакты эпохи бронзы

Развернутая картина жизни обитателей тайги представлена в ряде диссертаций и монографий [Константинов, 1994; Константинов, Екимова, Верещагин, 2016]. К сожалению, в последнее время появились публикации, в которых бореальные и атлантические отложения I террас совершенно безосновательно относятся к позднему плейстоцену. У авторов этих публикаций, вероятно, есть большое желание доказать наличие в забайкальской местности самой древней в мире керамики и самых древних в Азии наконечников стрел. При этом полностью игнорируются основы геоархеологии, построенные на умении различать плейстоценовые и голоценовые отложения и оценивать возраст палеопочв по их морфологии и позиции в разрезах отложений. Фундаментальные геоархеологические разработки представлены трудами С.М. Цейтлина, Д.Б. Базарова, А.Б. Иметхенова, Л.Д. Базаровой, И.Н. Резанова, А.Ф. Ямских и др., принимавших непосредственное участие в изучении древних поселений Чикоя и Мензы [Цейтлин, 1979; Базаров и др., 1982; Базаров, 1986; Базарова, 1985; Резанов, 2003; Ямских, 1993].

Обозначилась еще одна весьма странная тенденция: вслед за керамикой и наконечниками стрел принята попытка принципиально изменить представление о времени появления металлургии. Обоснованием для этого послужила находка в палеолитическом слое Усть-Мензы-14 «небольшого фрагмента магнетит-силикатного скарна» и следов использования охры в культурных слоях поселений, начиная

с палеолита, и в погребениях неолита и бронзы на территории чикойско-мензинской провинции. Отсюда сделаны выводы о наличии «продуктов переработки и изделий металлургического производства на протяжении около 20 тыс. л.н.» и о том, что «древняя металлургия имеет местные корни и возникла в эпоху перехода от палеолита к неолиту в горно-таежном районе Забайкалья» [Попов, Разгильдеева, 2010, с. 154–155]. Не вдаваясь в подробную разборку этих положений, отметим, что появление металлургии, как известно из учебников по археологии, свидетельствует о наступлении эпохи металла и ни при каких ситуациях не может характеризовать эпоху «перехода от палеолита к неолиту». Странно выглядит и то, что обозначенный переход может начинаться с 20 тысяч лет назад. Думается, что измышления о самой древней в мире металлургии, превышающие древнеегипетские и шумерские параметры в четыре раза и построенные на находке одного, совершенно случайного, «фрагмента... скарна» и обычных для культурных слоев и погребений проявлений охры, являют собой пример профанации науки.

Библиографический список

- Базаров Д.Б. Кайнозой Прибайкалья и Западного Забайкалья. Новосибирск, 1986. 181 с.
- Базаров Д.Б., Константинов М.В., Иметхенов А.Б., Базарова Л.Д., Савинова В.В. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. (К XI конгрессу ИНКВА, Москва, 1982). Новосибирск, 1982. 163 с.
- Базарова Л.Д. Палеогеографические реконструкции эпохи обитания первобытного человека в Юго-Западном Забайкалье (по материалам исследования археологических памятников): автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Новосибирск, 1985. 16 с.
- Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994. 267 с.
- Константинов М.В., Екимова Л.В., Верещагин С.Б. Таежный Чикой на рубеже камня и бронзы. Чита, 2016. 247 с.
- Попов В.Б., Разгильдеева И.И. К вопросу о времени возникновения древнего горнорудного ремесла в Забайкалье (на основе археологических материалов Хентей-Чикойского нагорья) // Минералогия и геохимия ландшафта горнорудных территорий. Современное минералообразование: тр. III Всерос. симпозиума с междунар. участием и IX Всероссийских чтений памяти академика А.Е. Ферсмана. Чита, 2010. С. 152–156.
- Разгильдеева И.И., Яншина О.В. Керамические комплексы Западного Забайкалья: проблемы хронологии // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. 2014 г. Казань, 2014. Т. 1. С. 339–342.
- Резанов И.Н. Четвертичная геология, стратиграфия и природно-климатические условия неоплейстоцена Юго-Восточного Прибайкалья и Западного Прибайкалья // Природная среда и человек в неоплейстоцене. Улан-Удэ, 2003.
- Решетова С.А. Реконструкция растительности и климат Забайкалья в позднеледниковье и голоцене (по палинологическим данным): автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Томск, 2017. 17 с.
- Цейтлин С.М. Геология палеолита Северной Азии. М., 1979. 288 с.
- Ямских А.Ф. Осадконакопление и террасообразование в речных долинах Южной Сибири. Красноярск, 1993. 226 с.

© 2017, В.Е. Медведев

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕГО И ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (Нижнее Приамурье)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда
(проект №14-50-00036)

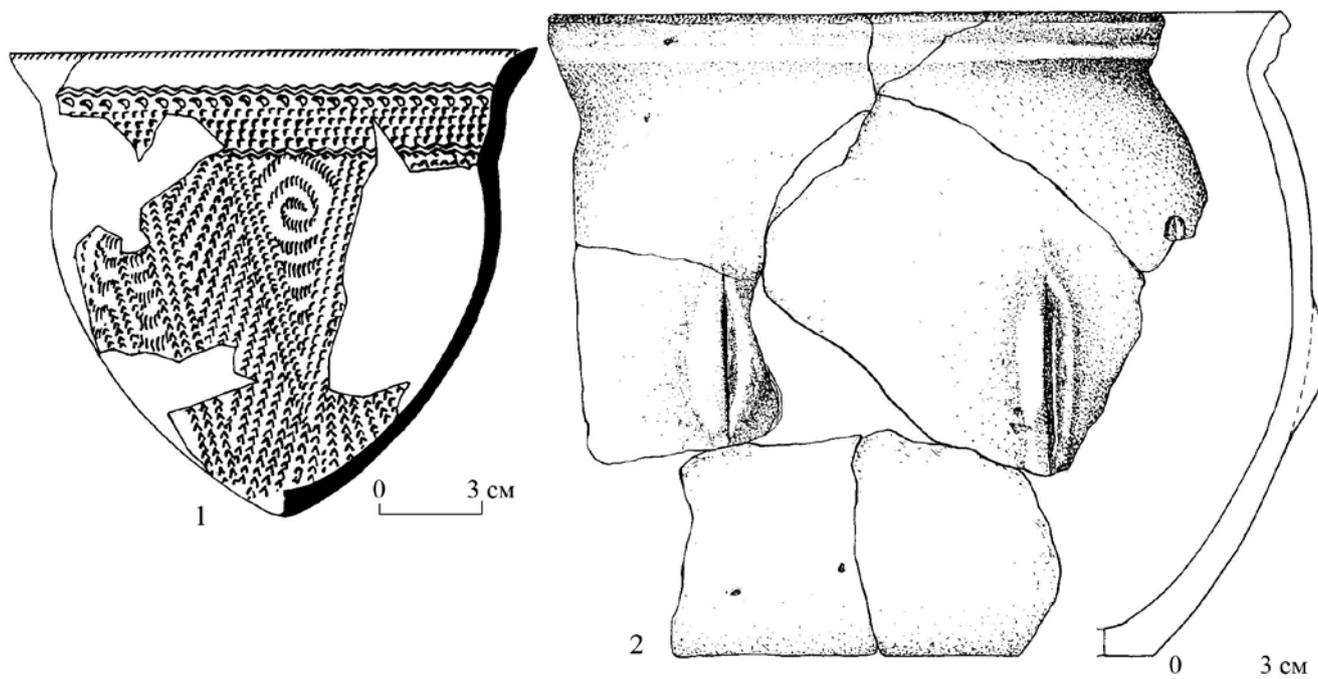
Исследования неолитических культур на юге российского Дальнего Востока демонстрируют в них много общего. Для культур характерны многочисленные поселения с полуземлянками, очагами, ямами и порой с весьма глубокими жилищами-землянками, оснащенными древесно-глиняными ка-

нами и «спальными» ямами (нижний Амур). Неолитическое население занималось многоотраслевым присваивающего типа хозяйством, прежде всего, добычей проходной морской рыбы. Уже на ранних стадиях осиповской культуры начального неолита (14–11 тыс. л.н.) фиксируется большое количество орудий рыболовства, представленных различной формой и размерами грузил для сетей. При этом особо крупные грузила из базальтовых плит (34,5×24,5×7 см) выполняли роль, скорее всего, якорей и использовались при сплавном способе рыбной ловли на лодках. Для населения раннего неолита (мариинская культура, 10–9 тыс. л.н.) столь же характерно занятие рыбной ловлей. На местах их обитания обнаружены многочисленные серии стандартных по форме и размерам грузил из диабазы и песчаника. В позднем неолите в Приморье и на среднем Амуре получило развитие земледелие. На многих поселениях выявлены культовые центры, возникшие в начальном и раннем неолите и функционировавшие на протяжении длительного времени. В настоящее время в правобережной части долины нижнего Амура известно четыре таких центра, выполнявших сакральные функции, являясь своего рода катализаторами религиозно-духовного единения не только создателей неолитических культур, но и в более позднее время, порой даже до этнографической современности [Медведев, 2010].

В камнеобработке присутствует техника расщепления – использование нуклеусов призматического типа, раннее применение абразивных инструментов, шлифование, большое количество рубящих орудий. Последние, наиболее древние в регионе, найдены на ряде памятников осиповской культуры. Эти рубящие топовидные орудия-бифасы по своей форме напоминают грубые ручные рубила. Выявлены в начальном неолите и другие инструменты деревообработки – струги в форме бумеранга для ошкуживания древесины. При раскопках осиповских объектов найдены также землеройные орудия. Одно из подобных характерных изделий с поселения Гася овально-вытянутой формы с расширением с одного симметрично заостренного оббивкой конца. Одна из боковых граней подтесана, образуя выемку, служившую, очевидно, для крепления черенка. Керамика, появившаяся в Приамурье в финале плейстоцена, обеспеченная всеми атрибутами протогончарства [Medvedev, Tsetlin, 2013], за редчайшим исключением, плоскодонная с богатым орнаментом.

На ранней стадии изучения нижнеамурского неолита (1950–1970-е гг.), обладающего сейчас наибольшим в регионе разнообразием культур, до выделения в 1990-е гг. среди них древнейших – осиповской и мариинской – данное время ограничивалось исследователями V–II тыс. до н.э. По исследованиям той поры неолит региона представлялся неразделимым, еще на рубеже 1960–1970 гг. он определялся чаще единой нижнеамурской культурой с подразделением на три этапа: ранний (малышевская культура), средний (кондонская) и поздний (вознесенская). (С появлением в последнее время нескольких радиоуглеродных дат с памятников кондонской культуры немного старше малышевских (8–5 тыс. л.н.), последнюю логичнее связывать в основном со средним неолитом, хотя возникла она в завершающей фазе раннего неолита, как и кондонская, сосуществовавшая длительное время с малышевской.) С расширением культурного спектра нового каменного века на основе раскопок таких объектов, как Сучу, Гася, Кондон-Почта и др., обозначились локальные и хронологические особенности развития культур от Приуссурия до устья Амура. Примером их «необезличенности» служит керамика с характерным орнаментом для каждой из них. На всем протяжении существования культур (14–3,3 тыс. л.н.) происходили контакты их носителей с соседями. В частности, малышевцы среднего неолита взаимодействовали с представителями бойсманской культуры Приморья. Масштабы и обусловленность возможных взаимовлияний этих культур еще предстоит выяснить. Есть, например, в малышевских памятниках низовий Амура яркая оригинальная керамика. Чаще всего это небольших или средних размеров сосуды (изредка крупные высотой и диаметром тулова до 25 см). Они горшковидной формы с хорошо выраженной шейкой, отдельные экземпляры в виде амфор с расширенным в верхней части туловом, прямой высокой горловиной и слегка отогнутым венчиком. Для этой керамики характерен орнамент на тулове в виде длинных, опущенных вниз углов, заполненных наклонными рядами или небольшими спиралями, состоящими из угольчатых или скобковидных оттисков отступающей лопаточки. Нередко сосуды окрашены красной краской. Единично встречается остродонная посуда. Уникален окрашенный красной краской сосуд с туловом, разделенным вертикальными желобками на своеобразные дольки. Найденный на о. Сучу, очевидно, в погребении, впущенном в заполнение жилища, малышевской культуры остродонный сосуд (рис.-1) может свидетельствовать о сосуществовании с малышевцами неких инокультурных групп амурских обитателей.

В данном случае наибольший интерес представляет керамика 3-го этапа бойсманской культуры [Морева, 2005, с. 13, 25]. Это касается рельефной негативной орнаментации и форм сосудов. Плоскостной декор, окрашивание и дольчатая утварь в бойсманской культуре не отмечены. Не выявлена также на всех пяти этапах названной культуры остродонная посуда. Она свойственна только протобойсманской керамике, которая отличается от малышевской своими типами сосудов и отсутствием на их тулове и шейке орнамента [Морева, 2005, с. 25]. Гибридность культур раннего/среднего неолита восточных районов среднего Амура показывают также материалы стоянки Амурзет.

Глиняные сосуды с о-ва Сучу:
 1 – из погребения (?) в жилище В раскопа I (средний неолит);
 2 – из раскопа III (финальный неолит)

На начальном этапе малышевской культуры отмечено проникновение на нижний Амур ряда элементов материальной культуры жителей северо- и южно-тихоокеанских побережий. Особенно наглядно это представлено находками специфических предметов искусства, культа – каменных лабреток с Камчатки, керамических чуринок и характерных орнаментов от протоайнов [Медведев, 2016], что сказалось на облике амурских культур среднего и позднего неолита. В малышевскую культуру развитого этапа происходит внедрение обитателей других ареалов. С севера из районов современной Якутии пришли носители белькачинской культуры, оставив свою шнуровую круглодонную керамику и некоторый каменный инвентарь на месте ранее существовавших малышевских жилищ-полуземлянок. Причины, видимо, массовых кратковременных миграций белькачинцев пока не установлены, так же как и степень влияния этих бродячих таежных пришельцев на оседлое амурское население. Однако этому эпизоду порой почему-то отдается первостепенное значение из числа инокультурных вторжений в нижнеамурский неолит [Шевкомуд, 2015, с. 153].

Расцвет в развитии неолита Нижнего Приамурья приходится на время функционирования вознесенской культуры (III – 3-я четверть II тыс. до н.э.), распространявшейся также на многие районы соседнего Приморья. Это наблюдается практически во всех ее слагаемых. В домостроительстве преобладают четырехугольные, иногда округлые в плане полуземлянки, есть также весьма глубокие землянки (свыше 2 м в материке), именно в них в неолите Дальнего Востока (низовья Амура) обнаружена древнейшая отопительная конструкция типа кана, а также спальные ямы. Как те, так и другие являются уникальной особенностью дальневосточного неолита. Остатки кана с техническими элементами, присущими подобным отопительным системам более позднего времени, обнаружены в жилище 84 на о. Сучу. В центре жилища располагался очаг-топка с предочажной ямой. Вокруг них сохранилась сгоревшая конструкция в виде буквы П (в плане) из плах и жердочек, обмазанных глиной. Конструкция

состояла из труб, подобных узким ящикам, по которым из очага-топки шел дым, теплый воздух. Спальные зимние ямы зафиксированы в жилище 83 того же памятника. Эти ямы длиной в среднем 2,65 м и глубиной 35–45 см, заполненные супесью и зольно-углистым грунтом, располагались с четырех сторон очага, размещавшегося в центре жилища.

Для каменного инвентаря вознесеновской культуры присуща бифасиальная техника обработки, особенно тщательно оформлялись отжимной ретушью метательные орудия, пластинчатая техника отмечается редко. Рубящие орудия, как правило, шлифованные. Любопытно, что среди групп тесел и топоров памятников юго-западной части Нижнего Приамурья и северо-восточной части великой реки наблюдаются различия. При производстве первых использовались специальные заготовки прямоугольной или подтрапещевидной формы, которые полностью шлифовались. А на изготовление вторых, т.е. из северо-восточных районов, весьма часто подбирались плоские продолговатые нередко довольно крупные гальки, у них шлифовалась лишь рабочая часть.

Керамика вознесеновской культуры подразделяется на бытовую и обрядово-ритуальную. Керамика бытового назначения чаще в виде ситилообразных и горшковидных сосудов. Значительная доля приходится на шаровидно-сферические изделия, есть также сосуды баночные, типа чаши и вазы. Основные орнаментальные композиции на них – зигзаг, спираль, меандр. Наиболее ярко керамика представлена обрядово-ритуальными сосудами с зоо-, антропоморфным, растительным рельефным орнаментом, окрашенными ярко-красной или малиновой краской. Подобные изделия – удивительные образцы искусства, которое у вознесеновцев сформировалось и достигло подлинных вершин в различных жанрах (полиэконическая или полиобразная зоо- и антропоморфная скульптура, украшения, петроглифы). Достижения амурского населения вознесеновского времени, своего рода неолитический апогей, – результат культурной аккумуляции на протяжении многих тысячелетий.

Вместе с тем нельзя не увидеть, что на фоне прогрессивного его развития, включая, прежде всего, производственную сферу, под влиянием соседей происходит подспудное осознание возможности использования более совершенных металлических изделий (вначале неутилитарного культового характера). Это вело к деградации техники изготовления каменного инвентаря. Преобладающей стала техника шлифования, в особенности тесел, стамесок, долот, наконечников стрел. Пластинчатая индустрия сходит на нет, нуклеусы в вознесеновской культуре большая редкость – сработанные пластинчатые.

К наименее изученному в Нижнем Приамурье неолиту относится его финальный этап (конец II тыс. до н.э.), материалы которого известны лучше в северо-восточной части региона. Для его керамики характерны простые горшковидные гладкостенные емкости с наклепным валиком по венчику (иногда двумя). Имеется найденный на о. Сучу редкий сосуд с вертикальными в виде раздвоенных ребер наложения на тулове (рис.-2).

В реалиях финального неолита нижнего Амура просматривается влияние соответствующих культур соседних территорий – в первую очередь островных тихоокеанских. В целом же особенности развития неолита, прежде всего позднего, в различных частях Приамурья и в Приморье отразились позже при формировании культур палеометалла.

Библиографический список

Медведев В.Е. Неолит Амурского бассейна // III Северный археологический конгресс. Доклады. 8–13 ноября 2010. Ханты-Мансийск. III Northern Archaeological Congress. Papers. Novembers 8–13 11. 2010. Khanty-Mansiisk; Екатеринбург, 2010. С. 54–91 (на рус. и англ. яз.).

Медведев В.Е. К проблеме воссоздания культурно-исторических процессов в эпоху неолита в Приамурье // Археологическое наследие в Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): мат. междунар. конф. Кемерово, 2016. С. 45–52.

Морева О.Л. Керамика бойсманской культуры (по материалам памятника Бойсмана-2): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 26 с.

Шевкомуд И.Я. Неолит палеометалл в Нижнем Приамурье – концепция палеокультурного развития // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития. Владивосток, 2015. С. 140–176.

Medvedev V.E., Tsetlin Yu.B. Technological analysis of the earliest ceramics from the Amur region (13–10 thousand years bp) // Archaeology Ethnology Anthropology of Eurasia. 2013. №2. P. 94–107.

ПОГРЕБЕНИЯ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА С НАРУШЕННОЙ АНАТОМИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТЬЮ КОСТЯКА НА ПОСЕЛЕНИЯХ ВЁКСА-1, ВЁКСА-3 В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ СУХОНЫ

По мнению исследователей, на севере европейской части России в эпоху мезолита и неолита доминирует вытянутая поза умерших [Алексин, 2000]. Исследования могильников в 1990–2000-е гг. в бассейнах р. Сухоны, Кубенского озера позволили сделать ряд важных открытий, существенно дополняющих наши знания по погребальным традициям, бытовавшим здесь в каменном веке.

При исследовании комплекса многослойных поселений Вёкса, в 4 км к северо-западу от пос. Устье-Вологодский Вологодского р-на Вологодской области, выявлены могильники. Поселения расположены на левом берегу реки Вологды, при впадении небольшой лесной речки Вёкса (бассейн Сухоны – Северной Двины). Протянувшиеся на два километра по левому берегу Вологды поселения в верхней западной части от устья Вёксы называются Вёкса-1, а в нижней части комплекса к востоку от устья – Вёкса-3. Памятники занимают участок прибрежного пойменного луга, который подвергается интенсивному разрушению. Стратиграфия на различных участках имеет свои особенности, зависящие от насыщенности находками культурных отложений, которые накапливались в период от раннего неолита до древнерусского времени. На поселении Вёкса-1 выявлены 15 культурно-хронологических комплексов раннего неолита – энеолита, бронзы, раннего железного века, раннего средневековья (Вёкса-А – Вёкса-Н) [Недомолкина, 2000а, с. 277–283]. На поселении Вёкса-3 – 9 слоев, содержащих 6–8 комплексов раннего неолита – энеолита, бронзы [Недомолкина, 2000б, с. 3–5]. Материалы Вёксы позволяют проследить культурно-исторические события на протяжении восьми тысячелетий.

Могильник Вёкса-1. Во время раскопок в 1993 г. на четвертом участке поселения обнаружен могильник, который начал размываться рекой [Недомолкина, Никитинский, 1996, с. 88]. На береговом склоне был заложен раскоп общей площадью 40 м². Выявлено девять охристых пятен со следами тлена костей. Из них исследовались только охристые пятна 1, 2. Раскопки были продолжены в 1994–1995 гг. Вологодской археологической экспедицией под руководством автора статьи. Общая площадь исследования составила 140 м².

Стратиграфия четвертого участка поселения сложная, так как это центральная часть памятника. Ситуацию осложняют многочисленные разновременные перекопы, хозяйственные и могильные ямы. Общая мощность культурных наслоений со стерильными прослойками составляет 2 м.

Слой раннего железного века середины – 2-й половины I тыс. до н.э. представлен темно-серым с вкраплениями угля суглинком, насыщенным осколками очажных камней, керамикой. Слой мощностью до 0,6 м (в ямах) содержит остатки постройки с крупным очагом. Его подстилает намывной слой светло-коричневого суглинка, мощностью от 0,08 до 0,18 м, в нижней части которого найдены редкие фрагменты сосудов чирковско-сейминского типа. Здесь же найдена керамика, которая в качестве примеси имеет песок и мелкую дресву. Основные элементы орнамента – ямка и короткий гребенчатый штамп в верхней части сосуда. Материал датируется временем поздней бронзы концом II тыс. до н.э., возможно, началом I тыс. до н.э. Отложения периода энеолита на этом участке памятника не имеют стерильных прослоек и состоят из темного сильно гумусированного суглинка мощностью от 0,8 до 1,05 м (в ямах). Верхняя часть слоя, имеющая коричневый оттенок содержит редкие находки фатьяновского материала середины – третьей четверти II тыс. до н.э. Керамика слоя, среди которой выделено несколько фрагментов с примесью асбеста, представлена фрагментами пористых сосудов с Т- и Г-образными венчиками, близкими к поздневолоосовским материалам, и сосудами типа Модлона-II в рамках III тыс. до н.э. Конструкции данного слоя сильно нарушили лежащий ниже светло-серый суглинок, наибольшая мощность которого 0,5 м с неолитическими каргопольскими материалами середины IV тыс. до н.э. Верхние культурные слои отделены намывной прослойкой желтой материковой глины 0,2–0,6 м от охристого слоя мощностью 0,16–0,46 м (культурный слой могильника). Слой насыщен большим количеством кальцинированной кости и мелкими угольками. Охристый слой перекрывает и частично разрушает слой коричневой глины 0,14–0,3 м, содержащей раннеолитические материалы последней четверти – конца V тыс. до н.э. Материк представлен светло-коричневой глиной.

Могильник, выявленный в охристом слое, сориентирован по линии С–Ю. Не исключено, что в расположении могил существовала рядная система. Пятнадцать могильных ям направлены по линии З–В с отклонениями на 10–40°. Могилы в основном подпрямоугольной формы, длинной стороной соответствуют ориентировке костяка, углы скруглены, стенки почти отвесные, дно уплощенное. Поперечные разрезы ям имеют корытообразную форму. Ширина могил связана с количеством, длина – с ростом обнаруженных погребенных. Исключением являются могильные ямы 1, 2, в которых были захоронены только черепа. Почти все могильные ямы, за исключением погребения 11 сопровождались верхними охристыми пятнами мощностью 0,05–0,15 м. Размеры пятен не соответствуют размеру могильных ям. У некоторых ям пятна смещены или соответствуют нескольким погребениям. Между верхним охристым пятном и могильной ямой прослежены прослойки желтой материковой глины, практически не пропитанной охрой, мощностью до 0,2 м, что удивительно, так как сверху и снизу прослойки находились конструкции с сильно концентрированной охрой. Конфигурация могильных ям четко прослеживалась в светло-желтой глине благодаря интенсивному охристому заполнению, в котором находились костные останки. Самая мощная засыпка охрой была в могильных ямах 6–8. В остальных погребениях наибольшая концентрация охры отмечена в районе черепа и живота. Охра красного цвета, в могильной яме 8 – малинового. Под костяками охры в большинстве случаев не было. В погребениях 6, 7, 16 на дне ям найдены единичные угольки. На уровне охристых пятен прослежено большое количество столбовых ямок, которые можно разделить на две группы. Первые связаны с конструкциями вышележащего культурного слоя энеолита. Ямки заполнены сильно гумусированным черным суглинком, мелкой красной глиняной крошкой. Они сильно разрушают часть погребений. Погребения 8, 9, 11 прорезаны хозяйственными ямами этого же слоя. Ямки диаметром 0,1 м с серым зольным однородным заполнением проявились при разборке охристого слоя. Несомненно, они связаны как в целом с конструкцией могильника, так и с отдельными могильными ямами. Какой-то закономерности в расположении ямок вокруг ям не выявлено. Но почти у половины из них столбовая ямка находилась с западной стороны погребения, что позволяет предположить о существовании здесь столбика. Благодаря надземным столбовым конструкциям, при плотном сосредоточении на небольшой площади, погребения только в двух случаях перекрывают друг друга.

В пятнадцати могильных ямах захоронено около 28–30 индивидуумов. Ориентация и положение костяков неустойчивы. Преобладающее направление – восток – юго-восток. Обратное направление зафиксировано в трех погребениях: 8, 15, 16. Погребения могильника существенно различаются по обряду захоронения. В могильных ямах 1, 2 были захоронены одни черепа. В погребениях 7а–б, 14, 15, помимо основного костяка, находились дополнительные черепа. Костяков, которые бы могли им принадлежать, не найдено. Как отмечалось выше, слой был насыщен огромным количеством кальцинированной кости. Возможно, использовался ритуал частичной кремации покойного. Погребение 6, – возможно, 8-парное. Большинство погребений совершено по обряду труположения. В тех случаях, где тлен кости фиксировался более четко, удалось установить, что при обряде труположения костяки лежали на спине, руки слегка согнуты в локтях, сходятся в районе таза. Кости ног сильно сведены в нижней части, что дает возможность предположить о применении пеленания ног. Исследователи отмечали подобную позу у погребенных в могильниках Попово, Милино-1 [Суворов, 2000а, с. 169].

Все костные останки очень плохой сохранности. По заключению антропологов, материал погребений представлен фрагментированными кальцинированными разрушенными элементами костных тканей, с расслоенной компактной и отсутствующим губчатым веществом*. Реставрации не подлежат. Анализ антропологического материала дал результаты по двенадцати костякам. Девять из них принадлежали взрослым индивидам, три – подросткам.

Четыре погребения сопровождались находками. Собственно погребальный инвентарь присутствует в погребениях 3, 4, 14. В погребении 3 на уровне груди *in situ* найдены фрагментированное на четыре части квадратное в сечении сланцевое кольцо с насечками из светлого шифера и кремневая лунница. Такие формы украшений, как сланцевые кольца и лунница, существуют продолжительное время и имеют широкое территориальное распространение. Наиболее близкой аналогией сланцевому кольцу с Вёксы являются кольца со стоянки Кубенино в Архангельской области [Фосс, 1952, с. 53]. Кремневая лунница имеет большое количество аналогий на памятниках неолита – энеолита. В могильной яме 4

* Определение всего антропологического материала проведено канд. ист. наук, зав. отделом МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН В.И. Хартановичем.

в головах погребенного найдено комбинированное орудие, выполняющее функции скребка и скобеля. Подобное положение предмета зафиксировано в погребении 2 могильника Бревенный [Ошибкина, 1996, с. 226]. В погребении 14 между ног скелета, на уровне щиколоток, найдены нуклеидные сколы. У бедра и голени с правой стороны костяка фиксировались следы тлена предмета из дерева или кости. В могильной яме 6 в ногах погребенного в охристой засыпке найден фрагмент керамики с ямочно-гребенчатой орнаментацией, который мог попасть из культурного слоя стоянки.

Таким образом, наиболее характерные черты могильника поселения Вёкса-1 заключаются в следующем: могильные ямы ориентированы по линии запад – восток с небольшими отклонениями; могильной яме соответствует верхнее охристое пятно; ориентация погребенных различна, преобладает восточная; костяк засыпан охрой; сочетаются обряд труположения и парциальные погребения; фиксируются следы пеленания тела; вещи найдены в 1/5 захоронений; набор вещей – кольцо с насечками, лунница, орудие.

Культурная и временная принадлежность погребенных из-за малоинформативного сопровождающего инвентаря и необычной погребальной обрядности определению поддается плохо. Учитывая, что погребение 11 было перекрыто большим кострищем из слоя с каргопольским неолитическим комплексом, можно соотнести его с этим комплексом поселения. Подобные надмогильные сооружения считаются не характерными для погребального обряда, тем не менее небольшой очаг из камней с углями фиксировался над погребением женщины в Караваевском могильнике [Ошибкина, 1996, с. 225]. Разница в уровне захоронений между погребением 11 и большинством остальных составляет до 40 см. Очевидно, часть могил имеет более раннее происхождение. На это может указывать еще один факт. Сосуд 2 с ямочно-гребенчатым орнаментом, заглубленный из слоя с каргопольским комплексом, прорезал охристое пятно 15. Каргопольскому комплексу на 4 участке поселения Вёкса-1 предшествовали льяловский комплекс и комплекс с раннегребенчатыми материалами. При этом слой с льяловскими материалами выклинивается к 4 участку поселения. Охристый слой перекрывает и смешивается с раннеолитическим слоем. Следующий фактор, который необходимо отметить, – это наличие в погребениях кольца с насечками, лунницы, фигурного орудия – скребка. Их происхождение более логично связать с энеолитическим комплексом поселения типа Модлона-II. Учитывая эти данные, могильник поселения Вёкса-1 может быть отнесен к периоду неолита – энеолита, соотноситься с неолитическими комплексами памятника, энеолитическим комплексом поселения типа Модлона-II и датироваться широкими рамками каменного века IV – началом III тыс. до н.э.

Могильник Вёкса-3. В 1999–2000 гг. на поселении Вёкса-3 исследовались погребения в яме. В заполнении ямы представлены скелетные останки двух индивидуумов – молодого, в возрасте до 20 лет и взрослого мужчины возрастом 30–35 лет. Верхний череп нижней частью был вплотную прижат к краю могильной ямы. Череп лежал на скоплении костей, положение которых первоначально создавало впечатление о сидячем захоронении. Оно получило название погребение №1. Оказалось, что частичные кости скелета погребения были сосредоточены в скоплении под черепом. Кости же в заполнении ямы принадлежали второму индивиду – погребение №2, череп которого был обнаружен после снятия верхнего. При расчистке погребения выявлено, что череп сдвинут в сторону от позвоночника. Кости таза были расположены в противоположном позвоночнику направлении, а бедренные и берцовые кости находились сверху. Положение костей свидетельствует о расчленении трупа до/при погребении, хотя явных следов воздействия на костях не выявлено.

Конструкция ямы своеобразна, округлая в плане, она имела размеры 62×66×51 см. Под костями прослежен мощный слой гумуса, возможно, какая-то подкладка из шкур (?). На дне ямы находился округлый выступ, при снятии которого выявлена тонкая угольная прослойка. Очевидно, яма имела надземную конструкцию, о чем свидетельствуют столбовые ямки, прослеженные по ее краям.

Редкий случай, когда погребения сопровождаются сосудами. У теменной части верхнего черепа находился развал половины сосуда, намеренно фрагментированного. Орнамент нанесен по гладкому полю ямчатым штампом в технике накола в виде двух цепочек ромбов, опоясывающих сосуд в его верхней части. По венчику расположен пояс из ямок большего диаметра. При выборке второго костяка с правой стороны в районе ребер найден небольшой фрагментарный глиняный сосудик, формой и орнаментом повторяющий большой сосуд. На его внутренней стенке нанесен ромбический знак. Аналогий в поселенческой керамике не имеется. Необычная конструкция могильной ямы, положение костяков затрудняют поиски аналогий. Погребения связаны со слоем 7, содержащим материалы периода разбитого неолита (даты по C14 5650±150 (ГИН-10182), 5700±700 (JE-5857), 6105±30 (KIA-33928) BP)

с ямочно-гребенчатой керамикой «северных типов». Датировки погребений по костям из-за отсутствия коллагена не были успешны.

Обращаясь к наличию сходных элементов погребального обряда в территориально и хронологически близком диапазоне, находим, что подобные черты фиксируются в мезолитических – неолитических могильниках Восточного Прионежья, Кубенского озера. Прямых же аналогий вёксинскому обряду, где бы в массовом порядке отмечались погребения с нарушенной анатомической целостностью, автору неизвестно. Хотя практика единичного расчленения трупов зафиксирована в Восточном Прионежье уже с периода мезолита [Ошибкина, 1994, с. 20]. Сочетание двух вариантов обращения с телом (положения целого и расчлененного) отмечено в могильнике периода мезолита – раннего неолита на многослойном памятнике Минино-I в бассейне Кубенского озера в погребениях 5, 12, 15, 16, 19 [Суворов, 2000б, с. 12]. Повреждения костей скелета фиксировались в погребениях на стоянках каргопольской культуры Кубенино и Караваевская [Ошибкина, 1978, с. 109]. На сопредельных территориях известно расчленение костяка в погребении 5 на многослойной стоянке Ивановское-VII в Ярославском Поволжье, которое датируется финальным этапом энеолитической волосовской культуры [Костылева, Уткин, 1997, с. 41].

Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка называются в литературе вторичными, расчлененными, парциальными [Зайцева, 2005, с. 1]. Определить, было ли в могилу помещено тело с уже нарушенной анатомической целостностью или это связано с воздействием естественных деструктивных факторов, бывает достаточно сложно. В отношении погребений с Вёксы таких сомнений нет. При этом наблюдается разница в обрядах. Погребения могильника Вёкса-1 являются парциальными, т.е. частичными, неполными, в ряде погребений это только головы/черепа. Погребения Вёксы-3 являются преднамеренно расчлененными в момент/после смерти. Сложнее определить: являлись ли погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка вторичными, когда после первичного погребения кости собираются и перезахораниваются или подзахораниваются в другие погребения. Именно такое впечатление производит скопление костей погребения 1 могильника Вёкса-3. Парциальные захоронения могильника Вёкса-1 также могли быть вторичными.

Не углубляясь в причины появления таких обрядов у древнего населения Сухонского бассейна, отметим, что расчленения тела и отчленения головы получили распространение во всем финно-угорском мире, который позднее займет эти территории.

И, несомненно, мифологические представления формировались в глубокой древности, что находит подтверждение в нашем случае.

Библиографический список

- Алексин В.А. Происхождение и распространение скорченной позы умерших в погребениях каменного века // Хронология неолита Восточной Европы. СПб., 2000.
- Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.
- Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские погребения на стоянке Ивановское-VII в Центральной России // ИАИ. Самара, 1997. Вып. 2. С. 41–54.
- Недомолкина Н.Г. Многослойное поселение Вёкса // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000а. Вып. 4, т. 1. С. 277–283.
- Недомолкина Н.Г. Поселение Вёкса-III (Устье-Вологодское-III) // CRITERION «Традиции в контексте русской культуры». Череповец, 2000б. С. 3–5.
- Недомолкина Н.Г., Никитинский И.Ф. Могильник поселения Вёкса // Древности Русского Севера. Вологда, 1996. Вып. 1. С. 88–93.
- Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978. 227 с.
- Ошибкина С.В. Мезолитические погребения Восточного Прионежья // Археологические вести. №3. СПб., 1994. С. 20.
- Ошибкина С.В. Неолит Беломорья и Крайнего Северо-Востока // Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996. 377 с.
- Суворов А.В. Ярусное погребение №19 мезолитического могильника на памятнике Минино-I // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000а. Вып. 4, т. 1. С. 161–169.
- Суворов А.В. Новые материалы первобытности с многослойного памятника Минино-1 на Кубенском озере // CRITERION «Традиции в контексте русской культуры». Череповец, 2000б. С. 11–14.
- Фосс М.Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР // МИА. №29. М., 1952. 278 с.

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИИ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ

Неолитическая гончарная технология на территории Передней Азии (и в Северной Месопотамии, как его составляющей) и ее истоки исследовались достаточно долго и к настоящему времени изучены хорошо. Это позволяет говорить о независимом происхождении керамического производства в данном регионе, а также подробно рассмотреть все этапы его становления.

Предшественники гончарной технологии. Разными исследователями отмечалось, что у гончарства в Северной Месопотамии были свои предшественники как в функциональном (корзины, каменные сосуды и т.п.), так и в технологическом отношении. Рассмотрим все стадии неолитической гончарной технологии на наличие предшественников для каждой из них:

Сырье. Основным сырьем для изготовления керамических сосудов в неолите Северной Месопотамии являлась глина различной степени ожелезненности и пластичности, в основном с примесью разных видов кальцита. В докерамических памятниках глина использовалась достаточно широко при изготовлении антро- и зооморфных фигурок (как в обожженном, так и необожженном виде); предметов домашнего обихода (лавок, очагов); в архитектуре для изготовления сырцовых кирпичей и для обмазки полов и стен [Бадер, 1989, с. 197; Gibbon, 2015, p. 30, 38; Moore, 1995, p. 45, 47; Özdoğan, 2009, p. 22].

Искусственные примеси. Неолитическая керамика Северной Месопотамии традиционно делится на два вида: керамика с минеральными и керамика с растительными примесями. Минеральные примеси имеют различный состав: кальцит, базальт и др. [Le Mier, Picon, 2003, p. 177; Nieuwenhuse, Akkermans, 2010, p. 77]. В ряде случаев устанавливается их искусственное происхождение. К растительным примесям относят резаную солому и навоз. В предшествовавшее появлению керамики время оба вида примесей использовались при изготовлении так называемых *белых сосудов* – из гипса, известняка или их смеси, появившихся за два тысячелетия до керамических изделий. На поселении Али Кош известны сосуды, состоящие из гипса и кальцинированной глины, а в Иерихоне – кирпичи из смеси глины и известняка. Растительная примесь к гипсовым сосудам зафиксирована на поселении телль Рамад [Kingery, Vandiver, 1998, p. 219, 226–227]. Традиции добавления растительных примесей также находят свое начало в сырцовой архитектуре на всех поселениях региона.

Конструирование и формообразование. Исследователи ближневосточной неолитической керамики отмечают, что она лепилась «комками» или «лоскутами». В ряде случаев можно предполагать использование жгута. Также есть несколько свидетельств применения формы при конструировании керамических емкостей [Петрова, 2016, с. 53–55; Nieuwenhuse, Dooijes, 2008, p. 162; Vandiver, 1987]. Аналогичная технология использовалась при создании «белых сосудов», на которых иногда находят следы, указывающие на использование форм [Kingery, Vandiver, 1998, с. 227; Moore, 1995, p. 45; Nieuwenhuse, Dooijes, 2008, p. 162; Nilhamn, Koek, 2013, p. 292; Özdoğan, 2009, p. 25]. Кроме того, есть свидетельство изготовления сырцовых кирпичей из «комков» глины и растительной примеси [Vandiver, 1987, p. 27–28].

Обработка и декорирование поверхности. Заглаживание и лощение, роспись и ангобирование, характерные для неолитической керамики, также встречается на гипсовых, известняковых и каменных сосудах (кроме заглаживания), что отмечено на многих поселениях [Kingery, Vandiver, 1998, p. 222; Özdoğan, 2009, p. 24].

Обжиг. Помимо чисто хозяйственных целей, намеренное использование огня и знание способов его контроля было известно на рассматриваемой территории задолго до появления гончарства. Например, при изготовлении «белых сосудов» исходное сырье, гипс или известняк предварительно пережигались для получения порошка, который при смешивании с водой давал необходимую формовочную массу. Важно отметить, что для обжига гипса требуется температура 100–150°, а для известняка – 800–950°. При этом сосуды, изготовленные из этих разных составов, находят на одном памятнике и даже в смеси друг с другом [Kingery, Vandiver, 1998, p. 221; Mantiatis, 2009, p. 4; Nilhamn, Koek, 2013, p. 290].

Таким образом, все будущие ступени гончарного производства начали свое развитие задолго до его появления, имея многочисленных предшественников.

Неолитическая гончарная технология. Самая ранняя на Переднем Востоке керамика происходит из двух различных очагов: восточного и западного. Восточный очаг связан с горами и предгорьями Загроса в Иране и Ираке. Здесь самое раннее поселение с керамикой – Гандж Дарех D, датируется последней третью VIII тыс. до н.э. В начале VII тыс. до н.э. керамика распространяется в этой зоне уже достаточно широко. Это поселения Али Кош в Южном Ираке, Джармо и тепе Гуран в Иране. Известно, что в этой керамике присутствовала «растительная примесь» [Mellaart, 1975, p. 80–90; Амиров, в печ.]. Кроме того, П. Вандивер, изучавшая керамику с Гандж Дарех, отмечает, что для ее изготовления использовалось три вида глин в зависимости от функционального назначения сосудов, а также применялся лоскутный налеп [Vandiver, 1987].

Западная зона, датирующаяся началом VII тыс. до н.э., связана с территорией Сирии (телли эль-Керх, Саби-Абьяд, Халула, Секер аль-Ахеймар, Рас-Шамра) и юго-восточной Турции (Салат Ками Яни, Мезраа Телейлат, Акарсай Тере, Чатал-Гуюк) [Le Miere, Picon, 2003, p. 176; Nieuwehuysse, Dooijes, 2008, p. 161; Özdoğan, 2009, p. 30]. Самая ранняя керамика, происходящая из этого очага, технологически не является совсем простой. Отмечается, что она сделана из глины с искусственно добавленной минеральной примесью с использованием лоскутов и жгутов для больших изделий. Сосуды выполнены очень тщательно, формы их разнообразны, присутствуют ручки, роспись и ангоб [Nieuwenhuse, 2006, p. 115; Nieuwenhuse, Akkermans, Van der Plicht, 2010, p. 77–78].

Одни исследователи объясняют эту ситуацию тем, что стадия «проб и ошибок» была пройдена в другом материале («белые сосуды») или в глиняных сосудах, которые еще не обжигались [Gibbon, 2015, p. 30, 38]. В докерамическое время известны необожженные сосуды. Например, на телле Магзалия (Северный Ирак) найден большой необожженный сосуд-хранилище и единичные фрагменты керамики [Бадер, 1989, с. 62]. Есть упоминания о необожженных глиняных сосудах на поселении Гандж Дарех, а также Мурейбат и Абу Хурейра в долине р. Евфрат [Moore, 1995, p. 45]. Другие исследователи предполагают, что еще не найдена область первоначального гончарного производства. Археологи, работавшие в Сирии, ищут ее в Турции [Nieuwenhuse, Akkermans, Van der Plicht, 2010, p. 80], а их турецкие коллеги – в Сирии [Özdoğan, 2009, p. 30]. М. Ле Мьер, изучавшая раннюю неолитическую керамику Сирии, отмечает, что на ряде памятников часть ранней керамики была местная, а часть – импортирована. Причем импорт не имел единого происхождения [Le Miere, 2013, p. 323].

Ряд исследователей полагают, что керамика с минеральной примесью появилась в Северной Месопотамии первой, а растительная примесь была добавлена в нее позднее [Le Miere, 2013, p. 323; Gibbon, 2015, p. 41]. Однако кажется более вероятным различное происхождение этих двух видов керамики: с минеральными примесями – более западное, с растительными – восточное, связанное с загросской традицией. Во всяком случае на следующем этапе развития неолита в Северной Месопотамии четко очерчиваются две культурные зоны: западная (Западная Сирия и Юго-Западная Турция) и восточная – «протохассуна» (Восточная Сирия и Северный Ирак), в которых наблюдается разделение керамики по примесям: преобладание минеральных – на западе, а растительных – на востоке [Le Miere, 2013, p. 323; Özdoğan, 2009, p. 27].

Дальнейшее развитие технологии неолитической керамики Северной Месопотамии имеет разные региональные и культурные особенности, но подробно оно было изучено только по материалам памятников Синджарской равнины, расположенной на территории Северного Ирака. Здесь пока известен только один полностью раскопанный памятник, где был зафиксирован переход от докерамического неолита к керамическому – поселение Гинниг [Campbel, Baird, 1990; Moore, 1995, p. 43]. Кроме того, по личному сообщению Н.О. Бадера, раскапывавшего поселение Магзалия, близко к поверхности были найдены отдельные фрагменты керамики, которые были неправильно интерпретированы, как более поздние.

Технологическому изучению подвергались керамические коллекции поселений телль Сотто, Кюль-тепе и Ярымтепе-I, материалы которых отражают все стадии развития керамического неолита в регионе: период протохассуны (телль Сотто, Кюльтепе, нижние горизонты Ярымтепе-I), архаической и стандартной хассуны при влиянии на нее более южной самарской культуры (Ярымтепе-I). Раскопки на этих памятниках производились советской экспедицией под руководством Р.М. Мунчаева в 1969–1980 гг. [Мунчаев, Мерперт, 1981; Бадер, 1989]. Изучением технологии изготовления керамики памятников телль Сотто и Кюльтепе занимались А.А. Бобринский [1999, 2006] и М. Ле Мьер [Бадер, Ле Мьер, 2008], а поселения Ярымтепе-I – автор с позиций историко-культурного подхода к изучению древнего гончарства, разработанного А.А. Бобринским [Петрова, 2012, 2016].

Протохассуна. Керамика периода протохассуны демонстрирует уже достаточно развитые технологические традиции. В большинстве случаев использовалась высокопластичная сильно- и среднежелезненная глина, к которой добавлялся навоз крупного и мелкого рогатого скота в очень значительной концентрации – 40–70% [Бобринский, 2006, с. 415–416; Петрова, 2012, с. 18–20].

Приемы конструирования и формообразования изучены только для поселения Ярымтепе-I. При изготовлении менее крупных и грубых сосудов использовались лоскуты, оторванные от жгутов с последующим их выбиванием на форме-основе, а для более грубых изделий использовались жгуты. Заглаживание производилось пучком травы, а затем кожей. Поверхность примерно половины менее крупных и грубых сосудов орнаментировалась красной краской, различными налепами, изредка покрывалась ангобом, иногда ложила. Более крупные и грубые сосуды обычно не орнаментировались [Петрова, 2016, с. 51–56].

Архаическая хассуна. Переход от протохассуны к архаической хассуне фиксируется на поселении Ярымтепе-I, начиная с 10 горизонта [Петрова, 2016, с. 57]. Он знаменуется различными изменениями в гончарной технологии. Преобладающим исходным сырьем становится среднепластичная, средне- или слабожелезненная глина. В качестве искусственной примеси примерно в половине сосудов присутствует навоз мелкого рогатого скота в концентрации 20–40%, остальные сосуды изготовлены из чистой глины. Происходит смена способа конструирования изделий как для более тонких, так и для более грубых: в преобладающем большинстве случаев зафиксирован двуслойный лоскутный налеп. Появляется заглаживание, предположительно, тканью. На части грубых сосудов зафиксирована гипсовая обмазка. В орнаментации керамики, наряду с сохранением предшествующих традиций, добавляются новшества, вероятно, связанные с инокультурным влиянием: встречается коричневая краска и резной орнамент. Интересно, что состав краски при этом остается прежним, так как после повторного обжига при температуре 850 °С краска вновь приобретает красный цвет. Это указывает на то, что данные сосуды обжигались при более низких температурах. Орнаментированы практически все изделия, за исключением самых грубых. В 10 горизонте Ярым-тепе-I зафиксирован древнейший, из известных в настоящее время, гончарный горн с вертикальным током горячих газов [Мунчаев, Мерперт, 1981, с. 75; Цетлин, 2004, с. 412–413]. Такое раннее появление (2-я половина VII тыс. до н.э.) столь сложного устройства также свидетельствует о длительном развитии гончарной технологии на данной территории.

В период перехода к архаической хассуне на памятнике происходят заметные изменения в большинстве гончарных традиций. Это может быть связано с притоком на поселение Ярымтепе-I нового населения.

Стандартная хассуна. В период стандартной хассуны, выделенный на памятнике Ярымтепе-I авторами раскопок с 7 горизонта, керамика по своим технологическим особенностям не сильно отличается от предшествующего периода. В качестве сырья по-прежнему преобладает использование среднепластичной, среднежелезненной глины, изредка встречаются сосуды из нежелезненной глины. Примерно половина изделий изготавливается с примесью навоза мелкого рогатого скота, но в еще меньшей концентрации – 10–20%, а другая – из чистой глины. В конструировании продолжает использоваться двуслойный лоскутный налеп. Сосуды в основном орнаментируются примерно поровну красной и коричневой краской, иногда резьбой, большинство ангобировано. В 7 горизонте меняется состав коричневой краски, к нему добавляются какие-то новые ингредиенты и ее цвет после повторного обжига уже не меняется.

Примерно с 5 горизонта на памятнике появляется керамика самаррской культуры. Для ее изготовления используется высокопластичная глина разной железистости, в основном без искусственных включений, но встречаются и фрагменты с примесью навоза мелкого рогатого скота в небольшой концентрации (примерно 10–20%). При конструировании также используется двуслойный лоскутный налеп. Сосуды самаррской культуры орнаментированы коричневой краской, иногда резьбой. Изредка встречается ангобирование.

На основании изучения неолитической керамики на исследуемых памятниках удалось проследить во времени различные культурные изменения, причиной которых стали разнообразные процессы смешения, шедшие как внутри самого протохассунского и хассунского населения, так и с носителями более южной самаррской культуры в течение столетий. Кроме того, были установлены конкретные технико-технологические традиции керамического производства, которые демонстрируют неразрывную связь процесса изготовления керамики с предшествующими технологиями, опробованными на других материалах и для других целей.

Следует еще раз подчеркнуть, что гончарная технология в Северной Месопотамии, безусловно, имеет местное происхождение, что подтверждается как наличием ее многочисленных предшественников, так и последующим быстрым развитием самой технологии, позволившей в короткие исторические сроки достигнуть большого прогресса (двухъярусные горны для обжига керамики и гончарный круг в более позднее время).

Библиографический список

Амиров Ш.Н. Культурный процесс и климатические флуктуации эпохи раннего и среднего голоцена на Переднем Востоке, на примере Южного Леванта и Северной Месопотамии. В печати.

Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989. 368 с.

Бадер Н.О., Ле Мьер М. От докерамического к керамическому неолиту в Синджаре: начало протохассуны // Проблемы современной археологии: сборник памяти В.А. Башилова. М., 2008. С. 30–48.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.

Бобринский А.А. Данные технологии о происхождении гончарства // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 413–421.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981. 320 с.

Петрова Н.Ю. Технологическое изучение керамики поселения хассунской культуры Ярмытепе-I // Российская археология. 2012. №2. С. 15–22.

Петрова Н.Ю. Технологическое изучение керамики поселения Ярмытепе-I (периоды протохассуны и архаической хассуны) // КСИА. 2016. №242. С. 48–59.

Цетлин Ю.Б. Гончарный горн на памятнике Телль Хазна-I // Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна-I. М., 2004. С. 404–424.

Campbel S., Baird D. Excavations at Ginnig, the aceramic to early ceramic neolithic sequence in North Iraq // *Paleorient*. 1990. Vol. 16/2. P. 65–78.

Gibbon E. A localized approach to the origins of pottery in Upper Mesopotamia // *Laurier Undergraduate Journal of the Arts*. 2015. Vol. 2. P. 29–45.

Kingery W.D., Vandiver P.B. The beginnings of pyrotechnology, Part II: Production and use of lime and gypsum plaster in the pre-pottery neolithic Near East // *Summer. Journal of field archaeology*, 1998. Vol. 15, №2. P. 219–244.

Le Miere M. Uniformity and diversity of pottery in the Jazirah and the Northern Levant during the early pottery neolithic // *Interpreting the late Neolithic of Upper Mesopotamia*. Turnhout, 2013. P. 323–330.

Le Miere M., Picon M. Appearance and first development of cooking and “non-cooking ware concepts in the Near East // *Ceramics in society. Proceedings of the 6-th European meeting on ancient ceramics*. 2003. P. 175–188.

Mantiatis Y. The Emergence of ceramic technology and its evolution as revealed with the scientific techniques // *From mine to microscope: advances in the study of ancient technology*. Oxford, 2009. P. 1–18.

Mellaart J. *The Neolithic of the Near East*. London. 1975. 300 p.

Moore A.M.T. The inception of potting in Western Asia and its impact on economy and society // *The emergence of pottery. Technology and innovation in ancient societies*. Washington and London, 1995. P. 39–53.

Nilhamn B., Koek E. Early pottery Neolithic white ware from tell Sabi Abyad // *Interpreting the late Neolithic of Upper Mesopotamia*. Turnhout, 2013. P. 289–296.

Nieuwehuysse O.P. The earliest ceramics from tell Sabi Abyad, Siria // *Leiden journal of pottery studies*. 2006. Vol. 22. P. 111–127.

Nieuwehuysse O.P., Dooijes R. A new life for old pots. Early pottery repairs from 7th millennium Tell Sabi Abyad (Northern Syria) // *Leiden journal of pottery studies*. 2008. Vol. 24. P. 159–170.

Nieuwenhuse O.P., Akkermans P.M.M.G., Van der Plicht J. Not so coarse, not always plain – the earliest pottery of Syria // *Antiquity*. 2010. №84. P. 71–85.

Özdoğan M. Earliest use of pottery in Anatolia // *Early farmers, late foragers, and ceramic traditions: on the beginning of pottery in the Near East and Europe*. Cambridge, 2009. P. 22–43.

Petrova N.Yu. A technological study of Hassuna culture ceramics (Yarim Tepe I settlement) // *Documenta Praehistorica*. 2012. Vol. XXXIX. P. 75–81.

Vandiver P. Sequential slab construction; a conservative southwest asiatic ceramic tradition, ca. 7000–3000 B.C. // *Paleorient*. 1987. Vol. 13, №2. P. 9–35.

КРИТЕРИИ РАННЕГО НЕОЛИТА КАМЧАТКИ (по данным исследования стоянки Ушки-V, Усть-Камчатский район, п-ов Камчатка)

Наиболее полной периодизацией, хронологией и этнической характеристикой древней истории Камчатки долгое время оставалась схема, предложенная Н.Н. Диковым на основе изучения им многослойных стоянок на берегу Большого Ушковского озера (Усть-Камчатский район, полуостров Камчатка). Н.Н. Диковым [1979, с. 106–128] была составлена первая периодизация и карта распространения неолитических культур Камчатки в составе других неолитических культур Восточной Сибири и Дальнего Востока. Затем А.К. Пономаренко [2011, с. 171–183] была предложена периодизация древних культур Северной Камчатки. Активизация исследований на стоянке Ушки-V отрядом СВГУ [Ponkratova, 2017, p. 67–69; Gomez S., Ponkratova, 2016; Pendea F. and other, 2016; и др.] и, как следствие, получение новых материалов делают актуальным обращение к рассмотрению проблем, связанных с периодизацией и хронологией каменного века Камчатки в целом и ранним неолитом в частности.

Стоянка Ушки-V вместе с другими ушковскими стоянками располагается на южном берегу Большого Ушковского озера (высота берега над уровнем моря – 37 м, над уровнем реки – 3 и 9 м), представляющего разновысокую окраину пьедестала крупной и высокой конусообразной вулканической постройки Ключевской группы вулканов, перекрытую ледниковыми флювиогляциальными и пролювиальными рыхлыми осадками. Рыхлая толща (мощностью до 2,5–2,8 м), содержащая культурные слои, древние почвы и пепловые горизонты, литологически едина и представлена супесями (алевритами). Супеси имеют вулканогенно-осадочный генезис и являются фацией почвенно-пирокластического чехла, входящей в ряд покровных образований. Толща почвенно-пирокластического чехла датируется голоценом – верхним плейстоценом. В конце плейстоцена Большое Ушковское озеро было частью образованного около 25–20 тыс. л.н. обширного древнего ледникового водоема, умеренно холодного типа со значительными глубинами [Титов, Казакова, 1985, с. 24–34]. Этот водоем во все времена привлекал представителей местной фауны: крупных (лоси, северные олени, медведи), мелких млекопитающих, птиц, а за ними приходил сюда и человек. Берега незамерзающего зимой водоема, являвшегося источником пресной воды и разнообразной ихтиофауны, во многом способствовали выработке своеобразной адаптивной стратегии древнейших обитателей ушковских стоянок.

Изучение стратиграфии и датировок стоянки Ушки-V позволило выявить четыре этапа ее заселения [Ponkratova, 2017, p. 67–69], и с учетом данных, полученных Н.Н. Диковым [1977, 1979, 1993] при раскопках стоянок Ушки-I–IV, периодизация ушковских стоянок выглядит следующим образом:

Периоды*	Этапы	Даты**	Примечание
Переходный от палеолита к неолиту период <i>Финал плейстоцена – начало голоцена Бореал и пребореал</i>	Первый этап (ранняя ушковская культура, VII культурный слой стоянок Ушки-I, V)	11320±30 – 10350±50 л.н. Стоянка Ушки-I: от 14300±200 (МАГ-550) до 13600±250 (ГИН-167) л.н. Стоянка Ушки-V: 10240±75 BP (AA-41386) (CalPal: 10053±212), 9485±275 (AA-41387) (CalPal: 8840±365), 10810±50 BP (GrA-37278), (CalPal: 10835±68), 10350±50 BP (GrA-37279), (CalPal: 10323±187), 10960±50 BP (GrA-37277), (CalPal: 10939±95), 11196±59 BP (KIA40603) (CALIB rev 5.01: cal BC 11233–11094, cal BC 11264–11007, CalPal: 11146±115), 11060±25 (SR-7175, UCIAMS-32199) (CalPal: 11001±96), 11320±30 (SR-7173, UCIAMS-32198) (CalPal: 11260±97).	Диков Н.Н., 1977, 1979, 1993; Goebel T., Waters M., Dikova M., 2003, p. 501–505; Ponkratova I., 2017, p. 67–69.
	Второй этап (поздняя ушковская культура, VI культурный слой стоянок Ушки-I, II, IV, V)	10360±350 – 10860±400 л.н. Стоянка Ушки-I: 10860±400 (МАГ-400), 10760±110 (МАГ-219), 10360±350 (МО-345) л.н. Стоянка Ушки-V: 10240±75 14C BP (AA-41386) (CalPal: 10053±212), 9485±275 14C BP (AA-41387) (CalPal: 8840±365).	Диков Н.Н., 1977, 1979, 1993; 20026; 2005; 2011; Goebel T., Waters M., Dikova M., 2003, p. 501–505; Ponkratova I., 2017, p. 67–69.

Периоды*	Этапы	Даты**	Примечание
Начальный неолит <i>Атлантик</i>	Третий этап (V культурный слой стоянок Ушки-I, II, V)	7705±38 – 6900 Стоянки Ушки-I, II: 8790±150 л.н. Стоянка Ушки-V: 7705±38 BP (KIA35662), (CALIB rev 5.01: cal BC 6590–6578, 6574–6497) (cal BC 6629–6622, 6608–6464) (CalPal: 6541±44).	Диков Н.Н., 1977, 1979, 1993; Ponkratova I., 2017, p. 67–69.
Ранний неолит <i>Суббореал</i>	Четвертый этап (IV культурный слой стоянок Ушки-I, II, V)	6900–3000 л.н. Стоянка Ушки-I, II: 4200±100 л.н. (МАГ-132). (CalPal: 2766±126).	Диков Н.Н., 1977, 1979; Ponkratova I., 2017, p. 67–69.
Неолит (тарьинская культура) <i>Суббореал</i>	Пятый этап (III культурный слой стоянок Ушки-I, II, III)	3000–2550 л.н. 2070±190 л.н. (Mo–354), 2160±290 л.н. (МАГ–5), 2440±80 л.н. (РУЛ–607), CalPal: 109±227, 238±357, 586±132. Поселения были погребены пеплом вулкана Шивелуч (2550 л.н. (CalPal: 661±143).	Диков Н.Н., 1977, 1979.
Поздний неолит <i>Субатлантик</i>	Шестой этап (II культурный слой стоянок Ушки-I, II)	I тысячелетие н.э. 1052±25 л.н. (МАГ-32) (CalPal: 989±17).	Диков Н.Н., 1977, 1979.
Древнеильменская культура <i>Субатлантик</i>	Седьмой этап (I культурный слой стоянок Ушки-I, II, V)	Конец I тысячелетия н.э. – XVI–XVII вв. 235±145 (MO) (CalPal: 1703±178), 675±80 (JE-70) (CalPal: 1318±57), 220±140 (MO-353), (CalPal: 1713±176)	Диков Н.Н., 1977, 1979.

* Для периодизации голоцена использована схема Блитта-Сернандера; ** Перевод в календарный возраст осуществлялся с помощью «CALIB rev 5.01» (запись: IntCal04, Reimer et al., Radiocarbon 46:1029–1058) и компьютерной программы CalPal2007_HULU.

Для каждого этапа характерен свой особый комплекс материалов, свидетельствующих об общих и особенных культурных традициях, прослеживаемых в домостроении, экономике, каменной индустрии, керамическом производстве, символическом поведении.

Четвертый период заселения связан с раннеолитическим культурным слоем, который на стоянке Ушки-V залегает в гумусированном суглинке темного серо-коричневого цвета, что согласуется с данными Н.Н. Дикова*. Согласно стратиграфическому описанию и данным тефрохронологии, раннеолитический слой на стоянке Ушки-V расположен между хорошо известными сегодня пеплами вулканов Шивелуч (извержение 2550 л.н.) и Хангар (извержение 6900 л.н.). В связи с этим предварительно слой датируется от 3 до 5–6 тыс. л.н.

В IV культурном слое стоянки Ушки-V прослежены два составляющих его горизонта. В первом горизонте выявлено три ямы, в одной из которой (яма №1) обнаружены отщепы, микропластинки, орехи. В яме №2 находились сколы, отщепы, микропластинки. В яме №3 обнаружены отщепы, пластинки и микропластинки, фрагмент нуклеуса, фигурки рыбок, сколы, керамика. Во втором горизонте найдены отщепы, сколы, нуклеусы, наконечники стрел, пластинки и микропластинки, сколы, скребок, кости животных. Всего за 2004–2011 гг. на стоянке Ушки-V в IV культурном слое эпохи раннего неолита обнаружено 4437 находок. На основании анализа артефактов можно выделить следующие признаки, которые могли бы стать критериями для раннеолитической эпохи полуострова Камчатка:

1. Призматические макро- и микронуклеусы (рис. 2.-1–9); скребловидные орудия (рис. 2.-10–13), резцы – срединные, плоские, боковые на пластинах (рис. 2.-14–20), ретушированные наконечники стрел на пластинах (рис. 2.-24–33); отбойники (рис. 2.-34–35), пластинки и пластины, используемые в качестве ножей и фрагменты пластин со следами утилизации, используемые для вкладышевых орудий (рис. 2.-36–47).

2. Сырьевая база для изготовления каменных орудий – обсидиан, кремьен, базальт, редко – яшма. При этом преимущество было за обсидианом**.

3. Керамические сосуды (рис. 2.-21) с шаровидными стенками, со слегка отогнутым наружу венчиком, с рядом сквозных отверстий; изготавливались из глины с добавлением минеральных примесей ис-

* По Н.Н. Дикову [1979, с. 111], археологические находки IV культурного слоя ушковских стоянок относятся к раннему неолиту. Радиоуглеродная датировка этого слоя стоянки Ушки-I – 4200±100 (МАГ-132).

** Обсидиан на всех этапах являлся одним из сырьевых компонентов каменной индустрии на ушковских стоянках, причем его количественные показатели увеличивались от незначительного использования на первом этапе заселения до преимущественного на четвертом.

кусственного происхождения (дробленый обсидиан); формовка сосуда проводилась на специально подготовленной основе, обработка поверхности внешних стенок – путем обмазки и «прокатыванием шнуром», обжигали сосуды в костре, без использования печей. Найденная на стоянке Ушки-V керамика сегодня является наиболее древней на Камчатке и обращает особое внимание на необходимость пересмотра критериев раннеолитической культуры полуострова. Тем более, что на Дальнем Востоке уже известны даже финальнопалеолитические стоянки, в комплекс артефактов которых входит керамика. На Сахалине керамика появляется в период раннего неолита (9–7,2 тыс. л.н.) [Василевский, 2008, с. 240–241].

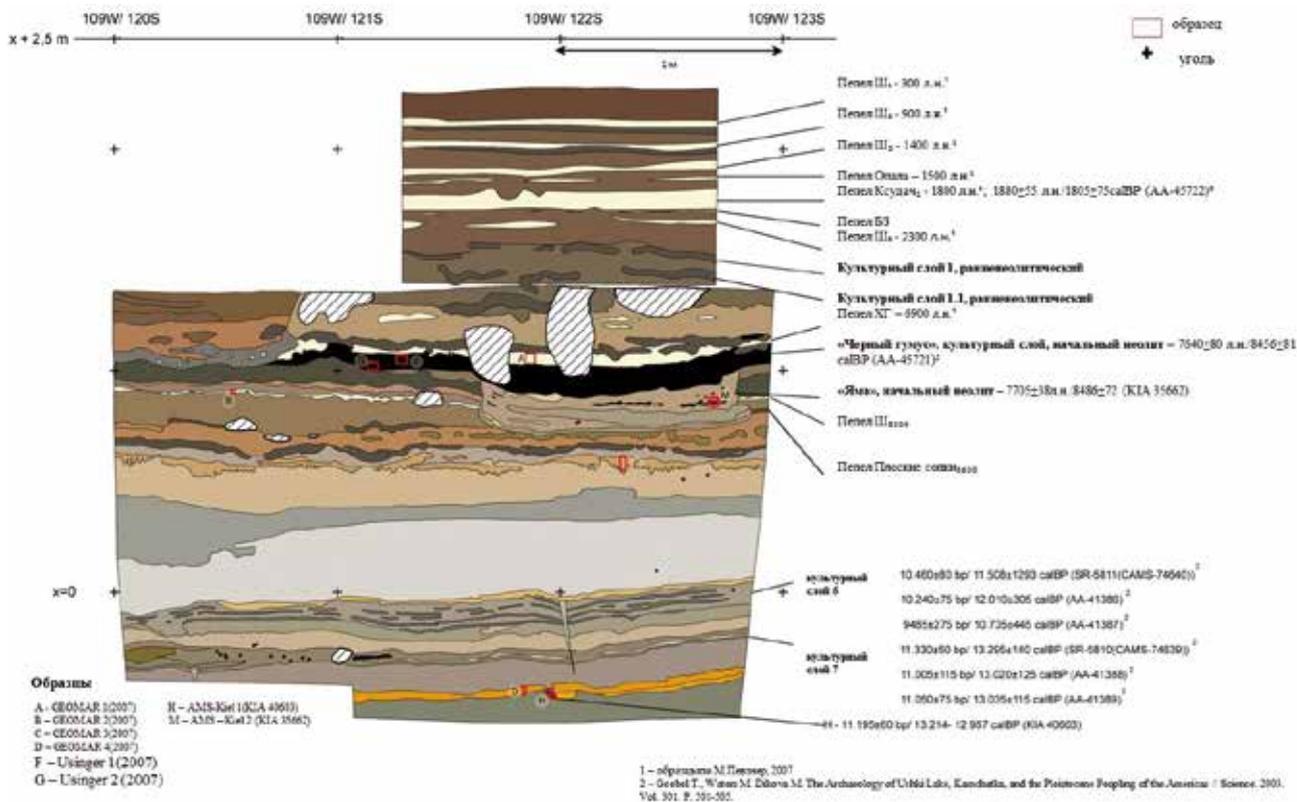

Рис. 1. Стратиграфия стоянки Ушки-V (п-ов Камчатка)

4. Стратегия жизнеобеспечения общества, направленная на рыболовство, – один из признаков неолитизации. Наличие фигурок рыбок из обсидиана (рис. 2.-22–23) – предметов, имеющих культовое значение, является фактом определенного уровня духовного развития исследуемого общества. Это самые ранние, имеющие ритуальное значение находки, связанные с рыболовством. Подобные фигурки будут иметь место позднее в комплексах тарьинской культуры [Пономаренко, 2014, с. 212, рис. 23].

Наиболее близкие аналогии материалам неолитического слоя стоянки Ушки-V имеются в комплексе раннеолитической культуры (IV культурный слой, стоянка Ушки-I), выделенной Н.Н. Диковым [1977, 1979].

Сравнительный анализ материалов раннего неолита стоянки Ушки-V и неолитических культур сопредельных территорий показывает, что прямых аналогий раннеолитическому слою стоянки Ушки-V нет. Отдельные элементы встречаются почти по всей территории Северной Азии. Некоторое сходство в комплексе отмечено в эпоху раннего неолита на Сахалине, когда доминируют микропластинчатая техника изготовления орудий, орудия на пластинах и отщепях, появляется керамика [Василевский, 2008; Грищенко, 2011]. Но в то же время традиции изготовления керамических сосудов различны. Различия прослеживаются в технологии изготовления сосудов (формовочная масса с органикой, заглаживание стенок раковины – на Сахалине, минеральный отощитель, обмазка и «прокатывание шнуром» – на стоянке Ушки-V).

Раннеолитическая культура п-ова Камчатки не была культурой земледельцев и скотоводов, как это было в более южных с теплым климатом районах. Суровые климатические условия севера не позволили заниматься населению Камчатки земледелием, данные археологии о занятиях скотоводством в эпоху неолита, отсутствуют. Это было общество развитых охотников и рыболовов, о чем свидетельствуют каменный инвентарь и фаунистические останки раннеолитического культурного слоя исследуемой стоянки Ушки-V.

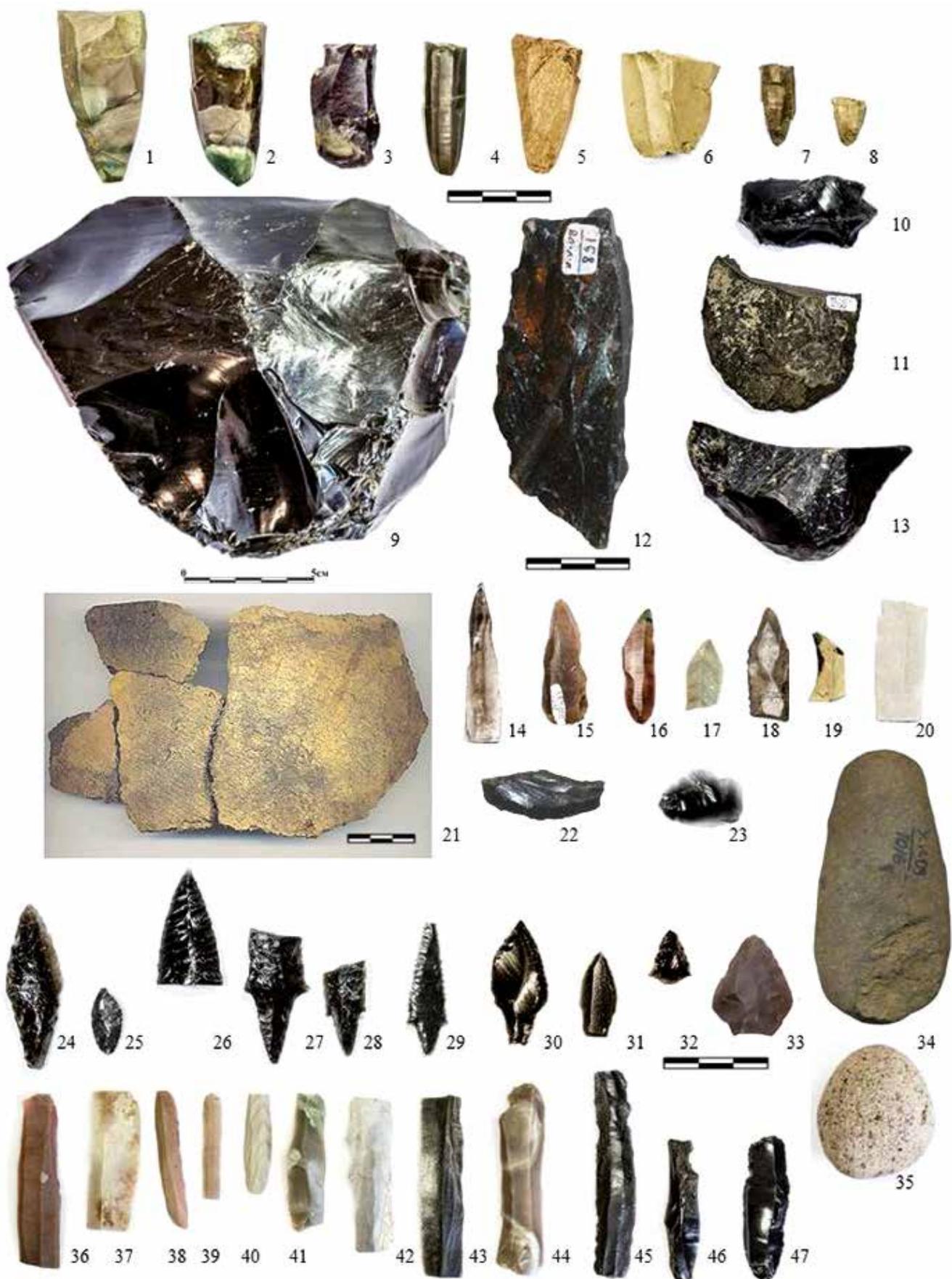

Рис. 2. Инвентарь четвертого этапа заселения стоянки Ушки-V (раннеэолитический слой):
 1–9 – нуклеусы; 10–13 – скребловидные орудия; 14–20 – резцы; 21 – керамика; 22–23 – фигурки рыбок;
 24–33 – наконечники стрел; 34–35 – отбойники; 36–47 – пластинки и пластины

Библиографический список

- Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск, 2008. 412 с.
- Грищенко В.А. Ранний неолит острова Сахалин. Южно-Сахалинск, 2011. 184 с.
- Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1977. 391 с.
- Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1979. 352 с.
- Диков Н.Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан, 1993. 68 с.
- Пономаренко А.К. К вопросу о периодизации древних культур Северной Камчатки // Тихоокеанская археология. Вып. 20: Горизонты тихоокеанской археологии. Владивосток, 2011. С. 171–183.
- Пономаренко А.К. Тарьинская культура неолита Камчатки. Владивосток, 2014. 254 с.
- Титов Э.Э., Казакова Г.П. Геоморфология и условия накопления рыхлых осадков на многослойной археологической стоянке Ушки-V (Центральная Камчатка) // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан, 1985. С. 24–34.
- Hulse E.L., Keeler D.M., Zubrow E.B.W., Korosec G.J., Ponkratova I., Curtis C. A Preliminary Report on Archaeological Fieldwork in the Kamchatka Region of Russia // Sibirica: International Journal of Siberian Studies. Vol. 10. Issue 1. Spring, 2011. P. 48–74.
- Goebel T., Waters M., Dikova M. The Archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and the Pleistocene Peopling of the Americas // Science, 2003. Vol. 301. P. 501–505.
- Gómez Coutouly Y.A. Ponkratova I.Y. The Late Pleistocene Microblade Component of Ushki Lake (Kamchatka, Russian Far East). Volume 2, 2016. PaleoAmerica Published Online: 26 Sep 2016. Print ISSN: 2055-5563 Online ISSN: 2055-5571 // <http://dx.doi.org/10.1080/20555563.2016.1202722>.
- Pendea I.F., Harmsen H., Keeler D., Zubrow E.B., Korosec G., Ruhl E., Ponkratova I. and Hulse E. Prehistoric human responses to volcanic tephra fall events in the Ust-Kamchatsk region, Kamchatka Peninsula (Kamchatsky Krai, Russian Federation) during the middle to late Holocene (6000–500 cal BP) // Quaternary International 394, 2016. P. 51–68.
- Pendea I.F., Ponomareva V., Bourgeois J., Zubrow E.B., Portnyagin M., Ponkratova I., Harmsen H., Korosec G. Late Glacial to Holocene paleoenvironmental change on the northwestern Pacific seaboard, Kamchatka Peninsula (Russia) // Quaternary Science Reviews 157, 2017. P. 14–28.
- Ponkratova I. The Site Ushki-V (Kamchatka) and its place in the periodization of the archaeological cultures of the Northern Far East of Russia // 22 (2) d International Symposium «The initial Human Exploration of the Continental and Insular parts of the Eurasia. Suyanggae and Ogonki». Yuzhno-Sakhalinsk, 2017. P. 67–69.

© 2017, Р.В. Смольянинов

*Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского;
Липецкая областная научная общественная организация «Археолог», Липецк*

ВОЛОСОВСКАЯ КУЛЬТУРА НА ВЕРХНЕМ ДОНУ?

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №17-11-48602 е(р), «Поселение и могильник Васильевский Кордон-27 – контактная зона неолитического и энеолитического населения Верхнего Поволжья и лесостепного Подонья») и Фонда президентских грантов (проект №17-1-005510) «Охрана, мониторинг и изучение археологического наследия Липецкой области»

В 2000 г. А.Т. Синюк и А.Ю. Клоков [2000, с. 75, 80] впервые выделили материалы волосовской культурно-исторической общности на поселении Липецкое Озеро на Верхнем Дону. Памятник располагается в центре Липецка на правом берегу Воронежа. Он полностью уничтожен в результате строительства легкоатлетического манежа. Из-под ковша экскаватора А.Ю. Клоковым была спасена археологическая коллекция из 38811 единиц древних артефактов. Это изделия из кости, кремня и керамика практически всех неэнеолитических культур, известных на Верхнем Дону [Синюк, Клоков, 2000, с. 75, 80]. Раскопки на памятнике не проводились.

К раннему этапу волосовской культурно-исторической общности было отнесено 713 фрагментов керамики, принадлежащих 162 сосудам. Все они характеризуются толстостенностью, в качестве отощителей в их тесто включены органические примеси, кровавик, ракушка, шамот. Глиняное тесто рыхлое, поверхности неровные, шероховатые, со следами штриховки. Для керамики характерен мотив горизонтальной зональности, а в целом стиль орнаментации типичен для ямочно-гребенчатых сосудов позднего облика. По форме сосуды представлены горшками с зауженным верхом или выделенным утолщенным венчиком, реже прямостенные или с сильной профилировкой. Края некоторых горшков несут гофрировку пальцевыми защипами [Синюк, Клоков, 2000, с. 75, 80].

Судя по публикации, часть коллекции действительно относится к керамике волосовской культуры. Это сосуды с Т и Г-образными венчиками, наличие которых не характерно для неолитических культур Верхнего Дона. Она украшалась отпечатками крупного рамчатого штампа и личиночными отпечатками. Остальную же часть коллекции можно отнести к различным неолитическим и энеолитическим культурам: ромбоямочной, среднестоговской и репинской.

На сегодняшний день, помимо стоянки Липецкое Озеро, мы можем отметить материалы волосовской культуры еще на пяти памятниках археологии Верхнего Дона (рис. 1.-1). Это поселения-могильники: Васильевский Кордон-1, Васильевский Кордон-17, Васильевский Кордон-27 и стоянки Васильевский Кордон-25, Доброе-7, располагающиеся на пойменных останцах первой надпойменной террасы правого берега Воронежа (левый приток Дона) в Добровском районе Липецкой области.

Васильевский Кордон-1 [Смолянинов, 2009]. В раскопе площадью 258 м² волосовская культура представлена 43 фрагментами керамики от двух горшков (рис. 2.-1–7). Посуда коричневого цвета с примесью органики. Один из горшков закрытый, второй профилированный. Один срез плоский, второй приострен. Керамика украшена веревочными личиночными отпечатками и гребенчатым штампом. Посуда хорошо заглажена и не имеет гребенчатых расчесов.

Васильевский Кордон-17 [Свиридов, 2012; Смолянинов, 2013–2015]. Общая раскопанная площадь – 348 м². Всего исследовано 28 погребений и шесть древних сооружений неолитического времени (IV – 1-й половины III тыс. до н.э.). К волосовскому можно отнести погребение 14. Положение погребенного вытянуто на спине, ориентация по линии С–СВ – Ю–ЮЗ, головой на северо-северо-восток. Левая рука лежала вдоль тела, кисть на животе. К погребению приурочен богатый погребальный инвентарь. В районе головы, вокруг нее находились обломки двух полностью шлифованных тесел. Оба они были изготовлены из розового и зеленоватого кремня. Одно из тесел удалось частично реконструировать. По форме оно напоминает тесла русско-карельского типа, но в отличие от тесел энеолитических памятников Карелии сделано из кремня. Также возле левой руки погребенного найдены две янтарные пуговицы диаметром 15 мм, в сечении – 5,5 мм. Вдоль длинной стороны пуговицы в ней было просверлено V-образное отверстие для пришивания. Вторая пуговица сильно разрушена. Возле головы погребенного слева и справа обнаружено два медных изделия. Изделие 1 – пластинка удлинненно-овальной формы максимальными размерами 10×3×1 мм. Изделие 2 – пластина длиной 83 мм, шириной от 1 до 2 мм. Также в районе таза погребенного, справа, найден клык животного с несохранившимся основанием. По костям погребенного получена дата – 4511±85 BP (3509–2916 calBC) (SPB-1525). При этом погребение 14 находилось над погребением 13. Последнее представляет собой вытянутый скелет, ориентированный по линии С–В – Ю–З, головой на северо-восток. Погребального инвентаря не обнаружено. По костям погребения 13 получена дата – 4785±100 BP (3707–3371 calBC) (SPB-1526). Также в слое поселения выявлено несколько кремневых фигурок.

Васильевский Кордон-25 [Клюкойть, 2008]. В разведочном шурфе обнаружен один Г-образной формы венчик от толстостенного сосуда, украшенного насечками. Тесто горшка рыхлое, в нем присутствует обильная примесь песка.

Васильевский Кордон-27 [Смолянинов, 2016]. В культурном слое стоянки выявлена янтарная пуговица волосовского типа овальной формы размерами 1,7×1,8×0,6 см с V-образным отверстием. Подобные пуговицы характерны для погребений волосовской культуры. Видимо, эта находка не случайна. Один из закрытых сосудов с утолщением по венчику, украшенный горизонтальными и косовертикальными спаренными ямочными вдавлениями, из постройки 1 находит аналогии в древностях волосовской культуры. По всем признакам к волосовским относится и погребение 1. Длина погребальной ямы 2,3 м, ширина 0,67 м. Глубина погребальной ямы доходила до 0,29 м. Погребение взрослого человека 40–50 лет вытянуто на спине с северо-восточной ориентировкой. На его груди обнаружены кремневое шлифованное тесло (аналогичное теслу погребения 13 могильника Васильевский Кордон-17) и квар-

цитовый отбойник, а обломок тесла и отщеп с ретушью найдены у головы. В заполнении ямы выявлены фрагменты керамики среднестоговской культуры (вероятно, попали из культурного слоя) и кости медведя, бобра, кабана и лося. Челюсть бобра находилась в районе колен погребенного. Тесло находит полные аналогии на памятниках волосовской культуры. По погребению были получены две очень «молодые» даты: по кости животного из заполнения – 3592 ± 55 BP (2133–1772 calBC) (SPB-2102) и по кости самого погребенного – 3775 ± 60 BP (1876–1510 calBC) (SPB-2096).

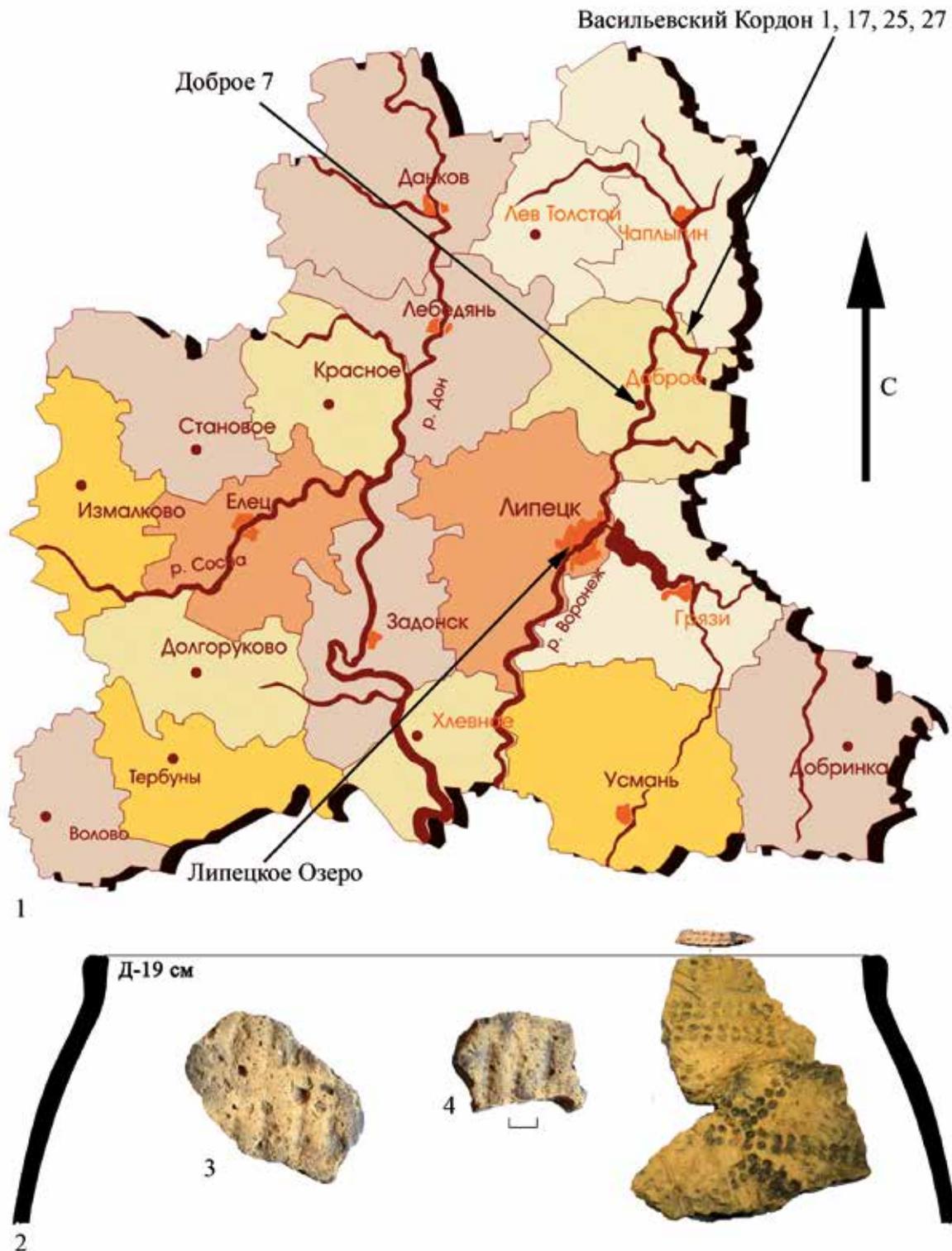

Рис. 1. Материалы волосовской культуры на Верхнем Дону:
 1 – местонахождение верхнедонских памятников волосовской культуры на карте Липецкой области; 2–4 – керамика волосовской культуры с поселения-могильника Васильевский Кордон-27

Рис. 2. Керамика волосовской культуры с поселений Верхнего Дона:
 1–7 – Васильевский Кордон-1; 8–10 – Доброе-7; 10 – рыболовный грузик

Доброе-7 [Бирюков, 2013]. В результате сбора подъемного материала на многослойном поселении выявлено 43 фрагмента керамики. Она серого и коричневого цвета с обильной примесью раковины и органики. Посуда очень рыхлая, украшена горизонтальными рядами ямчатых вдавлений, насечек, гребенчатых отпечатков. Обращает на себя внимание находка одного округлого рыболовного грузика из стенки керамического горшка с двумя перехватами для привязывания.

Исходя из крайне незначительных проявлений волосовской культуры на Верхнем Дону на огромном временном промежутке существования волосовской культуры можно констатировать, что территория Верхнего Дона не входит в ареал ее распространения, а древние артефакты следует рассматривать как индикаторы межплеменных связей древних племен.

Библиографический список

- Бирюков И.Е. Отчет о разведочных работах на территории Липецкой области в 2013 г. В печати.
- Клюкойть А.А. Отчет об археологических исследованиях в Липецкой области в 2008 г. Архив ИА РАН. Р-1.
- Свиридов А.А. Отчет о раскопках поселения Васильевский Кордон-17 в Добровском районе Липецкой области в 2012 г. Архив ИА РАН. Р-1.
- Синюк А.Т. Древнее поселение Липецкое Озеро. Липецк, 2000.
- Смольянинов Р.В. Отчет о раскопках поселения Васильевский Кордон-1 в Липецкой области в 2009 г. Архив ИА РАН. Р-1.
- Смольянинов Р.В. Отчет о раскопках поселения Васильевский Кордон-17 в Добровском районе Липецкой области в 2013 г. Архив ИА РАН. Р-1.
- Смольянинов Р.В. Отчет о раскопках поселения Васильевский Кордон-17 в Добровском районе Липецкой области в 2014 г. Архив ИА РАН. Р-1.
- Смольянинов Р.В. Отчет о раскопках поселения Васильевский Кордон-17 в Добровском районе Липецкой области в 2015 г. Архив ИА РАН. Р-1.

© 2017, А.В. Сомов, К.М. Андреев

Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (на основе анализа комплекса поселения Калмыковка-1)

Работа подготовлена в рамках выполнения Государственного задания
Минобрнауки РФ (проект №33.1907.2017/ПЧ «Традиционные
и инновационные модели развития древнего населения Поволжья»)

Лесостепное Поволжье вызывает повышенный интерес исследователей, так как данная территория является ключевым регионом для понимания процесса неолитизации европейской части России, а также установления закономерностей развития неолитических керамических традиций сопредельных территорий. Данный вопрос будет нами рассмотрен на основании анализа достаточно представительного неолитического керамического комплекса стоянки Калмыковка-1. Помимо общей характеристики морфологических групп керамики поселения, проведено их сравнительное сопоставление с комплексами сопредельных регионов, определены истоки формирования и направленность связей.

Поселение Калмыковка-1 находится на первой надпойменной террасе правого берега Сок – левого притока Волги, в Красноярском районе Самарской области к востоку от с. Калмыковка. Данный памятник был открыт в 1999 г. А.В. Растороповым, в 2014–2016 гг. экспедицией СГСПУ на нем проводились раскопки под руководством авторов статьи и при участии д.и.н., проф. А.А. Выборнова, в результате которых исследовано 384 м². На стоянке Калмыковка-1 выявлена представительная коллекция керамики средневожской культуры развитого – позднего неолита, а также небольшая группа посуды, возможно, позднего этапа развития елшанской культуры. Необходимо отметить некоторую смешанность культурного слоя памятника в результате процессов педо- и зоотурбации [Андреев и др., 2016, с. 130]. Всего выявлено около 300 фрагментов неолитической керамики примерно от 72 сосудов. С точки зрения элементов и мотивов орнамента, представленные сосуды допустимо разделить на три типологические группы, которые маркируют этапы развития орнаментальной традиции в неолите региона.

Первая группа (19 сосудов) представлена фрагментами венчиков от неорнаментированных или орнаментированных лишь ямочно-жемчужными поясками сосудов. Венчики в основном прямые (72%), реже имеют слабопрофилированные очертания (28%). Все сосуды данной группы изготовлены из или-

стой тощей глины с естественными примесями. Обозначенная группа керамики, с точки зрения типологии и технологии ее изготовления, обнаруживает близость как с материалами елшанской культуры раннего неолита, так и с посудой средневожской культуры развитого и позднего неолита лесостепного Поволжья. Учитывая формирование средневожской культуры на елшанской основе, в технологии ее изготовления сохранились многие раннеолитические орнаментальные и технологические традиции. По неорнаментированным стенкам в радиоуглеродной лаборатории РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) получена дата, относящаяся к середине VI тыс. до н.э. Аналогичная посуда широко представлена на ряде раннеолитических памятников – бассейн р. Самара (Старая Елшанка-II, Виловатое, Ивановская стоянка) и р. Сок (Большая Раковка-II, Ильинка, Чекалино-IV, Лебяжинка-IV). По всей видимости, носители елшанской керамической традиции способствовали неолитизации ряда регионов, расположенных к северу и западу от лесостепного Поволжья. Схожая посуда встречается на ряде памятников Верхнего Дона (Карамышево-5, Ивница, устье р. Излегощи-2, Липецкое Озеро и др.), которые локализируются в бассейне Воронежа. Прямостенные сосуды, с прямым или профилированным венчиком, орнаментированные одним или несколькими рядами ямок (реже – жемчужин) по венчику, были включены Р.В. Смольяниновым и А.В. Сурковым [2014, с. 163] в ранний этап развития карамышевской культуры. На наш взгляд, на рубеже VII–VI тыс. до н.э. происходило распространение елшанского населения из Среднего Поволжья на данную территорию. В Марийском Поволжье также выявлена аналогичная посуда на памятниках дубовско-отарского типа. В.В. Никитин, проводя сравнительный анализ керамического комплекса лесного Среднего Поволжья с материалами лесостепной зоны, отмечал общие черты (технология изготовления, форма сосудов, поясок ямок под срезом венчика). Данное обстоятельство может быть связано с проникновением пришлых групп в среду местного мезолитического населения [Никитин, 2011, с. 135]. По имеющимся радиоуглеродным данным неолитизация Марийского Поволжья относится к первой четверти VI тыс. до н.э. [Выборнов, Никитин, 2016, с. 123]. Некоторые общие черты с раннеолитическими комплексами лесостепного Поволжья обнаруживают материалы щербининского типа Нижней Оки (Старое Щербинино-XV и Новое Щербинино-V), где также встречаются профилированные неорнаментированные сосуды, относящиеся к раннему неолиту обозначенного региона [Гонозов, 2004]. На Кошкинской стоянке Среднего Прикамья также обнаружены фрагменты от тонкостенных, прямых или слабопрофилированных сосудов, украшенных ямками или тонкими проколами под венчиком, по которым получена серия дат, относящихся к середине VI тыс. до н.э. [Гусенцова, 2014, с. 91].

Вторую группу (23 сосуда) составляют венчики и фрагменты стенок, орнаментированные наколами различной формы (подквадратной, подовальной и подтреугольной), которые наносились как разреженно, так и в отступающей манере, они образуют мотивы: горизонтальные и диагональные ряды, косую решетку, зигзаги и др. По результатам технико-технологического анализа установлено, что сосуды данной группы изготовлены из илстых глин и ила. Примечательно, что илы широко использовались при изготовлении неолитической посуды нижевожским населением, для которого характерно преобладание накольчатой орнаментации на протяжении всего новокаменного века [Юдин, 2004, с. 105]. Судя по радиоуглеродным данным, которые получены по материалам Ивановской стоянки, накольчатая традиция в лесостепном Поволжье формируется в начале VI тыс. до н.э. и, согласно датировкам стоянок Виловатое, Лебяжинка-IV и др., бытует до 1-й четверти V тыс. до н.э. Такой хроноинтервал вполне реальный ввиду того, что накольчатая посуда второго слоя Варфоломеевской стоянки датируется концом VII – началом VI тыс. до н.э. Стоит отметить, что наибольшую близость с нижевожскими комплексами проявляет накольчатая посуда стоянок бассейна Самары как на уровне изготовления сосудов, так и на уровне их орнаментирования, в то время как обитатели Сокского бассейна испытали опосредованное влияние степного населения и сохранили многие черты елшанского гончарства (использование илстых глин в качестве исходного сырья без добавления раковины, «простые» линейные мотивы орнамента и др.). По всей видимости, данное обстоятельство привело к определенным локальным различиям накольчатых комплексов бассейнов Самары и Сока. На наш взгляд, допустимо предположить, что накольчатая орнаментальная традиция лесостепного Поволжья формируется на основе первой группы керамики (елшанского или постелшанского типа), при участии степных культур (нижевожского населения). Накольчатая керамика лесостепного Поволжья имеет ряд отличий от среднедонской (днища острые, наколы скобковидные и др.) [Синюк, 1986], в большей мере сходство проявляется с накольчатой посудой Верхнего Дона [Смольянинов, 2009; Сурков, 2014]. Керамика, орнаментированная наколами, также обнаружена на памятниках Марийского Поволжья, наиболее распространенным элементом

орнамента является треугольный (мелкий и крупный) накол, образующий простые композиции (горизонтальные и диагональные линии), обозначенная посуда датируется последней четвертью VI тыс. до н.э. и обнаруживает определенную близость с сокскими материалами лесостепного Поволжья [Никитин, 2011, с. 43, 98]. Немногочисленная группа керамики с накольчатым орнаментом обнаружена в приустьевой части Камы. Р.С. Габяшев [2003, с. 50] отмечал абсолютное преобладание треугольных наколов и наличие ямочно-жемчужного пояса под срезом, наиболее распространенным мотивом являются ряды из наклонных или горизонтальных линий, бытование данной орнаментальной традиции приходится на вторую половину VI тыс. до н.э. и ее формирование также, вероятно, связано с влиянием южного населения.

К третьей группе (26 сосудов) относится посуда, украшенная отпечатками короткого (зубчатого) и длинного (гребенчатого) штампа, она широко представлена в керамических комплексах стоянок средневожской культуры [Сомов, 2015, с. 23]. Данная орнаментальная традиция формируется, вероятно, на местной основе, при ее изготовлении, как и ранее, используется илистая глина, уменьшается процент сосудов с добавлением раковины в тесто. Время бытования обозначенной керамической традиции в регионе: конец VI – начало V тыс. до н.э. Стоит отметить, что короткий зубчатый штамп широко использовался населением Сурско-Мокшанского междуречья [Выборнов, Третьяков, 1988, с. 34], а также Среднего и Верхнего Подонья [Синюк, 1986; Гапочка, 2001; Смольянинов 2009; Сурков, 2014]. Керамика с зубчатым штампом, скорее всего, своим происхождением связана с западными областями. Но не исключено, что источником распространения представленной керамической традиции также являлось лесостепное Поволжье, хотя данный тезис требует дополнительного обоснования ввиду недостаточной разработанности абсолютной хронологии комплексов данного типа в обозначенных регионах. Традиция орнаментации неолитической посуды лесостепного Поволжья длинным гребенчатым штампом появляется в период существования в регионе зубчато-накольчатой. По морфологическим признакам можно предположить, что она является заимствованной у представителей камской неолитической культуры, о чем свидетельствуют достаточно широкое распространение в среде ее изготовителей традиции отбора глин и введения шамота в значительной концентрации при изготовлении посуды, а также близость многих мотивов орнамента. Обозначенная группа бытует в лесостепном Поволжье до конца V тыс. до н.э. [Выборнов, 2008, с. 242], сосуществуя на заключительных этапах своего развития с энеолитическими коллективами.

Таким образом, на наш взгляд, неолитическое население лесостепного Поволжья на ранних этапах своего развития, на рубеже VII–VI тыс. до н.э., способствовало неолитизации регионов, расположенных к северо-западу и западу. В то же время с начала VI тыс. до н.э. на развитие неолитических коллективов региона начинает оказывать значительное влияние нижневожское население, что нашло отражение в формировании накольчатой орнаментальной традиции и ее дальнейшем распространении в северо-западном направлении. На заключительном этапе развития неолита лесостепного Поволжья на местной основе, а также, возможно, при участии западных групп неолитического населения формируется традиция орнаментации зубчатым штампом. Наконец, с середины V тыс. до н.э. фиксируется определенное проникновение камского населения в регион, что нашло отражение в бытовании посуды, орнаментированной длинным гребенчатым штампом, на ряде неолитических стоянок лесостепного Поволжья.

Библиографический список

- Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н., Сомов А.В. Новые неолитические материалы стоянки Калмыковка-I // Известия СНЦ РАН. Самара, 2016. Т. 18, № 3. С. 130–139.
- Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара, 2008. 490 с.
- Выборнов А.А., Никитин В.В. Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н.э. Смоленск, 2016. С. 123–128.
- Выборнов А.А., Третьяков В.П. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев, 1988. 36 с.
- Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V–III тыс. до н.э. Казань, 2003. 224 с.
- Гапочка С.Н. Неолитические памятники с накольчатой и накольчато-гребенчатой керамикой лесостепного Дона: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2001.
- Гонозов А.В. Стоянка Старое Щербинино-15 – новый памятник эпохи раннего неолита бассейна Нижней Оки // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2004. С. 49–70.

Гусенцова Т.М. Ранненеолитический комплекс Кошкинской стоянки на правом берегу Вятки // Известия СНИЦ РАН. Самара, 2014. №3(8). С. 90–94.

Никитин В.В. Ранний неолит Марийского Поволжья. (Труды МАЭ. Т. IX). Йошкар-Ола, 2011. 470 с.
Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. 180 с.

Смольянинов Р.В. Ранний неолит Верхнего Дона: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 30 с.

Смольянинов Р.В., Сурков А.В. Ранний неолит Верхнего Дона // Известия СНИЦ РАН. Самара, 2014. №3(8). С. 161–171.

Сомов А.В. Новая стоянка раннего неолита в лесостепном Поволжье // XLVII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. Кострома, 2015.

Сурков А.В. К вопросу о раннем неолите Верхнего Дона // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2014. Вып. 6. С. 134–145.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004. 200 с.

© 2017, А.В. Фрибус¹, С.П. Грушин²

¹Кемеровский государственный университет, Кемерово;

²Алтайский государственный университет, Барнаул

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МОГИЛЬНИКА ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ

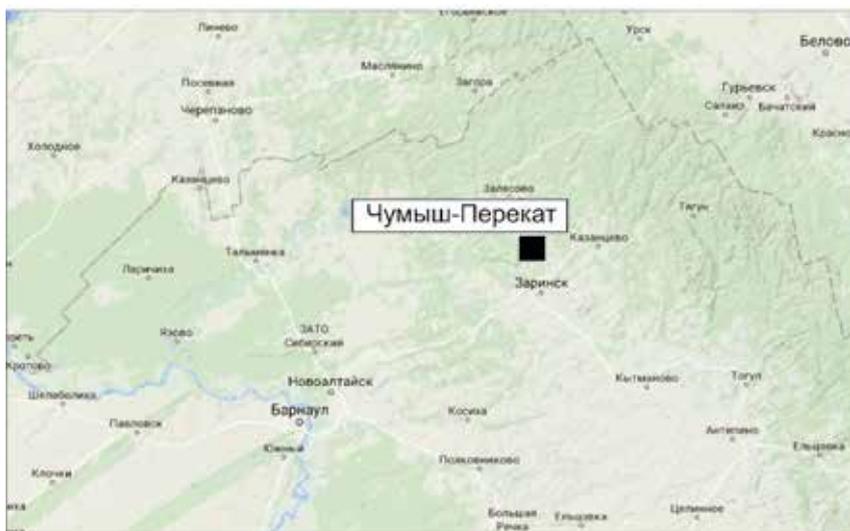
Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ (постановление №220), полученного Алтайским государственным университетом (договор №14Z50.31.0010 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»), и проекта №33.2597.2017/ПП (Кемеровский государственный университет)

Могильник Чумыш-Перекаат располагается на правом берегу Чумыша, на северо-востоке Алтайского края, на границе лесостепной и горно-таежной зон в предгорьях Салаирского кряжа (рис.-1). Раскопки памятника ведутся совместной экспедицией КемГУ и АлтГУ с 2014 г. и по настоящее время. На сегодняшний день на территории грунтового могильника исследованы серии погребений эпохи неолита, развитой (андроновская культура) и поздней (ирменская культура) бронзы, раннего железного века, раннего средневековья. Несмотря на относительно небольшое число раскопанных погребений, памятник уже дал значительное количество репрезентативных материалов, в том числе ряд захоронений с хорошо сохранившимися фрагментами органики, а также образцы древнего искусства. До настоящего момента публиковались лишь предварительные результаты изучения могильника [Фрибус, Грушин, 2015, с. 196–199; Грушин и др., 2016, с. 11–13].

Ранние погребения образуют на Чумыше-Перекаате значительную серию: к настоящему времени к ней отнесено 11 из 28 исследованных могил. Планиграфия данного комплекса, особенности погребального обряда, аналогии в составе сопроводительного инвентаря и набор украшений позволяют сопоставить его с памятниками, исследованными в лесостепном и предгорном Алтае, Новосибирском Приобье, в Кузнецкой котловине (Тузовские бугры, Фирсово-ХІ, Новоалтайск-Развилка, Большой мыс/Иткуль, Усть-Иша, Солонцы-5, Каминная, Лебеди-ІІ, Васьковский могильник, Ордынское-1 и др.). По поводу культурно-хронологической и даже эпохальной принадлежности памятников из этого массива, как известно, не существует общепринятой точки зрения (обзор дискуссии см., например: [Марочкин, 2013, с. 84–90]).

Наиболее оправданным можно считать сравнение материалов Чумыша с памятниками лесостепного и предгорного Алтая. В целом они находят много общего, хотя фиксируются и определенные особенности. Геоморфология могильников схожа для всего региона – чаще всего памятники располагаются на высоких мысовидных террасах, в районе устьевых участков притоков более крупных водных артерий. В данном случае это терраса, образованная берегом Чумыша и поймой небольшой речки Мельничная. Памятник располагается над местом, где русло реки делает петлю, а выходы коренных пород образуют живописный перекаат.

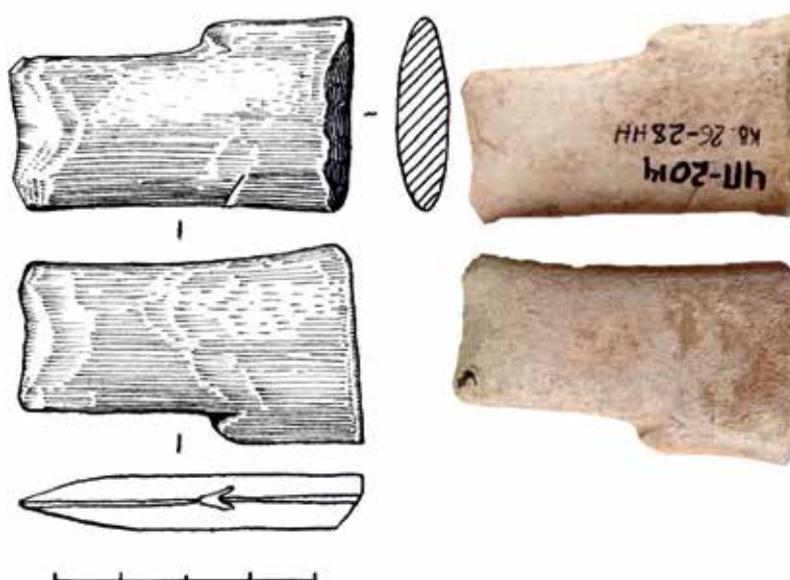
Много общих черт находится в планиграфии могильников. В большинстве случаев погребения образуют отдельные ряды с определенной ориентировкой и расположением на площадке террасы. На Чумыш-Перекаате погребения располагались рядами, ориентированными по линии СЗ–ЮВ и вытянутыми от края в глубь террасы. Судя по анализу планиграфии, таких рядов фиксируется как минимум три. Особенностью могильника является значительное расстояние между рядами и отдельными погребениями.

1

2

3

Неолитический комплекс могильника Чумыш-Перека́т: 1 – схема расположения могильника Чумыш-Перека́т на карте Западной Сибири; 2 – приклад из каменных изделий и заготовок (объект 2) (фото С.П. Грушина); 3 – обломок фигурки – рыбки (камень)

Аналогична уже известным материалам структура основных признаков погребального обряда. Погребения совершались в неглубоких грунтовых ямах (контуры их не читаются на поверхности материка). В одном случае (могила 13) удалось зафиксировать по периметру погребения остатки трех деревянных столбиков, высотой около 10 см. По всей видимости, это остатки надмогильной конструкции, сделанной из вертикально установленных шестов или веток. Это первый известный нам случай находок дерева в неолитическом погребении на юге Западной Сибири. Большинство погребений индивидуальные, в одном случае зафиксировано парное захоронение, в двух случаях дети были похоронены в непосредственной близости от взрослых. Комплекс могил 6–8 по сути можно считать ярусным захоронением, поскольку погребения в разной степени перекрывали друг друга.

Типичное положение погребенных – вытянуто на спине. Фиксируются характерные особенности расположения рук и ног. Руки – кисти сложены в районе таза, ноги – «стянуты в коленях». Кисти рук, уложенные на таз, рассматриваются как важная деталь погребального обряда для северных предгорий Алтая [Кирюшин и др., 2000, с. 41]. Как и в большинстве могильников лесостепного Алтая, погребенные ориентированы головами на северо-восток. С учетом местного ориентира направление часто совпадает с положением «головой вверх по течению реки». Однако на Чумыше фиксируется обратная ситуация – погребенные ориентированы головой вниз по течению реки. Аналогичный случай известен по двум погребениям Ордынского-1, которые ориентированы головой на северо-восток, вниз по течению Оби [Молодин, 1977, с. 27]. Присутствуют следы вторичных захоронений: отсутствие черепов (могила 8), череп в ногах погребенного (могила 12), подобные случаи также известны по материалам неолитических погребений Верхнего Приобья.

Характер сопроводительного инвентаря погребений Чумыша-Переката имеет ряд особенностей. К ним можно отнести его немногочисленность (обычно в погребениях присутствует 1–2 изделия из камня или кости – наконечники стрел, долота, тесла), сопроводительные наборы индивидуальные, не образуют устойчивых сочетаний, отсутствуют керамика и следы металла. Не известны такие широко представленные в лесостепных и предгорных неолитических памятниках категории, как каменные наконечники стрел (1 экз. найден вне закрытых комплексов), крупные клинки-бифасы, ножи с вогнутым лезвием, вкладышевые орудия, гарпуны и стерженьки рыболовных крючков, единичны отщепы. Украшений также немного, они обнаружены лишь в двух погребениях и представлены типичными подвесками из зубов диких животных со сверловкой, резцом бобра, стилизованной фигуркой рыбки из перламутра и каменной подвеской с насечками, имитирующей зуб марала. В могиле 13 найдена пястно-запястная кость крупной птицы, что позволяет предполагать украшение костюма длинными маховыми перьями [Fribus, Grushin, 2017, p. 30].

Уникальной находкой является костяной кинжал-жест, увенчанный плоскостным изображением головы лося (могила 27). В лесостепном Алтае и памятниках предгорий находки предметов мелкой пластики неизвестны. Небольшое профильное изображение головы лося, выполненное на тонкой кости, происходит из Ордынского-1 в Новосибирском Приобье, распространены находки мелкой пластики и в Кузнецкой котловине (например, Васьковский могильник – 4 экз.), на границе с которой находится Чумыш-Перекат. Кроме того, в межмогильном пространстве также обнаружен приклад, состоявший из каменных орудий и заготовок (объект №2).

Набор каменных предметов был обнаружен в 2 м к северо-востоку от комплекса неолитических погребений №6–8. Изделия располагались компактным скоплением в виде полукруга. Набор включал в основном орудия скорняжного промысла: острия, скребло архаичного облика, скребловидное орудие, песчаниковые плитки с незначительными следами утилитарного использования (рис.-2). Однако наибольший интерес представляет изделие, найденное в составе этого комплекса, которое может быть интерпретировано как обломок каменной скульптурки рыбки-блесны прибайкальского типа (определение А.Л. Кунгурова).

Фигурка выточена из мрамора или мраморизированного известняка. Хвостик и плавник выделены шлифовкой, осуществленной плотным абразивным материалом. Спинка (кромка) скульптуры имеет острый край-кромку, нижняя часть – округлый. Спинной плавник, округлый с края и поднимающийся к месту разлома изделия, выделен двумя проточенными выемками. Кончики уголков хвостика немного обломаны (рис.-3). По характеру обработки и общему облику изделие находит аналогии в неолитических материалах Байкальской Сибири.

Гипотеза о существовании в Верхнем Приобье неолитических памятников восточносибирского типа была сформулирована в одной из ранних студенческих работ М.В. Аниковича [1969], который

предлагал синхронизировать с серовским временем ряд памятников Верхнего Приобья и Причумышья (Кузнецкий и Яйский могильник, Васьковское погребение, Дегтяревская стоянка, Томская писаница). Позднее о восточном направлении культурных связей неолитического населения юго-востока Верхнего Приобья (кузнецко-алтайская культура) писал В.И. Молодин [1977]. В основе этих концепций – анализ характерных особенностей погребального обряда и инвентаря, а также стилистики петроглифов. Концепция контактной зоны восточносибирского и западносибирского неолитических миров в Верхнем Приобье на основе материалов кузнецко-алтайской культуры была сформулирована В.В. Бобровым [1990]. С тех пор дискуссия оказалась в какой-то мере «замороженной». Тем не менее находки таких специфических изделий, как «рыбки», приборкальского типа в материалах неолитических памятников лесостепного и предгорного Алтая до нынешнего времени были не известны, что позволяет надеяться на новый виток развития дискуссии.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о хронологии рассматриваемых комплексов в целом и погребений Чумыша в частности. На сегодняшний день накоплена довольно представительная серия радиоуглеродных дат по неолитическим погребениям лесостепного и предгорного Алтая. В 2005 г. сводка по этим датам была опубликована Н.Ю. Кунгуровой. Некалиброванные даты, сделанные в СОАН по погребениям могильников Солонцы-5, пещера Каминная, Нижнетыткескенская пещера, Усть-Иша, Большой мыс/Иткуль, Кузнецкий могильник [Кунгурова, 2005, с. 57]. При довольно большом разбросе даты, исходя из приведенных данных, относятся к началу – 1-й трети IV тыс. до н.э. Несколько выбивается из этой серии дата для могильника Новоалтайск–Развилка (5500±150 лет) (Ле-7425). Дополнительным подтверждением более позднего возраста памятника могут служить и косвенные признаки наличия в погребении металла [Кирюшин и др., 2006, с. 23].

В последнее время очевидной тенденцией является пересмотр в сторону удреждения дат для раннего голоцена юга Западной Сибири. Даты, приведенные Н.Ю. Кунгуровой, были прокалиброваны по единой программе А.Г. Марочкиным. В результате диапазон дат при довольно большом разбросе был увязан со второй половиной – концом V тыс. до н.э., что в какой-то степени сняло противоречие с серией ранних дат, полученных для могильника Солонцы-5 [Кунгурова, 2005, с. 27; Марченко, 2009, с. 143; Марочкин, 2014а, с. 3]. При этом наиболее ранние позиции в серии занимают даты, полученные по погребениям могильника Большой мыс/Иткуль, уходящие в конец VI тыс. до н.э. (с учетом калибровки) [Кунгурова, 2005, с. 55; Марочкин, 2014б, с. 145].

В настоящее время по материалам неолитических погребений могильника Чумыш–Пережат получена серия из четырех дат по костям человека, сделанных в лабораториях Санкт-Петербурга и Томска. С учетом калибровки, по 2 сигме, они укладываются в конец VI – 1-ю половину V тыс. до н.э.

Таким образом, погребения Чумыша–Пережата вписываются в культурно-образующие стандарты неолитических памятников лесостепного Алтая и сопредельных регионов, обладая при этом определенной спецификой. Кроме того, памятник дал еще одно подтверждение возможных контактов носителей восточно- и западносибирской неолитических традиций в Верхнем Приобье. Этот тезис давно обсуждается в историографии [Аникович, 1969; с. 62–64; Молодин, 1977, с. 25–30; Бобров, 1990, с. 19–32 и др.]. Имеющиеся даты указывают на раннюю позицию памятника (конец VI – 1-я половина V тыс. до н.э.). Возможно, именно это обстоятельство определяет его специфику на фоне других могильников, исследованных в регионе.

Библиографический список

Аникович М.В. О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск, 1969. С. 62–64.

Бобров В.В. Материалы разрушенных неолитических погребений кузнецко-алтайской культуры // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 19–32.

Грушин С.П., Фрибус А.В., Леонтьева Д.С., Вальков И.А., Сайберт В.О., Трусова Е.В. Исследования погребальных памятников в лесостепном Алтае в 2014 г. // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая: тез. докл. отчетной сессии. Барнаул, 2016. Вып. 2. С. 11–13.

Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. К вопросу о критериях разделения памятников неолита и энеолита Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2. С. 15–24.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул, 2000. 117 с.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул, 2005. 127 с.
Марочкин А.Г. Культурно-хронологические концепции неолита и раннего металла Верхнего Приобья в отечественной историографии 1970 – начала 2010-х гг. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. №7 (135). С. 84–90.

Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 205 с.

Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 33 с.

Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология археологических памятников эпохи неолита и раннего металла Барабинской лесостепи // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 140–143.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 169 с.

Фрибус А.В., Грушин С.П. Культурно-хронологические комплексы грунтового могильника Чумыш-Пережат (предварительное сообщение по результатам работ 2014 г.) // Человек и север: антропология, археология, экология: мат. Всерос. конф. Тюмень, 2015. С. 196–199.

Fribus A., Grushin S. The Feathers of Birds in Decoration of Neolithic Costume (According Chumysh-Perekat in South of Western Siberia) // Sixth International Congress of Eurasian Archaeology: Eurasian Prehistory, Abstracts: Dokuz Eylul University, Izmir, Turkey, 2017. P. 30.

© 2017, М.А. Холкина

Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского, Санкт-Петербург

КЕРАМИКА ТИПА УСКЕЛА В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

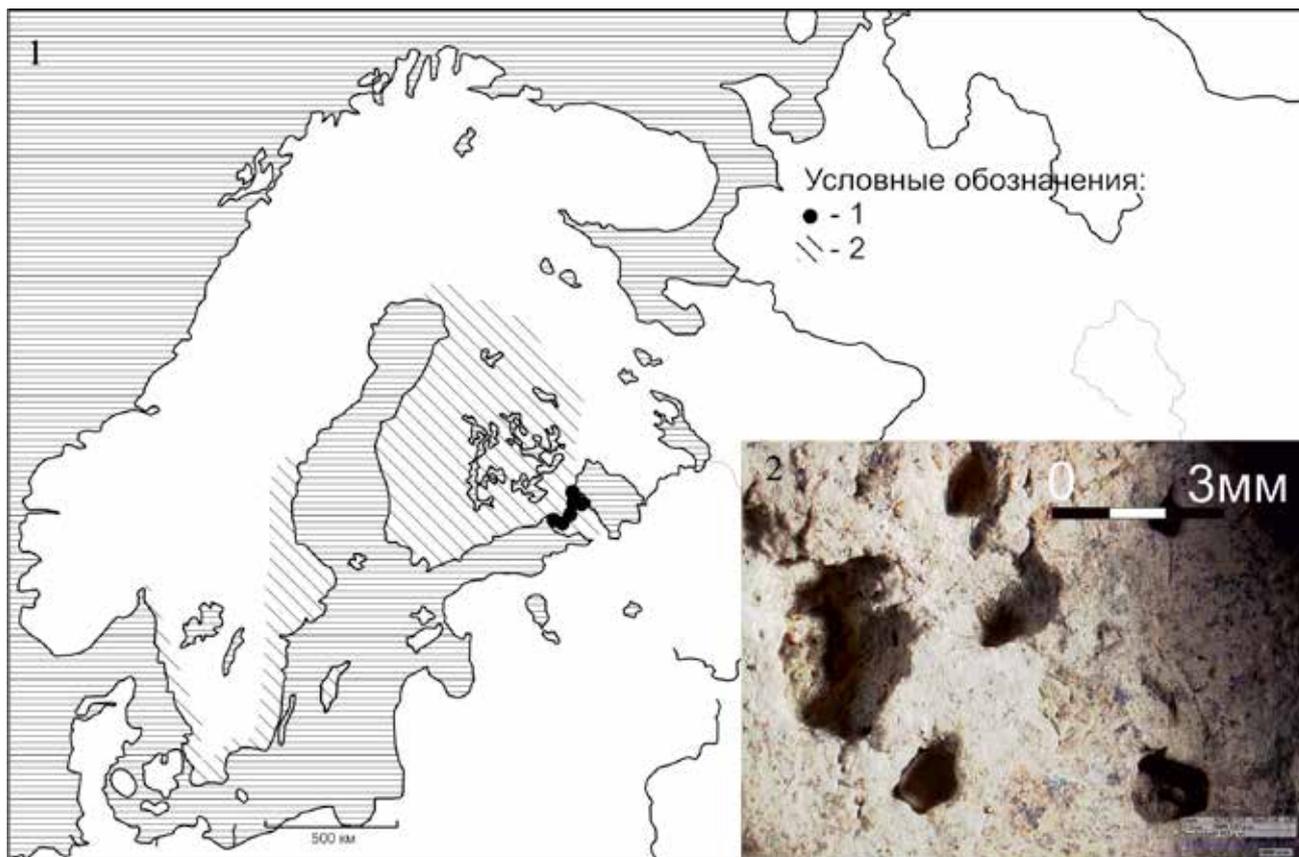
Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №17-77-20041 «Воздействие глобальных, региональных и субрегиональных природных факторов на развитие береговых морфосистем восточной части Финского залива, как среды обитания человека»)

Во 2-й половине IV – начале III тыс. до н.э. в регионе Восточной Балтики типичная гребенчато-ямочная керамика (Ка-II) постепенно сменяется целыми группами и типами пористой и асбестовой керамики. Из этого массива материала следует выделить группу сосудов, которые, в соответствии с описаниями А. Европеуса-Эуряпя, можно атрибутировать как тип Ускела (Ка-III:1). Цель исследования – характеристика керамики типа Ускела в коллекциях памятников Карельского перешейка в контексте культурно-исторических процессов рубежа неолита и эпохи раннего металла.

Рассматриваемый период 2-й половины IV – начало III тыс. до н.э. приходится на Литориновую стадию развития Балтийского моря – на период его существенной регрессии. В это время возрастает количество береговых поселений на Балтийском побережье [Герасимов и др., 2010, с. 40]. Промежуток между 3600–2800 гг. до н.э. считается временем сухого и холодного климатического эпизода в голоцене (событие 4200 ¹⁴C л.н.) [Кулькова, 2007, с. 324]. Климатическая осцилляция, по-видимому, оказала существенное влияние на социокультурные процессы в глобальном масштабе [Кулькова, 2007, с. 327].

Тип Ускела первоначально выделен и описан А. Европеусом-Эуряпя на материалах Западной Финляндии – от Нюланда до южной Остроботнии. Ареал распространения такой керамики оказался затем намного шире – вплоть до Карельского перешейка и Западной Карелии. Основными чертами этого типа является пористая структура черепка (следы «выгорания» примеси известняка, дробленой раковины, жженой кости), гладкая поверхность, орнамент из горизонтальных рядов разреженных ямок с оставлением значительного пустого пространства [Eugoraeus-Äygräa, 1930, p. 183].

При отборе материалов для непосредственного рассмотрения акцент делался на памятники, раскопанные в последние годы, – для которых есть данные о планиграфии и стратиграфии и результаты естественнонаучных анализов, позволяющие разделить разновременные археологические комплексы. Непосредственным источником стали 383 крупных фрагмента от 23 сосудов с памятников Гвардейское-1, Каннельярви-1, Нёкёпельто, Новоселки-5, Силино, Совинлахти, Озерное-3 (рис.-1).

Керамика типа Ускела в восточной части Финского залива: 1 – регион распространения (обозначения: 1 – памятники с керамикой типа Ускела в восточной части Финского залива; 2 – пористая керамика с ямочной орнаментацией в Финляндии и Швеции); 2 – микрофотографии структуры фрагмента керамики; 3–6 – фрагменты с памятника Озерное-3

Больше половины материала происходит с памятника Озерное-3, расположенного в 13 км к северо-востоку от Выборга. Он был раскопан в 2006 г. под руководством Д.В. Герасимова на площади 150 м². Основная часть находок залегала под дерном и антропогенным слоем, насыщенным углем и шлаками в красноватом песке мощностью около 20 см. Культурный слой подстилался отложениями литориновой трансгрессии (5350–4850 л. до н.э.). Возникновение здесь поселенческого комплекса связано с осушением данной территории во время регрессии Литоринового моря в конце IV–III тыс. до н.э. [Сапелко и др., 2008, с. 162].

Все рассмотренные фрагменты керамики типа Ускела имеют особую пористую структуру, оставшуюся после «выгорания» неизвестного вещества (рис.-2). Ни заполнения пор, ни какой-либо четкой структуры (например, трубчатой – как для кальцинированных костей [Бобринский, 1978, с. 105]), могущих указать на конкретный тип добавки, визуальное и под микроскопом выявлено не было. Похожие следы, создающие равномерно «пористую» структуру черепка, описаны для керамики с территории Швеции и Западной Финляндии. В данном случае такие следы интерпретируются как примесь известняка (кальцита) или пережженной кости [Europaeus-Åugärå, 1930, р. 183], «различить которые не всегда возможно» [Larsson, 2009, р. 199].

Во всех случаях обнажения стыков структурных элементов можно говорить о том, что рассматриваемые сосуды вылеплены в ленточной технике со значительной степенью деформации лент при их соединении. Эта керамика имеет преимущественно гладкую практически заполированную поверхность без видимых следов обработки. Венчики, как правило, скошены внутрь, иногда имеют небольшое утолщение с внутренней стороны. Могут быть орнаментированы гребенчатым штампом, ямками, отпечатками полого стержня («трубки») или не иметь орнамента. Орнаментация тулова представлена преимущественно ямочным декором. Помимо конических ямок, встречаются фигурные («8-образных») очертаний или угловатые оттиски торцом инструмента), мелкие округлые ямочки, отпечатки полого стержня («трубки»). Оттиски гребенчатого штампа, как правило, широкие и короткие, могут образовывать различные узоры – ромбы, зигзаг, «флажковый орнамент». Основной орнаментальный мотив – горизонтальный ряд ямок (рис.-3–6).

Таким образом, керамика типа Ускела довольно четко выделяется на фоне прочей керамики конца неолита – эпохи раннего металла благодаря особой пористой структуре, гладкой поверхности, особенностям форм сосудов и орнамента.

Для рассматриваемого периода можно, помимо распространения множества локальных стилей в керамике, говорить и об интеграционных процессах среди отдельных групп населения. Основанием для этого служит распространение смешанных многокомпонентных составов формовочной массы и общих тенденций в виде поверхностной разреженной орнаментации, отпечатков ткани, профилировки [Vikkula, 1984; Тимофеев, 1993, с. 30; Lavento, 2001, р. 33, 112]. Такие черты присущи, к примеру, распространенной на огромной территории к юго-востоку от Финского залива волосовской керамике Поволжья [Крайнов, 1981] и нередко переносятся исследователями на широкую территорию как своего рода «эпохальное явление» [Vikkula, 1984; Chalikov, 1986].

В то же время следует отметить, что керамика типа Ускела с примесью известняка (?) могла не быть пористой для тех, кто ее изготавливал [Larsson, 2009, р. 199]. Рассуждая о причине «выгорания» известняка, можно привести пример памятника Подолье-1 в Южном Приладожье, где раковина фиксируется в виде пор на внешней поверхности фрагментов и на старых сломах, тогда как в свежем изломе она представлена в виде белесой порошкообразной субстанции – «не выгоревшая». Можно предположить в данном случае, что «выгорание» раковины, по крайней мере в ряде случаев, вызвано воздействием не огня при изготовлении и использовании сосудов, а условий залегания фрагментов. На Подолье-1 ей, предположительно, удалось сохраниться благодаря особым условиям торфяника, тогда как на Карельском перешейке, где культурный слой в большинстве случаев сложен песчаными отложениями, таких условий не представилось. Подобные же замечания сделаны у ряда исследователей и относительно схожего по химическому составу (CaCO_3) известняка (см., например: [Europaeus-Äygräa, 1930, р. 183; Larsson, 2009, р. 91]).

Таким образом, керамика типа Ускела и по своей морфологии (глубокие конические ямки, круглое донце, утолщенный орнаментированный венчик), и по технологическим особенностям (однокомпонентная измельченная твердая примесь – предположительно известняк или смола, тщательное заглаживание поверхности) ближе к типичной гребенчато-ямочной керамике, нежели к прочей пористой и асбестовой керамике региона Финского залива. Можно предположить, что эта керамика представляет своего рода иную линию развития, хотя и та, и другая группа керамики имеет корни в гребенчато-ямочной традиции.

А. Европеус-Эуряпя охарактеризовал керамику типа Ускела как более позднюю фазу гребенчатой керамики, «деградировавшую» по сравнению с «высоким стилем» (Ka II). Однако в настоящее время в соответствии с новыми данными радиоуглеродного датирования две группы керамики уже не рассматриваются как хронологически следующие одна за другой. Если типичная гребенчато-ямочная керамика в Финляндии датируется временем 3900–3400 л. до н.э., то поздняя – 3600–3200 л. до н.э. [Asplund, 2008, р. 52], т.е. две группы практически синхронны. В то же время на востоке и юго-востоке Финляндии керамика типа Ускела могла бытовать и дольше – вплоть до 2800 л. до н.э. [Seitsonen et al., 2012, р. 111; Нордквист, 2015, с. 257].

В настоящее время представляется, что керамика типа Ускела распространена на довольно ограниченной территории – в узкой прибрежной полосе Финляндии [Нордквист, Мёккёнен, 2015, с. 212] с заходом в северные районы Карельского перешейка. Такая локализация памятников может свидетельствовать в пользу особой узкой специализации на морских ресурсах – ловле тюленей и рыболовстве [Vikkula, 1981, р. 130]. В то же время например, памятники с типичной гребенчато-ямочной керамикой распространены более широко, включая районы, далекие от морского побережья, – следовательно, вероятно, они использовали более широкий круг ресурсов [Герасимов и др., 2010].

Отсутствие следов смешения традиции изготовления керамики типа Ускела с другими синхронными традициями говорит о том, что ее носители, вероятно, существовали достаточно обособленно. Залегание керамики типа Ускела в одних слоях с типичной гребенчато-ямочной керамикой, а также радиоуглеродные датировки, полученные для территории Финляндии, подтверждают и то, что такая керамика существовала лишь во второй половине IV тыс. до н.э. – а датировки, приходящиеся на III тыс., встречаются редко. То есть для северо-западных областей России бытование керамики типа Ускела – это, вероятно, достаточно локальный эпизод.

На Карельском перешейке месторождения известняка и, следовательно, обогащенные известняком глины практически отсутствуют [Киселев и др., 1997, рис. V, с. 168]. Обычай добавлять в состав формовочной массы известняк мог возникнуть, вероятно, на территории Швеции – на о. Готланд – где присутствуют исключительно сильно насыщенные известняком кальцинизированные глины [Hulthén, 1985, p. 334]. Затем этот прием вместе с его носителями широко распространяется по территории материковой Швеции [Löfstrand, 1974, p. 136] и соседних областей Финляндии [Larsson, 2009, p. 199], а в эпоху раннего металла доходил до Ладоги и Карелии [Europhaeus-Åugärä, 1930, p. 186].

В работе А. Виккула 1981 г. отдельно рассматривается вопрос о сходстве керамики типа Ускела и восточно-шведской ямочной керамики типов Säter и Fagervik. Их сближает особая пористая структура, преобладание в орнаментации ямок и срезанный внутрь орнаментированный венчик. И хотя контакты между двумя регионами, несомненно, имели место, решение вопроса затруднено из-за недостатка данных для их хронологического сопоставления [Vikkula, 1981, 70]. Вопрос о прямых контактах между носителями керамики типа Ускела и восточно-шведской ямочной керамики сложен. Четких следов проникновения в регион Финского залива населения с территории Швеции – нет [Vikkula, 1984, 58].

На основании указанных типологических особенностей можно заключить, что керамика типа Ускела имеет значительное сходство с предшествующими ей традициями – типичной гребенчато-ямочной керамики Восточной Балтики и ямочной керамики Швеции. Однако ее едва ли можно рассматривать как своего рода «промежуточную стадию» – общих черт у этой керамики с более поздними группами почти нет. Можно сказать, что она исчезла на этой территории практически бесследно как последний пример «неолитоидной» керамики – крупных округлодонных сосудов с минеральной примесью, гладкой глянцевой поверхностью и орнаментацией глубокими коническими ямками с сохранением геометрических мотивов.

Библиографический список

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. 272 с.
- Герасимов Д.В., Крийска А., Лисицын С.Н. Освоение побережья Финского залива Балтийского моря в каменном веке // Доклады III Северного археологического конгресса. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2010. С. 28–53.
- Киселев И.И., Проскуряков В.В., Саванин В.В. Геология и полезные ископаемые Ленинградской области. СПб., 1997. 198 с.
- Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении волосовской культуры // Советская археология. М., 1981. №2. С. 5–20.
- Кулькова М.А. Климатические катастрофы в раннем и среднем голоцене и их влияние на древние общества // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007. С. 316–333.
- Нордквист К. Неолитическая керамика в Финляндии: терминология, хронология, распространение // Тверской археологический сборник. Тверь, 2015. №10. С. 249–265.
- Нордквист К., Мёккёнен Т. Переосмысление типичной гребенчато-ямочной керамики по А. Эйряпя // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Замятинский сборник. СПб., 2015. Вып. 4. С. 207–217.
- Сапелко Т.В., Лудикова А.В., Кулькова М.А., Кузнецов Д.Д., Герасимов Д.В., Субетто Д.А. Реконструкция среды обитания человека на территории Карельского перешейка (по материалам исследования многослойного поселения Озерное-3) // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. Замятинский сборник. СПб., 2008. Вып. 1. С. 149–164.
- Тимофеев В.И. Памятники мезолита и неолита региона Санкт-Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 8–34.
- Asplund H. Kymittä. Sites, centrality and long-term settlement change in the Kemiönsaari region in SW Finland. Turku: Turin yliopisto, 2008. 584 p.

Chalikov A. Archaeologische Denkmale von Pyheensilta-Typ in Finland und ihre östlichen Analogien // FA. Helsinki. 1986. №3. P. 35–50.

Europaeus-Äyräpää A. Die Relative Chronologie der Steinzeitlichen Keramik in Finland // Acta Archaeologica. Helsinki, 1930. №1. P. 165–190.

Hulthén B. Temper variations in ancient ceramics. Technological or cultural origin // Iskos. Helsinki, 1985. №5. P. 329–337.

Larsson Å.M. Breaking and making bodies and pots. Material and ritual practices in Sweden in the third millennium BC. Uppsala, 2009. 456 p.

Lavento M. Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus // SMYA. Helsinki, 2001. Vol. 109. 410 p.

Löfstrand L. Yngre stenålderns kustboplatser. Undersökningarna vid Äs och studier i den gropkeramiska kulturens kronologi och ekologi. Aun 1. Uppsala University, 1974.

Seitsonen O., Nordqvist K., Gerasimov D.V., Lisitsyn S.N. “The Good, the Bad and the Weird”: Stone Age and Early Metal Period radiocarbon dates and chronology from the Karelian Isthmus, North-West Russia // Geochronometria. 2012. №39 (2). P. 101–121.

Vikkula A. Vantaan Maarinkunnas-Stenkulla. Tutkimuksia Uskela-keramiikan alalta. Helsingin yliopiston arkeologian laitos, moniste n:o 27. Helsinki, 1981.

Vikkula A. Pyheensilta ceramics – facts and theories // Iskos. Helsinki, 1984. №4. P. 51–59.

© 2017, А.Н. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА– ПАЛЕОМЕТАЛЛА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ (материалы 3 слоя стоянки Устье Реки Кутарей)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии: происхождение человека, этногенез, этническая история и миграции населения Северной и Центральной Азии»)

Широкомасштабные археологические работы на территории Северного Приангарья, связанные с возобновлением строительства Богучанской ГЭС, позволили накопить значительный объем фактического материала, который требует интерпретации и согласования с культурно-хронологической схемой региона. В 2010–2011 гг. проведены исследования на памятниках в устье р. Кутарей (Устье Реки Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, Гора Кутарей), в результате которых были выявлены наиболее перспективные участки, получена представительная коллекция артефактов. В данной работе приведен анализ коллекции каменных артефактов слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей, с учетом планиграфического анализа (в соотношении с керамическим комплексом слоя 3), а также основных особенностей и проблематики изучения региона.

Бассейн Ангары в ее нижнем и среднем течении (включающем субширотный отрезок), с боковыми притоками – реками Кежда, Кова, Кода, Кутарей, Парта, Пашина, Чадобец, Мура, Иркинеева, Каменка и др., относится к Северному Приангарью. Это западная часть Средней Сибири (часть Среднесибирского плоскогорья, Енисейского кряжа, Канско-Тасеевской впадины), примыкающая к Западно-Сибирской равнине. Такое положение провинции определяет сложность и разнообразие рельефа, его строение (сильно расчленен). Ландшафты относятся к типу бореальных, резко континентальных южно-таежных в юго-западной части Средне-Сибирского плоскогорья, в области развития Приангарского низкого плато, и низко-среднегорного Енисейского кряжа [Асеев, 2003, с. 7].

Учитывая наличие естественных физико-географических границ в виде оз. Байкал, Приморского и Байкальского хребтов, Восточного Саяна, а также условной ландшафтно-климатической границы в виде Тунгусской провинции, можно говорить о некоторой степени географической, орографической и климатической обособленности региона не только в современности, но и в среднем голоцене. Данных факторов было достаточно для формирования и развития на юге Средней Сибири в раннем неолите самобытных культурных общностей без серьезного влияния извне. Однако в позднем неолите

лите фиксируется многообразие инокультурных элементов, проявившихся в искусстве, погребальном обряде и гончарных традициях. Внешнее влияние особенно сильно проявляется в контактных зонах, из которых наиболее интересны в плане изучения культурных процессов районы Среднего Енисея и Западного Прибайкалья [Бердников, 2016, с. 4].

К основным проблемам исследования региона следует отнести преимущественно стояночный характер памятников с отсутствием закрытых комплексов, слабую стратифицированность отложений на краю прибрежных террас, где располагается большинство местонахождений, компрессионный характер отложений (макрослоистость), высокую степень естественных и техногенных нарушений [Гришин и др., 2011, с. 128]. На памятниках в устье р. Кутарей выделяются обширные участки (до 200 м²) с четким разделением стратиграфических слоев, что в данной ситуации особенно важно. Интерпретация археологических материалов памятников Усть-Кутарейского участка связана с вопросами периодизации и культурного содержания неолита – ранней бронзы (V–I тыс. до н.э.) в Северном Приангарье и Прибайкалье в целом, которые до сих пор остаются основными в изучении археологических комплексов на данной территории [Гришин, 2000]. В контексте представленных проблем наиболее перспективным является изучение материалов слоя 3 памятника Устье Реки Кутарей (наиболее массовый материал, выявлены обширные участки без техногенных повреждений).

Стоянка Устье Реки Кутарей располагается на левом берегу Ангары, в 15 км ниже по течению от с. Кежма, на правом берегу в устье Кутарея. В месте впадения в Ангару русло Кутарея образует широкую пойму, поросшую высоким кустарником и затопляемую во время сезонных паводков. С запада терраса ограничена урезом Ангары, а с юго-востока – устьем Кутарея.

Памятник открыт в 1974 г. Кежемским отрядом СААЭ КГПИ под руководством Н.И. Дроздова. Впоследствии исследование стоянки проводилось в 2008 г. отрядом Института археологии и этнографии СО РАН в рамках проекта сохранения памятников историко-культурного наследия Красноярского края в зоне затопления Богучанской ГЭС. В 2010 г. Партинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены спасательные археологические работы под руководством А.Н. Савина, получена значительная коллекция археологических материалов – 30387 предметов. Площадь раскопа была расположена в юго-западной части края террасы с расчетом максимально полного изучения наиболее перспективного участка, при этом учитывались геоморфологические особенности и характер распространения археологического материала, выявленного на основании подъемных сборов в осыпях техногенных нарушений, зафиксированных на всей площади археологического объекта (практически вся поверхность террасы имела множественные следы техногенного нарушения, связанные с существованием на этой территории до 80-х гг. XX в. крупного поселения, а также с периодической очисткой террасы от леса).

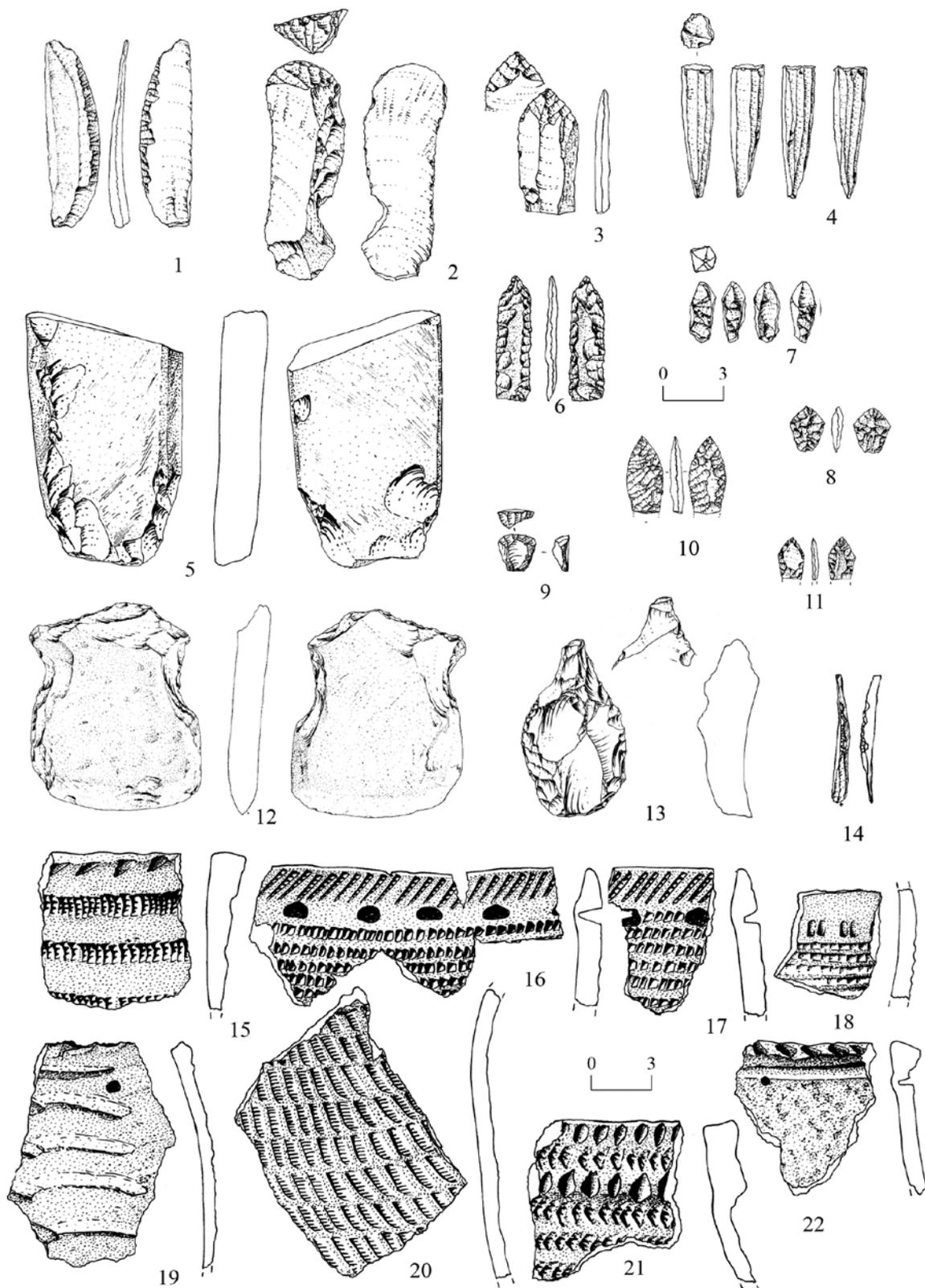
Как отмечалось ранее, наиболее насыщенным артефактами и перспективным для изучения является слой 3, содержащий изделия из камня и фрагменты керамики. Каменная индустрия слоя насчитывает 25984 артефакта. По характеру залегания артефактов в данном слое условно были выделены два горизонта (далее – комплексы). Еще на этапе раскопок были отмечены участки концентрации материала, связанного только с неолитической керамикой (комплекс 2), что позже подтвердилось планиграфическим анализом и технико-типологическим анализом коллекции.

Выделение комплексов является инструментом, который был сформирован для решения проблемы культурно-хронологической интерпретации материалов литологического слоя в условиях компрессионного залегания культурных отложений на стояночном объекте в Северном Приангарье. Опорными условиями его выделения являются полевые наблюдения автора раскопок, планиграфическая изоляция керамических материалов. Дальнейшее описание коллекций и его анализ будут выступать в контексте выделенных комплексов. Условия залегания культурных слоев не позволяют строго разграничивать комплексы – наличие в статистике противоречивых артефактов может являться следствием нарушения методики раскопок на отдельном участке, техногенного воздействия, действия биоты.

В ситуации компрессионного характера отложений относительным культурным и хронологическим маркером может служить керамический материал. В современном представлении хронометрия и хронология (на основании ¹⁴C датирования без калибровки) керамических комплексов региона выглядит следующим образом: керамика с оттисками плетеной сетки и хайтинского типа – 6900–4100 л.н.; усть-бельского типа – 6600–4100 л.н.; исаковского типа – 5200–4500 л.н.; серовская и позднесеровская керамика – 5200–4300 л.н.; ангарский вариант пунктирно-гребенчатой керамики – 5300–4500 л.н. [Бердников, 2013]. Близкая усть-бельской керамика аплинского типа предварительно датируется 5500–4000 л.н. [Бердников, Лохов, 2013].

Комплексы с керамикой посольского типа, по последним данным, ряд авторов относят к среднему неолиту и датируют 5,5–5 тыс. л.н. [Долганов и др., 2013] (по материалам Саган-Заба-II).

В слое 3 стоянки Устье Реки Кутарей зафиксировано 1269 фрагментов керамики (включая мелкие и неорнаментированные), которые можно разделить на несколько групп (рис.-15–22).

Материалы слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей: 1 – нож; 2 – скребок на пластине с выемкой; 3 – остроконечник; 4 – карандашевидный нуклеус; 5 – тесло; 6 – проколка; 7 – многофасеточный резец-дрель; 8, 10, 11 – наконечники; 9 – микроскребок; 12 – топор с цапфами; 13 – скребок с носиком; 14 – микропластина; 16, 17, 20 – керамика устье-бельского типа; 19 – тонковаликовая керамика; 18, 22 – текстильная

В комплексе 1 (является смешанным, см. рис.-1А) керамика усть-бельского типа составляет 23% (250 фрагментов/22 венчика), посольского типа – 1% (12/3), текстильная с выраженным орнаментом (? аплинского типа) – 18% (87/4), текстильная с более крупными, заглаженными отпечатками – 6% (68/3), текстильная с большой примесью песка – 1% (8), тонковаликовая керамика – 7% (78/8) [Мандрыка, 2011], смешанная группа (недостаточно диагностируемых признаков, чтобы установить хронологическую принадлежность, но более поздняя, чем эпоха неолита) – 3% (26/9), керамика цэпаньской культуры – 1% (11/2), 50% составляют мелкие и неорнаментированные фрагменты. Таким образом, в комплексе преобладают две керамические традиции: усть-бельская и текстильная.

Комплекс 2 содержал керамические материалы, относящиеся к эпохе неолита (усть – бельского типа – 9% (16/1), посольская – 9% (17), текстильная с выраженными отпечатками – 48% (86/3), тонковаликовая (4 фрагмента, 1%), неорнаментированные и мелкие фрагменты – 32% (56).

Таким образом, на уровне обоих горизонтов преобладает керамика, относящаяся к неолиту. Важно также отметить, что в слое 3 отсутствуют тонкостенные сосуды с характерным «жемчужным» орнаментом в верхней части венчика («жемчужины» продавлены с внутренней стороны), широко распространенные на стоянках Северного Приангарья и относящиеся к эпохе бронзы.

Технико-типологический анализ показывает, что два комплекса слоя 3 существенно отличаются друг от друга как по составу орудийного набора (рис.-15), так и по составу керамического комплекса. Комплекс 1, вероятно, относится к более поздней стадии неолита. В орудийном наборе (220 экз., соотносимые с комплексом керамики неолита) большой удельный вес имеют ретушированные пластинки, наконечники стрел, листовидные и овальные бифасы (наконечники копий или дротиков), а также массивные формы и шлифованные (рубящие орудия, тесла), в то время как в индустрии комплекса 2 последние практически отсутствуют. Стоит отметить объемный многофасеточный резец-дрель (комплекс 1; рис.-7). В сочетании с развитой микропластинчатой технологией, орудия такого типа ряд авторов относят к мезолитической традиции [Томилова, 2014, с. 82].

В целом, каменный инвентарь слоя 3 обладает чертами, характерными для неолита – бронзового века региона. Также стоит отметить преобладание карандашевидных и призматических форм для пластинок и микропластин среди нуклеусов. К более поздним возможно отнести лишь небольшое количество орудийных форм, среди которых цапфенный топор с пришлифованным рабочим краем (рис.-12) [Липнина и др., 2013], наконечник цэпаньского типа, долотовидное орудие, 10 экз. заготовок листовидных бифасов, 3 экз. овальных с прямым насадом наконечников стрел. Установлено, что в слое преобладает неолитическая керамика (на уровне первого горизонта смешана с керамикой эпохи раннего железного века и Средневековья, что можно связать с техногенными нарушениями; на уровне второго условного горизонта керамика полностью неолитическая).

Наиболее близкие аналогии обнаруживаются с материалами стоянки Усть-Кова-I (культурный горизонт 1А, 2).

Перспективным также представляется дальнейшее сравнение коллекции 3 слоя стоянки Устье Реки Кутарей с материалами Кутарейского участка (Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, Гора Кутарей) для более детального установления культурных и хронологических связей. Однако очевидно, что комплексы смешанного характера требуют большой доли осторожности в выводах и индивидуального подхода.

Библиографический список

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск, 2003. 208 с.

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. №1 (2). С. 203–229.

Бердников И.М. Актуальные проблемы неолитоведения юга Средней Сибири: источниковая база и геоархеологический аспект // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 18. С. 133–156.

Бердников И.М., Лохов Д.Н. Сетчатая керамика аплинского типа // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. №2 (3). С. 72–83.

Гришин Ю.С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. М., 2000. 128 с.

Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В. К проблеме выделения культур в Северном Приангарье // Труды Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. 1. С. 127–129.

Долганов В.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Комплексы с керамикой посольского типа в неолите Прибайкалья: по материалам V верхнего слоя геоархеологического объекта Саган-Заба-II // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7. С. 125–132.

Липнина Е.А., Лохов Д.А., Медведев Г.И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология, этнология, антропология. 2013. №1 (2). С. 71–101.

Мандрыка П.В. Тонковаликовая керамика раннего железного века из южно-таежной зоны среднего Енисея // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 3. С. 118–126.

Томилова Е.А., Стасюк И.В., Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Михлаева Ю.М., Горельченкова О.А., Харевич В.М., Орешников И.А. Многослойная стоянка Усть-Кова-I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология, этнология, антропология. 2014. Т. 8. С. 82–99.

© 2017, А.В. Шмидт¹, О.В. Кардаш², С.А. Липс²

¹Музей природы и человека, Ханты-Мансийск;

²Институт археологии Севера, Нефтеюганск

К ПРОБЛЕМЕ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КАМНЕОБРАБОТКЕ В ЭПОХУ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕОБСКОЙ НИЗМЕННОСТИ (на примере поселения Балинское-73)

Анализируя поселенческие комплексы Западной Сибири в эпоху позднего мезолита – раннего неолита, исследователи неоднократно подчеркивали ярко выраженную ориентацию каменной индустрии этого времени на производство мелких призматических пластин. Расцвет данной техники расщепления хорошо прослеживается в Горном Алтае [Семибратов, 2000; Кирюшин, 2004; Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008], Восточном Казахстане [Зайберт, 1992], лесном Зауралье [Старков, 1980; Зах, 2009] – в регионах, где поселения интересующего нас времени располагались в непосредственной либо относительной близости от выходов качественного поделочного сырья (кремень, яшма, кварцитовидный сливной песчаник и т.п.).

В центральной части Западной Сибири находится Среднеобская низменность – край богатейших биоресурсов. Здесь в рамках одного региона сочетаются реки, озера, болота и тайга. Проникая в глубь этой территории, древний человек удалялся от горных массивов на значительные расстояния, к тому же «отгораживал» себя от выходов поделочного камня труднопроходимыми природными преградами. Проживая в таких условиях, мастера начинают обращаться к иным, менее качественным, но более доступным породам, за счет чего кардинально меняется весь облик каменной индустрии. Это подтверждают материалы поселения Балинское-73.

Памятник расположен в Ханты-Мансийском автономном округе, в правобережье Оби, примерно в 110 км к северо-востоку от устья Иртыша, в 30 км к север–северо-востоку от с. Селиярово. Данная территория отличается слабой дренированностью и почти повсеместным распространением озер и болот. Рельеф плоский, перепады высот незначительные. Поселение занимает поросшую сосновым лесом вторую надпойменную террасу, представляющую в данном месте мыс высотой до 5 м, образованный слиянием реки Балинская и безымянного ручья.

Вскрытая площадь составила 1900 м². Хронология памятника представлена двумя комплексами. Верхний слой относится к эпохе бронзы и датируется началом II – серединой II тыс. до н.э. С этим культурным горизонтом связаны две жилищные западины, которые хорошо читались на современной поверхности до начала работ. В ходе расчистки здесь обнаружена керамика кульеганского типа [Чемякин, 2008]. Нижний слой, представляющий для нас непосредственный интерес, относится к эпохе раннего голоцена. Оба хронологических горизонта отделены друг от друга стерильной прослойкой, мощность которой составила 0,2–0,3 м.

С интересующим нас периодом связаны остатки восьми сооружений, пять из которых раскопаны полностью. Постройки имели в плане квадратные либо овальные очертания, размерами от 5,0×5,0 до 8,0×6,7 м. Дно ровное, углубленное в материке на уровень от 0,4 до 0,9 м. Очаги зафиксированы только в двух объектах.

Керамика в слое отсутствует полностью. Даты, полученные по углю (всего 10 анализов), после калибровки показали середину IX – середину VIII тыс. до н.э. Все эти данные указывают на принадлежность комплекса к мезолитической эпохе, однако анализ каменной индустрии (всего 10238 предметов) не дает столь однозначного ответа.

Основным сырьем являлся кварцит (55,33%) – порода очень прочная и устойчивая к физическому износу, однако не отвечающая требованиям микролитического расщепления [Малолетко, 2000]. Кроме кварцита, использовались песчаники (32,18%), сланцы (7,56%), гранит (3,80%). Другие породы камня суммарно составили чуть более 1%. Высококачественное поделочное сырье – кремь и кварцитовидный сливной песчаник (КСП) – на двоих набрало всего 0,15% (табл. 1А).

Характер используемых пород предопределил общий облик всей каменной индустрии. Происходит почти полный отказ от призматического расщепления. На поселении найдена всего одна ножевидная пластина (рис.-1) из кварцитовидного сливного песчаника размерами 5,5×2,0 см (изделие сильно сработано), а также небольшая серия (62 экз.) широких пластинчатых отщепов (рис.-3–5) и реберчатых сколов (рис.-9, 11) из кварцита (рис.-6). Ножевидная пластина, как и сырье, из которого она изготовлена, имеют, по всей видимости, импортное происхождение. Ближайшие выходы кварцитовидного сливного песчаника расположены в Восточном Казахстане. Отказ от призматической техники расщепления способствовал широкому внедрению иных технологий. На смену продуктов пластинчатого снятия приходят шлифованные орудия и изделия на отщепах.

Таблица 1

Каменное сырье поселения Балинское-73

№ п/п	Сырье	А		Б	
		Всего		Орудия	
		экз.	%	экз.	%
1.	Кварцит	5665	55,33	197	40,00
2.	Песчаник	3295	32,18	148	30,02
3.	Сланцы	774	7,56	101	20,48
4.	Гранит	389	3,80	23	4,66
5.	Алевролит	23	0,22	4	0,81
6.	Туф	18	0,18	4	0,81
7.	Кремь	11	0,11	2	0,40
8.	Кварцитовидный сливной песчаник	4	0,04	4	0,81
9.	Андезит	5	0,13	–	–
10.	Диорит	2		–	–
11.	Природный асфальт	2		–	–
12.	Янтарь	2		–	–
13.	Брекчия	2		–	–
14.	(?)	46	0,45	10	2,03
Всего:		10238	100	493	100

Весь орудийный набор составил 4,82% (493 экз.) от общей массы каменных артефактов (табл. 2). Здесь сырье распределилось следующим образом: кварцит – 40,00%; песчаник – 30,02%; сланцы – 20,48%; гранит – 4,66%; кремь и кварцитовидный сливной песчаник – 1,21% (2 и 4 орудия) и прочие породы (табл. 1Б).

Таблица 2

Типолист каменной индустрии поселения Балинское-73

№ п/п	Наименование артефактов	Экз.	№ п/п	Наименование артефактов	Экз.
1.	Гальки	411	17.	Топоры	16
Продукты расщепления			18.	Терочник	1
2.	Обломки первичные	2428	19.	Пест-абразив	2
3.	Обломки полупервичные	96	20.	Землеройное орудие (мотыга)	1
4.	Обломки вторичные	1593	21.	Молоток	1
5.	Осколки первичные	917	22.	Обломки шлифованных орудий	29
6.	Осколки полупервичные	329	23.	Долото	13
7.	Осколки вторичные	1551	24.	Струги	16
8.	Отщепы первичные	53	25.	Скобели	42

№ п/п	Наименование артефактов	Экз.	№ п/п	Наименование артефактов	Экз.
9.	Отщепы полупервичные	241	26.	Ножевидная пластина	1
10.	Отщепы вторичные	2063	27.	Ножи-бифасы	12
11.	Пластинчатые отщепы	57	28.	Отщепы с ретушью	7
12.	Пластинчатый отщеп полупервичный	2	29.	Скрёбла	11
13.	Реберчатые сколы	3	30.	Скребки	15
14.	Нуклевидный кусок	1	31.	Ретушер-молоточек	34
Орудийный набор			32.	Острие	20
15.	Абразивы	188	33.	Резец	1
16.	Тесла и их обломки	25	34.	Долотовидное орудие	58
ВСЕГО:			10238 экз.		

Преобладают шлифованные изделия – 290 артефактов, или 58,82% всех орудий (табл. 3). Это топоры – 16 экз., тесла – 25, долота – 11, струги – 16 и т.п. (рис.-2, 8, 10). Однако основная масса представлена абразивами – 188 экз. Анализ данной категории создает впечатление, что процесс производства шлифованных орудий носил в буквальном смысле промышленный характер. Помимо разнообразных точильных камней, имевших относительно небольшие размеры, на памятнике найдены два валуна весом порядка 30 и 100 кг, предназначенных для стационарной шлифовки заготовок. Абразив меньших размеров сложен из крупной фракции и предназначался для грубой шлифовки заготовок. Окончательная доводка изделий, включая полирование, осуществлялась на более крупном валуне. Вследствие его длительного использования на рабочей поверхности образовались многочисленные углубления, а кроме этого – канавка, длина которой составила 29,5 см, ширина 2,9 см, а глубина 1,4 см. Наличие стационарных абразивов свидетельствует, что на поселении функционировала хорошо оснащенная производственная площадка. Изготовление шлифованных орудий носило не эпизодический характер, а осуществлялось постоянно.

Таблица 3

Шлифованные орудия поселения Балинское-73

№ п/п	Наименование артефактов	Экз.	№ п/п	Наименование артефактов	Экз.
1.	Абразивы	188	6.	Обломки шлифованных орудий	13
2.	Тёсла	25	7.	Обломки неопределимых шлифованных орудий	16
3.	Топоры	16	8.	Долота	11
4.	Пест-абразив	2	9.	Струги	16
5.	Землеройное орудие (мотыга)	1	10.	Скрёбла	2
ВСЕГО:			290 экз.		

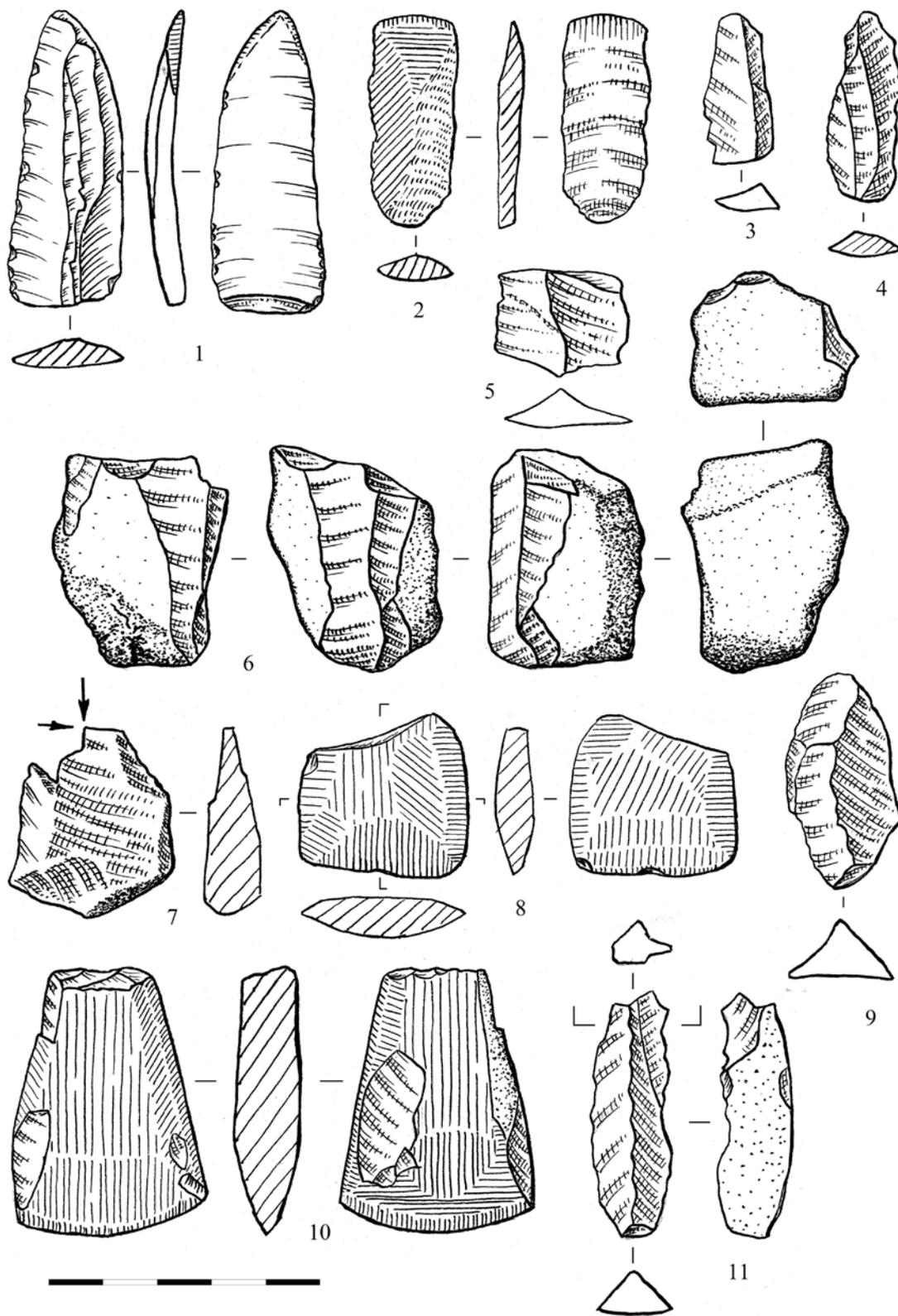
Здесь есть один немаловажный момент, который еще только предстоит обдумать: количество абразивов на порядок превышает число шлифованных изделий. То есть средств производства значительно больше, чем готовой продукции. Можно выдвинуть осторожное предположение, что какая-то часть орудий уходила на «экспорт». Только дальнейшая работа в этом направлении позволит подтвердить или опровергнуть данную идею.

Остальные 203 изделия – это галечные орудия (преимущественно отбойники – 34 из 36), а также изделия (преимущественно из кварцита), оформленные вторичной ретушью: скобели – 42 экз., ножи нескольких типов – 12 экз., скребки – 15, скрёбла – 9, острия – 20, долотовидные орудия – 58 экз. и некоторые другие. Нет наконечников стрел – эта черта характерна для большинства мезолитических памятников Западной Сибири.

В коллекции присутствует всего один морфологически выраженный резец (рис.-7). Столь незначительное представительство данной категории орудий происходит вследствие деградации пластинчатой техники расщепления. Отказ от вкладышевых орудий делает резцы не востребуемыми в хозяйственной деятельности древнего человека, что сразу негативно сказывается на их производстве.

Несмотря на отсутствие качественного поделочного камня, население Балинское-73 смогло перестроить индустрию под менее пригодное, но более доступное сырье. Ее дальнейшее развитие осуществляется в двух взаимодополняющих направлениях:

- 1) расщепление кварцита и изготовление из него большинства основных категорий орудий;
- 2) использование технологии шлифовки и полирования камня, широкое внедрение которой в других регионах происходит значительно позже.

Материалы поселения Балинское-73:

1 – ножевидная пластина; 2, 8, 10 – шлифованные орудия; 3-5 – пластинчатые отщепы;
6 – нуклевидное изделие на гальке кварца; 7 – резец; 9, 11 – реберчатые сколы

Таким образом, на общем облике каменной индустрии отразились: с одной стороны, потребности самого человека, с другой – качество используемого сырья.

То, что жители поселения Балинское-73 ориентировались в производстве каменных орудий на более доступное сырье, не является чем-то исключительным. Похожую картину можно наблюдать на памятнике Няксимволь-1 (Березовский район Ханты-Мансийского АО, р. Северная Сосьва) [Шмидт

и др., 2017]. Несмотря на относительную близость Уральских гор, здесь для каменной индустрии также берут сырье, расположенное «в шаговой доступности», которое вполне удовлетворяло потребностям неолитического населения. Прежде всего, это речной галечник. В результате широкое применение получают чопперы, чоппинги и другие галечные орудия, в то время как призматическая техника расщепления также переживает упадок [Шмидт, Сурков, 2017].

Библиографический список

- Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург, 1992. 221 с.
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск, 2009. 396 с.
- Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 24 с.
- Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул, 2008. 335 с.
- Малолетко А.М. Источники кремнистого сырья для производства орудий (эпоха камня и металла) // Экономика природопользования Алтайского региона: история, современность, перспективы. Барнаул, 2000.
- Семибратов В.П. Раннеголоценовые комплексы среднего течения Катунь: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2000. 24 с.
- Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. 219 с.
- Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008. 224 с.
- Шмидт А.В., Сурков Д.А. Неолитический комплекс памятника Няксимволь-1 (материалы раскопок 2016 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 175–179.
- Шмидт А.В., Сурков Д.А., Гизбрехт М.Ю., Попкова А.В. Аварийно-спасательные раскопки на памятнике Няксимволь-1 в Березовском районе Ханты-Мансийского АО (2016 г.): предварительные результаты // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений. Барнаул, 2017. С. 262–263.

© 2017, А.Ф. Шорин, А.А. Шорина

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА И ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ «СВЯТИЛИЩЕ КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ И ЮРЬИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ» (Среднее Зауралье)

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта фундаментальных научных исследований
Комплексной программы УрО РАН №15-13-6-12 «Культурные и технологические традиции
и инновации населения Урала в первобытную эпоху: междисциплинарный анализ»

Топография, внешний вид и структура организации внутреннего пространства памятника. Для поселения и святилища выбран мыс на берегу Юрьинского озера, широкая пойма которого позволяла просматривать памятник со значительной части побережья и водной глади озера. Поэтому святилище жителями неолитических поселков, расположенных по побережью озера, даже визуально воспринималось как центр окружающей территории. На самой высокой площадке мыса, располагавшегося в центре Юрьинского поселения, площадь которого составляла 16000 м², периодическими подсыпками была создана искусственная гора диаметром около 40 и высотой от 1 м в южной части и до 3,5 м в северной. Помимо насыпной площадки, сакральность места была усилена рытьем по окружности мыса рва, а может быть, и двух. Первый ров мог быть дополнен, особенно по склону мыса, какой-то конструкцией из тонких бревен типа стены или частокола. Все эти маркеры четче выделяли площадку святилища в профанном пространстве Юрьинского поселения.

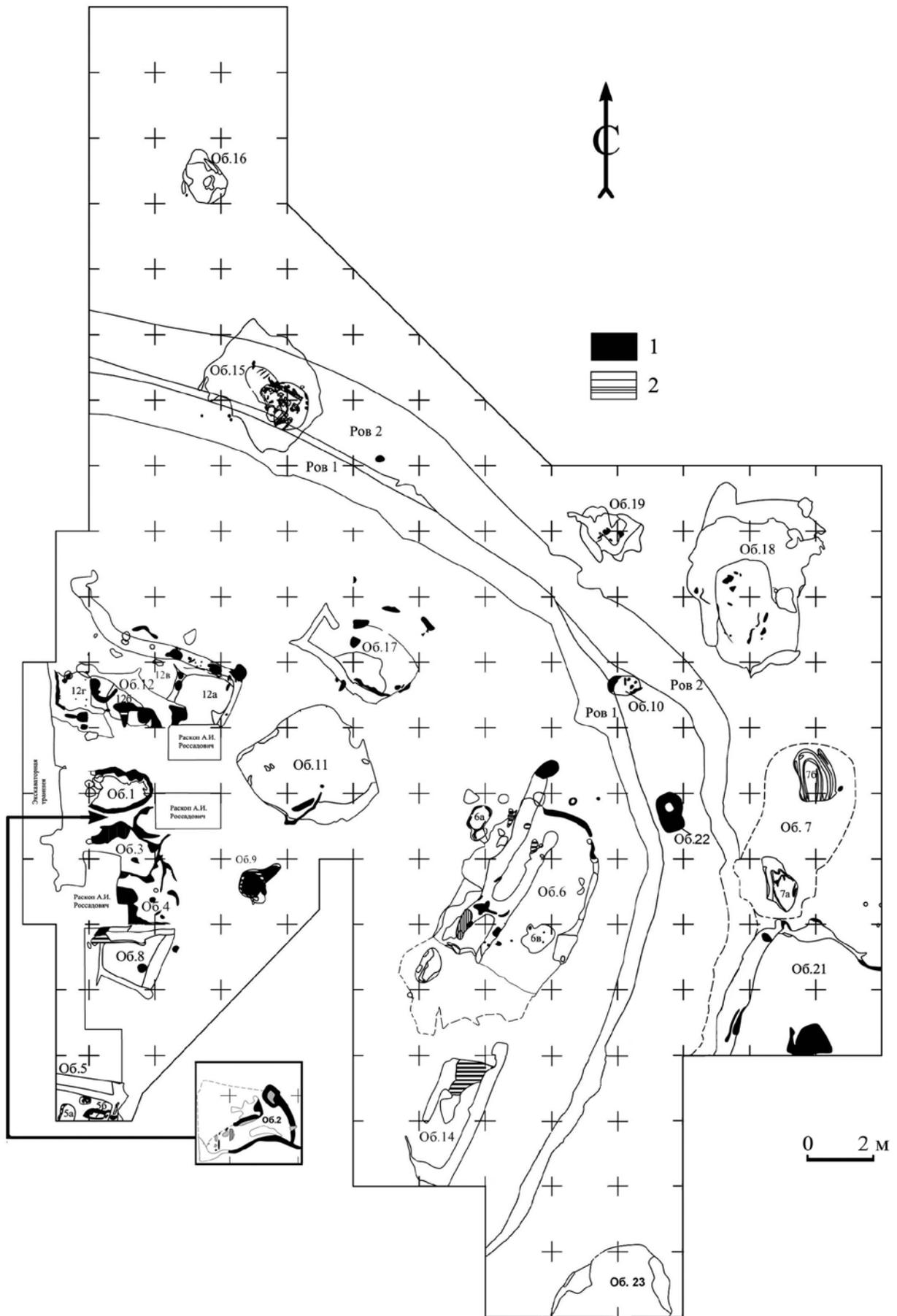
Именно на насыпной площадке фиксируются объекты 3–6, 8, 12, 14, 17, а также сопутствующие им малые объекты 5а, 5б, 6а, 6в, 9. Три из них (5, 6, 12) сопровождалось сосудами кошкинской культуры, по одному сосуду 3 объект – кокшаровско-юринской, 17 – басьяновской. Но ряд объектов вынесен за пределы рвов. Кошкинский культовый объект 15 расположен в пойменной части берега и перекрыт рвами. В пойме находился и кошкинский объект 18. Кокшаровско-юринский объект 7, как и малые объекты 7а, 7б, 10 и 22 с невыясненной культурной атрибутикой, зафиксирован на мысу, но за пределами рвов. В глубине мыса, за рвами, исследован и жилой объект 21 Юрьинского поселения, в глубоком котловане которого последовательно сооружены раннее кошкинское и позднее совместное позднекокшаровско-юринско-полуденское жилище [Шорина, 2015].

Хронология объектов и этапы формирования памятника. Получено 53 радиоуглеродные даты как по углю, так и по керамике всех неолитических и энеолитического типов памятника. Даты по углю, за исключением четырех, и девять дат по керамике достоверно связаны с теми или иными объектами Холма и поселения. Корреляция дат с объектами позволяет сделать следующие выводы.

Заселение этого участка южного берега Юрьинского озера началось во времени с середины – 2-й половины VII – начала VI тыс. до н.э. в калиброванных значениях дат. Однозначно в составе первопоселенцев была кошкинская группа населения. Именно она создала ранние культовые объекты 15 в пойме и 5, 6, 6а и 7а на мысу (рис.), даты которых: 11 – по углю и 3 – по керамике, укладываются в интервал от 7610±80 ВР до 6830±90 ВР (для неолита данного региона разница в значениях калиброванных и радиоуглеродных дат составляет примерно 1000 лет). Скорее всего, кокшаровско-юринский коллектив в составе первопоселенцев также был. На это указывают две даты по фрагментам керамики. Одна из них получена из восточной части мыса, возможно, из верхнего заполнения малого объекта 7б – 6820±90 ВР, другая – из пойменной части нижнего слоя Юрьинского поселения – 6950±80 ВР [Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2016, с. 43]. Возможно, что к этому этапу формирования памятника и к тем же культурным группам населения относятся еще две даты по углю (7428±70 ВР и 7423±80 ВР), взятые из той же центральной береговой части мыса; но связать их с какими-либо объектами сложно, так как эта часть памятника потревожена раскопами А.И. Россадович в середине XX в. Не исключено, что уже на раннем этапе функционирования памятника была предпринята попытка как-то дополнительно маркировать сакральное пространство святилища: по краю площадки мыса было поставлено какое-то сооружение из тонких бревен типа стены, частокола, уголь из которого дал дату 6900±20 ВР. Но не исключено, что этот частокол перестраивался и позднее, так как еще одна дата, полученная из другого скопления по углю и в другой лаборатории, моложе – 6450±70 ВР [Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2016, с. 43]. Видимо, ранним по времени, но радиоуглеродных дат пока нет, являются нижнее жилище объекта 21, глубокий, до 1,7 м, котлован которого выкопан кошкинским коллективом на территории Юрьинского поселения к востоку от насыпной площадки святилища за рвами, а также объект 18 в пойме памятника (рис.), перекрытый полуденским культурным слоем. Последний имеет дату по углю 6950±70 ВР.

В период около середины VI тыс. до н.э. в калиброванных значениях дат на сакральной площадке мыса функционировали уже культовые объекты не только кошкинского, но и кокшаровско-юринского населения. Это объект 12, имеющий усредненную дату по углю 6738±24 ВР и дату по сосуду 6570±90 ВР [Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2016, с. 43], также кокшаровско-юринские, вероятно, связанные в один комплекс, объекты 3 и 8 (рис.), имеющие близкие даты, причем первая получена по сосуду – 6480±80 ВР [Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2016, с. 43], вторая по углю – 6437±100 ВР. Конструктивно культовые объекты этого хронологического горизонта, оставленные разными группами населения, имели как черты сходства, так и различия. Сходство заключалось в том, что основу даже крупного объекта 12 составляли малые объекты 12а–д, по размерам близкие кокшаровско-юринским объектам 3, 4 и 8. Различия сводились к тому, что кошкинские объекты 6 и 12 по размерам были более значительными, чем кокшаровско-юринские. С последним типом керамики не связаны также объекты в виде большой грунтовой ямы, перерытой накатником, как кошкинский объект 15 в пойме (рис.).

Следующая группа радиоуглеродных дат тяготеет к интервалу последней четверти VI – 1-й четверти V тыс. до н.э. в калиброванных значениях дат. Это особый хронологический отрезок функционирования комплекса памятников «святилище Кокшаровский холм – Юрьинское поселение». На этот период падают поздние радиоуглеродные даты в интервале от 6290±80 ВР до 5840±90 ВР, полученные по ряду кошкинских и кокшаровско-юринских фрагментов [Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2016, с. 44], а также все даты по фрагментам керамики полуденского и самые ранние даты по фрагментам басьяновского типов.

Кокшаровский холм и Юринское поселение. Сводный план объектов:
 1 – углистые прослойки; 2 – прокаленные слои

В этот период фиксируется сосуществование и постепенная замена кошкинских и кокшаровско-юринских орнаментальных традиций полуденскими и басьяновскими. Объектов, которые относятся к этому радиоуглеродному периоду, два: 7 и 17. Оба они расположены в периферийной, северо-восточной, части мыса (рис.). Площадка кокшаровско-юринского объекта 7 находится за пределами рвов и во многом выделена условно. Один из сосудов одноименного типа, найденный на ней, имеет дату 6260 ± 90 ВР [Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2016, с. 44]. Басьяновский объект 17, сооруженный на краю мыса в пределах его сакральной площадки, по составу артефактов напоминает скорее жилище-мастерскую. Но в то же время в нем и рядом с ним найдены развалы восьми басьяновских сосудов. Причем скопление верхних частей трех разных по размерам сосудов (по двум из них получены даты 5960 ± 70 ВР и 5920 ± 90 ВР [Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2016, с. 44]), как и трех пряслиц из фрагментов сосудов этого же типа, залежали совместно. Подобное скопление верхних частей от шести–семи, но кошкинских, сосудов фиксировалось в одном из самых ранних культовых объектов Холма – 6. Не исключено, что объект 17, культовое использование которого также возможно, возник в то время, когда кошкинские и кокшаровско-юринские культовые объекты, даже самые поздние, на площадке уже не функционировали. В сферу жизнедеятельности басьяновских коллективов активно было вовлечено пространство, прежде всего, по северной и частично восточной кромке мыса. Именно здесь, а также в пойме фиксируется подавляющая часть фрагментов басьяновской керамики. По трем из них получены даты в интервале 5890 ± 90 – 5470 ± 90 ВР [Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2016, с. 44]. Последняя дата практически смыкается с энеолитическим этапом функционирования памятника: имеются две даты, полученные по фрагментам керамики аятского типа, – 5440 ± 90 ВР и 5250 ± 90 ВР [Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2011, с. 75]. Но в это время памятник вряд ли уже функционировал как святилище.

На последнюю четверть VI тыс. – самое начало V тыс. до н.э. в калиброванных значениях дат приходятся все даты, полученные по развалам сосудов и фрагментам керамики полуденского типа. Они укладываются в интервал от 6070 ± 90 ВР до 5970 ± 80 ВР [Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2016, с. 44]. Но с сосудами этого типа не связан ни один из раскопанных культовых объектов в пределах сакральной площадки. Видимо, традиция возведения культовых построек на мысу полуденским коллективам стала уже не свойственна. Полуденская керамика залегает преимущественно в восточной части мыса, прежде всего за пределами сакральной площадки святилища и в пойме. С совместным позднекокшаровско-юринско-полуденским коллективом связано и верхнее жилище объекта 21, впущенное в котлован, который ранее выкопали кошкинцы (рис.). Примечательно, что больше всего не отдельных фрагментов, а крупных развалов полуденских и позднекокшаровско-юринских сосудов, но с элементами полуденского декора найдено как в пойме, так и в восточной части мыса за рвами и во рве 2, маркирующего сакральную площадку святилища. В связи с этим можно предполагать: 1) либо Кокшаровский холм в это время как святилище прекращает свое существование, 2) или меняются объекты и ритуалы сакральных действий. Культовые объекты в виде деревянных домиков вышли из употребления. Возникли новые ритуалы, элементом одного из которых стала постанковка сосудов у рва [Шорин, 2010, с. 35].

В заключение следует отметить, что вне поля зрения хроностратиграфического анализа оказались в пределах сакральной площадки объекты 11 и 14, малый объект 9; объекты 16 и 19 в пойме, а также два малых объекта 10 и 22, зафиксированные в восточной части мыса. По ним нет радиоуглеродных дат, и они не сопровождались сосудами.

Библиографический список

- Шорин А.Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Уральский исторический вестник. 2010. №1 (26). С. 32–42.
- Шорин А.Ф., Шорина А.А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №3 (47). С. 70–77.
- Шорин А.Ф., Шорина А.А. Хроностратиграфия неолитических объектов Кокшаровского холма и Юринского поселения // Седьмые Берсовские чтения: мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Екатеринбург, 2016. С. 40–47.
- Шорина А.А. Стратиграфическое распределение неолитических керамических комплексов Юринского поселения (по материалам объекта 21) // IV Северный археологический конгресс. 19–23 октября 2015 г., Ханты-Мансийск. Екатеринбург, 2015. С. 110–112.

ПРОБЛЕМЫ ЭНЕОЛИТА, РАННЕЙ, РАЗВИТОЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

© 2017, В.А. Борисов

Кузбасский государственный технический университет, Кемерово

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ПРИСАЛАИРЬЯ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА

В 1993 г. силами Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции было открыто, а в 2003 г. полностью исследовано многослойное поселение Усть-Канда-2 в Гурьевском районе Кемеровской области. Памятник расположен на террасовидной площадке высокого левого берега р. Ура в 1 км к северу от одноименного села. Фрагменты керамической посуды, относящейся ко времени палеометалла, в количестве 125 экземпляров, находились преимущественно в нижнем горизонте раскопа [Борисов, Илюшин, 1987]. В южной части Восточного Присалаирья подобные памятники ранее были неизвестны. Этим и определяется актуальность данного исследования, позволяющего заглянуть в истоки гончарных традиций населения бронзового века, проживавшего в долине р. Ура у восточных склонов Салаирского кряжа.

Для изготовления керамической посуды усть-кандинские гончары использовали широко распространенные в лесостепной и степной части Верхнего Приобья естественно-запесоченные, хорошо ожелезненные тяжелые глины и суглинки [Кравцов В., Кравцов Ю., 2000, с. 11–24]. В качестве естественных примесей в формовочных массах исследованных сосудов присутствуют кварцевый песок всех размерных рангов и различные породные обломки, а также отдельные зерна сильноокатанного гематита. Основными искусственными добавками, выполняющими отошачивающие, армирующие и огнеупорные функции, являлась дресва двух типов. Первая представляет собой дробленый жильный кварц молочно-белого цвета, повсеместно встречающийся в обнажениях скальных пород на склонах кряжа, вторая – средне- и сильноокатанные зерна прозрачного кварца аллювиального происхождения. Подобное сырье встречается по берегам предгорных озер и в устьях рек, берущих свое начало в горах. В керамике только одного сосуда отмечен шамот как основная искусственная примесь. Особенности орнамента, морфологии, способов конструирования, обжига и другие технологические характеристики не вызывают сомнений в его энеолитическом происхождении. Органика отмечена в двух случаях. Она представлена негативами сгоревших стеблей травы.

Таблица 1

Усть-Канда-2. Составы формовочных масс энеолитической керамики

№ образца	Песок, %	Дресва, %	Шамот, %	Сухая глина	Органика	Всего примесей
1	2,3–3,5		15–17			17–21
2	2,6–5,1	18–22				21–27
3	0,7–1,2	15–18				16–19
4	1–2	15–20				16–22
5	6,5–11	8–12				15–23
6	0,7–1,5	10–15				11–17
7	2,5–3,8	10–12	2–3			15–19
8	0,8–1,5	12–15				13–17
9	1,3–3,5	14–17				15–21
10	0,6–1,2	20–22			+	21–23
11	1,3–2,8	22–25				23–28
12	2,7–6,4	30–35				33–41
13	0,6–1	25–28			+	26–29
14	1,7–3,3	15–20				17–23
15	1,2–2,7	10–15	1–3			12–20
16	3,8–8	18–21			+	22–29
17	1,2–1,3	30–32	2–4			33–37

№ образца	Песок, %	Дресва, %	Шамот, %	Сухая глина	Органика	Всего примесей
18	0,7–1,4	17–21				18–22
19	2,5–3,8	18–22				21–26
20	1,7–1,9	10–12				12–14
21	1,7–3,3	30–35				32–38
22	2,9–6,4	20–22		+		23–29
23	1,4–5,5	24–28				25–34
24	2,3–4,8	30–40				32–50

Большая фрагментарность усть-кандинских сосудов эпохи энеолита не позволяет в полной мере определить их форму и размеры, реконструировать полностью технологию их изготовления. В то же время венчики девяти разных сосудов, околдонная часть стенки с частью доньшка одного изделия и отсутствие плоских доньшек дают возможность утверждать, что посуда данной керамической серии представляла собой банки с прямыми венчиками и округлым или яйцевидным доньшком. Отслоившаяся наружная поверхность одного из исследованных фрагментов позволила выявить способ формирования керамической емкости. Жгуты-валики диаметром 0,6–0,7 см накладывались друг на друга и слегка придавливались, швы замазывались глинистой массой, аналогичной той, из которой изготавливались жгуты. «Оштукатуренные» поверхности уплотнялись и выравнивались твердым инструментом, напоминающим узкий шпатель. Внутренние стенки большинства сосудов дополнительно не обрабатывались, наружные поверхности чаще затирались поверх шпателя инструментом с очень неровным рабочим краем – щепой, обломком кости, камня или гребенкой. В результате на поверхности сосуда образовывались параллельные глубокие царапины и бороздки, расположенные, как правило, горизонтально. Они покрывали всю стенку от венчика до околдонной части. Можно предположить, что древние мастера сознательно создавали такую грубую бороздчатую фактуру поверхностей, так как в сочетании с рядами плотно расположенных друг к другу мелких косых насечек, угловых оттисков лопатки или отступающей гребенки она создавала часто полную иллюзию шнурового или текстильного орнамента. Меньшая часть сырых сосудов затирались снаружи мягким материалом, отчего поверхность становилась относительно гладкой и ровной.

Анализ цветовой структуры разломов и поверхностей фрагментов усть-кандинских сосудов, физико-механических свойств керамики, графиков твердости стенок сосудов в поперечном разрезе и иных технологических особенностей позволил реконструировать режим и условия обжига энеолитической керамики. Все сосуды прокаливались в окислительной среде при свободном доступе атмосферного кислорода. 87,5% исследованных образцов имеют красноцветный разлом, что свидетельствует о полной температурной экспозиции, являющейся результатом длительного обжига. Характерная пятнистая поверхность сосудов говорит о костровом способе обжига, при котором прокаливание керамики происходило неравномерно из-за относительно резких перепадов температур. Это демонстрируют тип и характер графиков твердости. 38,1% графиков исследованных образцов являются активными, 28,6% относятся к U-образному типу, остальные являются спокойными и волнообразными. Твердость большинства образцов указывает на низкотемпературный обжиг в интервале температур 550–600 °С, в единичном случае – 350–400 °С.

Цифровые показатели плотности, пористости, степени водопоглощения и твердости керамики исследованных сосудов демонстрируют достаточно высокое качество гончарных изделий энеолитических мастеров Присалаирья. Прежде всего, обращает на себя внимание очень высокая плотность усть-кандинской керамики – 1,96 г/см³ (средний показатель). Близки к низким показатели пористости и степени водопоглощения (22,1 и 11,8%). Только твердость этой керамики невысока (85,6 НВ – средний показатель), что является результатом низкотемпературного обжига. Наши исследования позволяют предположить, что основными факторами, влияющими на формирование плотности керамики, являются особенности предварительной обработки глинистого сырья, характер и количество примесей в формовочных массах, способы конструирования сырых емкостей, а также температура и длительность обжига сосудов. Бинокулярное исследование разломов и шлифов стенок усть-кандинских сосудов показало, что энеолитические гончары Присалаирья не применяли каких-то существенных приемов предварительной обработки сырья. В керамике наличествуют естественные примеси, иногда очень крупные, поры часто имеют открытую форму, много мелких усадочных трещин и т.п. В то же время в керамике мало формовочных пустот. На наш взгляд, это является результатом раскатывания глиня-

ного жгута небольшого диаметра, при котором сырая глина уплотняется настолько, что формовочные пустоты исчезают. Дополнительное уплотнение происходило в процессе формообразующей выбивки стенок сосуда. Для сравнения можно привести показатели плотности керамики трех памятников Новосибирского Приобья, относящихся к самусьской археологической культуре раннего бронзового века. Это поселения Крохалевка-I, Крохалевка-36 и могильник Крохалевка-7А. Для нас важны территориальная и хронологическая близость этих памятников поселению Усть-Канда-2, а также то, что самусьская посуда изготавливалась аналогичным методом жгутового (валикового) налепа. Плотность самусьской керамики поселения Крохалевка-I составляет 1,98 г/см³ [Глушков, 1996, с. 141, табл. 40]. Плотность керамики поселения Крохалевка-36 – 1,80 г/см³, могильника Крохалевка-7А – 1,85 г/см³ [Борисов, 2013, с. 217, табл. 3, 4]. Ленточный налеп, применявшийся для изготовления глиняной посуды, к подобной плотности керамики не приводил. Например, средняя плотность керамики сосудов могильника Телеутский Взвоз-1 в Лесостепном Алтае, относящегося к елунинской культуре эпохи ранней бронзы, составляла 1,62 г/см³ [Борисов, 2013, с. 215, табл. 1]. В качестве предварительного вывода можно поставить вопрос о целесообразности использования древними гончарами твердой основы при конструировании емкости жгутовым-валиковым методом. Обладая подобной высокой плотностью, сырые стенки сосудов были достаточно жесткими, чтобы оседать и растрескиваться.

Таблица 2

Усть-Канда-2. Физико-механические свойства энеолитической керамики

№ образца	Плотность, г/см ³	Пористость, %	Степень водопоглощения, %	Твердость, НВ
1	1,81	34,0	18,8	54,6
2	1,89	24,1	12,8	84,2
3	2,02	21,8	10,8	90,2
4	1,97	23,9	12,2	77,6
5	1,96	26,8	13,6	86,1
6	1,93	22,0	11,4	86,1
7	1,99	25,7	12,9	67,0
8	1,79	26,7	14,9	77,1
9	1,97	37,6	19,0	61,3
10	1,80	22,2	12,3	88,1
11	1,84	24,8	13,5	85,6
12	2,20	32,4	15,0	72,7
13	1,97	18,3	9,3	92,0
14	2,02	19,8	9,8	100,4
15	1,91	22,3	11,7	99,6
16	1,79	21,1	11,8	75,3
17	1,95	19,3	9,9	88,4
18	2,20	25,0	11,4	82,8
19	1,84	18,1	9,4	92,4
20	2,07	27,0	13,0	94,8
21	2,15	24,5	11,4	92,0
22	1,95	19,5	10,9	87,8
23	1,93	20,0	9,9	86,6
24	1,97	19,0	11,9	89,0
Средние показатели	1,96	22,1	11,8	85,6

Изучение усть-кандинской керамики эпохи энеолита позволило выделить три орнаментально-технологические традиции, имеющие как общие признаки, так и существенные различия. Всю керамическую серию морфологически объединяет баночный тип сосудов с прямыми венчиками и округлым или яйцевидным донышком, орнаментально – господство отступающе-накольчатой техники, технологически – сходное глинистое естественно-запесоченное, хорошо ожеженное сырье, жгутовой (валиковый) налеп, низкотемпературный, костровой обжиг. Видимо, эти признаки являются эпохальным явлением, характерным для раннего гончарства Присалаирья.

К первой орнаментально-технологической традиции относится 94% всех образцов усть-кандинской посуды, являющихся частями шести сосудов. Они характеризуются наличием в формовочных массах дробленого кварца молочно-белого цвета с зернами размером 0,5–6 мм (преобладают 2–3 мм) в количестве от 8–12 до 30–35%. В трех образцах, наряду с дресвой, присутствует шамот в количестве 1–4%. Сосуды отличаются грубой обработкой поверхностей узким «шпателем», щепой, гребенкой или

другими твердыми инструментами с неровным рабочим краем без последующей затирки. В орнаменте присутствуют отступающая вертикальная лопатка, прямые и волнистые желобки, разнообразные уголкового отступающей лопатки, ногтевые вдавления, валики и ребра-защипы, «шагающая», печатная и отступающая гребенка, отступающая палочка, «псевдотекстиль», гребенчатая качалка. Физико-механические показатели этой керамики: плотность – 1,96 г/см³, пористость – 24,2%, степень водопоглощения – 12,3%, твердость – 84,7 НВ, температура обжига – 550–600° С.

Ко второй орнаментально-технологической традиции относятся пять фрагментов (4% от общего количества), представляющих три сосуда. Они характеризуются наличием в формовочных массах очень крупного кварцевого песка аллювиального происхождения, а также дробленого кварца с зернами размером 1–3 мм, в количестве от 20–22 до 30–40%. Стенки сосудов ровные, гладко затерты мягким сырым материалом. Принципиально отличается орнамент данной керамической серии. Он представляет собой сочетание глубоких ямок округлой формы и мелких овальных ямок, в виде наколов, выполненных округлой палочкой. Такие же мелкие ямки нанесены на срез венчика. На одном фрагменте ямочный орнамент сочетается с уголковыми оттисками лопатки. Физико-механические показатели: плотность – 1,95 г/см³, пористость – 19,6%, степень водопоглощения – 10,9%, твердость – 87,8 НВ, температура обжига – 550–600° С.

К третьей орнаментально-технологической традиции относится фрагмент венчика одного сосуда. Основной искусственной примесью в формовочной массе данного изделия является шамот. Размеры зерен составляют 0,8–5 мм (преобладают 2–4 мм), количество 15–17%. По особенностям обработки поверхностей сосуд не отличается от керамики первой орнаментально-технологической традиции. Сосуд орнаментирован отступающей вертикальной лопаткой и горизонтальными прямыми желобками в сочетании с насечками. Этот орнамент также близок орнаменту керамики первой орнаментально-технологической традиции. Физико-механические показатели демонстрируют низкое качество керамики: плотность – 1,81 г/см³, пористость – 34,0%, степень водопоглощения – 18,4%, твердость – 54,6 НВ, температура обжига – 350–400° С.

Сравнительный анализ технологических особенностей энеолитической керамики показывает, что по составу формовочных масс и физико-механическим свойствам наиболее близки друг другу сосуды первой и второй орнаментально-технологических традиций. Отличает их только наличие аллювиальной дресвы в сочетании с дробленным кварцем в керамике второй орнаментально-технологической традиции и принципиально разные способы обработки стенок сырых банок. Инокультурным выглядит сосуд с наличием шамота в формовочной массе. Да и физико-механические показатели этой керамики говорят об иной технологии ее изготовления. Но орнамент на венчике этого сосуда схож с орнаментом сосудов первой орнаментально-технологической традиции.

На уровне отдельных элементов орнамент первой орнаментально-технологической традиции соотносится с самусьской культурой [Кирюшин, 2004, с. 140–144, рис. 31.-1, 32.-1–6, 33.-1–4, 34.-1–1, 2, 35.-1]. Усть-кандинский орнамент более архаичен и, вероятно, был той древней основой, на которой впоследствии сформировался самусьский орнамент. Исследования И.Г. Глушкова и В.И. Молодина показывают, что по составу формовочных масс, способам конструирования емкостей [Глушков, 1996, с. 95, 104–105], а также по физико-механическим показателям усть-кандинская посуда первой орнаментально-технологической традиции очень близка самусьской посуде Томско-Новосибирского Приобья и Присалаирья [Молодин, Глушков, 1989, с. 76].

Часть элементов орнамента усть-кандинских сосудов первой орнаментально-технологической традиции ассоциируется с керамикой крохалевского типа [Кирюшин, 2002, с. 91–92]. Это «псевдотекстиль», ногтевые оттиски, косые насечки, «шагающая» гребенка и т.п. Но и усть-кандинские элементы данного типа более архаичны. Крохалевская посуда Присалаирья также содержит в формовочных массах песчано-дресвяные примеси, как и усть-кандинская керамика первой орнаментально-технологической традиции [Зах, 1997, с. 23].

Отдаленное сходство с керамикой второй орнаментально-технологической традиции поселения Усть-Канда-2 имеет позднеэнеолитическая посуда могильника Иштан в Томской области [Матющенко, 1985, с. 47–53]. Она орнаментирована глубокими округлыми и мелкими овальными ямками, выполненными в отступающе-накольчатой технике. В формовочных массах содержится песок. Керамика с подобным ямочным орнаментом, содержащая большое количество песка, была распространена и в энеолите Тюменского Приобья [Косарев, 1987, с. 260–261]. Появление такой керамики в Восточном Присалаирье, вероятно, следует связывать с проникновением сюда первых носителей ямочно-гребенчатых традиций.

Вопрос о возможном происхождении сосуда с шамотом в формовочной массе остается открытым. Можно лишь предположить сохранение в усть-кандинской керамике древних неолитических гончарных традиций местного населения [Борисов, 2005, с. 165–173].

Утверждение Ю.Ф. Кирюшина о том, что в эпоху энеолита в Новосибирском Приобье проживало многокомпонентное по своему составу население [Кирюшин, 2002, с. 94], видимо, следует распространить и на Восточное Присалаирье. Это высказывание находит подтверждение в существовании разных орнаментальных и технологических гончарных традиций на поселении Усть-Канда-2. Вероятно, на основе данного этнокультурного субстрата в Восточном Присалаирье формировались культуры раннего бронзового века: самусьская и большеларьякская, а также крохалевский тип керамики.

Библиографический список

Борисов В.А. Опыт разработки и применения экспериментальных методов исследования керамики (по материалам эпохи бронзы Верхнего Приобья). Кемерово, 2013. 253 с.

Борисов В.А., Илюшин А.М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на поселении Усть-Канда-2 в 2003 г. Кемерово, 2004. 54 с.

Борисов В.А. Технологические особенности глиняной посуды поселения Березовая Лука // Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005. Т. 1. С. 165–173.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996. 327 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. Новосибирск, 1997. 131 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 293 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул, 2004. 294 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 252–264.

Кравцов В.М., Кравцов Ю.В. Общие тенденции изменения природной среды на юге Западной Сибири в голоцене // Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Археологические памятники Тогучинского района Новосибирской области. Новосибирск, 2000. С. 11–24.

Матющенко В.И. Поздненеолитический могильник у д. Иштан на Оби // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 47–53.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989. 168 с.

© 2017, А.В. Варенов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

БРОНЗОВЫЕ НОЖИ С ТРЕХКНОПОЧНЫМ КОЛЬЦЕВЫМ НАВЕРШИЕМ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Ножи с трехкнопочным кольцевым навершием на территории Китая найдены при раскопках в Аньяне: в так называемой *могиле слона* (рис. 1.-9), в погребениях М539 из Дасыкунцуня (рис. 1.-10) [Ян Сичжан, 1992; Варенов, 2003] и М164 из сектора С Сяотуня (рис. 1.-8) [Варенов, 2005]. Ножи с трехкнопочным кольцевым навершием – неперемный атрибут комплексов цинлунского типа: оружейных кладов из Чаодаогоу уезда Цинлун провинции Хэбэй (рис. 1.-5) [Чжэн Шаоцзун, 1962; Варенов, 1999], из Янхэ уезда Синчэн провинции Ляонин (рис. 1.-6) [Ли Цзяньминь, Фу Цзюньшань, 1978; Варенов, 1999] и из Фэнцзяцунь уезда Суйчжун провинции Ляонин (рис. 1.-2–4) [Ван Юньган, Ван Гочжун, Ли Фэйлун, 1996; Варенов, 2004]. Встречены они и в комплексах Эрланпо (рис. 1.-1) и Хоуланьцзягоу (рис. 1.-7), оба из уезда Шилоу провинции Шаньси [Бронзовые шан-чжоуские изделия, 1958; Го Юн, 1962; Варенов, 2005, с. 80–84].

И в Чаодаогоу, и в Янхэ обнаружено по три ножа с кольцевым навершием (рис. 2.-5–7, 11–13), в том числе по одному ножу с кольцом с тремя выступами (рис. 2.-5, 12), по боевому топору с короткой трубчатой втулкой (рис. 2.-2, 10) и по проушному клевцу с длинным обухом (рис. 2.-1, 9). В Чаодаогоу найдены также «карасукский» нож с бубенчиковым навершием (рис. 2.-8), нож с навершием в виде головы козерога (рис. 2.-4) и кинжал с навершием в виде бараньей головы (рис. 2.-3). В Янхэ к основному набору добавлен большой бронзовый крюк (рис. 2.-14). В состав клада из Фэнцзяцунь входили

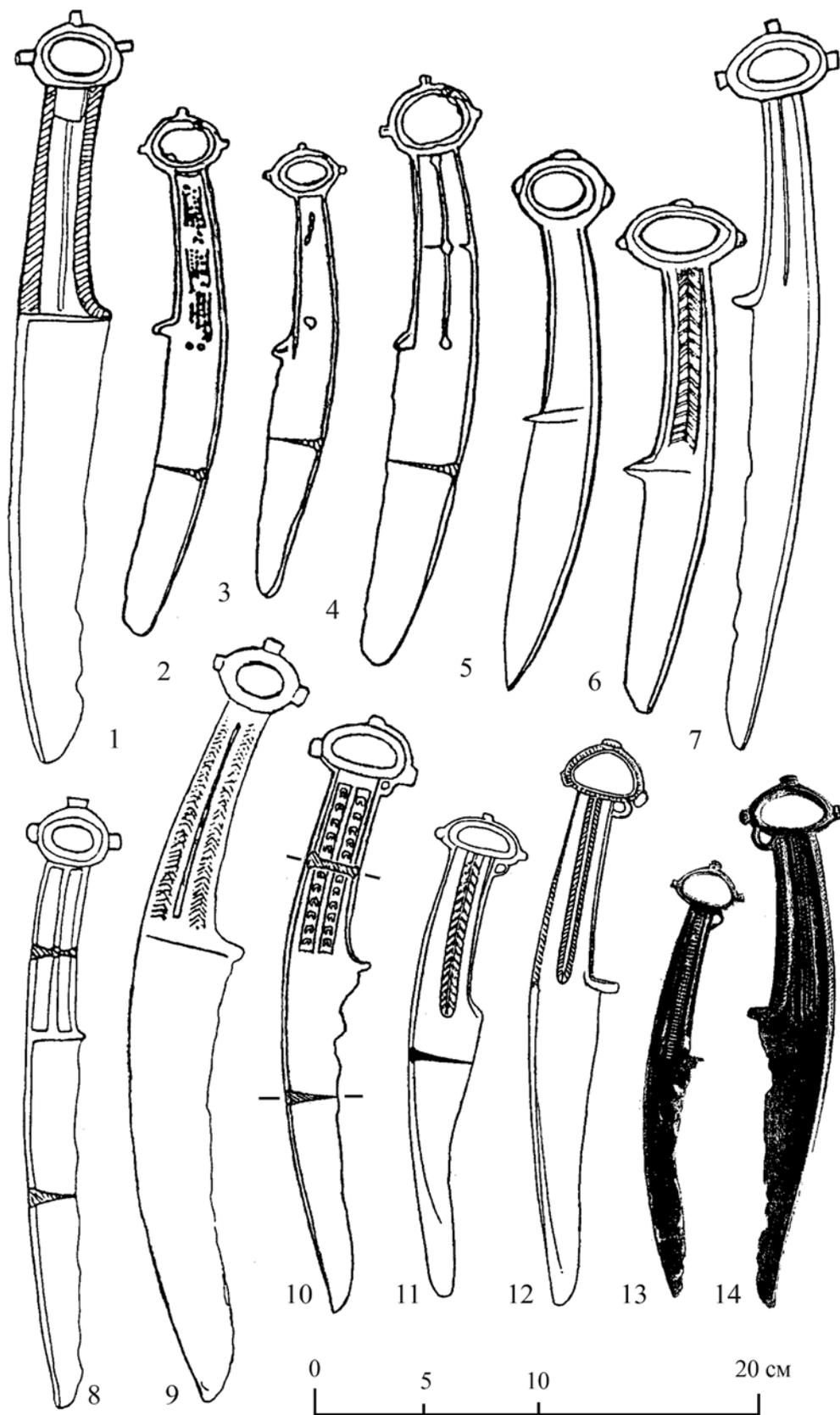

Рис. 1. Бронзовые ножи из Китая с кольцевым навершием с тремя выступами:
 2–4 – по: [Ван Юньган, Ван Гочжун, Ли Фэйлун, 1996, с. 52, рис. 3]; 8 – по: [Варенов, 2005, с. 250, рис. 2.-1];
 10 – по: [Ян Сичжан, 1992, с. 514, рис. 9.-3]; 11–12 – по: [Эгами Намё, Мицуно Сэйити, 1935, Pl. XLI.-9–10];
 13 – по: [Дайсо:гэнно кибя миндзоку, 1997, с. 17, рис. 13]; 14 – по: [В городе Фушунь..., 1981, с. 190].
 1, 5–7 – прорисовки с фотографий, выполненные автором (по: [1 – бронзовые шан-чжоуские изделия, 1958, с. 36–37; 5 – Чжэн Шаоцун, 1962, с. 644–645; 6 – Ли Цзяньминь, Фу Цзюньшань, 1978, с. 387; 7 – Го Юн, 1962])

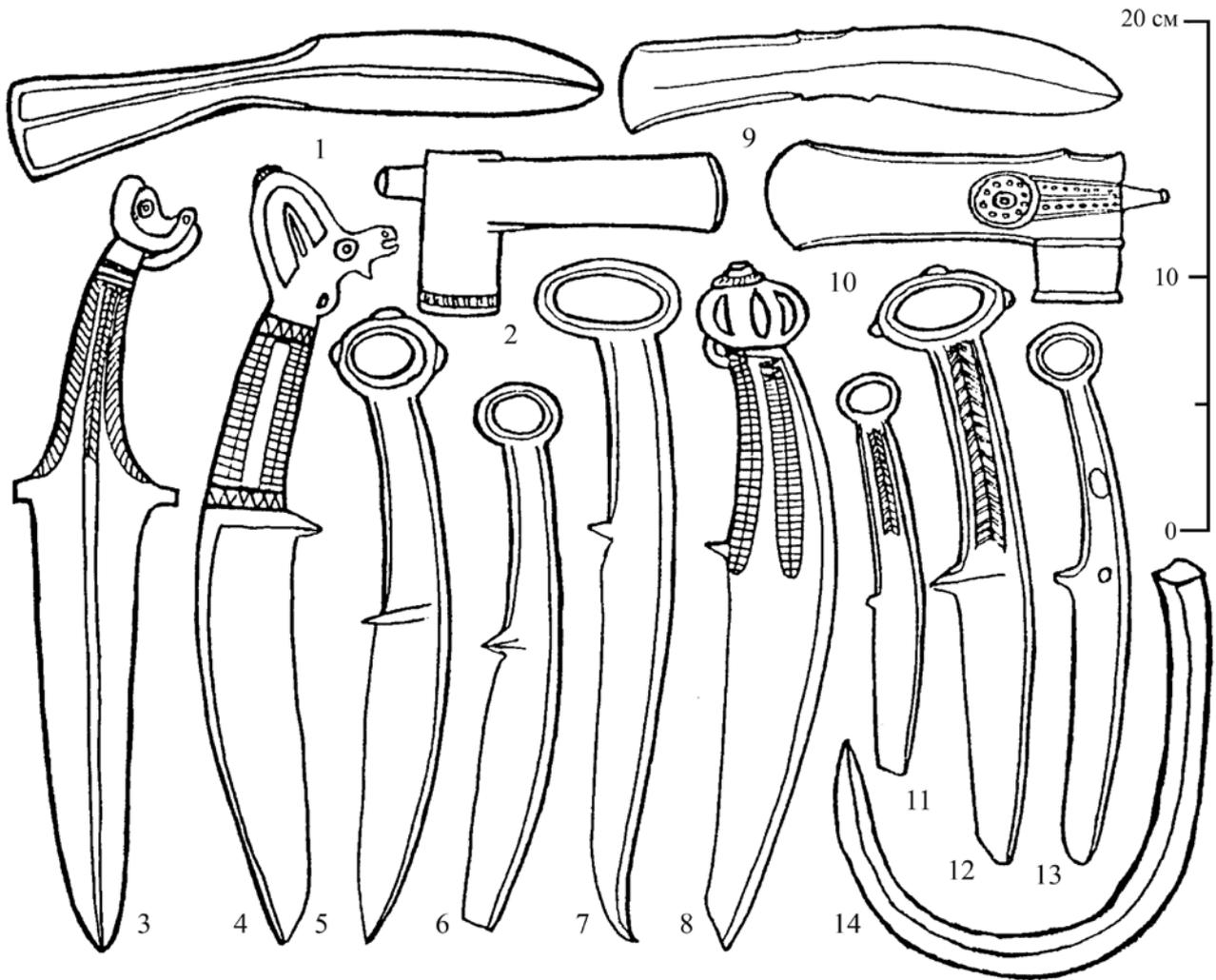

Рис. 2. Комплексы бронзового оружия из Чаодаогоу (1–8) и Янхэ (9–14).
 Все прорисовки с фотографий выполнены автором (по: [1–8 – Чжэн Шаоцзун,
 1962, с. 644–645; 9–14 – Ли Цзяньминь, Фу Цзюньшань, 1978, с. 387])

48 бронзовых изделий, не все из которых изображены на рисунке (рис. 3). Они включали 18 «карасукских» ножей (рис. 3.-1–9), 2 боевых топора (рис. 3.-12–13), 2 изделия с тремя шипами (рис. 3.-10–11) (вероятно, подтоки к боевым топорам), 13 проушных клевцов с длинным обухом (рис. 3.-14–22) и 13 кельтов (рис. 3.-23–30). Ножи из Фэнцзяцунь делятся на четыре типа. Один нож I типа со шляпковым навершием (рис. 3.-1), пять ножей II типа с трехкнопочным кольцевым навершием (рис. 3.-2–4), десять ножей III типа с кольцевым навершием (рис. 2.-7–9) и два ножа IV типа с навершиями рукояти в виде кольцевого расширения миндалевидной формы (рис. 3.-5–6).

В Фэнцзяцунь ножей II типа с трехкнопочным кольцевым навершием обнаружено 5 экз., но на рисунке приводятся только три из них (рис. 3.-2–4). Все эти ножи дугообразнообушковыые, с более (рис. 3.-2) или менее (рис. 3.-3) ярко выраженным шипом или с так называемым *покрытым шипом*, т.е. с уступчатым переходом клинка в рукоять (рис. 3.-4). Рукоять, как правило, плавно переходит в клинок. В одном случае рукоять украшена с обеих сторон елочным орнаментом (рис. 3.-2). У этого же ножа при описании упомянута кольцевая петелька на стыке рукояти с навершием, хотя на рисунке она и не показана. Об обломанной кольцевой петельке на стыке рукояти с клинком говорится и при описании другого ножа (рис. 3.-4). В рассматриваемых оружейных кладах обращает на себя внимание процентное соотношение ножей с трехкнопочным кольцевым навершием и ножей с простым кольцевым навершием. В Чаодаогоу и в Янхэ найдено по одному ножу с трехкнопочным кольцевым навершием и по два ножа с простым кольцевым навершием. В Фэнцзяцунь встречено 5 ножей с трехкнопочным кольцевым навершием и 10 ножей с простым кольцевым навершием. То есть соотношение двух типов ножей во всех случаях оказывается один к двум, что, видимо, не является случайностью и сближает

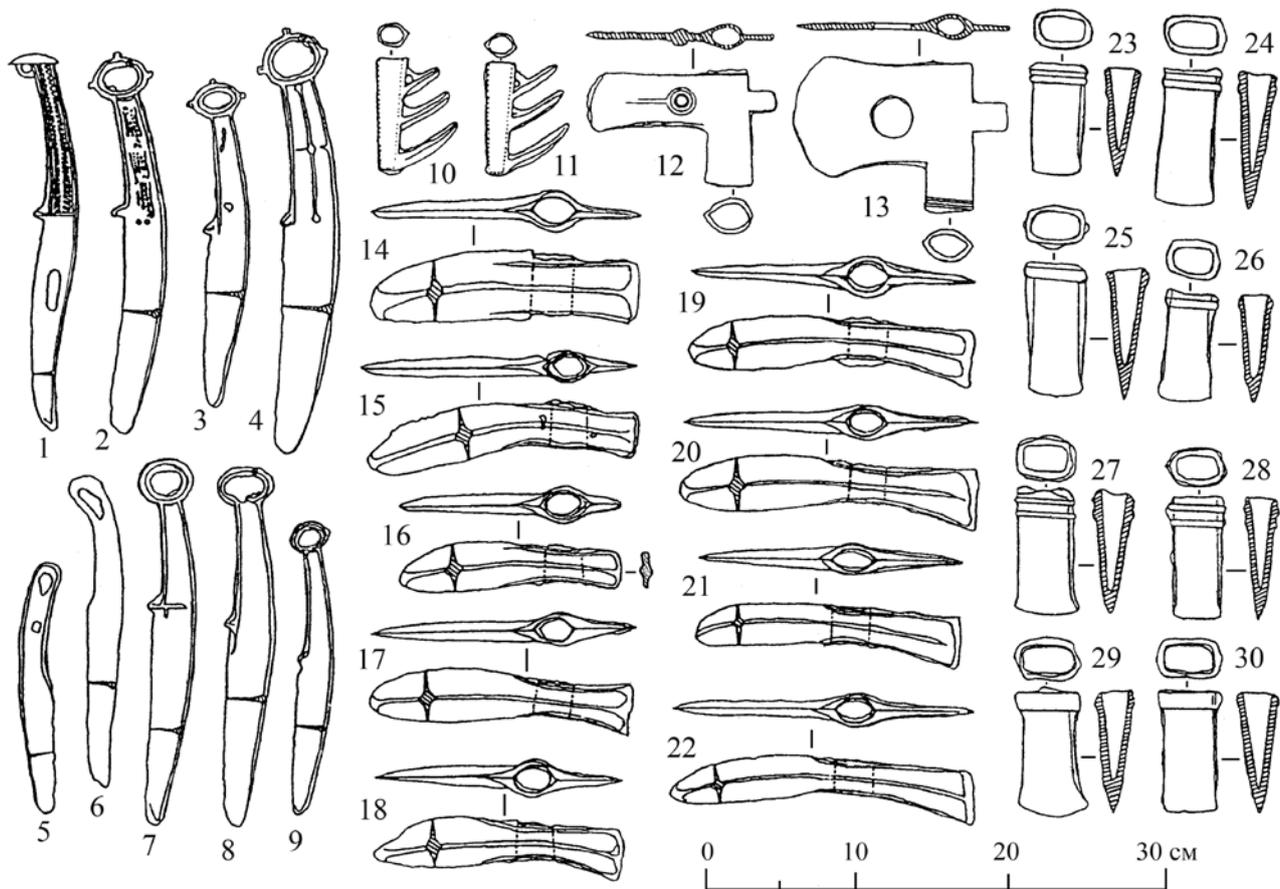

Рис. 3. Комплекс бронзового оружия из Фэнцзяцунь
 (по: [Ван Юньган, Ван Гочжун, Ли Фэйлун, 1996, с. 51–54, рис. 2–5])

клады из Чаодаогуо, Янхэ и Фэнцзяцунь между собой. По уезду, где была сделана первая находка, этот тип памятников назван нами цинлунским [Варенов, 1987, с. 39–40; 1995, с. 30, 31].

Что касается датировки комплексов цинлунского типа, то небольшой нож с «хвостатым» выгнуто-обушковым клинком и с миндалевидным отверстием в рукояти, аналогичный ножам IV типа из Фэнцзяцунь, встречен в кладе бронзовых изделий, найденном в Хуаюань уезда Хами (Кумул) Синьцзян-Уйгурского автономного района [Варенов, 1997, с. 170–171]. В комплексе из Хуаюань присутствовал также крупный дугообразнообушковый нож с навершием в виде головки козерога, аналогичный козлиноголовому ножу, найденному в Чаодаогуо. Похож он и на нож с козлиноголовым навершием из могилы Фу-хао в Аньяне, датирующейся рубежом XIII–XII вв. до н.э. [Могила Фу-хао..., 1980]. Похожие на цинлунские проушные клевцы с таким же контуром усиленного ребром жесткости бойка с коротким обухом встречены в погребениях M17 и M38 раннешанского могильника Тайси в уезде Гаочэн провинции Хэбэй. Функционирование шанского могильника в Тайси соответствует времени от верхнего (доаньянского) слоя культуры Эрлиган до раннего периода иньской культуры [Шанская стоянка Тайси..., 1985, с. 11, 14]. Это позволяет рассматривать их как исходные формы для короткообушного проушного оружия из Фэнцзяцунь, которые, в свою очередь, положили начало длиннообушному оружию из Чаодаогуо и Янхэ. Боевые топоры цинлунского типа принадлежат к группе AIV, по классификации М. Лера [Варенов, 2004, с. 73–75]. В эту группу он включил изящные боевые топоры с длинным стройным клиновидным бойком с отверстием, окруженным кольцом с маленькими кнопками и/или нижней частью втулки с каннелюрами. Самый поздний в группе AIV – топор из коллекции 12 образцов оружия, хранящейся во Фрееровской галерее искусств, – был найден в уезде Цзюньсянь (северная часть провинции Хэнань) и датирован ранним Западным Чжоу, около 1000 г. до н.э. [Варенов, 2004, с. 11–18]. Так что все три комплекса, и в Чаодаогуо, и в Янхэ, и в Фэнцзяцунь, должны быть древнее и относиться к иньскому периоду шанской эпохи [Варенов, 2004, с. 209–210].

Различия ножей с трехкнопочным кольцевым навершием не кажутся существенными при анализе столь малочисленной выборки. Однако при учете аналогичных образцов, хранящихся в частных со-

браниях и музейных коллекциях мира, ситуация меняется. Ножи со схожим оформлением деталей навершия и близкими схемами орнаментации рукояти образуют компактные группы, видимо, обязанные своим появлением общности территории и времени происхождения. В сентябре 1975 г. при раскопках стоянки Ванхуа на западной окраине г. Фушунь в провинции Ляонин на глубине 1,4 м от поверхности земли был обнаружен бронзовый нож с кольцевым навершием с тремя выступами [В городе Фушунь..., 1981, с. 190]. Рукоять плоская, с ее внутренней стороны и по центру отлиты два ряда шашечного орнамента (рис. 1.-14). На внутренней стороне рукояти под навершием расположена маленькая круглая петелька. Острие клинка слегка загнуто вверх, лезвие выщерблено.

Нож из г. Фушунь очень близко напоминает ножи, хранящиеся в музейных собраниях Японии. Нож из коллекции Токийского национального музея практически идентичен фушуньскому образцу [Дайсо:-гэнно..., 1997, с. 17, 158]. Вдоль по центру его рукояти отлит двойной ряд шашечек (рис. 1.-13). Весьма похож на фушуньский экземпляр нож из коллекции Киотоского императорского университета [Эгами, Мицуно, 1935, Pl. XLI, 10]. Он украшен по центру рукояти двойным рядом косых насечек, образующих елочный орнамент (рис. 1.-12). Нож из коллекции Токийского императорского университета [Эгами, Мицуно, 1935, Pl. XLI, 9], в отличие от вышеописанных экземпляров, без шипа в районе перехода клинка в рукоять, но тоже с полосой елочного орнамента, отлитой вдоль по центру рукояти (рис. 1.-11).

Надежную хронологическую привязку для всей серии ножей из японских коллекций дает изделие из погребения М539 могильника Дасыкунцунь в Аньяне [Ян Сичжан, 1992, с. 514]. Его рукоять украшена двумя рядами квадратных скобок (рис. 1.-10). Погребение М539 из Дасыкунцунь датируется II периодом существования Иньского городища близ Аньяна (1238–1140 гг. до н.э.) и, скорее всего, относится к первой половине XII в. до н.э. [Варенов, 2003, с. 292–293]. Термолюминесцентный анализ фрагментов керамики со стоянки Ванхуа, сделанный в Шанхайском музее в 1980 г., дал относительную дату 3090±100 лет назад, т.е. 1110±100 лет до н.э. [Ван Сюянь, 1983, с. 61, 65].

Ножи из М539 в Дасыкунцуне, со стоянки Ванхуа и из японских коллекций отличает от остальных рассмотренных здесь образцов то, что они близки по абсолютным размерам, степени изогнутости обушка, наличию петельки под навершием, «приплюснутости» самого кольцевого навершия и полосе орнамента, идущей по центру рукояти. Нам уже приходилось писать о проблеме выделения локальных вариантов традиции изготовления «карасукских» ножей и кинжалов с козлиноголовыми навершиями в Северном Китае и Центральной Азии [Варенов, 2008, с. 384]. Проанализированная серия ножей, происходящих, в основном, из южной части Дунбэя и датирующихся XII в. до н.э., служит лишним подтверждением правомочности постановки этой проблемы.

Библиографический список

Бронзовые шан-чжоуские изделия, найденные в Эрланпо уезда Шилоу провинции Шаньси // Вэньу цанькао цзыляо. 1958. №1. С. 36–37 (на кит. яз.).

В городе Фушунь провинции Ляонин найден иньский бронзовый нож с кольцевым навершием // Каогу. 1981. №2. С. 190 (на кит. яз.).

Ван Сюянь. Памятники двух типов культур эпохи бронзы – раннего и позднего – в районе города Фушунь // Вэньу. 1983. №9. С. 58–65 (на кит. яз.).

Ван Юньган, Ван Гожун, Ли Фэйлун. Клад бронзовых изделий шанской эпохи, найденный в Фэнцзяцунь уезда Суйчжун // Ляохай вэньу сюэкань. 1996. №1. С. 51–55 (на кит. яз.).

Варенов А.В. Древнейшие кинжалы Китая // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Сер.: История, филология и философия. 1987. Вып. 2, №10. С. 34–41.

Варенов А.В. К датировке оружия, изображенного на оленных камнях Монголии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии: сб. науч. тр. Кемерово, 1995. С. 26–35.

Варенов А.В. «Карасукские» ножи и кинжалы из Восточного Туркестана: находки, аналогии, контакты, проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. III. С. 170–175.

Варенов А.В. Чаодаогуо и Янхэ – памятники эпохи Шан-Инь с ордосскими бронзами // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. Т. V. С. 306–311.

Варенов А.В. Шанское погребение с «карасукским» ножом на могильнике Дасыкунцунь в Аньяне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX. С. 289–293.

Варенов А.В. Бронзовые боевые топоры из Северного Китая и датировка комплексов Чаодао-гоу и Янхэ с «карасукскими» ножами и кинжалами // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2004. Вып. 2. С. 66–81.

Варенов А.В. Комплекс бронзового оружия из уезда Цзюньсянь и датировка «карасукских» ножей и кинжалов Северного Китая // Общество и государство в Китае: мат. XXIV науч. конф. М., 2004. С. 10–24.

Варенов А.В. Комплекс бронзового оружия с «карасукскими» ножами из Фэнцзяцунь уезда Суйчжун в Южной Маньчжурии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. 1. С. 205–210.

Варенов А.В. Шанское погребение с конем и «карасукским» ножом на могильнике Сяотунь в Аньяне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. XI, ч. 1. С. 247–252.

Варенов А.В. К датировке северокайских памятников шилоуского типа с «карасукскими» ножами // Теория и практика археологических исследований. 2005. №1 (5). С. 79–90.

Варенов А.В. О разных вариантах традиции изготовления козлиноголовых наверший ножей в Северном Китае // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. I. С. 381–384.

Го Юн. Краткий отчет о находке шанских бронз в Хоуланьцзягоу уезда Шилоу // Вэньбу. 1962. №4/5 (на кит. яз.).

Дайсо:гэнно кибаминдзоку – Тю:гоку хокухо:но сэйдо:ки. [Всадники Великой степи – Бронзовые изделия Северного Китая]: (каталог выставки). Токио, 1997. 199 с. (на яп. яз.).

Ли Цзяньминь, Фу Цзюньшань. Бронзовые изделия, найденные в Янхэ уезда Синчэн провинции Ляонин // Каогу. 1978. №6. С. 387 (на кит. яз.).

Могилы Фу-хао на Иньском городище [Иньсюй Фу-хао му]. Пекин, 1980. 242 с. (на кит. яз.).

Чжэн Шаоцзун. Группа бронз, найденная в Чаодаоугоу уезда Цинлун провинции Хэбэй // Каогу. 1962. №12. С. 644–645 (на кит. яз.).

Шанская стоянка Тайси в уезде Гаочэн. [Тайси Гаочэн шандай ичжи]. Пекин, 1985. 2, 12, 214 с., CIV л. ил. (на кит. яз.).

Эгами Намё, Мицуно Сэйити. Наймо:ко то Те:дзе: титай [Внутренняя Монголия и район Великой Китайской стены]. Токио, 1935. 205 с., XLV л. ил. (на яп. яз.).

Ян Сичжан. Краткий отчет о раскопках погребения M539 в Дасыкунцуне в Аньяне, провинция Хэнань, в 1980 г. // Каогу. 1992. №6. С. 509–517 (на кит. яз.).

© 2017, А.В. Варенов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

СЯОТУНЬ, ХОУГАН, ХОУЦЗЯЧЖУАН – КЛЮЧЕВЫЕ ПАМЯТНИКИ В ДОВОЕННОМ ИЗУЧЕНИИ ПОЗДНЕЙ СТОЛИЦЫ ДИНАСТИИ ШАН (XIV–XI вв. до н.э.)

С 2006 г. территории в окрестностях г. Аньян, уездного центра на севере провинции Хэнань (КНР), внесены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в составе памятника Иньсюй (кит. «Иньские руины [развалины]», или «Иньское городище»). Научные раскопки в этом районе были начаты Китайской академией наук (Academia Sinica) в 1928 г. под руководством Ли Цзи и прерваны в 1937 г. начавшейся японо-китайской войной [Li Chi, 1977].

Сяотунь – деревня в нескольких километрах к северо-западу от Аньяна (рис. 1). Открытие и изучение надписей на гадательных костях (*цзя-гу вэнь*) в конце XIX – начале XX в. Ван Говэем и другими учеными позволило идентифицировать Сяотунь как источник их происхождения. В 1928 г. весь район к северу от деревни был разбит на девять секторов (А–I), обозначаемых в китайских публикациях циклическими знаками и раскапывавшихся в течение 15 сезонов (по схеме «осень–весна») (рис. 2). Обнаружены остатки дворцовых или храмовых зданий каркасно-столбовой конструкции, построенных на платформах (стилобатах) из трамбованной земли (*хан-ту*) [Ши Чжанжу, 1959]. Здания в секторах В и С сопровождалась расположенными правильными рядами многочисленными погребениями с принесенными в жертву людьми и/или животными (рис. 3.–I), в том числе впервые исследованными *чэ-ма*

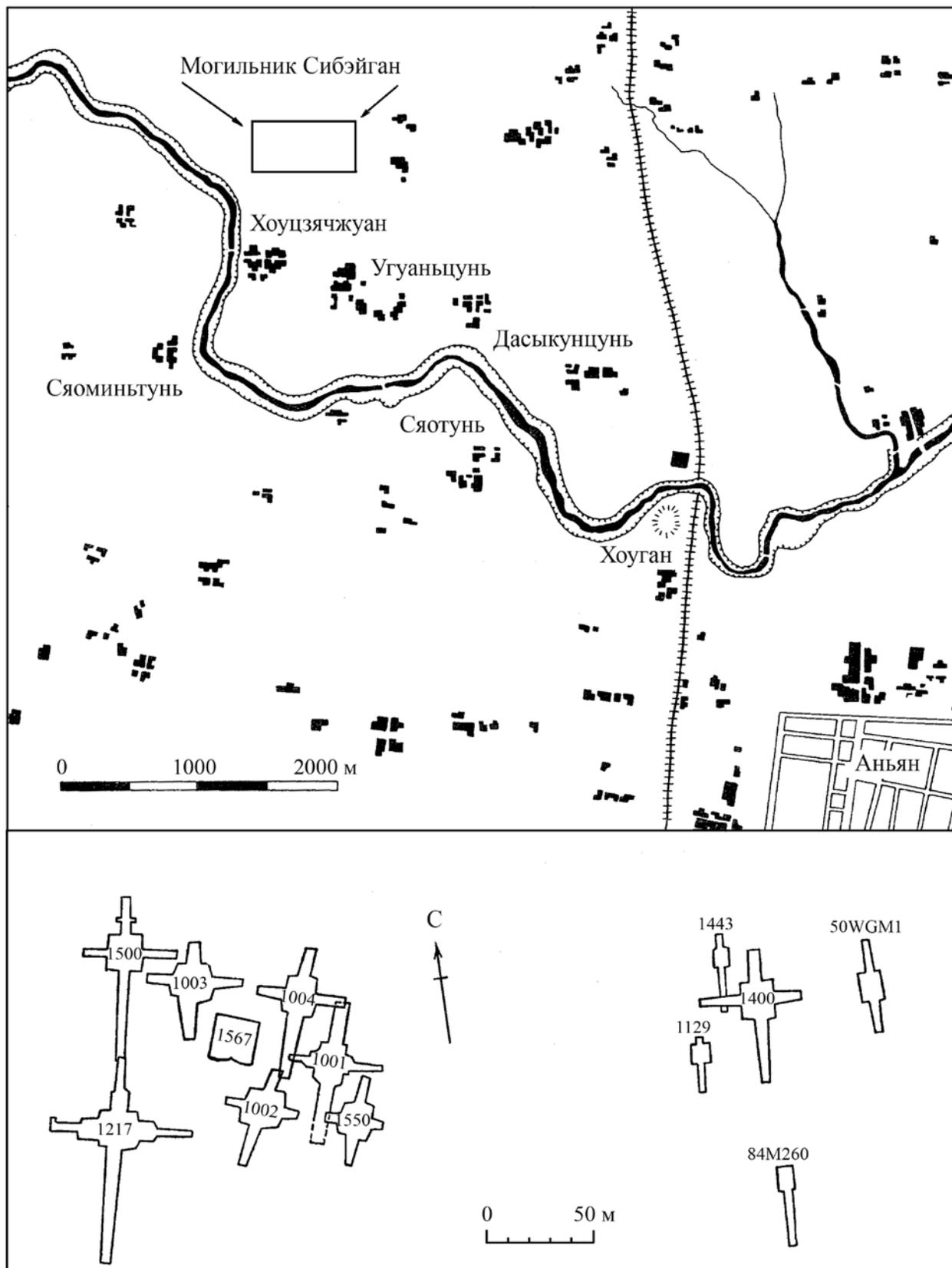

Рис. 1. План окрестностей Аньяна с указанием мест раскопок и план «царского» некрополя Сибэйган (Хоуцзячжуан) (по: [Chang Kwang-chih, 1977, p. 243, 251, fig 114, 121])

кэнами (кит. «ямы с колесницами и лошадьми»), что позволило впоследствии реконструировать внешний вид иньского колесного транспорта [Chang Kwang-chih, 1980, p. 90–97]. Подавляющая часть надписей на гадательных костях также найдена при раскопках в Сяотуни (в частности, в яме Н127 в 1936 г.

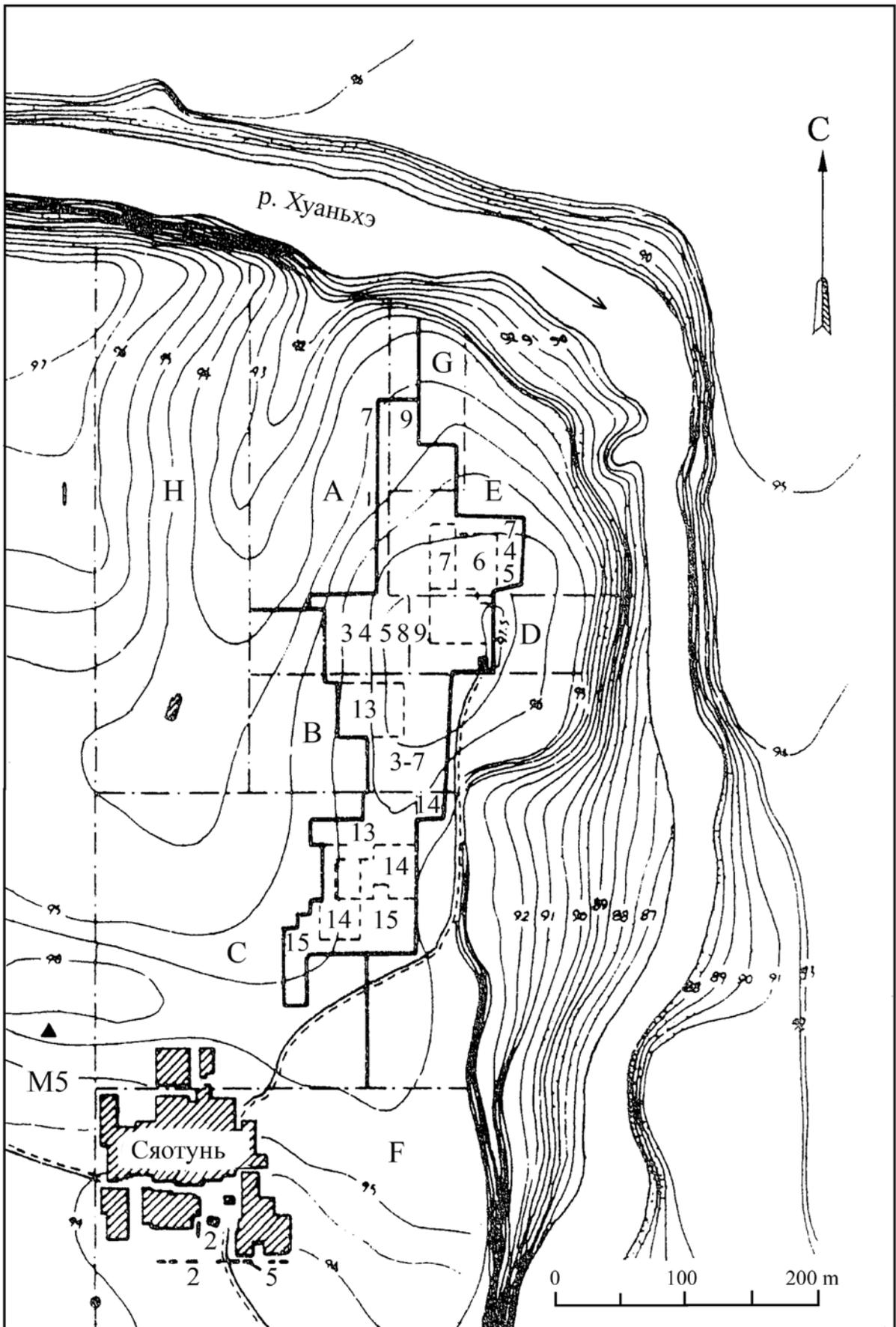

Рис. 2. План довоенных раскопок к северу от деревни Сяотунь. Заглавными латинскими буквами обозначены сектора раскопок, арабскими цифрами – их сезоны (по: [Li Chi, 1977, p. 70, fig. 6])

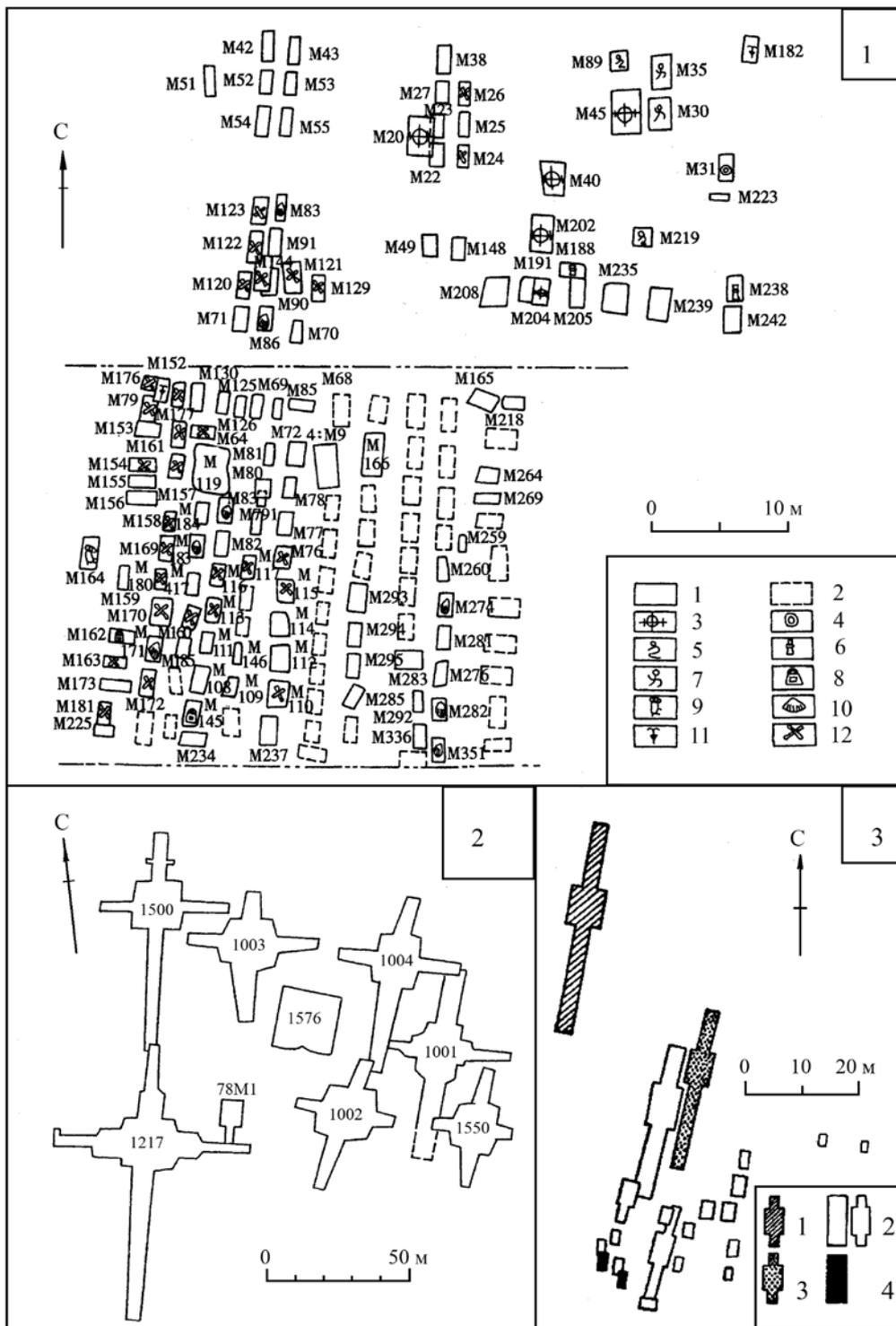

Рис. 3. Планы довоенных раскопок могильников в окрестностях Аньяна:

1 – могильник в районе дворцово-храмовых построек в секторе С Сяотуня (1 – могилы с обезглавленными жертвами, 2 – реконструированные могилы, 3 – ямы с колесницами, 4 – могилы с нефритовыми кольцами, 5 – воин, стоящий на коленях, 6 – могилы с сосудами, 7 – детские погребения, 8 – могилы с колокольчиками, 9 – яма с лошадьё, 10 – могилы с морскими раковинами, 11 – ямы с баранами, 12 – могилы с окраской костяков охрой) (по: [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 354, рис. 6-19]); 2 – план западной части могильника Хоуцзячжуан (Сибэйган) (по: [Чжунго каогусюэ, 2003, с. 301, рис. 6.-6]); 3 – план западной части могильника Хоуган (1 – большая иньская могила, раскопанная в 1933 г.; 2 – иньские могилы, раскопанные в 1971 г.; 3 – большая иньская могила, раскопанная в 1991 г.; 4 – чжаньгоские могилы) (по: [Иньсюй дэ фасянь юй яньцзю, 1994, с. 129, рис. 69])

обнаружен так называемый *архив оракула*, состоящий из более чем 17 тыс. уложенных слоями черепашьих панцирей с надписями) [Chang Kwang-chih, 1977, p. 210]. Исследования в Сяотуни возобновились в 1950 г. Самым выдающимся послевоенным открытием следует признать раскопанную в 1976 г. примерно в 100 м к северо-западу от деревни так называемую *могилу Фу-хао* (погребение М5) – наиболее богатое, не тронутое грабителями захоронение в окрестностях Аньяна (см. рис. 2) [Иньсуй Фу-хао му, 1980]. Знаки, отлитые на многих бронзовых сосудах из М5, читались как «Фу-хао» – имя одной из жен вана У-дина, известное по ста с лишним надписям на гадательных костях (в исторических текстах Фу-хао ни разу не упомянута) [Варенов, 1981].

Хоуган – один из пунктов раскопок во время довоенного исследования Иньского городища (Иньсуй) в районе Аньяна. Изучался также археологами КНР в 50–90-х гг. XX в. Расположен к северо-западу от Аньяна, на южном берегу р. Хуаньхэ, близ Пекин-Ханькоуской железной дороги (см. рис. 1). В ходе четвертого сезона раскопок Аньяна (1931 г.) в Хоугане под шанским культурным слоем с серой керамикой открыты слои с остатками культур черной (Луншань) и красной крашеной (Яншао) керамики. Тем самым установлена стратиграфическая, а значит, и хронологическая последовательность культур среднего и позднего (Яншао), финального (Луншань) неолита и эпохи бронзы (Шан) [Чжунго каогусюэ..., 2010, с. 546–556]. Позднее был выделен особый тип Хоуган в рамках культуры (культурной общности) Яншао. В ходе восьмого сезона раскопок (1933 г.) в Хоугане открыты крупное («царского» ранга, с двумя дромосами – впервые для Аньяна) и несколько рядовых шанских погребений, все разграбленные в еще древности [Иньсуй дэ фасянь, 1990, с. 129–132]. В 1971 и в 1991 гг. в Хоугане исследованы еще четыре «царских» и несколько рядовых шанских погребений, также разграбленных в древности (рис. 3.-3).

Хоуцзячжуан – район расположения «царского» некрополя и один из основных пунктов раскопок во время довоенного исследования Иньского городища (Иньсуй) в районе Аньяна (десятый–двенадцатый сезоны, 1934–1935 гг.). Изучался также археологами КНР в 1950, 1959, 1976–1978, 1984 гг. Находится к северо-западу от Аньяна, на северном берегу Хуаньхэ, между деревнями Хоуцзячжуан и Угуаньцунь (другое название восточной части данного памятника). Известен так же, как Сибэйган – («Северо-западный холм»), поскольку расположен примерно в 2 км в этом направлении от центра довоенных исследований – дворцово-храмового комплекса близ дер. Сяотунь (см. рис. 1). Занимает участок размерами 450×250 м, разделенный на две части – западную и восточную. На этой территории обнаружено восемь крупнейших шанских могил, с четырьмя дромосами каждая, три могилы с двумя дромосами, две – с одним дромосом, одна недостроенная гробница «царского» размера, «вписанная» среди основной массы «царских» захоронений (см. рис. 1), и около 1500 «обычных» небольших погребений как отдельных индивидуумов со сравнительно богатым сопроводительным инвентарем, так и безынвентарные коллективные захоронения обезглавленных человеческих жертв [Чжунго каогусюэ: Ся-Шан, 2003, с. 300–303]. Почти все «царские» могилы и большинство «рядовых» захоронений раскопаны в 1934–1935 гг. После войны археологами КНР в 1950 г. исследована крупная могила (получившая индекс 50WGM1) с двумя дромосами на восточном участке (близ деревни Угуаньцунь), а в последующие годы – пара могил с одним дромосом (78M1 и 84M260) на западном и восточном участках соответственно и некоторое количество «рядовых» захоронений. В сообщениях о послевоенных раскопках вместо «Хоуцзячжуан» везде использован топоним «Угуаньцунь». Погребальные камеры «царских» могил (максимальные размеры по устью 19×14 м и глубиной до 10–12 м) вскрыты грабителями по всей площади до самого дна еще в древности и почти полностью опустошены. Сопроводительный инвентарь сохранился в основном в дромосах: бронзовые сосуды, оружие, каменная скульптура, белая каолиновая керамика, остатки колесниц и пр. С самого момента обнаружения в середине 30-х гг. XX в. крупные могилы Хоуцзячжуана считали захоронениями позднешанских правителей, во многом благодаря тому, что их количество примерно соответствовало числу иньских *ванов* (11 или 12), известных по данным летописей и по надписям на гадательных костях из Аньяна. Однако никаких прямых свидетельств, кому именно принадлежали эти погребальные комплексы, нет. Крупные масштабы проводившихся открыто и безбоязненно работ по их ограблению свидетельствуют о действиях целой армии. Произошло это, надо полагать, в 1025 г. до н.э., когда после смерти чжоуского У-вана, разгромившего Шан в битве при Муе тремя годами ранее, оставленные в Инь (т.е. в Аньяне) в качестве «наставников» посаженного на трон чжоусцами марионеточного «правителя» иньцев У-гэна (Лу-фу) младшие братья У-вана подняли мятеж против Чэн-вана, малолетнего сына У-вана, и возведшего его на престол регента Чжоу-гуна. Иньцы

присоединились (трудно сказать, в какой степени по собственной инициативе) к этому античжоускому выступлению, были вторично разбиты и изгнаны из родных мест. Скорее всего, именно тогда царские и другие крупные могилы в Аньяне подверглись тотальному разграблению. Их раскапывали громадными колодцами, точно выходящими на главную погребальную камеру по всей ее площади. Четким ориентиром для грабителей, очевидно, служили еще стоявшие в то время надмогильные храмы. Кстати, именно при У-гэне (Лу-фу), видимо, и начала сооружаться недостроенная крупная гробница НРКМ 1567, предназначавшаяся, скорее всего, для погибшего после столкновения с чжоусцами в 1027 г. до н.э. его отца Ди-синя [Варенов, 1996].

Библиографический список

Варенов А.В. Некоторые проблемы археологических исследований эпохи Инь в Китае: (по материалам находок в могиле Фу-хао) // Общество и государство в Китае: тез. и докл. 12-й науч. конф. М., 1981. Ч. 2. С. 21–27.

Варенов А.В. Древнекитайская археология, эпиграфика и история о конце эпохи Шан-Инь и начале Чжоу // Интеграция археологических и этнографических исследований: мат. IV Всерос. семинара. Новосибирск; Омск, 1996. Ч. 1. С. 31–37.

Chang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China. New Haven & London, 1977. 540 p.

Chang Kwang-chih. Shang Civilization. New Haven & London, 1980. 420 p.

Li Chi. Anyang: A Chronicle of the Discovery, Excavation, and Reconstruction of the Ancient Capital of the Shang Dynasty. Seattle, 1977. 304 p.

Иньсюй дэ фасянь юй яньцзю 殷墟的发现与研究 [Открытие и исследование Иньского городища]. Пекин, 1994. 490 с.

Иньсюй Фу-хао му 殷墟妇好墓 [Могила Фу-хао на Иньском городище]. Пекин, 1980. 242 с., CLXXXVIII л. ил.

Чжунго каогусюэ: Синьшици шидай. 中国考古学·新石器时代卷 [Археология Китая: эпоха неолита]. Пекин, 2010. 852 с.

Чжунго каогусюэ: Ся-Шан. 中国考古学·夏商卷 [Археология Китая: эпохи Ся и Шан]. Пекин, 2003. 668 с.

Ши Чжанжу 石璋如. Сяотунь, ди и бэнь. Ичжи дэ фасянь юй фацзюэ и пянь. Иньсюй цзяньчжу ицунь. 小屯第一本. 遗址的发现与发掘乙编. 殷墟建筑遗存 (Сяотунь. Т. 1: Открытие и раскопки стоянки. Вып. 2: Остатки зданий на Иньском городище.). Наньган, 1959.

© 2017, Е.В. Волкова

Институт археологии РАН, Москва

ПОСЕЛЕНИЕ ГАЛАНКИНА ГОРА В МАРИЙСКОМ ПОВОЛЖЬЕ: ИСТОРИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПО ДАННЫМ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИКИ

Статья посвящена результатам анализа керамического комплекса поселения Галанкина Гора (пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность Б.С. Соловьеву за помощь при работе с коллекцией). На основании изучения керамики и планиграфии этого поселения мною предлагается реконструкция культурного состава его населения и относительная хронология его жилищ.

Поселение Галанкина Гора, расположенное на высоком мысу левого берега Волги недалеко от д. Майдан, раскапывалось в 1959 и 1966 гг. А.Х. Халиковым и в 1982–1983 и 1989 гг. Б.С. Соловьевым. Поселение изучено полностью. На нем раскопано 13 полуземлянок, которые рассматриваются «в качестве условно закрытых единовременных бытовых комплексов» [Соловьев, 2000, с. 117].

Жилища, расположенные двумя линиями вдоль западного и восточного склонов мыса, соединялись между собой переходами. В результате раскопок получено более 15000 фрагментов керамики, в которой Б.С. Соловьев [2000, с. 117, 191, р. 18; 2015, с. 166] выделил четыре группы: поздневолозовскую выжумскую, балановско-атликасинскую, «валиковую» и гибридную, которую он связывает с началом формирования чирковской культуры (первая треть II тыс. до н.э.).

Таким образом, поселение Галанкина Гора уникально, во-первых, тем, что оно представляет собой закрытый комплекс практически одновременных построек, и, во-вторых, тем, что почти в каждом жи-

лище представлена керамика всех упомянутых культурных групп. Все материалы поселения очень подробно опубликованы Б.С. Соловьевым [2000] в монографии «Бронзовый век Марийского Поволжья».

Мое исследование имело две цели: первая – определить культурный состав носителей, оставивших все группы керамики, вторая – попытаться выявить относительную хронологию жилищ данного поселения.

Благодаря применению историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [1978], мы имеем возможность не только выделять несмешанные и смешанные гончарные традиции, но и изучать процессы смешения носителей этих традиций. Исследование базируется в основном на анализе приспособительных навыков труда гончаров, которые наиболее быстро реагируют на эти процессы.

Технологическому и морфологическому анализу подверглись все группы керамики единого поселенческого комплекса: 80 сосудов поздневолоосовской керамики, 121 балановский сосуд, 18 валиковых сосудов и 107 выделенных мною сосудов со смешанными культурными традициями, всего 326 сосудов, хранящихся в Музее Республики Марий Эл им. Т. Евсеева (Йошкар-Ола).

В результате анализа было выделено шесть групп керамики, оставленных различными по культурному составу носителями: *поздневолоосовская*, *балановская*, *валиковая*, *смешанная поздневолоосовская*, *смешанная балановская* и *смешанная валиковая*. Охарактеризуем гончарные традиции населения, изготовлявшего керамику каждой группы.

Для *поздневолоосовской керамики* (рис. 1.-1) характерно использование слабожелезненной (73%), сильнозапесоченной (56%) глины. Во всех сосудах в глину добавлен в большой концентрации влажный птичий помет. Преобладают плоскодонные слабопрофилированные горшки высоких пропорций с короткой отогнутой шейей и банки с отогнутым венчиком. Разреженными горизонтальными зонами украшена либо все внешняя поверхность сосуда, либо его верхняя половина, часто включая торец венчика и внутреннюю поверхность шеи. Дно не орнаментировано. Гладкий штамп значительно преобладает (64%) над всеми остальными видами орнаментов. Доминирующий орнаментальный образ – «горизонтальный ряд наклонных линий» (84%).

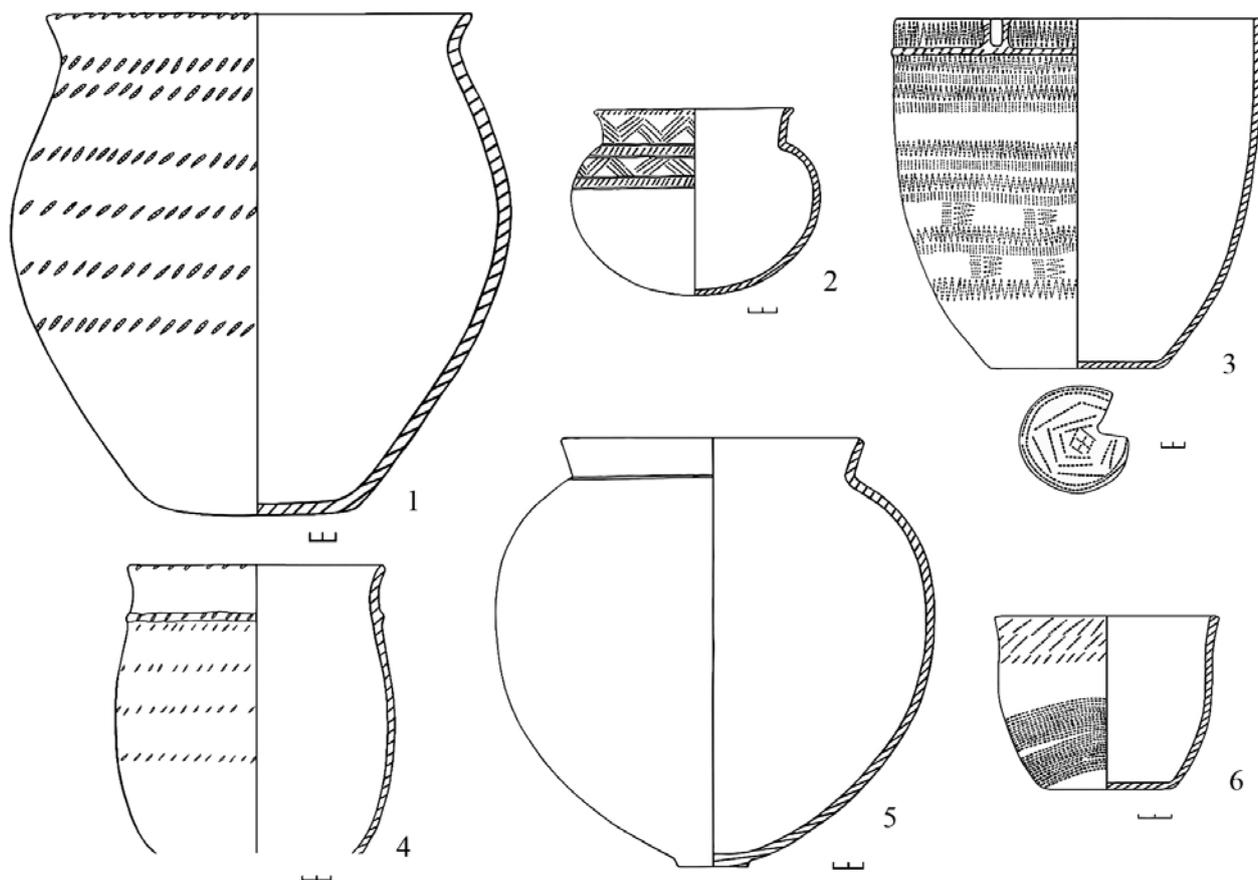

Рис. 1. Керамика поселения Галанкина Гора: 1 – поздневолоосовская, 2 – балановская, 3 – валиковая, 4 – поздневолоосовская смешанная, 5 – балановская смешанная, 6 – валиковая смешанная (рисунки выполнены А.Д. Семеновой по: [Соловьев, 2000, рис. 19–44])

Для *балановской керамики* (рис. 1.-2) характерно применение слабожелезненной (86%), преимущественно слабозапесоченной (44%) глины. Доминирующий рецепт формовочной массы: глина + выжимка из навоза + шамот. Керамика представлена шаровидными круглодонными горшками с выделенной шеей и «амфоровидными» сосудами. Стенки и дно сосудов имеют следы выбивания, а их внешние поверхности часто лощеные. Орнамент нанесен на шею, плечо и предплечье, иногда на донной части. Доминирует использование зубчатого штампа (71%). Преобладающий орнаментальный образ – «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» (74%). Имеется также два массовых образа: «горизонтальная прямая линия» (48%) и «группы параллельных переменных наклонных линий» (34%).

Валиковая керамика (рис. 1.-3) изготовлена в основном из слабожелезненной глины (75%), как сильнозапесоченной (50%), так и слабозапесоченной (43%). В формовочных массах доминирует рецепт: глина + влажный птичий помет (88%) над рецептом – глина + дробленая раковина (12%). Концентрация искусственных примесей очень высокая. Сосуды плоскодонные, представлены слабопрофилированными горшками без шеи. Стенки их выбивались, внешняя поверхность заглаживалась. Сосуды декорированы целиком широкими горизонтальными зонами. В верхней части всегда имеется горизонтальный налепной валик, иногда с различными ответвлениями, покрытый косыми отпечатками зубчатого штампа. Орнамент в этой части обычно нанесен отдельными отпечатками такого штампа, а ниже идут зоны плотной «шагающей» гребенки. Часто орнаментировались также донная часть сосудов и торец венчика.

Для *поздневолоховской смешанной керамики* (рис. 1.-4) характерно, во-первых, использование того же сырья, что и для поздневолоховской, во-вторых, доминирование такого же рецепта формовочных масс: глина + птичий помет (92%), но концентрация последнего в 30% случаев сильно уменьшена. Встречаются единичные рецепты с дробленой раковиной и шамотом. Слабопрофилированные поздневолоховские горшки высоких пропорций приобретают более длинную, хорошо выделенную шею (влияние балановской традиции) или сохраняют прежнюю форму (как и банки), но имеют иную орнаментацию или волнообразный венчик. Стенки сосудов более тонкие, часто выбитые (балановская и валиковая традиции), внешние поверхности тщательно заглажены. В качестве орнамента преобладает использование зубчатого штампа (50%) (балановская и валиковая традиции) над гладким (38%). По-прежнему широко распространенным орнаментальным образом остался «горизонтальный ряд наклонных линий» (84%), но увеличилось общее число образов орнамента: от 7 (на поздневолоховской керамике) до 12 (на смешанной, в основном за счет балановских образов). Иногда при переходе плеча в шею имеется валик с гребенчатыми отпечатками (валиковая традиция).

Балановская смешанная керамика (рис. 1.-5) делалась преимущественно из сильнозапесоченных (55%), слабожелезненных (77%) глин. Использование таких глин характерно для поздневолоховской и валиковой керамики. При доминировании балановского рецепта формовочной массы (84%) встречаются единичные рецепты с влажным навозом, птичьим пометом (поздневолоховская и валиковая традиции), песком.

По форме сосуды почти не отличаются от балановских: это круглодонные горшки с шаровидным туловом и выделенной шеей. Иногда в этой группе встречаются горшки с более вытянутым туловом или другими нарушениями балановских пропорций. Группа сильно выделяется орнаментальными традициями. Здесь орнаменты нанесены в равной степени как зубчатым штампом (54%), так и ножом для прочерчивания (54%), больше, чем на балановской керамике, гладкого штампа (23%, поздневолоховское влияние). Часто встречается не свойственное балановской культуре использование разных орнаментов для украшения одного сосуда. Набор орнаментальных образов у балановской и балановской смешанной керамики очень близкий. Только на балановской смешанной керамике меньше доля образов «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» (55%) и «группы параллельных переменных наклонных линий» (21%), зато чаще представлен образ «косая решетка» (38%).

Валиковая смешанная керамика (рис. 1.-6) изготавливалась из сильнозапесоченной (100%) среднежелезненной (80%) глины, в которую добавлен влажный птичий помет (60%). Кроме того, по двум сосудам зафиксирован рецепт: глина + влажная органика + шамот + кальцинированная кость. Форма сосудов не отличается от прежней валиковой керамики, но появились банки (поздневолоховское влияние). Орнамент нанесен, в основном, зубчатым штампом, но встречается и гладкий штамп (поздневолоховская традиция). Доминирует орнаментальный образ «горизонтальный ряд наклонных линий» (100%), «шагающей» гребенки почти нет (14%), встречаются единичные сосуды с балановскими образами орнамента. На некоторых сосудах валики отсутствуют совсем, иногда встречается волнистый валик.

Таким образом, на памятнике Галанкина Гора выделены *три несмешанные* по культурным традициям группы керамики и *три смешанные*. Смешанные по культурным традициям группы были выявлены на основании того, что в керамике сочетались определенные навыки труда, характерные для носителей каждой из несмешанных традиций. Название смешанных групп отражают доминирующие культурные традиции в каждой из них. Так, в смешанной поздневолоосовской группе керамики при доминировании поздневолоосовских традиций фиксируются балановские и валиковые традиции. Смешанная балановская группа вобрала в себя некоторые поздневолоосовские и, возможно, валиковые традиции и в большой степени утратила непосредственно балановские традиции. То же произошло и со смешанной валиковой керамикой, вобрав в себя отдельные балановские и поздневолоосовские традиции, она утратила часть валиковых традиций. Здесь нашел отражение процесс ассимиляции этих групп населения поздневолоосовским, который в результате привел к сложению чирковской культуры. Наличие трех смешанных групп керамики свидетельствует не просто об относительно синхронном обитании на поселении представителей этих групп населения, но и об устойчивых брачных контактах между ними.

Хотя в целом значительная часть жилищ на поселении Галанкина Гора существовала одновременно, я предполагаю, что строились они в определенной последовательности. Для обоснования этого взгляда мною была предпринята попытка выяснить относительную хронологию застройки этого поселения. Данное исследование базировалось на трех основаниях. Во-первых, на расположении жилищ и связи их между собой коридорами. Во-вторых, на выявленных гончарных культурных традициях населения, оставившего каждое жилище. В-третьих, на количественных данных о степени сходства керамики из разных жилищ.

Степень сходства рассчитывалась отдельно по каждому из 24 параметров (технологические и орнаментальные традиции) по методу, предложенному Д.Я. Телегиным [1977, с. 60], с некоторыми поправками Ю.Б. Цетлина [2008, с. 16]. Наиболее сильные связи по всем параметрам суммировались по каждому жилищу. Поскольку степень сходства по каждому параметру может изменяться в интервале от 0 до 100%, суммарная степень сходства по нескольким параметрам всегда превышала 100%. Для того чтобы избежать такой ситуации, максимальная суммарная степень сходства, зафиксированная между жилищами №2 и 3, равная 1105%, была приравнена к 1,0. Соответственно, все меньшие суммарные показатели сходства между жилищами были менее 1,0.

Напомню, что смешанные гончарные традиции – это результат смешения их прямых носителей, а для доремесленного производства и всего населения в целом [Бобринский, 1978]. В данном случае в процессах смешения принимали участие три разные группы населения, и в результате мы имеем три смешанных группы керамики. Все жилища отличаются друг от друга по процентному соотношению в них керамики этих шести групп. Очевидно, что жилища, в которых слабее всего представлены смешанные традиции, относятся к наиболее ранним и, наоборот, жилища с преимущественно смешанной керамикой – к наиболее поздним. Поскольку меньше всего смешанной керамики имеется в жилище №3 (14%), можно предположить, что это жилище было сооружено первым и просуществовало на протяжении жизни всего поселения (рис. 2). Практически сразу после жилища №3 построили жилище №2, так как, во-первых, рядом с проходом, их связывающим, находился большой вкопанный в землю балановский сосуд, во-вторых, там также мало смешанной керамики (19%), в-третьих, между этими жилищами по керамике наиболее сильные связи. Далее были построены жилища №1, 6 и помещение №7. Жилище №6 справедливо трактуется Б.С. Соловьевым как общее для всего поселения. В нем практически в равных долях представлена керамика всех культурных групп. Помещение №7 представляет собой металлургическую мастерскую практиче-

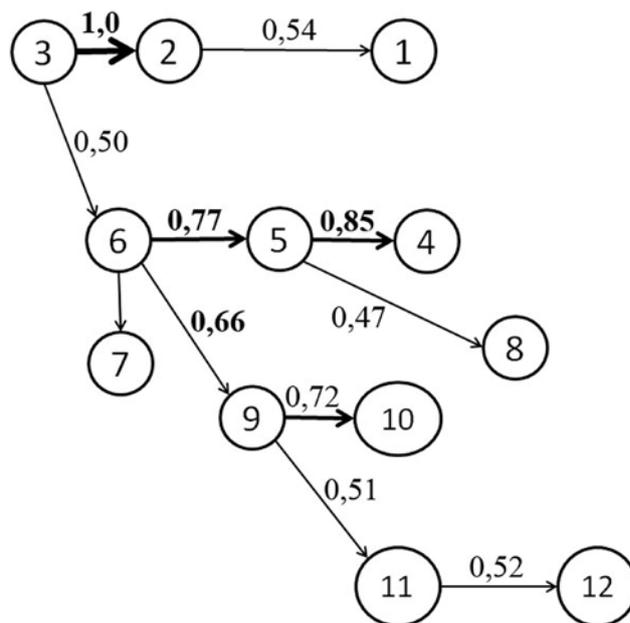

Рис. 2. Схема относительной хронологии жилищ Галанкиной Горы (цифрами над стрелками указаны коэффициенты связей между жилищами)

ски без керамики. Мастерская помещена в этот хронологический диапазон, так как она соединена широким коридором с жилищем №3, проходящим через жилище №6. Затем практически одновременно были построены жилища №5 и 4 (сходство между ними очень высокое, 0,85). Потом было сооружено жилище №8, связанное с жилищем №5 коридором, и позднее – жилища №9 и 10. Самыми последними на поселении построены жилища №11 и 12: во-первых, в них в основном присутствует керамика смешанных гончарных традиций (соответственно, 80 и 84%), во-вторых, у них крайне слабые связи с остальными жилищами. Можно предположить, что во время постройки жилища №12, жилища №1, 2, 4, 5 уже не функционировали, по крайней мере, это можно точно сказать про жилище №1, так как между этими крайними на поселении жилищами нет ни одной сильной связи.

Таким образом, анализ гончарных традиций населения, оставившего поселение Галанкина Гора, позволил, во-первых, выделить три несмешанных и три смешанных группы населения, обитавших здесь длительное время, во-вторых, наметить и обосновать относительную хронологию бытования жилищ на этом поселении. Все это оказалось возможным сделать благодаря применению историко-культурного подхода к изучению древних гончарных традиций и тщательности раскопок поселения, детальной фиксации материала и его подробной публикации.

Библиографический список

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
- Соловьев Б.А. Бронзовый век Марийского Поволжья // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола. 2000. Т. VI. 263 с.
- Соловьев Б.А. К вопросу о финале волосовской культуры на Средней Волге // Вопросы археологии камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 2015. Вып. 31. С. 165–175.
- Телегин Д.Я. Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 59–64.
- Цетлин Ю.Б. Неолит Центра Русской равнины (орнаментация керамики и методика периодизации культур). Тула, 2008. 350 с.

© 2017, Е.И. Гак¹, М.В. Ивашов², Э. Кайзер³

¹Исторический музей, Москва;

²ООО «Экспертиза Черноземья», Липецк;

³Свободный университет, Берлин

ПОСЕЛЕНИЕ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ КСИЗОВО-1 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В последнее время благодаря взаимодействию специалистов разных научных дисциплин в исследовании бытовых памятников катакомбной общности среднего бронзового века достигнут качественно новый уровень. Примером может служить поселение Рыкань-3, по материалам которого построена модель функционирования сезонной скотоводческой стоянки в лесостепном ландшафте [Гак и др., 2014]. Аналогичный подход, но с применением более широкого спектра полевых и лабораторных методов реализуется сейчас на поселении Ксизово-1, также однослойном и расположенном в сходных топографических условиях, но в 85 км севернее. На Верхнем Дону это памятник с наилучшим по сохранности культурным слоем III тыс. до н.э.

Ксизовское поселение занимает останец низкой первой террасы левого берега р. Снова вблизи места впадения ее в Дон. Поселение открыто А.Д. Пряхиным в 1964 г. по обнажению культурного слоя. Зачисткой тогда были зафиксированы четыре котлована длиной 12,5–15 м, глубиной в материке 30–50 см. Два из них имели очаги [Пряхин, 1982, с. 69]. Последующие разведочные работы Ю.Г. Екимова (1976 г.) и М.В. Ивашова (1998 г.) не обнаружили следов построек, но позволяли констатировать монокультурный характер памятника, протяженность которого вдоль реки оценивалась в 200 м [Екимов, 1979, с. 105]. Даже при отсутствии данных о напольном распространении культурного слоя были очевидными значительные утраты территории поселка.

Несмотря на продолжающееся разрушение рекой, Ксизово-1 и его округа сохраняют уникальный для катакомбных памятников информативный потенциал. Этот участок Острой Луки Дона не подвергался планировкам и перспективен для изучения поселения в контексте окружающей среды. Рядом расположены грунтовый могильник, содержащий захоронения с аналогичной поселению посудой (Ксизово-19, исследовался А.М. Обломским), одиночный курган (не исследовался) и группа «многослойных» памятников, на которых присутствует катакомбный компонент (рис. 1).

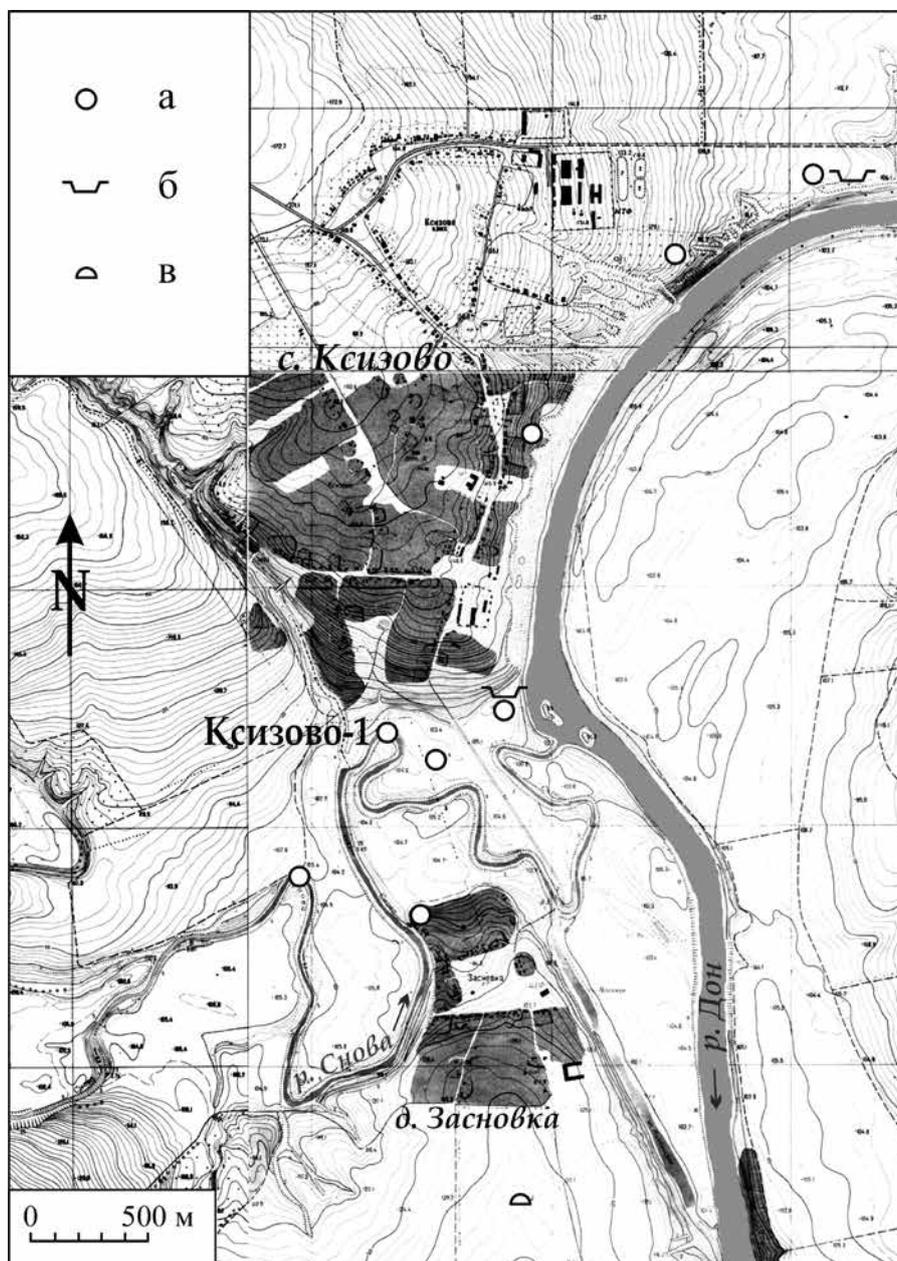

Рис. 1. Поселение Ксизово-1 в контексте катакомбных памятников устьевой части р. Снова.
Условные обозначения: а – поселение; б – грунтовый могильник; в – курган

Систематические раскопки Ксизово-1 ведутся с 2014 г. Площадь их достигла 360 м². Археолого-палеопочвенный анализ стратиграфии памятника выявил сложную картину образования современного ландшафта. Культурные остатки здесь перекрыты пачкой наносов толщиной 1,4–1,7 м, формировавшихся в условиях субламинарного осадконакопления последние 200 лет. На формирование наносного балласта оказали влияние мощные речные разливы и эрозия, вызванная интенсивной распашкой второй надпойменной террасы, у подножия которой располагалось поселение. Наносы подстилаются древней погребенной почвой толщиной 0,5–0,6 м. Возраст ее установлен по фрагментам светло-глиняной амфоры римского времени (I–II вв. н.э.), обнаруженным на контакте с делювиальным слоем, которым перекрываются залегающие *in situ* отложения катакомбного поселка. Структура и свойства культурного

слоя почти не отличаются от выше- и нижележащих горизонтов, что в сочетании с небольшой мощностью (до 0,3 м), приуроченностью к низкой террасе, измельченностью бытовых остатков и другими признаками характеризует зимнюю сезонную стоянку [Гак, Борисов, 2017, с. 24–28, рис. 4].

Наиболее выразительные остатки распространялись в раскопах немного по дуге вдоль современной береговой линии (рис. 2). Кухонный мусор концентрировался в основном вблизи объектов. Шесть из них составляли компактную группу очагов, вытянутых цепочкой параллельно руслу реки. Очаги открытого типа, диаметром 0,5–0,8 м, заполнены прокаленным грунтом на глубину до 0,2 м. Рядом с очагами зафиксированы свидетельства приготовления пищи (скопления битой посуды, кости животных), производственной и хозяйственно-бытовой деятельности. Планиграфическая взаимосвязь артефактов позволяет локализовать конкретные виды этой деятельности: обработку шкур – по концентрации использованных скребков и других орудий данной отраслевой направленности; заточку и подправку рабочего инвентаря – по массовости абразивных камней и линзам характерной абразивной крошки; плавку металла – по совместному нахождению фрагментов ошлакованной плавильной чаши и выплеска меди. Один из очагов был заброшен обломками крупного тарного сосуда, что, вероятно, связано с оставлением поселка жителями в финале его существования.

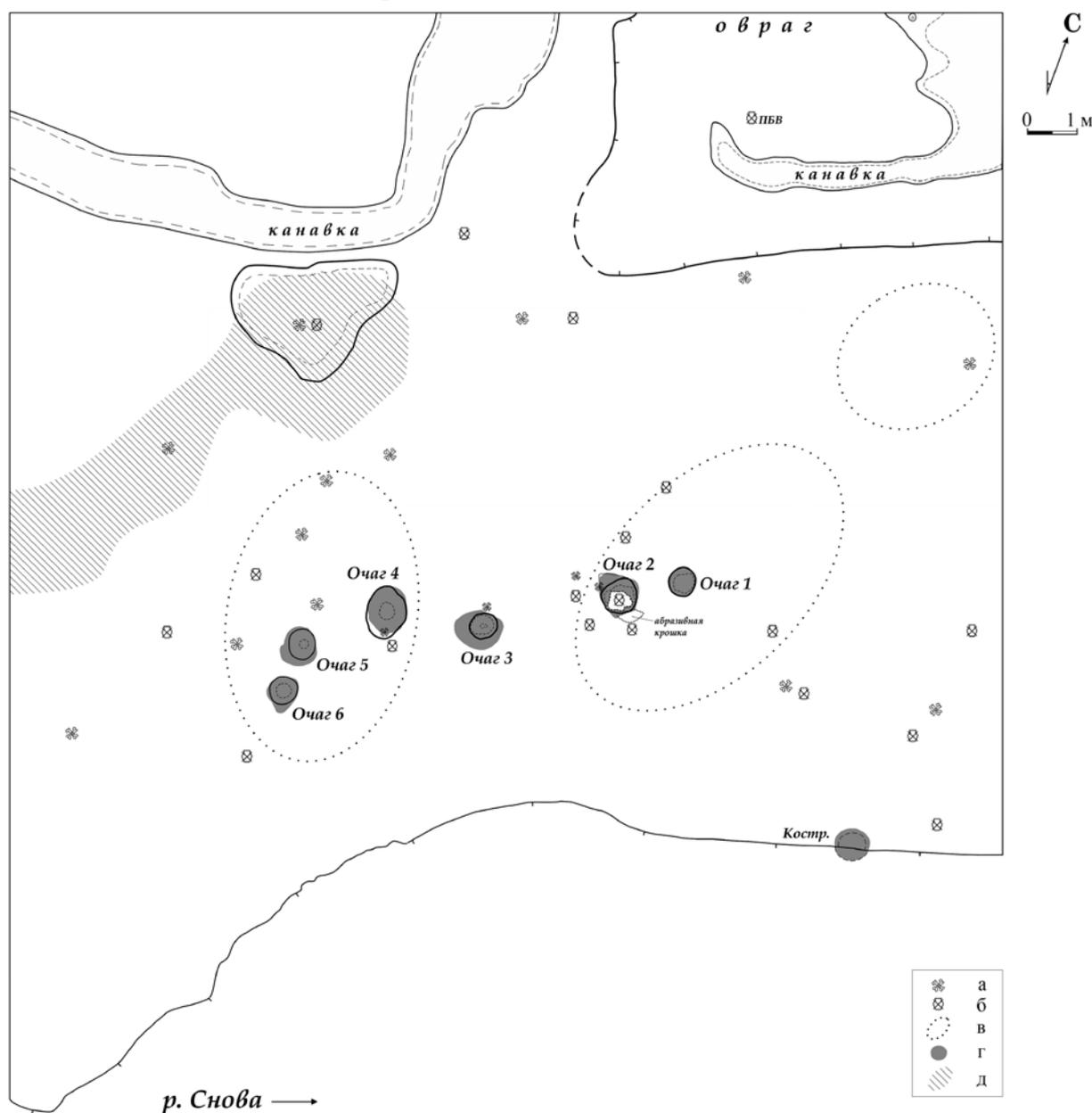

Рис. 2. Поселение Ксизово-1. Основные остатки на плане раскопок. Условные обозначения: а – скопление костей животных; б – скопление фрагментов или неполный развал сосуда; в – зона производственной деятельности; г – пятно прокала; д – тропинка

На севере раскопанной площади обнаружены три углубленных объекта. С катакомбным поселком уверенно связывается только один из них – яма подтреугольной формы размерами 2,5×2,5×3 м, глубиной до 0,1 м. Яма была заполнена культурным слоем, содержащим в обилии кости животных и катакомбную керамику. К юго-западу от ямы вдоль берега реки протянулась полоса включений костных животных остатков, шириной 1–2 м, вероятно, маркирующая тропинку. Два других углубленных объекта, выявленные на этом же уровне севернее ямы, пока исследованы частично. Они представляли собой выгнутые к северу канавки шириной 0,5–3,0 м, глубиной до 0,5 м, заполненные намывными песчаными отложениями. В западной канавке и рядом встречены фрагменты одного сосуда, форма, фактура поверхности и примесь дресвы в глине которого характерны для местной посуды раннего железного века. К той же эпохе относится керамика с рогожными отпечатками городецкой культуры (5–3 вв. до н.э.) из восточной канавки. Таким образом, сооружение канавок, выполнявших, скорее всего, какие-то дренажные функции, можно связывать с освоением в раннем железном веке участка, расположенного ближе к подошве второй надпойменной террасы. Южнее в раскопах аналогичная керамика встречалась редко и только в перекрывавшем отложения катакомбного поселка почвенном горизонте делювиального происхождения. Под канавками и далее к северо-востоку эти отложения были вмещены в плотный (затечный) грунт на склоне древнего овражка. Как и на поселении Рыкань-3, овраг являлся северной границей проживания [Гак и др., 2014, с. 20]. Судя по развалу сосуда срубной культуры, залежавшему сверху «катакомбного» слоя с уклоном к дну овражка, в позднем бронзовом веке он был еще заметен.

Следы наземных конструкций в раскопах не найдены, что, впрочем, не означает отсутствия на поселении построек. Остатки некоторых из них были зафиксированы первыми исследователями памятника южнее, в ныне уничтоженной рекой его центральной части [Пряхин, 1982, с. 69]. Для предварительной локализации остатков помещений и других объектов на свободном от деревьев участке поселения в 2016 г. была предпринята геомагнитная разведка, которая не принесла результатов. Проводивший съемку немецкий геофизик Т. Шенк объясняет это большой мощностью коллювия. Возможно также, что обследованная территория, будучи периферийной, не застраивалась, а использовалась только для решения хозяйственных и производственных задач. Более перспективным в изучении инфраструктуры поселения является определение содержания фосфатов, величины уреазной активности и других биологических свойств в отобранных с площади раскопок образцах грунта для пространственного сопоставления с археологическими данными. Аналогичная методика комплексного археолого-палеопочвенного анализа показала свою эффективность, в частности, при выявлении инфраструктурных компонентов поселения Рыкань-3 [Чернышева, Гак, Борисов, 2012; Гак и др., 2014].

В связи с организацией пространства поселения особый интерес представляют результаты фитолитного анализа образцов культурного слоя из скоплений массового материала. Примечательно, что во всех 11 пробах не оказалось сферулитов, которые привносятся с навозом и свидетельствуют о содержании скота. При этом, несомненно, скот являлся основой жизнеобеспечения поселка. Отсутствие навоза на данном участке может объясняться разными причинами, в том числе его местоположением и характером использования. Скорее всего, животные находились за пределами участка пробоотбора. Какое направление животноводства доминировало, каково было значение других промыслов и занятий обитателей стоянки, покажет изучение массовых костных остатков, систематических промывок культурного слоя и предметов хозяйственно-бытового инвентаря. По находкам и только в самом общем плане можно говорить о рыболовстве (позвонки рыб, фрагмент глиняного грузила), металлообработке (фрагменты литейных форм и плавильной чаши, выплеск меди), изготовлении керамики (фрагмент костяного шпателя), выделке шкур и кожи (скребки, резцы, проколка, скобель, медное шило). Нуклеусы, отжимник, отбойники, заготовки изделий заставляют предполагать обработку кремня, кварцита и твердых пород камня на основе местного низкокачественного сырья.

Возраст поселения Ксизово-1 определен AMS-датированием в лаборатории г. Познань. Анализировались кости животных из очага и разноудаленных от него скоплений кухонного мусора. Три полученных радиоуглеродных даты оказались чрезвычайно близкими и соотносятся с хронологией керамики (рис. 3), которая имеет признаки второй половины развитого этапа среднедонской катакомбной культуры [Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991, с. 9]. Формы сосудов представлены высокошейными горшками (округлобочными или с ребром на середине тулова), горшками с короткой шейкой и мисками. Вся посуда была плоскодонной. Наиболее показательна орнаментация, проявляющая поздние тенденции развития культуры. Существенно снижается доля штамповых узоров, при этом возрастает частота использования валиков (как прямых, так и фигурных). Характерной становится грубая обмазка сырой

глиной нижней части тулова сосуда. В моду входит декорирование прочерчиванием, в том числе паркетный стиль, находящийся параллели на посуде среднеднепровской и воронежской культур. Таким образом, керамический комплекс поселения, как и радиоуглеродные даты, демонстрирует хронологическую компактность, указывая в целом на непродолжительный период обитания. Если интервал имеющихся дат (2300–2200 calBC с вероятностью 68% или 2450–2150 calBC с вероятностью 95%) в дальнейшем подтвердится, тогда можно будет обоснованно говорить, что стоянка существовала относительно короткое время.

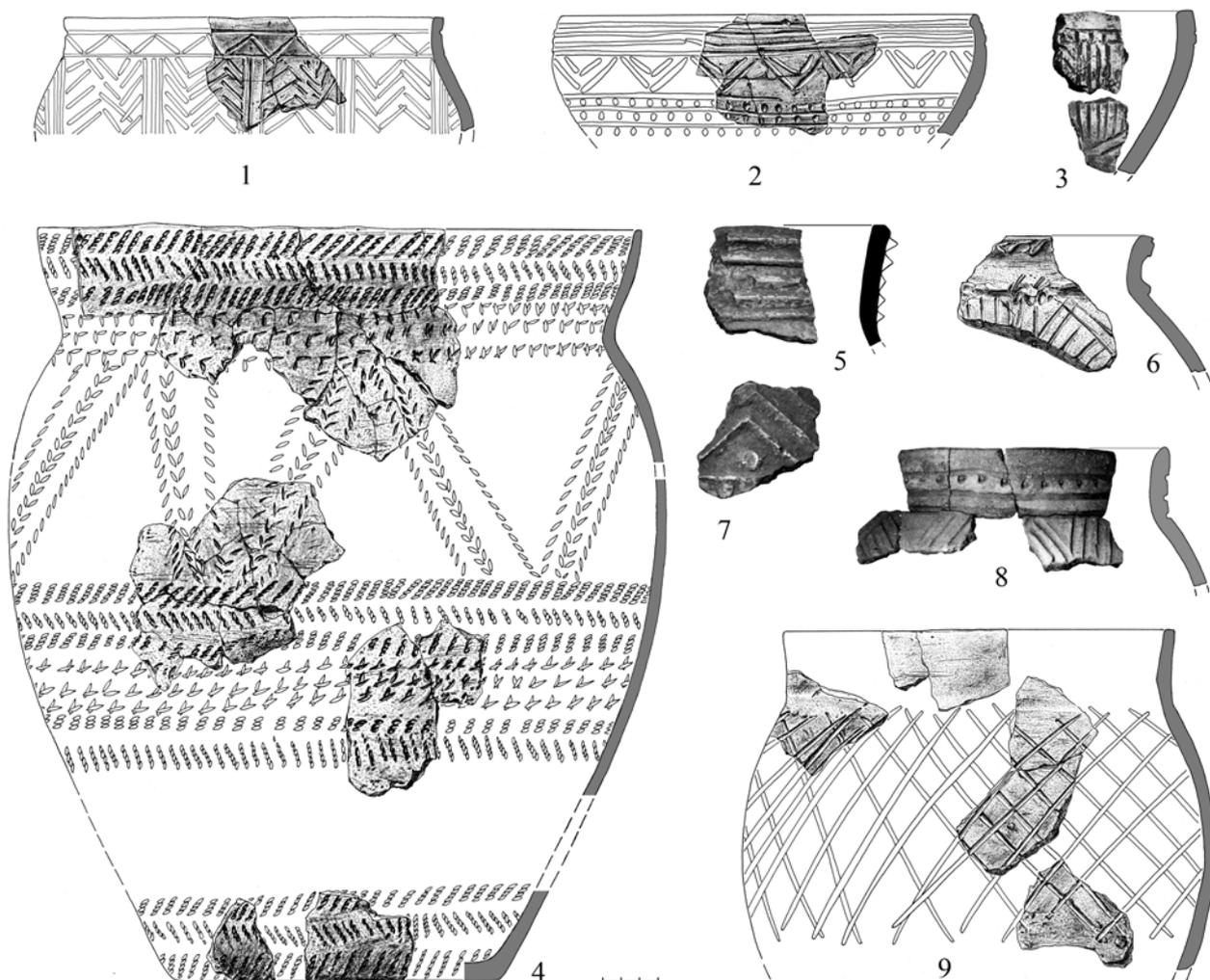

Рис. 3. Поселение Ксизово-1. Керамика из раскопок

Библиографический список

Гак Е.И., Чернышева Е.В., Ходжаева А.К., Борисов А.В. Опыт выявления и систематизации инфраструктурных признаков поселения катакомбной культуры Рыкань-3 в лесостепном Подонье // *Российская археология*. 2014. №4. С. 19–28.

Гак Е.И., Борисов А.В. Сезонность поселений среднедонской катакомбной культуры: ландшафтно-экологическая модель // *Российская археология*. 2017. №1. С. 19–33.

Екимов Ю.Г. Поселения эпохи бронзы в бассейне р. Сновы в Липецкой области // *Археология восточноевропейской лесостепи*. Воронеж, 1979. С. 103–114.

Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982. 159 с.

Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., Беседин В.И. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. Воронеж, 1991. 19 с.

Чернышева Е.В., Гак Е.И., Борисов А.В. Урезная активность культурного слоя поселения катакомбной культуры Рыкань-3 // *Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України: мат. III Луганської міжнарод. іст.-археол. конф., присвяченої пам'яті С.Н. Братченка*. Луганск, 2012. С. 388–391.

ПРОБЛЕМА СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНОВ «КРОХАЛЁВСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ ТИП» И «КРОХАЛЁВСКАЯ КУЛЬТУРА» В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ (могильник Крохалёвка-5, Верхнее Приобье)

С появлением новой археологической информации и в связи с новыми теоретическими обобщениями назревает необходимость в корректировке содержания некоторых понятий. Такая ситуация сложилась, в частности, с терминами «крохалёвский керамический тип» и «крохалёвская культура» эпохи доандроновской бронзы Верхнего Приобья. Наметились две основные тенденции в понимании этих терминов, которые в большой степени находятся в содержательном противоречии друг с другом. Такое положение в сфере археологических дефиниций, которые и так, как правило, не имеют четких границ, является явно не желательным.

Вкратце обрисует историю возникновения терминов и укажем основные варианты их понимания разными исследователями на фоне процесса изучения древностей ранней – развитой бронзы Верхнего Приобья и сопредельных регионов.

Крохалёвский керамический тип, выделенный Н.В. Полосьмак [1978, 1979] в 1970-х гг., связан с объектами в Кудряшовском бору близ Новосибирска (Крохалёвка-4, 17). Основными маркерами крохалёвской посуды являлись плоскодонность, баночная форма; зональный орнамент с использованием горизонтальных рядов «жемчужин» (реже ямок) и рядов насечек (реже гребенчатых оттисков) (рис. 1.-1–5). Второй же, не обязательной, но распространенной, особенностью были «ложнотекстильные» отпечатки от выбивки колотушкой преимущественно на внутренней (примерно половина фрагментов; рис. 1.-6) и реже (всего 10%) – на внешней поверхности сосуда (рис. 1.-7, 8) [Полосьмак, 1978, табл. 1]. Характер этого типа был синкретичным, что было отмечено самим автором, но в рамках стратиграфии исследованных памятников он выступал как нерасчленимый. Часть характеристик типа сопоставлялась Н.В. Полосьмак и В.И. Молодиным с эпохально-синхронной посудой кротовского и одиновского типов, а некоторым чертам были найдены соответствия в более ранней керамике ирбинского типа и в посуде верхнеобской неолитической культуры. Исследовательские задачи на тот момент состояли в дальнейшей разработке культурно-хронологической шкалы Новосибирского Приобья, и этот тип (а затем и таксон «крохалёвская культура») принял на себя функцию необходимой региональной хронологической ступеньки для периода ранней бронзы [Абдулганеев, 1985, с. 122–125; Молодин, Глушков, 1989, с. 112].

Накопление информации по памятникам региона и сопредельных территорий привело к постепенному изменению понимания крохалёвского керамического типа и возникновению различий в его трактовке. Со временем под крохалёвским типом стали понимать либо контактный приобский вариант одиновской керамической традиции (вариант 1 – новосибирские и барнаульские исследователи) (рис. 1.-1–6), либо чисто «ложнотекстильный» компонент (вариант 2 – кемеровские коллеги) (рис. 1.-7–10).

Вариант 1. К западу от Новосибирского Приобья, на материалах лесостепного Обь-Иртышья была значительно развита и дополнена характеристика одиновского этапа развития гребенчато-ямочной общности, стали известны новые поселенческие и погребальные объекты на территории Барабинской лесостепи [Молодин, 2008]. Часть керамики из приобских памятников, включенных Н.В. Полосьмак в крохалёвский круг, была охарактеризована В.И. Молодиным [1985, с. 32–35] как вариант одиновского керамического типа, часть изделий которого также характеризуется «ложнотекстильными» следами (Усть-Алеус-7 и Крохалёвка-17).

И.Г. Глушков и Т.Н. Глушкова, разрабатывая тему следов «текстиля» на сибирской керамике эпохи бронзы, реконструируют единый для «одио-крохалёвских» керамических изделий способ формовки выбиванием, дающий «ложнотекстильные» следы [Глушков, 1996, с. 101]. При этом исследователи обозначают культурные предпочтения вариантов орнаментации сосудов поверх «текстильных» оттисков: крохалёвский – насечки и «жемчужины»; одиновский – гребенчатые оттиски и ямки, хотя они могли и присутствовать на приобских сосудах в различных сочетаниях [Глушков И.Г., Глушкова Т.Н., 2009, с. 111]. Наиболее частые мотивы и композиции, образуемые этими элементами на обеих разновидностях изделий, близки. Это, как правило, ряд «жемчужин» или ямок чаще под венчиком, и горизонтальные или наклонные ряды оттисков гребенчатого штампа или наколы, которые покрывают большую часть сосуда, а иногда и дно.

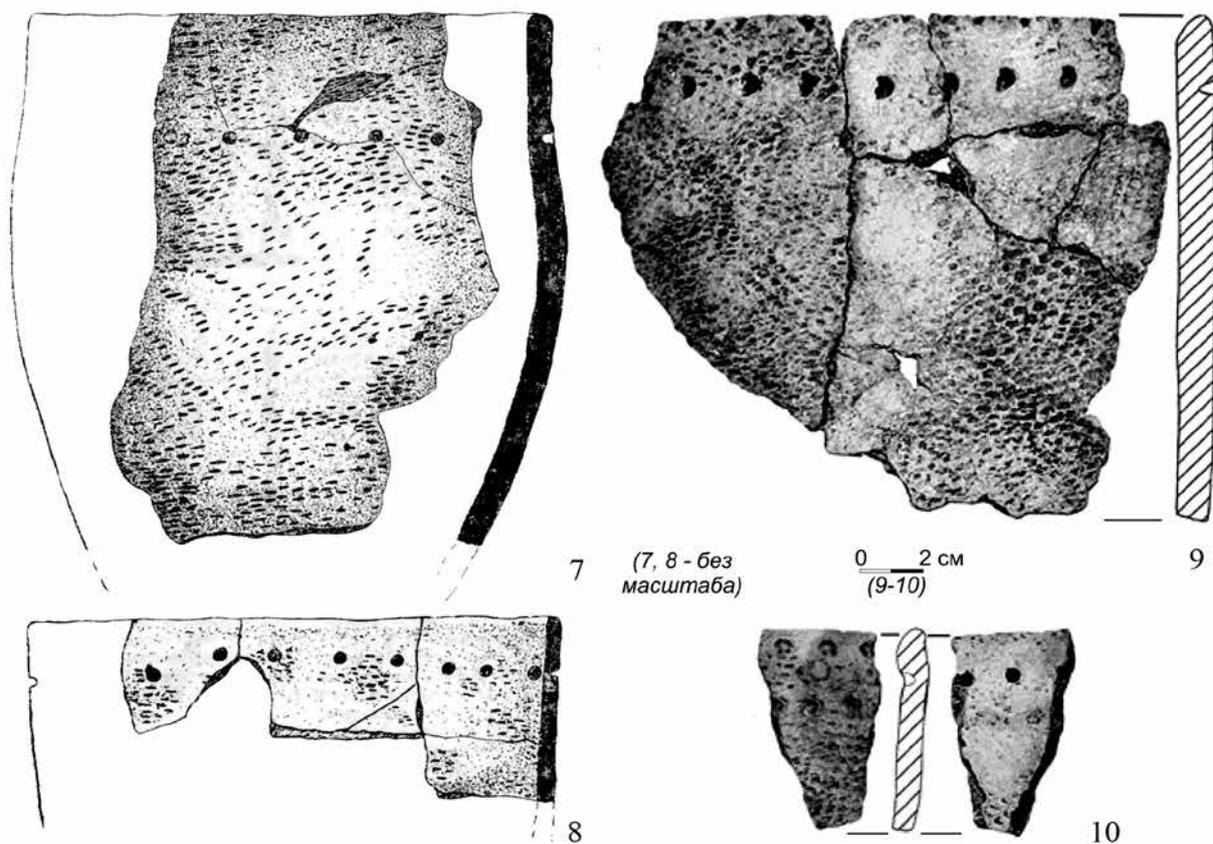
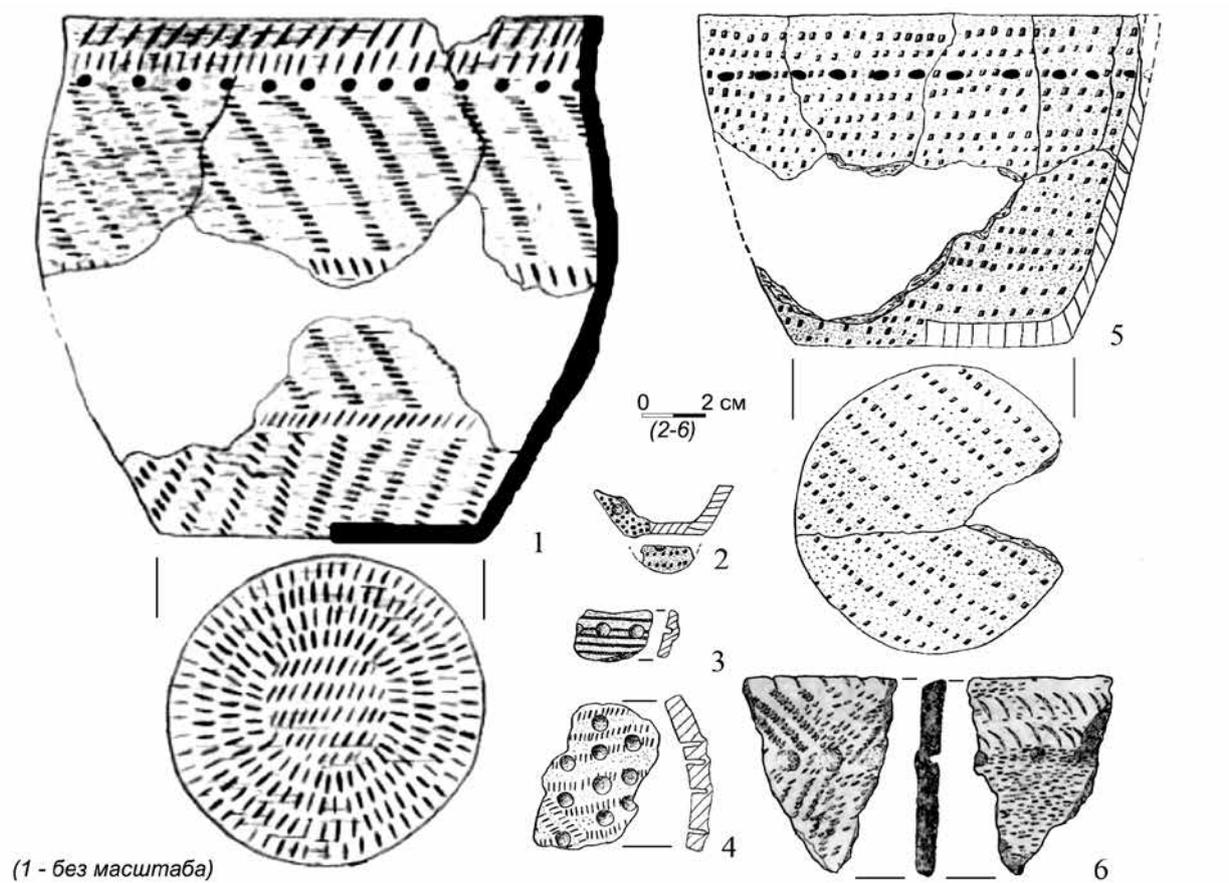

Рис. 1. Керамика крохалёвского типа с памятников Приобья (Крохалёвка-4 (1-8) и Кузнецкой котловины (Ивановка-1 (9), Ивановка-2 (10)): 1-5 - по: [Полосьмак, 1978, рис. 1, 2, 4-2, 4, 5]; 6-8 - по: [Молодин, Полосьмак, 1980, рис. 5, 11]; 9-10 - по: [Бобров, Марочкин, 2016, рис. 2-2, 3]

Вверх по течению Оби, в Барнаульско-Бийском Приобье, по мнению М.Т. Абдулганеева [1985, с. 122–125], часть керамических групп эпохи бронзы (поселение Енисейское) также демонстрирует близость к крохалёвской (группы 2 и 4) и одиновской керамике (группа 2). Это баночные и горшковидные плоскодонные формы, украшенные насечками, гребенчатыми оттисками, прочерченными линиями, «жемчужинами», ямками. При этом в характеристике крохалёвских групп автор не указывает наличие «ложнотекстильных» отпечатков, а Ю.Ф. Кирюшин [2002, с. 92] отмечает, что нанесение орнамента по верх «ложнотекстильных» следов в целом не характерно для посуды бронзового века Барнаульско-Бийского Приобья. Оба барнаульских автора допускали выделение самостоятельной крохалёвской культуры и, продолжая эту идею, интерпретировали один погребальный комплекс могильника Тузовские Бугры-1 (Васино-5) в качестве первого предположительно крохалёвского типа [Абдулганеев, Кирюшин, 2002, с. 6]. Кстати, в описании керамики из этого комплекса «ложнотекстильные» следы также не упомянуты.

Вариант 2. К востоку от Приобья, в Кузнецкой котловине были исследованы памятники с керамикой, похожей исключительно только на одну из частей крохалёвского керамического типа – на ёмкости с «ложнотекстильными» отпечатками и рядами ямок вдоль венчика (рис. 1.-8). В.В. Бобров развил идею неоднородности выделенного Н.В. Полосьмак типа в этом направлении и обосновал культурно-типологическую самостоятельность этой группы («ложнотекстильная» группа керамики) [Бобров, с. 9, 1992]. Позднее кемеровскими учеными именно «ложнотекстильная» группа была охарактеризована собственно как основа «крохалёвской культуры» [Бобров, Марочкин, 2016, с. 109] (рис. 1.-9, 10). Этот весьма специфичный керамический материал обнаружен в ряде памятников Кузнецкой котловины в несмешанном виде. Хотя погребальных объектов с этой керамикой пока не зафиксировано, правомерность выделения культуры очевидна, чего нельзя сказать о названии керамического типа, а вслед за ней и культуры.

Итак, с момента выделения крохалёвского типа произошло значительное расхождение в понимании содержания терминов «крохалёвский тип керамики» – «крохалёвская культура» двумя основными группами исследователей. Причиной различий являлись: а) изначальный синкретизм исходной типобразующей коллекции; б) новые данные по сопредельным Новосибирскому Приобью регионам. Вследствие этого, по одной версии (вариант 1), крохалёвская керамика входит в круг одиновских древностей, распространенных от Зауралья до Верхнего Приобья (рис. 1.-1–6). При этом следы «ложного текстиля» на внешней поверхности приобской керамики не являются обязательными (10–30% [Полосьмак, 1978, табл. 1; Зах, 1997, табл. 2]), а орнаментальные отличия выражаются в предпочтении «жемчужин» – ямкам, насечек – гребенчатому штампу [Полосьмак, 1979; Молодин, 1985, с. 33]. Одиновская культура в целом относится ко всему периоду III тыс. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014]. По другой версии (вариант 2), крохалёвская керамика ассоциируется только с посудой с «ложнотекстильными» отпечатками и рядами ямок вдоль венчика. Памятники с такой посудой очерчивают область в Кузнецком Притомье (рис. 1.-9–10). Период существования этих памятников определен концом III – 1-й четвертью II тыс. до н.э. [Бобров, Марочкин, 2016, с. 111]. Но в целом для представителей обоих подходов очевидно, что Новосибирское Приобье было контактной зоной для взаимодействия населения Обь-Иртышской лесостепи и Кузнецкой котловины, однако варианты взаимодействия и хронология этого процесса требуют дальнейшего изучения.

В связи с этим интересны результаты исследований 1980–2010-е гг. на могильнике Крохалёвка-5 в том же Кудряшовском бору [Галямина, 2015; Гришин, Марченко, Кишкурно и др. 2016; и др.]. Здесь были обнаружены два ряда могил, отражающие погребальную практику одинокрововского облика (рис. 2.-1–3). Три сосуда из захоронений напоминали по форме и орнаментации образцы крохалёвского керамического типа (в версии Н.В. Полосьмак), но не имели «ложнотекстильных» отпечатков на поверхности (рис. 2.-4–6). Это баночные сосуды малых и средних размеров, в оформлении которых использованы ряды наколов, ямок и «жемчужин». Декор покрывает всю поверхность, включая дно. Мы определяли эти комплексы предварительно как крохалёвские, а затем как одинокрововские. Последнего определения мы придерживаемся, подчеркивая приобскую (крохалёвскую) специфику восточной границы ареала одиновской культуры. Хронология этих захоронений по неопубликованным пока данным радиоуглеродного датирования относится к 25–23 вв. до н.э., что согласуется с временем бытования одиновской культуры. Отметим, что в слоях разновременного комплекса Крохалёвка-5, состоящего из остатков разновременных могильников и поселений, обнаружены в том числе разрозненные фрагменты сосудов с «ложнотекстильными» отпечатками. Таким образом, накопленные за почти 40 лет материалы и новые данные, на наш взгляд, указывают на сохранение актуальности термина «крохалёвский тип керамики» для описания новых материалов именно в Приобье, которые отражают локальный вариант развития одиновской керамической традиции.

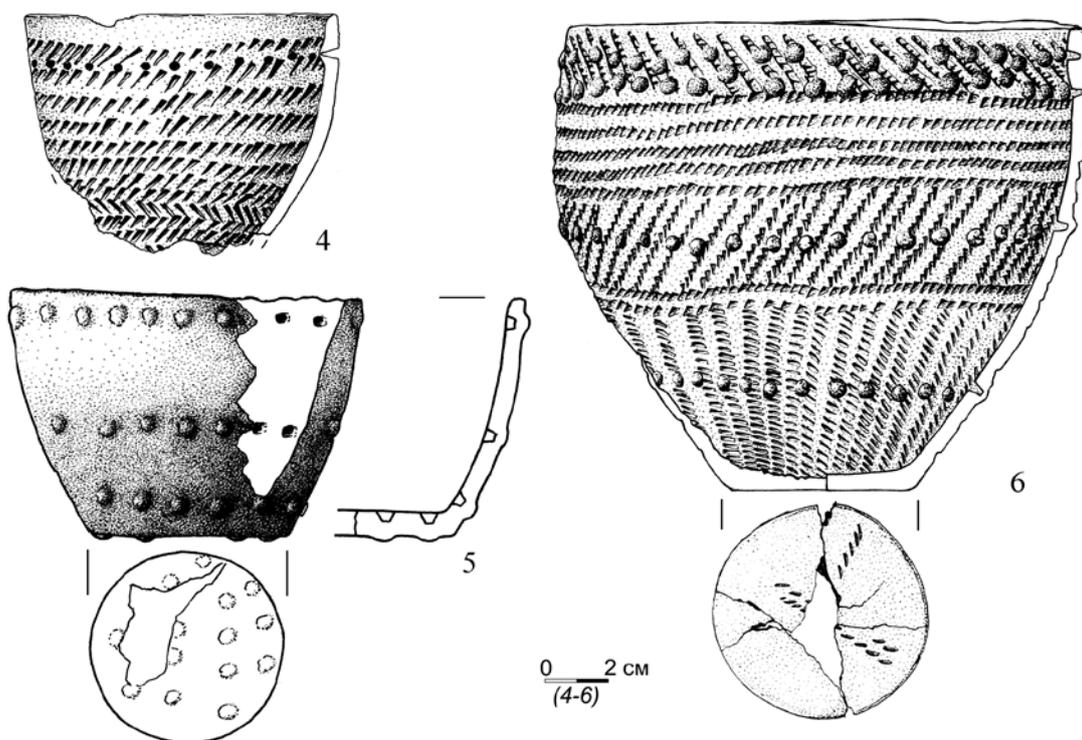
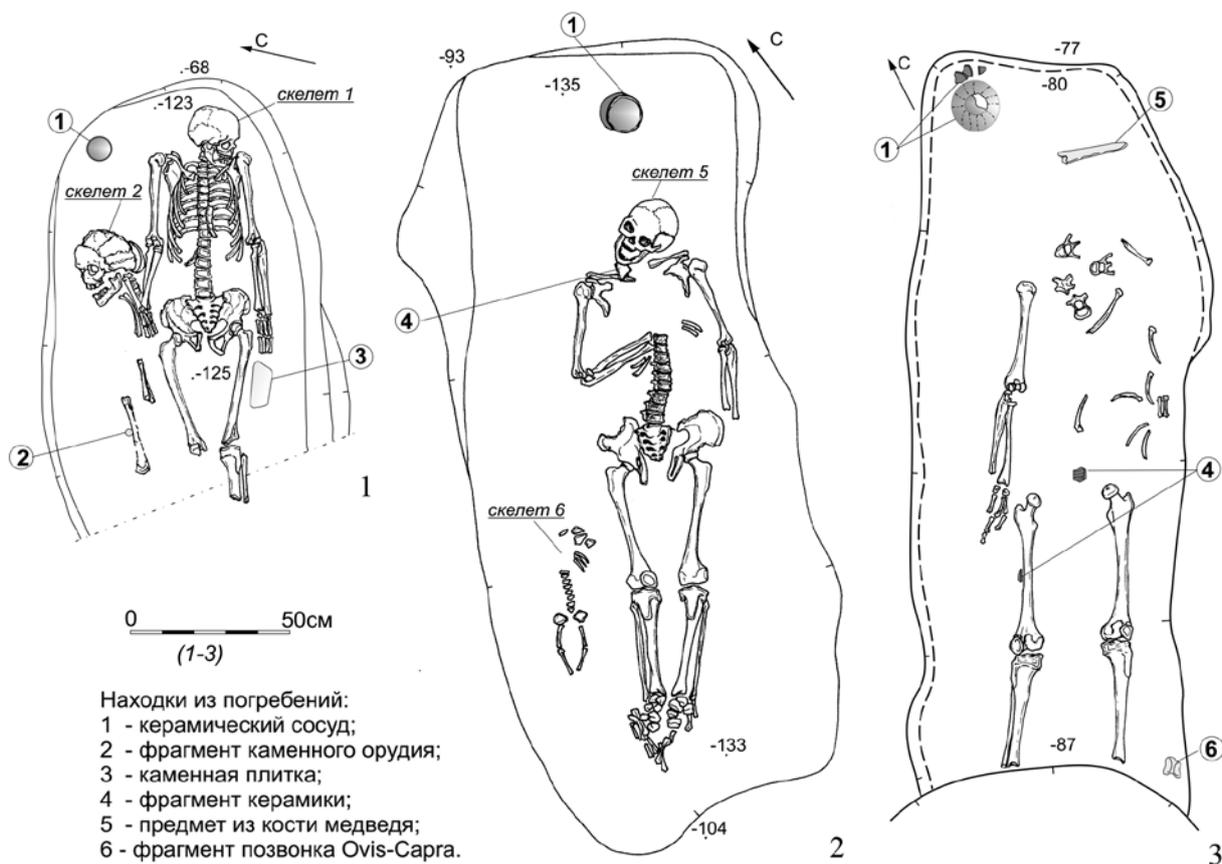

Рис. 2. Могильник Крохалёвка-5. Планы погребений 41 (1), 19 (2), 32 (3) и одно-крохалёвские сосуды из могил: 4 – погр. 41; 5 – погр. 19; 6 – погр. 32

На наш взгляд, атрибутирование памятников Кузнецкой котловины кемеровскими коллегами в качестве крохалёвских является не совсем удачным. Во-первых, специфика керамики на этих объектах в меньшей степени отражает первоначальное синкретичное содержание «крохалёвского типа», предложенное Н.В. Полосьмак и развиваемое другими исследователями. Во-вторых, наличие монокультур-

ных памятников в Притомье (Долгая-1, -2, Ивановка-2, Синеречка-1) дает возможность дать другое, оригинальное название для обоснованно выделенных коллегами нового «ложнотекстильного» керамического типа и новой культуры, не нарушая устоявшейся терминологии. Дальнейшее развитие данной проблематики лежит в детальном сопоставлении керамического материала упомянутых и новых памятников, разработке их хронологии и поиске новых источников.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Керамика эпохи ранней бронзы с Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 117–119.
- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение раннебронзового века из могильника Тузовские Бугры-1 // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 4–6.
- Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. 41 с.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г. Крохалёвская культура ранней бронзы на территории Кузнецкой котловины (специфика материального комплекса и хронология) // Вестник ТГУ. Сер.: История. 2016. №4 (42). С. 108–112.
- Галямина Г.И. Отчет «Исследования курганного могильника Крохалёвка-5 в Коченёвском районе Новосибирской обл. в 1997 г.». Новосибирск, 2015 / Архив ГАУ НПЦ НСО.
- Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996. 328 с.
- Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Сургут, 2009. 190 с.
- Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Кишкурно М.С., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новые погребальные комплексы эпохи бронзы в Новосибирском Приобье (работы 2016 г. в Кудряшовском бору) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII. С. 269–273.
- Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск, 1997. 132 с.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 295 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.
- Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008. С. 9–13.
- Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989. 168 с.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13; вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Молодин В.И. Полосьмак Н.В. Исследование памятника Крохалёвка-4 // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980. С. 51–68.
- Полосьмак Н.В. Керамический комплекс поселения Крохалёвка-4 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 39–46.
- Полосьмак Н.В. Крохалёвка-17 – новый памятник крохалёвского типа // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979. С. 45–49.

© 2017, Н.А. Дубова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

МОЗАИЧНЫЕ КОМПОЗИЦИИ ИЗ ГРОБНИЦ ГОНУР-ДЕПЕ (ТУРКМЕНИСТАН): ИЗУЧЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта «Формирование и устойчивое развитие систем жизнеобеспечения этнокультурных регионов на Евразийском пространстве (социальная и экологическая составляющие)» Программы Президиума РАН «Евразийское наследие: новые смыслы»

Туркменский памятник эпохи бронзы Гонур-Депе (2300–1500 до н.э.), открытый В.И. Сарияниди в 1972 г. и раскапывавшийся им до последних дней своей жизни, расположен в юго-восточных Каракумах.

Поселение – крупнейшее из более чем 200, выявленных к 1990 г. в древней дельте р. Мургаб [Сарианиди, 1990], характеризующееся монументальной архитектурой, интересными инженерными решениями, наличием сложного социального устройства и мировоззрения, многообразных ремесел, развитых обрядов и высочайшего искусства. Д. Поттс ассоциирует Гонур с эламским г. Симашки [Potts, 2008, p. 165–194]. Гонур-Депе признанно считается административным и религиозным центром страны Маргуш (впоследствии – на греческий манер Маргианы) – государства, которое А.-П. Франкфор и К. Трэмблей считают возможным отождествлять с историческим царством Мархаши [Francfort, Tremblay, 2010].

В 2004 г., а затем в 2009 г. Маргианской археологической экспедицией, которая работает в рамках Соглашения между Министерством культуры Туркменистана и Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, была раскопана группа элитарных погребений, получившая название «царский некрополь» [Сарианиди, 2006, 2007 и др.; Дубова, 2004; Сарианиди, Дубова, 2010; Sarianidi, Dubova, 2010]. Название «царский» используется в кавычках, так как в настоящее время нет никаких свидетельств наличия в стране Маргуш «царства» или тем более империи. Да и социальная организация этого центра древневосточной цивилизации пока остается мало изученной [Антонова, 2013, с. 60].

Тем не менее раскопанные гробницы как по своему устройству (многокомнатные подземные дома, пять из которых имеют своеобразные дворы), так и по богатейшим погребальным приношениям выделяются среди всех известных погребений не только на этом памятнике (изучено более 5000 могил), но и на других памятниках южных районов Средней Азии. Среди многих значимых археологических открытий на Гонур-Депе особо выделяются мозаичные композиции и отдельные мозаичные вставки, найденные в каждой из восьми раскопанных гробниц. Они уникальны и по сюжетам, которые изображают, и по использованным материалам, и по технике исполнения. Искусно выполненными многофигурными композициями были украшены так называемые *дарохранительницы* (крупные деревянные в прошлом ящики, в которых, как предполагается, хранились ценные приношения), все передние фасады раскопанных гробниц с «дворами» и отдельные комнаты в «домах» [Сарианиди, Дубова, 2013].

Гонурские мозаики отличаются тем, что они созданы сочетанием двух техник – живописи и мозаики. Следует особо подчеркнуть, что ни в более позднее время, ни на более ранних памятниках подобная техника не известна. Подчеркну специально, что ни в одном из помещений монументального дворца Северного Гонура подобных мозаичных композиций не было найдено, это говорит о том, что «дома» правителей и/или жрецов в другой жизни были более важными, более парадными, чем в этой. Благодаря усилиям российского реставратора Н. Чудновской и ее молодых туркменских коллег А. Шайымовой и М. Беглиева была проведена консервация и первичная реставрация этих изделий. К продолжению исследований и сохранению мозаик уже в 2011 г. были привлечены известные реставраторы ГосНИИ реставрации МК РФ Н.А. Ковалева и Г.Э. Вересоцкая, имеющие значительный опыт аварийной и плановой консервационно-реставрационной обработки памятников такого рода в полевых условиях с последующим доведением их до музейной экспозиции в лабораторных условиях. Основная часть мозаик хранится ныне в Музее изобразительных искусств Туркменистана (Ашхабад). Дарохранительница из гробницы 3880 и более мелкие композиции из погребений 3870 и 2915 находятся в экспозиции Марыйского вельянского музея. Необходимо отметить большую помощь по организации консервации и реставрации мозаик, оказанную руководством и сотрудниками указанных музеев, а также прекрасные условия для лабораторных работ, созданные в Музее изобразительных искусств, где работы и проводились. Отрадно отметить, что в августе 2017 г. в зале археологии этого хранилища ценностей была торжественно, в присутствии общественности и дипломатических лиц разных стран, открыта новая экспозиция, посвященная гонурским мозаикам, подготовка которой стала возможной благодаря специальному гранту Фонда посла США в Туркменистане.

В настоящее время восстановлен первоначальный облик трех стенок «дарохранительницы» из гробницы 3230, начата работа над фрагментами композиций из гробниц 3200 и 3210. Для того чтобы «простой» геометрический орнамент, очень похожий на некоторые узоры туркменского ковра, заиграл разными оттенками, древние мастера использовали разную толщину каменных вставок, различные минералы для их изготовления и разнообразные, в том числе по цвету, клеящие вещества [Ковалева, 2012; Вересоцкая, 2012, 2016].

Мозаичные, а точнее сказать живописно-мозаичные, композиции могли создаваться как непосредственно на стенах (следы их и фрагменты, сохранившиеся *in situ*, были выявлены в гробницах 3200 и 3235), так и на деревянной основе (во всех случаях мозаичного украшения дарохранительниц в гробницах 3220, 3230, 3880 и погребения в подбойной могиле 3870; а также на дарохранительнице и на де-

ревянных панелях, возможно, впоследствии крепившихся на стенах в гробнице 3220). Создание узора могло проводиться как прямым, так и обратным способом (т.е. каменные вставки укладывались на слой основы при создании одних узоров лицом вверх, а при оформлении других – лицом вниз). Н.А. Ковалевой [2012, с. 180] описано создание в гробнице 3230 композиций из отдельных относительно типовых блоков (треугольных или прямоугольных), разделенных (а возможно, и наоборот, объединяемых) деревянными брусками (рис. 1). Штукатурный материал, составлявший базовый слой мозаики, оказался светло-серого цвета и был достаточно плотным и твердым. Согласно результатам аналитических исследований, проведенных В.Н. Киреевой, он состоял из смеси извести и кварца. Толщина этого слоя – 0,7–0,8 см, связующего вещества в нем не было обнаружено [Ковалева, 2012, с. 178].

Во всех случаях «доведение» композиции проводилось заполнением промежутков между отдельными составляющими орнамента красной и черной красками. По определению В.Н. Киреевой [2012, с. 180], основу черной краски составлял «черный углеродный пигмент» (местами – это даже не совсем окраска, а слой, образованный черной пастой), основа же красной краски – «красно-коричневые глинистые минералы».

Рис. 1. Тыльная сторона одной из стенок дарохранительницы из гробницы 3230, на которой хорошо видна конструкция мозаичного декора из отдельных блоков, разделенных некогда деревянными брусками. Фото автора в процессе раскопок 2004 г.

Материал, из которого сделаны вставки, представлен разными минералами. Его исследования ведутся, но пока вопрос нельзя считать окончательно выясненным. Явно присутствует мрамор. Но большая часть вставок создана из материала, не являющегося природным соединением. Рентгеноструктурный анализ вещества мозаичных вставок из гробницы 3915 показал, что они состоят из минерала, более чем на 95% сложенного кварцем. Зерна минерала имеют таблитчатую форму и острые края. Они имеют преобладающие размеры 10–20 микрон, реже до 50 микрон, расположены в кремнеземном матриксе хаотично. В шлифах кварц характеризуется наличием неправильной трещиноватости, вероятно, вызываемой изменениями объема минерала при его переходе в различные политипные модификации кремнезема, связанные с нагревом вещества. Судя по минеральному составу и структурно-текстурным особенностям материала, для производства мозаичных вставок в качестве сырья использовались осадочные горные кремнеосодержащие породы типа опоки, диатомита и трепела. Сырье явно подвергалось термической обработке, что изменяло структуру природного материала [Юминов, 2012, с. 189–190; Мазина, Соколов, 2013; Вересоцкая, 2016].

Г.Э. Вересоцкая [2016, с. 316] полагает, что поверхность некоторых мозаичных вставок, составляющих центр композиционного раппорта коврового орнамента на дарохранительнице из гробницы 3230, сохранила следы зеленоватой глазури. Лабораторные анализы, выполненные А.Я. Мазиной

и А.В. Соколовым в 2014 г., также показывают наличие глазурования. Тем не менее нельзя считать полностью изученным процесс образования слоя глазури. Однозначных доказательств того, что вставки специально глазуровались, в настоящее время не имеется. Нельзя полностью исключать, что этот слой образовался в результате обжига сырья и возгонки на поверхность его медьсодержащих компонентов.

Важно подчеркнуть, что подобная же техника обработки минералов (т.е. термообработка кремне-содержащего сырья) была известна ранее. В.М. Массон [1977, с. 149] отмечал, что хараппские печати изготовляли из специально обожженного стеатита. Метод обжига минерала с целью облегчения его обработки известен на памятниках цивилизации долины р. Инд, начиная с неолита [Vidale, 1990]. Отмечалась такая же техника при изготовлении бус, пронизок, в том числе с зубчатыми краями, и на Алтын-Депе [Кирчо, Ковнурко, 2003]. На Гонур-Депе также многократно были встречены подобные бусы (например, в верхнем слое на западном фесе памятника, раскоп 7; в погребении 3314 на раскопе 12; в погребении 3660 и 3716 на раскопе 16 и др.), а также рельефные печати.

На тыльной стороне ряда вставок сохранились следы клеящего вещества. То есть каменные вставки крепились на слое обмазки именно с его помощью (возможно, не во всех случаях). Как показали выполненные исследования, это – следы мастики из черного углеродсодержащего пигмента, кварца и гипса, дигидрата и ангидрида. В качестве связующего использовалась композиция из термически обработанных природных смол, идентифицировать которые не удалось, ввиду их деструкции как термической, так и возрастной [Киреева, 2014, с. 224–225; Вересоцкая, 2016, с. 318].

Наружная поверхность мозаичных композиций была прекрасно выровнена, несмотря на то, что вставки сильно различаются по толщине даже в одной композиции [0,25–0,5 см; Ковалева, 2012, с. 181]. Это достигалось, прежде всего, установкой вставок в разный по глубине слой клеящего вещества. Но еще более важно отметить, что значительное число мозаичных вставок имеет профиль с уклоном, это говорит о том, что при сборке в блок детали подтачивались. Как показали исследования Т.А. Шапошниковой, на большей части вставок наружный скос варьирует от 45 до 85°. По количеству деталей за ним идет прямой профиль (90°). Форма заточки профиля детали характеризует, прежде всего, тип соединения деталей между собой. Важно сказать, что среди многих десятков каменных орудий на Гонуре А.М. Юминовым были найдены резцы, подготовленные и заточенные под таким углом, который позволяет вырезать мозаичные вставки именно такого профиля, которые были найдены в царских гробницах.

В искусствоведческой литературе отмечается, что техника подковки камешков (тесселирование) появляется в эпоху эллинизма и приводит к расцвету античной мозаики. Эта техника стала применяться для обеспечения более плотного прилегания камешков мозаики друг к другу и соответственно для тщательной детализации изображений (см., например: [Миллз, 2007]). Так, самым ранним памятником, где была использована данная техника в чистом виде без использования гальки, являются мозаичные панно небольшого сицилийского города Моргантины (III в. до н.э.). В то же время гонурский материал показывает, что техника подгонки каменных вставок друг к другу путем устройства у них скошенного профиля была известна уже в конце III тыс. до н.э.

Немаловажен момент, каким образом отдельные вставки монтировались в единую композицию. Кроме ранее отмеченных отдельных блоков, использовавшихся для составления геометрических орнаментов, надо отметить нанесение на обратную сторону вставок определенных знаков («сердце» – возможно, лист растения пипал, крест, круг, треугольник, перечеркнутый круг и миндалевидный знак), на что В.И. Сарияниди обратил внимание буквально в первые дни обнаружения сюжетных вставок. Так, один и тот же знак присутствовал и на головах грифонов, и на перьях, формирующих крылья таковых, и на конечностях. Судя по всему, одна композиция маркировалась с тыльной стороны одними знаками, другая подобная композиция – другими. Этот факт позволяет предполагать и то, что имело место разделение операций между мастерами, изготавливавшими мозаики: одни резали из специально обработанного камня, например, головы грифонов, другие – отдельные части конечностей, третьи – фрагменты крыльев и т.д. Затем третья группа мастеров, используя нанесенные знаки, составляла единую фигуру.

В процессе разбора отдельных выставок из гробницы 3210 Г.Э. Вересоцкой удалось восстановить утраченные формы и размеры крупных мозаичных вставок, а также частично восстановить наиболее сохранившуюся композицию «Пары грифонов». Ею были отмечены многие технологические особенности и системы монтирования фрагментов. Так, например, обнаружено, что мозаичные модули перьев крыльев выполнены из разных материалов – минерала (возможно, известняка) и другого менее плотного светлого материала (минералогические анализы проводятся). Модули перьев, выполненные из разных материалов, чередуются в определенном шахматном порядке с промежутками, окрашенными

ми с лицевой поверхности в красный или черный цвета. Выявленные особенности позволят, с одной стороны, более точно восстановить и реконструировать сложную композиционную схему мозаичного декора этой царской гробницы (рис. 2), а с другой – являются показателем продуманной системы создания композиций. Так, например, опираясь в том числе и на обозначения с обратной стороны вставок, Г.Э. Вересоцкая существенно уточнила изображение с грифонами в гробнице 3210. Предварительная реконструкция этих изображений состояла из двух отдельных фигур – «орлов в геральдической позе» и «противоборствующих грифонов», которые оказались двумя регистрами одной композиции.

Рис. 2. Вариант реконструкции композиции «Пары грифонов» из гробницы 3210 работы Г.Э. Вересоцкой

Таким образом, наблюдения, сделанные в процессе реставрации и изучения гонурских мозаик, выявили ряд новых их особенностей, а в чем-то (особенно касательно метода тесселирования) они заставляют специалистов по-новому рассматривать всю историю этого древнего вида искусства. Исследования этого замечательного явления будут продолжены.

Библиографический список

- Антонова Е.В. Бактрийско-Маргианский археологический комплекс в контексте взаимодействия сообществ в Передней Азии // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 51–62.
- Вересоцкая Г.Э. Реставрация фрагмента стенки ларца-дарохранительницы и исследование технико-технологических особенностей материалов мозаики конца III тыс. до н.э. из царской гробницы №3230 Гонур-Депе (Туркменистан) // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2012. Т. 4. С. 185–188.
- Вересоцкая Г.Э. Исследование и реставрация мозаичного декора стенки ларца-дарохранительницы конца III тыс. до н.э. из царской гробницы 3230 Гонур-Депе (Туркменистан) // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2016. Т. 6. С. 315–323.
- Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 254–281.
- Киреева В.Н. Результаты технико-технологического исследования мозаичных вставок с Гонур-Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2014. Т. 5. С. 224–225.
- Кирчо Л.Б., Ковнурко Г.М. Престижно-культурные предметы и украшения Алтын-Депе из древних искусственных минералов (по данным рентгенометрического анализа) // Археологические вести. СПб., 2003. №10. С. 108–114.
- Ковалева Н.А. Предварительные исследования и консервация двух фрагментов «ковровых» мозаик из Гонура // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2012. Т. 4. С. 176–184.
- Миллз Т. Искусство мозаики: энциклопедия. М., 2007.
- Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. №2(257). С. 155–192.
- Сарианиди В.И. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // РА. 2007. №1. С. 49–63.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации: труды Маргианской археологической экспедиции. СПб., 2010. Т. 3. С. 144–171.

Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Мозаика III тыс. до н.э. в Гонур-Депе (Туркменистан) // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского. М., 2013. С. 379–413.

Юминов А.М. Мозаичные вставки из гробницы 3915 // Труды Маргианской археологической экспедиции. М., 2012. Т. 4. С. 189–191.

Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilisation de L'Oxus // Iranica Antiqua. Leiden, 2010. Vol. XLV. P. 51–224.

Potts D. Puzur-Insusinak and the Oxus Civilization (BMAC): Reflections on Simaski and the geo-political landscape of Iran and Central Asia in the Ur III period // Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie. Bd. 98(S). 2008. S. 165–194.

Sarianidi V., Dubova N. Nouvelles sépultures sur le territoire de la “necropole royale” de Gonur Depe // Arts Asiatique. 2010. T. 65. S. 5–26.

© 2017, И.А. Дураков

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ПОЗДНЕКРОТОВСКОЙ (ЧЕРНООЗЕРСКОЙ) КУЛЬТУРЫ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №14-50-00036
«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

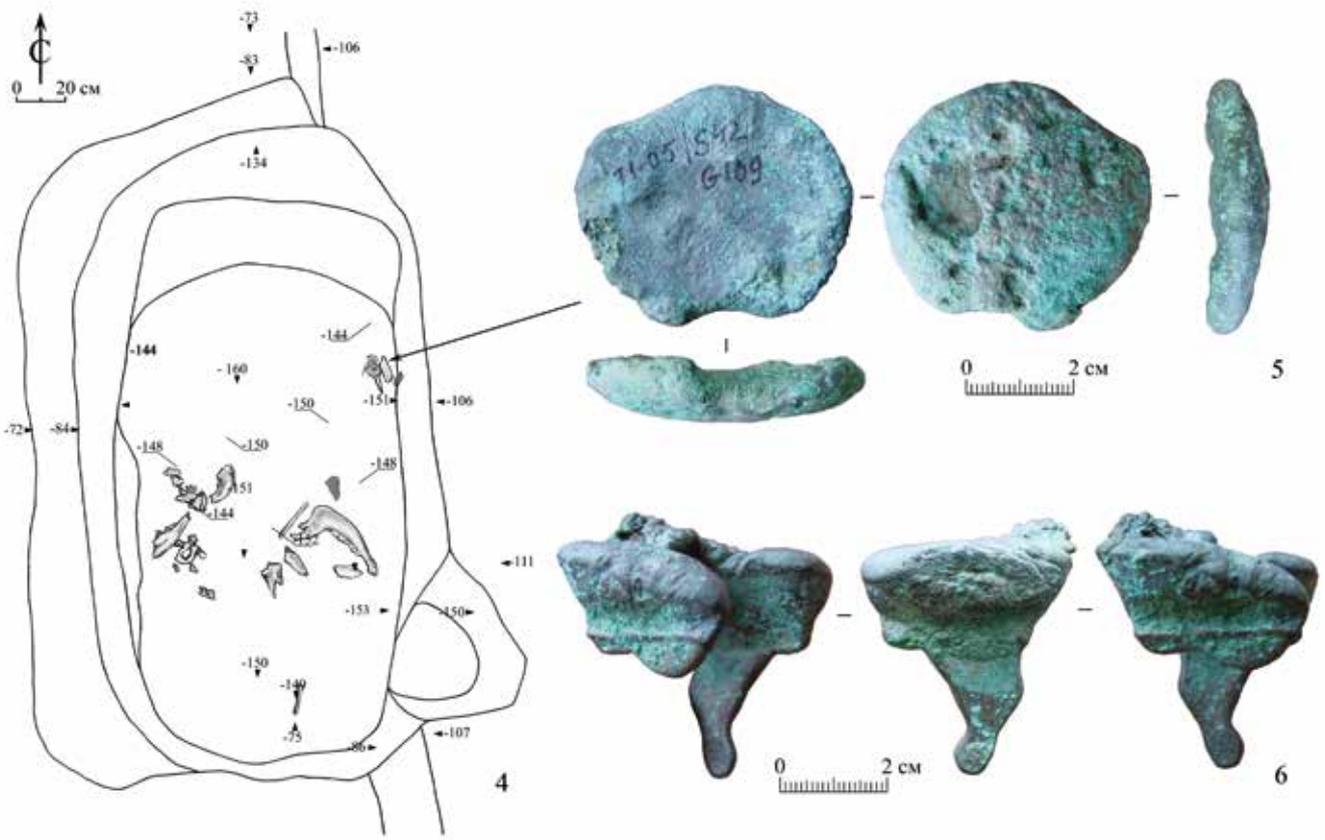
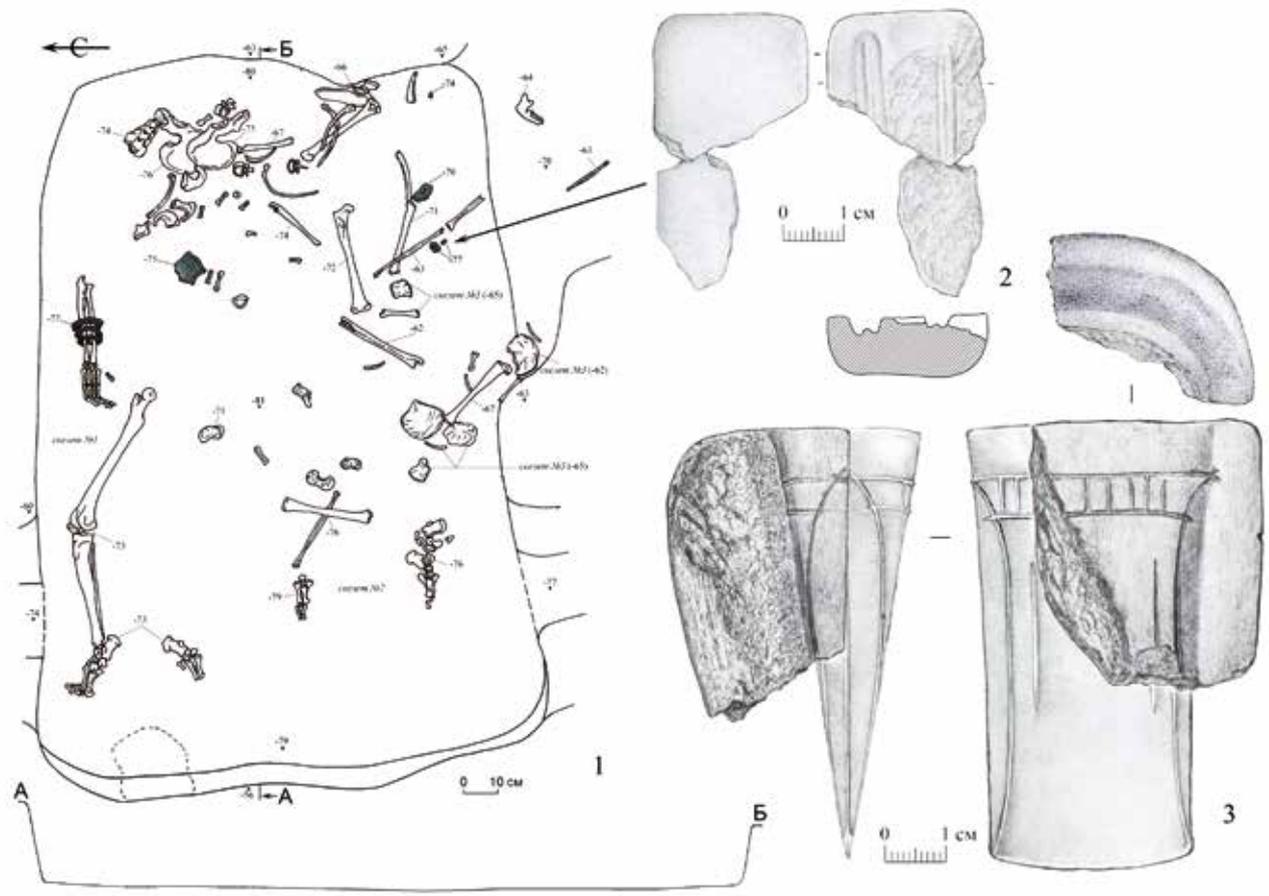
Позднекротовская (черноозерская) металлообработка складывается на базе производства предшествовавшей ей классической кротовской культуры, однако степень ее изученности ниже и источниковая база намного уже. В настоящее время можно выделить только две группы источников по металлообработке позднекротовской (черноозерской) культуры: погребения с кузнечно-литейным инвентарем и так называемые *клады литейщиков*.

Погребения, содержащие литейное оборудование (формы, литейные стержни, тигли, кусочки руды), присутствуют практически на всех крупных позднекротовских (черноозерских) могильниках Барабы (Тартас-1, Сопка-2).

На территории некрополя Тартас-1 выявлено пять таких захоронений (15, 159, 323, 329, 330Б). Все они ограблены в древности. Погребение 15 содержало разрушенную при ограблении литейную форму, так как рабочая камера не сохранилась, определить характер отливаемого предмета не удалось. В коллективном погребении 159 (содержало останки трех человек – взрослого, подростка и ребенка) среди сопровождающего инвентаря обнаружена створка формы с двумя параллельно расположенными рабочими камерами для отливки изделий в виде тонких стерженьков диаметром 0,5 см (рис.-1–2). Такой тип изделий хорошо известен и был распространенным в основном в материалах классической кротовской культуры [Молодин, 1985, с. 58, рис. 28.-4, 8, 9; Молодин, Дураков, Мыльникова, Нестерова, 2012, с. 116, рис. 13–14].

Погребение 323 также коллективное (найлены останки пяти человек) [Молодин и др., 2009, с. 338–339, рис. 1.-3]. Обнаружен обломок глиняной литейной формы для отливки кельта сейминско-турбинского типа (рис.-3), согласно классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 46–48, рис. 9.-1–9, 10.-1–5], относящегося к разряду К-10.

В заполнении могилы №329 находились кусочек медной руды (сульфид меди) и обломок стержня литейной формы. Стержень был предназначен для получения плоского широкого глухого отверстия отливки, вероятнее всего, втулки миниатюрного кельта. В погребении 330Б (захоронен ребенок 5–6 лет) найден небольшой обломок стенки формы. Следует отметить, что возраст погребенного не позволял вести самостоятельную производственную деятельность, поэтому включение в сопроводительный инвентарь формы, видимо, только указывает на какую-то связь с литейным делом. Не исключено, что профессиональная принадлежность передавалась по наследству с момента рождения.

Могильник Тартас-1: 1 – план погребения 159; 2 – форма из погребения 159; 3 – форма из погребения 323; 4– план ямы №109; 5–6 – слитки металла из ямы №109

На территории могильника Сопка-2/5 обнаружены четыре захоронения позднекротовской (черноозерской) культуры, содержащие литейный инвентарь. В погребении 2 кургана №14 найдены две двухстворчатые керамические литейные формы. Одна из них предназначена для отливки наконечника дротика, вторая для отливки круглого в сечении стержня – заготовки [Молодин, 1985, рис. 28.-1, 5]. В погребении 3 кургана №6 найдены обломки крупной формы для отливки топора срубно-андроновского типа. В погребении 7 кургана №18 также обнаружен обломок формы для отливки какого-то крупного предмета [Молодин, 1985, рис. 28.-10]. Кроме этого, в насыпи кургана №30 найдены обломки стенок не менее чем от двух тиглей, не связанных с какой-либо конкретной могилой некрополя.

Таким образом, в позднекротовских (черноозерских) могильниках Центральной Барабы выявлено девять погребений с литейным инвентарем, т.е. сохраняется сложившаяся в классической кротовской культуре традиция подобных захоронений [Молодин, 1983]. Как правило, появление таких могил считается бесспорным показателем специализации литейного дела и выделения профессиональных мастеров [Бочкарев, 1978, с. 48].

Следует отметить, что литейный инвентарь присутствует в могилах всех возрастных и половых групп: взрослых, подростков, женщин и детей. Найден он как в одиночных, так и в коллективных захоронениях. Видимо, металлообработка в позднекротовское время была сосредоточена в руках отдельных семей, все члены которых так или иначе были связаны с этим производством. Не исключено также, что профессиональная принадлежность передавалась по наследству с момента рождения. Такая организация металлообрабатывающего производства отмечается и в этнографических источниках, например, у лохаров Восточного Раджахстана [Misra, 1975]. По всей видимости, численность данной социальной группы в позднекротовском (черноозерском) обществе была незначительна, на Тартасе-1 погребения с литейным инвентарем составляют 4,31% от общего числа могил, на Сопке-2 – 4,2%.

Вторая группа источников по бронзолитейному производству позднекротовской культуры так называемые *клады литейщиков* является очень интересным и, в сущности, мало изученным типом археологических памятников. Нами учтено два таких объекта, оба они расположены на территории некрополя Тартас-1. В одном случае в подпрямоугольной яме (№109) зафиксировано два скопления бронзовых предметов, лежащих компактными кучками (рис.-4). Одно из них включало каменный абразив, бронзовую иглу, обломок браслета со спиралевидным окончанием, неудавшуюся отливку клиновидного полого предмета (вероятнее всего, кельта) и стандартный слиток типа «plano-convex ingot» (плосковыпуклый слиток) (рис.-5–6) [Молодин, Дураков, 2016, с. 50–53, рис. 3.-1]. Подобные изделия широко известны и интерпретируются большинством исследователей как стандартные слитки, используемые для хранения и транспортировки металла при торгово-обменных операциях [Tylecote, 1987, p. 37]. Наиболее ранние образцы происходят с Ближнего Востока и датируются началом III тыс. до н.э. Такой тип слитка, как правило, связывают с продукцией первичной выплавки, сделанной на месте добычи металла, он был широко распространен в Передней Азии, Иране на юге Западной Европы [Авилова, Терехова, 2006, с. 14–15, рис. 2, 3; Tylecote, 1987, p. 194–209].

Во второе скопление входили шесть бронзовых «гофрированных» цилиндрических бусин и три бронзовых «ножевидных» подвески. Кроме этого, в яме были обнаружены нижняя челюсть, часть лопатки и резец лошади, обломок ребра и фрагменты черепа коровы, а также обломки не менее чем от трех позднекротовских (черноозерских) сосудов. При этом один из них прекрасно реконструируется [Молодин, Дураков, 2016, рис. 2.-1]. Датировка вышеописанного комплекса не вызывает сомнений, все датирующие вещи относятся к периоду 1-й половины – середины II тыс. до н.э. [Молодин, Дураков, 2016, с. 85].

Второй клад также был найден в подпрямоугольной ритуальной яме (№147) [Молодин, 2006, рис. 283, 284]. Он представлял собой двухстворчатую глиняную форму для отливки кельта-тесла с широким полукруглым лезвием и сужающийся круглой втулкой. Боковые стороны орудия усилены ребрами жесткости, соединяющимися дугообразной аркой, край втулки также украшен рельефным валиком. Форма лежала на боку в собранном состоянии, т.е. створки были совмещены по линии разъема, стержень отсутствовал.

Ограниченность источников не позволяет представить полный литейный комплект позднекротовского мастера-металлурга, учтенный нами производственный инвентарь включает только формы и фрагменты тиглей.

Формы представлены коллекцией из десяти предметов, происходящих из могильников Сопка-2/5 и Тартас-1. Исходя из данных комплексного анализа следов на литейных формах, процесс их изготовления реконструируется следующим образом. Формовка производилась по специальной модели на модельной плите, в некоторых случаях на разъемах фиксируется отпечаток древесной структуры,

перешедший со служившей модельной плитой дощечки. Формовочная масса накладывалась сверху крупными лоскутами. Рельефные линии чаще всего прочерчивались по сырой глине после извлечения модели инструментом с тонкой и острой рабочей частью. Лишний формовочный материал срезался металлическим инструментом, поверхность рабочей камеры выравнивалась и уплотнялась. Все формы тщательно обожжены. В производстве используются сложные по составу формовочные смеси, сочетающие глину, шамот и органические добавки (навоз, яичную скорлупу).

На боковых поверхностях четырех форм (две из погребения 2 кургана №14 могильника Сопка-2, остальные из погребения 323 и ямы №147 могильника Тартас-1) через линию разъема для облегчения стыковки прочерчены по 2–4 косые линии. Такая маркировка должна была облегчить сборку формы, исключить перекося ее створок и является признаком унификации производства. Приметой массового производства является и найденная в погребении 159 могильника Тартас-1 кассетная форма.

Следует отметить, что, несмотря на значительное количество изделий срубно-андроновских типов, найденных на памятниках позднекротовской (черноозерской) культуры [Молодин, 2014], форма для их изготовления найдена только одна (Сопка-2/5, курган №6, погребение 3).

Позднекротовские (черноозерские) тигли представлены обломками не менее чем двух экземпляров из насыпи кургана №30 могильника Сопка-2/5. В обоих случаях это глиняные бортики, крепившиеся к служившему дном фрагменту керамики. Один из них орнаментирован прочерченной волнистой линией, другой – гладкий. Данный тип тигля восходит к бронзолитейной традиции одиновской культуры. Наиболее ранний и архаичный его образец найден в очаге (яма №288) конструкции №4 одиновской бронзолитейной мастерской с территории многослойного памятника Тартас-1. Дальнейшее развитие и наибольшее распространение данный тип тигля получил в металлообрабатывающем производстве классической кротовской культуры. В этот период он представлял собой чашечку овальной или каплеобразной формы, зафиксированную во внешней оболочке из глиняного бортика, прикрепленного к крупному фрагменту стенки столовой керамики [Молодин, 1977, с. 149, табл. LXII.-1, 4; Молодин и др. 2012, рис. 9, 10]. Как правило, используются крупные тигли емкостью 85–100 см³. Следует отметить, что сложносоставные тигли такого типа встречаются и в материалах синхронной ташковской культуры Притоболья (Андреевское озеро-13, Ташково-II) [Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000, с. 78]. Всё вышеописанное литейное оборудование позволило мастерам позднекротовской (черноозерской) культуры изготавливать изделия сложной формы, с глухими тонкостенными втулками, такие как кельты и копья сейминско-турбинского типа.

Таким образом, стандартизация литейной продукции, объемы плавок, сложность и явная унификация изготовления выявленного литейного оборудования (тиглей и форм), находки стандартных слитков указывают на высокий уровень специализации бронзолитейного производства. Исходя из данных комплексного анализа следов на литейных формах и на готовой продукции, можно констатировать сохранение всех основных бронзолитейных традиций классической кротовской культуры.

Подъем позднекротовской металлообработки в первую очередь обусловлен увеличением объема металла, поступающего в это время на территорию лесостепной зоны Западной Сибири. Сравнительный статистический анализ материалов из некрополей культур эпохи бронзы (Сопка-2/5, Тартас-1, Абрамово-11, Ордынское-1 и т.д.) позволил установить, что количество металла в погребальном инвентаре в это время, по сравнению с предшествующим периодом, увеличилось более чем в три раза [Дураков, 2014, с. 559]. По всей видимости, эта ситуация отражает общее увеличение потребления металла населением и связано как с ростом его добычи в сопредельных горно-металлургических районах, так и с развитием транспортных путей и средств доставки.

Сложившиеся к этому времени торгово-обменные отношения характеризует и находка в позднекротовском (черноозерском) комплексе могильника Тартас-1 стандартного слитка типа «*plano-convex ingot*».

Развитие металлообрабатывающего производства, по всей видимости, привело к выделению особой социальной прослойки населения, занимающегося производственной и торгово-обменной деятельностью. Обособление по профессиональному признаку и особое социальное положение литейщиков в позднекротовском обществе документируется захоронениями с бронзолитейным инвентарем на некрополях Сопка-2/5 и Тартас-1.

Библиографический список

Авилова Л.И., Терехова Н.Н. Стандартные слитки металла на Ближнем Востоке в эпоху энеолита – бронзового века // Археология и естественнонаучные методы. КСИА. №220. М., 2006. С. 14–33.

Бочкарев В.С. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Проблемы археологии. Л., 1978. С. 48–53.

Дураков И.А. Процессы специализации цветной металлообработки в эпоху бронзы лесостепи Западной Сибири // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань, 2014. Т. I, ч. II. С. 558–560.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро-ХIII. Екатеринбург, 2000. 160 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 173 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлургия Сибири. Барнаул, 1983. С. 96–109.

Молодин В.И. Отчет об археологических исследованиях в Венгеровском и Чановском районах Новосибирской области. Д. 2327. Т. 1. 2006. Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 281.

Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, антропология и этнография Евразии. 2014. №1 (57). С. 49–54.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьёв А.И., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А. Этнокультурные процессы у населения Центральной Барабы в эпоху развитой бронзы (по материалам исследования могильника Тартас-1 в 2009 г.) // Проблемы археологии этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2009. Т. XV. С. 337–342.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 5. С. 104–119.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. «Клад литейщика» позднекротовской (черноозерской) культуры памятника Тартас-1 в лесостепной Барабе // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. №3 (44). С. 79–86.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на р. Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск, 2016. Т. 4. 451 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989. 320 с.

Misra P.K. The Gadulia Lohars. Nomadism and Economic Activities // Pestoralists and Nomads in South Asia. Wiesbaden, 1975. P. 235–246.

Tylecote R.F. The Early History of Metallurgy in Europe. L., 1987. 424 p.

© 2017, Н.С. Ефремова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ В КУЛЬТОВЫХ ПРАКТИКАХ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
(проект №14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования
в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

Реконструировать по остаткам материальной культуры идеологические воззрения древнего общества – задача непростая. Воссоздать древние культы, проследить отправления ритуалов и выявить следы обрядовой деятельности в полном объеме посредством археологических исследований, как правило, не представляется возможным. Фактологического материала недостаточно, учитывая относительную редкость обнаружения на территории Сибири археологических объектов, которые можно уверенно отнести к категории культовых. Ситуация обусловлена особенностями идеологических представлений древних обществ региона, одной из них является отсутствие культовых мест, связанных с архитектурными объектами [Мартынова, Мартынов, 1987, с. 190]. Но сакрализация затрагивала все сферы жизни человека, будь то хозяйственная деятельность, погребение умерших или забота о будущем. Следы об-

рядовых действий находят свое отражение в материальной культуре социума и могут быть реконструированы с большей или меньшей степенью достоверности с использованием ретроспективного метода и данных этнографии.

В эпоху раннего металла отмеченные ритуальные практики древнего населения региона, имея сходные базовые моменты, тем не менее отличались разнообразием. По продолжительности существования выделяется два основных типа культовых мест, локализованных на рассматриваемой территории и в ее окружении, – функционировавшие на протяжении нескольких веков либо действовавшие в рамках одной культуры [Мартынова, Мартынов, 1987, с. 190]. Первый тип характеризуется многослойностью и существованием определенной преемственности, обусловившей здесь ритуальную деятельность на протяжении столетий и даже тысячелетий [Молодин, Ефремова, 2010]. Как правило, подобные культовые комплексы приурочены к специфическим ландшафтам, обращавшим на себя внимание в любую историческую эпоху. Мифологическая составляющая идеологии общества населяла подобные неординарные природные объекты божествами-духами чтимого пантеона, а сохранившиеся следы функционирования культового места в древности могли подсказать пришлому коллективу характер и специфику бытовавших здесь ритуалов. Объекты второго типа фиксировались как автономно, так и на площади погребальных либо поселенческих памятников. Обнаруженные артефакты позволяют отнести такие объекты к конкретной археологической культуре, а специфика локализации и сооружения дают возможность говорить об относительно кратковременном либо единовременном их использовании [Труфанов, 1983; Молодин, Ефремова, 2015]. Иногда подобные культовые места могли быть локализованы на территории другого памятника, но не иметь явно выраженной функциональной связи с ним, а порой отстоять от этого памятника и хронологически [Росляков, 2015].

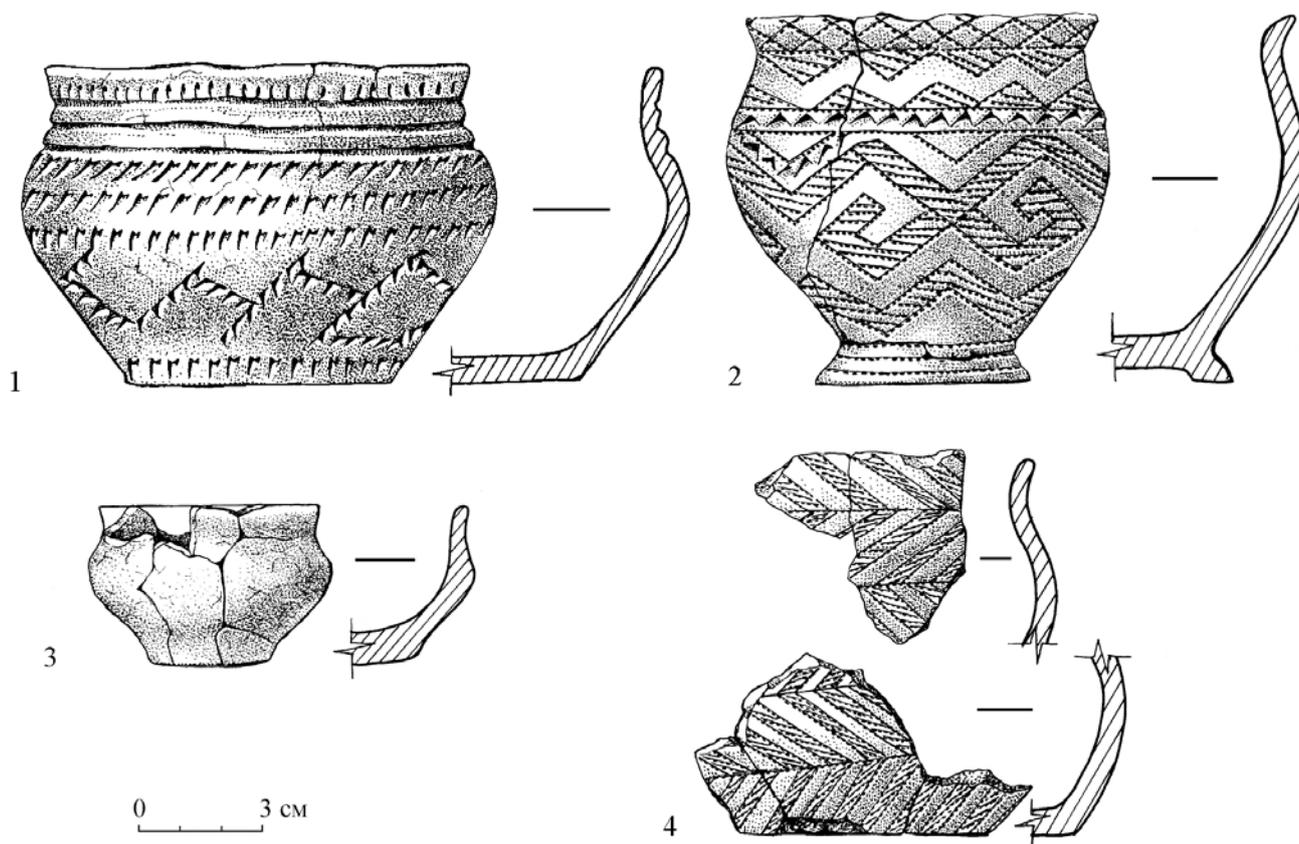
Сравнивая известные на настоящий момент культовые памятники и обнаруженные на них коллекции артефактов, можно предположить, что данные объекты были дифференцированы согласно их функциональной направленности. Каждое из направлений обрядовых практик могло иметь предназначенные только для определенного вида ритуальных действий культовые комплексы – связанные с погребальным обрядом; производственные, «обслуживавшие» промыслы, земледелие, металлообработку и, возможно, другие отрасли хозяйства, а также условно названные поселенческими или общинными, поскольку отправляемые на них культы служили благоденствию социума в целом [Ефремова, 2016].

Традиционные и инновационные черты на материалах культовых мест проследить сложно в силу уже упоминавшейся скудности источниковой базы, но ряд определенных выводов представляется вероятным. Традиции в иррациональных взглядах древних обществ во многом были обусловлены природно-ландшафтной средой и способами ведения хозяйства. Как правило, повсеместно автохтонно возникло почитание неординарных природных объектов – гор, камней, водоемов, островов и т.п. Культовые практики обязательно включали в себя обеспечение «сверхъестественной поддержкой» основных отраслей хозяйственного уклада, воспроизводства и жизнедеятельности коллектива. При этом местные условия могли приводить к постепенному синкретизму отправляемых ритуалов, которые, в свою очередь, становились полифункциональными, либо, наоборот, с появлением новых способов ведения хозяйства могли возникать и «узко специализированные» культовые комплексы. Так, например, отправление погребально-поминального обряда, вероятно, имевшего место у носителей ирменской культуры, могло трансформироваться в культ умерших или культ предков, о чем свидетельствует обнаружение в жилище поселенческого комплекса Красный Яр-I компактно расположенных костей человека, по-видимому, помещенных в мешок [Матвеев, 1993]. К традиционным чертам можно отнести и специфический набор артефактов, имеющих место на большинстве культовых объектов, вне зависимости от их функциональной направленности. Поскольку отправление ритуалов ставило целью обретение поддержки «высших сил», обязательной составляющей культового действия являлось жертвоприношение (в различных вариантах), что подтверждается наличием на святилищах остатков керамической посуды, чаще всего, разбитой и представленной фрагментарно, а также костей животных, птиц, рыб, по-видимому, являющихся остатками жертвенной пищи – принесенной в жертву либо составлявшей ритуальную трапезу. Довольно часто в материалах ритуальных объектов присутствуют и предметы вооружения – наконечники стрел, копий, ножи и пр. При этом известны случаи преднамеренной порчи подобных изделий, а также оставление на культовом месте заготовок наконечников стрел и даже изготовление последних непосредственно на святилище, возможно, в процессе ритуального действия. Так, в частности, на исследованном в 2017 г. ритуальном комплексе восточного варианта пахомовской культуры, локализованном

на площади могильника Тартас-1 (раскопки академика В.И. Молодина), имела место объемная яма, содержащая череп копытного животного, предположительно лося, со стесанными рогами, множество расколотых костей животных, челюсти и кости крупных рыб, большое количество фрагментов керамики и несколько индивидуальных находок, в том числе заготовку для костяного наконечника типа томара. Несмотря на то, что данные комплексы связываются с погребально-поминальными и бронзолитейными обрядами, представленный набор артефактов, в целом, аналогичен материалам святилища Куйлю, исследованного на территории Горного Алтая и связанного с производственными культами, где основные категории материала включают большое количество фрагментов керамики, остеологического материала – костей животных, рогового сырья; и в числе прочих артефактов – наконечников стрел и заготовок для них [Молодин, Ефремова, 2010]. Традиционным, как правило, было и использование в ритуале огня, следствием чего является обнаружение на культовых памятниках небольших прокаленных участков или длительно функционировавших очагов. На упоминавшемся выше ритуальном комплексе пахомовской культуры традиция использования огня представлена в специфическом варианте: на небольшой площади на настоящий момент локализовано пять расположенных по дуге округлых ям с прокаленными стенками, по-видимому, использовавшихся в качестве печей. Подобные, достаточно уникальные, сооружения на площади культового памятника могут свидетельствовать о трансформации и вариативности обрядовой практики, возмавшей в себя новые составляющие ритуального действия, которые, в свою очередь, потребовали для реализации последнего и специфических средств.

Еще одной категорией находок, наиболее полно вобравшей в себя традиционные элементы духовной культуры древнего социума, является мелкая пластика – антропо-, орнито- и зооморфные изображения, имевшие широкое бытование на территории Западной Сибири в рассматриваемый период. Устойчивые образы, как изготовленные специально, так и декорировавшие различные предметы, по-видимому, входили в состав ритуально-мифологического пантеона, являлись значимыми и узнаваемыми и, возможно, выполнялись по определенным изобразительным канонам, носившим установленную семантическую нагрузку, а сами предметы имели ритуальные функции, применялись в обрядовой практике. Визуализация мифологических образов зафиксирована в материалах археологических культур региона с эпохи ранней бронзы, однако в соотношении с другими категориями находок, перечисленных выше, доля изображений различной морфологии ощутимо мала. Не рассматривая подробно иконографический ряд и роль культового литья в ритуалах (данная тема широко освещена в научной литературе), а также отношение древних обществ собственно к металлу, можно подчеркнуть только практически повсеместное присутствие подобных изделий в материалах различных памятников – и поселений, и могильников, и ритуальных объектов разных археологических культур: одиновской, кротовской, андроновской, саргатской, кулайской и т.д. (см., например: [Молодин, Колонцов, 1984; Росляков, 1915; Ефремова, 2017 и др.]).

Привнесенными могли быть неординарные, известные в местных вариациях, черты обрядов, наблюдаемые на значительной территории, такие, например, как переворачивание сосудов или вынесение посуды за пределы могильной ямы при отправлении погребально-поминальных ритуалов андроновской (федоровской) культуры, подобный феномен также имел место на могильнике Тартас-1 [Ефремова, Молодин, 2016]. Керамика вне захоронений фиксировалась в материалах ирменской культуры [Молодин, 1985, с. 133] и ряде других, в том числе и на значительном удалении от рассматриваемой территории – в курганах срубной культуры [Отрошенко, 1990, с. 7]. Что же касается переворачивания посуды, то отголоски (либо прообраз) этого обряда отмечены еще в Древней Индии, где ключевым моментом ритуала исключения человека из общества являлось опрокидывание дефектного сосуда [Балакин, 1998]. В погребальном обряде, являющемся в рамках археологической культуры достаточно устойчивым, вариативность могла проявляться в незначительных деталях, например, в орнаментации керамики. Так, в погребении и относящейся к нему яме пахомовской культуры могильника Тартас-1 в декоре и форме сосудов удалось зафиксировать синкретизм как андронидных черт, так и признаков, характерных для эпохи поздней бронзы (рис.) [Молодин, Ефремова и др., 2014, с. 220–221]. Подобный феномен мог являться следствием этнокультурных процессов, проявлявшихся в привнесении новых составляющих в традиционный ритуал при контактах, возможно, ассимиляции автохтонного и пришлого населения рассматриваемого региона. В обряде жертвоприношения вариацией можно считать зафиксированные на отдельных памятниках (Тартас-1, Сопка-2) случаи использования в качестве жертвы человека [Молодин, Ефремова, 2015].

Могильник Тартас-I. Керамические сосуды:
1-3 – погребение № 588; 4 – яма № 751

Таким образом, традиционные составляющие культовых практик древних социумов – жертвоприношение, специфический набор артефактов, особая роль огня, неординарное отношение к металлу и пр. – в различных сочетаниях фиксировались исследователями не только на сакральных объектах, но и на поселениях и некрополях, так или иначе сохранивших следы отправления обрядовых действий. Новые, привнесенные черты в отпавлении культовых действий отражали динамику развития социума. Традиционные культовые практики позволяли сохранять самобытность общества, новшества же адаптировали жизнь коллектива к современности.

Библиографический список

- Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск, 1998. 288 с.
- Ефремова Н.С. Культовые комплексы Северной Азии: производственные, поселенческие, погребальные // Уральский исторический вестник. 2016. №4 (53). С. 25–32.
- Ефремова Н.С. Мелкая пластика в захоронениях: роль образов иного мира в погребально-поминальной обрядности культур Западной Сибири в эпоху раннего металла // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. н.э. Динамика освоения культурного пространства. СПб., 2017 (в печ.).
- Ефремова Н.С., Молодин В.И. Один из сюжетов обрядовых действий в погребальной практике андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII. С. 278–282.
- Мартынова Г.С., Мартынов А.И. К вопросу о культурных центрах и святилищах в археологии Сибири // Религиозные представления в первобытном обществе. М., 1987. С. 190–191.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 182 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.
- Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле. Горный Алтай. Новосибирск, 2010. 264 с. + 2 вкл.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Ритуальный комплекс ирменской культуры: семантические реконструкции (по материалам могильника Сопка-2) // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. Новосибирск, 2015. С. 71–77.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Ковыршина Ю.Н. Погребение пахомовской культуры на могильнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2014. Т. XX. С. 219–222.

Молодин В.И., Колонцов С.В. Туруновка-4 – памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1984. С. 69–86.

Отрощенко В.В. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990. С. 5–17.

Росляков С.Г. Новые открытия в урочище Березовый Мыс // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. Новосибирск, 2015. С. 168–174.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор-1 (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Новосибирск, 1983. С. 63–76.

© 2017, А.А. Журавлев^{1,2}, А.С. Пилипенко^{1,2,3}, В.И. Молодин^{2,3},
Д.В. Папин^{2,4}, Д.В. Поздняков², Р.О. Трапезов^{1,2}

¹Федеральный исследовательский центр Институт цитологии и генетики СО РАН,

²Институт археологии и этнографии СО РАН,

³Новосибирский государственный университет, Новосибирск;

⁴Алтайский государственный университет, Барнаул

ГЕНОФОНД мтДНК И Y-ХРОМОСОМЫ АНДРОНОВСКОГО (ФЕДОРОВСКОГО) И ПОСТАНДРОНОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Распространение носителей культур андроновской общности, охватившее в эпоху развитой бронзы значительную часть степного и лесостепного пояса Евразии от Урала на Западе до Енисея на востоке, являлось одним из наиболее масштабных этнокультурных событий эпохи бронзы в Центральной Евразии. Появление носителей андроновской (федоровской) культуры на территории Южной Сибири во многом определило характер этнокультурных процессов в регионе как непосредственно в 1-й половине II тысячелетия до н.э., так и в последующие периоды эпохи бронзы.

Изучение андроновских материалов из южных районов Сибири методами археологии и физической антропологии имеет длительную историю. Появившаяся в последние годы возможность проведения широкомасштабных палеогенетических исследований древних популяций открывает принципиально новые возможности для реконструкции популяционно-генетических аспектов миграции в регион носителей андроновской культуры. Следует подчеркнуть, что в фокусе нашего внимания находится не поиск генетических истоков андроновского населения за пределами Сибири, а объективная реконструкция сложных процессов взаимодействия мигрантов-андроновцев (федоровцев) и групп аборигенного населения различных районов Южной Сибири в андроновское время на популяционно-генетическом уровне. Корректная интерпретация палеогенетических результатов в контексте накопленных данных археологии и физической антропологии позволит выполнить комплексную реконструкцию этнокультурных контактов в Южной Сибири в период андроновской (федоровской) миграции.

Исследуемые нами районы юга Сибири расположены на северо-восточной периферии андроновского мира. Особенности материальной культуры и генетического состава автохтонного населения региона контрастны по отношению к андроновским, что делает его удобной моделью для реконструкции стратегий и механизмов этнокультурного взаимодействия на уровне материальной культуры и структуры генофонда.

В рамках данной работы мы выполняем масштабное исследование локально-территориальных групп населения юга Сибири доандроновского, андроновского (федоровского) и постандроновского времени. Исследование включает анализ разнообразия вариантов митохондриальной ДНК (мтДНК) и Y-хромосомы, которые отражают, соответственно, особенности генетической истории женской и мужской частей населения. На данный момент основными регионами, включенными в исследование, являются Барабинская лесостепь, Минусинская котловина и Барнаульское Приобье.

Базовым регионом для данного исследования является Барабинская лесостепь. Наличие представительной базы археологических материалов и репрезентативных палеоантропологических коллекций от населения всех этапов эпохи бронзы позволило нам ранее выполнить анализ диахронного материала и проследить динамику структуры генофонда мтДНК на протяжении нескольких тысячелетий – от эпохи раннего металла до переходного времени от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. Результаты этого исследования были частично введены в научный оборот в серии публикаций [Молодин и др., 2013; Molodin et al., 2012]. На этом этапе исследования нами были зафиксированы изменения в структуре генофонда мтДНК, связанные с миграционной волной носителей андроновской (федоровской) культуры на юг Западной Сибири. Одним из наиболее заметных изменений стало появление в генофонде населения Барабы новых гаплогрупп мтДНК западно-евразийского происхождения, в первую очередь, вариантов гаплогруппы Т. Эти варианты могут быть непосредственно связаны с появлением в регионе мигрантов. Следует отметить, что гаплогруппа Т к началу II тысячелетия до н.э. уже была чрезвычайно широко распространена в генофондах популяций западной части Евразии. Ее нельзя считать специфичной для носителей культур андроновской историко-культурной общности в масштабах Евразии. Однако ее проникновение в генофонд населения западно-сибирской лесостепной зоны (в частности, в Барабу) происходит одновременно с андроновской (федоровской) миграционной волной, что позволяет считать ее генетическим маркером этой миграционной волны в локальном масштабе.

Другой важной особенностью генофонда населения Барабы андроновского времени является сохранение в составе генофонда большинства компонентов, которые были свойственны доандроновскому населению региона (включая усть-тартасскую, одиновскую и кротовскую популяции). Тот факт, что генофонд мтДНК населения Барабы в период миграции андроновцев сохраняет основные черты своей структуры, приобретая ряд новых компонентов, свидетельствует об интенсивных генетических контактах мигрантов и аборигенных групп на данной территории, в частности, как минимум, о включении женщин из аборигенных групп в состав населения андроновского времени (так как данные касаются мтДНК, т.е. материнского генофонда).

Другой особенностью генофонда населения Барабы в андроновское время является значительное увеличение разнообразия структурных вариантов тех гаплогрупп мтДНК, которые уже присутствовали ранее в Барабе и являются характерными для доандроновского населения юга Сибири, в частности, увеличение разнообразия вариантов восточно-евразийских гаплогрупп А и С. Эти изменения, очевидно, были вызваны притоком на территорию Барабы с сопредельных регионов юга Сибири популяций под давлением мигрировавших в регион носителей андроновской (федоровской) культуры. Эти группы, генетически менее контрастные по отношению к доандроновским популяциям Барабы, все же характеризуются специфичностью состава вариантов мтДНК, что нашло отражение в увеличении разнообразия вариантов «сибирского» компонента генофонда барабинских мтДНК популяций.

Таким образом, миграция носителей андроновской (федоровской) культуры на территорию Барабинской лесостепи сопровождалась интенсивными генетическими контактами с аборигенными популяциями (как минимум, по материнской линии), а также процессами смещения генетических компонентов, характерных для доандроновских групп Барабы и сопредельных ей районов Южной Сибири. Наблюдаемое проникновение в Барабу потенциально андроновских вариантов мтДНК приводит к увеличению разнообразия генофонда, при сохранении многих доандроновских черт его структуры.

Дальнейшие перспективы реконструкции деталей этнокультурного взаимодействия мигрантов и аборигенных групп в Барабе, главным образом, связаны с изучением материалов могильника Тартас-1, раскопки которого с 2003 г. по настоящее время ведутся под руководством В.И. Молодина. К настоящему моменту на могильнике исследовано более 700 погребений, часть которых относится к андроновскому времени. Значительная часть могильника отражает процессы взаимодействия пришлого андроновского и аборигенного позднекротовского населения [Молодин, 2011], периодизацию миграций с запада, а также территории, откуда могла следовать миграционная волна. Анализ особенностей погребальной практики и элементов материальной культуры позволяет выделить среди материалов

могильника Тартас-1 как погребальные комплексы, соответствующие мигрантам и аборигенам (в неизменном или малоизмененном виде), так и значительное количество синкретичных комплексов, сочетающих элементы материальной культуры и погребальной практики, исходно свойственные взаимодействующим группам. Для реконструкции популяционно-генетических аспектов взаимодействия андроновского и кротовского (позднекротовского) населения в Барабе мы приступили к анализу больших серий образцов мтДНК из могильника Тартас-1, включая образцы из всех типов погребальных комплексов, выделенных по археологическим материалам (позднекротовские, андроновские (федоровские) и различные варианты синкретичных комплексов). Это позволит нам реконструировать процессы взаимодействия популяций в динамике и оценивать их корреляцию с изменениями в материальной культуре и погребальной практике. В настоящее время в исследование включено более 100 индивидов из могильника Тартас-1 и запланировано дальнейшее увеличение серии.

Другими актуальными направлениями развития данного исследования является анализ генофонда мтДНК населения андроновского времени из других районов юга Сибири – Минусинской котловины (диахронная выборка окуневской, андроновской и карасукской культур, материалы из раскопок М.П. Грязнова, хранящиеся в антропологической коллекции ИАЭТ СО РАН (Новосибирск), а также ранее опубликованные генетические данные [Keyser et al., 2009]), Верхнего Приобья (могильник Фирсово-XIV, антропологическая коллекция АлтГУ (Барнаул); данные частично опубликованы [Кирюшин и др., 2015]). Для Минусинской котловины мы выполняем анализ диахронных материалов, включая доандроновское (окуневское), андроновское и постандроновское (карасукская культура) население.

Важнейшим направлением является анализ генофонда Y-хромосомы населения андроновского времени (или диахронных выборок) для всех перечисленных регионов юга Сибири, который позволяет учесть генетическую историю мужской части исследуемых популяций.

Сравнительный анализ структуры генофонда мтДНК носителей андроновской культуры Барабы, Минусинской котловины и Верхнего Приобья свидетельствует, что интенсивное вовлечение аборигенного женского населения в генетические контакты с мигрантами в последних двух регионах было существенно менее выраженным. То есть андроновские группы Верхнего Приобья и Минусинской котловины представляют собой мигрантов в неизменном или малоизмененном составе. В генофонде мтДНК этих групп резко доминируют западно-евразийские гаплогруппы, при существенном вкладе гаплогруппы T (около 20% исследованных серий).

Полученные нами данные по разнообразию Y-хромосомы андроновцев Минусинской котловины согласуются с опубликованными ранее результатами анализа небольшой андроновской серии [Keyser et al., 2009]. В генофонде андроновского населения Минусинской котловины доминируют варианты гаплогруппы R1a1. Исследованные к настоящему времени варианты Y-хромосомы андроновцев (федоровцев) этого региона характеризуются высоким сходством STR-гаплотипов. Это позволяет рассматривать варианты R1a1 гаплогруппы с близкой структурой STR-гаплотипов в качестве информативного маркера генетического влияния андроновского населения. Анализ диахронных материалов свидетельствует, что мужской генетический компонент, привнесенный в Минусинскую котловину андроновцами, сохраняет высокую долю в генофонде населения региона и в последующие периоды – у карасукского населения периода поздней бронзы и даже у тагарского населения эпохи раннего железного века. Таким образом, данные по Y-хромосоме подтверждают предположение о низкой интенсивности генетических контактов мигрантов-андроновцев с предшествующими группами населения Минусинской котловины.

Первые данные по разнообразию вариантов Y-хромосомы в образцах из могильника Тартас-1 свидетельствуют, что специфичные для андроновцев (федоровцев) варианты R1a1 гаплогруппы присутствуют и у населения Барабы андроновского времени. Однако здесь они, по-видимому, составляют не более 1/3 всех вариантов. Другие варианты включают линии гаплогруппы N1c, которая ассоциируется с протоуральскими (протоугорскими) генетическими компонентами, а также ряд гаплогрупп восточно-евразийского кластера Y-хромосомы. Таким образом, первые данные свидетельствуют, что на территории Барабы происходило интенсивное генетическое взаимодействие между мигрантами и аборигенными группами как по материнской, так и по отцовской линии. Это взаимодействие, по-видимому, и является основным механизмом формирования генетического состава популяций региона, являвшихся носителями культур эпохи поздней бронзы. В частности, это подтверждается результатами анализа генофонда мтДНК носителей восточного варианта пахомовской культуры [Молодин др., 2012].

Таким образом, исследование локально-территориальных популяций юга Сибири периода андроновской (федоровской) миграции позволяет выявить стратегии популяционно-генетического взаимо-

действия мигрантов и аборигенных групп, существенно отличающиеся по интенсивности их генетического взаимодействия и, соответственно, по степени их участия в формировании генетического состава населения последующих периодов эпохи бронзы.

Библиографический список

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Тур С.С., Пилипенко А.С., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В. Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV. Барнаул, 2015. 209 с.

Молодин В.И. Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Сер.: Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово, 2011. Вып. VII. С. 58–69.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Журавлев А.А., Трапезов Р.О., Ромащенко А.Г. Генофонд мтДНК населения восточного варианта пахомовской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №4 (52). С. 62–69.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи V–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск, 2013. 220 с.

Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nikolaev V.G., Montagnon D., Reis T., Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people. *Human Genetics*. 2009. V. 126. P. 395–410.

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data / *Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics*. Berlin, 2012. P. 95–113.

© 2017, О.Н. Загородняя

Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОРУДИЙ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА БЕРЕЖНОВСКО-МАЕВСКОЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Горное дело и металлургия в эпоху палеометалла определяли генеральную линию технического прогресса, направления культурно-экономических связей и уровень социального развития древних обществ. В технологическом плане металлопроизводство предполагает ряд последовательных этапов: добычу руды, ее обогащение, металлургию и металлообработку. Археологические источники свидетельствуют, что в тех или иных сообществах могли быть сосредоточены как все технологические процессы, так и лишь отдельные из них. В частности, долгое время считалось, что металлообработка Причерноморья существовала исключительно за счет привозного сырья. Впрочем, В.П. Шилов и Е.Н. Черных предполагали добычу донецкой меди, и, в конце концов, рудники позднебронзового века на Донцеком кряже были найдены [Татаринев, 1975].

С тех пор появилась проблема функциональной типологии металлопроизводственных орудий и приспособлений из горных пород, кости и керамики, которые сейчас относят к бережновско-маевской срубной культуре. Исследование проблемы на основе больших коллекций материалов и современных методов функционального анализа до недавнего времени не проводилось. Оно активизировалось на фоне изучения Картамышского археологического микрорайона с его подземными и открытыми рудниками, участками сортировки и обогащения руды, поселениями [Бровендер, 2012]. В 2001–2010 гг. совместной украинско-российской экспедицией Института археологии НАН Украины, Донбасского государственного технического университета и Воронежского государственного университета на территории Картамышского рудопроявления осуществлялись стационарные полевые работы. Общая исследованная площадь – 1290 м².

История изучения металлопроизводства срубной общности на территории Украины продолжается полтора столетия [Загородняя, 2013]. Объектами являлись, прежде всего, металлические изделия,

некоторые категории орудий, а также древние рудники, которые представляют собой разновидность следов – видоизменений структуры геологических напластований и ландшафта. Научное осмысление этих объектов определялось как характером их накопления, так и методическим арсеналом археологии и ее познавательными задачами. Долгое время наука была сосредоточена на металлических изделиях, а также на наиболее показательных приспособлениях – литейных формах. Невыразительные орудия обычно обращали внимание благодаря археологическому контексту, который указывал на возможность их отношения к металлопроизводству. Ситуация изменилась с появлением методики, которая выявляет и поясняет характер и природу деформаций изготовления и изнашивания.

Коллекция артефактов из раскопок памятников Картамышского археологического микрорайона (техногенного участка рудника Червонэ озеро-1, поселений Червонэ озеро-1 и 3) составляет 1091 единицу. Все они изучены на основе технико-морфологического, трасологического, экспериментального анализа с использованием контекстуальных данных [Загородняя, 2014]. Из них 926 – целые или фрагменты орудий и изделий (для 811 установлена функциональная принадлежность, для 115 – признаки обработки или износа) (орудий, приспособлений, принадлежностей, утвари, фурнитуры, оружия и других изделий). 165 – обломки со следами обработки и/или утилизации, многие из которых являются технологическими отходами. Основным сырьем для их изготовления являлись камень (597 экз.) и кость (484 экз.). Единичные экземпляры – изделия из глины (10 экз.). Привлечены сопоставительные материалы, известные по публикациям и научным отчетам (109 единиц из других памятников в районе донецких рудопроявлений – Пилипчатино-1, 2, Клиновое-1, 2, Выскровка, Медная Руда).

На основании данных функционального анализа была разработана классификация орудий труда, состоящая из нескольких звеньев, формирующих вертикальную иерархию. Изучение следов, связанных с добычей, обогащением руды и металлообработкой, на рабочих поверхностях орудий, а также их идентификация со следами на поверхностях экспериментальных орудий, задействованными в процессе сухого обогащения, гравитации, металлообработки [Загородняя, Буденко, 2011; Загородняя, 2014], позволили выделить функциональные типы, объединяющие конкретные категории. Наблюдение следов обработки и изнашивания осуществлено с помощью МБС-10; металлографического микроскопа «Olympus» с модулем дифференциально-интерференционного контраста и увеличением до $\times 500$. В итоге получена база эталонов макро- и микрофотографий следов на артефактах и экспериментальных орудиях с известными функциями.

Среди металлопроизводственных орудий и приспособлений выделены функциональные группы: горнодобывающая (мотыги, кайла, молоты), горно-обогатительная (песты-терочники, рудодробильные/рудотерочные плиты, орудия из кости, используемые в процессе гравитации, совки), металлургическая (совок, камни-опоры), металлообрабатывающая (литейные формы, молотки, наковальни, абразивы, скребок).

Трапециевидные и подпрямоугольные *мотыги* из кварцитовидного песчаника (23 экз.) (рис.-1, 2), имеющие в профиле клиновидные окончания, использовали при вскрышных работах на рудниках. Кругло-уплощенные или подпрямоугольные с удлинненными пропорциями *кайла* (17 экз.) (рис.-3, 4) применяли в горных работах для проходки плотного каменистого грунта. Массивными трапециевидными или подпрямоугольными *молотами* (48 экз.) (рис.-5, 6) пользовались как в процессе горной проходки, так и для дробления кусков руды при добыче и первичном расщеплении.

Песты-терочники (163 экз.) (рис.-9–11) – активные орудия из мелкозернистого песчаника различной формы, имеют ограненные рабочие поверхности. Все они ручного действия, за исключением одного привязного песта. *Рудодробильные/рудотерочные плиты* (42 экз.) (рис.-7, 8) – массивные орудия из песчаника неустойчивой формы, с одной или двумя противоположными, характерно углубленными, рабочими поверхностями.

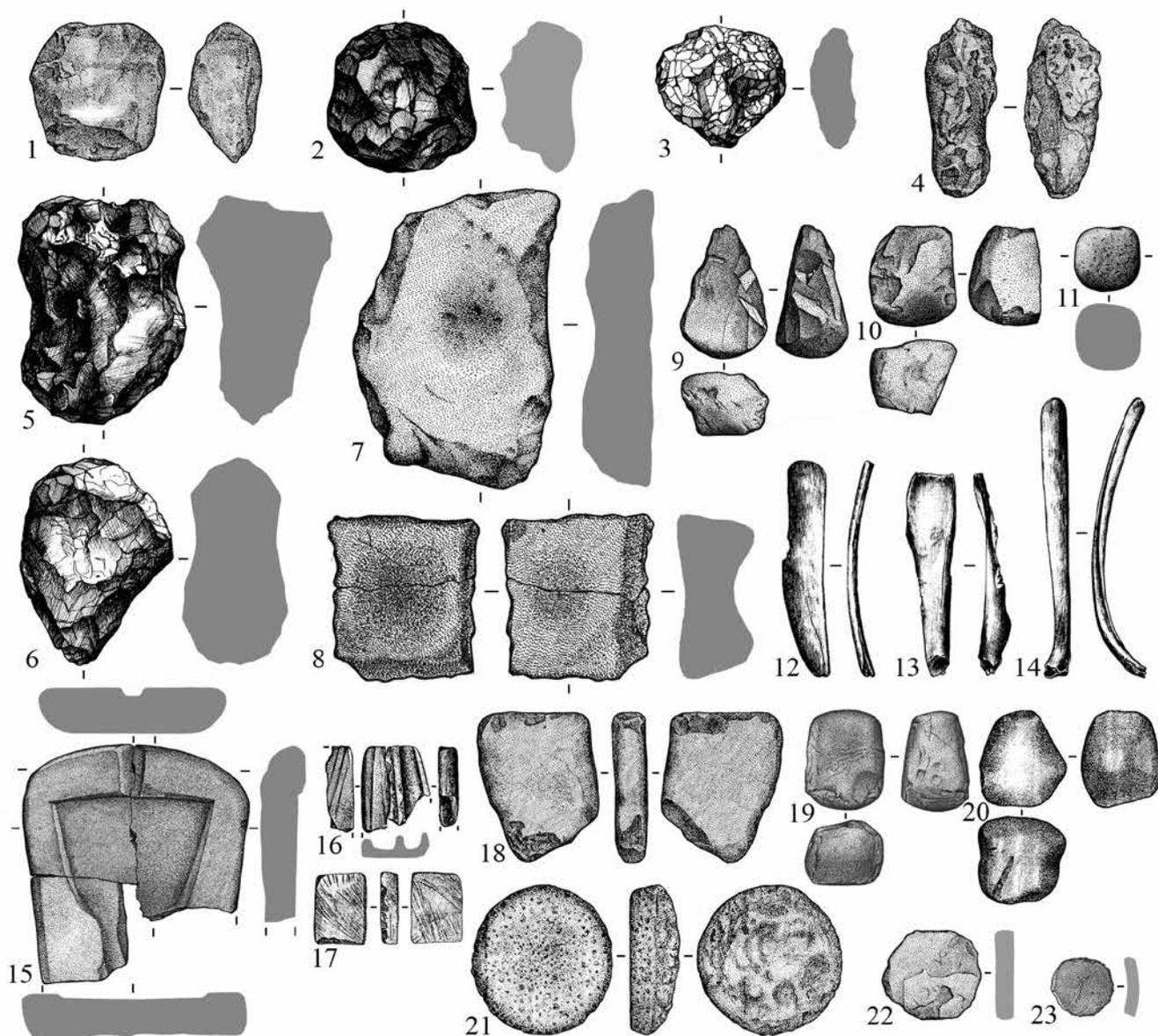
Совок (1 экз.) – плитка глинистого сланца изогнутого профиля, использовалась для сгребания отходов, возможно, в металлургии. *Камни-опоры* для очагов (3 экз.) – массивные подпрямоугольные предметы. На одной из торцевых граней каждого изделия имеется выполненный пикетажем желобок.

Литейные формы и их заготовки (20 экз.) изготовлены из медистого песчаника (11 экз.), талька (5 экз.) и глины (4 экз.). Все они фрагментированы. На поверхности одной песчаниковой формы сохранился негатив втульчатого орудия (рис.-15). В одной из тальковых матриц отливали конусообразные стержни (рис.-16). На обратной стороне уцелели три негатива для отливки игл. Два керамических изделия из четырех были крышками литейных форм. *Молотки* (7 экз.) (рис.-19, 20) изготовлены из пироксенита, метадолерита, гальки неопределенного происхождения, кварцитовидного песчаника. Они

имеют одну или две рабочие поверхности на торцах. Четыре из них использовались в рукояти. *Наковальни* (5 экз.) (рис.-18) – плитки подпрямоугольной и трапециевидной формы из песчаника. *Абразивы* (22 экз.) – плитки песчаника различной формы для заточки и подправки металлических изделий. *Скребок* (обломок стенки сосуда) могли применять как для заточки изделий из металла, так и в обработке поверхностей литейных форм.

Изделия неопределенного назначения – каменные и керамические диски (77 экз.) (рис.-21–23), признаки утилизации на поверхностях которых отсутствуют, а также предметы из мелкозернистого песчаника – предполагаемые абразивы (45 экз.) и плиты-наковальни (2 экз.). Не исключено, что часть последних орудий имеет отношение к обработке кости, камня или дроблению шлака.

Большинство каменных орудий сделано из местных пород – медистого и кварцитовидного песчаника. Известны также привозные хлорит-тальковые породы, плагиогранит, диафорит. Заготовки подвергались минимальной обработке: выбиралось подходящее по параметрам сырье, а главные роли принадлежали оббивке, пикетажу и пришлифовке. Обнаружены различные группы следов утилизации. Орудиям добычи свойственен глубокий макрорельеф от ударов по твердому материалу. Орудия обогащения имеют выбоинки и сглаженные участки с направленными бороздками. Металлообработка вызывает точечные микроуглубления, пришлифовку, интенсивный металлический блеск, кое-где – вкрапления окислов.

Орудия, приспособления и изделия из памятников Картамышского археологического микрорайона:
1–11, 15–22 – камень; 12–14 – кость; 23 – керамика

В коллекции костяных орудий был выделен новый функциональный тип – *орудия для перемешивания руды* в процессе гравитационного обогащения [Загородняя, 2014]. К нему отнесено 398 экз. (из ребер – 349, лопаток – 38, нижнечелюстной кости – 4, длинных трубчатых – 7) (рис.-12–14). Прослежены следы утилизации в виде округлости рабочей кромки, поверхностных линейных царапин на торце и прилегающих продольных краях, яркой заполировки. До настоящего времени их умозрительно относили либо к кожевенным из-за сходства ребер-заготовок, либо к «рудодобывающим копалкам» [Килейников, 2005]. *Совки для сгребания руды и орудия двойной функции* (7 экз.): четыре фрагмента выполнены из лопаток крупного и мелкого скота, лошади; три орудия – из тазовых костей лошади.

Каменные орудия для добычи, обогащения руды и металлообработки из Картамыша и других известных евразийских древних рудниках в целом похожи. Источниками сырья для них были окатанные гальки и желваки как модифицированные, так и немодифицированные. Выбор сырья для орудий из кости был обусловлен самим животноводческим (преимущественно скотоводческим) хозяйством носителей бережно-маевской срубной культуры, которое постоянно предоставляло материал для заготовок. Их незначительно обрабатывали, а ребра и лопатки часто не требовали и этого, ведь их природные формы вполне пригодны к определенным операциям. Различия можно констатировать лишь на уровне совокупности различных типов инструментов. В частности, на памятниках востока Украины отсутствуют довольно своеобразные клинья из трубчатых костей, которых немало на рудниках, освоенных носителями покровско-мосоловской срубной культуры Приуралья [Антипина 2004].

Экспериментально-трассологический метод имеет некоторые ограничения, вызванные характером сырья. На мелкозернистом песчанике вследствие выкрашивания зерен линейные следы не сохраняются или они невыразительны, не образуются сплошные зоны заполировок, как на более однородных породах [Загородняя, Степанова, 2012]. Заметные на макроуровне следы являются информативными в отношении кинематики движения (предполагаемые абразивы, плиты-наковальни).

В отношении распределения функциональных групп орудий металлопроизводства в составе памятников Картамышского археологического микрорайона можно сделать вывод, что специализированные отрасли – горное дело, металлургия и металлообработка – являлись основой производственной деятельности жителей поселений на территории донецких рудопроявлений. Отрасли, обеспечивающие быт, – кожевенное дело, обработка камня, гончарное дело, деревообработка, представлены артефактами в небольшом объеме. Характер инструментария поселений Червонэ озеро-1 и 3 отражает направленность производственной деятельности на обогащение руды, металлургию и металлообработку. В то время как деятельность на техногенном участке рудника Червонэ озеро-I ориентирована преимущественно на обогащение (92,5% из функционально определенных орудий составляют горно-обогащительные).

По материалам предложена реконструкция технологических процессов металлопроизводства. На Картамышском рудопроявлении добывали окисленные руды из поверхностных выходов и сульфидные – из-под земли. Сохранились три рудника открытого карьерного типа (Червонэ озеро-I–III) и подземные горные выработки рудника Червонэ озеро-IV. Набор орудий добычи состоял из мотыг, кайл и молотов. При вскрышных работах в рудниках карьерного типа использовали каменные мотыги с деревянными рукоятями. Для отбойных работ в самих выработках пользовались привязными кайлами и молотами. При этом монолит рудного тела могли разбивать костяными/роговыми, деревянными или бронзовыми клиньями. Обогащение сводилось к сортировке, дроблению, растиранию и промыванию. На производственном участке вблизи подземных выработок рудника Червонэ озеро-IV осуществлялись сортировка и первичное дробление руды, в рамках техногенного участка рудника Червонэ озеро-I – обогащение отсортированной руды путем дальнейшего ее измельчения пестами-терочниками на каменных плитах. Далее водное гравитационное обогащение измельченной руды осуществлялось в ручье, русло которого частично исследовано на техногенном участке. Его заполнял мощный слой отходов обогащения – перетертый медистый песчаник с участками хвостов горных пород. Для обогащения применяли деревянные или кожаные емкости, погруженные в воду. Орудиями из кости (из ребер, реже – длинных трубчатых, лопаток, нижнечелюстных) размешивали смесь в воде. Основой этой операции является разница удельного веса: тяжелые куски, вмещающие руду, оседали на дно, а легкие частицы породы и примеси медистого песчаника всплывали.

Полученный порошкообразный рудный концентрат был сырьем металлургии. Считается, что металлургический процесс в древности осуществлялся плавкой руды в металлургических печах или в плавильных чашах (тиглях). Свидетельства выплавки металла в Картамыше (шлаки, штейн, ошлакованные фрагменты сосудов, остатки печей) незначительны по сравнению со свидетельствами добычи

и обогащения. Объем изъятых горных пород только на одном карьере Червонэ озеро-1 составил около 18 тыс. т, а суммарный объем меди, который можно было выплавить из руд Картамышского рудопроявления, составляет примерно 160 т [Бровендер, Гайко, Шубин, 2010]. При этом из трех памятников Картамышского археологического микрорайона происходят только два бронзовых изделия – игла и шило, а на литейной форме из Червоного озера-3 вырезана матрица горного орудия. То есть на прилегающих к рудникам поселениях изготавливали лишь орудия горного дела и некоторые домашние принадлежности. Орудия и приспособления металлообработки (формы, молотки, наковальни, абразивы) составляют 15,3% металлопроизводственного инструментария Картамышского археологического микрорайона. Таким образом, добыча была нацелена не на собственное потребление, а на обеспечение обогащенной рудой (порошкообразным концентратом) других общин.

По имеющимся данным, на других рудниках и поселениях Донецкого края Пилипчатино-1, 2, Клиновое-1, 2, Выскривка, Медная Руда также функционировал полный процесс металлопроизводства. Здесь добывали руду, обогащали ее с помощью молотов, плит и пестов, орудий из кости, плавил металл и его обрабатывали. Впрочем, как и в Картамыше, горно-обогачительные орудия преобладают над металлообрабатывающими.

Металлургия и металлообработка на поселениях бережновско-маевской срубной культуры Александровск, Глубокое озеро-2, Желтое, Ильичевка, Лиманское озеро-1 и 2, Провалье обеспечивали внутренние потребности. Шлаки, ошлакованные фрагменты керамики и литейные формы здесь единичны, а металлообрабатывающие орудия из горных пород – это, прежде всего, специализированный реманент кузнецов (молотки, наковальни, абразивы). Орудий горного дела нет. То есть сюда поступала обогащенная руда или готовый к плавке концентрат.

Таким образом, данные функциональных определений позволили реконструировать цепочки технологических процессов (добычу руды, обогащение, металлургию, металлообработку) в Картамышском археологическом микрорайоне. Доказано существование в эпоху поздней бронзы (бережновско-маевской срубной культуре) достаточно сложной производственной системы, которая включала в себя рудники и непосредственно связанные с ними производственные места, поселения со свидетельствами всех этапов металлопроизводства и значительное количество поселений с одиночными свидетельствами металлургии и металлообработки.

Библиографический список

- Антипина Е.Е. Археозоологические материалы // Каргалы. М., 2004. Т. III. С. 182–239.
- Бровендер Ю.М. Итоги исследований комплекса горно-металлургических памятников на Картамышском медном рудопроявлении Донбасса // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: мат. III Луганської міжнар. іст.-археол. конф., присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганськ, 2012.
- Бровендер Ю.М., Гайко Г.И., Шубин Ю.П. Определение объемов горных работ и оценка добычи медных руд на древних разработках Картамышского рудопроявления в Донбассе // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2010. Вип. 10. С. 213–219.
- Загородняя О.Н., Степанова К.Н. Возможности микротрасологического анализа орудий из зернистых и кристаллических пород // Российская археология. 2012. №2. С. 67–71.
- Загородняя О.Н. История изучения металлопроизводственного инструментария срубной общности // Донецький археологічний збірник. 2013. №17. С. 79–98.
- Загородняя О.М. Знряддя металовиробництва бережнівсько-маївської зрубної культури: автореф. дис. ... канд. іст. наук: спец. 07.00.04. – археологія. Київ, 2014. 15 с.
- Загородняя О.М. Про призначення однієї з категорій кістяних знрядь Картамишу // Археологія. 2014. №1. С. 15–28.
- Загородняя О.Н., Буденко С.В. Некоторые итоги экспериментально-трасологических исследований орудий древней металлообработки // Проблеми гірничої археології: мат. VIII міжнар. Картамиського польового археологічного семінару. Алчевськ, 2011. С. 111–123.
- Килейников В.В. Новые трасологические данные об орудиях труда с памятников Картамышского рудопроявления в Подонцовье // Проблеми гірничої археології: мат.-ли II-го міжнар. Картамиського польового археологічного семінару. Алчевськ, 2005. С. 30–35.
- Татаринов С.И. К вопросу о существовании в Северном Причерноморье горно-металлургического центра во II–I тыс. до н.э. // 150 лет Одесскому государственному археологическому музею. Киев, 1975.

ОСОБЕННОСТИ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА У НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

Материалы подготовлены частично при поддержке гранта РФФИ №16-06-00260 «Древнее население на берегах системы проточных озер: динамика освоения и жизнеобеспечение (на примере Андреевской озерной системы в Туро-Пышминском междуречье)» и базового проекта №0372-2016-0001 «Социокультурная адаптация древнего населения Тоболо-Иртышского междуречья к изменениям природной среды»

Гончарство – одно из самых традиционных производств, представляющее собой особым образом организованную систему, устойчивое состояние которой обеспечивалось эмпирическим характером знаний о навыках труда и механизмом передачи их от поколения к поколению преимущественно по родственным каналам [Бобринский, 1978; 1999]. В условиях стабильного развития населения формируются традиционные для каждой культурной группы способы изготовления сосудов, и навыки труда гончаров остаются неизменными на протяжении нескольких поколений. Именно поэтому керамика предстает в качестве особого информативного источника по истории древнего населения, который позволяет выявлять преемственность культурного развития, выяснять характер и направление культурных связей.

Выявление традиций гончарного производства, существовавших у различных культурных групп, проживавших на территории Нижнего Притоболья в разные периоды II тыс. до н.э., основано на привлечении результатов исследования более 1000 сосудов*, относящихся к алакульской, коптяковской, федоровской, черкакульской, пахомовской, бархатовской и сузгунской археологическим культурам. Изученный материал представлен в основном поселенческими комплексами, расположенными в Нижнем Притоболье (Нижнеингальское-3, Ук-III, Дуванское-18, ЮАО-6, Чепкуль-5 и 20, Оськино Болото, Курья-1, Черемуховый Куст, Щетково-2, Хрипуновское-1, Ботники-1в, Мостовое-6, Чечкино-4, Чеганово-1 и 4), а также в Нижнем Приишимье (городище Борки-1). Исключение составляют лишь два сосуда, относящиеся к коптяковской культуре, происходящие из погребений могильника Чепкуль-5. Данное обстоятельство предопределило специфику полученной информации о технологии изготовления сосудов. В основном изучались приспособительные навыки труда древних гончаров, к которым традиционно относятся приемы отбора исходного сырья, составление формовочных масс, механическая обработка поверхностей изделий. По весьма незначительному количеству сосудов получена информация о способах конструирования начинов, полого тела и их формообразования, которые демонстрируют субстратные навыки гончаров, т.е. наименее подверженные изменениям в процессе смешения различных групп населения. В то же время следует отметить, что к числу таких навыков относятся также представления гончаров о том, какое именно сырье должно использоваться при изготовлении посуды (например, илы, или илестые глины, или глины) [Бобринский, 1978, с. 73; 1999, с. 76]. Данные, полученные в ходе технико-технологического анализа, проведенного в рамках историко-культурного подхода и основанного на методике, разработанной А.А. Бобринским [1978; 1999], позволили охарактеризовать традиции гончарного производства, существовавшие у различных культурно-хронологических групп населения эпохи бронзы.

На основании проведенного анализа выявлено, что на протяжении II тыс. до н.э. гончары применяли два вида исходного пластичного сырья: природные ожелезненные глины и илестые глины. В разные культурно-хронологические периоды могла преобладать та или другая традиция (табл. 1). В отличие от глин, илестые глины содержат остатки водной и околородной флоры и фауны (растительность, чешуя и кости рыб, раковина речных моллюсков). При сравнении качественного состава илестых глин по сосудам разных культурно-хронологических групп выявились различия. В частности, в изломах сосудов коптяковской, пахомовской, бархатовской и сузгунской культур раковина хотя и встречается, но представлена, за редким исключением, лишь единичными включениями. В основном же илестые глины, из которых гончары этих культур изготавливали сосуды, содержат обрывки растительности и фрагменты чешуи и костей рыб. Напротив, для керамики алакульской, федоровской и черкакульской культур характерно, во-первых, в целом преобладание этого вида сырья с примесью раковины, а во-вторых, в значительной части сосудов она представлена в достаточно высокой концентрации (табл. 1). Вероятно,

* Количество сосудов, относящихся к конкретным культурным группам, подвергнутых технико-технологическому анализу, приведено в таблицах, иллюстрирующих навыки гончаров на определенных ступенях гончарного производства.

особенности качественного состава исходного пластичного сырья (наличие или отсутствие определенных естественных составляющих) были закреплены в традициях каждой культурной группы.

Таблица 1

Соотношение видов исходного пластичного сырья и его качественные особенности в керамике разных культурно-хронологических групп населения эпохи бронзы (%)

Археологические культуры	Природные глины	Илистые глины		Всего сосудов
		с раковинной	без раковины	
Алакульская	32/19,2*	124/74,2	11/6,6	167/100
Коптяковская	90/55,2	26/16	47/28,8	163/100
Федоровская	215/46,7	232/50,4	13/2,9	460/100
Черкакульская	70/39,1	109/60,1	–	179/100
Пахомовская	32/82	7/18	–	39/100
Бархатовская	86/80,4	9/8,4	12/11,2	107/100
Сузгунская	16/30,8	8/15,4	28/53,8	52/100

* Здесь и далее – в числителе указано количество сосудов, в знаменателе – процент от общего количества сосудов.

Анализ формовочных масс, из которых изготавливались сосуды гончарами разных культурных групп, показал, что массово в качестве искусственных примесей применялись шамот и органические компоненты (табл. 2). Наряду с данными добавками отмечаются случаи использования песка, кальцинированной кости, дробленой сырой и подвергнувшейся термической обработке раковины и дресвы (по данным петрографического анализа применялись тальк, серпентин-асбест, хризотил-асбест, гнейс, кварцит, нефелиновый сиенит и др.). Перечисленные примеси отмечаются в основном в составах формовочных масс керамики алакульской, федоровской и черкакульской культур. Следует, однако, отметить, что включения дресвы в незначительной концентрации либо в виде единичных включений зафиксированы также в изломах некоторых сосудов коптяковской и пахомовской культур.

Таблица 2

Соотношение основных рецептов формовочных масс в керамике разных культурно-хронологических групп населения эпохи бронзы

Рецепты формовочных масс	Археологические культуры						
	Алакульская	Коптяковская	Федоровская	Черкакульская	Пахомовская	Бархатовская	Сузгунская
О*	1/0,6	–	2/0,4	–	–	–	–
Ш	6/3,6	8/4,9	1/0,2	6/3,3	1/2,6	1/0,9	–
Ш+О	126/75,4	153/93,8	372/81,1	125/69,8	33/84,6	105/98,2	52/100
Ш+К+О	10/6	–	28/6,1	16/9	–	1/0,9	–
Д+О	8/4,8	–	3/0,6	8/4,5	–	–	–
Ш+Д+О	4/2,4	1/0,6	32/6,9	21/11,7	4/10,2	–	–
Ш+ДР+О	12/7,2	–	7/1,5	1/0,6	–	–	–
Ш+П+О	–	1/0,6	12/2,6	–	1/2,6	–	–
Ш+Гем.+О	–	–	1/0,2	–	–	–	–
Ш+Д+К+О	–	–	2/0,4	2/1,1	–	–	–

* О – органические компоненты (органические растворы, навоз жвачных животных, выжимка из навоза); Ш – шамот; К – кальцинированная кость; Д – различные виды дресвы; ДР – дробленая раковина; Гем. – гематит.

В данном контексте обращает внимание также и состав шамота, который может указывать на степень устойчивости навыков труда на некоторых ступенях гончарного производства (табл. 3). Шамот, в состав которого входят примеси дресвы и кости, фиксируется в значительной части сосудов алакульской, федоровской и черкакульской культур. Реже шамот, в состав которого входит дресва, отмечается в изломах сосудов коптяковской и пахомовской керамики, а по бархатовским и сузгунским изделиям он не выявлен вовсе. В результате анализа формовочных масс сосудов и корреляции информации, полученной по составу шамота, возможно заключить, что в среде гончаров алакульской, федоровской и черкакульской культур были распространены навыки применения дресвы и кальцинированной ко-

сти. Наличие дресвы в формовочных массах и в составе шамота в коптяковских и пахомовских сериях сосудов, вероятно, выступает результатом взаимодействия местных групп населения, традиционно использовавшего шамот, с мигрантами – носителями других традиций.

Таблица 3

Особенности состава шамота, входящего в формовочные массы керамики разных культурно-хронологических групп населения эпохи бронзы

Археологические культуры	Примеси в составе шамота					
	шамот	дресва	шамот; дресва	шамот; кость	шамот; кость; дресва	раковина в исходном пластичном сырье шамота
Алакульская	70/41,9	12/7,2	64/38,3	12/7,2	4/2,4	87/52,1
Коптяковская	139/85,3	–	24/14,7	–	–	3/1,8
Федоровская	282/61,3	49/10,6	106/23	14/3	5/1,1	83/18
Черкаскульская	53/29,6	33/18,4	81/45,2	2/1,1	–	37/20,7
Пахомовская	33/84,6	1/2,6	5/12,8	–	–	3/7,7
Бархатовская	107/100	–	–	–	–	–
Сузгунская	52/100	–	–	–	–	–

Что касается информации, полученной при анализе особенностей конструирования сосудов, то по всему доступному материалу существенных различий в их изготовлении не выявлено: зафиксированы донно-емкостная программа конструирования начинов, использование лоскутного налёпа при изготовлении как начинов, так и полого тела изделий. Формообразование сосудов осуществлялось с применением форм-моделей (форм-основ), путем выдавливания руками и выбивания гладкой колотушкой.

В целом на основе полученных данных представляется возможным сделать следующие выводы. Особенности качественного состава илестых глин, составления рецептов формовочных масс, содержащих примеси, нехарактерные для гончарных систем, существовавших на территории Притоболья, и наличие этих примесей в составе шамота в значительной части изделий, указывает на то, что группы алакульского, федоровского и черкаскульского населения в разное время мигрировали в рассматриваемый регион.

Так, о «неместных» корнях традиции применения илестых глин с примесью раковины речных моллюсков и неслучайном выборе такого сырья у данных групп населения, на наш взгляд, свидетельствует, во-первых, отсутствие на территории Притоболья следов использования подобного сырья в материалах как доандроновского времени, так и в финале эпохи бронзы. Во-вторых, в пользу данного вывода может говорить имеющаяся информация о технологии изготовления посуды в среде гончаров этих культурных групп, проживавших на других территориях. В частности, примесь раковины зафиксирована в андроновских материалах Северного и Центрального Казахстана, Барабинской лесостепи [Ломан, 1993; Софеев, 1993]. Илестое сырье, содержащее раковину, выявлено по андроновским комплексам степного и лесостепного Алтая [Гутков и др., 2014; Леонтьева, Рахимжанова, 2016]. Вопрос о формировании традиции отбора илестых глин с примесью раковины в гончарстве алакульской и федоровской культур пока остается открытым ввиду недостатка данных о гончарных производствах этих культурных групп, а также более ранних периодов на территориях Казахстана, Южного Зауралья, исследование которых было бы проведено на современном уровне. Следует, однако, отметить, что в целом традиции использования илестого сырья с раковиной, а также применения раковины в качестве искусственной примеси распространены на территории Волго-Уралья с эпохи неолита и известны в предшествующих андроновским материалам полтавкинско-катакомбного типа, абашевской культуры и синхронных с ними – раннесрубных и развитых срубных материалах [Салугина, 2014]. На территории Южного Зауралья подобное сырье известно по керамике более ранней синташтинской культуры, а также в петровских (раннеалакульских) комплексах [Гутков, 2013; Дубовцева, Пантелеева, 2014]. Наличие группы сосудов, изготовленных из данного вида сырья, в черкаскульских материалах, возможно, связано с формированием этой традиции под влиянием федоровской культурной группы.

Миграции алакульских, федоровских и черкаскульских групп населения, вероятно, осуществлялись из Уральского региона, о чем могут свидетельствовать наличие рецептов, составленных с использованием в основном тальковой дресвы, кальцинированной кости, дробленой раковины, а также присутствие этих примесей в составе шамота весьма представительных групп сосудов. Именно на этой территории традиция использования талька имеет давнюю историю, редко, но отмечается введение в формовочную массу дробленой раковины [Мухаметдинов, 2012], почти всегда присутствуют сосуды, содержащие кальцинированную кость.

Полученные на сегодняшний день результаты технико-технологического анализа керамики местных притобольских культурных групп показывают, что пришлое население в той или иной степени принимало участие в сложении их гончарных традиций. Так, анализ технологии изготовления сосудов коптяковской культуры, а также внешнего их облика указывает на влияние алакульских гончарных традиций в сложении данной культурной группы. В морфологическом отношении это проявляется в наличии в коптяковских комплексах групп сосудов, имеющих уступчик при переходе от шейки к тулову, узоры, нанесенные в свойственной для алакульской традиции манере – проташенной гребенкой, концом гребенчатого штампа. Кроме того, в формовочных массах некоторых изделий присутствует шамот с примесью талька. Также обращает внимание наличие двух сосудов, изготовленных в соответствии с алакульскими традициями: отмечено использование илистой глины с обильной примесью раковины, что в целом несвойственно для коптяковского гончарства, и при этом присутствие в одном из сосудов шамота с примесью тальковой дресвы.

Что касается участия федоровских групп населения в развитии гончарных традиций на территории Притоболья при отсутствии памятников, содержащих какие-либо смешанные с местными комплексы, то возможно предположить некоторое их влияние на завершающем этапе развития коптяковских древностей. На сегодняшнем уровне исследования отражением этого выступают только данные о морфологии поздней группы коптяковских сосудов, где усматриваются федоровские традиции – практически полное отсутствие сосудов с уступом или уступ-ребром, распространение мелкозубчатого гребенчатого штампа при нанесении орнамента, сходные меандровые узоры, но нанесенные не в типичной для федоровской традиции зоне.

Анализ орнаментации и формы пахомовских изделий ранее позволил исследователям предположить, что формирование этих древностей происходило в процессе смешения федоровской и местной гребенчато-ямочной традиции. На настоящий момент по данным, полученным в ходе анализа технологии изготовления пахомовских сосудов, об этом судить не приходится, во-первых, ввиду крайне малой выборки изделий, подвергнутых технико-технологическому анализу, а во-вторых, исследованные материалы, скорее всего, относятся к более позднему периоду, чем момент формирования пахомовской традиции. Данный сюжет в истории населения в эпоху бронзы на территории Притоболья требует дальнейшего исследования. Вместе с тем полученные на настоящий момент данные подтверждают факты взаимодействия пахомовских групп населения с носителями черкаскульских традиций, что зафиксировано в материалах некоторых памятников Притоболья, которые в том числе были подвергнуты технико-технологическому анализу. На наш взгляд, именно с процессами смешения связано наличие в пахомовской гончарной традиции сосудов, изготовленных с примесью талька и присутствия шамота с данной добавкой.

К финальному периоду эпохи бронзы, к моменту формирования бархатовских и сузгунских древностей, постепенно складывается не только внешнее культурное единство, но и единство гончарной технологии. Это, вероятно, происходило на фоне, с одной стороны, угасания миграционных процессов, а с другой – постепенной утраты некоторых традиций гончарного производства у пришлое население в связи с адаптацией к новым ландшафтным условиям, а также постоянным смешением с местным населением.

Библиографический список

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы: источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.
- Гутков А.И. Технико-технологический анализ керамики поселения Устье-I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск, 2013. С. 179–184.
- Гутков А.И., Папин Д.В., Федорук О.А. Культурные особенности андроновской керамики из могильника Рублево-VIII // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железного века в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул, 2014. С. 311–320.
- Дубовцева Е.Н., Пантелеева С.Е. Технология производства керамики синташтинского типа (по материалам укрепленного поселения Каменный Амбар) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. I. С. 555–558.
- Леонтьева Д.С., Рахимжанова С.Ж. Андроновская керамика поселения Большой Лог-I на юге Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. №2. С. 31–40.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тысячелетия до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 31 с.

Мухаметдинов В.И. Техничко-технологический анализ керамики Родникового поселения эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2012. С. 101–112.

Салугина Н.П. Гончарство населения позднего бронзового века: к проблеме культуругенеза // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. I. С. 643–646.

Софеев О.В. Андроновская керамика поселения Каргат-6 и некоторые вопросы технологии // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск, 1990. С. 89–99.

© 2017, К.Ю. Кирюшин

Алтайский государственный университет, Барнаул

КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЭНЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЫ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Памятник Новоильинка-III находится в Хабаровском районе Алтайского края. В ходе раскопок 2010–2014 гг. на поселении вскрыто около 600 м², получены представительные коллекции керамики и каменных артефактов эпохи энеолита. По костям животных получены радиоуглеродные даты, выполненные в разных лабораториях: 4270±170 л.н. (Ле-7534), 4585±170 (СОАН-8318), 4310±110 (СОАН-8319), 4250±120 л.н. (СОАН-8320).

Основу коллекций керамики поселения Новоильинка-III составляет посуда, орнаментированная в отступающе-накольчатой технике (рис. 1.-1–8). Этот прием был так отработан, что орнамент выглядел как оттиски зубчатого орнамента. При создании декора этим способом мастер, выполняя наколы, не приподнимал инструмент над поверхностью сосуда и планомерно следовал предполагаемой линии рисунка (определения А.И. Гуткова).

Отпечатки отступающей палочки чаще всего создают горизонтальные ряды прямых и волнистых линий по тулову (рис. 1.-1–3). В нескольких случаях у таких сосудов венчик декорирован рядами горизонтальных или диагональных линий (рис. 1.-3) или рядами треугольников, а придонная часть – треугольниками (рис. 1.-2) или солярным орнаментом. Значительную долю составляет посуда, украшенная рядами геометрических фигур: елочки (рис. 1.-4, 5), ромбов (рис. 1.-6), так называемыми *глазками* (рис. 1.-8). Ряды фигур разделены рядами прямых или волнистых линий (рис. 2.-2, 4, 6). Несколько сосудов декорированы паркетным орнаментом (рис. 1.-7). У одного из них венчик украшен рядами треугольников (рис. 1.-7). Особый интерес вызывают фрагменты сосуда, орнаментированные изображениями «уточка» [Кирюшин, 2015, с. 33, рис. 9].

Вторую по численности группу составляет посуда, орнаментированная отпечатками гребенчатого штампа, образующими горизонтальные и диагональные ряды «шагающей» гребенки (рис. 1.-9), которые иногда наносились в несколько рядов, перекрывая друг друга (рис. 1.-10). Отпечатки рядов отступающей гребенки встречаются на внутренней поверхности сосудов первой группы (рис. 1.-4, 6, 7) и на внешней, особенно на сосудах, у которых на орнаментальном поле есть свободные пространства [Кирюшин, 2015, рис. 16]. У нескольких сосудов второй группы между рядами ямок по венчику проходит волнистая линия, выполненная отступающей палочкой [Кирюшин, 2015, рис. 17].

Непременным атрибутом керамики поселения Новоильинка-III являются ряды ямок, которые украшают посуду первой группы от венчика до днища (рис. 1.-1–8), а посуду второй группы – только по венчику (рис. 1.-9–10).

Третью по численности группу посуды образуют сосуды, декорированные только горизонтальными рядами ямок. Иногда у сосудов этой группы по тулову, кроме рядов ямок, прослеживаются затертые отпечатки горизонтальных рядов «шагающей» гребенки (рис. 1.-11). Единичные фрагменты представлены обломками сосуда, декорированного только насечками по венчику, и семью фрагментами, украшенными отпечатками короткого гребенчатого штампа [Кирюшин, 2015, с. 35–36].

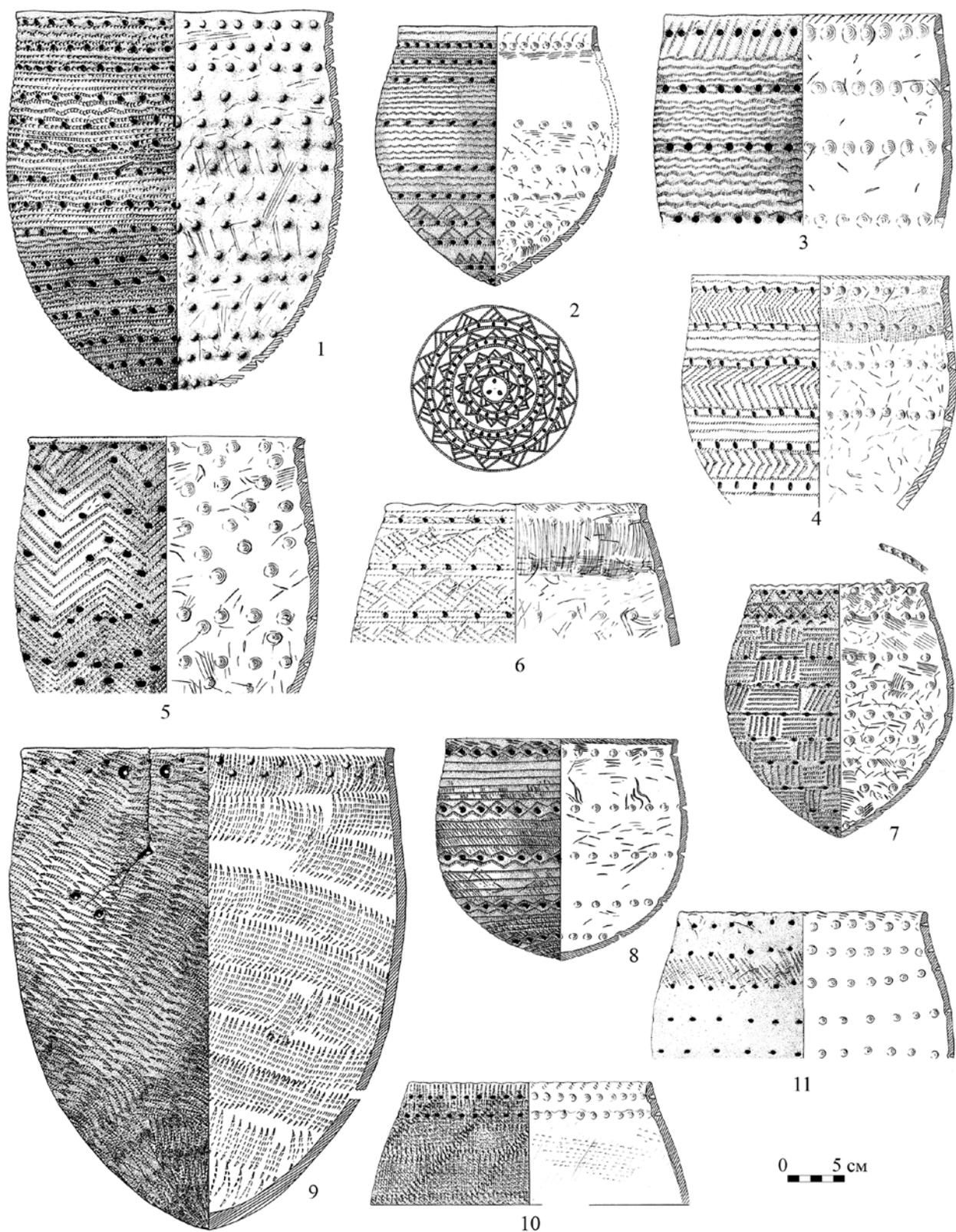

Рис. 1. Поселение Новоильинка-III: 1–11 – керамика:

1–8 – посуда, орнаментированная в отступающе-накольчатой технике и рядами ямок;
 9–11 – посуда, орнаментированная «шагающей» гребенкой и рядами ямок

В 2013 г. в 0,3 км к западу от памятника Новоильинка-III выявлено поселение Новоильинка-VI, на котором исследовано 96 м². В площадь раскопа полностью попало жилище эпохи энеолита №1 и части еще двух жилищ: №2 – в восточной части раскопа и №3 – в южной [Кирюшин, 2016]. Выделяются три культурных горизонта: 1 – период, когда котлован жилища использовался как место, куда выбрасыва-

ли мусор (развитый–финальный энеолит); 2 – период функционирования жилища (ранний–развитый энеолит); 3 – слой эпохи неолита–раннего неолита, в который врезаны котлованы жилищ. Для первого горизонта жилища №1 поселения Новоильинка-VI получены четыре радиоуглеродные даты, выполненные в разных лабораториях: 4290±95 л. т.н. (СОАН-9042), 4320±100 л. т.н. (СОАН-9043), 4210±80 (IGAN-5312), 4190±90 (IGAN-5311).

В материалах первого горизонта жилища №1 поселения Новоильинка-VI выделяются две большие группы посуды: 1 – орнаментированная в отступающе-накольчатой технике и рядами ямок; 2 – декорированная отпечатками гребенчатого штампа и рядами ямок [Кирюшин, 2016]. Небольшая группа посуды декорирована только рядами ямок. Две первые группы сосудов примерно равны по количеству сосудов в каждой. В составе первых двух групп керамики первого горизонта жилища №1 поселения Новоильинка-VI повторяются орнаментальные композиции, характерные для памятника Новоильинка-III, и вместе с ними присутствуют иные, придающие своеобразный колорит этой посуде.

В составе первой группы увеличивается количество керамики, декорированной геометрическими орнаментами (рис. 2.-2). Одной из ярких находок этого комплекса является фрагмент венчика, украшенный валиком (рис. 2.-1). У части сосудов рядами ямок декорирован только венчик (рис. 2.-1).

Наибольшие различия между керамическим комплексом первого горизонта жилища №1 поселения Новоильинка-VI и материалами поселения Новоильинка-III прослеживаются при сравнении керамики, орнаментированной гребенчатым штампом (рис. 2.-3–7). На некоторых сосудах повторяются орнаментальные композиции, характерные для керамики, декорированной в отступающе-накольчатой технике: ряды прямых горизонтальных линий и ряды ромбов (рис. 2.-3), паркетным орнаментом (рис. 2.-6). В большом количестве встречены фрагменты сосудов, декорированные горизонтальными рядами елочек (рис. 2.-4). Достаточно много фрагментов венчиков, у которых отпечатки «шагающей» гребенки по тулову, а венчик декорирован отпечатками гребенчатого штампа, образующими ряды треугольников (рис. 2.-5). Один из сосудов орнаментирован отпечатками гребенчатого штампа, образующими сеточку (рис. 2.-7).

Среди археологических коллекций 1 горизонта жилища №1 поселения Новоильинка-VI присутствуют единичные фрагменты керамики большемысского облика [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2015].

Как уже отмечалось выше, в площадь раскопа попали части еще двух жилищ: №2 – в восточной части раскопа и №3 – в южной [Кирюшин, 2016]. В составе керамических коллекций первого горизонта жилища №2 также встречена посуда, аналогичная двум первым группам посуды поселения Новоильинка-III и первого горизонта жилища №1 поселения Новоильинка-VI. Отличительной особенностью этого комплекса жилища №2 является линейно-накольчатая (рис. 3.-1–2) и гребенчатая (рис. 3.-3) керамика, на которой отсутствуют ряды ямок, а также вертикальное построение орнаментальной композиции у части сосудов. Различия между отступающе-накольчатой керамикой и линейно-накольчатой заключаются в том, что во втором случае орнаментир поднимался над поверхностью сосуда и между оставляемыми отпечатками образовывались свободные зоны (рис. 3.-1–2). У части сосудов, декорированных в отступающе-накольчатой технике рядами ямок, украшен только венчик (рис. 3.-4).

В заполнении жилища №1 (второй горизонт), кроме посуды двух групп, встреченных в первом горизонте, в достаточно значительном количестве обнаружена керамика, орнаментированная в линейно-накольчатой технике и рядами ямок (рис. 3.-5). Один из сосудов орнаментирован только отпечатками гребенчатого штампа (рис. 3.-6).

Наиболее близкие аналоги материалам поселения Новоильинка-III обнаруживаются в коллекциях поселения Киприно (Верхнее Приобье) [Комарова, 1956] и поселений Пеньки-1 и Пеньки-2 (Павлодарское Прииртышье) [Чалая, 1972]. Наиболее близкие аналоги материалам поселения Новоильинка-VI обнаруживаются в коллекциях поселения Ирба (Верхнее Приобье) [Комарова, 1956] и поселения Венгерovo-3 (Барабинская лесостепь) [Молодин, 1977]. Для памятников, содержащих материалы, подобные поселению Венгерovo-3, В.И. Молодин [2001, с. 39] предлагает использовать термин «гребенчато-ямочная общность эпохи раннего металла». Материалы поселений Новоильинка-III и Новоильинка-VI свидетельствуют о том, что население этих памятников относилось к одной большой историко-культурной общности. Внутри этой общности возможно выделение групп памятников. К первой из них – «кипринско-пеньковской» – относится поселение Новоильинка-III. Ко второй – «венгерovo-ирбинской» – относятся материалы первого горизонта жилища №1 поселения Новоильинка-VI.

Уверенно можно констатировать, что на одной территории и практически в одно время находятся комплексы, керамические коллекции которых существенно отличаются друг от друга. Видимо, это связано с расположением памятников в долине р. Бурла, которая являлась своеобразным коридором, контактной зоной носителей различных археологических культур Степного Алтая, Казахстана, Барабы и Верхнего Приобья. Культурная принадлежность материалов жилищ №2 и 3, а также материалов второго горизонта жилища №1 возможна только после дальнейшего исследования памятника.

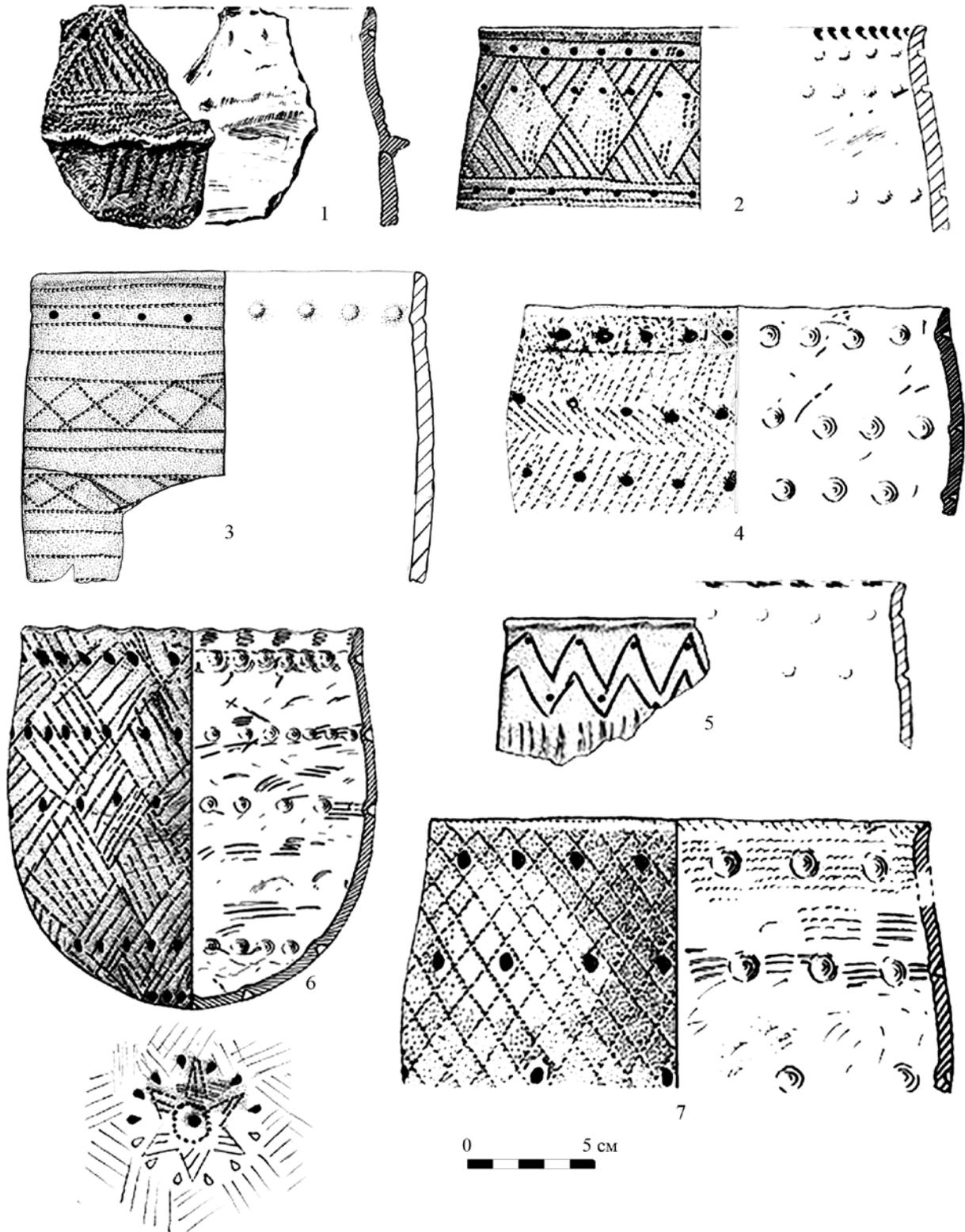

Рис. 2. Поселение Новоилынка-VI: 1-7 – керамика. Жилище №1 первый горизонт: 1-2 – посуда, орнаментированная в отступающе-накольчатой технике и рядами ямок; 3-7 – посуда, орнаментированная отпечатками гребенчатого штампа и рядами ямок

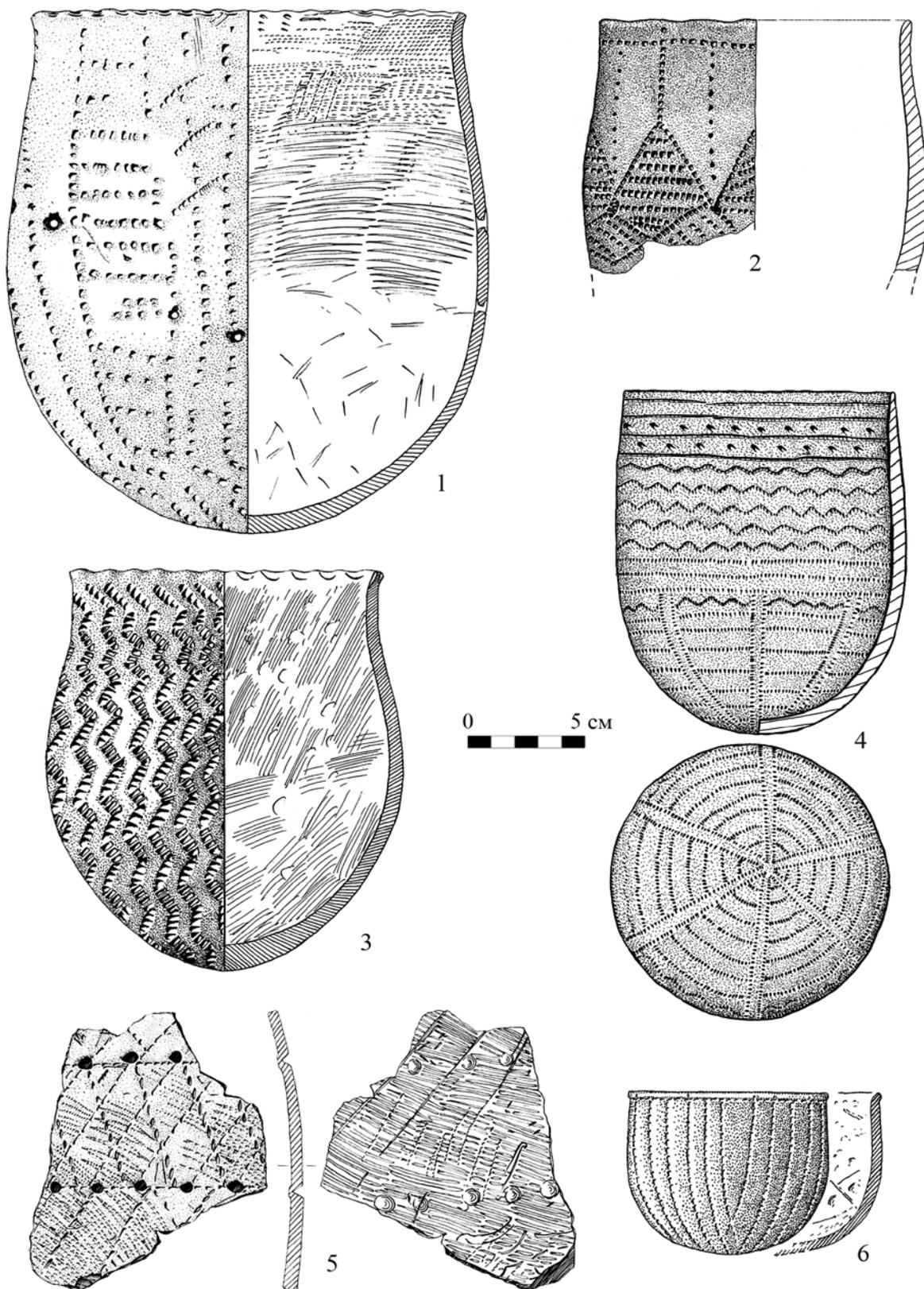

Рис. 3. Поселение Новоильинка-VI:
 1-6 – керамика: 1-4 – жилище №2 первый горизонт;
 5-6 – жилище №1 второй горизонт; 1, 2, 5 – фрагменты сосудов, орнаментированные
 в линейно-накольчатой технике; 3, 6 – сосуды, орнаментированные отпечатками
 гребенчатого штампа; 4 – сосуд, орнаментированный в отступающе-накольчатой технике

Библиографический список

- Кирюшин К.Ю. Третий горизонт поселения Новоильинка-VI (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 132–139.
- Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. №4/1 (88). С. 149–156.
- Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №1 (61). С. 25–36.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемеысский комплекс поселения Новоильинка-VI // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015. С. 164–169.
- Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 93–103.
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 174 с.
- Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск, 2012. Т. 3. 220 с.
- Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 163–181.

© 2017, Ю.Ф. Кирюшин, К.Ю. Кирюшин

Алтайский государственный университет, Барнаул

КЕРАМИКА НЕОЛИТА–РАННЕЙ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ КИПРИНО-I (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

В 1952–1953 гг. в Верхнем Приобье Новосибирской экспедицией ИИМК выявлены восемь поселений и один могильник, которые, по мнению М.Н. Комаровой [1956], относились к эпохе неолита. Одним из наиболее интересных и информативных памятников стало поселение около д. Киприно, на котором собраны представительные коллекции керамики и каменного инвентаря [Комарова, 1956, с. 96, рис. 40]. М.Н. Комарова [1956, с. 94] «по характеру керамики» выделила для неолита Верхнего Приобья три типа памятников: кипринский, ирбинский и кротовский, соответствующие, по ее мнению, трем хронологическим этапам неолитической культуры, из которых кипринский этап наиболее ранний. В публикации М.Н. Комаровой каменный инвентарь представлен скребками, наконечниками стрел, шлифованными ножами и рубящим орудием.

В.И. Матющенко [1973, с. 110, 121] включил поселенческие комплексы Верхнего Приобья в верхнеобскую неолитическую культуру, в которой выделялись два хронологических этапа – кипринский и ирбинский. По мнению В.И. Молодина [1977, с. 25], развитие неолитической эпохи Верхнего Приобья происходило в два этапа: ранний – завьяловский, поздний – кипринский в рамках верхнеобской неолитической культуры. Ирбинские памятники Вячеслав Иванович отнес к эпохе раннего металла [Молодин, 1977, с. 36]. В.А. Зах [2003, с. 146, 155] также в рамках верхнеобской неолитической культуры выделил два этапа: ранний – изылинский, поздний – кипринский, а ирбинские памятники отнес к эпохе раннего металла. По мнению одного из авторов статьи, материалы поселений Киприно и Ирба относятся к эпохе энеолита [Кирюшин, 2002, с. 38–45].

Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод, что материалы поселения Киприно, используются практически во всех обобщающих работах по неолиту и энеолиту Алтая и Западной Сибири. На сегодняшний день не вызывает сомнения существование самостоятельной кротовской культуры. В отношении материалов поселений Киприно и Ирбино единства у исследователей нет. Подобная ситуация во многом объясняется характером источников, так как имеющиеся в распоряжении археологов материалы получены со стоянок с разрушенным культурным слоем.

В Алтайском государственном университете хранятся археологические коллекции керамики и каменных артефактов, собранные на поселениях Киприно в 70–90-е гг. XX в.

Коллекции каменных артефактов представлены в основном отходами производства: чешуйками, отщепами и осколками. В составе орудийного набора – серии шлифованных орудий и орудий на отще-

пах: наконечники стрел, скребки, скрёбла, обломки орудий. В коллекции каменных артефактов изделия, типичные для неолита, представлены ударной площадкой нуклеуса, пластинчатым отщепом, дистальным фрагментом пластины и пятью пластинами с ретушью.

Хранящаяся коллекция ранней керамики достаточно разнообразна. Большая часть керамики – это обломки крупных сосудов (толщина стенок 10–12 мм), орнаментированных в отступающе-накольчатой и линейно-накольчатой технике (рис. 1). Различия между отступающе-накольчатой керамикой и линейно-накольчатой заключаются в том, что в первом случае при создании декора этим способом мастер, выполняя наколы, не приподнимал инструмент над поверхностью сосуда и планомерно следовал предполагаемой линии рисунка (рис. 1.-1, 3); во втором случае орнаментир поднимался над поверхностью сосуда и между оставляемыми отпечатками образовывались свободные зоны (рис. 1.-2, 4, 5). Непременным атрибутом этой группы керамики поселения Киприно являются ряды ямок (рис. 1.-1).

Отпечатки отступающей палочки образуют зигзаги (рис. 1.-1, 4), горизонтальные ряды прямых и волнистых линий (рис. 1.-2), диагональные линии (рис. 1.-5). Значительная часть керамики орнаментирована

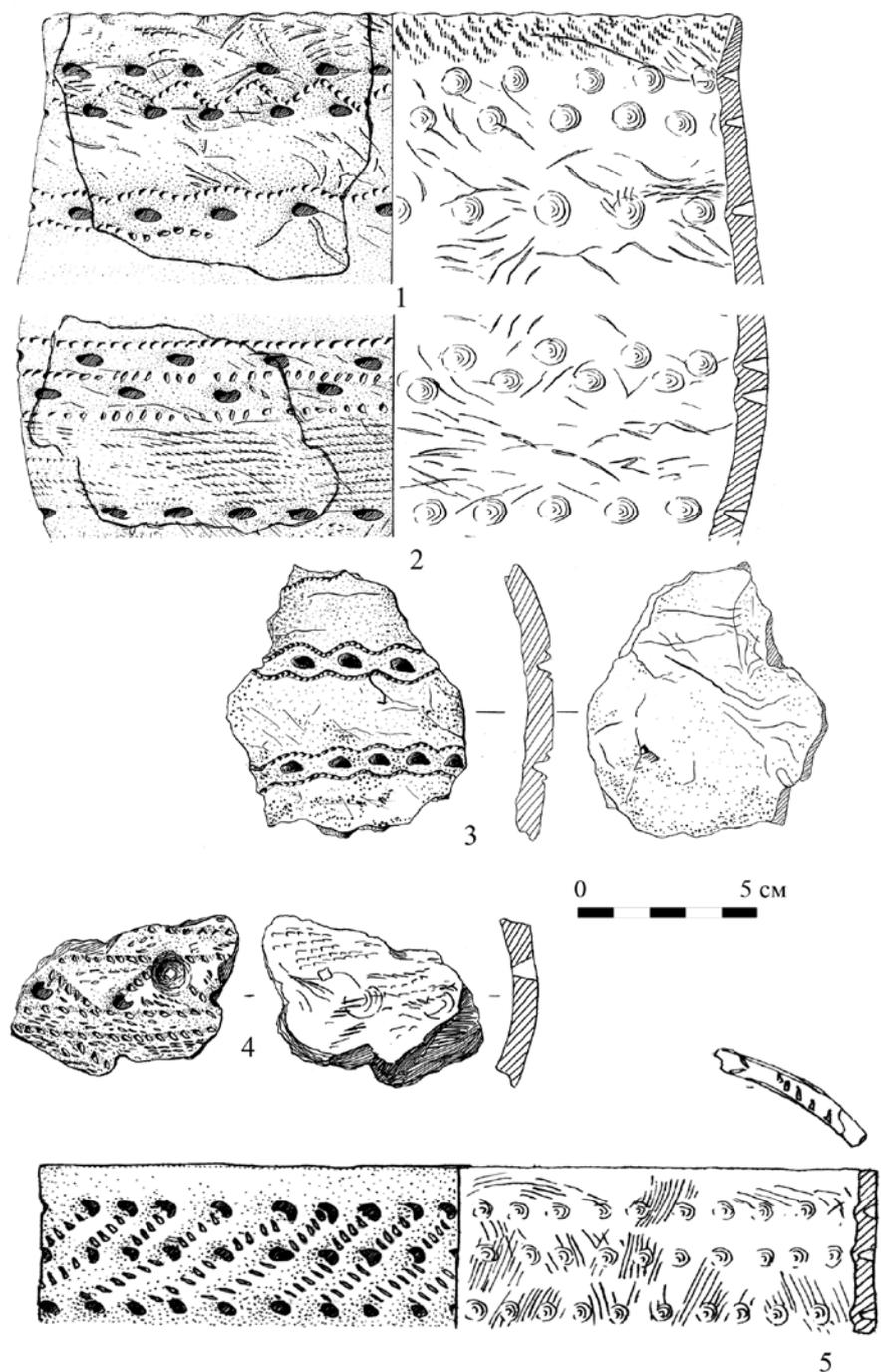

Рис. 1. Керамика поселения Киприно: 1–5 – фрагменты сосудов эпохи энеолита

отпечатками гребенчатого штампа, образующими горизонтальные и диагональные ряды «шагающей» гребенки (рис. 2.-1). Отпечатки рядов отступающей гребенки встречаются на внешней поверхности сосудов, орнаментированных отступающей палочкой (рис. 1.-2). «Отступающе-накольчато-ямочная», «линейно-накольчато-ямочная» и «гребенчато-ямочная» керамика в большом количестве встречена в материалах энеолитических поселений Новоильинка-III и Новоильинка-VI в Северной Кулунде [Кирюшин, 2015а-б].

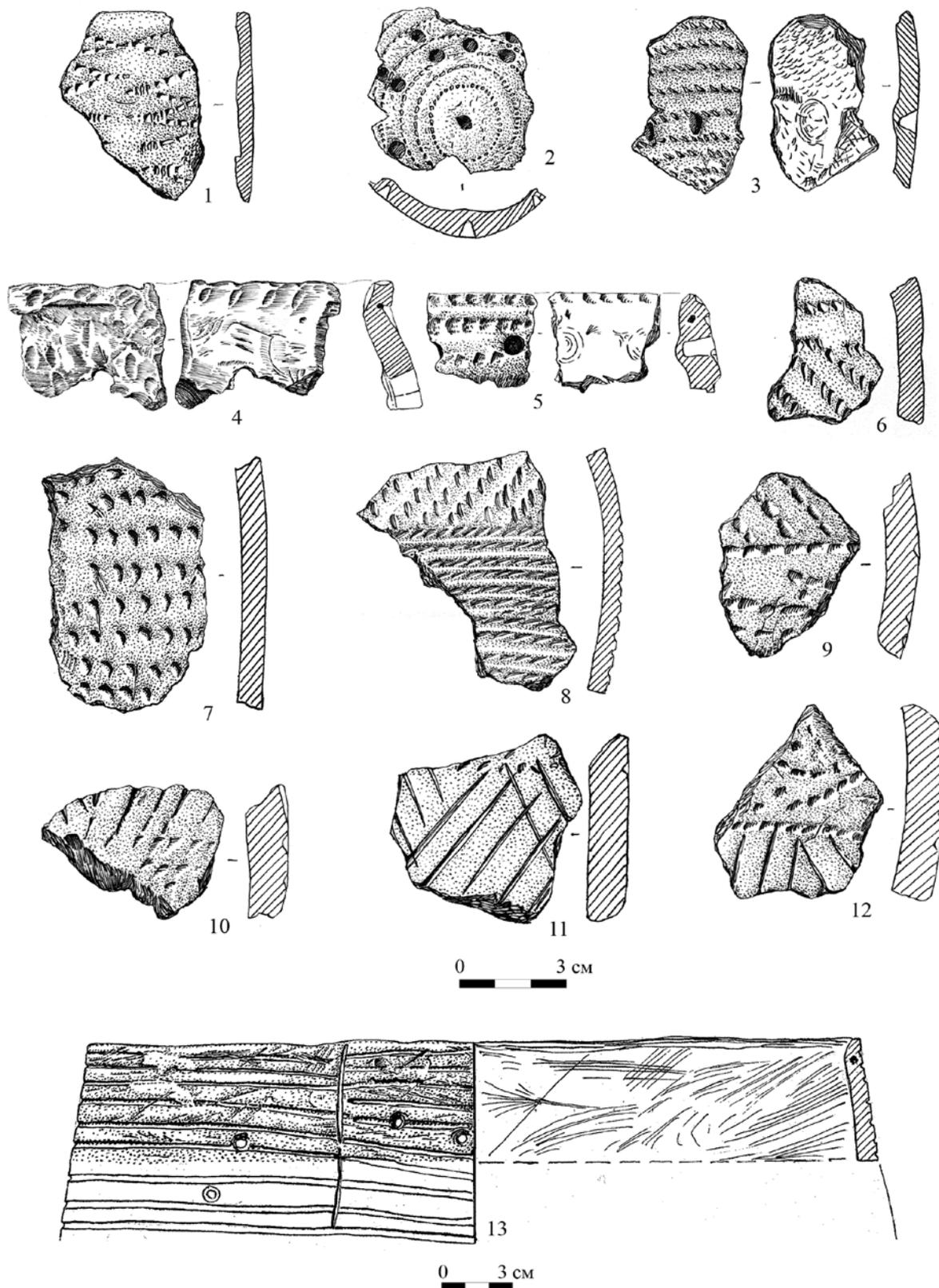

Рис. 2. Керамика поселения Киприно: 1-13 – фрагменты сосудов эпохи неолита

Часть ранней керамики представлена обломками небольших тонкостенных сосудов (толщина стенок 5–6 мм). В сломках сосудов невооруженным глазом фиксируется большое количество органики. Техника орнаментации этой посуды близка отступающе-наколычатой. Разница состоит в том, что в данном случае отступление переходит в прочерчивание (рис. 2.-2, 3). Приостренное днище от небольшого сосуда (рис. 2.-2) является наиболее типичным, показательным примером керамики этой группы. По-

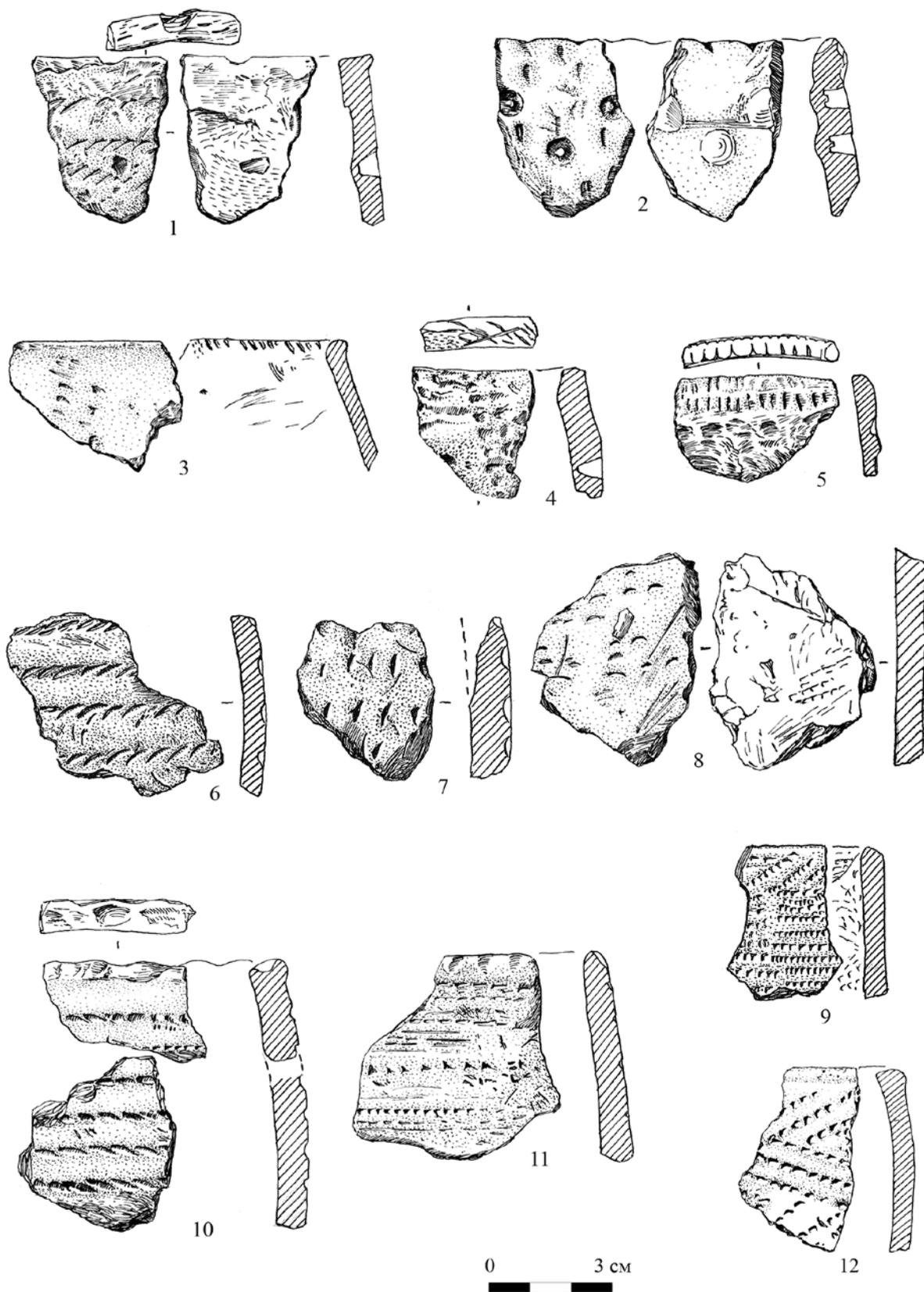

Рис. 3. Керамика поселения Киприно: 1–12 – фрагменты сосудов эпохи ранней бронзы

добная керамика находит аналоги в материалах артынской неолитической культуры Барабинской лесостепи [Бобров, Марочкин, 2011]. Очень похожая керамика обнаружена в материалах третьего горизонта поселения Новоильинка-VI в Северной Кулунде [Кирюшин, 2016].

Отдельную группу составляют фрагменты сосудов, орнаментированные рядами наколов каплевидной (рис. 2.-4, 6, 7), овальной (рис. 2.-8, 9) либо подтреугольной формы (рис. 2.-10-12). Отличие накольчатой керамики от линейно-накольчатой в том, что ориентация наколов не совпадает с направлением линий, на которых они расположены. Ряды наколов создают горизонтальные (рис. 2.-4, 5, 7) и диагональные (рис. 2.-6, 8, 9) ряды прямых линий. В последнем случае отпечатки наколов сочетаются с прочерченным орнаментом (рис. 2.-11-12). У двух сосудов (рис. 2.-4-5) фиксируется шнур из свитых нитей или сухожилий, проходящих по венчику. Подобная керамика широко представлена в материалах боборыкинской неолитической культуры Западной Сибири [Ковалева, Зырянова, 2010]. Керамика, орнаментированная бессистемными наколами, широко представлена на памятниках юго-западных районов Алтайского края [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016; Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016].

Очень выразителен развал небольшого сосуда, орнаментированного прочерченными прямыми и волнистыми линиями (рис. 2.-13). В сломе венчика фиксируется шнур из свитых нитей или сухожилий (рис. 2.-13). Керамика с прочерченным орнаментом находит аналоги в материалах поселений завьяловского типа [Молодин, 1977] и боборыкинской неолитической культуры Западной Сибири [Ковалева, Зырянова, 2010]. Керамика, орнаментированная прочерченными прямыми и волнистыми линиями, встречается на памятниках юго-западных районов Алтайского края [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2016; Тишкин, Кирюшин, Шмидт, 2016].

Очень близка описываемой выше посуде керамика эпохи ранней бронзы (рис. 3). Керамика, орнаментированная насечками и рядами ямок (рис. 3.-1-8), находит многочисленные аналоги в материалах крохалёвских комплексов эпохи ранней бронзы. Керамика, орнаментированная отпечатками отступающей гребенки (рис. 3.-9, 11), а также в отступающе-накольчатой технике, находит многочисленные аналоги в материалах памятников елунинской культуры эпохи ранней бронзы.

Подводя итоги, необходимо отметить, что основу керамического комплекса поселения Киприно составляет энеолитическая «отступающе-накольчато-ямочная» керамика. Есть смысл именно за этой группой керамики, закрепить название «кипринская». В небольшом количестве на памятнике представлена керамика, находящая аналоги в различных культурных образованиях эпохи неолита (артынской и боборыкинской) и ранней бронзы (елунинской и крохалёвской).

Библиографический список

- Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 106–108.
- Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень, 2003. 168 с.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 293 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Керамика боборыкинского облика с поселений юго-западных районов Алтайского края // Теория и практика археологических исследований. 2016. №2 (14). С. 7–23.
- Кирюшин К.Ю. Керамика поселения Новоильинка-VI (по результатам исследований 2013–2014 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015а. №4/1 (88). С. 149–156.
- Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015б. №1 (61).
- Кирюшин К.Ю. Третий горизонт поселения Новоильинка-VI (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 132–139.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург, 2010. 308 с.: ил.
- Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 93–103.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (верхнеобская неолитическая культура) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 9. 147 с.: 33 ил.
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 174 с.
- Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Керамика поселения Рубцовское-I (долина Аля, юг Западной Сибири) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №4 (16). С. 60–73.

РОЛЬ ЧЕМУРЧЕКСКОГО КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ КУЛЬТУР БРОНЗОВОГО ВЕКА СИБИРИ И КАЗАХСТАНА

Чемурчекский культурный феномен, по моему мнению, заключается в одновременном (не позднее середины III тыс. до н.э.) появлении в западных предгорьях Монгольского Алтая (от Алтайского края до Заалтайской Гоби) следующих западноевропейских традиций [Ковалев, 2011; 2012; 2016a]: 1) конструкции погребальных сооружений – камеры-склепы из вертикально установленных каменных плит, обнесенные несколькими подсыпками, каждая из которых имеет каменный фасад, либо окруженные прямоугольной каменной оградой; прямоугольные каменные ограды с коридорами, ведущими к могилам с восточной стороны; 2) каменные статуи, изображающие персонажа мужского пола с обнаженным торсом, уплощенным округлым лицом, контур которого подчеркнут выпуклым валиком, с гривной на шее и «посохом» в руке; 3) геометрические композиции, выполненные «охрой» по внутренней поверхности каменных ящиков (косая сетка, треугольные фестоны, концентрические ромбы, меандры); 4) формы и орнамент сосудов: эллипсоидные, бомбовидные сосуды или банки с вертикальными стенками и стянутым устьем, украшенные прочерченным орнаментом, как правило, – пояском треугольных фестонов. Эти черты материальной культуры не имеют никаких аналогий в более раннем контексте на территории Азии, что определяет приоритет миграционной гипотезы. В Джунгарии и Монгольском Алтае во 2-й половине 3 тыс. до н.э. среди носителей чемурчекского феномена распространяется традиция изготовления каменных сосудов, повторяющих формы керамических прототипов, что можно считать инновационной специфической чертой данной культурной общности.

Сегодня с учетом предпринятой нами публикации практически всех материалов, относящихся к чемурчекскому культурному феномену [Ковалев, 2012; Древнейшие европейцы, 2014; 2015], включая данные радиоуглеродного датирования, можно сформулировать обоснованные предположения о возможном влиянии носителей чемурчекского культурного феномена на облик материальной культуры населения обширных районов Восточного Казахстана, Степного Алтая и Алтайско-Саянской горной страны.

Находки в чемурчекских погребальных сооружениях афанасьевской керамики [Ковалев, 2015, с. 246–247], а также данные об афанасьевско-чемурчекских контактах, полученные при раскопках памятников на севере Баян-Ульгий аймака [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010], говорят о сосуществовании во 2-й четверти 3 тыс. до н.э. афанасьевского и чемурчекского населения на севере Джунгарии. Вероятно, именно благодаря влиянию носителей чемурчекского феномена в афанасьевской керамике Синьцзяна распространилась прочерченная орнаментация в виде косой сетки и шевронов, появилось высокое неорнаментированное горло. Ряд особенностей синьцзянской афанасьевской керамики можно объяснить приходом в Джунгарию вместе с носителями чемурчекского культурного феномена «захваченной» ими на своем пути части населения восточноевропейских степей: шнуровая орнаментация, орнамент в виде ромбов, заполненных точками, желобчатое горло. Все эти «западные» признаки дисперсно распространяются в афанасьевском материале Северо-Западного Алтая, Горного Алтая и далее вплоть до северной Хакасии [Ковалев, 2017].

Ряд особенностей орнаментации керамики, связанных, скорее всего, с чемурчекским влиянием (косая сетка, ромбы, шевроны), обнаруживается в материалах окуневской культуры [Лазаретов, 1997; Есин, 2010, с. 58, рис. 5, 6]. Для этой культуры известны росписи на стенках погребальных сооружений – каменных ящиков – в виде косой сетки [Есин, 2010, с. 58], что может быть объяснено только чемурчекским воздействием.

Для окуневской и каракольской культур, формирование которых вряд ли можно отнести ко времени ранее середины 3 тыс. до н.э., основным видом погребального сооружения становится каменный ящик из вертикально установленных плит, устроенный в пределах квадратной плиточной ограды. Эти конструктивные особенности находят аналогии (в рамках того же периода) только в чемурчекских погребальных сооружениях Синьцзяна [Ковалев, 2015a], а также в чемурчекских ритуальных сооружениях верховьев р. Ховд [Ковалев, 2015б]. В то время как истоки чемурчекских традиций каменной архитектуры обнаружены в мегалитических памятниках Западной Европы 5–4 тыс. до н.э. [Ковалев, 2011], каменные ящики с прямоугольными оградками для доокуневского времени на территории Восточной Европы и Азии не зафиксированы.

Как уже указывалось ранее [Ковалев, 2005], сама идея росписи стенок погребального сооружения в каракольской и окуневской культурах может иметь чемурчекские истоки, хотя репертуар фигуративных изображений обеих этих культур имеет, несомненно, местное происхождение. В аналогичном ключе можно трактовать и появление в окуневской культуре статуарной традиции.

В последнее время появились сведения об обнаружении в Хакасии и Туве прямоугольных ритуальных пристроек и оград со стелами, относящихся к окуневской культуре [Поляков, 2010; Поляков А.В., доклад на заседании отдела археологии Центральной Азии и Кавказа, 2015 г.], ритуальные комплексы с восточной стороны от могил зафиксированы для елунических памятников Алтая и Восточного Казахстана [Тишкин и др., 2012, с. 113]. Ритуальные ограды в форме прямоугольника с прямоугольной выкладкой в середине, порталами-коридорами и стелами характерны для чемурчекских памятников Монгольского Алтая [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014; Ковалев и др., 2015; Грушин и др., 2015; Ковалев, Мунхбаяр, 2015]. Происхождение их можно связать с так называемым *tertres tumulaires* – сопровождаемым стелами и прямоугольными каменными оградами, характерными для Западной Франции 4 тыс. до н.э. [Ковалев, 2011], так что окуневские и елунические ритуальные сооружения должны, в свою очередь, рассматриваться как следствие чемурчекского влияния.

На территории распространения елунической, окуневской и каракольской культур найдены каменные сосуды, для которых можно предположить импортное, чемурчекское происхождение. Такой чемурчекский сосуд с характерным орнаментом в виде линии свисающих треугольных фестонов и свинцовой «заплаткой» найден на Лаптевском озере (Угловский район Алтайского края) [Кирюшин, Симонов, 1997]. Чемурчекский каменный сосуд со «скрепой», изготовленной из прилитого медного сплава, обнаружен в погребении 6 Каракола [Кубарев, 2009, рис. 119]. К продуктам собственно чемурчекского производства, завезенным с нынешней монгольской территории, можно отнести некоторые каменные сосуды из погребений XIII-4, XIII-9 и Аймырлыг-карьер-II, ящик 5 на могильном поле Аймырлыг [Стамбульник, Чугунов, 2006, рис. 11, 18, 27].

Исследование выдающегося ритуального комплекса Хар чулуут в верховьях р. Ховд – на чемурчекской ритуальной территории [Ковалев, 2015б], позволило выявить основные сакральные образы чемурчекского искусства. Эти изображения (параболические антропоморфы, «одноногие» фигуры с разворотом туловища анфас, «двуногие» быки с S-видными рогами и треугольной кисточкой на хвосте) находят прямые аналогии не только в близлежащих районах Монгольского Алтая, но и в петроглифах Калбак-Таша (Горный Алтай) и Сауыскандыка (Южный Казахстан) [Ковалев, Мунхбаяр, 2015]. Формирование этого репертуара образов пока не может быть удовлетворительно объяснено, хотя параболические антропоморфы, несомненно, имеют западноевропейские прототипы [Ковалев, 2012, с. 155–156]. Находка ритуальногоклада в комплексе Хар чулуут показывает, что именно чемурчекское население принесло на территорию Саяно-Алтая из Юго-Западной Европы традицию использования в ритуальных целях гравированных антропоморфных сланцевых пластинок/галеков, находки которых зафиксированы в памятниках ранней бронзы Горного Алтая и Тувы [Ковалев, 2016б].

Библиографический список

Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. I: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая / сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. СПб., 2014.

Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. СПб., 2015.

Грушин С.П., Мунхбаяр Ч., Тишкин А.А., Фрибус А.В. Росписи на каменных плитах чемурчекского кургана Бэлэн усны дэнж (Ховд сомон Ховд аймака Монголии) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. СПб., 2015. С. 142–154.

Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник / отв. ред. Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков. Барнаул, 2010. С. 53–73.

Кирюшин Ю.Ф., Симонов Е.В. Каменный сосуд из Угловского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат. науч.-практ. конф. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 167–171.

Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // Западная и Южная Сибирь в древности: сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Юрия Федоровича Кирюшина. Барнаул, 2005. С. 178–184.

Ковалев А.А. Великая чемурчекская миграция из Франции на Алтай в начале третьего тысячелетия до н.э. // Российский археологический ежегодник. 2011. №1. С. 183–244.

Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб., 2012. 158 с.

Ковалев А.А. Чемурчекские памятники Синьцзяна: артефакты, комплексы, погребальные сооружения // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель / сост. и науч. ред. А.А. Ковалев. СПб., 2015а. С. 240–279.

Ковалев А.А. Бассейн верхней Кобдо как чемурчекская ритуальная территория // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул, 2015б. С. 391–395.

Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен // История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. Т. 1: Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н.э. / отв. ред. А.П. Деревянко. М., 2016а. С. 512–515.

Ковалев А.А. Гравированные каменные пластинки из чемурчекского ритуального комплекса Хар чулуут-1 и гипотеза западноевропейского происхождения чемурчекского феномена // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): мат. междунар. конф. / под ред. В.В. Боброва. Кемерово, 2016б. С. 136–143.

Ковалев А.А. Афанасьевская культура в Синьцзяне // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2017. Вып. 247. (в печ.).

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Афанасьевско-чемурчекская курганная группа Кургак гови (Хуурай говь) и вопросы внешних связей афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 91–108.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования ритуальных оград чемурчекского облика и связанных с ними памятников в Баян-Ульги аймаке Монголии в 2014 г. // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. I: Результаты исследований в Восточном Казахстане, на севере и юге Монгольского Алтая. СПб., 2014. С. 163–234.

Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч. Чемурчекский ритуальный комплекс Хар чулуут-1 в истоках реки Ховд (Кобдо) (предварительное сообщение) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. СПб., 2015. С. 155–214.

Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Грушин С.П., Тишкин А.А., Ожередов Ю.И. Чемурчекские курганы в урочище Хуурай салааны ам (Ховд сомон Ховд аймака Монголии) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. Ч. II. Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. СПб., 2015. С. 100–141.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009. 263 с.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 19–64.

Поляков А.В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. СПб., 2010. С. 75–80.

Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 292–302.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д. Пристройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул, 2012. С. 104–114.

© 2017, И.В. Ковтун, А.Г. Марочкин, П.В. Герман

Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН, Кемерово

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКИХ, КРОХАЛЁВСКИХ И САМУСЬСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ

1. В 2011–2017 гг. получены шесть радиоуглеродных датировок для крохалёвских поселений Нижнего Притомья, в материалах которых обнаружены формы и сердечники для отливки кельтов-лопаток сейминско-турбинского времени.

Радиоуглеродная дата нагара на крохалёвском сосуде с Долгой-1, где была найдена литейная матрица кельта [Марочкин, 2011, с. 125] (рис.-12), определена 2145–1637 гг. до н.э. (94,5%) [Ковтун, Марочкин, 2013, с. 20; Ковтун, 2014, с. 91]. Крохалёвская керамика поселения Ивановка-1, на котором был обнаружен сердечник для отливки кельта, датирована 2058–1504 гг. до н.э. (92,8%), а поселения Ивановка-2 – 2296–1638 гг. до н.э. (95,4%) [Бобров, Марочкин, 2016, с. 111]*. Таким образом, датировки образцов, так или иначе связанных непосредственно с крохалёвской «ложнотекстильной» керамикой (рис.-9, 11), в калиброванных значениях не выходят за пределы XXIII–XVI вв. до н.э.

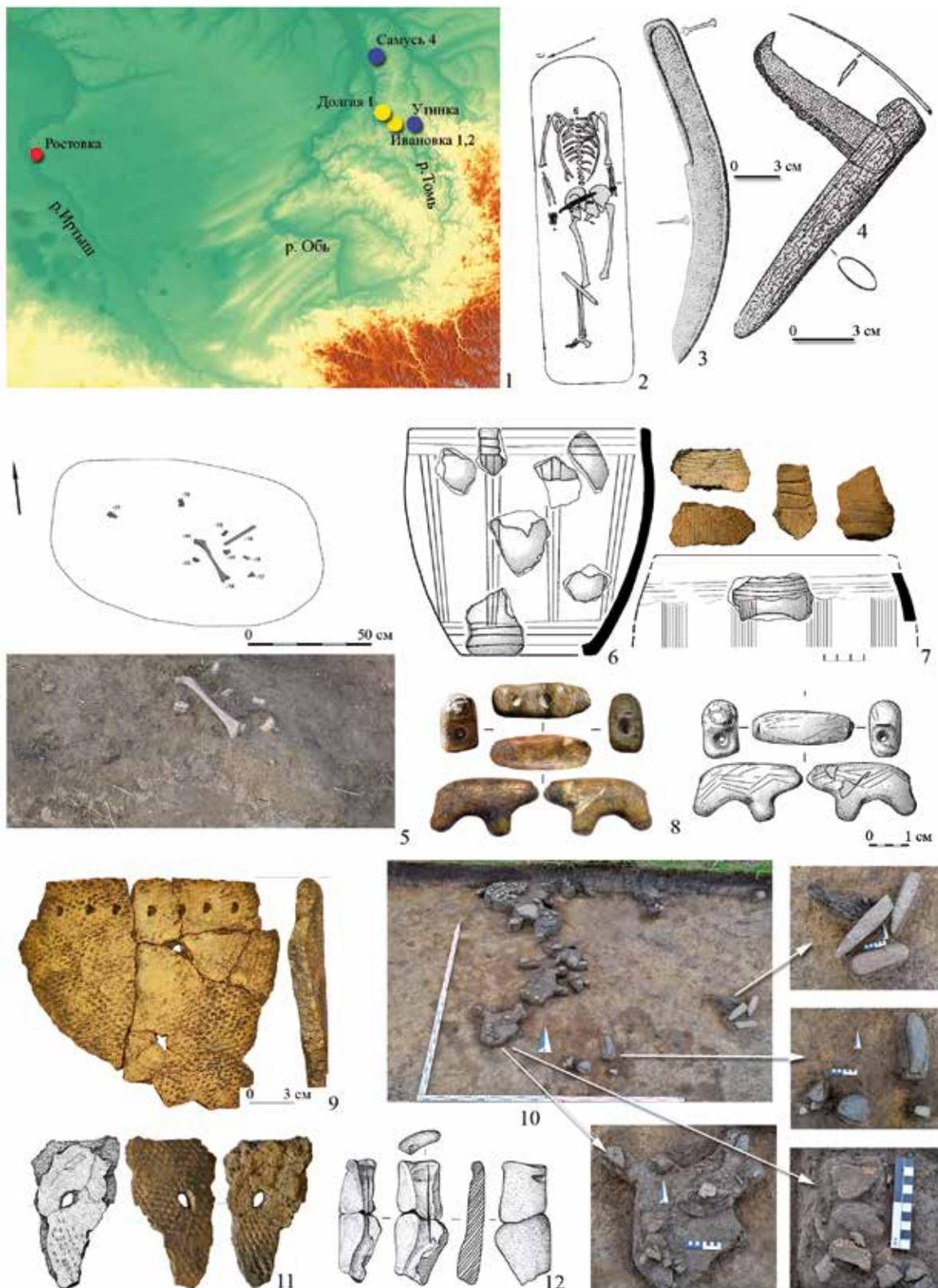
Более молодые даты получены в ИМКЭС СО РАН в 2017 г. по древесному углю из объектов поселения Ивановка-1: (ИМКЭС-14С1204) 3151±78 ВР, или 1620–1210 гг. до н.э. (95%), (ИМКЭС-14С1211) 3118±64 ВР, или 1530–1210 гг. до н.э. (95%), (ИМКЭС-14С1210) 3247±65 ВР, или 1690–1400 гг. до н.э. (95%) (табл.-1–3). Хронология этой серии ограничена XVII–XIII вв. до н.э. Диапазоны калиброванных значений для дат по керамике и углю частично совпадают, но тенденция к «омоложению» последних очевидна. Во всех случаях уголь отобран из объектов, планиграфически и стратиграфически связанных с крохалёвской посудой (рис.-10), и ощутимая разница их радиоуглеродного возраста требует корректного объяснения, в том числе на основе новых дат по ¹⁴С. Думается, коллизия, предопределившая разницу двух серий дат, полученных по керамике и углю, не связана с реальным хронологическим разрывом, а обусловлена особенностями датируемого материала. До разрешения этой проблемы предельную верхнюю границу крохалёвских поселений Верхнего Приобья целесообразно ограничить второй третью II тыс. до н.э. При этом верхний хронологический рубеж бытования кельтов-лопаток сейминско-турбинской эпохи следует соотносить с радиоуглеродной хронологией комплекса Долгая-1, где была обнаружена литейная форма такого изделия.

Новые радиоуглеродные даты памятников сейминско-турбинского времени юга Западной Сибири

№	Лабораторный номер	Описание образца	Памятник	Радиоуглеродный возраст (ВР)	Календарный возраст (cal BC/AD)
1.	ИМКЭС-14С1204	древесный уголь	Ивановка-1	3151±78	1δ (68%) 1520–1310 BC 2δ (95%) 1620–1210 BC
2.	ИМКЭС-14С1211	древесный уголь	Ивановка-1	3118±64	1δ (68%) 1490–1260 BC 2δ (95%) 1530–1210 BC
3.	ИМКЭС-14С1211	древесный уголь	Ивановка-1	3118±64	1δ (68%) 1610–1430 BC 2δ (95%) 1690–1400 BC
4.	ИМКЭС-14С983	кость человека	Утинкинское погребение	3930±92	1δ (68%) 2570–2280 BC 2δ (95%) 2700–2100 BC
5.	ИМКЭС-14С916	кость человека	Ростовка М. 29	3888±105	2δ (94,7%) 2634–2034 BC
6.	ИМКЭС-14С982	кость человека	Ростовка М. 20	3634±68	1δ (68%) 2140–1880 BC 2δ (91,5%) 2202–1872 BC

2. Ареал сейминско-турбинских кельтов-лопаток, главным образом, включает бассейн Иртыша, Верхней Оби и Рудный Алтай. Исследователи усматривают в данном оружии один из прототипов более поздних постсейминских кельтов-лопаток из предгорий Алтая, Тянь-Шаня и Памира [Кузьминых, Черных, 1988, с. 75]. Уникальный образец подобного изделия происходит из сейминско-турбинского могильника Ростовка. Абсолютная хронология сейминско-турбинских комплексов восточной части ареала обоснована, главным образом, в работах новосибирских исследователей. Дата «погребения литейщика» 282 из Сопки-2/4В с сейминско-турбинским кельтом и двумя формами для их отливки определена 2470–2030 гг. до н.э. (95,4%) [Молодин и др., 2010, с. 241–242]. Захоронение 425 из Сопки-2/4Б с кинжалом сопкинско-каракольского типа датировано 2350–2120 гг. до н.э. (88,7%). Дата погребения 427 из Сопки-2/4Б с литейной формой сейминско-турбинского копья определена 2310–2130 гг. до н.э. (92,8%) [Марченко и др., 2014, с. 464–466; Молодин, 2015, с. 105]. Одиновское захоронение 24 из Преображенки-6 с вильчатым наконечником копья сейминско-турбинского типа датировано 2310–2130 гг. до н.э. (93,6%) [Молодин, 2013, с. 313, рис. 4; Marchenko et al., 2015, p. 598, tab. 1; p. 599, fig. 3.-2]. Дата одиновского захоронения 487 из Тартаса-1 с сейминско-турбинским кельтом определена в широком диапазоне 2700–2100 гг. до н.э. (95,4%) [Молодин, 2013, с. 317–321, рис. 13.-3; 14; Марченко и др., 2014, с. 464, 466], а позднее скорректирована по совокупности двух дат, полученных для этого комплекса, в пределах XXV–XXII вв. до н.э. [Молодин, Марченко, 2015, с. 64].

* Приведенная в статье калибровка датировок крохалёвской посуды, самусьских и ростовкинских (авторских) материалов выполнена в программе OxCal v4.3.2. Bronk Ramsey (2017), образцов древесного угля – в программе OxCal 3.

Материалы памятников ранней – начала развитой бронзы на юге Западной Сибири с вновь полученными радиоуглеродными датировками: 1 – карта расположения памятников; 2, 3 – материалы м. 29 мог. Ростовка (по: [Матюшенко, Сеницына, 1988, рис. 49]); 4 – нож из м. 20 мог. Ростовка (по: [Матюшенко, Сеницына, 1988, рис. 35]); 5 – планы Утинкинского погребения; 6, 7 – керамика из Утинкинского погребения; 8 – стеатитовая зооморфная подвеска из Утинкинского погребения; 9 – крохалевская керамика поселения Ивановка-1; 10 – виды древней производственной площадки поселения Ивановка-1 на месте взятия образцов древесного угля; 11 – крохалевская керамика стоянки Долгая-1; 12 – фрагменты керамической формы для отливки кельта-лопатки со стоянки Долгая-1

Как минимум для четырех костных образцов из погребений Сопки-2/4В и Сопки-2/4Б, отнесенных к сейминско-турбинскому времени, по характерным показателям значений $\delta^{13}\text{C}$, а главное – $\delta^{15}\text{N}$ коллагена костей человека [Марченко и др., 2014, с. 466], очевиден резервуарный эффект. Это фактически признается и авторами статьи [Марченко и др., 2014, с. 467]. Различия в показателях значений $\delta^{13}\text{C}$, а особенно $\delta^{15}\text{N}$ коллагена, выделенного из костей человека и животных, обусловлены рационом питания, и по их изотопному составу устанавливаются индивиды и группы людей, в значительной степени питавшиеся рыбой. Употребление пищи водного происхождения «удревняет» коллаген костей человека (и животных) вследствие резервуарного эффекта. При наличии этого фактора радиоуглеродный возраст будет определен неверно, т.е. гораздо древнее реального. Показатели значений $\delta^{15}\text{N}$ наиболее отчетливо удостоверяют преимущественное или существенное употребление рыбной пищи. Например, при среднем значении $\delta^{15}\text{N}$ коллагена костей человека (и животных) $+16\%$ ожидаемый резервуарный эффект при теоретическом 100%-м пищевом рационе (речная и озерная рыба) может составить от 500 до 2500 лет. При сочетании в одном образце указанного значения $\delta^{15}\text{N}$ с $\delta^{13}\text{C} -20\%$ ожидаемый резервуарный эффект может составить до 500–1500 лет, а при $\delta^{13}\text{C} -24\%$ – уже до 1500–2500 лет [Изотопная масс-спектрометрия..., 2011, с. 115–116]. Значения костных образцов из четырех вышеупомянутых погребений по $\delta^{13}\text{C}$ варьируют от $-21,1$ до $-22,4\%$, а по $\delta^{15}\text{N}$ – от $+13,1$ до $+15,4\%$. Максимальные показатели (–/+) в этой серии принадлежат образцу из погребения 425 Сопки-2/4Б ($\delta^{13}\text{C} -22,4\%$ / $\delta^{15}\text{N} +15,4\%$), с кинжалом сопкинско-каракольского типа, по полученной дате (XXIV–XXII вв. до н.э.) справедливо отнесенного к сейминско-турбинской эпохе. Такая датировка, в целом, древнее нижнего рубежа Сатыги-XVI, Юринского (Усть-Ветлужского) могильника, Шайтанского Озера-II, а также Елунино-I, в среднем на 200–400 лет. Судя же по уровню азота в образце из этого и других захоронений, за методически неизбежной коррекцией полученных результатов последует их «омоложение».

В 2016 г. И.В. Ковтуном в ИМКЭС СО РАН была получена радиоуглеродная дата костей погребенного из захоронения 29 могильника Ростовка (рис.-2, 3) с бронзовым выгнутообушковым ножом [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 39, 40, рис. 49.-2] – (ИМКЭС-14С916) 3888 ± 105 ВР, или 2634–2034 гг. до н.э. (94,7%) [Ковтун, 2016а, с. 63; 2016б, с. 74]. Еще одна дата получена по костям человека из могилы 20 (ИМКЭС-14С982), с составным коленчатым ножом (рис.-4) – 3634 ± 68 ВР, или 2202–1872 до н.э. (91,5%). Полагаем, к данным датам (табл.-5–6) в полном объеме применимы вышеизложенные выводы о наличии резервуарного эффекта, поскольку Ростовка входит в единый круг сейминско-турбинских памятников омь-гартасского района.

Полученные нами даты как по имеющимся крайним показателям, так и по сумме средних значений сопоставимы с опубликованной год спустя серией из десяти радиоуглеродных датировок костных останков погребенных из семи захоронений Ростовки: погребение 5: 3682 ± 40 ВР, или 2197–1951 гг. до н.э.; погребение 8, скелет 4: 3709 ± 34 ВР, или 2202–1983 гг. до н.э.; погребение 8, скелет 4: 3708 ± 30 ВР, или 2200–2023 гг. до н.э.; погребение 23: 3822 ± 32 ВР, или 2455–2144 гг. до н.э.; погребение 24: 3564 ± 38 ВР, или 2054–1774 гг. до н.э.; погребение 27: 3655 ± 40 ВР, или 2141–1918 гг. до н.э.; погребение 27: 3635 ± 40 ВР, или 2135–1896 гг. до н.э.; погребение 33: 3640 ± 31 ВР, или 2133–1919 гг. до н.э.; погребение 34: 3646 ± 39 ВР, или 2137–1919 гг. до н.э.; погребение 34: 4066 ± 50 ВР, или 2862–2473 гг. до н.э. [Marchenko et al., 2017, p. 7, tabl. 1]. Предполагаемая исследователями величина резервуарного эффекта для сейминско-турбинских памятников Западной Сибири, обусловленная разницей датировок, полученных по костным останкам и углю, может составить 200–300 лет [Marchenko et al., 2017, p. 11–12], с чем следует согласиться*.

3. До последнего времени не имелось естественнонаучных оснований для датировки самусьских древностей. При этом хорошо известны доводы исследователей об их сходстве с окуневскими материалами, типологической близости ряду сейминско-турбинских орудийных форм и т.д. Поэтому актуальной остается проблема принадлежности собственно самусьского комплекса либо к эпохальному культурно-историческому горизонту, включавшему окуневскую, каракольскую, одиновскую и кротовскую культуры, либо к числу культурных образований раннего постсейминско-турбинского типа.

* К сожалению, невозможно согласиться с необоснованно обобщенным и неверным утверждением о якобы датировке И.В. Ковтуном сопкинско-каракольских кинжалов концом II тыс. до н.э. Ссылка на монографию «Предыстория индоарийской мифологии» содержанию этой работы не соответствует [Marchenko et al., 2017, p. 4–5]. Ни в указанной книге, ни в других работах И.В. Ковтуна рассматриваемые кинжалы не датируются концом или даже второй половиной II тыс. до н.э. Данные кинжалы были отнесены к числу «постсейминских» [Ковтун, 2013, с. 322–325], что указывает на середину 1-й четверти – конец 1-й трети II тыс. до н.э. [Ковтун, 2016б, с. 74], но никак не на конец II тыс. до н.э., соответствующий, как общеизвестно,

В 2016 г. по костям ребенка из захоронения на оз. Утинка в Ачинско-Мариинской лесостепи [Бобров и др., 2010] была получена первая радиоуглеродная дата для самусьского комплекса (ИМК-ЭС-14С983) – 3930±92 ВР, или 2678–2139 до н.э. (94,1%) (табл.-4; рис.-5–8). Мы не исключаем возможной погрешности, вызванной резервуарным эффектом. Определение ее наличия и величины – дело ближайшего будущего.

В 2016–2017 гг. нами были предприняты попытки радиоуглеродного датирования самусьской керамики поселения Самусь-4 в лабораториях Санкт-Петербурга (ЛИИ РГПУ) и Томска (ИМКЭС СО РАН), но в обоих случаях получены аномально древние даты, в диапазоне IX–VI тыс. до н.э. Указанные результаты обусловлены особенностями органических включений керамического теста, не пригодных для объективной датировки. Поэтому на сегодняшний день дата Утинкинского погребения остается единственно приемлемой для предварительного определения времени самусьской культуры.

4. Таким образом, хронология крохалёвских комплексов по разным данным ограничена XXIII–XVI вв. до н.э., а без крайних значений – XXII–XVII вв. до н.э. (по керамике) или XVII–XIII вв. до н.э. (по углю). Диапазон датировок сейминско-турбинских древностей (без дат Ростовки) составляет XXVII–XXI вв. до н.э., а без крайних значений – XXV–XXII вв. до н.э. Датировки Ростовки укладываются в XXVII (XXIX ?)–XIX (XVIII ?) вв. до н.э., а без крайних показателей – в пределах XXIII–XXI вв. до н.э. Единственная дата самусьского комплекса охватывает XXVII–XXII вв. до н.э. Перечисленные датировки указывают на позднесейминско-турбинский или ранний постсейминско-турбинский возраст крохалёвского комплекса Кузнецкой котловины и, возможно, на собственно сейминско-турбинское время самусьских древностей. Сделанные выводы вносят коррективы в ранее изложенные представления [Ковтун, Марочкин, 2011], но нуждаются в дополнительных подтверждениях.

Библиографический список

Бобров В.В., Волков П.В., Герман П.В. Утинкинское погребение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. №4. С. 76–84.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Крохалёвская культура ранней бронзы на территории Кузнецкой котловины (специфика материального комплекса и хронология) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2016. №4 (42). С. 108–112.

Изотопная масс-спектрометрия легких газообразующих элементов. Проблемы аналитической химии. М., 2011. Т. 15. 236 с.

Ковтун И.В. Шепот духов: (этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц). Кемерово, 2014. 171 с.

Ковтун И.В. Сопкинско-каракольские кинжалы и сейминско-турбинская эпоха // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2016а. Вып. 27. С. 62–76.

Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань, 2016б. 547 с.

Ковтун И.В. Клинковое оружие сейминско-турбинских группировок // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2016в. №4 (42). С. 103–107.

Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Арчекацкий кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №1. С. 69–76.

Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Лодка и пятнадцать «пассажиров» // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2013. №2 (8). С. 17–24.

Кузьминых С.В., Черных Е.Н. К проблеме происхождения кельтов-лопатов // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 74–76.

Марочкин А.Г. Материалы раскопок у Новоромановской писаницы: комплекс крохалёвской культуры эпохи ранней бронзы // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово, 2011. Т. 1. С. 124–127.

Марченко Ж.В., Молодин В.И., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Погребальные комплексы с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) и их радиоуглеродная хронология // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. С. 463–468.

постандоновской, а не постсейминской эпохе. Кроме того, необходимые концептуальные коррективы в связи с обнаружением ранее неизвестных радиоуглеродных дат, в том числе и одного из этих кинжалов, публиковались неоднократно [Ковтун, 2016а, с. 62–76; 2016в, с. 103–107], но остались незамеченными коллегами.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. 136 с.
Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // *Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А.П. Деревянко*. Новосибирск, 2013. С. 309–324.

Молодин В.И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория распространения, истоки) // *Вестник КемГУ*. 2015. №2 (62). Т. 6. С. 97–107.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск, 2010. Т. XVI. С. 240–246.

Marchenko Z.V., Orlova L.A., Panov V.S., Zubova A.V., Molodin V.I., Pozdnyakova O.A., Grishin A.E., Us-lamin E.A. Paleodiet, radiocarbon chronology, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: preliminary results // *Radiocarbon*. 2015. Vol. 57, №4. P. 595–610.

Marchenko Z.V., Svyatko S.V., Molodin V.I., Grishin A.E., Rykun M.P. Radiocarbon chronology of complexes with Seima-Turbino type objects (bronze age) in Southwestern Siberia // *Radiocarbon*. 2017. P. 1–17.

© 2017, О.Н. Корочкова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

МЕТАЛЛ В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ (Среднее Зауралье и Западная Сибирь)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-06-00174а
«Урал и Западная Сибирь в системе связей Западноазиатской металлургической провинции»)

В конце III – начале II тыс. до н.э. в Евразии происходит колоссальное расширение зоны металлоносных культур. Бронзовые орудия и новые технологии металлообработки распространяются далеко на восток от Уральского хребта, о чем свидетельствует феномен Западно-Азиатской (Евразийской) металлургической провинции [Черных, 2013, с. 218–242]. Внедрение инноваций бронзового века происходило по разным сценариям. Во многом это зависело от уровня развития местных обществ, их подготовленности к усвоению новых технологий. Немаловажное значение имел сырьевой фактор. В пределах провинции на особый статус претендовало несколько регионов: Восточный и Центральный Казахстан, Южный и Средний Урал. Меднорудные залежи перечисленных территорий обладают специфическими качествами, что сказалось на характере сложившихся здесь традиций горнорудного, металлургического и литейного дела. Наиболее выпукло эти особенности передают металлические комплексы сейминско-турбинского, самусьско-кижировского и евразийского типов. Особенно поражает высокий технологический уровень сейминско-турбинских изделий, отлитых по дотоле неизвестному способу тонкостенного втульчатого литья из оловянистой бронзы.

Распространение передовой сейминско-турбинской технологии происходило преимущественно в среде культур, занимавших окраинные подтаежные и таежные зоны провинции (кротовская, елунинская, одиновская, коптяковская, ташковская, кульеганская, полымьятская). Евразийские/«степные» традиции, основанные на циркумпонтийском наследии, демонстрируют изделия, отлитые из мышьяковых сплавов, обнаруженные в составе комплексов синташтинского и петровского типов. По сути, речь идет о развитии двух альтернативных технологий, которые в дальнейшем претерпели заметные изменения и показали различные модели внедрения и развития металлообработки.

Инновационный приоритет, безусловно, принадлежал сейминско-турбинским традициям. Для того времени это была суперпрогрессивная технология, которая обладала несомненными преимуществами. Она существенно сэкономила расход металла, обеспечивала литье сложных форм, позволяла добиваться высокого качества изделий, сплошная втулка гарантировала прочность изделий и избавляла от необходимости дополнительных кузнечных операций. И тем не менее эта передовая технология «проиграла» степной. После яркого взрывного периода, отмеченного хождением индивидуального оружия, обнаруженного преимущественно в культовых комплексах (Сейма, Турбино, Ростовка и др.), включавшего кинжалы со скульптурными навершиями и ажурными рукоятями, вильчатые наконец-

ники копий, кельты, многочисленные миниатюрные инструменты, наступает некий период забвения. Металл культур андроновского круга, характеризующих стабильную фазу провинции, представлен стандартными сериями предметов, вобравших сейминско-турбинское наследие лишь отчасти. А в культурах таежной зоны этого времени металл и вовсе практически исчезает [Корочкова, Стефанов, 2011; Корочкова, Спиридонов, 2015, с. 103]. Во всяком случае, представительство его в археологических комплексах и среди корпуса случайных находок заметно падает [Корочкова, 2012, с. 140–145]. Более того, в отсутствие металлических знаков таежные культуры 2-й половины II тыс. до н.э., по сути, не идентифицируются. Для демонстрации примера достаточно обратиться к археологической карте Среднего Приобья, где сейчас известно довольно много памятников кульгганского типа, хронологический диапазон которых лежит в пределах рубежа – 1-й трети II тыс. до н.э.* [Мызников и др., 2012, с. 70], а следующий этап в существующей схеме позиционируют памятники атлымской, лозвинской культур, которые соотносятся с комплексами финала бронзового века в лесостепной полосе. Близкая ситуация прослеживается и на материалах Кондинской низменности, где выделены памятники полымьятского, варпаульского и лозвинского типов, но в этой культурно-хронологической колонке также нет комплексов, которые можно уверенно синхронизировать с андроновскими. Более того, до сих пор керамика варпаульского типа остается атрибутом исключительно культовых памятников. Не вдаваясь в детали этой дискуссии, тем более, она детально изложена в специальных работах [Корочкова, Стефанов, 2011, с. 81–84; Корочкова, 2012; Корочкова, Спиридонов, 2015], вернемся к главному предмету обсуждения – металлу. В таежной зоне до сих пор не найдено ни одного металлического орудия, соответствующего стандартам андроновской металлообработки. Возникает вопрос: почему в таежную зону Западной Сибири перестали поступать изделия из производящих центров андроновского мира? Хотя надо сказать, что и раньше предметы степных мастеров редко доходили до таежных аборигенов. Самым северным пунктом типичной находки абашевско-синташтинского типа – вислообушного топора – является Горбуновский торфяник [Эдинг, 1940, рис. 9.-3]. Ареал хождения изделий, отливавшихся мастерами синташтинской и петровской культур, не простирался далее лесостепного Зауралья. В тайге на сегодняшний день известны всего две находки – двулезвийный нож из погребения 3 могильника Сатыга-XVI [Кузьминых, 2011, с. 34, 35] и подвеска в полтора оборота с пос. Пяку-То-I [Косинская, 2010, рис. 41.-10], сопоставимые, прежде всего, с синташтинско-петровскими, а не андроновскими изделиями. Иные знаки степного облика в тайге на сегодняшний день неизвестны. Главными проводниками и поставщиками металла, судя по типологии известных металлических находок [Корочкова, Спиридонов, 2015, рис. 3], в это время были собственно носители сейминско-турбинского феномена и мастера производящего центра в Среднем Зауралье.

Скорее всего, именно дальнейшая судьба этого центра сказалась на ситуации с металлом в таежной зоне. Перспективы металлообработки в таежной зоне Западной Сибири во многом зависели от поставок металла из горнорудных районов или соседних культур производящего круга. Однако подобные связи археологически не реконструируются. Лесные культуры в стабильной фазе развития Западно-Азиатской (Евразийской) провинции, археологически документированные древностями андроновской общности, демонстрируют некоторую изолированность от происходивших на ее территории информационных процессов. Во многом это объясняется направленностью связей производящих культур исключительно внутри своего домена [Черных, 2011, с. 51]. Другое не менее важное обстоятельство – востребованность в металле среди охотников и рыболовов была невысокой. В их системе жизнеобеспечения орудия из бронзы не повлекли заметных перемен в местном укладе. Показательно, что и позднее, на рубеже II–I тыс. до н.э., в пору оживившихся связей Севера и Юга, металлические изделия представлены, прежде всего, культовыми предметами. Ситуация резко изменится с наступлением эры железных орудий, более доступных для производства и соответственно широко использовавшихся в дарообмене.

Определенное значение имело и время металла в истории той или иной культуры. Если на первых порах «взаимоотношения» с ним складывались преимущественно в иррациональном ракурсе, то позже металл становится средством институализации богатства и собственности. Об этом сообщают пусть немногочисленные, но имеющиеся примеры кладовых комплексов [Корочкова и др., 2013], исчезновение металлоемких предметов из погребальных комплексов. На смену им приходят иные знаки – метал-

* Спорная ситуация в связи с датами Савкинской Речки-I специально прокомментирована коллегами [Мызников и др., 2012, с. 70–71], которые считают, что столь заметное «выпадение» компактной группировки Савкинской Речки-I из хронологической шкалы иных кульгганских памятников нуждается в дополнительной верификации.

личные украшения. В районах, удаленных от мест непосредственного производства металла, в обрядовой практике вместо металлических предметов используются глиняные модели. Такие примеры известны по материалам сузгунской культуры [Галкин, 1987, рис. 1, 2].

Иную модель включения в систему связей Западно-Азиатской металлургической провинции демонстрируют археологические памятники Среднего Зауралья. Здесь в начале II тыс. до н.э. складывается самостоятельный центр металлообработки, вобравший в себя принципиальные достижения сейминско-турбинских мастеров и степных центров, о чем свидетельствует, прежде всего, металлокомплекс святилища Шайтанское Озеро-II [Серииков и др., 2009; Корочкова, Стефанов, 2010; 2013]. Специфику металлопроизводства составляет сочетание сейминско-турбинских и евразийских (синташтинско-петровских) традиций, наличие гибридных образцов. Причем такое комбинирование зафиксировано только для ножей-кинжалов. А в целом комплекс оставляет впечатление собрания изделий, отлитых по различным стандартам.

Изделия среднеуральского или коптяковско-сейминского центра, как предложил называть его Д.Г. Савинов [2015, с. 92–99], в начале II тыс. до н.э. имели хождение в ограниченной среде. При этом наблюдаются некие отличия в адресации. Так ножи-кинжалы с прилитыми рукоятями определенно приурочены к лесостепной полосе [Корочкова, Спиридонов, 2016]. А вот кельты с ложными ушками и пышным геометрическим орнаментом, за которыми закрепилось название кельты самусьско-кижировского типа, определенно тяготеют к таежной зоне [Черных, Кузьминых, 1989, с. 144–161; Спиридонов, 2014]. Понятно, что эти представления во многом ограничены имеющейся на сегодня источниковой базой, но и игнорировать их не стоит. Заметим, что и позднее кельт останется в снаряжении таежного аборигена как наиболее распространенное и знаковое оружие. Этот вывод можно подкрепить ссылкой на замечательную находку вотивного кельта с рукоятью – так называемую таборинскую находку [Кузьминых, Стефанов, 2014].

Функционирование коптяковско-сейминского центра, которое приходится на время 2150–1600 ($\pm 1 \sigma$) / 2500–1300 ($\pm 2 \sigma$) гг. до н.э. [Черных и др., 2017, с. 46], не привело в дальнейшем к кардинальной перестройке местного уклада, а позднее он и вовсе перешел в стадию латентного развития. Во всяком случае, металлопроизводство черкаскульской культуры, которая стадийно наследовала в Зауралье коптяковскую, было весьма ограниченным. А, если к этому добавить, что после открытия Шайтанки большая часть ассортимента, относимого ранее к «черкаскулю», приобрела коптяковскую атрибуцию [Корочкова, Стефанов, 2010, с. 128–129], то вопрос можно сформулировать еще более остро. Почему столь внезапно и резко прекратилось существование самобытного металлоносного центра?

Скорее всего, это объясняется тем, что металлопроизводство в Среднем Зауралье сформировалось при участии пришлых групп, которые проявили интерес к местным рудам. Но в условиях отсутствия необходимых предпосылок для развития скотоводства и земледелия его дальнейшее развитие как специально выделенной отрасли было ограничено. Сказывалась также демографическая ситуация. Среднее Зауралье в бронзовом веке, судя по карте археологических памятников, было слабо заселено [Корочкова, Спиридонов, 2015, рис. 1]. Достаточно сравнить археологические карты предшествующего периода энеолита [Чаиркина, 2005, рис. 1] и последующего раннего железного века, когда здесь обитали носители гамаюнской и иткульской культур [Бельтикова, 2005, рис. 1, 2]. Причины столь кардинальных различий во многом объясняются климатическими условиями, которые привели в конце III тыс. до н.э. к массовому заболачиванию местных немногочисленных озер и существенному сокращению ресурсов местной биоты, а условий для успешного развития скотоводства и тем более земледелия здесь не было.

По сути дела, становление металлоносной эпохи в Среднем Зауралье происходило в экстремальных условиях. Историческая ретроспектива вместе с тем показывает, что для успешного развития технологий необходим целый ряд факторов, среди которых особое значение имеет образ жизни. Все основные технологические инновации генерируются в культурах производящей экономики, что сопровождается повышением плотности населения, обеспечивает усложнение социальных отношений и ставит целый ряд когнитивных вызовов. Одной из ответных реакций на подобные когнитивные вызовы как раз и является возникновение и развитие технологий металлопроизводства, которые были ориентированы, прежде всего, на развитие вооружения [Дьяконов, 1994, с. 13, 14].

Наращение социальной напряженности в регионе было стимулировано притоком новых групп населения, конкуренцией за источники сырья. Учитывая технологии того времени, понятно, что в сферу приоритетного внимания попали меднорудные скарновые месторождения, в зоне выветривания которых находились окисленные руды и самородная медь. Исходя из специфики геологии региона, можно

предполагать, что наиболее привлекательной оказалась территория, простиравшаяся от современного г. Полевского (Гумешевская группа месторождений) до Нижнего Тагила (Меднорудьянская группа). Именно на эти районы приходится основное количество известных памятников коптяковской культуры, в том числе святилище Шайтанское Озеро-II (Шайтанка).

Металлический и каменный инвентарь, а также керамический сервиз святилища Шайтанка как раз отражает повышенный интерес к этой территории самых различных групп населения ближайшей и дальней округи, но прежде всего групп степного населения [Корочкова, Спиридонов, 2016]. Не исключено, что своего рода информационный взрыв, связанный со становлением местного металлопроизводства, во многом был обусловлен борьбой за новые жизнеобеспечивающие ресурсы, в разряд которых входили меднорудные запасы края, и во многом был стимулирован развитием новых форм вооружения. Примечательно, что среди известных на сегодня предметов коптяковско-сейминского центра, чрезвычайно мало индивидуальных вещей. Ассортимент представлен преимущественно серийными изделиями определенных стандартов.

Почему коптяковско-сейминский центр прекратил свое существование? Ответ на этот вопрос лежит в области вероятностных предположений. Но стоит обратить внимание на некоторые обстоятельства, которые в рассматриваемом ракурсе могут иметь значение. В последующее время, археологически документированные памятниками черкаскульской культуры, на Среднем Урале наблюдается все та же низкая плотность населения. Ориентация ее носителей на скотоводство в качестве основной жизнеобеспечивающей стратегии подтверждается картой археологических памятников, локализованных преимущественно в лесостепных районах [Обыденнов, Шорин, 1995, рис. 1]. Заметно явное ослабление степных связей. Андроновские (алакульские и федоровские) памятники также крайне немногочисленны [Потемкина и др., 1995, с. 115–116; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 4–6], а металлические предметы этого времени в горнолесном Зауралье практически исчезают.

По-видимому, развитие металлообрабатывающего центра имело ограничивающие барьеры. Не исключено, что это связано с поверхностной выработкой окисленных руд и самородной меди. До сих пор в нашем распоряжении нет никаких данных о горнорудном и металлургическом производстве коптяковско-сейминского центра. Можно только предполагать, что они существовали, так как в иткульской культуре раннего железного века, которая во многом наследовала традиции мастеров бронзового века, эти отрасли реконструируются как вполне сложившиеся.

Однако и иткульский центр просуществовал недолго (VIII–III вв. до н.э.) и без «степного запроса» прекратил свое существование [Корякова и др., 2011, с. 13–14]. Эти примеры еще раз убедительно подтверждают концепцию непреложной связи металлообработки с производством пищи или тесной интеграцией с культурами производящего образа жизни. В условиях приоритета присваивающих стратегий жизнеобеспечения перспективы металл-инноваций имеют ограничивающие барьеры.

Библиографический список

- Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 162–186.
- Галкин В.Т. Новые памятники сузгунской культуры // Источники по истории Западной Сибири. История и археология. Омск, 1987. С. 39–47.
- Дьяконов И.М. Пути истории. М., 1994. 384 с.
- Корочкова О.Н. Первый металл в культуре таежных аборигенов Западной Сибири и Среднего Урала // Вестник Новосибирского государственного университета. 2012. Т. 11, вып. 3. С. 137–147.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А. О судьбах инноваций в культурах присваивающего мира Урала и Западной Сибири // Уральский исторический вестник. 2015. №3 (48). С. 96–107.
- Корочкова О.Н., Спиридонов И.А. Степные знаки в металле святилища Шайтанское Озеро-II // Уральский исторический вестник. 2016. №4 (53). С. 68–76.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // Российская археология. 2010. №4. С. 120–129.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Сатыга-XVI в системе культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири / Сатыга-XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург, 2011. С. 60–85.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // Российская археология. 2013. С. 87–96.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Усачев Е.В., Ханов С.А. Гладунинский клад эпохи бронзы // Уральский исторический вестник. 2013. №2 (39). С. 129–136.

Корякова Л.Н., Кузьминых С.В., Бельтикова Г.В. Переход к использованию железа в Северной Евразии // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии. СПб., 2011. С. 11–16.

Кузьминых С.В. Металлические изделия // Сатыга-ХVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург, 2011. С. 32–37.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995. 196 с.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышь в конце эпохи бронзы. М., 1995. 107 с.

Савинов Д.Г. О двух путях распространения бронзовых изделий сейминского типа на восток // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул, 2014. С. 91–99.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // АЭАЕ. 2009. №2 (38). С. 67–78.

Спиридонов И.А. О металлообработке самусьско-кижировского типа: кельты // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. I. С. 656–660.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург, 2000. 105 с.

Стефанов В.И., Кузьминых С.В., Ханов С.А. Таборинская миниатюра (к вопросу о конструкции кельтов эпохи бронзы и раннего железа) // Краткие сообщения Института археологии. 2014. №236. С. 61–69.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005. 312 с.

Черных Е.Н. Парадигма археологии сквозь призму естественно-научных методов // Вестник Российской Академии наук. 2011. Т. 81, №1. С. 43–55.

Черных Е.Н. Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. М., 2013. Т. 1. 368 с.

Черных Е.Н., Корочкова О.Н., Орловская Л.Б. Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского транскультурного феномена // Археология, антропология и этнология Евразии. 2017. №2. С. 37–47.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.

© 2017, С.В. Кузьминых, И.Е. Сафонов

*Институт археологии РАН, Москва;
Воронежский государственный университет, Воронеж*

О КОНЦЕПЦИЯХ РАЗВИТИЯ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.:

В.А. ГОРОДЦОВ и А.М. ТАЛЬГРЕН

В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн внесли огромный вклад в историю отечественной археологии первой половины XX в. Особенно это касается их роли в создании оригинальных концепций развития бронзового и раннего железного веков Северной Евразии, ставших в некоторой степени отправной точкой для формирования данной проблематики в Российской империи, СССР, современной России [Белозёрова и др., 2011; Кузьминых и др., 2014; Кузьминых, Сафонов, 2014].

Применительно к изучению проблематики эпохи раннего металла научный рост обоих исследователей происходил во многом параллельно (наиболее интенсивный период приходится на первую четверть XX столетия). Основная схема культурогенеза эпохи бронзы сложилась у В.А. Городцова к 1910 г., когда был издан курс «Бытовой археологии» [Городцов, 1910].

В этой работе им была обоснована концепция «культурных очагов», «лучей» и «культурных течений», их взаимодействие и влияние на них более развитых цивилизаций Востока. По вопросу о происхождении изготовления медных и бронзовых орудий В.А. Городцов в своих построениях во мно-

гом ориентировался на взгляды европейских исследователей конца XIX – начала XX в. (С. Мюллера, О. Монтелиуса, Ж. Дешелета и др.), считавших Переднюю Азию (Месопотамию) первичным очагом развития древнейшей технологии металла (медь–бронза). Оттуда она распространилась на север путем «закона соприкосновений» или «закона совпадений».

В «Бытовой археологии» культурные общности эпохи раннего металла (в первую очередь, ямная, катакомбная, срубная), а вместе с ними и занимаемые ими пространства впервые были сгруппированы в территориальную культурно-хронологическую систему, включенную, в свою очередь, в историческое развитие всей совокупности степных цивилизаций Евразии. Работа стала фактически первым теоретическим обобщением проблематики эпохи раннего металла на всей обширной территории России. Важно отметить ее научно-популярный, учебный характер, доступность для широкого круга читателей, что позволило этому изданию стать настольной книгой для нескольких поколений как профессиональных археологов, так и просто любителей древностей, в том числе в советские годы.

В то же время – ввиду неясности термина «культурное течение», отсутствия твердых хронологических границ для него, включения в его рамки как синхронных, так и асинхронных памятников – сам этот термин был истолкован другими поколениями археологов в буквальном смысле слова, что сыграло в дальнейшем свою не лучшую роль в определении хронологии и связей целого ряда культурных образований [Сафронов, 1983].

Обозначенные В.А. Городцовым ранее культурные течения и лучи стали предтечей для последующего обращения ученого к более подробной их характеристике и как следствие – выход на выделение уже конкретных археологических культур. К 1915 г. общие концептуальные представления Василия Алексеевича были существенно конкретизированы и наполнены реальным содержанием, в его научный лексикон прочно вошел термин «археологическая культура». В архиве исследователя сохранилась запись: «*Культурой я называю большой комплекс памятников, связанных территориально и хронологически, характеризующийся рядом вещей и явлений, свойственных только этому комплексу*» [ОПИ ГИМ. Ф. 431, ед. хр. 186, л. 36]. Начиная с этого времени одной из основных целей В.А. Городцова станет систематизация и упорядочивание археологического материала с целью выделения конкретного культурного образования. Эти перемены явственно отразил его труд «Культуры бронзового века в Средней России» [Городцов, 1915]. В нем им анализируются три культурных образования: фатьяновская, донецкая катакомбная и сейминская культуры. Но подготовка этой работы, по замечанию самого автора, была сопряжена с интенсивной деятельностью по выявлению всех памятников эпохи бронзы, «...*следуя от центра России в направлении Среднего Урала и Сибири и в направлении Западного Черноморья*».

Практически одновременно с работами В.А. Городцова финский археолог публикует свою диссертацию о медном и бронзовом веке на севере и востоке Европейской России [Tallgren, 1911]. В ней он показал, что бронзовый век на северо-востоке Европейской России – явление самостоятельное, сформировавшееся на основе местного каменного века и под влиянием южных степных культур. Это был важный шаг, поскольку ранее древности Волго-Уральского региона (Восточной России, в терминологии дореволюционной русской и финской археологии) рассматривались согласно теории Й.Р. Аспелина, опиравшегося на «саянскую» гипотезу лингвиста М.А. Кастрена о происхождении урало-алтайских языков, об отсутствии собственной динамики в эволюции бронзового века лесной полосы Европейской России. Й.Р. Аспелин считал, что эти процессы определялись развитием единого урало-алтайского бронзового века, а стержнем последнего была миграция предков финно-угорских народов из Азии в Северную и Северо-Восточную Европу.

Важное место в исследованиях М.А. Тальгрена этого периода отводилось фатьяновской культуре, ставшей для него ключом к пониманию самого зарождения бронзового века в Европейской России и связям ее носителей с другими культурными группами в Европе. В диссертации 1911 г., в главе «Галичский клад и так называемая фатьяновская культура на Верхней Волге», последняя рассматривалась, прежде всего, в контексте изучения материалов клада и Туровского поселения, в керамическом комплексе которого им были выделены сосуды фатьяновского типа. М.А. Тальгрэн не ограничился сопоставлением керамики этого поселения и сосудов из могильников фатьяновской культурной группы Верхнего Поволжья – Фатьяновского, Великосельского, Чуркинского и др. Он впервые с помощью карт наметил ареал керамики фатьяновского типа в Восточной Европе [Tallgren, 1911, вклейка].

К 1915 г. у финского ученого, судя по всему, уже было выработано собственное видение процессов формирования и развития евразийских культур бронзового века. В 1916 г. он издал каталог бронз знаменитой коллекции В.И. Заусайлова, сопроводив его исследованием по эпохе раннего металла Вол-

го-Уралья [Tallgren, 1916]. Ему удалось наметить ареалы каменных сверленных и клиновидных топоров в Восточной Европе, а также медных втульчатых топоров и украшений, известных по материалам фатьяновских могильников. В 1917 г. вышел аналогичный каталог коллекции И.П. Товостина с обзором древностей бронзового, раннего железного веков и последующих эпох на Енисее [Tallgren, 1917]. В 1918 г. был опубликован второй том каталога коллекции В.И. Заусайлова с обзором материалов железного века и булгарской эпохи [Tallgren, 1918].

Анализируя концептуальные построения В.А. Городцова и М.А. Тальгрена, в первую очередь, следует отметить разность их исследовательских подходов. Для российского ученого более характерной являлась обобщающе-энциклопедическая направленность поисков. Финского археолога, пожалуй, можно признать сторонником конкретно-исторического подхода. Не случайно при выделении и обсуждении вопросов и проблем он более умело оперирует материалом: примером тому дискуссии о происхождении фатьяновской культуры, соотношении Галичских стоянок и клада, хронологии фигурных топоров-молотов и т.д. В.А. Городцов, напротив, первоначально стремился выстроить определенную схему, а затем старался нарастить каркас материалом. Инструментом для этого являлось создание определенной классификации, в которую как в отдельную, но взаимосвязанную с другими ячейку можно было бы поместить конкретное культурное образование.

На протяжении всей научной деятельности Василий Алексеевич с завидным упорством отстаивал точку зрения о доминировании юго-восточного и восточного импульсов на формирование и развитие культур эпохи бронзы Европейской России. Западный импульс (который в его понимании объемлет любой вектор связей, идущих из Западной Европы, включая Балканы и западную часть Средиземноморья) играл в данных процессах, по мнению российского ученого, второстепенную роль. Не случайно в обобщающих работах В.А. Городцова по археологии Евразии («Первобытная археология» и ее переработанное издание начала 1920-х гг. «Археология. Каменный период»; «Бытовая археология» и ее рукописное продолжение в неизданном втором томе «Археологии») изложение материалов начиналось с самых древнейших цивилизаций Востока и их влияния на историю более северных или западных народов. Лишь значительно позже на рубеже 1930–1940-х гг., когда ученый вновь глубоко погрузился в проблематику эпохи бронзы и приступил к подготовке к изданию второго тома «Археологии», посвященного палеометаллической эпохе, он признал связь *«средиземноморских культур бронзовой эпохи с культурами Малороссии»* [Сафонов, 2002].

В свою очередь, М.А. Тальгрэн иначе оценивал степень влияния отдельных импульсов, а также имел иные представления о конце позднего бронзового века, ограничивая его временем *«ок[оло] 4-го века до Р.Хр.»*. Финский ученый не усматривал сибирского (саяно-алтайского) влияния до этого периода на культуры Урала и Волго-Камья. В отличие от глобальных построений мирового процесса культурогенеза, предложенных российским коллегой, М.А. Тальгрэн более «приземлено», более конкретно подходил к решению спорных вопросов. Он полагал, что *«в Западной Сибири культура бронз[ового] века почти одинакова с культурой в Восточной России»*.

В 1920-е гг. знакомство с археологическими материалами юга СССР в корне изменило вектор исследовательских интересов финского ученого: на первый план вышли степные и лесостепные культуры бронзового века Восточной Европы. Итогом их изучения стала книга *«La Pontide préscythique après l'introduction des métaux»* [Tallgren, 1926]. После 1928 г. М.А. Тальгрэн сконцентрировался на разработке проблем эпохи раннего металла Северного Кавказа.

Как показывает переписка российского и финского ученых, основное противоречие в их взглядах заключалось в локализации изначальной области фатьяновской культуры, путей ее распространения на Верхнюю Волгу и Оку? В связи с этим следует вспомнить о точке зрения А.А. Спицына, который считал, что фатьяновская культура в центре Русской равнины сложилась в результате миграции группы населения с южных территорий. Рассматривая аналогии фатьяновским древностям Верхнего Поволжья, он обратил внимание на сходство низкошейных шаровидных сосудов фатьяновской культуры с аналогичными формами, присутствующими в северокавказской керамике эпохи бронзы [Кузьминых, Сафонов, 2009]. Судя по всему, аргументы А.А. Спицына учитывались В.А. Городцовым, в то время как финский исследователь, соглашаясь с их доводами о северокавказских истоках фатьяновской культуры, всё же стремился отстаивать гипотезу о многовекторных связях данной культуры. М.А. Тальгрэн совершенно справедливо указывал на возможность проникновения западно- и среднеевропейских элементов, а также на синхронность фатьяновской культуры с галичской, Сеймой, среднеднепровскими древностями (Яковицы) и культурой шаровидных амфор Северной Германии.

Еще в раннем диссертационном исследовании [Tallgren, 1911] финский исследователь протянул цепочку аналогий керамике, сверленным и клиновидным топорам фатьяновской культуры, прежде всего, в западном направлении – к памятникам среднеднепровской культуры и далее – к культуре шаровидных амфор Дании и Северной Германии. Но при этом он сопоставил их также и с древностями юга России – майкопскими и катакомбными. Напрасно М.А. Тальгрена впоследствии причислили к сторонникам расистской теории происхождения фатьяновской культуры с исходной областью на севере Германии [Крайнов, 1972]. Он верно, еще в начале своего научного пути, определил основной вектор взаимосвязей этой культуры в системе древностей, которые впоследствии будут объединены в европейскую область культур шнуровой керамики и боевых топоров. Верно им будут намечены и южные связи фатьяновской культуры, но ошибочно – принадлежность к ней Галичского клада.

Могильники фатьяновского типа (Фатьяново, Великосельский, Чуркинский и др.) как памятники М.А. Тальгрена отделяет от Галичского клада и Туровского поселения, равно как и от Сеймы (после ее открытия в 1912 г.), но всё же рассматривает последние именно в системе фатьяновских древностей. Критика Ю. Айлио [Ailio, 1922] не поколебала его убежденности в том, что Галичский клад и Сейминский могильник (вернее, Сейма-I – старшая часть Сеймы, в понимании финского ученого) относятся к фатьяновской культуре [Tallgren, 1925]. Лишь после знакомства с раскопками А.В. Шмидта в Турбине и публикации российского ученого [Schmidt, 1927], когда столь явственно будет видна географическая удаленность камского могильника от волго-окских фатьяновских памятников, М.А. Тальгрена откажется от отождествления с фатьяновской культурой Галичского клада и Сейминского могильника [Tallgren, 1931].

В свою очередь В.А. Городцов, познакомившись с польскими (Е. Маевского) и немецкими работами (Г. Коссины), в которых большей частью были опубликованы материалы культуры, названной позднее среднеднепровской, еще больше утвердился в своей правоте. Мысль о западных истоках фатьяновской культуры была для него невозможной, *«как мысль о вращении Солнца вокруг Земли»*. В обобщающей статье по бронзовому веку на территории СССР он по-прежнему считал, что *«носителями фатьяновской культуры, по-видимому, были колонисты северокавказской культуры»* [Городцов, 1927].

В 1930-е гг. в изучении фатьяновских древностей был сделан заметный прорыв. В Волго-Окском междуречье и в Среднем Поволжье молодыми археологами, в том числе и учениками В.А. Городцова (Д.А. Крайнов, О.А. Кривцова-Гракова, К.Я. Виноградов, О.Н. Бадер и др.), были открыты и раскопаны новые могильники (Вауловский, Истринский, Балановский и др.). Исследования этих памятников и социологическая направленность дискуссий начала 30-х гг. в значительной степени изменили ход обсуждения фатьяновской проблематики. Дискуссия велась в организационных рамках комиссии по изучению фатьяновской культуры, созданной в 1934 г. при Московском отделении ГАИМК [Крайнов, 1972, с. 7]. Ее председателем был Ю.В. Сергиевский, а секретарем – А.Я. Брюсов. Следует отметить, что Василий Алексеевич крайне редко присутствовал на этих заседаниях. В протоколах зафиксировано лишь его присутствие на докладе Бадера о раскопках Балановского могильника в 1934 г. [ОПИ ГИМ. Ф. 431, ед. хр. 191, л. 199, 200], но при этом В.А. Городцов не принимал участия в обсуждении. Это не означает, что он не интересовался исследованиями своих молодых коллег и учеников. В его архиве отложились по сути все новые материалы по фатьяновской культуре, выявленные в 1930-е гг. Они отчасти найдут отражение в рукописи второго тома «Археологии», но в полной мере освоить их В.А. Городцов уже будет не в силах.

Обсуждение проблем фатьяновской культуры, в частности, выявление культурных импульсов – западного или юго-восточного, приведших к сложению данного культурного образования, вызвало обращение обоих ученых к Галичскому кладу и Туровскому поселению. Причем М.А. Тальгрена в опубликованных трудах, а также в переписке значительно чаще обращается к материалам из Галичского клада, нежели В.А. Городцов [Студзицкая, Кузьминых, 2001]. Для финского ученого – в отличие от работ его российского коллеги – Галич и Турово являлись гораздо более важным репером в культурных и хронологических построениях, связанных с бронзовым веком Евразии.

Первоначально, в «Бытовой археологии», В.А. Городцов видел в Галичском кладе проявление соприкосновения сибирского культурного течения со среднеазиатским (культура финляндского луча), а также признаки вполне установившихся религиозных воззрений. М.А. Тальгрена после полевых работ 1909 г. пришел к заключению о взаимосвязи Галичского клада с одним из керамических комплексов Туровского поселения, который он в своем диссертационном исследовании сопоставил с посудой из могильников фатьяновского типа в центре Русской равнины [Tallgren, 1911, s. 49]. Он изначально был

убежден в синхронности фатьяновских и галичских древностей, равно как и в фатьяновской принадлежности самого клада. Эту идею финский ученый отстаивал и в дальнейших работах – вплоть до середины 1920-х гг. [Tallgren, 1924].

По мнению российского исследователя, сформировавшемся исходя из переписки к 1915 г., а затем получившему отражение в ряде опубликованных трудов [Городцов, 1927; 1928], Галичский клад являлся более поздним, чем Сейма, а тем более фатьяновская культура, и датировался концом эпохи бронзы (около IX в. до н.э.). В то же самое время фатьяновская культура, как считал В.А. Городцов, хронологически не выходила за рамки середины II тыс. до н.э. Этой позиции он будет держаться до конца своих дней.

В первой половине 1920-х гг. проблема Галичского клада, его датировки и культурной принадлежности находилась в сфере особых научных интересов обоих исследователей. И М.А. Тальгрэн, и В.А. Городцов готовили обобщающие работы по данной проблеме [Tallgren, 1925; Городцов, 1928]. В связи с этим не случайным явилось обстоятельное обсуждение проблем галичской и других культур центра и севера Европейской России во время их последней встречи в Москве 27 июля 1924 г., вскоре после июньских раскопок Василия Алексеевича на Туровском поселении. Несмотря на все предшествующие сомнения в однослойности культурных отложений и однородности археологических материалов, В.А. Городцов объединил в рамках галичской культуры по сути три разновременных керамических комплекса, связанных с культурами гребенчато-ямочной керамики (поздний неолит – энеолит), «фатьяноидной» или чирковской (эпоха бронзы) и дяковской (эпоха раннего железа). Именно с последним, «текстильным», комплексом керамики были связаны находки железных орудий и шлаков.

Эта единственная встреча российского и финского ученых выявила разногласия ученых и фактически привела к разрыву их отношений [Кузьминых, Сафонов, 2014].

В.А. Городцов и М.А. Тальгрэн вкладывали в понятие «галичской культуры» различное содержание. Василий Алексеевич после раскопок 1924 г. пришел к мысли о взаимосвязи поселения и клада и их принадлежности к галичской культуре, охватывавшей районы Костромского Заволжья и ориентированной своими основными связями на Урал [Городцов, 1928, с. 50, 51]. При этом время поселения и клада, исходя из убеждения об одновременности употребления на раскопанном им памятнике железных, медно-бронзовых и каменных орудий, было определено VIII в. до н.э.

Финский археолог, напротив, рассматривал галичскую культуру как образование отнюдь не локальное, только заволжское. Она охватывала, по его мнению, центральные и северные районы Русской равнины, являясь, в нашем современном представлении, аналогом «фатьяноидных» или чирковских древностей. Другое важное отличие их позиций было в том, что Галичский клад «встраивался» им в определенную культурно-хронологическую систему древностей, а именно: Галич – Сейма – Турбино – Бородино, 1600–1300 гг. до н.э. [Tallgren, 1925, p. 341], Абашево – Галич – Сейма – Турбино [Tallgren, 1929, s. 16] или Галич – Сейма – Турбино – Коршуново – Усть-Сысольск – Волхов, 1300–1100 гг. до н.э. [Tallgren, 1937, p. 18]. Среди современников Тальгрэн был наиболее близок к признанию культурного единства большинства из этих памятников.

С позиции той эпохи концепции В.А. Городцова и М.А. Тальгрэна кажутся достаточно ясными, однако в дальнейшем они не всегда выдерживали проверку на конкретном материале. Пример тому, – в частности, трактовка вопросов о происхождении фатьяновской культуры российским ученым или о фатьяновской принадлежности Сеймы и Галича финским исследователем. В то же время в определении хронологических рамок конца бронзового века или перехода от бронзового века к железному (иначе говоря – ананьинской эпохи) правы в итоге были оба: В.А. Городцов – в отношении хронологии начального этапа раннего железного века, а М.А. Тальгрэн – финала ананьина.

Фактически в построениях В.А. Городцова и М.А. Тальгрэна по проблемам изучения эпохи раннего металла Северной Евразии столкнулись в широком понимании две исторические концепции происхождения и дальнейшего развития человеческой культуры. Это «*Ex Oriente lux*» В.А. Городцова – концепции, распространенной в науке XIX в., которая основывалась на основополагающей роли Востока и его древностей в становлении мировой цивилизации. М.А. Тальгрэн, напротив, выступил сторонником новой концепции «*Ex Septentrione lux*», получившей развитие как раз на рубеже XIX и XX столетий [Wiwjogga, 2002]. Возможно, здесь сыграло свою роль и мировоззрение исследователей. Оба происходили из семей священнослужителей, и, будучи яркими представителями российской и финской интеллигенции, формировавшейся в императорской России, их самосознание имело много общего. В специальной литературе этот феномен получил условное название «поповичей» [Манчестер, 2015].

Для них было характерно авторитарное мышление и стремление подчинять свои личные интересы общественным. Выходцы из духовенства бессознательно сохраняли остатки основ религиозного мировоззрения, типичного для духовного сословия. А как известно, первоначальное значение терминов «Ex Oriente lux» и «Ex Septentrione lux» было связано в первом случае с распространением христианства с Востока, во втором – протестантизма с севера.

Как бы там ни было, именно такое сочетание подходов двух выдающихся корифеев повлияло на формирование научного мировоззрения нескольких поколений отечественных и европейских археологов.

Библиографический список

Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения) // Российский археологический ежегодник. СПб., 2011. Т. 1.

Городцов В.А. Бытовая археология: курс лекций, читанных в Московском археологическом институте. М., 1910.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОИРИМ за 1914 г. М., 1915.

Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // Большая Советская энциклопедия. 1927. Т. VII.

Городцов В.А. Галичские клад и стоянка // ТСА РАНИОН. 1928. Т. 3.

Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура (II тысячелетие до н.э.). М., 1972.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т., Сафонов И.Е. А.М. Тальгрэн и российская археология // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы. Казань, 2014.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн в переписке: от диалога к разрыву отношений // Российская археология. 2014. №4.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Проблемы эпохи раннего металла в научном наследии А.А. Спицына // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2009.

Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания. М., 2015.

Сафонов И.Е. Подготовка В.А. Городцовым второго тома серии «Археология» // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 2002. Вып. 16.

Сафронов В.А. Проблема культурного единства степи и предгорий в концепции бронзового века Северного Кавказа в дореволюционной и довоенной литературе // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983.

Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский клад: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.

Ailio J. Fragen der russischen Steinzeit // Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft. Helsingfors, 1922. Т. XXIX:1.

Schmidt A. Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbina an der Kama // FUF, Anzeiger. 1927. Bd. XVIII:1-3.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland / SMYA. Helsingfors, 1911. Т. XXV:1.

Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux / ESA. Helsinki, 1926. Т. II.

Tallgren A.M. Collection Zaouissailov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916.

Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors, 1917.

Tallgren A.M. Collection Zaouissailov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary. Helsingfors, 1918.

Tallgren A.M. Fatjanovokulturen i Centralryssland // FM. 1924.

Tallgren A.M. The Copper Idols from Galich and their Relatives // Studia Orientalia. Helsinki, 1925.

Tallgren A.M. Zur osteuropäischen archäologie // FUF, Anzeiger. 1929. Bd. XX:1-3.

Tallgren A.M. The Arctic Bronze Age in Europe // ESA. 1937. Т. XI.

Tallgren A.M. Zur Chronologie der osteuropäischen Bronzezeit // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft. Wien, 1931. Bd. LXI.

Wiwjorra I. „Ex oriente lux“ – „Ex septentrione lux“. Über den Widerstreit zweier Identitätsmythen // Prähistorie und Nationalsozialismus. Die mittel- und osteuropäische Ur- und Frühgeschichtsforschung in den Jahren 1933–1945 / Hrsg. A. Leube, M. Hegewisch. Heidelberg, 2002.

ОБЩНОСТЬ КУЛЬТУР САЯНО-АЛТАЯ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Периодизация археологических памятников Хакасско-Минусинской котловины была разработана С.А. Теплоуховым [1929] в 20-х гг. прошлого века. Длительное время в ней существовал пробел, охватывающий эпоху ранней бронзы. Только спустя сорок лет Г.А. Максименковым [1964] была выделена велико-лепная окуневская культура, заполнившая промежуток между афанасьевской и андроновской культурами. Как только удалось оценить особенности этих памятников, определить поисковые признаки окуневских могильников, их фиксация и раскопки приняли массовый характер. На сегодняшний день исследовано уже свыше 100 курганов и порядка тысячи погребений эпохи ранней бронзы. Определен период существования культуры, которая укладывается в промежуток XXV–XVIII вв. до н.э. [Поляков, Святко, 2009]. Получен огромный вещевой материал: керамическая посуда, каменные и бронзовые орудия, изделия из кости и рога, украшения из клыков животных. Мировую известность окуневской культуре принесли каменные изваяния и стелы, гравировки и красочные росписи, скульптура и предметы мелкой пластики. Сейчас уже известно свыше 700 предметов ее древнего искусства [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006].

Впоследствии памятники, аналогичные окуневским, были выявлены на Алтае (каракольская культура) и на территории Тувы (чаа-хольская культура). Там их количество пока невелико, по 10–15 захоронений на регион [Кубарев, 2009; Стамбульник, Чугунов, 2006]. Конструкции погребальных сооружений, обряд захоронения и, особенно, вещевой инвентарь окуневской, каракольской и чаа-хольской культур проявляют очевидное сходство между собой. Это позволяет говорить об их синхронности, несомненном родстве и единстве происхождения.

Похожая ситуация сложилась в Монголии. Курганы эпохи ранней бронзы удалось выявить только в последнее десятилетие. Благодаря совместным работам монгольских и российских археологов были определены их поисковые признаки. На данный момент исследовано порядка 20 погребальных комплексов. По материалам этих раскопок А.А. Ковалевым выделена чемурчекская культура эпохи ранней бронзы, охватывающая часть территории Монголии, Синьцзяна и Восточного Казахстана*. Дана ее развернутая характеристика и определена примерная датировка [Ковалев, 2005, 2015].

В Монголии чемурчекские комплексы представлены преимущественно курганами «булганского» (по А.А. Ковалеву) типа (рис. 1.-1). В основе таких комплексов находится большой каменный ящик, частично выступающий над поверхностью земли. Размеры ящиков 2(3,5)×1,5(2,5) м. Глубина до 1,5 м. Стенки могил в ряде случаев несут следы геометрической росписи, выполненной красной охрой. Предназначались они для одиночных и коллективных захоронений, одноактных или последовательных. По периметру ящик обложен каменной насыпью прямоугольной или овальной формы. К востоку от кургана располагались ритуально-поминальные площадки – квадратные оградки с «жертвенником» (прямоугольной ямой с каменной обкладкой или ящиком) в центральной части. Пространство оградки разделено на три части продольными перегородками из вертикально врытых плит. К северу от «жертвенника» установлены каменные стелы, в количестве от 1 до 4.

Если мы сравним комплексы «булганского» типа с курганами позднего (черновского) этапа окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины, то сходство между ними окажется минимальным. Могильники черновского этапа представляют собой ограды-кладбища, предназначенные для многочисленных последовательных захоронений в небольших каменных ящиках и грунтовых ямах. Количество могил в одной такой ограде может достигать 40. Однако сейчас выделен пласт курганов раннего (уйбатского) этапа окуневской культуры, разительно отличающийся от основной массы поздних комплексов. Это ограды, в центре которых располагалась одна большая могила (грунтовая яма или яма с заплечиками) с мощным каменным сооружением, представляющим высотную и пространственную доминанту. Размер могил – 2,5(3,5)×2(3) м. Глубина – от 1,5 до 4,5 м. Вокруг них могли быть устроены несколько сопроводительных захоронений меньшего размера. К востоку от окуневских курганов обнаружены ритуально-поминальные площадки – квадратные оградки из вертикально врытых плит с «жертвенником» в центре, как у комплексов «булганского» типа Монголии.

* В Монголии эти памятники называют культурой *хэмцэг*, в Китае принято наименование культура *кеэрмуци*. Комплексы эпохи ранней бронзы Восточного Казахстана самостоятельного обозначения пока не получили.

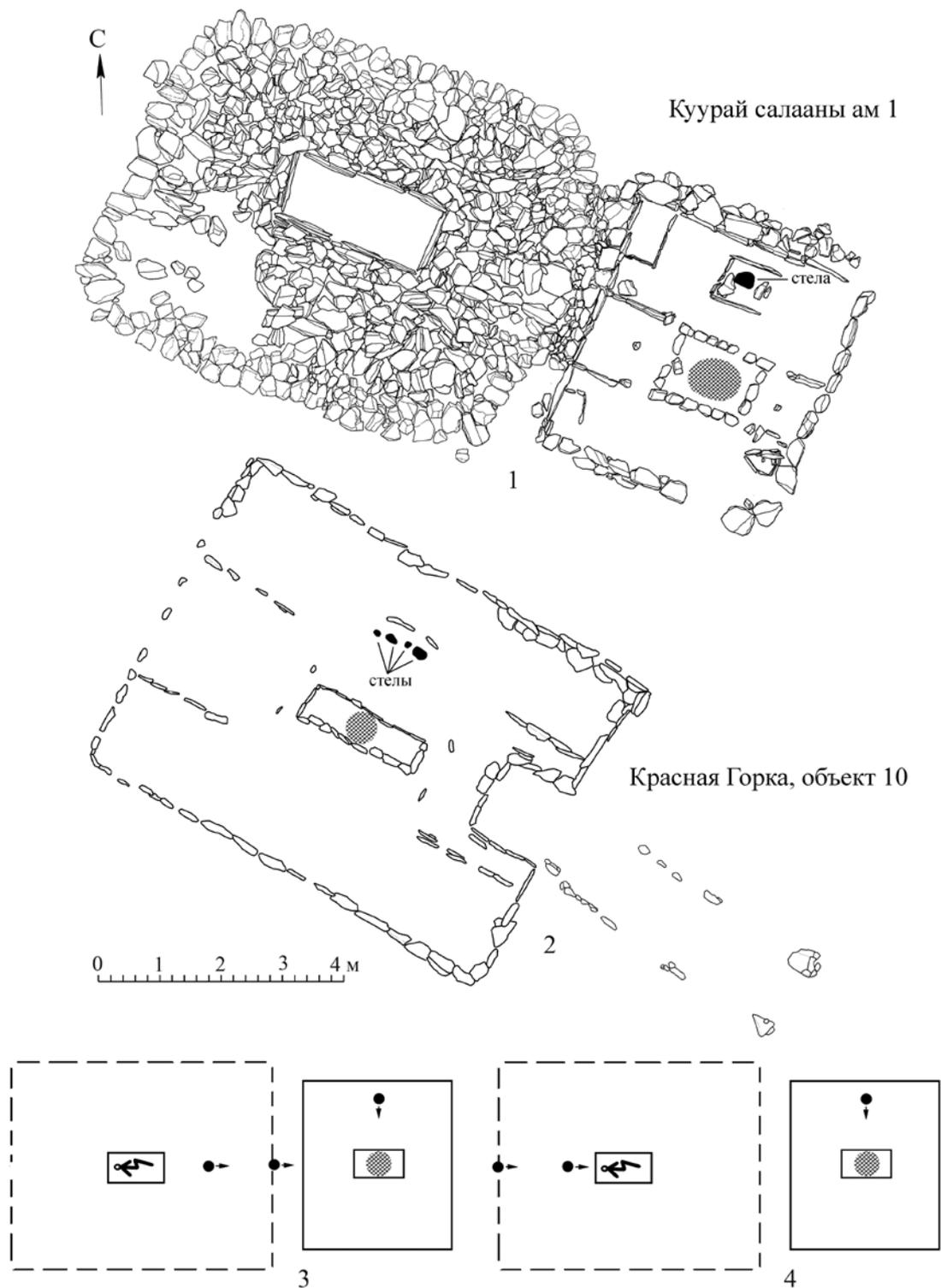

Рис. 1. 1 – курган «булганского» типа Монголии Куурай салааны ам 1; 2 – святилище чаа-хольской культуры Тувы Красная Горка 15, объект 10. Расположение антропоморфных стел в курганах и поминальных площадках Саяно-Алтая; 3 – Монголия, Синьцзян; 4 – Хакасско-Минусинская котловина, Тува

Хорошо сохранившаяся окуневская ритуально-поминальная площадка была исследована на могильнике Итколь-II в 2017 г. Она располагалась к востоку от кургана №1 и представляла собой квадратную ограду, сопоставимую по размерам с основным погребальным комплексом. Поминальная ограда не была сплошной, а обозначавшие ее плиты устанавливались «пунктиром», с промежутками в 0,8–1,0 м. В центре оконтуренной площадки находился «жертвенник» – неглубокий прямоугольный каменный ящик со следами прокала от кострища. К северу от «жертвенника» обнаружена яма с плитами расклинки для установки каменного изваяния прямоугольного сечения. Само изваяние, вероятно,

переиспользовано при строительстве курганов эпохи поздней бронзы или скифского времени. Вокруг «жертвенника» были установлены четыре вертикальных стелы. Одна из них частично сохранилась, от трех других прослежены только ямы с плитами расклинки. Возможно, у данного комплекса имелись такие же продольные перегородки, как у поминальников монгольских курганов. Остатки одной из них, с пристроенным каменным ящичком, частично сохранились. Его расположение в точности соответствует планиграфии монгольского комплекса Куурай салааны ам-1 (рис. 1.-1).

В 2015 г. на территории Тувы в 30 км к юго-западу от Кызыла исследовано святилище эпохи ранней бронзы (могильник Красная Горка, объект 10). Это был прямоугольный котлован размерами 7,5×6 м и глубиной 0,6 м, обставленный вертикальными плитами (рис. 1.-2). Вход в него оформлен в виде узкого, слегка наклонного коридора длиной 7,5 и шириной до 1,3 м, обозначенного вертикально врытыми плитами. Внутреннее пространство котлована разделено продольными перегородками на три части. В центре святилища располагался «жертвенник» – каменный ящик, заполненный жжеными костями овцы. Вокруг ящичка стояло четыре вертикальных стелы. К северу от «жертвенника» были установлены четыре каменных изваяния из крупных речных галек. У западной стенки котлована святилища обнаружен развал крупного баночного сосуда, типичного для окуневской (чаа-хольской) культуры Тувы. Здесь мы имеем практически полное совпадение архитектурных деталей устройства святилища с поминальными комплексами курганов «булганского» типа чемурчекской культуры Монголии и окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины. Приведенные выше аналогии подтверждают уже высказанное мнение об общности религиозных представлений, связанных с погребально-ритуальной практикой населения Джунгарии и Монгольского Алтая (чемурчекская культура) и окуневской культурой Южной Сибири [Тишкин и др., 2012, с. 114].

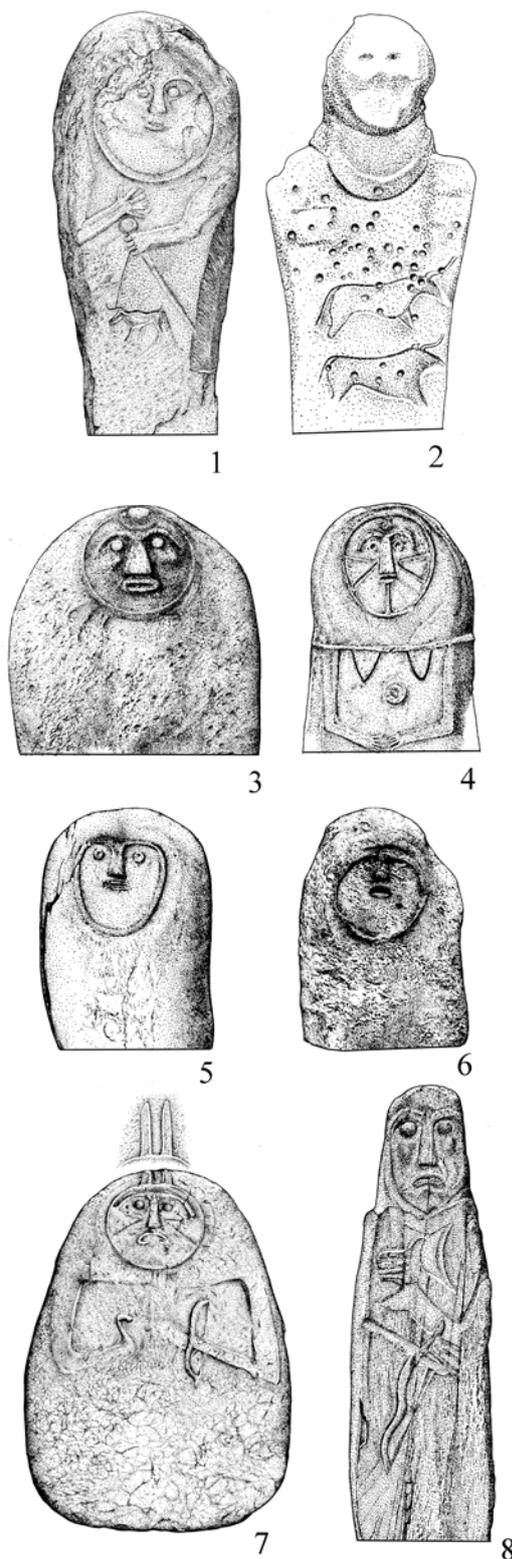
Интересно сопоставить расположение окуневских и чемурчекских антропоморфных скульптур в погребальных или поминальных комплексах. В курганах уйбатского этапа окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины на данный момент обнаружено два антропоморфных изваяния (рис. 2.-9, 10), сохранившихся *in situ*, а также несколько ям, предназначенных для их установки. Погребальные скульптуры могли располагаться на борту основной могилы либо в ограде кургана. В чемурчекских курганах Монголии и Синьцзяна антропоморфные изваяния занимают аналогичную позицию. Разница состоит в том, что окуневские скульптуры размещались к западу от центрального захоронения, а чемурчекские – к востоку (рис. 1.-3, 4). При этом все они установлены точно по осевой линии основной могилы и обращены лицевой стороной на восток, в сторону поминальных оградок. Если окуневские и чемурчекские изваяния установлены в поминальнике или святилище, то они располагаются у его северной стенки и обращены ликом на юг, в сторону «жертвенника».

Чемурчекские статуи с территории Монголии и Синьцзяна имеют общие стилистические особенности (рис. 2.-1–8). Абрис лица у них округлый или сердцевидный. Контуры лица, бровей, носа и губ даны рельефным валиком. Глаза представляют собой цилиндрические выступы. Часто рельефом выделяются скулы. На отдельных статуях имеется третий глаз, как и на изваяниях Хакасско-Минусинской котловины (рис. 2.-4).

Основная масса окуневских антропоморфных изваяний относится к другому типу, не имеющему ничего общего с чемурчекской погребальной скульптурой. Это высокие саблевидные стелы со сложными личинами, располагающимися в центральной или нижней части камня. Сам антропоморфный лик дополнен массой фантастических деталей – уши животного, бычьи рога, горизонтальные разделительные полосы. На изваяниях присутствуют хтонические хищники, дополнительные изображения личин, солярные знаки. Это, по-видимому, изображения божеств. Их устанавливали в степных или горных святилищах, где и проводили обряды поклонения. Подобных монументальных изваяний в комплексах эпохи ранней бронзы на территории Монголии, Северо-Западного Китая и Восточного Казахстана пока не обнаружено.

Однако в курганах окуневской культуры, а также среди случайных находок на территории Хакасско-Минусинской котловины имеется и другой тип антропоморфной скульптуры (рис. 2.-9–14). Их характерным отличием можно считать размещение антропоморфного изображения в верхней части столбообразных камней, относительную простоту и лаконичность самих личин, их подчеркнутую «человечность». У нескольких личин проработаны дугообразные полосы, идентичные линиям раскраски человеческих черепов из захоронений окуневской культуры (рис. 2.-9, 14). На одном из таких изваяний изображение человеческого лица дополнено фигурой быка, выполненного на том же месте и в той же манере, как у чемурчекских скульптур из Северо-Западного Китая (рис. 2.-1, 2, 9). Именно такие антропоморфные скульптуры приурочены к курганным и поминальным комплексам окуневской культуры на территории Хакасско-Минусинской котловины [Лазаретов, 2014].

Синьцзян, Монголия

Хакасско-Минусинская котловина

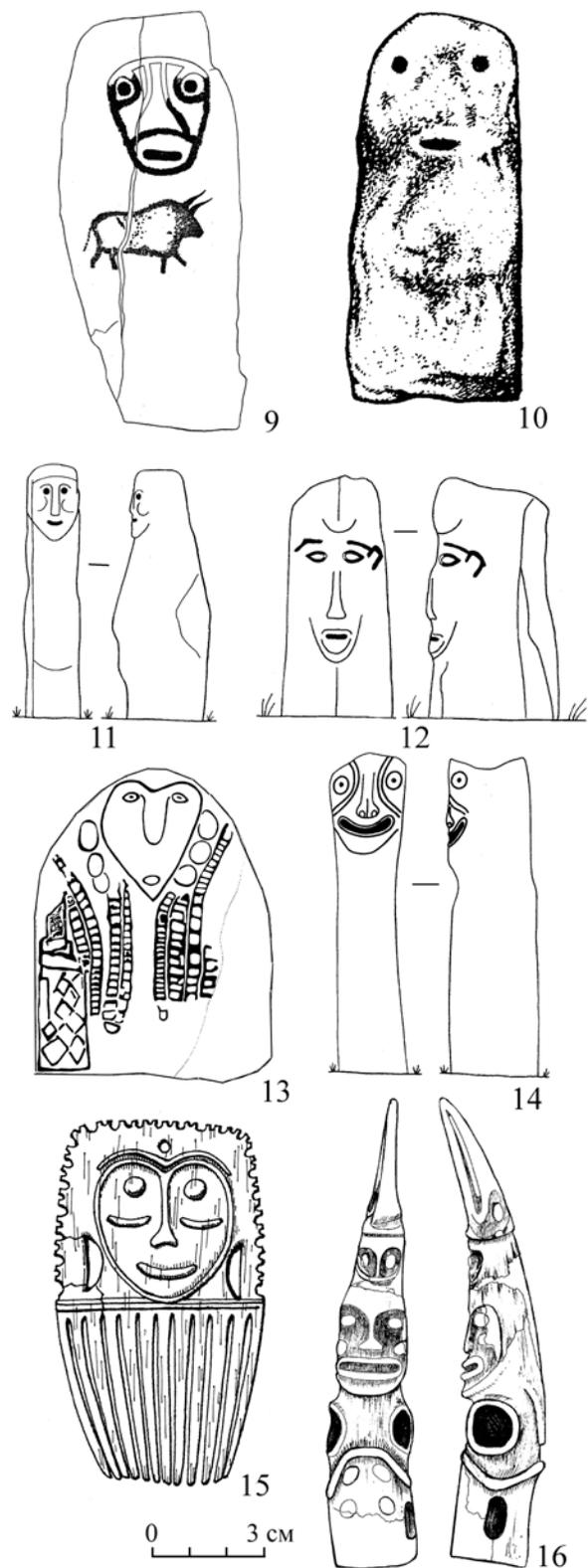

Рис. 2. 1–8 – чемурчекские статуи Синьцзяна и Монголии; 9–14 – окуневские погребальные статуи Хакасско-Минусинской котловины; 15 – костяной гребень из могильника Красный Камень, курган 1, могила 1; 16 – роговая подвеска из могильника Итколь-II, курган 14, могила 4

Техника исполнения окуневской погребальной скульптуры заметно отличается от чемурчекских изваяний. Минусинские каменные изваяния выполнены преимущественно углубленной выбивкой и лишены многих второстепенных деталей. Однако среди предметов мелкой пластики, обнаруженных

в окуневских могилах, имеются изделия, отвечающие практически всем канонам чемурчекской скульптуры. Особенно показательны в этом плане миниатюрные роговые копии изваяний или костяной гребень с рельефной личиной, найденные в могильниках Красный Камень и Итколь-II (рис. 2.-15, 16) [Поляков, Есин, 2015]. Абрис у них округлый или сердцевидный. Контуры лица, бровей, носа и губ даны рельефным валиком. Глаза представляют собой цилиндрические выступы, а скулы выделены рельефом. Их стилистическое единство с чемурчекскими антропоморфными изваяниями никаких сомнений не вызывает.

В отношении чемурчекской культуры А.А. Ковалевым высказано предположение о ее непосредственной связи с комплексами эпохи позднего–финального неолита Франции, Испании и Швейцарии. Архитектуру чемурчекских курганов он сопоставляет с коридорными гробницами Западной Европы [Ковалев, 2005, с. 180–181]. Из этих же районов выводится традиция установки антропоморфных погребальных стел, их общая стилистика и наиболее значимые детали оформления [Ковалев, 2012, с. 150–156]. Носители чемурчекского феномена, по его мнению, оказали существенное влияние на культуры Саяно-Алтая (окуневскую, каракольскую, елунинскую), что выразилось в распространении идей и технологий изготовления каменных изваяний, росписей минеральными красками, традиции устройства ритуальных площадок к востоку от курганов, импорте чемурчекских каменных сосудов [Ковалев, 2015, с. 261].

На наш взгляд, в поисках прародины чемурчекского феномена нет необходимости обращаться к столь отдаленным западноевропейским аналогиям. Тем более, что сам А.А. Ковалев выделяет целый список признаков восточноевропейского происхождения культуры. Это могильные ямы, выполненные в форме четырехколесной повозки, красочные росписи на стенках каменных ящиков, формы керамических и каменных сосудов, украшения из свинца и бронзы [Ковалев, 2005, с. 181–182]. Чемурчекские статуарные памятники и антропоморфные стелы также имеют вполне сопоставимые аналоги в памятниках ямной культурно-исторической общности. По нашему мнению, захоронения в каменных ящиках «булганского» типа Монголии и сходные с ними комплексы Северо-Западного Китая являются относительно поздними. Их сопоставление с коридорными гробницами Западной Европы не вполне корректно. По ряду признаков курганы «булганского» типа Монголии могут быть синхронизированы с памятниками финала уйбатского и с черновским этапом окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины. Пласт ранних чемурчекских комплексов, ключевых для понимания происхождения культуры, еще только предстоит выявить. В качестве таковых могут рассматриваться ритуальные ограды (Хул уул-1, Хуурай говь-2, Хундий говь, Хар хошуу) с впускными погребениями [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014]. Все они устроены в грунтовых ямах и имеют сходный сопроводительный инвентарь. В двух оградах найдены мраморные шары с отверстиями [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014, рис. 28.-3; 64.-2]. Эти изделия являются наиболее яркими, массовыми хронологическими и этно-культурными индикаторами ранних окуневских комплексов уйбатского этапа. На территории Хакасско-Минусинской котловины их обнаружено уже несколько десятков. В погребениях черновского этапа мраморные шары встречаются крайне редко. Вполне возможно, что захоронения в каменных ящиках «булганского» типа Монголии и Синьцзяна являются следствием адаптации пришлого населения к новым местным условиям, а ранние погребения будут представлены исключительно грунтовыми ямами, ямами с заплечиками или катакомбами, так же как в комплексах уйбатского этапа окуневской культуры Хакасско-Минусинской котловины.

Сходство архитектурных приемов в строительстве курганов и поминальных площадок, развитая традиция установки каменных погребальных скульптур, их функциональное и стилистическое единство уже сейчас позволяют утверждать, что комплексы эпохи ранней бронзы Саяно-Алтая не просто синхронны, а являются близко родственными в пределах единой окуневско-чемурчекской культурно-исторической общности. В эту общность входили территории Восточного Казахстана, Синьцзяна (культура кеэрмуцы), Монголии (культура хэмцэг), Тувы (чаа-хольская культура), Алтай (каракольская культура) и Минусинской котловины (окуневская культура). Их объединяет, прежде всего, общая религиозная доктрина и сходство сопряженных с ней культовых обрядов.

Близость форм керамических и каменных сосудов, основных типов орудий и украшений, в том числе мраморных шаров, скорее всего, указывает на общий источник происхождения перечисленных культур, а не на их последующее взаимное влияние. По аналогии с окуневской культурой наиболее перспективными территориями для поиска прародины окуневско-чемурчекского феномена представляются районы Северо-Западного Прикаспия и прилегающие к ним предгорья Северного Кавказа. В памятниках позднеямного и переходного ямно-катакомбного времени этих территорий можно обнаружить практически полный список инноваций, проявившихся в культурах эпохи ранней бронзы Саяно-Алтая.

В нашем понимании, чемурчекцы Восточного Казахстана, Северо-Западного Китая и Монголии, каракольцы Алтая, окуневцы Хакасско-Минусинской котловины и чаа-хольцы Тувы являются ответвлениями единого мощного миграционного потока, захлестнувшего в конце 1-й половины – середине III тыс. до н.э. территории, ранее занимаемые афанасьевцами. Продвижение нового населения шло через Восточный Казахстан и расходилось по двум направлениям. Одна из групп распространилась на Алтай, а затем в Хакасско-Минусинскую котловину. Другая группа проникла в Сынцзян и Западную Монголию. Какое из двух направлений было приоритетным для территории Тувы, пока установить сложно. В составе этого миграционного потока преобладали мужчины европеоидного облика, отличавшиеся по своему антропологическому типу от афанасьевцев. На Алтае и в Хакасско-Минусинской котловине они активно вступали в брачные связи с монголоидными женщинами, принадлежащими к разным этническим группам [Громов, 1995; 1997; Солодовников, 2006; 2007]. Имела место подобная метисация у населения Монголии и Сынцзяна или оно сохранило чистоту своего антропологического типа, покажут будущие исследования.

Библиографический список

Ковалев А.А. Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // *Западная и Южная Сибирь в древности*. Барнаул, 2005. С. 178–184.

Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб., 2012. 160 с.

Ковалев А.А. Чемурчекские памятники Сынцзяна: артефакты, комплексы, погребальные сооружения // *Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен*. СПб., 2015. Ч. 2. С. 240–279.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Исследования ритуальных оград чемурчекского облика и связанных с ними памятников в Баян-Ульги аймаке Монголии в 2004 г. // *Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен*. СПб., 2014. Ч. 1. С. 163–234.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009. 264 с.

Лазаретов И.П. Погребальная скульптура в контексте окуневской изобразительной традиции // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда*. Казань, 2014. Т. 1. С. 459–462.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006. 235 с.

Максименков Г.А. Окуневская культура // *Материалы по древней истории Сибири*. Улан-Удэ, 1964. С. 143–248.

Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // *Теория и практика археологических исследований*. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 20–56.

Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Новосибирск, 2015. Т. 43, №2. С. 44–57.

Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // *Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение*. СПб., 2006. С. 292–302.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // *Материалы по этнографии*. Л., 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д. Постройки культового назначения у курганов чемурчекской культуры (Монгольский Алтай) // *Методика исследования культовых комплексов*. Барнаул, 2012. С. 104–115.

© 2017, А.В. Лыганов

Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань

ЛУГОВСКАЯ КУЛЬТУРА ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГО-КАМЬЯ

Луговская культура – археологическая культура позднего бронзового века Среднего Поволжья, Среднего и Нижнего Прикамья. С востока, в Прикамье и Икско-Бельском междуречье, луговская культура граничит с черкаскульской и межовской культурой; на западе, в Среднем Поволжье, – с поздняя-

ковской; на юге, на границе лесостепной и степной зон Среднего Поволжья, – с валиковой ивановской (хвалынской) культурой.

Первоначально в Нижнем Прикамье А.В. Збруевой [1960, с. 10–22, 67] выделялись памятники типа Луговских стоянок. В дальнейшем эти памятники А.Х. Халиков [1980] отнес к балымско-карташихинскому этапу выделенной им приказанской культуры. После этого памятники с характерной керамикой андроновского облика несколько раз меняли свою культурную принадлежность. Например, яркий могильник Такталачук успел «побывать» в древностях черкаскульской, межовской и сусканской культур [Казаков, 1978; Колев, 1991]. После пересмотра концепции приказанской культуры основные положения существования луговской культуры были оформлены в работах Л.И. Ашихминой на поселенческом материале поздней бронзы Иско-Бельского междуречья и прилегающих территорий Нижнего и Среднего Прикамья [Ашихмина, 2014]. В 90-е гг. XX в. Ю.И. Колев [1991, с. 162–200; 2000, с. 242–273] отнес ряд памятников луговской культуры к сусканскому типу памятников (в дальнейшем –

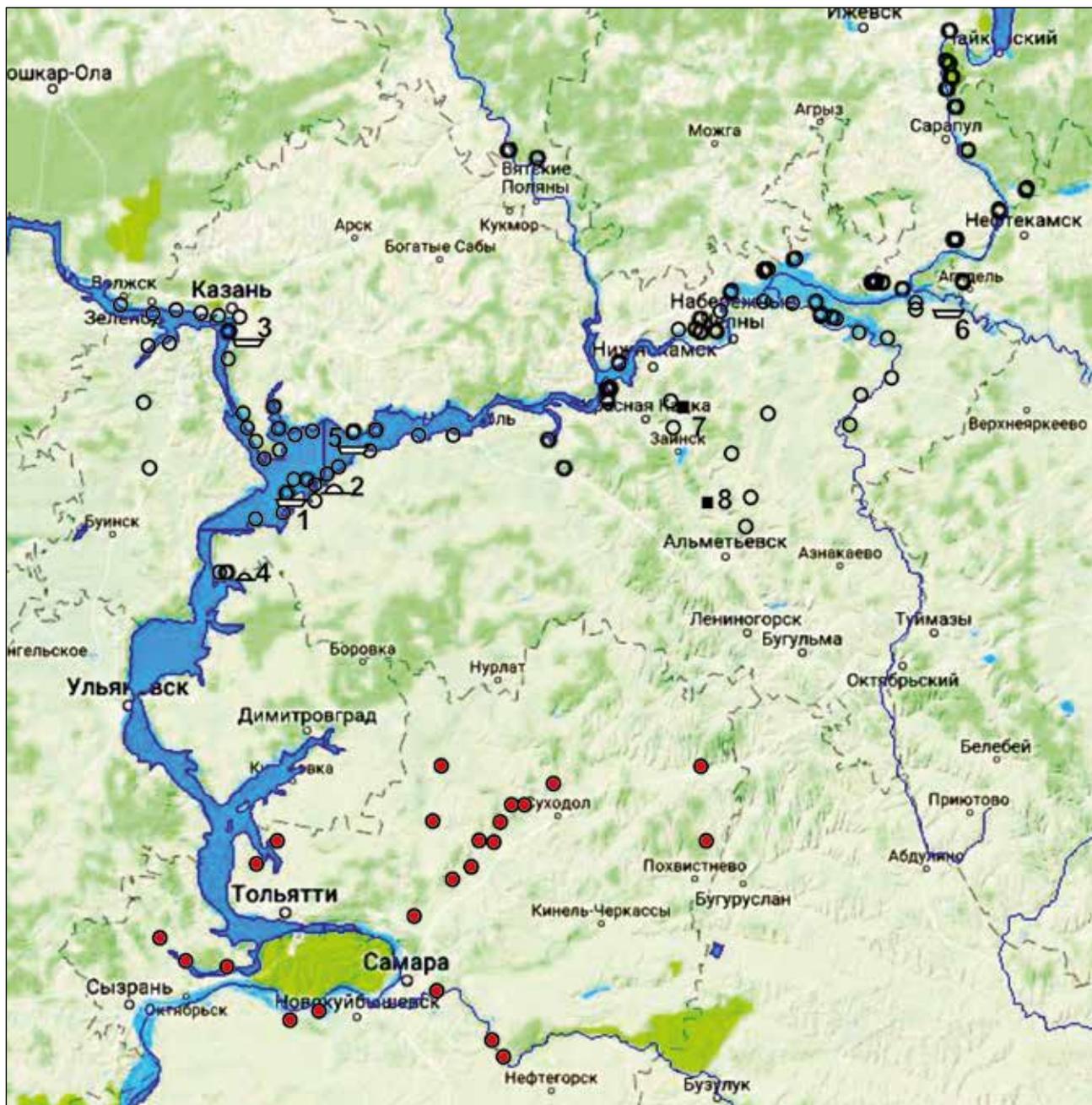

Рис. 1. Карта памятников луговской культуры. Основные памятники: 1 – Соколовский-IV могильник; 2 – Коминтерновские курганы; 3 – погребения на Балымском поселении; 4 – Маклашеевский на взвозе; 5 – Мурзихинский-II могильник; 6 – Такталачук; 7 – Кармановский клад; 8 – Дербедневский клад

сусканской культуре), расположенному на юге Среднего Поволжья. При этом к сусканскому типу памятников были отнесены также поселения и случайные находки несколько более позднего времени с территории Волго-Камья. Близость сусканской и луговской культур была отмечена исследователями, и какое-то время просуществовал термин «сусканско-луговская культура» [Чижевский и др., 2011, 2012]. Данный термин не теряет актуальности и по сей день, ввиду большой схожести этих культурных образований. М.Ф. Обыденнов [1997, рис. 10, 11], соглашаясь с выделением особой луговской культуры, расположенной на территории лесного и лесостепного Волго-Камья, включил в нее и памятники сусканского типа. Таким образом, назрела необходимость внесения ясности в разногласия мнений исследователей. Новые данные на современном этапе исследования позволяют уточнить территорию и хронологию луговской культуры. Вещами-«маркерами», позволяющими очертить ареал культуры, помимо характерной керамики, являются металлические изделия, относящиеся к дербеденевскому очагу металлообработки [Колев, 2000, с. 248; Лыганов, 2013, с. 23].

На сегодняшний день известно не менее 80 поселений луговской культуры. В культурных слоях поселений и могильников обычны находки характерной керамики с примесью раковины и органики в тесте в различных сочетаниях. Нередка также примесь шамота. Выделяются сосуды как горшковидной, так и баночной формы. Орнамент наносился преимущественно на верхнюю часть сосуда, по шейке и плечу, и выполнен протаскиванием гребенки, мелким и средним зубчатым штампом, вдавливаниями (рис. 2.-1-3, 7, 8; 3.-10-14). Схожесть в керамике, а также в некоторых других типах изделий луговской и андроновской (федоровской) культур позволяет включить луговскую культуру в круг так называемых андроновидных культур. Поселения луговской культуры Нижнего Предкамья и Среднего Прикамья зачастую однослойные. На поселениях Закамья в многослойных памятниках срубная и луговская керамика встречается в одном слое, при этом заметны андроновские влияния на срубную керамику (орнаментация, примеси), что подтверждает тезис о формировании луговской культуры в срубное время. В Предкамье на поселениях нередко находки небольшого количества керамики, близкой черкаскульской и/или федоровской культуре (рис. 2.-4-6, 11) [Збруева, 1960, рис. 4; Митряков, 2011, с. 10; Чижевский и др., 2012]. В Приказанском Поволжье эта керамика уже близка несколько более поздней по времени межовской культуре и к луговской не имеет никакого отношения (рис. 2.-10, 12).

Могильники представлены как подкурганскими, так и грунтовыми погребениями. Это – могильники Такталачук (помимо погребений луговской культуры, на нем присутствуют погребения абашевского времени, срубные, черкаскульские, федоровские погребения), Коминтерновские курганы, погребения на Балымском поселении, Соколовский-IV могильник, Мурзихинский-II могильник (рис. 1; 2.-6-9; 3.-7-14). Костяки в погребениях лежат скорченно, преимущественно на правом боку. Погребенные ориентированы, в основном, в восточном секторе. В погребальном обряде и инвентаре также широко прослеживается влияние соседних культур. Так, в Коминтерновских курганах и Соколовском-IV могильнике – влияние поздняяковской культуры (рис. 2.-9) [Казаков, 1992; Марков, Чижевский, 2003]. В могильнике Такталачук – федоровской и черкаскульской культур (рис. 3.-8, 10) [Казаков, 1978].

Известны крупные клады металлических изделий – Кармановский и Дербеденевский (рис. 1; 3.-1-6). При этом Кармановский клад выявлен на поселении, где, помимо срубной, присутствует и характерная луговская керамика.

Почти на всех широко раскопанных поселениях луговской культуры присутствуют следы металлообрабатывающего производства. Типы металлических изделий луговской культуры имеют широкие аналогии в общности культур валиковой керамики степной зоны Евразии и в андроновидных культурах Зауралья. Это – ножи с намечающимся и выраженным кольцевым упором, кинжалы сосново-мазинского типа, втульчатые литые тесла-долота [Агапов и др., 2012]. Вместе с тем ряд бронзовых изделий имеет определенное своеобразие и характерен только для луговской культуры. Это – одноушковые кельты, кельты с лобным ушком и «пещеркой», серпы дербеденевского типа и некоторые другие (рис. 3.-1-9). Судя по типологическому своеобразию металлических изделий, на территории луговской культуры существовал собственный очаг металлообработки [Лыганов, 2013, с. 23].

Для датировки памятников луговской культуры важны аналогии металлическим изделиям в культурах лесостепной и степной зоны Евразии. Эти аналогии охватывают рамки XV–XIV/XIII вв. до н.э. Судя по немногочисленным некалиброванным радиоуглеродным данным, датировка памятников луговской культуры, как и сусканской культуры, не выходит за рамки XV–XIV/XIII вв. до н.э. [Ашихмина, 2014, с. 38; Колев, 2000, с. 250]. При калибровке этих дат сразу же выявляется противоречие между датами абсолютными и относительными, полученными по широкому кругу аналогий металлических изделий.

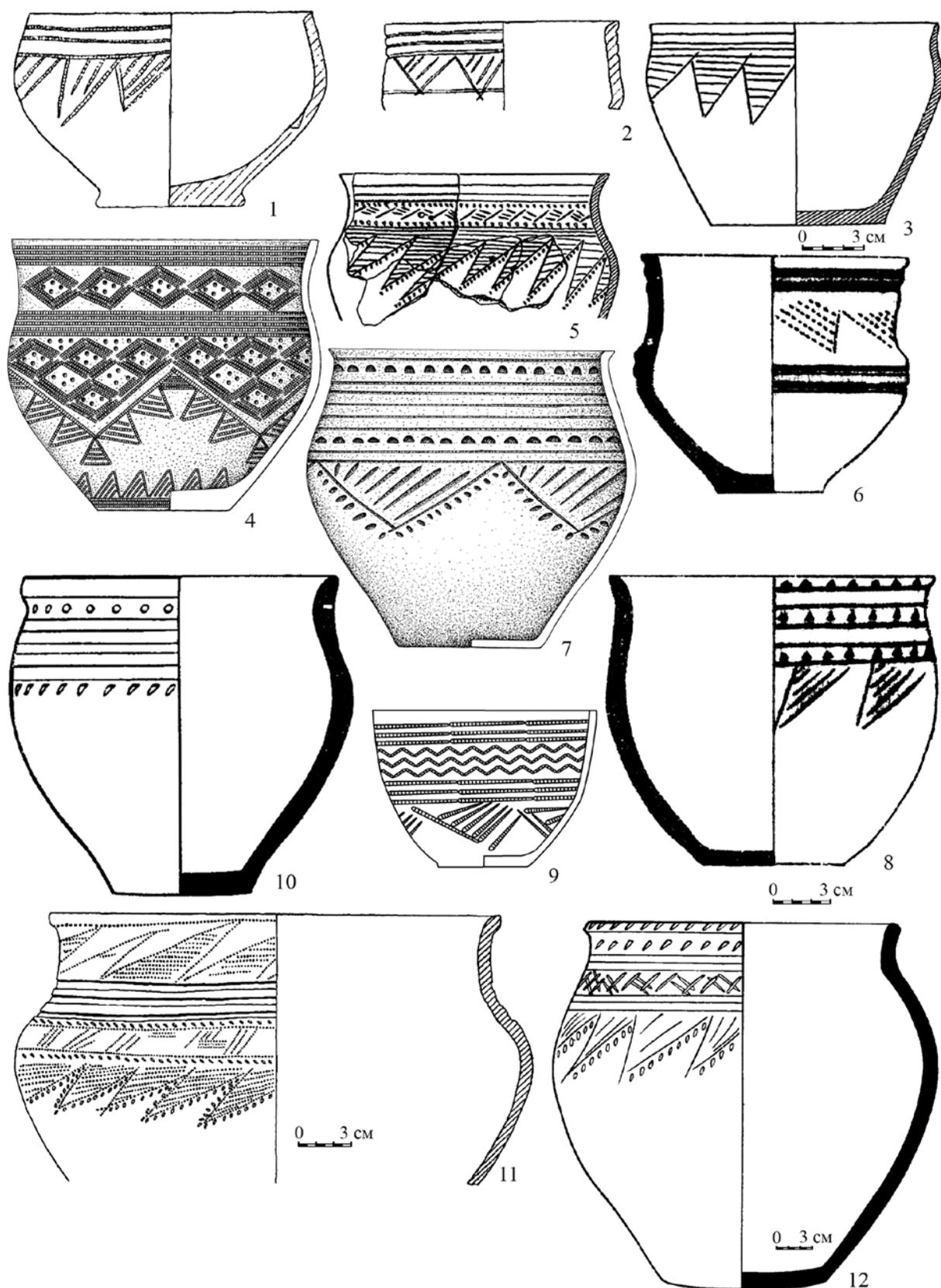

Рис. 2. Поселенческий и погребальный инвентарь луговской культуры: 1 – Кумысская стоянка; 2 – Деуковская-I стоянка; 3, 5 – Зуевключевская стоянка; 4 – Дубовогривская-II стоянка; 6 – IV Соколовский могильник, погр. 1; 7 – Коминтерновский курган №1, погр. 2; 8 – IV Соколовский могильник, погр. 3; 9 – Коминтерновский курган №2, погр. 4; 10 – Карташиха-I; 11 – Луговская-I стоянка; 12 – Балымское поселение (1–3, 5, 11 – по: [Ашихмина, 2014]; 6, 8 – по: [Казаков, 1992]; 10, 12 – по: [Халиков, 1980])

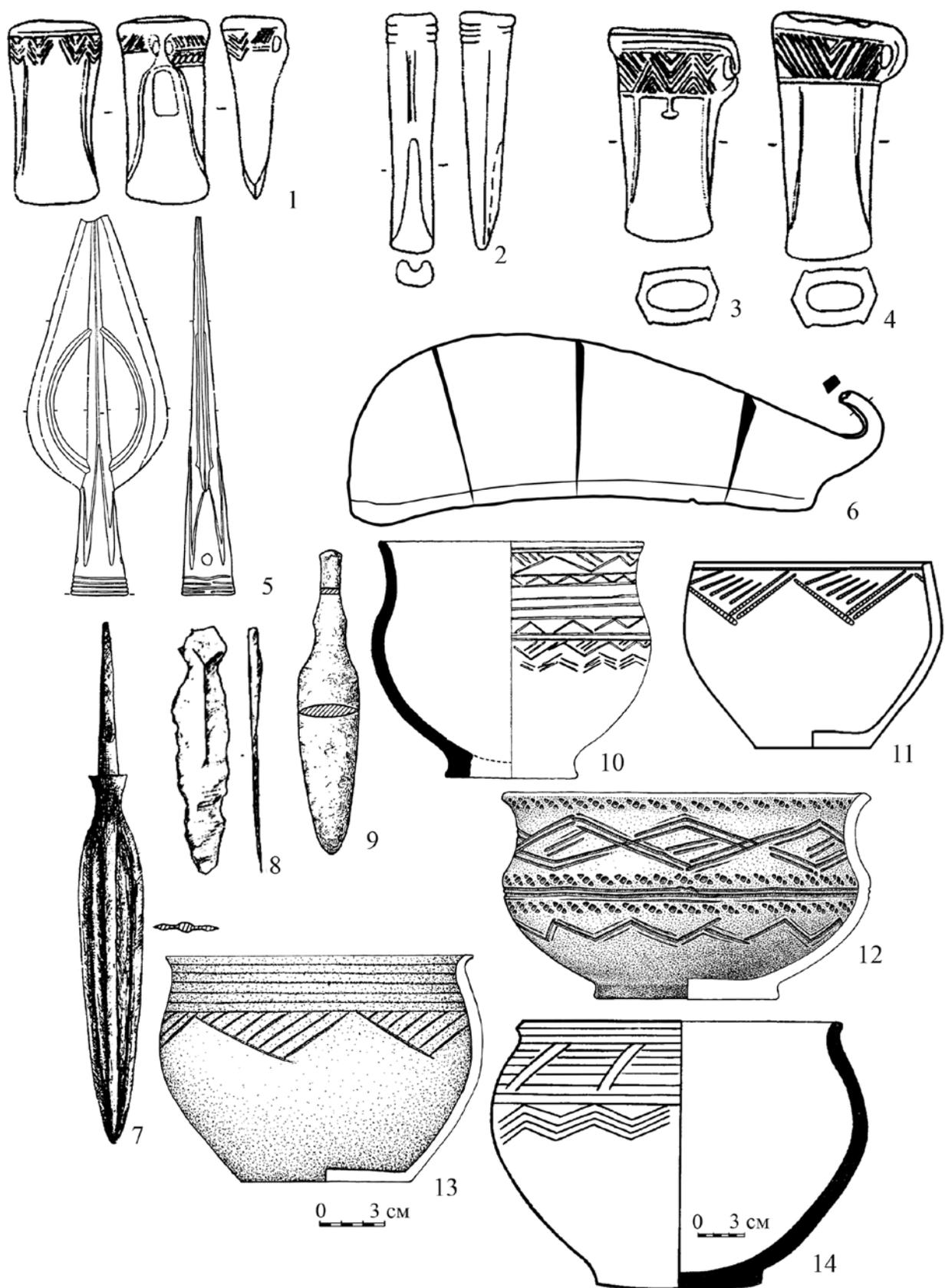

Рис. 3. Поселенческий и погребальный инвентарь луговской культуры:
 1–4 – Дербеденевский клад; 5–6 – Кармановский клад; 7 – Мурзихинский-II могильник,
 погр. 84; 8, 10 – Такгалачук погр. 145; 9, 14 – Балымское поселение, погр. 5;
 11 – Коминтерновский курган №2, жертвенный комплекс; 12 – Дубовогривская-II стоянка, разрушенное
 погребение; 13 – Коминтерновский курган №1, погр. 1 (1–6 – по: [Кузьминых, 1981];
 7 – по: [Марков, Чижевский, 2003]; 8, 10 – по: [Казаков, 1978], 9, 14 – по: [Халиков, 1980])

Библиографический список

- Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. №3 (18). С. 44–59.
- Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) // АЕС. Казань, 2014. Вып. 19. 300 с.
- Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. 1960. №80. С. 10–95.
- Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978. С. 67–108.
- Казаков Е.П. Соколовские могильники эпохи бронзы и их относительная датировка // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992. С. 35–44.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции // МИА. М., 1954. Т. I, №42. С. 157–246.
- Колев Ю.И. Новый тип памятников эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991. С. 162–206.
- Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 242–273.
- Кузьминых С.В. Металлообработка срубных племен Закамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981. С. 41–70.
- Лыганов А.В. Хозяйство населения позднего бронзового века Волго-Камья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань. 2013. 27 с.
- Марков В.Н., Чижевский А.А. Погребения эпохи бронзы Мурзихинского II могильника // Археологические исследования и музейно-краеведческая работа в Волго-Уральском регионе. Древности, издаваемые Российским археологическим обществом. М.; Казань, 2003. Вып. 36. С. 125–133.
- Митряков А.Е. Керамические комплексы эпохи бронзы Удмуртского Прикамья: Морфологические и орнаментальные традиции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2011. 27 с.
- Обыденнов М.Ф. У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. Уфа, 1997. 202 с.
- Чижевский А.А., Губин А.С., Лыганов А.В. Коминтерновский курган №2 // Урало-Поволжье в древности и средневековье: мат. междунар. науч. конф. V Халиковские чтения. Сер.: Археология Евразийских степей. Казань, 2011. Вып. 11. С. 261–271.
- Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В. Исследования памятников археологии на острове Дубовая Грива в 2009–2010 гг. // Поволжская археология. 2012. №1. С. 94–115.
- Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. М., 1980. Вып. В1-24. 128 с.

© 2017, Ж.В. Марченко^{1,2}, С.В. Святко³, А.Е. Гришин¹, М.П. Рыкун⁴

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,

²Новосибирский государственный университет, Новосибирск;

³IXPHO Центр по изучению климата, природной среды и хронологии,
Королевский университет Белфаста, Северная Ирландия, Великобритания;

⁴Томский государственный университет, Томск

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ И ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКА РОСТОВКА (Омское Прииртышье)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ–14-50-00036.

Могильник Ростовка – один из ключевых памятников эпохи бронзы Евразии. Он расположен на юге Западной Сибири, в Омском Прииртышье [Матющенко, Сеницына, 1988]. Его материалы относятся к так называемому сейминско-турбинскому транскультурному феномену, сутью которого является широкое распространение на территории Северной Евразии специфических бронзовых предметов вооружения. Ранее, по данным сравнительного анализа, время существования сейминско-турбинских изделий оценивалось в рамках 16–15 вв. до н.э. [Черных, Кузьминых, 1987]. Однако за последние два

десятилетия количество радиоуглеродных дат по многим ключевым памятникам и культурам эпохи бронзы Восточной Европы, Западной и Южной Сибири увеличилось, что позволило скорректировать их возраст в сторону удреждения. Недавно было проведено датирование захоронений с предметами сейминско-турбинского типа в Барабинской лесостепи, в результате которого хронология комплексов была определена в рамках последней четверти III тыс. до н.э. [Марченко и др., 2014].

Для датирования на могильнике Ростовка преимущественно были выбраны погребения, в которых были сейминско-турбинские предметы. Практически все комплексы были нарушены в древности. Археологический контекст нахождения бронзовых предметов на памятнике был различным. Они могли располагаться непосредственно в захоронении (погр. 5, 23) и рядом с ним на уровне древней поверхности в виде компактного скопления предметов («кладов», погр. 8, 24, 33, 34). В некоторых случаях позиция предметов была неординарной: копье было воткнуто в стенку могилы (погр. 5) или рядом с ямой (погр. 33). Также было продатировано одно безынвентарное захоронение (погр. 27). Проанализированные комплексы содержали, кроме того, предметы защитного вооружения (фрагменты роговых панцирных пластин, погр. 33), изделия из золота (кольцо, погр. 33) и литейную форму (погр. 24) [Матющенко, Синицына, 1988].

Радиоуглеродное датирование производилось по антропологическому материалу (кость и зубы). С одной стороны, это позволяло напрямую датировать погребения, а с другой – не исключало вероятности влияния на даты так называемого пресноводного резервуарного эффекта. Степень сохранности костей в большинстве случаев была низкой, но достаточной для радиоуглеродного анализа ($C:N_{at} = 3.2-3.3$) [Marchenko et al., 2017].

Всего для семи захоронений было получено 11 радиоуглеродных дат (табл., рис. 1). При этом четыре скелета имеют по два результата (по кости и по зубу). Датирование этих индивидуумов проводилось с целью выявления возможной разницы радиоуглеродного возраста между отдельными частями скелета. Отличие результатов могло быть связано с разными типами питания в молодом и в зрелом возрасте, причиной чему могли быть миграции населения и/или социальная структура.

Могильник Ростовка. Радиоуглеродные даты и их калиброванные значения

Погребение	Лаб. код	¹⁴ C дата, л.н.	Антропологический материал	Пол	Возраст	Калиброванный возраст, до н.э. (±2σ)
5	UBA-31379	3508±40	кость	♂?	25	1938–1700
5	UBA-31396	3682±40	зуб	♂?	25	2197–1951
8, ск. 4	UBA-31381	3709±34	кость	♀?	40–45	2202–1983
8, ск. 4	UBA-31398	3708±30	зуб	♀?	40–45	2200–2023
23	UBA-29311	3822±32	кость	♂	30–40	2455–2144
24	UBA-29313	3564±38	зуб	♀	40	2054–1774
27	UBA-31383	3655±40	кость	?	?	2141–1918
27	UBA-31399	3635±40	зуб	?	?	2135–1896
33	UBA-31382	3640±31	кость	♀	20–25	2133–1919
34	UBA-31380	3646±39	кость	♂	25–30	2137–1919
34	UBA-31397	4066±50	зуб	♂	25–30	2862–2473

Максимальный диапазон калиброванного возраста всех полученных дат – 29–18 кал. вв. до н.э. (рис. 1). Большинство дат находится в диапазоне 22–20 кал. вв. до н.э. (±2 сигма). Даты UBA-29311 и UBA-31397 имеют более древний возраст, а даты UBA-31379 и UBA-29313 – напротив, выглядят чуть моложе, чем основная группа, – 21/20–18 кал. вв. до н.э. Из четырех пар дат (погр. 5, 8, 27 и 34), полученных по одному скелету, в двух случаях (погр. 5 и 34) даты по зубу (UBA-31396, UBA-31397) имеют более древний возраст, чем даты по кости (UBA-31379, UBA-31380). Разница возраста в паре составляет около 200–400 лет. На наш взгляд, это различие обусловлено влиянием пресноводного резервуарного эффекта, величина которого, например, по материалам эпохи бронзы Северного Казахстана достигает 300 лет [Svyatko, Merz, Reimer, 2015]. Возраст двух других пар дат по материалам захоронений 8 и 27 практически одинаков. Скорее всего, влиянием пресноводного резервуарного эффекта следует объяснить и более ранний возраст даты UBA-29311 (погр. 23), чем возраст остального массива данных.

Что касается двух дат, имеющих более молодой возраст (UBA-31379, погр. 5 и UBA-29313, погр. 24), то здесь, возможно, проявилось отражение внутренней хронологической дифференциации памятника, позволяющей судить о периодизации некрополя. Как мы видели, могут быть намечены два,

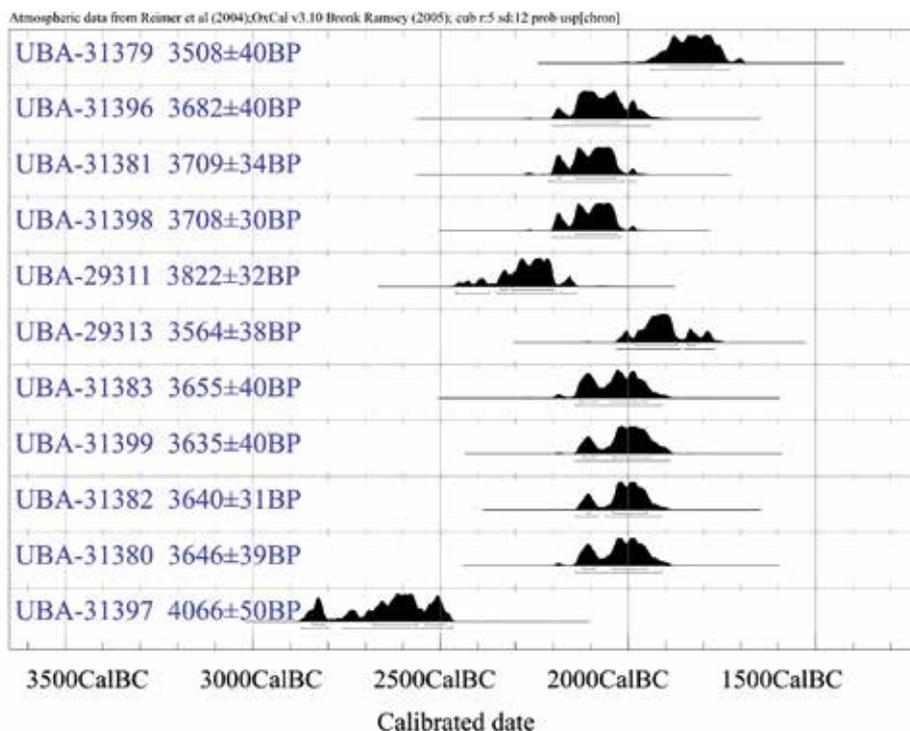

Рис. 1. Распределение калиброванных значений радиоуглеродных дат могильника Ростовка на календарной шкале

возможно пересекающихся, периода функционирования некрополя. Большинство комплексов могли быть сооружены в 22–20 кал. вв. до н.э. (1-й этап), а два погребения (5 и 24) – в 21/20–18 кал. вв. до н.э. (2-й этап). При детальном рассмотрении оказывается, что для погребений 2-го этапа характерно наличие специфических категорий предметов (рис. 2). Во-первых, это наконечники копий с «ромбическим стержнем пера в сечении» (второй класс наконечников копий, погр. 5 [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 68–72, рис. 78]). Эти же изделия (вместе с литейной формой для их производства, погр. 24) группируются Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 89, рис. 49.-1, 6] в тип КД-42, который является достаточно оригинальным в среде сейминско-турбинских бронз. Во-вторых, это черешковый кинжал с продольным ребром типа НК-14 из могилы 24 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 101, рис. 58.-1]. Причем все исследователи находили этим вещам аналоги в синхронных или более поздних культурах, например, в абашевских [Там же] или в срубных древностях [Матющенко, Сеницына, 1987, с. 80]. Гипотетически можно увеличить количество погребений 2-го этапа за счет комплексов с похожими металлическими изделиями, но не имеющих материала для датирования. Наконечники копий с «ромбическим стержнем» встречены еще в двухкладах на памятнике. Один из них расположен в непосредственной близости от погребения 24 (кв. З-16), другой не связан с погребением (кв. Ж-20) [Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 4 (вкладка), с. 36, рис. 43, с. 41, рис. 52]. Второй на памятнике черешковый кинжал с ребром (тип НК-16 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 102, рис. 58.-6]) обнаружен в могиле 14 – соседней с погребением 24. Планиграфически оба комплекса находятся в «западной» группе погребений, тяготеют к ее центру (в районе погр. 24), но жесткого единства на фоне разряженного расположения всех погребений на могильнике пока не прослеживается [Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 4]. Детали обрядовой практики, по причине сильного нарушения комплексов, данную хронологическую группировку проиллюстрировать тоже не могут. Но отметим, что наконечник копья близкого облика был обнаружен на могильнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) в погребении позднекротовской культуры [Молодин и др., 2004, с. 359, рис. 1.-2], радиоуглеродная хронология которой определяется периодом 19–18/17 кал. вв. до н.э. [Молодин и др., 2008]. Это частично согласуется с общим диапазоном 2-го этапа Ростовки. Не противоречит этим датам и сопоставление сейминско-турбинских предметов второго этапа могильника Ростовка с абашевскими и срубными образцами, так как по последней сводке радиоуглеродных данных абашевская культура относится к периоду 23–19 кал. вв. до н.э., а ранняя фаза срубной культуры – к 20–17 кал. вв. до н.э. [Молодин, Епимахов, Марченко, 2014]. Таким образом, предложенный вариант периодизации захоронений на некрополе может стать поводом для очередного обращения к материалам могильника и его комплексного анализа с учетом полученных данных.

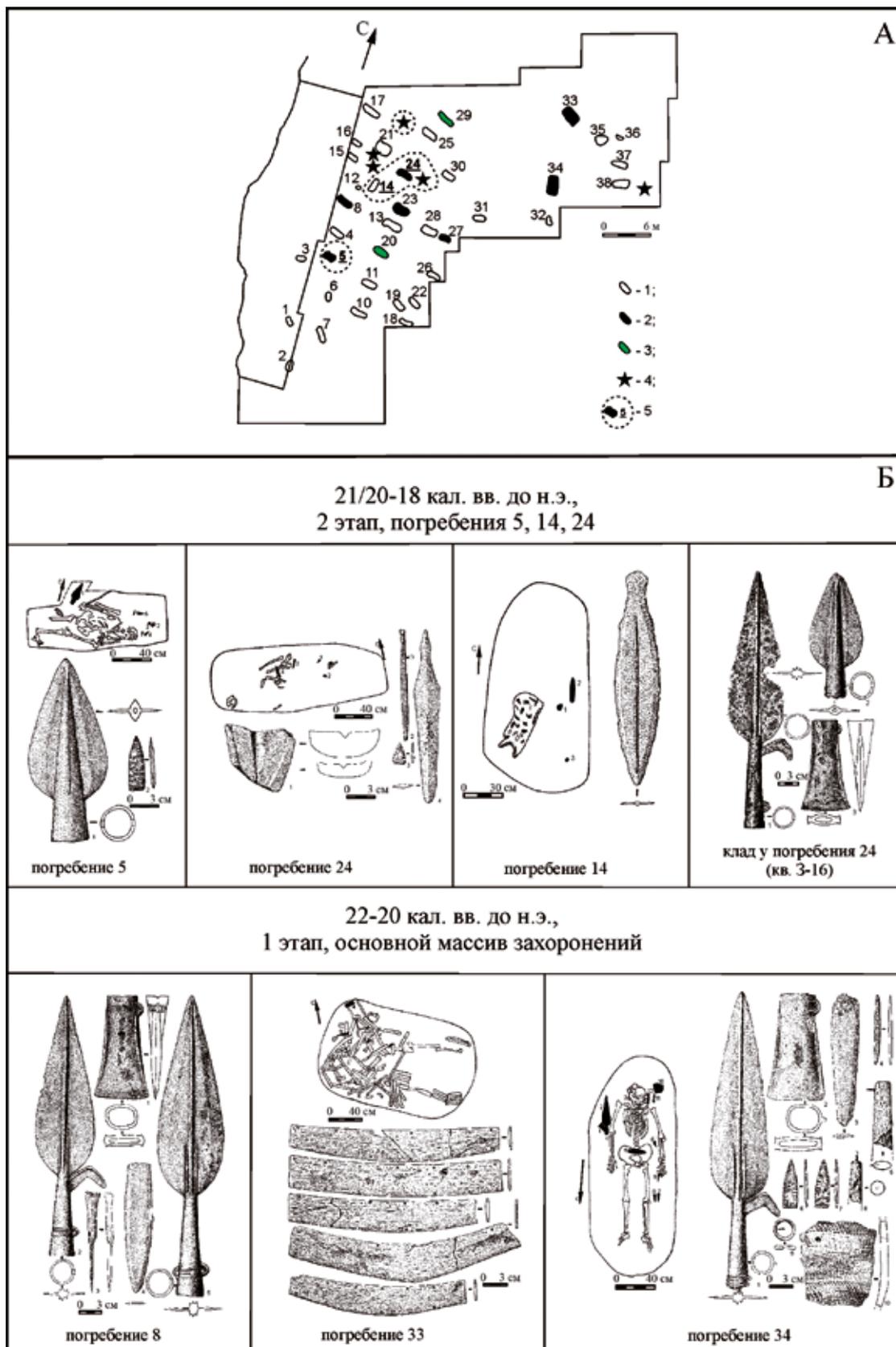

Рис. 2. Периодизация и хронология некрополя Ростовка. А – план могильника (по: [Матюшенко, Сеницына, 1988, рис. 4]): 1 – недатированные захоронения; 2 – продатированные захоронения (новые данные); 3 – комплексы, датированные ранее (по: [Ковтун, 2016; Ковтун, Марочкин, Герман, 2017]); 4 – крупные скопления («клады») находок с металлическими предметами; 5 – комплексы второго этапа памятника; Б – сравнительная таблица комплексов двух этапов

Совсем недавно кемеровскими коллегами параллельно были получены результаты ^{14}C датирования комплексов 20 (3634 ± 68 л.н., ИМКЕС-14С982) и 29 (3888 ± 105 л.н., ИМКЕС-14С916) могильника Ростовка (рис. 2А) [Ковтун, 2016; Ковтун, Марочкин, Герман, 2017]. Эти данные (29–18 вв. до н.э., по ± 2 сигма) вписываются в основной диапазон, обозначенный нашими данными, однако не позволяют судить о детальной хронологии памятника. В целом результаты датирования могильника Ростовка отражают общую неоднородную радиоуглеродную хронологию комплексов с сейминско-турбинскими бронзами в Барабинской лесостепи и в Верхнем Приобье [Марченко и др., 2014]. Сложный характер транскультурного феномена, по всей видимости, связан с разнородным составом носителей этих специфических бронзовых предметов (разное происхождение, разные хозяйственно-культурные типы, разные культуры). Не исключено, что материал могильника Ростовка может включать антропологически схожие группы людей, но относящиеся к разным культурам юга Западной Сибири и сопредельных территорий. В перспективе для окончательного решения вопроса о величине резервуарного эффекта в этих датах и для установления более точной хронологии памятника можно датировать другие органические материалы из этого могильника (роговые панцирные пластины, остатки кожаных или деревянных изделий).

Библиографический список

- Ковтун И.В. Сопкинско-каракольские кинжалы и сейминско-турбинская эпоха // Археология Южной Сибири. Кемерово, 2016. Вып. 27. С. 62–76.
- Ковтун И.В., Марочкин А.Г., Герман П.В. Корреляция хронологии сейминско-турбинских, крохалёвских и самусьских древностей // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле: сб. тез. (электронная версия). 2017. <http://konf.asu.ru/archeo/?page=%D1%81ollection&char=%D0%9A>
- Марченко Ж.В., Молодин В.И., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Погребальные комплексы с предметами сейминско-турбинского и кенкольского типов в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) и их радиоуглеродная хронология // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. I. С. 464–468.
- Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. 136 с.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер.: История, филология и философия. 2014. Т. 3, №3. С. 136–167.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пиецонка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г. Исследование могильника бронзового века Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. I. С. 358–364.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Пиецонка Х., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Гришин А.Е. Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. I. С. 325–328.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 84–105.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.
- Marchenko Z.V., Svyatko S.V., Molodin V.I., Grishin A.E., Rykun M.P. Radiocarbon chronology of complexes with Seima-Turbino type objects (Bronze Age) in Southwestern Siberia // Radiocarbon. 59(5). 2017. P. 1381–1397. DOI: 10.1017/RDC.2017.24
- Svyatko S.V., Merz I.V., Reimer P.J. Freshwater reservoir effect on redating of Eurasian steppe cultures: first results for Eneolithic and Early Bronze Age Northeast Kazakhstan // Radiocarbon. 57(4). 2015. P. 625–644.

© 2017, В.П. Мокрушин, Е.И. Нарожный

Непубличное акционерное общество «Наследие Кубани», Краснодар

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ПОСЕЛЕНИЯ КИШПЕК-2 В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

В 2009 г. в ходе археологических исследований по трассе объезда ФАД «Кавказ», вокруг Нальчика, была раскопана часть (3 тыс. м²) поселения Кишпек-2 (окрестности современного с. Чегем-2, в 13 км к северу от известного дружинного некрополя у с. Нартан). Помимо массового керамического материала с

поселения, примечательными является ряд индивидуальных находок, особенно навершие булавы из рога благородного оленя, детали конской упряжи и разнообразные бронзовые изделия (украшения, предметы быта, наконечники стрел и др.) [Козлов, Мокрушин, Нарожный, 2016, с. 90–93]. В составе керамической коллекции особенно хорошо представлены плоскодонные миски с резко загнутым внутрь краем (рис. 1). Они в основном орнаментированы наклонными и горизонтальными, прочерченными линиями (рис. 1.-1–4), нередко с добавлением ряда частых и мелких оттисков на горловине (рис. 1.-5–9, 14, 15).

Видо-типологическое многообразие выявленного на поселении инвентаря – признак, вероятно, разнохарактерных занятий местного населения, в том числе и различно организованными и специализированными ремеслами. Это позволяет позиционировать данный памятник как важный хозяйственно-производственный пункт, обеспечивавший своей продукцией не только себя, но, возможно, весьма значительную округу.

Археологический материал памятника на данном этапе его осмысления позволяет основной период функционирования поселения ограничить 1-й половиной VII в. до н. э., хотя обращает на себя внимание наличие среди материалов нескольких мелких фрагментов сосудов, вероятно, более раннего возраста. Они – с нарядными декоративными композициями из «висящих» и горизонтальных «лент», выполненных с помощью часто поставленных коротких тонких косых насечек, заполнявших узкую (3–8 мм) «дорожку» между двух процарапанных по сырой глине параллельных линий (рис. 2.-12–14). Композицию мог дополнять широкий орнаментальный пояс из тонких, сгруппированных по несколько штук вертикальных или чуть наклоненных отрезков (рис. 2.-9–11).

Ближние керамические изделия можно указать в гробнице 2 могильника Терезе. Там обнаруживаются и так называемые кубки, обычно с отчетливо выраженным рельефным ребром на корпусе при переходе от шейки к тулову. Диаметр их устья колеблется в пределах 8–14 см; на дне часто отмечается круглое вдавление внутрь. Такие кубки есть и в материалах Кишпека (рис. 2.-4, 6–8, 11). Особняком стоят группа миниатюрных сосудиков-кувшинчиков (рис. 2.-5) и несколько горшочков (рис. 2.-1–3).

В гробнице 1 могильника Терезе во многом идентичная керамика соседствует с отлитыми в односторонней форме медными плоско-выпуклыми наконечниками стрел – «площадками». Они, как известно, не использовались позже начала VIII в. до н.э. и отсутствуют в комплексах VIII – середины VII в. до н.э., «синхронных по времени Новочеркасскому кладу [Козенкова, 2004, с. 92–94, 96–97, табл. 4.-1; 7; 7–11; 17.-6, 7].

Там же находились два костяных, базисных пирамидальных наконечника стрел подквадратного сечения, с прямым основанием (тип II б, по типологии С.Л. Дударева). Есть они и в коллекции Кишпека (рис. 3.-1, 2): один – укороченный (20 мм), второй – средней величины (30 мм). Аналогии им известны среди кобанских древностей (22 экз.): могильник на Крестовой и Барановой горках в Кисловодске (6 экз.); Станичный (1 экз.); некрополь и поселение Сержень-Юрт (10 экз.) [Дударев, 1999, с. 91]. В «черногорской группе» раннекочевнических захоронений Северного Кавказа (X–VIII вв. до н.э.) подобного рода наконечники единичны: могила со скорченным костяком и шлифованным молотком у Ставрополя (бывший Ворошиловск); погребение у санатория «Красные камни» [Дударев, 1999, с. 38–39, рис. 3.-13; 4, П.-6]. Хорошо представлены они в кургане №1 у ст. Усть-Лабинской (10 экз.) из раскопок Н.И. Веселовского. С.Л. Дударев относит их к «новочеркасскому» этапу – VIII – началу VII в. до н.э. Как указывает В.Р. Эрлих, с этим же колчаным набором были связаны семь железных двулопастных наконечников. У одного из них явно выраженный «ромбический контур» пера, что свойственно раннежаботинским (предкелермесским) предметам этого рода 1-й половины VII в. до н.э. Исследователи предполагают, что и остальные экземпляры изначально могли иметь такую же форму, утратив ее в «результате коррозии» [Дударев, 2011, с. 115; рис. 1, I.-18–28; Эрлих, 2007, с. 103, рис. 14.-18–28].

По мнению А.И. Мелюковой, рассматриваемые здесь костяные пирамидальные наконечники не характерны для скифских наборов метательного оружия и появляются раньше всего на Северном Кавказе (Таркинский и Карабудахкентский могильники в Дагестане). Ближние предметы, в основном крупные, до 4 см в длину, изредка встречаются в других регионах, например, в Крыму – поселение Уч-Баш (2 экз.). Представлены они также, в частности, в Симферопольском (Зольное) кургане №1 у с. Васильевка, впускное погребение №25 (Донецкая обл.). Известны они и на укрепленных черноморских, Субботовском и Лубенецком поселениях, исследовавшихся под руководством А.И. Тереножкина [1976, с. 37, 45, 61–62, рис. 10.-1–5; 17.-13; 25.-11–15; 53.-11]. Ссылаясь на него, А.И. Мелюкова [1964, с. 10; табл. 1-А, 4, 8, 16; 1-Б, 31; 1-В, 9] ведет речь о трех городищах. Экземпляр, длиной 3,2 см (судя по изображению, он существенно крупнее), зафиксирован в Малой Цимбалке – впускная могила «А». Указанный комплекс (сближаемый с Высокой Могилой, Олышанами, Гумарово) ввиду «морфологических особенностей» имевшихся там псалий и золотой пронизки предлагается датировать серединой – концом VIII в. до н.э. [Вальчак, 2006, с. 267, 270, рис. 1.-6].

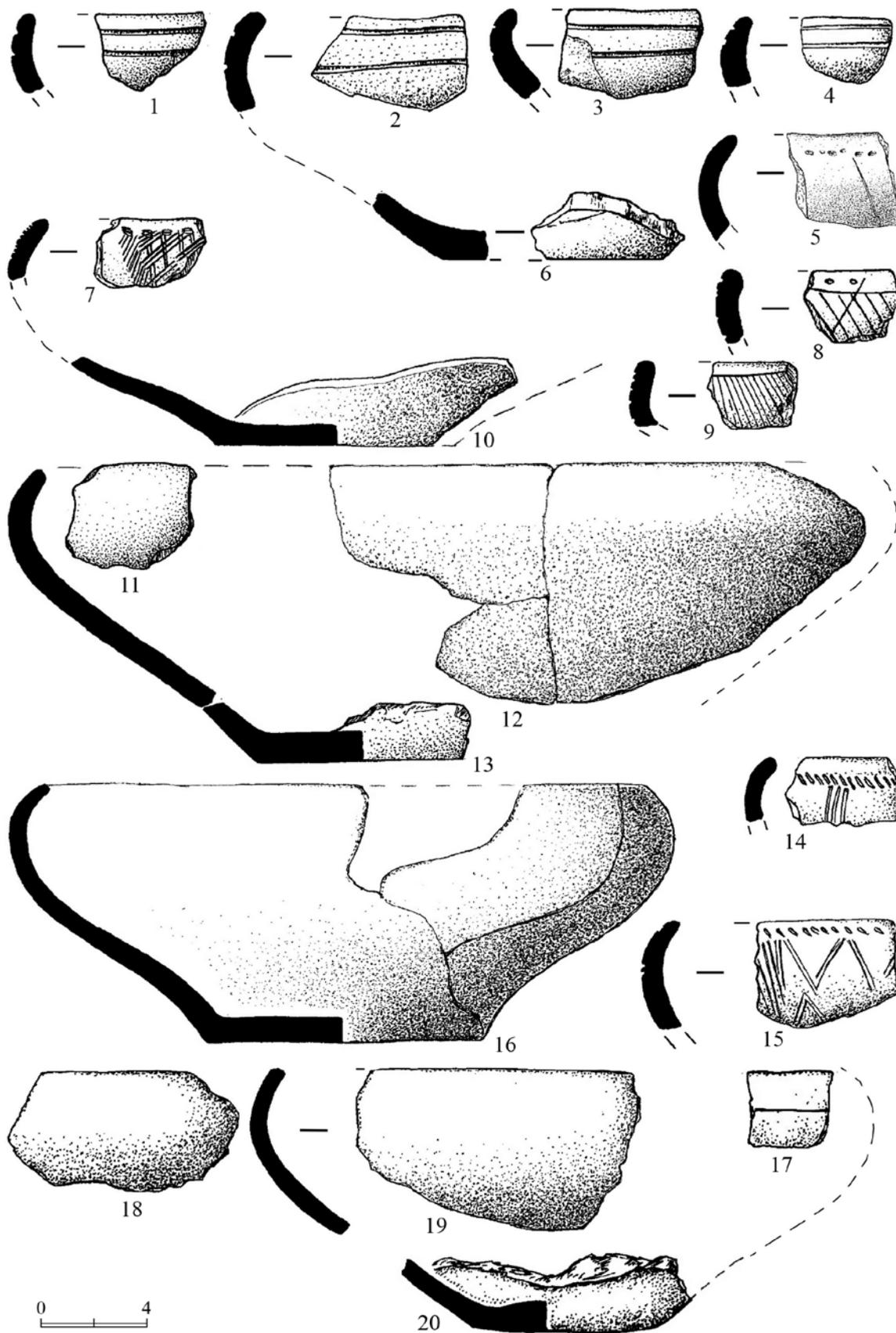

Рис. 1. Поселение Кишпек-2 (КБР). Глиняные миски с загнутым внутрь краем:
 пласт 0: 5 – кв. 2; пласт 1: 2 – кв. 49; 3 – кв. 73; 6 – кв. 19; 7 – кв. 7; 9 – кв. 7;
 10 – кв. 83; 11 – кв. 74; 12 – кв. 43; 13 – кв. 22; 14 – кв. 70; 15, 18 – кв. 75; 17 – кв. 12;
 19 – кв. 80; 20 – кв. 44; пласт 2: 1 – кв. 39; 16 – кв. 88
 4 – хозяйственная яма №317; 8 – хозяйственная яма №89

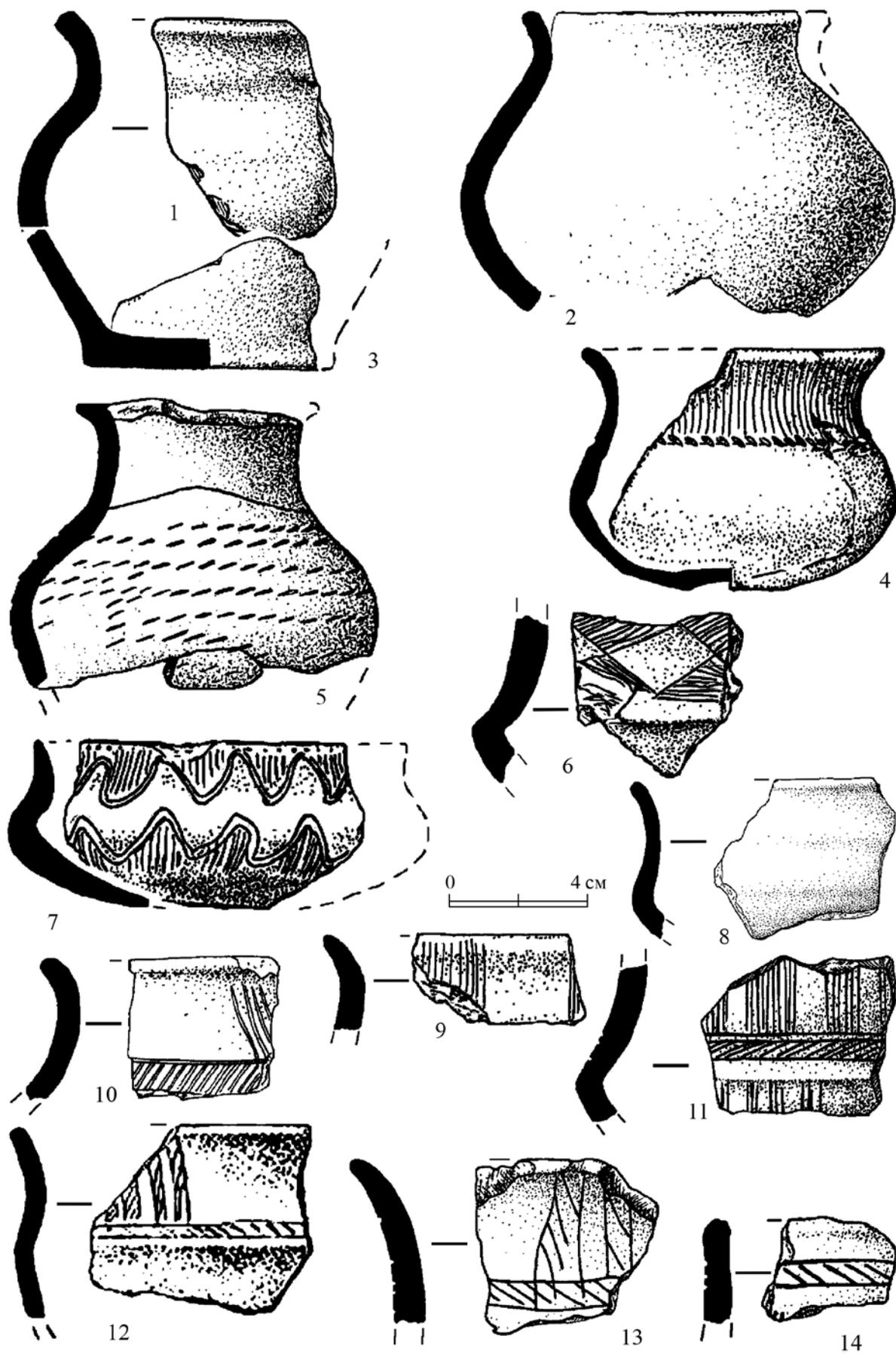

Рис. 2. Поселение Кишпек-2 (КБР). Миниатюрные глиняные сосуды

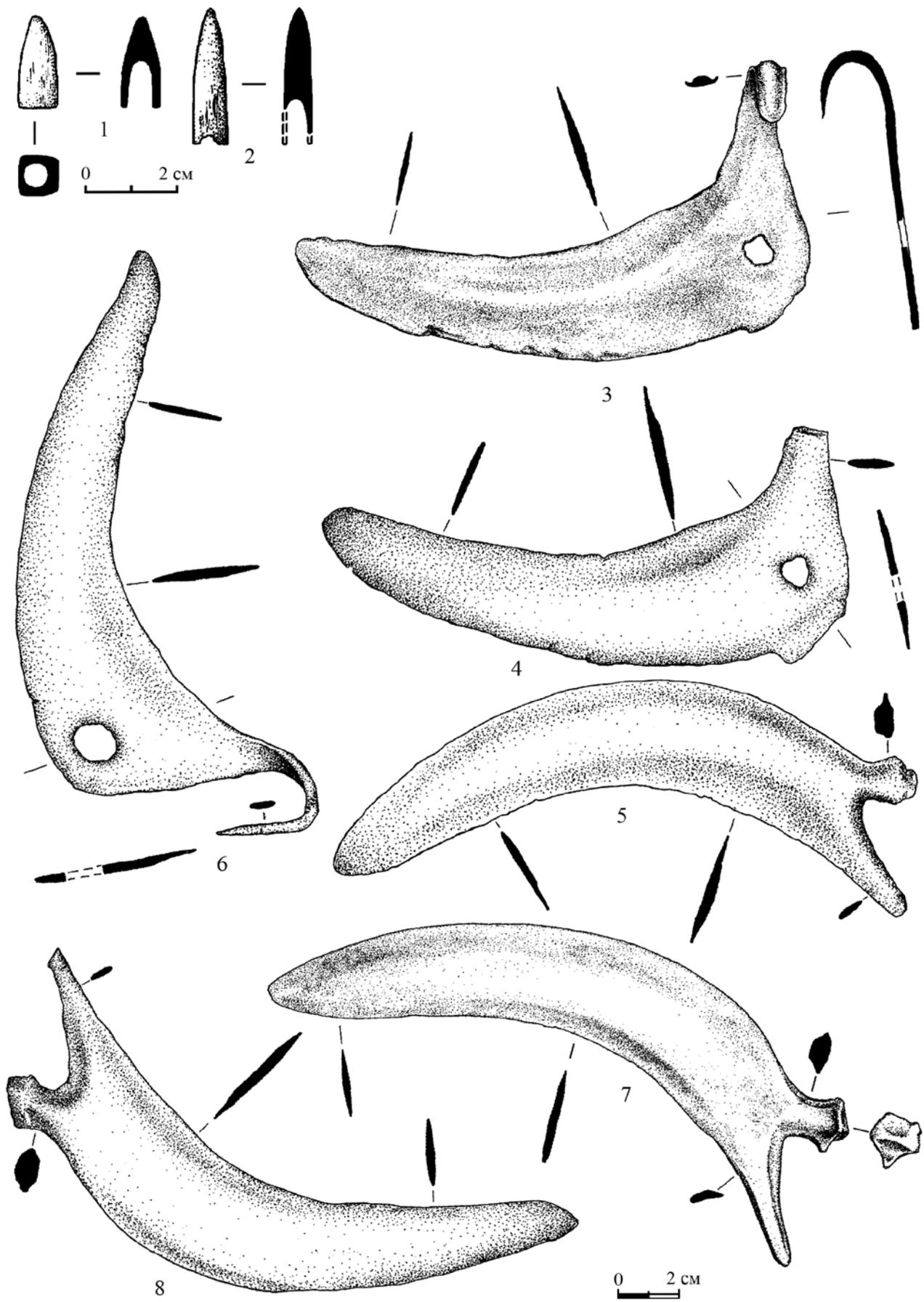

Рис. 3. Поселение Кишпек-2 (КБР). Вещевой инвентарь:
 1, 2 – костяные наконечники стрел; 3–8 – бронзовые серпы

С заключительной фазой существования поселения Кишпек-2, судя по всему, связан еще один выразительный набор предметов – клад мастера-литейщика (?). Сложенные «стопкой» шесть бронзовых серпов, были спрятаны в культурном слое поселения, близ одной из хозяйственных ям в центральной части раскопа. Их относительно удлиненные, слабоизогнутые клинки с максимальной шириной 3,7–4 см и протяженностью по хорде в 16,2–17,8 см сохранили на спинках литники либо их остатки, сильно смещенные к «держакам». Несмотря на нетипичные линзовидные сечения лезвий, все находки сопоставимы с так называемой *северокавказской серией* жатвенных орудий, составляющих весьма представительную коллекцию (не менее 243 экз.). Примерно две трети ее в разное время были собраны в Краснодарском крае и Карачаево-Черкесии [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 125; №542–784].

Три из шести публикуемых экземпляров, вероятно, – «полуфабрикаты» с равномерно искривленными спинками (рис. 3.-5, 7, 8). Правая и левая половины их корпусов почти идентичны; явно невыделенная задняя «рукояточная» часть по своей длине лишь чуть меньше расширяющегося лезвия. Два предмета (рис. 3.-5, 7) явно отлиты в одной и той же двусоставной форме. Похожие симметричные серпы (33 экз.), сильно варьирующие по метрическим показателям, известны на западе, географически достигая низовьев Южного Буга. Однако основной ареал их распространения – Нижнее и Среднее Прикубанье, где и сосредоточено наибольшее число разных вариантов данного типа [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 125; №542–574]. Главный же центр их изготовления предположительно локализируют в бассейне р. Белая, где зафиксированы места плавки меди. Почти все известные нам серпы входят в состав кладов, которые, за единственным исключением, образуют узкий «культурно-хронологический горизонт» в пределах XIV – начала XIII в. до н.э. Клад «Батарейка» (Таманский п-ов) содержит три предмета, по своим параметрам наиболее близких публикуемым нами заготовкам [Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 131–134; №557–559]. Однако находки с Тамани отличаются от наших тем, что после отливки они подверглись дополнительной доработке с обязательной очисткой поверхности от затеков и наплывов металла. Их режущие кромки прокованы и заточены; в одном случае отмечены следы износа, черенки у них утрачены, но, вероятно, они были оформлены путем дополнительной проковки и представляли собой четырехгранные, заостренные на конце стержни.

Держаки еще трех серпов из Кишпека-2 (рис. 3.-3, 4, 6) напоминают узкий пластинчатый, круто завернутый набок штырь (крюк). В одном случае он обломан. Загиб, как полагают, вызван не функциональными причинами, а деформациями в связи с необходимостью компактно уложить вещи при сокрытии клада. Конфигурация и пропорции рассматриваемых предметов совпадают. Высота дуги изгиба спинки – 5,3–5,4 см; ее наивысшая точка сильно смещена от середины к предельно уменьшенной вспомогательной рукояточной части; она отделена от постепенно расширявшегося к торцу рабочего лезвия четким резким угловатым, дуговидно-коленчатым перегибом в виде пятки с отчетливым литниковым наплывом. Описываемые орудия аграрной индустрии ближе всего к варианту Бамут/Vamut 2 (учтено всего 7 экз.). Наиболее сходна с нашими серпами одна случайная находка с продольным односторонне выступающим валиком по краю спинки [Дергачев, Бочаров, 2002, с. 163, 168; №730].

В материалах раскопанной части поселения Кишпек-2 нет жатвенных орудий завершающей фазы бронзового века (XII–X вв. до н.э.; НА–НВ1 – по Рейнеке), объединяемых в типы Нарат-Ешик-2, Агур и Ростов. Судя по всему, некоторые разновидности жатвенных орудий, считающиеся ранними, могли просуществовать (?) в Предкавказье вплоть до массового внедрения железа.

Библиографический список

- Вальчак С.Б. Комплекс впускного погребения «А», колчанный набор из кургана Малая Цимбалка и их место в хронологии предскифского периода // Древности скифской эпохи. МИА России. М., 2006. Вып. 7.
- Дергачёв В.А., Бочкарёв В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинёв, 2002.
- Дударев С.Л. Взаимодействие племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы. Армавир, 1999.
- Дударев С.Л. К этнокультурной атрибуции «киммерийских» погребений Северного Кавказа // Сборник научных трудов С.Л. Дударева: (К 60-летию со дня рождения). М., 2011.
- Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н.э.: (материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа). М., 2004.
- Козлов М.С., Мокрушин В.П., Нарожный Е.И. Поселение Кшпек-2 в Кабардино-Балкарии (предварительные итоги изучения) // Изучение и сохранение археологического наследия народов Северного Кавказа. XXIX «Крупновские чтения»: мат. междунар. науч. конф. Грозный, 2016.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. М., 1964. Вып. Д1-4.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 223 с.

БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО ТИПА ИЗ КИТАЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»)

Проблемы сейминско-турбинского историко-культурного феномена, поставленные в девяностые годы прошлого века Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1987; 1989], не только не утратили своей актуальности, но, напротив, с накоплением качественно новых источников в Северной и Центральной Азии [Кузьминых, 2011; Молодин, 2017] приобретают новое осмысление. В полной мере это касается сегодня и территории Китайской Народной Республики.

Еще недавно в российской и европейской историографии было известно лишь о двух наконечниках копий сейминско-турбинского типа из Китая, это изделие из Сианя (собрание Шэнсийского музея) [Киселев, 1960, с. 244–266], а также огромный наконечник копья длиной 61,5 см из провинции Цинхай, опубликованный, помимо Китая, в Европе [Wagner, 2001, s. 25–35], а также в России [Молодин, Комиссаров, 2001, с. 374–381]. Такое положение вещей позволяло считать, что наличие в регионе предметов сейминско-турбинского облика есть не более чем случайность. Об этом, как будто говорило еще и то обстоятельство, что хорошо известные культуры бронзового века Китая чрезвычайно богаты всевозможными изделиями, в том числе и оружием.

Однако в последнее время, очевидно в связи с изданием на китайском языке монографии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых «Древняя металлургия Северной Евразии» [2010], интерес к находкам наконечников сейминско-турбинских копий в Китае резко возрос. Этому, несомненно, способствовало еще и то обстоятельство, что неожиданно возросло и число самих находок.

В результате в настоящее время в китайской литературе муссируются данные о 14 или 15 таких изделиях. Определенным итогом следует считать хронологическую схему таких наконечников, разбитую на три группы и пять подгрупп, укладывающихся в пределах 2100–2000; 2000–1900; 2000–1750; 1750–1530; 1300–1100 лет до н.э. [Гао Цзянтао, 2015, с. 160–168]. Данная типологическая схема, несомненно, потребует дальнейшего уточнения, особенно это касается хронологических параметров обозначенных периодов, однако, в первом приближении, она может быть использована и сегодня.

Все находки наконечников были сделаны в верхнем и среднем течении р. Хуанхэ и только 2 – в Цинхае.

К сожалению, стратиграфическая позиция их крайне нечетка и противоречива, тем не менее определенные выводы можно предложить.

В китайских образцах отчетливо вырисовываются следующие закономерности:

1) большинство изделий имеют слабую проковку острия пера (либо вообще ее не имеют), что, вероятно, свидетельствует о находках своего рода кладов или полуфабрикатов;

2) всю имеющуюся серию можно разделить на две группы – копья без крюков и копья с крюками. Последние отчетливо доминируют;

3) опираясь на типологическую разработку Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989], полученные образцы принадлежат к разрядам КД-8, КД-10 или близких к ним.

Общим мнением китайских специалистов является предположение о сибирском происхождении данных изделий и проникновении их далее в Цинхай, а затем в долину Хуанхэ. Данная гипотеза не подкрепляется серьезной аргументацией, кроме ссылок на визуальное сходство наконечников. Не учтены и работы российских авторов, посвященные находкам сейминско-турбинских копий в закрытых комплексах (см. например: [Молодин, 2013; Кузьминых, 2011]).

Уже приходилось писать, анализируя бронзовые цельнолитые кинжалы [Молодин, 2015, с. 97–107], что истоки формирования сейминско-турбинских бронз и цельнолитых бронзовых кинжалов следует видеть в Синцзяне и прилегающих районах Алтая, обладающих запасами нефрита и бронзы [Богданович, 1892, с. 12–20; 77–79], откуда последние, наряду с изделиями сейминско-турбинского типа, распространялись вверх по Иртышу и далее в западные и восточные районы Евразии [Членова, 1972;

Черных, 2013; Молодин, 2015; Молодин, Гришин, 2016], а также на восток Китая по хорошо известному нефритовому пути [Chêng Têkan, 1960, с. 113–115, 118]. Предлагаемая концепция, с нашей точки зрения, требует тщательнейшей проработки и выглядит весьма перспективной.

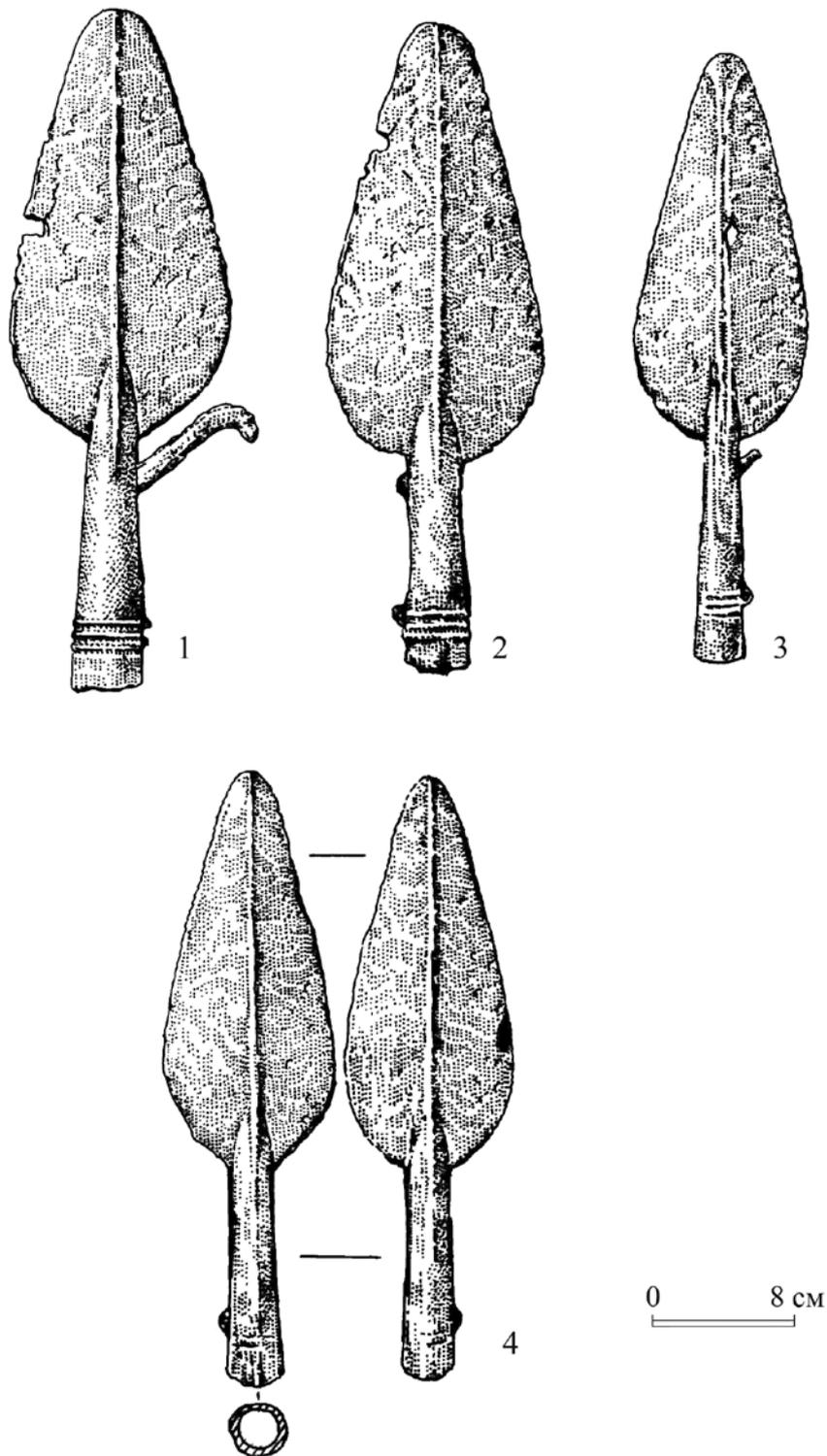

Рис. 1. Бронзовые наконечники копий сейминско-турбинского типа из Китая. Случайные находки. Музейные коллекции: 1 – музей г. Наньян; 2–3 – музей провинции Шаньси; 4 – копье из района Чаоды, провинции Лоошин

Находки серии сейминско-турбинских копий в Китае вообще трудно переоценить. По-видимому, их наличие свидетельствует о существовании мощного производственного центра (или центров), расположенных в Синцзяне. Именно здесь, наряду с характерными цельнолитыми кинжалами и наконечниками копий, мы находим каменные булавы, жезлы с антропоморфным навершием и даже кельт

кижировского типа [Qi Xiaoshan, Wang Bo, 2015], одним словом, всё то, что в более северных районах Западной Сибири сопутствует сейминско-турбинскому феномену.

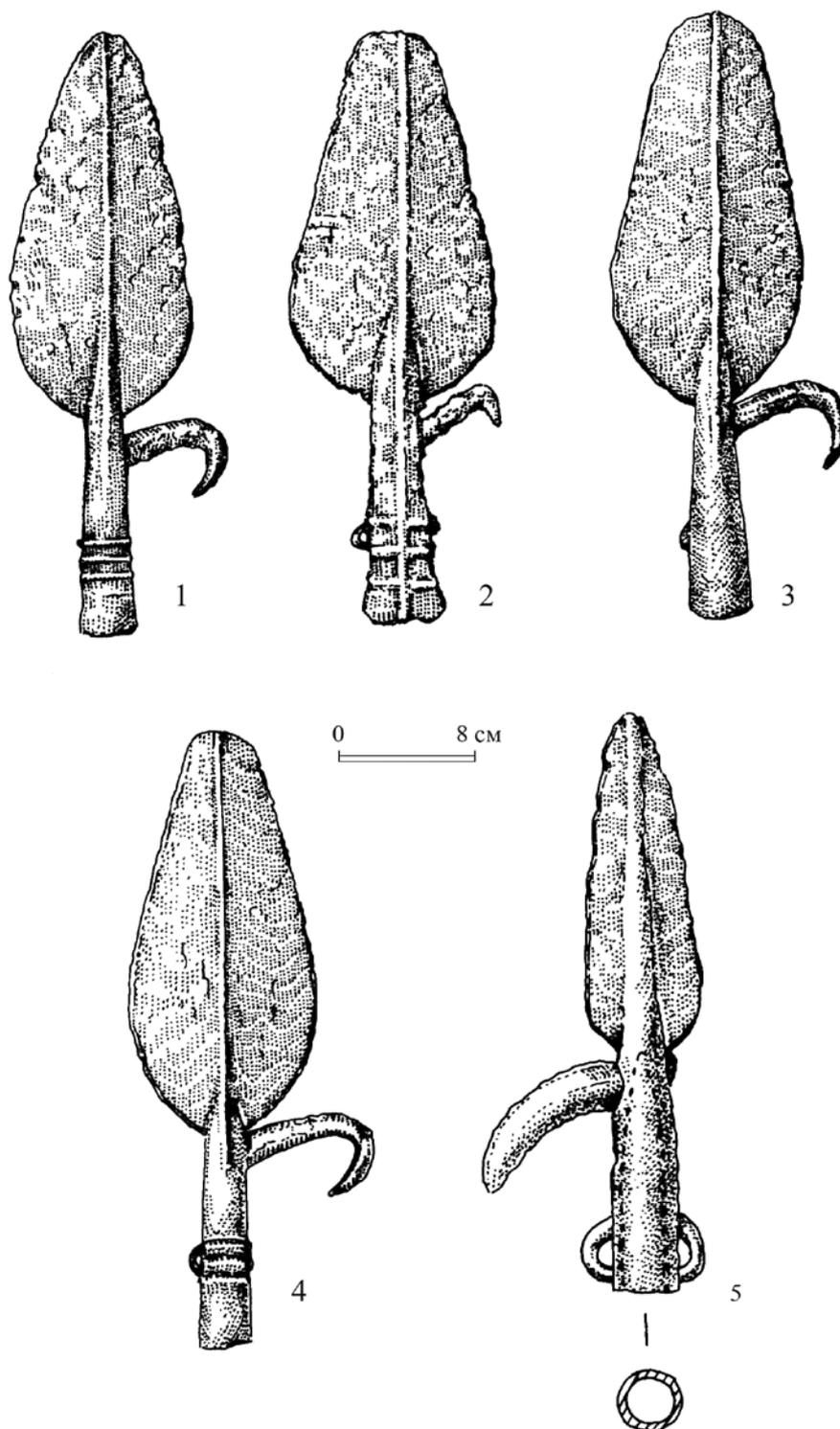

Рис. 2. Бронзовые наконечники копий сейминско-турбинского типа из Китая.

Случайные находки. Музейные коллекции: 1–2 – музей г. Шаньдзя;

3 – находка из Сявангана; 4 – национальный музей Китая; 5 – могильник Ицзя-Юань, Аньян

Косвенно, о распространении бронзовых наконечников копий сейминско-турбинского типа в прилегающих к Синьцзяну северных районах Центральной Азии могут свидетельствовать наскальные изображения эпохи бронзы (например, северо-запада Монголии), где в большом количестве найдены изображения воинов, у которых наконечники копий крупных размеров с пером, напоминающим, возможно, образцы сейминско-турбинского типа [Jacobson, Kubarev, Tseevendorj, 2001a–b].

Библиографический список

- Богданович К.И. Геологические исследования в Восточном Туркестане // Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг. под начальством М. Певцова. СПб., 1892. Ч. II.
- Гао Цзянтао. Шилунь Чжунго цзиннэй чутудэ саима-туэрбинно ши даогуо тунмао [Предварительное обсуждение бронзовых копий с перевернутым крюком сейминско-турбинского типа, найденных в пределах Китая] // Наньфан вэнью (г. Наньчан). 2015. №4.
- Киселев С.В. Неолит и бронзовый век Китая (по материалам научной командировки в КНР) // Советская археология. 1960. №4. С. 224–266.
- Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблемы: новые материалы // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 240–263.
- Молодин В.И. Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии. К 70-летию академика А.П. Деревянко. Новосибирск, 2013. С. 309–324.
- Молодин В.И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория, истоки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №6(2). С. 97–107.
- Молодин В.И. Сейминско-турбинские проявления в Центральной Азии и Китае // В печати. – 2017.
- Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск, 2016. 450 с.
- Молодин В.И., Комиссаров С.А. Сейминское копье из Цинхая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2001. Т. VII. С. 374–381.
- Черных Е.Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. М., 2013. Т. 1. 368 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 84–105.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). Series of Studies on Turfan. Пекин, 2010 (на кит. яз.).
- Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи // МИА. М., 1972. №182. 248 с.
- Chéng Tê-k'un. The Archaeology in China V. II–III. Cambridge, 1960–1963.
- Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie Du Nord-Ouest. Tsagaan-Salaa/ Baga Oigor. Repertoire Des Petroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule 6. Texte et Figures. Paris, 2001a. P. 481.
- Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie Du Nord-Ouest. Tsagaan-Salaa/ Baga Oigor. Repertoire Des Petroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule 6. Planches. Paris, 2001b. P. 256.
- Qi Xiaoshan, Wang Bo. The ancient culture in Xinjiang along the Silk Road (Continued). 2015.
- Wagner M. Kayne-ein Fundkomplex des 2 Jahrtausends v.Chr. am Nordwestrand des chinesischen Zentralreichs // Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder-und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. vorchristlichen Jahrtausend. Kolloquien zur Vor-und Frühgeschichte 6 (Bonn, 2001). Bonn, 2001.

© 2017, В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ НА ПОСЕЛЕНИЯХ КРОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (Правобережное Прииртышье)

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда
(проект №14-50-00036)

Кротовская культура эпохи развитой бронзы была выделена одним из авторов в 1975 г. За более чем 40 лет ее масштабного изучения в Правобережном Прииртышье открыты и исследованы поселения Преображенка-III [Молодин, 1977], Черноозерье-IV [Генинг, Стефанова, 1982], Черноозерье-VI [Сте-

фанова, 1988, с. 55], Инберень-Х [Стефанова, 1985; Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 2001], Саранин-II [Глушков, 1984]. Самым крупным на сегодняшний день изученным поселением является памятник Венгерово-2 (Барабинская лесостепь), где вскрыто более 2000 м² площади, исследованы 10 сооружений и значительная часть межжилищного пространства [Молодин и др., 2016]. Такая степень изученности поселенческих комплексов позволяет перейти к реконструкции хозяйственно-производственной деятельности носителей кротовской культуры и способов ее организации в структуре поселка.

Значительную часть находок в кротовских поселениях составляют предметы, связанные с бронзолитейным производством (тигли, льячки, фрагменты литейных форм, сплески и капли). На общем фоне выделяется поселение Венгерово-2, где практически в каждом исследованном котловане фиксируется соответствующая производственная зона. Независимо от ориентации жилища в овальной структуре поселка и расположения входа, она локализовалась в северо-западной части постройки, а также включала в себя центральный очаг и ямы-«погреб» с костями в северной или северо-восточной стенке жилища [Молодин и др., 2012]. Специфический состав костей (челюсти, черепа, длинные кости) и их видовое разнообразие (куница, соболь, лиса и др.) позволяют сделать вывод о возможном сопровождении производственных циклов культовой практикой.

Способ устройства центрального очага в каждом жилище стандартизирован. Очажная яма представляет собой подпрямоугольное вытянутое и ориентированное вдоль длинных сторон жилища углубление размерами 1,5–2,3×0,7–1 м. Размеры и мощность заполнения очага коррелируют с площадью жилища. Особенности взаиморасположения углистых, золистых и прокаленных участков свидетельствуют о многофункциональном характере теплотехнических устройств, среди которых можно выделить освещение и обогрев помещения, приготовление пищи (в том числе разными способами). Металлургическую функцию очага подтверждают находки бронзовых сплесков, костей с бронзовыми окислами, фрагментов тиглей и литейных форм на фрагментах керамики со следами использования.

Выделено специализированное жилище (№7), где было обнаружено несколько типов теплотехнических сооружений, в том числе яма с глиняными бортиками и, возможно, перекрытием (горн?), в заполнении которой обнаружена крупная бронзовая капля. находка в этом сооружении фрагмента каменной литейной формы для кельта сейминско-турбинского типа, стратиграфический факт длительного прекращения использования центрального очага, наличие большого количества хозяйственных ям, затрудняющих свободное перемещение по жилому пространству, подтверждают предположение о преимущественно производственном характере сооружения.

Следует отметить, что в других поселениях кротовской культуры свидетельства бронзолитейного производства не столь очевидны, присутствуют не во всех жилищах (Абрамово-10) или отсутствуют вовсе (Черноозерье-IV), а очажные устройства представляют собой обычные округлые, иногда углубленные кострища. Это позволяет ставить вопрос о специализированном характере поселения Венгерово-2, в пользу чего свидетельствуют и значительные объемы тиглей (до 0,7 кг), обнаруженные на производственных участках, а также стандартизированные литейные формы на фрагментах керамики, предназначенные для отливки бронзовых стержней.

В предвходовой (предположительно) части жилищ, ориентированной к центральной части поселка, выделяется зона, связанная с изготовлением и использованием орудий на фрагментах керамики («фишки», ложила, абразивы, скребки, формы). Здесь же фиксировалась максимальная плотность расположения фрагментов керамики, в том числе крупных стенок от разных сосудов (заготовки для изделий?). Интерпретация вариантов использования керамических орудий на сегодняшний день не является однозначной (см. обзор: [Молодин, Мильникова, Нестерова, 2012]). Тем не менее характерные следы на рабочих кромках позволяют исследователям относить часть этих изделий к орудиям по обработке кожи. С этим же направлением хозяйственной деятельности могут быть связаны ямы, наполненные золой, зафиксированные практически в каждом жилище, в восточной или юго-восточной части. В этнографической литературе имеются указания применения золы/щелока для обработки шкур [Курбатов, 1997], а также в медицинских и гигиенических целях (см., например: [Кадырова, 2004; Ермакова, Повод, 2007 и пр.]). Возможно, с регулярной подготовкой золы была связана и сама конструкция очажной ямы, а также использование в качестве топлива костей животных.

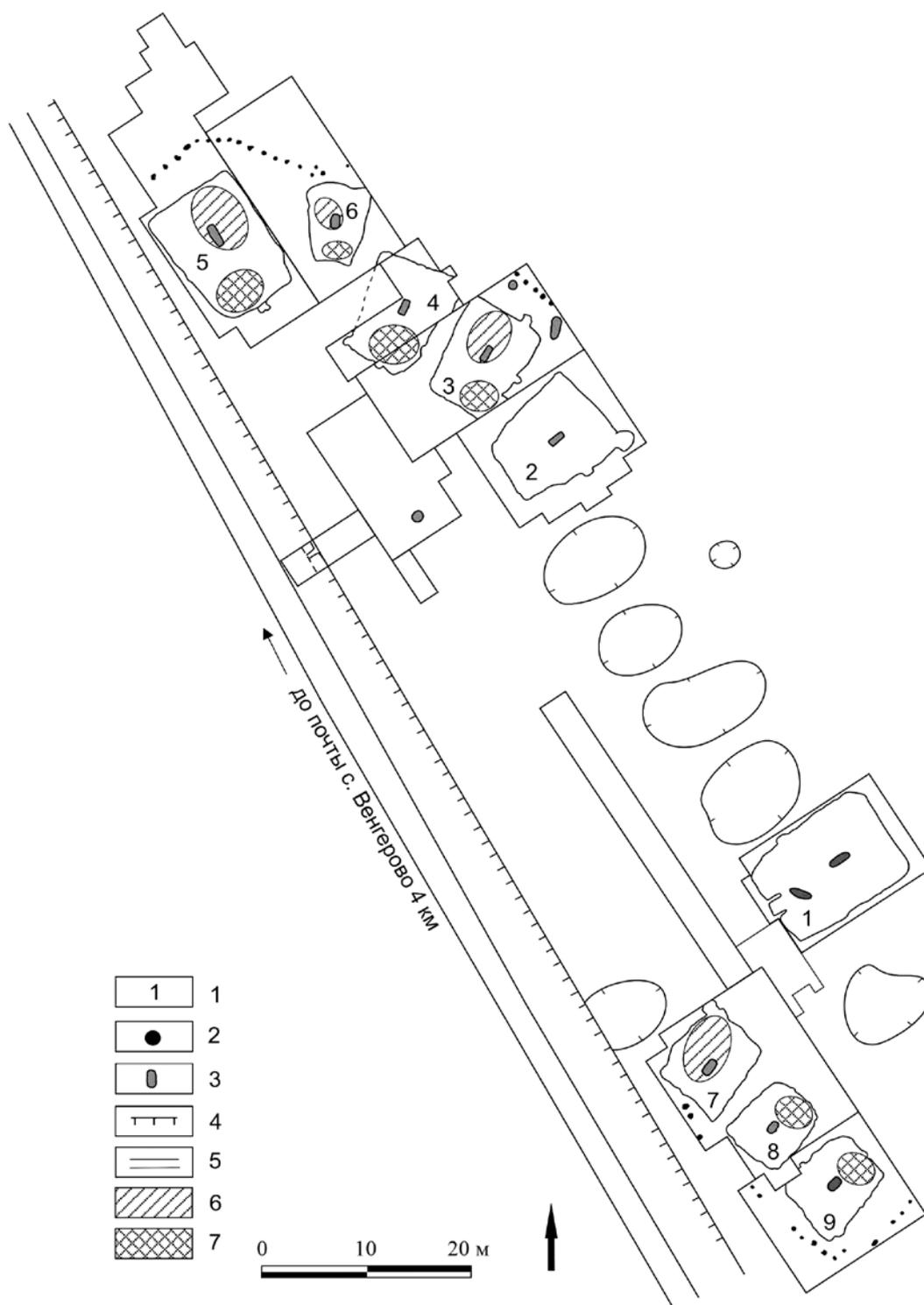
Свидетельства керамического производства очень редки на поселениях кротовской культуры, несмотря на значительное количество керамических сосудов. Исследователи отмечают преимущественно костровой обжиг емкостей [Стефанова, 1988, с. 60]. Только на поселении Саранин-II была обнаружена хозяйственная постройка со специализированным очагом для обжига керамики, представляющим

собой площадку квадратной формы, ограниченную по периметру канавкой [Глушков, Бородовский, 1988, с. 183]. При этом авторы отмечают наличие навеса и защитной стенки со стороны преобладающих ветров для улучшения качества кострового обжига [Там же]. На поселении Черноозерье-IV между жилищами обнаружены глиняник и костровая яма, возможно, связанные с изготовлением и обжигом керамики [Генинг, Стефанова, 1982]. Также следует отметить находку формовочной массы в жилище №7 поселения Венгерovo-2. Однако, учитывая специфический характер постройки, можно предположить, что тесто использовалось для изготовления бронзолитейного инвентаря или обмазки стен теплотехнических устройств.

Роль каменных орудий по материалам поселений Прииртышья представляется незначительной в хозяйственной деятельности носителей кротовской культуры [Стефанова, 1988, с. 65]. Между тем наличие большого количества каменных орудий в материалах поселения Венгерovo-2 (395 экз., в том числе 189 орудий) позволило провести их планиграфический анализ. Зафиксирована концентрация каменного инвентаря в центральной части жилищ, в заполнении хозяйственных ям, а также в юго-восточной хозяйственной зоне среди скопления фрагментов керамики. Каменный инвентарь поселения представлен следующими категориями: отщепы, проксимальные и дистальные фрагменты пластин с ретушью и без, скребки на отщепах и пластинах, перфораторы на пластинах, сколы со шлифованных орудий, нуклеусы и сколы с них, наконечники стрел, бифасы, ножи, абразивы. Среди каменных изделий присутствуют две бусины. Также обнаружена одна площадка в межжилищном пространстве с продуктами вторичной обработки каменных орудий (чешуйки, сколы, микропластины и т.д.). В качестве сырья для артефактов использовались окремненные и окварцованные мелко-, среднезернистые кварцевые песчаники и песчаные алевролиты (определения к.г.-м.н. Н.А. Кулик). Вторую группу образуют породы, применявшиеся в качестве абразивов, на что указывают остатки потертых и шлифованных поверхностей на орудиях. Для «жестких» абразивов использовались мелко- и среднезернистые олигомиктовые песчаники, песчаный алевролит, обломки кварц-полевошпатовой тонкозернистой породы с каолинизированным полевым шпатом. «Мягкие» абразивы изготовлены на обломках гальки кислого эффузива, замещенного слюдяным агрегатом, гидрослюдистого сланца. Таким образом, отсутствует выраженная специализация различных видов каменного сырья. Сопоставление индустрии памятника Венгерovo-2 с коллекциями синхронных местонахождений Западной Сибири по петрографическим характеристикам позволяет рассматривать аллювий Иртыша как наиболее достоверный источник каменного материала. Спецификой изготовления и использования каменных орудий на поселениях Барабинской лесостепи является импорт готовых нуклеусов, исключительно вторичная обработка орудий на поселениях, переиспользование отходов (отщепов, осколков, обломков) и полная выработка изделий, что связано с отсутствием пригодного каменного сырья на данной территории.

Характерная организация кротовских поселков, которая заключается в наличии ограждений («заборов», «изгородей», «плетней») [Стефанова, 1985; Глушков, Бородовский, 1988; Молодин и др., 2016]), ставит вопрос о стойловом придомном содержании скота во внутренней огороженной части поселений. Значительный остеологический материал с кротовских памятников позволил одному из авторов сделать вывод о скотоводческой основе хозяйства древнего населения [Молодин, 1985, с. 73]. Среди домашних животных встречаются кости мелкого рогатого скота (коз и овец) (66,9%), лошадей (23%) и крупного рогатого скота (10%) (учитывались суммарные данные по поселениям Преображенка-III [Молодин, 1985, с. 73], Черноозерье-IV, VI, Инберень-Х, Саранин-II [Стефанова, 1985, с. 67], Венгерovo-2 (определения к.б.н. С.К. Васильева)). Вместе с тем на памятниках Прииртышья наблюдается преобладание костей крупного рогатого скота и лошади, что стало основанием для вывода о доминировании в стаде этих видов. Однако, основываясь на многолетних методических разработках археозоологов (см., например: [Антипина, 2004]), стоит учитывать, что количество костей домашних животных свидетельствует, скорее, о структуре потребления в пищу мяса и, соответственно, о мясном или прижизненном (молочном/сырьевом) характере скотоводства.

На сохранение роли охоты в структуре хозяйства кротовского населения указывает видовое разнообразие диких животных (лось, медведь, косуля, лисица, куница, соболь, бобр, заяц и др.). Из костей и рога лося изготавливалась основная масса костяных орудий (лопатки, мотыги, рукояти, ложила и т.д.). Также отмечено присутствие костей водоплавающей и боровой птицы (утка, гусь, тетерев) [Молодин, 1985, с. 73]. О занятии рыболовством свидетельствуют обнаруженные на поселениях Прииртышья керамические грузила [Стефанова, 1985, с. 67], а также многочисленные находки позвонков рыб в заполнении очажных устройств.

План памятника Венгерово-2 с указанием раскопанных участков:
 1 – № котлована жилища; 2 – столбовые ямы, окружающие поселок; 3 – очаги;
 4 – край террасы; 5 – Старый Московский тракт; 6 – хозяйственная зона,
 связанная с бронзолитейным производством; 7 – хозяйственная зона,
 связанная с концентрацией фрагментов керамики и орудий из них

Население кротовской культуры активно использовало межжилищное пространство. Следы хозяйственной деятельности зафиксированы в виде кострищ, летних кухонь, хозяйственных ям, навесов, ям для выжигания угля, скоплений керамических сосудов и заготовок для орудий на фрагментах керамики. В этом отношении выделяется поселение Саранин-II, которое по ряду параметров (легкость каркасных сооружений, широкое применение всевозможных навесов, компактность и небольшие размеры) отнесено исследователями к типу сезонных [Глушков, Бородовский, 1988, с. 183].

Таким образом, исследование хозяйственно-производственных комплексов по материалам поселений кротовской культуры позволяет говорить о специфике их организации как минимум на трех уровнях: различия в способах устройства и характере поселений; выделение специализированных построек в поселенческом комплексе; выявление хозяйственных зон внутри жилища. В первую очередь, определяются стационарные и сезонные поселения, различающиеся по характеру конструкций и организации жилого пространства. Среди стационарных поселений выделяются мелкие поселки, состоящие из 2–4 жилищ и огороженной площадки, и крупный комплекс Венгерovo-2 площадью до 4 тыс. м², где насчитывается не менее 17 построек. Соблюдение овальной двухрядной структуры поселка, ориентация жилищ и их взаиморасположение позволяют предполагать строительство домов по заранее намеченному плану, как единый архитектурный ансамбль. Кроме того, поселение Венгерovo-2 выделяется и наличием следов бронзолитейного производства и связанных с ним хозяйственных зон практически в каждом жилище, унифицированным литейным оборудованием и стандартизацией теплотехнических сооружений, что свидетельствует как о высоком уровне технологии вторичной обработки металлов в целом, так и позволяет ставить вопрос об особой специализации поселка. Второй уровень специфики организации хозяйственно-производственных комплексов заключается в выделении на поселениях производственных построек, связанных с изготовлением и обжигом керамики (Саранин-II) или вторичной обработкой металлов (Абрамово-10, Венгерovo-2). Наконец, тщательный планиграфический и стратиграфический анализ артефактов и объектов поселения Венгерovo-2 позволил сделать вывод о существовании как минимум двух стандартизованных хозяйственно-производственных зон в каждом жилище.

Библиографический список

- Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. М., 2004. С. 7–33.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье-IV – поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982. С. 53–64.
- Глушков И.Г. Кротовская культура на Иртыше (по материалам поселения Саранин-II) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1984. С. 33–57.
- Глушков И.Г., Бородовский А.П. Хозяйственно-бытовые комплексы поселения Саранин-II (реконструктивная модель) // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988. С. 26–41.
- Ермакова Е.Е., Повод Н.А. Традиции в народной гигиене и медицине коми юга Тюменской области // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. №7. С. 183–194.
- Кадырова Л.М. Народные медицинские знания сибирских татар Омского Прииртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 23 с.
- Курбатов В.А. Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожевенного производства // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. 1919–1997. СПб.; Псков, 1997. Т. I. С. 367–373.
- Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 168 с.
- Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 5. С. 104–119.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Вторичное использование фрагментов керамики на поселении кротовской культуры Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. Сер.: История, филология. 2012. С. 91–109.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С. Особенности структуры поселения кротовской культуры Венгерovo-2 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Евразии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII. С. 339–342.
- Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 53–75.
- Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 54–62.
- Стефанов В.И., Стефанова Н.К. К вопросу о связях населения Зауралья и Среднего Прииртышья в доандроновский период // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. №3. С. 15–22.

© 2017, Н.Л. Моргунова¹, М.А. Турецкий², Н.П. Салугина³

¹Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург;

²Поволжский филиал Института российской истории РАН, Самара

³Самарский государственный институт культуры, Самара

ТУРГАНИКСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке Госзадания
Министерства образования и науки РФ (проект №33.1389.2017/ПЧ)

Турганикское поселение расположено в Красногвардейском районе Оренбургской области, в 4,5 км к югу от с. Ивановка, на ровной надпойменной площадке, в месте впадения р. Турганик в старое русло р. Ток, правого притока Самары. Работы на поселении были начаты в 1981–1982 гг. Были получены материалы самарской культуры II этапа, идентичные энеолитическому слою близлежащего Ивановского поселения, и материалы бронзового века [Моргунова, 1984, с. 58–78]. В 2014–2015 гг. исследования поселения были продолжены. Эти работы должны были прояснить вопрос о хронологической позиции материалов бронзового века, которые предварительно в результате ¹⁴C датирования керамики стало возможным связывать с репинским этапом ямной культуры [Моргунова и др., 2010; Моргунова, 2014, с. 165–169; Моргунова, Турецкий и др., 2016, с. 116–117; Салугина, 2016].

В общей сложности (включая раскоп 1982 г.) исследовано около 900 м² площади поселения. На всей площади раскопа стратиграфия едина. Выделено шесть слоев палеопочвенных отложений, из которых четыре верхних слоя представляли собой слои балласта без артефактов. Слои 5 и 6 являлись культурными. Слой 6 (КС II) характеризовался преимущественным содержанием керамики энеолита, слой 5 (КС I) – керамикой раннего бронзового века. Итоги исследований поселения за все годы подробно рассмотрены в коллективной монографии [Моргунова и др., 2017]. Применение современных методов исследования позволило получить принципиально новые данные по проблеме происхождения и хронологии репинского комплекса в Волго-Уралье.

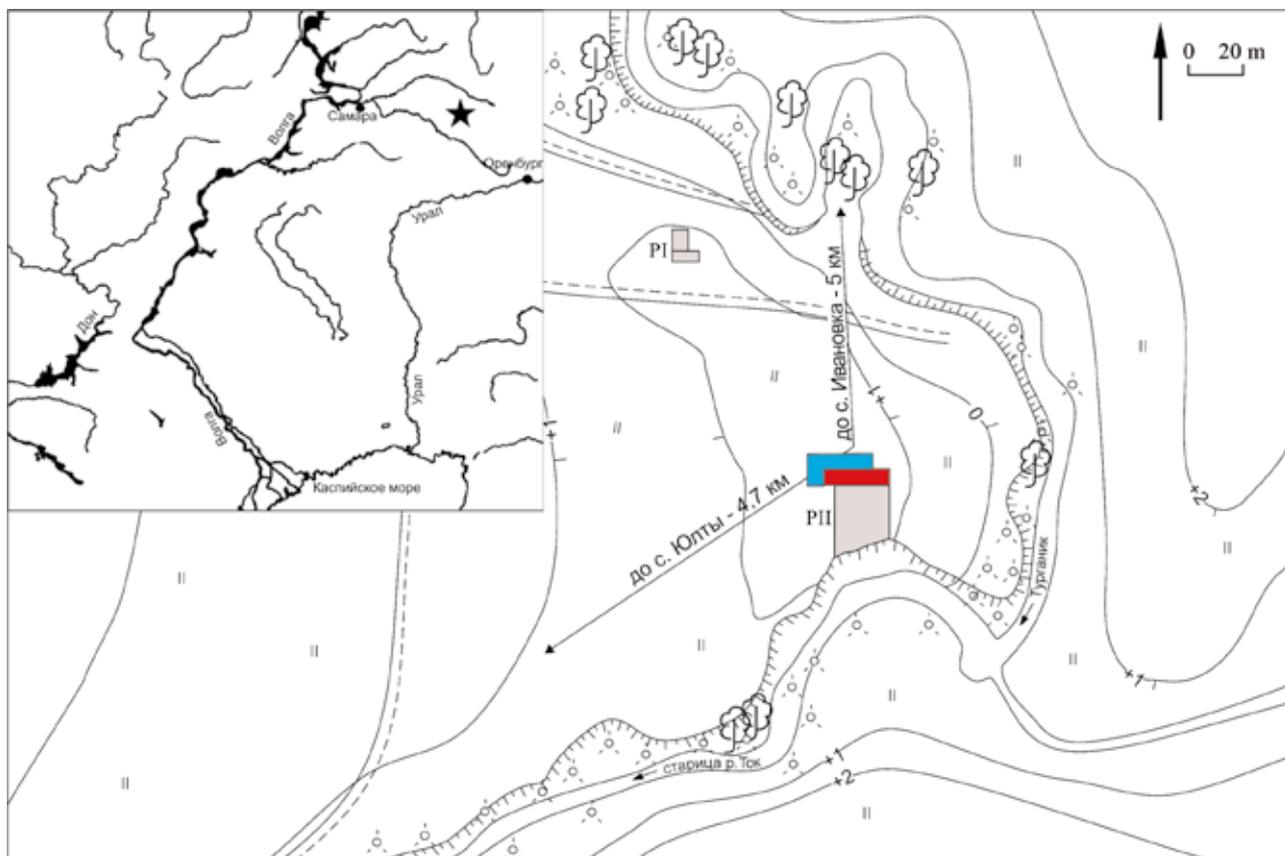

Рис. 1. Местоположение Турганикского поселения

Задача данной работы – дать анализ материалов эпохи бронзы, в основном обнаруженных в КС I, выше слоя эпохи энеолита. Зафиксированы планиграфические отличия размещения материалов энеолита и раннего бронзового века.

Материалы поселения вызывают понятный интерес, что связано с крайне малым количеством поселенческих памятников раннего бронзового века в степной и лесостепной зоне Восточной Европы. На западе ямного ареала зафиксировано более 30 поселений (Михайловка-II и др.) [Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 23]. На Северском Донце в последние десятилетия выявлен ряд поселений с репинской керамикой [Спицына, 2000]. В Подонье и в Северном Прикаспии известны такие памятники, как Репин Хутор, Кзыл-Хак и др. [Синюк, 1981; Барынкин и др., 1998]. На территории Волго-Уральского междуречья подобные памятники не были известны.

Керамический комплекс эпохи бронзы Турганикского поселения состоит из около 2000 фрагментов от примерно 71 сосуда. Из них по способам обработки поверхности было выделено две группы керамики. Сосуды I группы – поверхность заглажена гребенчатым, преимущественно крупным, реже мелким, штампом (55 сосудов – 77,5%). Сосуды II группы – при заглаживании поверхности использовались инструменты, не оставляющие «расчесов» (16 сосудов – 22,5%).

Внутри всего керамического массива выделены две категории сосудов: горшковидные и баночные. Первые подразделяются на семь видов профилированных и слабопрофилированных сосудов, среди баночных сосудов – два вида. Сосуды орнаментировались с помощью гребенчатых, в основном мелкозубчатых штампов, палочкой с разной формой рабочей части: овальной, треугольной, квадратной, вытянуто-овальной. Использовались также, часто в сочетании, такие орнаменты, как штамп гладкий длинный, которым наносились вдавления в виде зигзагов и горизонтальных линий; «веревочный» штамп; штамп «личиночный» или «гусенички», а также защипы пальцами по срезу или внешней стороне венчика.

В качестве исходного сырья отбирались природные глины и илестые глины, в качестве добавок использовались шамот, шлаки, дробленая раковина, выжимка из навоза, кальцинированные кости. Наличие двух устойчивых традиций при отборе исходного сырья свидетельствует о присутствии культурных групп, которые сложились еще в более раннее время и сохраняли данные навыки на период существования поселка.

Для темы нашего исследования интерес представляет I группа посуды с «расчесами», образованными на поверхности гребенчатым штампом.

Внутри посуды с расчесами представлены все виды форм сосудов. Преобладает посуда категории горшковидных (80%), среди которых наиболее представлены сосуды слабопрофилированные, без четко выделенного венчика, с плавно расширяющимся туловом (50,0%) и слабопрофилированные сосуды со слегка выделенным венчиком, плавно переходящим в тулово (20,5%). Также довольно значительно представлены сосуды типа хумов (11,4%). Сосуды, отнесенные к категории баночных, составляют 20% от всей керамики с расчесами. Преобладают сосуды с закрытым устьем (63,6%). Отличительной особенностью является их толстостенность (1,0–1,2 см) и крупные размеры. К этой группе посуды относится фрагмент округлого дна.

Орнаментировано около 42% сосудов с расчесами. Орнамент располагался в верхней половине тулова и по венчику. Для керамики с расчесами зафиксировано использование практически всех указанных выше орнаментов, но орнамент, выполненный каждым из них, чаще всего отмечен только на одном сосуде. Более или менее массово представлены орнаменты, выполненные вдавлениями личиночного и прямого гребенчатого штампов; также значительная часть керамики орнаментирована гладким штампом в виде палочки с разной формой рабочей части.

Как отмечалось выше, было сделано предположение, что керамика с расчесами относится к репинскому этапу ямной культуры. Этот вывод, прежде всего, подтверждается данными технологического анализа керамики. Однако по типологии среди керамики с расчесами сосуды с «классическими» признаками ранней репинской керамики единичны (рис. 2.-1, 4).

В то же время преобладающие на Турганикском поселении слабопрофилированные горшковидные сосуды и сосуды со стянутым верхом (баночные) находят аналогии в материалах Шиловского поселения [Пряхин, Синюк, 1980]. Эти сосуды Турганикского поселения орнаментированы в репинской манере рядами «личиночных» вдавлений; горизонтальной елочки, нанесенной гребенчатым штампом; оттисками веревочного штампа в виде горизонтальных линий и зигзага и т.д. Таким образом, керамику с указанными морфологическими особенностями Турганикского поселения можно достаточно уверенно связывать с репинской традицией.

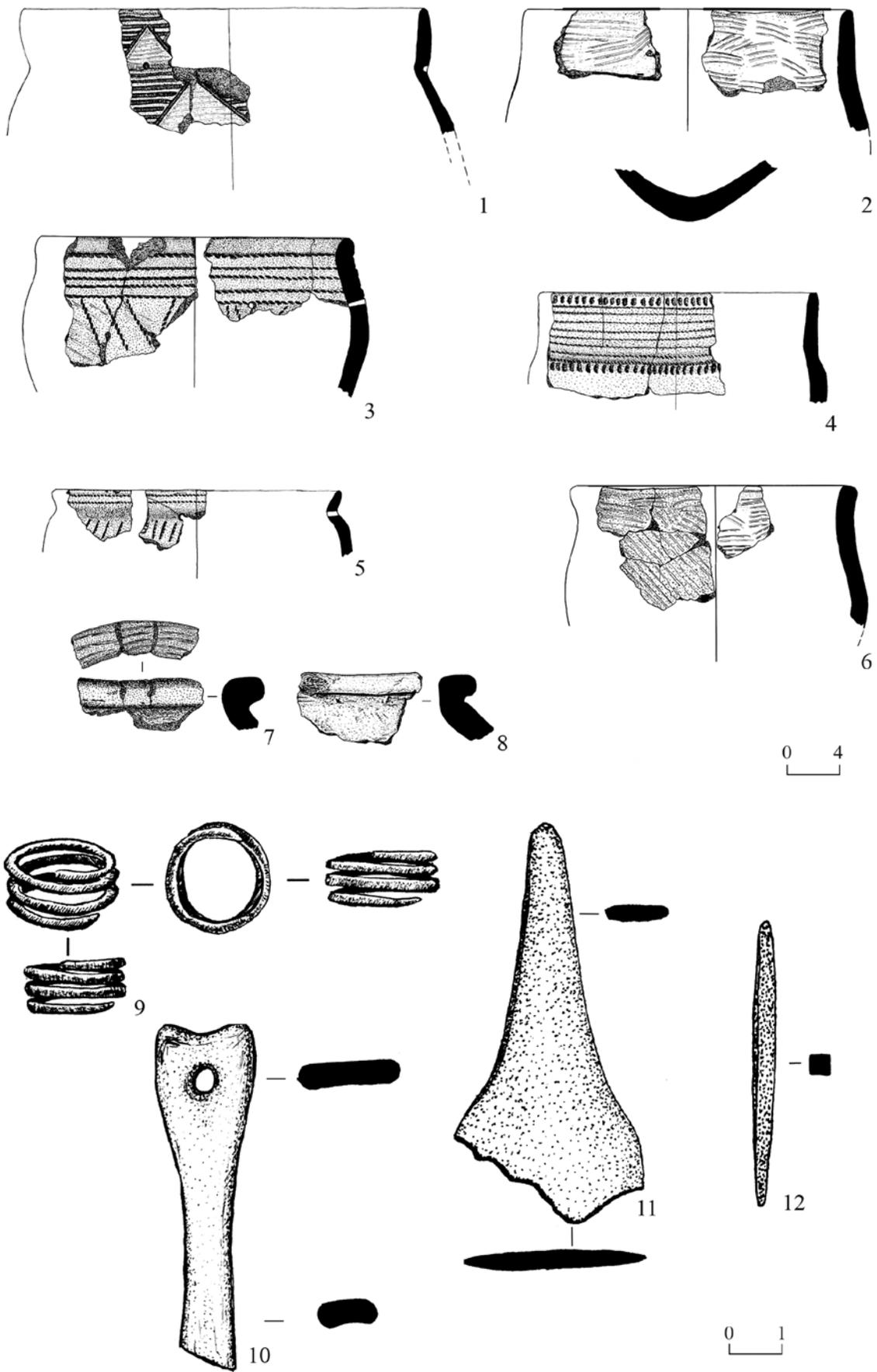

Рис. 2. Материалы Турганикского поселения:
 1-6 – керамика репинского типа; 7, 8 – фрагменты «хумов»; 9 – медная спиралевидная подвеска;
 10 – костяная булавка-амулет; 11 – фрагмент медного ножа; 12 – медное шило

Сравнительный анализ типологии и частично технологии изготовления орнаментированной керамики с расчесами Турганикского поселения и керамики репинского типа Северного Прикаспия (Кзыл-Хак-I и II) и Подонья (Репин Хутор, Копанище, Верхний Карабут-2, Черкасская) показал значительную близость технологических навыков при производстве посуды у населения, жившего достаточно удаленно друг от друга.

В коллекции керамики с расчесами с Турганикского поселения содержится значительное количество неорнаментированной керамики. В результате сравнения неорнаментированной и орнаментированной керамики с расчесами выяснились, с одной стороны, их значительная близость, а с другой – некоторые отличия в технологии изготовления.

Особый интерес среди посуды с расчесами вызывают сосуды вида хумов, внутри которых выделено два типа [Салугина, Моргунова, Турецкий, 2016]. Отличительные особенности хумов первого типа: крупные толстостенные сосуды с сильно отогнутыми и утолщенными венчиками. Ко второму типу отнесен один орнаментированный сосуд, отличающийся оформлением венчика – срез венчика довольно резко скошен внутрь, иногда образуя своеобразный выступ – уступ, после чего венчик плавно переходит в тулово.

Анализ хумов Турганикского поселения позволил высказать мысль о местном характере их производства и, видимо, об их особом хозяйственном предназначении. Судя по морфологическим особенностям, хумы 1-го типа в отличие от реповидных сосудов (хума 2-го типа) культурно едины с керамикой I группы. Подобный «хум» найден в погребении ямной культуры, датированном по ^{14}C в пределах 1-й половины IV тыс. до н.э. (cal) [Моргунова, Евгеньев и др., 2016, с. 50]. Вполне возможно, что появление здесь данной традиции связано с подражанием майкопскому гончарству в связи с импульсом (проникновением малых групп мастеров) или с активизацией контактов с предкавказским населением в период, когда в Приуралье начинается становление местного металлургического центра ямной культуры.

Группа керамики с гладкой поверхностью (без «расчесов») с Турганикского поселения, которая упоминалась выше, с достаточной долей уверенности может быть отнесена к срубной культуре позднего бронзового века [Моргунова и др., 2017, с. 172–176].

К раннему бронзовому веку могут быть отнесены некоторые предметы из металла, кости и камня. Это обломок ножа с листовидным лезвием и с плавным переходом к черенку (рис. 2.-11), изготовленный из металла группы медистых песчаников. Такой тип ножей характерен для памятников ямной культуры Приуралья [Дегтярева, 2010, с. 36, 39, рис. 12.-8–12]. Четырехгранные шилья, одно с упором и с загнутым рабочим концом, остальные обоюдоострые (4 экз.), из них два изделия сделаны из металла группы медистых песчаников и могут быть связаны с ямной металлообработкой (рис. 2.-12).

С репинским периодом существования Турганикского поселения связана находка костяной булавки-амулета с редуцированными рожками [Моргунова и др., 2017, рис. 89.-1]. Она изготовлена из кости крупного млекопитающего (рис. 2.-10). Наиболее близкой аналогией данному предмету является одна из рогатых булавок из курганного могильника Герасимовка-II, 4/2 [Моргунова, 2014, с. 107, рис. 49]. Однако надо отметить, что классические рогатые булавки, типичные для репинского горизонта, имеют гораздо более длинные отростки, расходящиеся под острым углом от центрального отверстия [Кияшко, 1989, с. 76–88]. Булавки с короткими рожками известны в раннеямном погребении б одиночного кургана Паницкое 6Б [Мимоход, 2009, с. 48, илл. 30.-2].

Первая радиоуглеродная дата (4710 ± 80 BP (Ki 15597)), полученная по керамике с расчесами [Моргунова и др., 2010, с. 25], позволила сделать предположение о принадлежности ее к раннему бронзовому веку (3630–3370 cal BC). По материалам последних раскопок в радиоуглеродной лаборатории РГПУ им. Герцена М.А. Кульковой были получены ^{14}C даты.

Всего для слоя КС I получено 14 ^{14}C дат, из них по керамике с расчесами – 2; по костям животных – 12 (в том числе по костям КРС – 5, МРС – 2; лошади – 1 [Моргунова и др., 2017, табл. 27–28]. Значения дат возрастают от 4530 ± 30 до 5064 ± 100 BP. Калиброванный интервал в одну сигму устанавливается в пределах 3966–3100 cal лет BC, или 3800–3360 cal лет BC (с отказом от самой ранней и от самой поздней ^{14}C дат). Другими словами, постоянное проживание людей в устье Турганика приходится на 2–3 четверть IV тыс. до н.э. (cal), а с последней четверти IV тыс. до н.э. (cal) прекращается. Это, вероятно, связано и с изменением климата, и с изменениями в образе жизни самого населения, поскольку на развитом этапе ямной культуры стационарные поселения в Волго-Уралье неизвестны.

Возвращаясь к материалам раннего бронзового века Турганикского поселения, следует еще раз подчеркнуть как многие сходные морфологические признаки в керамике с репинскими памятниками Подонья и Поднепровья, так и свои особенности. Общими, хорошо узнаваемыми признаками являются

расчесы по поверхностям сосудов широкозубыми гребенчатыми штампами, профилированность верхней части сосудов и раздутость тулова, массивность и толстостенность, круглодонность, визуально фиксируемая раковина. Варьируют такие черты, как соотношение гребенчатых и веревочных штампов, наличие или отсутствие рядов ямок с жемчужинами (или их нанесение снаружи/изнутри) и другие признаки, зависящие от локальных особенностей формирования репинского комплекса. Так, керамика Михайловки-II, так же как и на Турганинском поселении, орнаментировалась гребенчатым, веревочным и шнуровыми штампами как в сопровождении рядов ямок с жемчужинам, так часто и без них, форма горла также различается по высоте и профилировке [Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 57–63]. С орудиями из среднего слоя Михайловки-II сходны многие типы макролитических каменных орудий Турганинского поселения. Здесь также выделяются отбойники из галек, молоты, абразивы, подставки-наковаленки, грузила и др. Среди подобных изделий в Михайловке Г.Ф. Коробкова выделяет разнообразные орудия, связанные с металлургическим процессом [Коробкова, Шапошникова, 2005, с. 113–127].

Таким образом, заключение о репинской культуре как самостоятельной линии развития на ограниченной территории Среднего Подонья не находит подтверждения, памятники этого типа (как поселения, так и курганы) имеют достаточно широкое распространение от Урала до Поднепровья. Исключение репинских памятников из ямной культуры как одного из ее важных компонентов не может быть признано правильным.

Что касается репинских памятников в лесостепи, таких как Турганинское поселение, то следует полагать, что их появление здесь на данном этапе носило пришлый характер. Но постепенно ямное население, ядро формирования которого находилось в степной зоне Волго-Уральского междуречья, на базе хвалынской культуры и первых носителей подкурганной обрядовой традиции хвалынской-бережновского типа освоило и завоевало все данное пространство. В результате происходило смешение с позднеэнеолитическими группами населения лесостепи, что нашло отражение в своеобразии ямных материалов Волго-Уралья. Это тем более вероятно, поскольку еще в энеолите представители хвалынской культуры систематически проникали в лесостепь и смешивались с населением самарской культуры, в том числе и на Турганинском поселении (КС II). Помимо летних пастбищ Самарского Поволжья и Южного Приуралья, благоприятных для занятий кочевым скотоводством, другой важнейшей причиной продвижения носителей репинских традиций в лесостепь были потребности в медной руде. Следы металлургической деятельности, указывающие на использование местного сырья и технологий, свойственных ямному очагу металлообработки Приуралья, на Турганинском поселении зафиксированы достаточно отчетливо.

Библиографический список

- Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Стоянка Кзыл-Хак-II – памятник ранней бронзы Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998. С. 179–192.
- Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск, 2010. 162 с.
- Кияшко В.Я. Рогатые амулеты раннего бронзового века // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону, 1989. Вып. 6. С. 76–88.
- Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб., 2005. 326 с.
- Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // Материалы охранных археологических исследований. М., 2009. Т. 10. 292 с.
- Моргунова Н.Л. Турганинская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди Восточной Европы. Куйбышев, 1984. С. 58–78.
- Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2014. 348 с.
- Моргунова Н.Л., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Файзуллин А.А., Хохлова О.С. Турганинское поселение в Оренбургской области. Оренбург, 2017. 300 с.
- Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // Российская археология. М., 2010. №4. С. 19–28.

Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Харламов П.В., Файзуллин И.А. Переволоцкий курганный могильник в Оренбургской области: предварительные результаты исследования // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2016. Вып. 12. С. 21–51.

Моргунова Н.Л., Турецкий М.А., Кулькова М.А., Нестерова Л.А. Турганикское поселение в Южном Приуралье: стратиграфия, планиграфия и радиоуглеродная хронология // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. СПб., 2016. С. 116–120.

Пряхин А.Д., Синюк А.Т. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980. С. 73–92.

Салугина Н.П. Результаты технико-технологического анализа керамики репинского облика стоянки Турганик (предварительные итоги) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2016. Вып. 12. С. 60–70.

Салугина Н.П., Моргунова Н.Л., Турецкий М.А. Крупнотарные сосуды бронзового века Турганикского поселения в Оренбургской области // Самарский научный вестник. Самара, 2016. №4 (17). С. 91–98.

Синюк А.Т. Репинская культура эпохи энеолита-бронзы в бассейне Дона // Советская археология. М., 1981. №4. С. 8–20.

Спицына Л.А. Северскодонецкий ареал репинской культуры // Древности Северского Донца. Луганск, 2000. Вып. 4. С. 53–75.

© 2017, Л.Н. Мыльникова, Д.В. Селин

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирский государственный университет, Новосибирск*

СОСУДЫ ОДНОЙ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

(по материалам андроновской (федоровской) культуры памятника Тартас-1)

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00036)

К настоящему времени определено, что в начале II тыс. до н.э. с юго-западных и западных территорий в Барабинскую лесостепь проникают несколько «волн» миграций населения андроновской культурно-исторической общности [Молодин и др., 2013, с. 33]. Придя на новую территорию, переселенцы начинают контактировать с автохтонными жителями, в результате чего на этой основе формируются новые культурные образования [Молодин, 2014]. Смешение разных культур проявляется как в погребальном обряде, так и в материальной культуре, в том числе и в гончарной технологии [Молодин, Новиков, Жемерикин, 2002; Молодин, Мыльникова, Иванова, 2014].

Памятник Тартас-1 расположен в Венгеровском районе Новосибирской области, на мысу второй террасы правого берега Тартаса. Он исследуется с 2003 г. под руководством В.И. Молодина и представляет собой совокупность разновременных памятников. Значительная часть исследованных к настоящему моменту погребений относится к андроновской (федоровской) культуре – 291 единица, а также выявлено 121 захоронение, относящееся к позднекротовской (черноозерской) культуре, маркирующие взаимодействие населения пришлой андроновской и автохтонной кротовской культуры.

Основным сопроводительным инвентарем в погребениях андроновской (федоровской) культуры является керамическая посуда. К настоящему времени обнаружено 295 целых изделий. Ранее проведен отдельный морфологический анализ этой коллекции сосудов с применением разных методик, по результатам которого зафиксирована большая вариативность форм, что позволило установить факт смешения пришлого и местного населения [Молодин, Мыльникова, Иванова, 2014, с. 62].

Отдельное направление при работе с обширной коллекцией керамики на могильнике представляет выявление изделий, изготовленных одним мастером. Фиксация таких сосудов позволяет решить ряд задач, таких как:

- 1) синхронизация отдельных комплексов в пределах короткого промежутка времени (жизни одного-двух поколений);
- 2) анализ особенностей погребальной практики в рамках определенного промежутка времени;
- 3) определение времени существования археологических артефактов;
- 4) выявление «родовых» (родственных) курганов, кладбищ или погребений;
- 5) реконструкция демографической ситуации в древнем обществе и др.

В российской археологической литературе предложена методика выделения посуды, изготовленной одним мастером [Волкова, 1998]. К критериям, позволяющим определить подобные изделия, отнесены близкий состав исходного сырья и формовочной массы, использование одного и того же инструмента для нанесения орнамента и наличие отпечатков пальцев одного человека на разной посуде [Волкова, 1998; Данченко, 1998]. Эта методика может быть расширена на основе «Программы статистической обработки керамики...» В.Ф. Генинга, которая позволяет выявить морфологически однотипные изделия [Генинг, 1973; Мыльникова, Селин, 2015]. Этнографические данные демонстрируют факт, что у каждого профессионального гончара в ходе работы складывается жесткий динамический стереотип воспроизведения именно той формы сосуда, которую он привык традиционно делать [Цетлин, 2012, с. 164; Пошивайло, 2000], т.е. гончар несознательно сохраняет пропорции формы изделия, которую он привык конструировать.

Результаты расчета соотношений определенных параметров (экстремальных точек) сосудов, согласуясь с «Программой...», выражаются в математических показателях, соответственно – мера сходства и различия отдельных комплексов между собой может быть показана в конкретных величинах. После снятия измерений производятся необходимые расчеты, далее определяются группы сосудов, сходных между собой по разному количеству указателей, и выявляются «цепочки» изделий, которые аналогичны друг другу по всем цифровым указателям. По нашему представлению, эти «цепочки», опираясь на наличие динамического стереотипа у гончаров, могут маркировать сосуды, сделанные узким кругом мастеров (родственников) со сходными навыками конструирования формы посуды или одним мастером.

Предложенный метод апробирован [Мыльникова, Селин, 2015] на коллекции посуды андроновской (федоровской) культуры из Еловского II могильника [Матющенко, 2004]. Дальнейшие работы в данном направлении продолжены на коллекции керамики андроновской (федоровской) культуры с памятника Тартас-1. Керамические изделия памятника подвергнуты комплексному анализу (технологическому-трассологическому, включающий технологию изготовления сосудов и способы нанесения орнамента, и морфологическому).

Всего проанализировано 295 полных форм изделий, которые сгруппировались в 32 «цепочки», насчитывающие от 2 до 14 ед. Для выявления технологии изготовления посуды и отпечатков орнаментальных штампов на их поверхности выбраны две наиболее длинные «цепочки»:

1. Погребения 343 + 161, сосуд 1 + 163 + 91 + 62 + 402 + 278 + 212 + 144, сосуд 1 + 224 + 569 + 553 + 413, сосуд 3 + 462 (рис. 1);

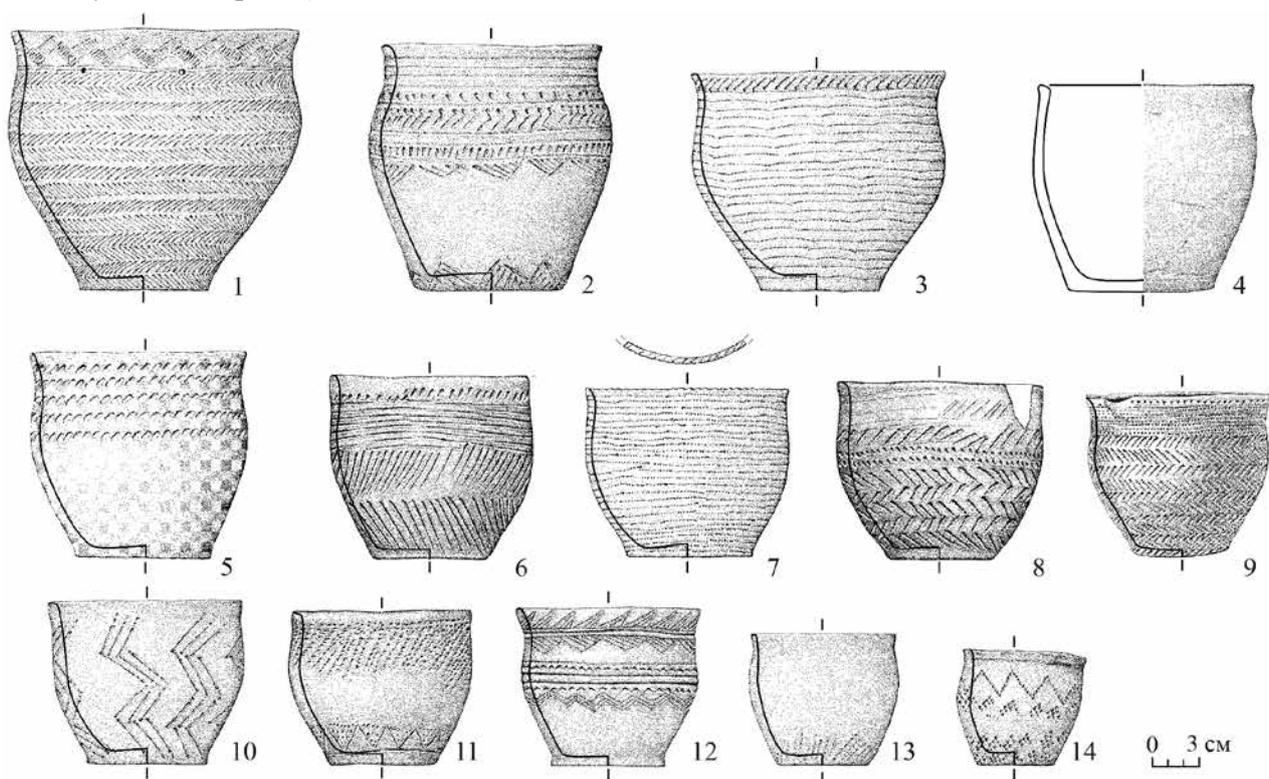

Рис. 1. Сосуды, входящие в «цепочку» №1: 1 – погребение 462; 2 – п. 144, сосуд 1; 3 – п. 569; 4 – п. 212; 5 – п. 413, с. 3; 6 – п. 163; 7 – п. 553; 8 – п. 161, с. 1; 9 – п. 91; 10 – п. 343; 11 – п. 278; 12 – п. 62; 13 – п. 224; 14 – п. 402

2. Погребения 388 + 310 + 215 + 237 + 196 + 174 + 302, сосуд 1 + 416, сосуд 2 + 368 + 208, сосуд 2 + 507 (рис. 2).

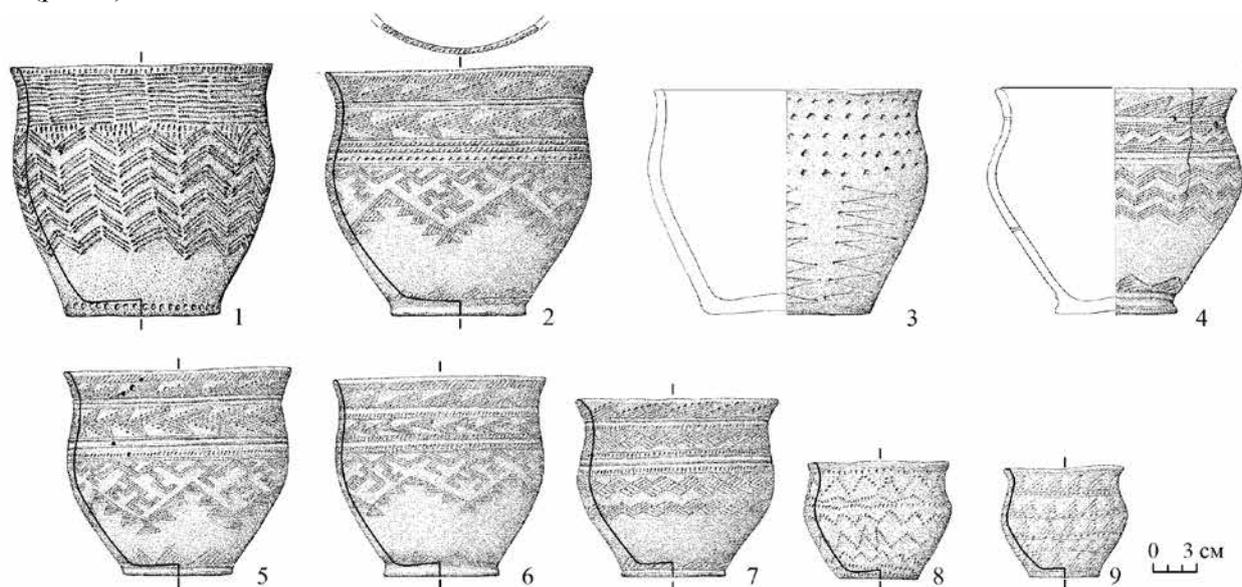

Рис. 2. Сосуды, входящие в «цепочку» №2: 1 – погребение 368; 2 – п. 302, сосуд 1; 3 – п. 196; 4 – погребение 215; 5 – п. 208, сосуд 2; 6 – п. 310; 7 – п. 416; 8 – п. 147; 9 – п. 507

Результатом анализа оттисков орнаментальных штампов стало выявление двух изделий из погребений 302 (сосуд 1) и 208, орнамент которых нанесен одним инструментом (рис. 3). Следует отметить, что такое небольшое количество идентифицированных артефактов может быть связано как с сильной деформацией оттисков при обработке поверхности посуды и ее обжиге (поверхность всех изделий, орнаментированных гребенчатым штампом, ложила после нанесения орнамента), так и быть следствием того, что орнаменты (например, сделанные из кости или рога) менялись или подновлялись. Последний тезис может быть подтвержден примером наличия сосуда из этой же «цепочки», морфология, технология и орнаментальная композиция которого сходны с двумя вышеописанными, но орнамент нанесен другим инструментом (погребение 310). Исходя из этого можно утверждать, что сопоставление оттисков штампов не может являться универсальным критерием для выявления посуды, изготовленной одним мастером.

Формовочные массы этих трех сосудов сходны между собой по составу естественных примесей в исходном сырье: это ожелезненные средnezапесоченные глины с включениями окатанного бурого железняка (диаметром до 0,1 мм) и пластинок слюды. В качестве добавок использованы некалиброванный шамот (диаметр 0,1–2,5–7 мм) в концентрации 1 : 5(6) и органический раствор (из навоза жвачных животных?).

Изделия орнаментированы геометрическими узорами, разделенными на зоны. В верхней части сосуды украшены рядом косых треугольников, нанесенных при помощи пяти оттисков гребенчатого штампа (рис. 2.-6–7). Над длинной стороной треугольников расположен ряд овальных ямок. Зона плечика отделяется прочерченной горизонтальной линией, за которой следует ряд пар треугольников. Зона тулова украшена сложным меандром. Придонная часть сосудов орнаментирована равнобедренными треугольниками. В целом, исключая небольшие детали, орнаментальная композиция на двух анализируемых сосудах (погребения 302 и 208) полностью идентична. Подобен охарактеризованным изделиям орнамент третьего сосуда (погребение 310), исключая ряд овальных ямок и треугольников (рис. 2.-9).

Таким образом, комплексный анализ данных по морфологии, орнаментации и технологии изготовления посуды позволил выявить два сосуда (погребения 302 и 208), которые по всем критериям являются изделиями, изготовленными одним мастером. К ним можно отнести и изделие из погребения 310. Остальные сосуды, включенные в эту «цепочку», можно считать изделиями, выполненными в рамках одной морфологической традиции, что является свидетельством их относительной одновременности.

Одновременные погребения 302 и 208 располагаются в 32 м друг от друга и находятся в разных рядах погребальных камер. Могила 310, в которой обнаружен еще один схожий с предыдущими сосуд, также расположена в другом ряду захоронений андроновской (федоровской) культуры, но из-за идентичности сосудов она может быть одновременна этим погребениям.

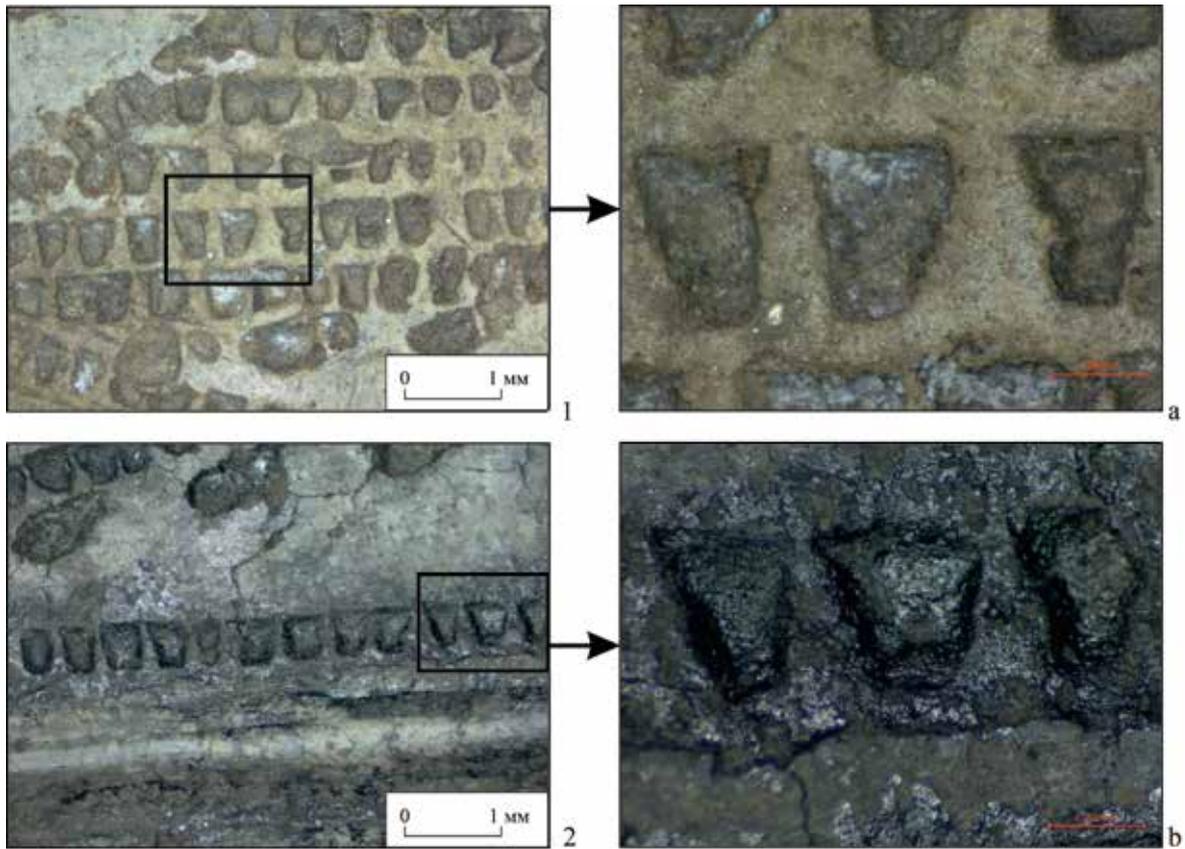

Рис. 3. Микрофотографии отпечатков штампов на сосудах сосудов из погребений 302 и 208:

1a – микрофотография отпечатка штампа сосуда из погребения 302;

2b – микрофотография отпечатка штампа сосуда из погребения 208

Сложным остается вопрос с орнаментами. Наличие изделий, сходных между собой по морфологии, орнаментальной композиции и технологии, но орнаментированных разными инструментами, по нашему мнению, может быть связано с достаточно быстрым приходом в негодность или подновлением гребенчатого орнамента, из-за чего становится крайне проблематично выявлять оттиски одного инструмента. Дополнительные затруднения вносят обработка поверхности изделий и обжиг, также видоизменяющий облик оттисков штампа. Исходя из этого наличие одного и того же штампа на разных сосудах андроновской (федоровской) культуры не может являться универсальным критерием выявления посуды одного мастера.

Результаты вычислений категорий по «Программе...» [Генинг, 1973] могут быть конкретизированы в сторону уменьшения цифровых пределов. В данной программе их пять (итогом является длинная «цепочка»), а целесообразнее выделить больше, исходя из задач, решаемых исследователем, – уменьшается количественный размер «цепочки», но увеличивается возможность работы с изделиями, соотношение параметров которых очень близко.

Библиографический список

- Волкова Е.В. Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // Тверской археологический сборник. Тверь, 1998. С. 135–146.
- Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Советская археология. 1973. №1. С. 114–135.
- Данченко Е.М. Об одном из аспектов изучения орнаментальных штампов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 1998. С. 59–60.
- Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №1 (57). С. 49–54.
- Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Иванова Д.П. Морфологический анализ сосудов эпохи развитой бронзы (первая половина II тыс. до н.э.) Лесостепного Прииртышья (по материалам погребальных комплексов Венгерского микрорайона) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №2 (58). С. 44–67.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3 (11). С. 48–62.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеонтологический и антропологический аспекты. Новосибирск, 2013. 218 с.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004. 468 с.

Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Комплекс андроновской культуры Еловского II могильника: морфологический анализ (возможности методики В.Ф. Генинга) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2. С. 114–122.

Пошивайло И. Феноменология гончарства: семиотико-этнологические аспекты. Опoшня, 2000. 432 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012. 395 с.

© 2017, С.С. Онищенко¹, А.М. Илюшин²

¹Кемеровский государственный университет;

²Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово

НЕОРДИНАРНЫЕ АРТЕФАКТЫ ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – НАЧАЛА ПЕРЕХОДА К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ НА ТОРОПОВО-7 В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ

Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета в 2008–2016 гг. проводила стационарные полевые исследования на комплексе археологических памятников Торопово-7, который расположен на правом берегу Касьмы в ее среднем течении на административной территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области [Илюшин, 2013, с. 137–142; 2016; Илюшин, Бутьян, Борисов, 2012; Илюшин, Борисов, Бутьян, 2014; и др.]. При раскопках комплекса археологических памятников Торопово-7 было открыто и частично обследовано поселение ирменской археологической культуры, которое по найденным на нем артефактам было датировано периодом поздней бронзы – началом перехода к раннему железному веку [Илюшин, Борисов, 2016, с. 104–109; Борисов, Илюшин, 2017, с. 6–9]. В процессе полевых исследований этого поселения был выявлен и зафиксирован комплекс объектов и артефактов, который ранее на ирменских памятниках Касьминского археологического микрорайона не встречался, несмотря на то, что ирменские древности в этом регионе изучены в достаточно большом объеме [Илюшин, Ковалевский, 2005, с. 77–80; 2012, с. 61–82; и др.]. Цель настоящей работы – описать неординарные артефакты периода поздней бронзы – начала перехода к раннему железному веку, выявленные на Торопово-7, и дать их культурно-историческую характеристику.

Поселение ирменской археологической культуры выявлено в северо-западной части комплекса археологических памятников Торопово-7, где на небольшой площади порядка 80 м² зафиксированы неординарные артефакты и сооружения. Среди объектов – это двухкамерная полуземлянка, состоящая из жилого и хозяйственного помещений, соединенных между собой входом-коридором. Причем помещения построены по разным технологиям. Жилое помещение имело четырехугольный котлован и самонесущую конструкцию. Хозяйственное помещение – неглубокий котлован удлиненно-четырёхугольной формы с самостоятельным выходом в северо-западной части и опорные (угловые и центральный) столбы конструкции. В жилище было зафиксировано захоронение взрослого мужчины и двух детей, а в хозяйственной пристройке практически все кости скелета новорожденного (не более 3-х недель) телят и остатки от двух перинатальных ягнят (захоронение?). В помещениях отсутствуют следы кострищ. Зафиксированы лишь следы неглубоких прокалов грунта, где выявлены развалы крупных керамических ваз с остатками мелких древесных углей. Не исключено, что это следы системы отопления помещений. По артефактам этот закрытый комплекс можно отнести к ирменской археологической культуре, но конструкция жилища, захоронения в нем людей и животных, а также система отопления являются уникальными для ирменских древностей, исследованных в долине р. Касьмы и Кузнецкой котловине.

В нескольких метрах от северной стенки жилища, рядом с входом, зафиксирована культовая площадка, на которой были расположены детские погребения и захоронения животных, а также были найдены орудия труда, изготовленные из бронзы (долото, топор, шило) и 13 керамических сосудов (целых и во фрагментах). Многие из числа сохранившихся сосудов были установлены вверх дном. Типологическая классификация элементов и мотивов орнамента на этих сосудах и их сравнительный анализ по зонам нанесения позволили сделать вывод, что ее орнаментация в целом соответствует традиционному канону в орнаментации керамической посуды ирменской археологической культуры, но при этом имеет свои специфические особенности (в зоне шейки – «жемчужник» с разделителем в виде уголка лопатки; в зоне плечика – «елочка», одиночный зигзаг и ряд косой штриховки) [Борисов, Илюшин, 2017, с. 6–9; Кутовая, Кузнецова, Илюшин, 2016, с. 257–261].

Костные останки трех детей 6–7, 3–4 и 11–12 лет располагались в южной части культовой площадки. Рядом с ними на север и запад располагались остатки почти полных скелетов жертвенных животных (разной степени сохранности), как минимум, 15 ягнят и 2 телят. Необычным является их возрастной состав. Среди них найдены остатки только от двух сеголеток в возрасте 5–9 месяцев, остальные же вне зависимости от вида принадлежали пренатальным (эмбрионам разного срока развития) или неонатальным (новорожденным) особям. Последнее обращает на себя внимание для понимания функционального назначения культовой площадки.

Для уточнения эмбрионального возраста, а также разделения остатков пренатальных и неонатальных животных проведен анализ качественных и количественных особенностей костей с использованием комплекса разных способов и приемов идентификации возраста. В частности, был проведен расчет возраста эмбрионов по длинам диафизов костей конечностей с использованием аллометрических уравнений и корреляционных таблиц по W. Prummel для *O. aries* и *B. taurus* [1987, с. 11–41; 1988, с. 13–26], анализ качественных особенностей пренатальных и неонатальных костей и сопоставления морфометрических данных исследуемых образцов с диапазонами вариаций длины и толщины диафизов трубчатых костей у *Ovis aries* [Ahmed, 2008, 87–94; Martin, García-Gonzaleslez, 2015, 77–87]. Дополнительно учитывались сроки оксификации диафизов, эпифизов и апофизов [Воккен, Глаголев, Боголюбский, 1961; Ahmed, 2008, 87–94; Evans, Sack, 1973, с. 11–45], а также формирования зачатков молочных зубов и их прорезания [Hillson, 2005, с. 232; Silver, 1963, с. 250–268] у *O. aries* и *B. taurus*.

Результаты, полученные разными морфометрическими способами, дали разброс значений возраста для плодов *O. aries* в 7–10 дней, для плодов *B. taurus* – до 10–30 дней. Эта разница возникла из-за того, что исходные аллометрические зависимости линейных размеров эмбриональных костей со сроками (или стадиями) развития плодов разными авторами были получены при анализе онтогенеза разных по габитусу (массе и высоте в холке) породах мелко- или крупнорогатого скота [Prummel, 1987, с. 11–41]. В отношении анализируемых зооархеологических материалов пока остаются не установленными габитуальные особенности скота, разводимого населением раннего железного века в месте расположения поселения Торопово-7. С учетом этого образцы скелетов ягнят и телят, которые по качественным критериям и расчетным показателям возраста попадают на период родов, соответственно, у овец 144–155 дней, у коров – 278–290 дней [Evans, Sack, 1973, с. 11–45], были отнесены к перинатальным.

В результате анализа наборов костей был установлен следующий видовой и возрастной состав животных, остатки которых были найдены в погребениях на культовой площадке и на дне жилищного котлована полуземлянки.

Погребение 4. Всего 73 образца. Остатки принадлежат эмбриону в возрасте 127–135 дней и двум перинатальным *O. aries*. Имеются неопределенные до вида эмбриональные 3 и 4 метаподии и их фрагменты, зачатки путовых костей.

Погребение 5. Найден полный скелет *O. aries* в возрасте 6–9 месяцев, а также остатки эмбриона 94–96 дней (фрагмент мозгового черепа, несросшиеся 3 и 4 метакарпалия и метатарзалия, зачаток астрагала).

Погребение 6. Всего 136 образцов, включающие остатки от двух перинатальных ягнят; фрагмент левой восходящей ветви зубной кости, левые 3 и 4 метакарпалии от 124-дневного эмбриона; полный скелет перинатального теленка и набор сопряженных костей левого голеностопного сустава (астрагал, пяточная кость, метатарзалия) от другого перинатального теленка.

Погребение 7. Остатки от скелетов трех перинатальных ягнят (всего 161 экз. костей и их фрагментов). Остеометрически несколько отличаются друг от друга, т.е. несколько различных по степени развития. Найдены также две зачаточные кости (астрагал, несросшиеся 3 или 4 метакарпалии) и фрагменты мозгового черепа эмбриона *O. aries* около 95–100 дней.

Погребение 8. Всего 36 образцов, включающие: разрозненные остатки от перинатальной и двух разновозрастных эмбрионов (110–120 и 140–143 дней) *O. aries*; две разносторонние метатарзалы от перинатальной *B. taurus*.

Погребение 9. Неполный скелет (в основном, элементы левых конечностей и разрозненные позвонки) перинатальной *O. aries*. Всего 16 образцов.

Погребение 10. Кости конечностей и позвонки от двух перинатальных *O. aries* (всего 62 экз.); разрушенный мозговой череп 5–9-месячного ягненка с фрагментом правой верхнечелюстной кости с зубами (dP4, M1, зачаток M2).

Полуземлянка. Коллекция включает 41 образец от *O. aries*, *B. taurus*, поврежденный верхний премоляр молодой лошади и несколько неопределяемых до вида фрагментов диафизов трубчатых костей конечностей животных. В серии остатков *O. aries* (24 экз.) выявлены ребра, позвонки, кости конечностей, принадлежащие двум по морфометрическим характеристикам разным по возрасту особям. Одна из них новорожденная, вторая по всей совокупности признаков была отнесена к перинатальной. Немногочисленные остатки от *B. taurus* (кости черепа и разрозненные фрагменты костей конечностей, всего 11 экз.) принадлежали очень молодому животному. Дистальный суставной блок бедренной кости не сформирован, пористый. На проксимальном конце метатарзалий не сформировался канал. Верхние премоляры еще в альвеолах (на стадии десенного прорезания). В совокупности, вероятный возраст гибели теленка – не более 3 недель. По морфометрии метатарзалий несколько крупнее, чем перинатальный *B. taurus* из погребения 6.

В целом наличие серий остатков от эмбрионов на поздних стадиях развития, новорожденных и молодых, 5–9-месячных, ягнят, перинатальных и новорожденных телят, с учетом длительности беременности и сезонности размножения овец и коров свидетельствует о том, что ритуальные действия, сопровождавшиеся их захоронением на культовой площадке и в полуземлянке, произошли в конце зимы – первой половине весны.

Подводя итоги описания и анализа неординарных артефактов периода поздней бронзы – начала перехода к раннему железному веку, выявленных на Торопово-7, можно сделать вывод об уникальности археологического комплекса этого времени, который, по сути, отражает факт смены культурных традиций эпохи бронзы под воздействием культуры раннего железного века. Вероятно, это обстоятельство и обусловило неординарность данного памятника в кругу древностей позднего бронзового века в долине р. Касьмы и на территории Кузнецкой котловины.

Библиографический список

Воккен Г.Г., Глаголев П.А., Боголюбовский С.Н. Анатомия домашних животных. Ч. 1: Система органов движения. М., 1961. (URL: <http://zoovet.info/vet-knigi/101-anatomiya-zhivotnykh/>)

Борисов В.А., Илюшин А.М. Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 г. // Археология, этнография, устная история: мат. XII междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2017. Вып. 12. С. 6–9.

Илюшин А.М. Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат. докл. и сообщ. XVIII и XIX регион. науч.-практ. конф. Барнаул, 2013. С. 137–142.

Илюшин А.М. Исследования в Кемеровской области // Археологические открытия 2014 года. М., 2016. С. 358–360.

Илюшин А.М., Борисов В.А. Коллекция бронзовых изделий из раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 104–109.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2012 г. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2014. №1 (101). С. 149–160.

Илюшин А.М., Бутьян В.А., Борисов В.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 г. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2012. №2 (90). С. 142–152.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Ирменские памятники в долине р. Касьмы // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 77–80.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине р. Касьмы. Кемерово, 2012. 212 с.

Кутювая А.С., Кузнецова Е.Е., Илюшин А.М. Исследование орнамента керамической посуды с культового места ирменской археологической культуры на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Россия молодая: сб. лучших статей VIII Всерос., 61 науч.-практ. конф. молодых ученых. Кемерово, 2016. С. 257–261.

Ahmed N.S. Development of forelimb bones in indigenous sheep fetuses // Iraqi Journal of Veterinary Sciences. 2008. Vol. 22, №2. S. 87–94.

Evans H.E., Sack W.O. Prenatal Development of Domestic and Laboratory Mammals: Growth Curves, External Features and Selected References // Anatomy, Histology, Embryology, 1973. №2.

Hillson S. Teeth / 2 ed. Cambridge University Press, 2005.

Martin P., García-González R. Identifying sheep (*Ovis aries*) fetal remains in archaeological contexts // Journal of Archaeological Science. 2015. Vol. 64.

Prummel W. Atlas for identification of foetal skeletal elements of Cattle, Horse, Sheep and Pig. Part 2 // Archaeozoologica. 1987. Vol. I (2).

Prummel W. Atlas for identification of foetal skeletal elements of Cattle, Horse, Sheep and Pig. Part 3 // Archaeozoologica. 1988. Vol. II/1, 2.

Silver I.A. The ageing of domestic animals // Science in Archaeology: A Comprehensive Survey of Progress and Research. New York, 1963.

© 2017, С.Е. Пантелева

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

КЕРАМИКА ПЕТРОВСКОГО ТИПА С УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННЫЙ АМБАР

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №16-18-10332
«Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе:
от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)»)

Начиная с 70-х гг. прошлого века, когда были открыты петровские памятники Южного Зауралья и Северного Казахстана, не угасает интерес археологов к изучению петровских керамических коллекций. Результаты исследований изложены в работах Г.Б. Здановича, Н.Б. Виноградова, В.В. Евдокимова, Т.М. Потемкиной, В.В. Ткачева и других ученых. Историография вопроса была освещена в специальной статье [Виноградов, 2009]. Современные представления об особенностях петровского гончарства основаны, прежде всего, на анализе материалов могильников. Поселения с петровской керамикой в основном известны по результатам разведочных работ, лишь на немногих из них проведены масштабные раскопки. Введение в научный оборот информации о керамических комплексах базовых памятников, вскрытых широкими площадями, – важнейшая задача современного этапа исследований.

Цель настоящей статьи – представление итогов изучения коллекции посуды петровского типа, которая была собрана в процессе многолетних раскопок укрепленного поселения Каменный Амбар, осуществленных в рамках российско-германского проекта [Корякова и др., 2011; Multidisciplinary investigations..., 2013]. Памятник содержит культурные остатки трех хронологических периодов: синташтинского, петровского и срубно-алакульского. Поселение в плане имеет форму прямоугольника со скругленными углами и состоит из двух частей, разграниченных рвом. Укрепленная площадка первоначально была застроена прямоугольными жилищами, расположенными в четыре ряда и разделенными двумя улицами. Данная архитектурная модель поддерживалась в течение синташтинского и петровского периодов обитания. Постройки срубно-алакульского времени расположены бессистемно, часть их находится за пределами линии обороны. Глубокие западины котлованов поздних жилищ до сих пор хорошо видны в микрорельефе. Фрагменты фортификационной линии и прилегающей застройки были исследованы в нескольких частях поселения.

Коллекция керамики петровского типа насчитывает 186 экземпляров. Вследствие сильной фрагментированности изделий для изучения в основном были доступны только верхние части сосудов. В результате анализа морфологических и орнаментальных характеристик было выделено восемь типологических групп.

Тип 1 (103 экз., 55,4%) представлен сосудами «классического» петровского облика. Это горшки различных размеров (средний диаметр по венчику – 24,1 см), в основном с прямой шейкой (79,4%), преимущественно плоским венчиком (95,1%) и так называемым *воротничком* (утолщением под венчиком). Про-

филировка шейки в некоторых случаях выражена очень слабо, и тогда сосуды практически приобретают баночную форму или близкую к ней. Плечо очень короткое (средняя высота – 1 см), за счет чего пространство между «воротничком» и краем плеча приобретает вид желобка. Переход от плеча к тулову оформлен в виде ребра (иногда сглаженного). Средняя толщина стенок сосудов составляет 0,8 см. Декор преимущественно наносился по воротничку и тулову или только по тулову, треть изделий оставлена без орнамента (рис.-1).

Тип 2 (6 экз., 3,2%) – горшки средних и крупных размеров* (средний диаметр – 27,3 см), с прямой (66,7%), реже слегка отогнутой (33,3%) шейкой, плоским венчиком, «воротничком», плавным переходом от плеча к тулову. Средняя толщина стенок сосудов составляет 0,8 см. Декорировалась в основном только зона тулова (рис.-2).

Тип 3 (7 экз., 3,8%) – банки различных размеров (средний диаметр – 28,4 см) с преимущественно плоским венчиком (85,7%), «воротничком», плавным переходом от плеча к тулову, орнаментированные в верхней части двумя широкими желобками с валиком посередине. Средняя толщина стенок сосудов составляет 0,9 см. Декор, выполненный с помощью других технических приемов, наносился по «воротничку» и тулову или только по тулову. Благодаря характерному рельефному орнаменту к этой группе также отнесен один плавнопрофилированный горшок с прямой шейкой (рис.-3).

Тип 4 (14 экз., 7,5%) представлен сосудами различных размеров (средний диаметр – 24,1 см). Это биконические горшки, реже банки, между которыми в некоторых случаях трудно провести четкую границу, с преимущественно плоским венчиком (85,7%), «воротничком», орнаментированные в верхней части двумя широкими желобками с валиком посередине или только валиком (желобки едва намечены или отсутствуют совсем), с ребром при переходе от плеча к тулову. Прочий декор наносился на разные орнаментальные зоны, в том числе заполнял желобки. Характерной особенностью данной группы изделий является орнаментация валика. Средняя толщина стенок сосудов составляет 0,8 см (рис.-4).

Типы 2, 3 и 4 можно рассматривать как керамику со смешанными синташтинско-петровскими признаками. К синташтинским признакам относится большое количество баночных форм, плавная профилировка горшков, использование рельефной орнаментации (валиков и желобков), а также декорирование тулова вертикальной «елочкой». В частности, все эти характеристики присущи синташтинской посуде укрепленного поселения Каменный Амбар.

Тип 5 (5 экз., 2,7%) представлен горшками малых и средних размеров (средний диаметр – 18,3 см) с прямой (60%) и отогнутой (40%) шейкой, округлым венчиком, без «воротничка», с валиком в основании шейки, коротким вогнутым плечом (средняя высота – 1,5 см), ребром при переходе от плеча к тулову (в одном случае зафиксирован намечающийся уступчик). Средняя толщина стенок сосудов составляет 0,6 см. Декор наносился на разные орнаментальные зоны (рис.-5).

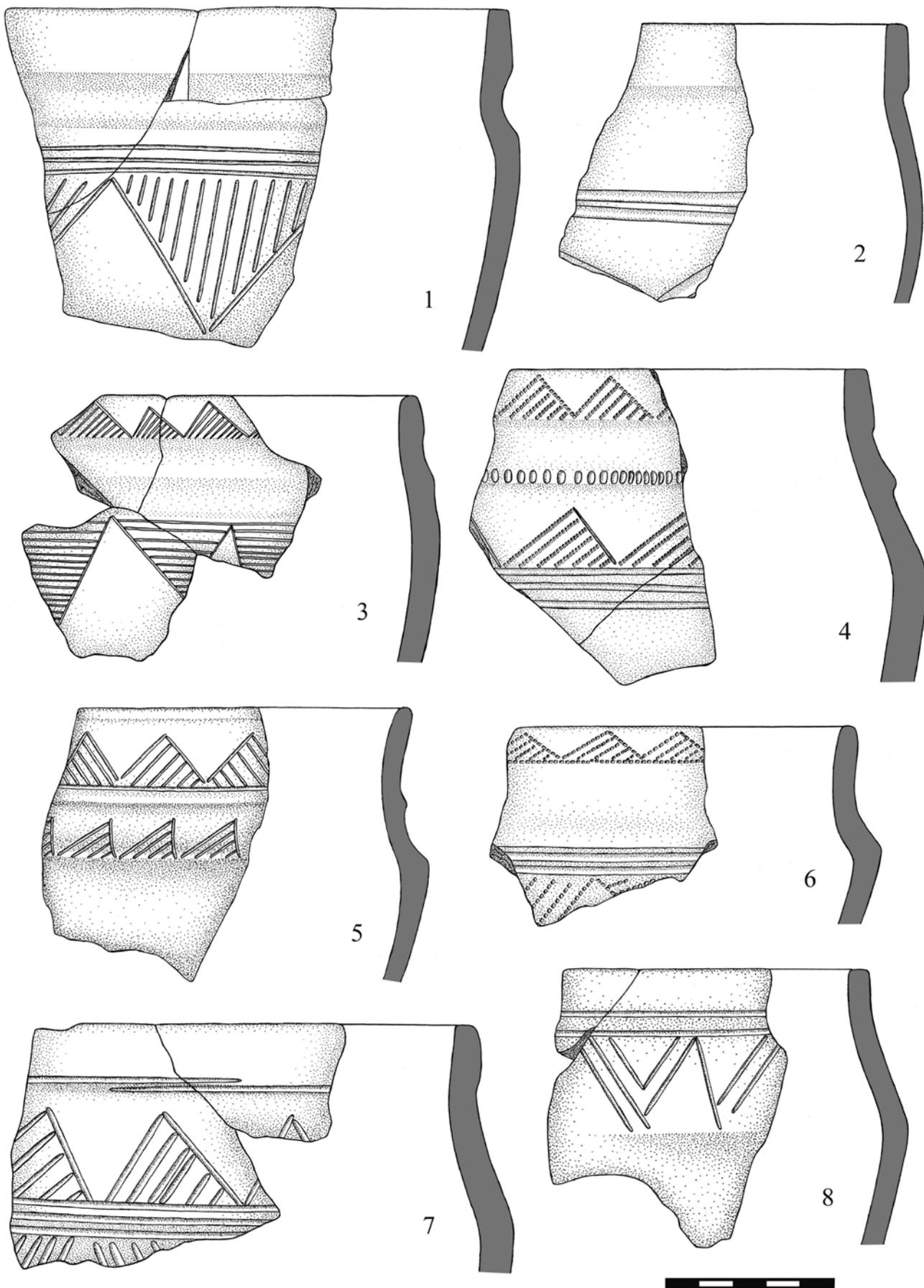
Тип 6 (8 экз., 4,3%) – горшки малых и средних размеров (средний диаметр – 20,4 см) с преимущественно отогнутой шейкой и округлым венчиком (по 75%), в основном без «воротничка», с коротким вогнутым плечом (средняя высота – 1,3 см), ребром или намечающимся уступчиком при переходе от плеча к тулову. Средняя толщина стенок сосудов составляет 0,6 см. Декор в основном наносился по двум зонам – по шейке и тулову. Зона плеча оставлена без орнамента (рис.-6).

Сосуды, отнесенные к типологическим группам 5 и 6, демонстрируют первоначальную стадию развития алакульских черт внутри петровской гончарной традиции: исчезновение «воротничка», доминирование отогнутой шейки и короткого вогнутого плеча, появление первых признаков уступчика при переходе от плеча к тулову, формирование алакульской схемы орнаментации, при которой зона плеча остается свободной от декора.

Тип 7 (35 экз., 18,8%) включает горшки различных размеров (средний диаметр – 24,2 см) с прямой (60%) и слегка отогнутой (40%) шейкой, преимущественно плоским венчиком (85,7%), «воротничком», ребром при переходе от плеча к тулову. От «классической» петровской посуды (типа 1) и сосудов с алакульскими признаками (типов 5 и 6) эти изделия отличаются высотой и формой плеча – плечо более высокое (средняя высота – 2,2 см) и прямое. Средняя толщина стенок сосудов составляет 0,8 см. Более трети изделий лишено декора, на остальных узор наносился на разные орнаментальные зоны (рис.-7).

Тип 8 (8 экз., 4,3%) – горшки малых и средних размеров (средний диаметр – 20,1 см) с прямой и слегка отогнутой (по 50%) шейкой, преимущественно плоским венчиком (75%), без «воротничка», с ребром при переходе от плеча к тулову. Эта группа, как и предыдущая, также отличается более высоким (средняя высота – 2,4 см) и прямым плечом. Средняя толщина стенок сосудов составляет 0,7 см. Декор наносился на разные орнаментальные зоны (рис.-8).

* В соответствии с диаметром (по венчику) все сосуды были разделены на три условные категории: малого (до 17 см), среднего (18–27 см) и крупного (28 см и более) размера.

Керамика петровского типа с укрепленного поселения Каменный Амбар:
 1 – тип 1; 2 – тип 2; 3 – тип 3; 4 – тип 4; 5 – тип 5; 6 – тип 6; 7 – тип 7; 8 – тип 8

Керамика, помещенная в последние две типологические группы, позволяет проследить трансформацию петровских стереотипов под влиянием раннесрубного гончарства, в первую очередь, проявляющуюся в изменении формы и высоты плеча сосудов, а также в постепенном исчезновении «воротничка». Тип 8, по-видимому, может в какой-то степени соответствовать типу Г-II, выделенному О.Д. Мочаловым в керамическом комплексе раннего этапа срубной культуры лесостепи Волго-Уральского междуречья. По типологии автора, это горшки с выраженным перегибом или ребром в верхней трети высоты, особенностью декора которых является узор в виде прямых линий, подчеркивающий разделение орнаментальных зон. Исследователь отмечает, что данный тип керамики особенно широко был распространен в памятниках финального периода среднего бронзового века [Мочалов, 2008, с. 178, 197].

Посуда петровского типа с укрепленного поселения Каменный Амбар орнаментировалась, прежде всего, с помощью прочерчивания и гребенчатого штампа, ассортимент основных декоративных элементов весьма ограничен – это горизонтальные линии, заштрихованные треугольники и зигзаги. Отличие между типами проявляется в использовании разных орнаментальных зон и предпочтении разных технических приемов.

Таким образом, в результате проведенного анализа можно заключить, что основу керамического комплекса составляют сосуды «классического» петровского облика. Остальные типологические группы менее многочисленны и представлены изделиями со смешанными признаками – в деталях форм и декора этих сосудов фиксируются черты, присущие другим керамическим традициям эпохи бронзы (синташтинской; алакульской и раннесрубной).

Выявление групп сосудов со смешанными синташтинско-петровскими чертами является весьма важным наблюдением. Если факт трансформации петровской керамической традиции в алакульскую общепризнан специалистами, то проблема смены синташтинского керамического стиля петровским еще однозначно не решена, хотя установлены факты преемственности в технологии производства – формовка на шаблонах (старых сосудах), обтянутых тканью, использование в качестве примеси к формовочной массе талька и шамота [Гутков, 1995, 2013; Виноградов, Алаева, 2013].

Типологический ряд петровской посуды с укрепленного поселения Каменный Амбар позволяет предположить, что изменения гончарных стереотипов по эволюционной линии синташта–петровка–алакуль происходили следующим образом. Баночные и плавнопрофилированные формы постепенно замещаются горшками с ребристым, а затем и уступчатым профилем плеча. Выходят из обихода емкости крупных размеров, сосуды становятся более тонкостенными. Постепенно исчезает «воротничок», плоские венчики замещаются округлыми. Увеличивается доля отогнутых шеек и слегка – их высота. Повышается степень орнаментированности сосудов. Происходит постепенный отказ от рельефных элементов и возрастает частота использования гребенчатого штампа. Формируются две орнаментальные модели. Первая характеризуется использованием зон шейки и тулова, в то время как зона плеча в большинстве случаев остается без орнамента. Вторая модель представлена активным использованием всех орнаментальных зон.

Не менее важным наблюдением является выделение керамики со смешанными петровско-раннесрубными чертами, поскольку проблема культурно-хронологического соотношения соответствующих групп древнего населения в регионе еще слабо изучена. Примечательно, что данная посуда довольно многочисленна и составляет почти четверть коллекции. Кроме упомянутых изменений в форме и высоте плеча, отличающих петровско-раннесрубные типы, в них фиксируется тот же вектор трансформаций, что и в петровско-алакульской линии, правда, в менее выраженной форме: выход из обихода крупных сосудов, уменьшение толщины стенок, исчезновение «воротничка», увеличение количества округлых венчиков и отогнутых шеек, повышение степени орнаментированности сосудов за счет увеличения частоты использования всех орнаментальных зон.

Несмотря на то, что выделенные категории петровской посуды составляют эволюционную последовательность, характеризующуюся постепенным угасанием одних признаков и появлением других, каждый тип включает свой собственный набор специфических черт морфологии и декора. Стратиграфические наблюдения позволяют заключить, что носители петровской культуры проживали на поселении Каменный Амбар в течение весьма непродолжительного периода. В связи с этим можно предположить относительную одновременность изготовления данных типов посуды и, соответственно, относительно одновременную работу нескольких гончаров или групп гончаров.

Распределение разных типов петровских сосудов по постройкам не выявило каких-либо закономерностей. Данный факт дает возможность судить о способе распределения готовой керамической про-

дукции на поселении. Очевидно, что различия в облике гончарных изделий, произведенных разными мастерами, были для пользователей несущественными.

Итак, в результате изучения коллекции керамики петровского типа с укрепленного поселения Каменный Амбар можно сформулировать некоторые выводы о характере культурных взаимодействий и трансформаций, протекавших в Южно-Уральском регионе в 1-й трети II тыс. до н.э.

Во-первых, прослеживается эволюционное развитие форм и декора сосудов по линии синташта-петровка-алакуль, что может свидетельствовать о генетической преемственности данных культурных образований.

Во-вторых, выявлены группы сосудов, демонстрирующие изменения петровских стереотипов под влиянием раннесрубного гончарства. Данное наблюдение позволяет предполагать наличие тесных культурных контактов между петровским и раннесрубным населением и, соответственно, их одновременное сосуществование в Южном Зауралье на определенном временном отрезке.

В-третьих, присутствие в одной коллекции сосудов, несущих такое разнообразие инокультурных проявлений (в том числе асинхронных), дает возможность говорить не только о сложности, но и о чрезвычайной динамичности культурно-генетических процессов в Южном Зауралье в начале позднего бронзового века.

Библиографический список

Виноградов Н.Б. Керамика памятников петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане // Проблемы археологического изучения Южного Урала. Челябинск, 2009. С. 22–45.

Виноградов Н.Б., Алаева И.П. Керамическая коллекция из раскопок укрепленного поселения Устье-I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск, 2013. С. 143–178.

Гутков А.И. Технология изготовления керамики памятников синташтинского типа // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: мат. конф. Челябинск, 1995. Ч. V, кн. 2. С. 132–135.

Гутков А.И. Техничко-технологический анализ керамики поселения Устье-I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск, 2013. С. 179–184.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №4 (48). С. 61–74.

Мочалов О.Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара, 2008.

Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Transurals (Russia) / R. Krause and L.N. Koryakova (eds.). Bonn, 2013.

© 2017, Д.В. Папин¹, А.С. Федорук², В.Г. Ломан³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск;

²Алтайский государственный университет, Барнаул;

³Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОГО АЛТАЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

¹Исследование проведено в рамках НИР ИАЭТ СО РАН Программа XII.186.2. «От первобытности к цивилизации: этнокультурные процессы в Евразии в эпоху палеометалла и средневековья» (проект №0329-2016-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях»)

²Исследование проведено в рамках гранта Правительства РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Открытие В.С. Удодовым на территории Степного Алтая ряда поселений с керамикой, изготовленной на гончарном круге, впервые поставило вопрос о наличии устойчивых связей населения юга Западной Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы. Оригинальность обнаруженных материалов позволила исследователю выделить так называемый *бурлинский тип* памятников (поселения Бурла-3, Кайгородка-3 и Гридино), характеризующийся, в первую очередь, устойчивым сочетанием бегазы-дан-

дыбаевской керамики и круговой посуды. Последующие исследования на памятниках эпохи поздней бронзы Алтая показали, что специфика рассматриваемого явления наблюдается только для региона среднего течения Бурлы и больше нигде не фиксируется, что, видимо, позволяет говорить об однократном проникновении группы среднеазиатского населения в регион северной Кулунды.

Наиболее изучено поселение Бурла-3, на котором В.С. Удодовым было раскопано около 600 м² площади, выявлены остатки трех жилищ площадью 33–42 м² и мощное кострище за их пределами. Полученные данные позволили интерпретировать памятник как стационарный летний поселок [Удодов, 1994]. Однако, несмотря на уникальность материалов, они до сих пор не опубликованы и не доступны для изучения. В связи с этим авторами статьи в 2013–2015 гг. было возобновлено изучение поселения Бурла-3 [Кирюшин, Папин, Редников, Федорук, Фролов, 2014; Кирюшин, Папин, Федорук, Редников, 2014; Кирюшин и др., 2013; Папин и др., 2014; Федорук, Папин, Редников, 2015].

В географическом плане памятник располагается в северной части Кулундинской степи, в среднем течении Бурлы. Ландшафт местности представлен низинными равнинами с солонцово-лугово-степными (верхняя терраса Бурлы) и лугово-солонцово-солончаковыми (нижняя терраса Бурлы) террасами аллювиального происхождения с относительной высотой 1–5 м. Поселение расположено в засушливо-степной подзоне Приобского плато в пределах Бурлинской ложбины древнего стока непосредственно у уступа к современной долине Бурлы. Превышение над уровнем поймы Бурлы составляет здесь 5 м. Поверхность сложена среднезернистыми неслоистыми перевеянными песками, имеет слабый уклон в сторону русла Бурлы. Выраженных в рельефе понижений или повышений, говорящих о скрытых конструкциях, нет, очевидно, вследствие многолетней распашки участка. Непосредственно раскопкам предшествовало совместное со специалистами ИВЭП СО РАН электромагнитное частотное зондирование участка будущего раскопа с применением аппаратурно-программного комплекса ЭМС. Однако результаты этого исследования не позволили выявить скрытые конструкции [Папин и др., 2014].

Работы на памятнике велись тремя раскопами: южный (64 м²), восточный (456 м²) и западный (100 м²). В западном раскопе выявлена связанная с гончарным производством площадка с теплотехническим сооружением. Восточный раскоп позволил полностью раскопать одно жилище двухкамерного типа (сооружение №1), а также выявить и частично исследовать еще три сооружения (№2–4) и ряд объектов хозяйственного назначения. Все исследованные сооружения относятся к типу полуземлянок. Котлованы углублены в материк на 0,2–0,4 м, имеют подпрямоугольную в плане форму (рис. 1.-1). Как минимум в одном случае имеется коридор-переход между средними частями камер сооружения, в другом – выход-коридор зафиксирован в углу котлована. Столбовые ямки выстраиваются в четкую систему. Основная их часть находится в центральной части котлована и вдоль его стен. Наиболее глубокие ямки располагаются рядами вдоль стен и по центру. Между собой они соединялись канавками шириной 0,1–0,15 м и глубиной до 0,2 м. Данный тип построек реконструирован по сооружению №1 (рис. 1.-2). В центре котлованов устанавливались прямоугольные рамы, опиравшиеся на четыре–шесть высоких несущих столбов. Вдоль края котлована также устанавливались мощные, менее высокие, опорные столбы, держащие раму. Центральная и внешняя рамы связывались перекладинами. Малое расстояние между котлованами строений (до 2 м) указывает на вертикальные стены. Упирающиеся в столбовые ямы канавки оставлены, видимо, горизонтально уложенными между столбами внешнего каркаса бревнами. Вероятно, к столбам они крепились техникой заплота. В этом случае кровля опиралась, с одной стороны, на центральную раму, с другой – на бревна стен. В таком случае кровля могла быть в форме усеченной пирамиды. Мощность столбов каркаса указывает на тяжесть кровли. Возможно, для теплоизоляции поверх жердей укладывался слой дерна.

Коллекция предметов, обнаруженных в ходе работ, представлена многочисленной круговой керамикой, которая находит аналогии в среднеазиатских комплексах типа Намазга-VI (рис. 2.-1, 2), а также бегазы-дандыбаевской и саргаринско-алексеевской посудой. Найдена также серия бронзовых (тесло с кольцевым валиком-упором (рис. 2.-4), втульчатый крюк (рис. 2.-5), переиспользованный фрагмент втульчатого тесла (рис. 2.-6), зубильце (рис. 2.-7), крючок (рис. 2.-8), кольцо (рис. 2.-9), пронизь (рис. 2.-10), втульчатый наконечник стрелы со слабовыраженными лопастями (рис. 2.-11), фрагменты каменных зернотерки, лошителей и глиняных керамических «подставок» (рис. 2.-3), крышка сосуда) предметов. Аналогии данным находкам широко известны в материалах памятников эпохи поздней бронзы Восточного и Центрального Казахстана, прежде всего в материалах саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской культур [Евдокимов, Варфоломеев, с. 128, рис. 27.-9, 10; Черников, 1960, с. 241, рис. 44; Папин, Федорук, 2006, с. 84, рис. 1.-9; Аванесова, 1991, с. 36, рис. 36.-35].

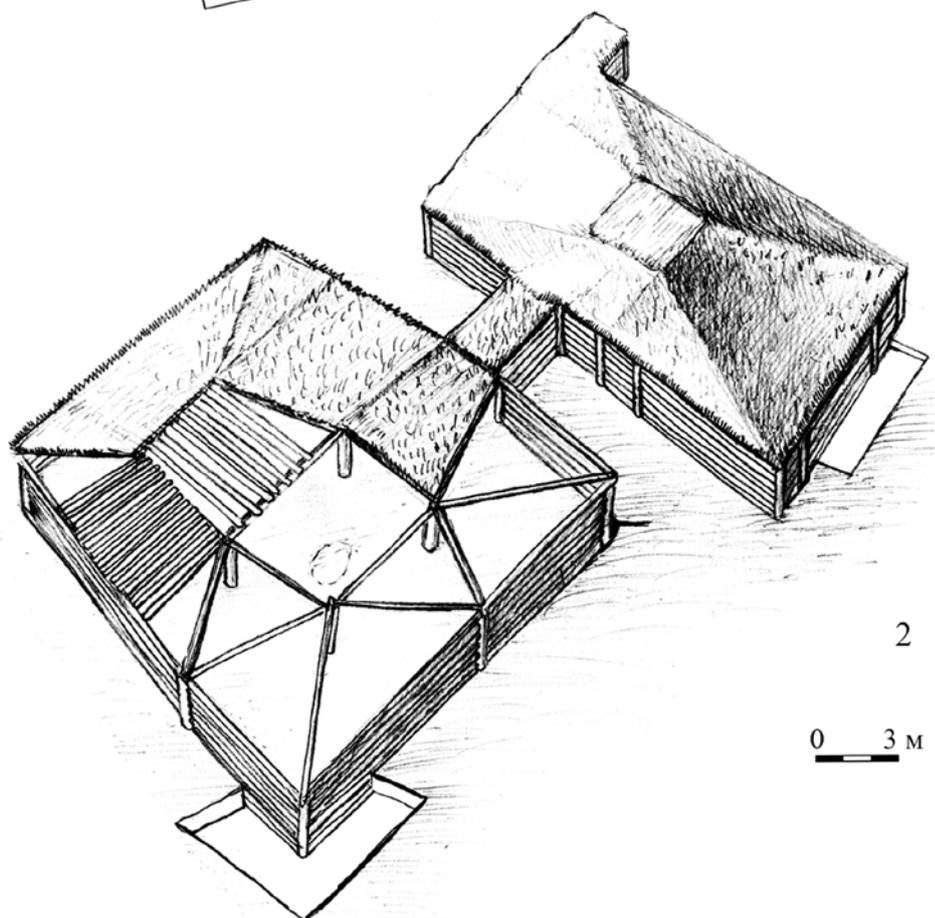
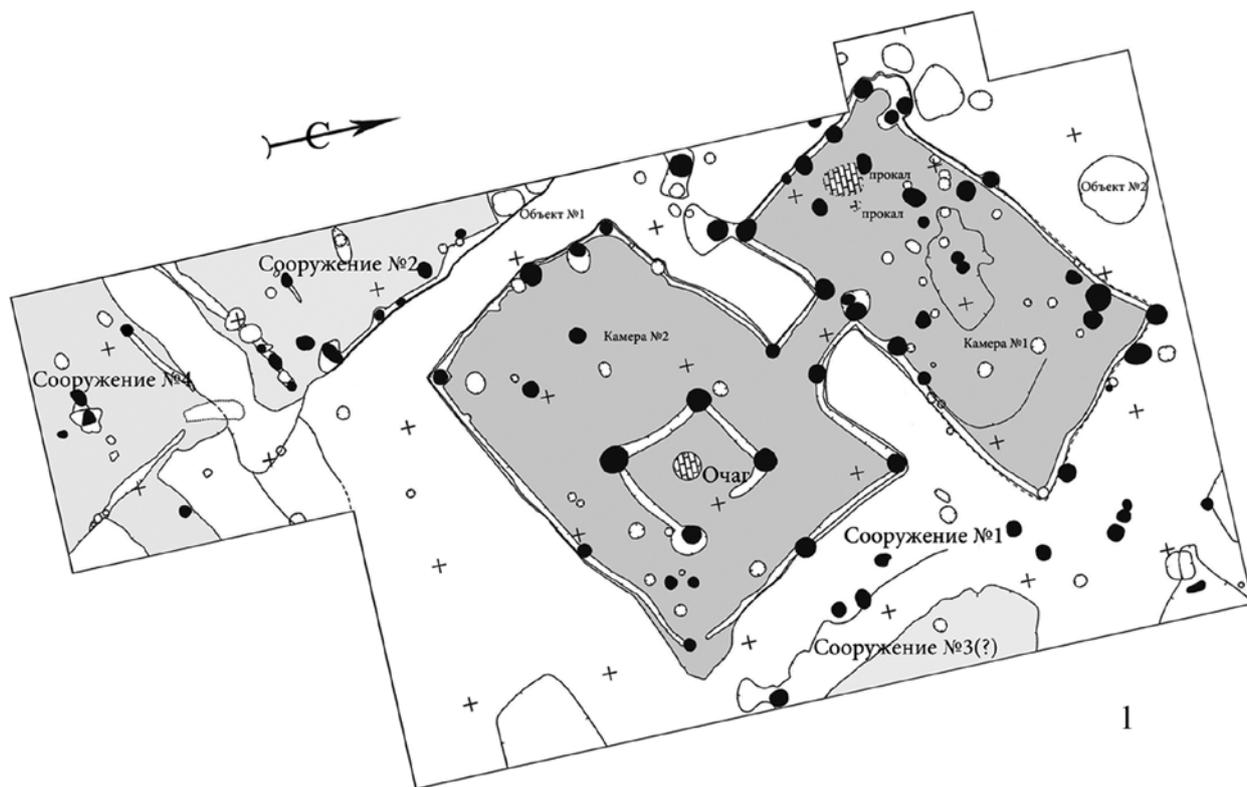

Рис. 1. Поселение Бурла-3. Реконструкция жилища

На полевом этапе исследований было сделано важное наблюдение, что керамика бегазы-дандыбаевского облика сосредоточена в котлованах конструкций, а находки фрагментов керамики, изготовленной на гончарном круге, встречались по всей площади раскопа и по массовости значительно превос-

Рис. 2. Поселение Бурла-3. Инвентарь (1–3 – керамика, 4–11 – бронза)

ходят бегазы-дандыбаевские. Наибольшая степень концентрации керамического шлака была отмечена в третьем раскопе и связана с теплотехническим сооружением. Присутствие многочисленных следов гончарного производства указывает на наличие здесь постоянной технологической площадки. Исходя из особенностей обнаруженных материалов можно предположить, что производство керамики на круге было рассчитано не только для потребностей жителей поселка, но и за его пределы.

Костей животных найдено достаточно мало, остеологический анализ коллекции позволил сделать следующие выводы: 1. Все костные остатки являются пищевыми отбросами. 2. Видовой состав стада указывает на скотоводческий тип хозяйства мясомолочной направленности. 3. Существенное преобладание костей лошади, не находящее аналогий в материалах единовременных памятников региона, говорит о приближении состава стада к кочевому [Клименко, Папин, Федорук, 2016].

На территории Алтая находки «круговой» керамики, кроме объектов «бурлинского типа», носят единичный характер, она встречена в материалах памятников Рублево-6, Жарково-1, 3, Чекановский Лог и некоторых других. На саргаринско-алексеевских поселениях Казахстана она также известна в небольшом количестве, это Кент [Ломан, 2015], Мыржик [Кадырбаев, Курманкулов, 1992], Бугулы-1 [Бейсенов, Ломан, 2009], Шагалалы-2 (Павловка) [Сакенов, 2014], но на всех памятниках следов ее местного производства не было зафиксировано. В этом плане поселение Бурла-3 уникально, здесь керамика, изготовленная с помощью гончарного круга, превалирует над остальной и зафиксированы следы ее местного массового производства.

Подводя итог полевому изучению поселения Бурла-3, обратим внимание на ряд важных моментов. Несмотря на то, что традиция домостроительства демонстрирует устойчивые аналогии среди аналогичных объектов саргаринско-алексеевской и ирменской культур, есть существенные отличия. В нашем случае сооружения практически примыкают друг к другу, а в ряде случаев расстояние между стенами составляло менее 1 м, что указывает на иную традицию внутренней организации поселка. Открытие специализированной гончарной площадки указывает на высокое значение данной отрасли в производственной жизни жителей поселка. Специфика состава стада указывает на более развитый тип скотоводства. Набор бронзовых предметов широко представлен в материалах позднебронзовых культур Средней Азии и Казахстана. Кроме керамики, изготовленной на гончарном круге, еще одна категория инвентаря – керамические «подставки», отсутствует в материалах археологических культур эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири, но хорошо известна в комплексах Средней Азии. Таким образом, целый набор признаков указывает на отличие традиций населения «бурлинского типа» от синхронных ирменской и саргаринско-алексеевской археологических культур Алтая.

Полученные в ходе раскопок поселения Бурла-3 как старые, так и новые материалы демонстрируют аналогии керамическому комплексу на поселениях эпохи поздней бронзы типа Намазга-6 и маркируют вектор южных связей с населением земледельческих центров Средней Азии.

Библиографический список

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы, 2009. 264 с.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002. 138 с.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992. 247 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Бурла-3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. XX. С. 180–183.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А. Феномен «бурлинского типа памятников» // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул, 2014. Вып. 1. С. 47–48.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А., Федорук О.А. Проблема изучения «бурлинского типа» памятников эпохи поздней бронзы на территории степного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. Т. XVII. С. 212–215.
- Клименко М.В., Папин Д.В., Федорук А.С. Остеологический комплекс поселения эпохи поздней бронзы Бурла-3 // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №2(90). С. 215–219.
- Ломан В.Г. Привозная керамика на поселении Кент // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13). С. 71–79.
- Папин Д.В., Федорук А.С. Ножи эпохи поздней бронзы – переходного от бронзы к железу времени с территории степного Обь-Иртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 97–106.

Папин Д.В., Федорук А.С., Черных Д.В., Бирюков Р.Ю. Предварительные результаты электромагнитного изучения поселения Бурла-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 162–164.

Сакенов С.К. Станковая керамика из поселения Шагалалы-2 (к вопросу о культурных связях племен эпохи бронзы Северного Казахстана и Средней Азии) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Астана, 2014. С. 557–567.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: автореф. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.

Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А. Жилищно-хозяйственный комплекс поселения Бурла-3 // Известия Алтайского государственного университета. №4 (88). Т. 1. Барнаул, 2015. С. 280–284.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М.; Л., 1960. №88. 276 с.

© 2017, Ф.Н. Петров

Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим», Челябинск

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЛЕВОБЕРЕЖНОЕ (СИНТАШТА-II) ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2015–2017 гг.

Поселение Левобережное (оно же – Синташта-II, известно так же, как Комсомольское или Селенташ) расположено на левом берегу Синташты, левого притока Тобола, в 500 м к северу от пос. Комсомольский, на территории Брединского района Челябинской области. Было открыто в 1989 г. в результате дешифровки аэрофотоснимков И.М. Батаниной [Таиров, Батанина, Кузнецова, 1994, с. 82]. Исследования поселения отрядом археологической экспедиции Челябинского государственного историко-культурного заповедника «Аркаим» под руководством автора настоящей статьи были начаты в 2015 г. с разведочного обследования, а в 2016 и 2017 гг. на поселении было вскрыто два раскопа площадью, соответственно, 80 и 192 м². Также за три года работ на памятнике в целях определения распространения и характера культурного слоя было заложено 12 шурфов общей площадью 14 м², таким образом, общая вскрытая площадь составляет на настоящий момент 285 м². Тахеометрическую съемку памятника и разведочное обследование его окрестностей осуществила Н.С. Батанина (УНЦ ЧелГУ), ею же была выполнена новая дешифровка аэрофотоснимков поселения. Микромагнитную съемку двух участков поселения общей площадью 1 592 м² выполнил В.В. Носкевич (Институт геофизики УрО РАН). Раскопки поселения стали возможны благодаря участию в этих работах юных археологов из клуба «Формика», занимающихся в археологическом кружке челябинского Дворца пионеров и школьников им. Н.К. Крупской (руководитель – С.В. Марков), студентов-практикантов экологического факультета ЧелГУ (руководители – А.Л. Плаксина и Л.М. Маркова), а также студентов 4 курса историко-филологического факультета ЧелГУ Н.Ф. Петрова и Л.Ю. Борониной, сотрудника музеев заповедника «Аркаим» и ЧелГУ Н.В. Малой и волонтеров из разных городов Урала, а также содействию межрегионального научного центра Московского областного общественного фонда «Наследие» и его сотрудника Л.В. Пантелеевой.

Изучаемое поселение существенно повреждено, через его восточную часть в конце 1980-х гг. была проведена асфальтированная дорога из пос. Комсомольский в пос. Ясная Поляна, уничтожившая около 1/3 общей площади памятника, а южная часть частично уничтожена песчаным карьером. Планиграфия памятника реконструируется на основе результатов дешифрирования аэрофотоснимков 1957 и 1976 гг., а также результатов тахеометрической и микромагнитной съемки. Поселение имело подпрямоугольную форму, было вытянуто в широтном направлении, его размеры 175×105 м, общая площадь – около 18 тыс. м². Структура памятника образована двумя параллельными широтными рядами меридионально вытянутых жилищных впадин, расположенных непосредственно друг за другом; при этом в обоих рядах фиксируется до 23 впадин. Центральная ось поселения проходит по «улице», проходящей между северным и южным рядами впадин. С наружной стороны оба ряда впадин окружены валом, представляющим собой развал общей внешней стены жилищ раннего этапа существования поселения, за ним фрагментарно прослеживаются углубления заплывшего рва. В центральной части поселения пересекают меридиональный ров и вал, разделяющие его на две не совсем равные части.

Раскоп 2016 г., заложенный в западной части поселения, вскрыл фрагмент центральной «улицы» и примыкающую к нему с юга торцевую часть котлована жилища 1, фрагмент котлована жилища 2

и участок межжилищного пространства с двумя неглубокими ямами и значительными следами горения. Торцевая часть котлована жилища 1 имеет скругленные подпрямоугольные углы, глубина котлована в материке достигает на этом участке 0,6 м. Вдоль торцевой стенки древнего жилища в котловане зафиксированы многочисленные столбовые ямки, отражающие, вероятно, неоднократные этапы перестройки или заселения, осуществлявшиеся с использованием одного и того же архитектурного принципа строительства жилищной конструкции с опорой на ряды деревянных столбов. Фрагмент котлована жилища 2, фиксирующегося непосредственно к западу от котлована жилища 1 и существенно дальше заходящего на территорию так называемой *улицы*, имеет глубину в материковом грунте до 0,6 м, однако в нем не обнаружено ни одной столбовой ямки.

Раскоп 2017 г., заложенный в юго-западной части поселения, на участке, существенно поврежденном песчаным карьером, вскрыл западную и центральную части жилища 10 и фрагмент внешнего рва поселения. Ров имел здесь глубину в материковом грунте чуть более 1,5 м и ширину по верхним очертаниям около 3,0 м. В нижней части рва обнаружены многочисленные углистые прослойки, вероятно, связанные с происходившим на поселении пожаром или пожарами. Аналогичные углистые слои зафиксированы в нижней части заполнения исследованных на территории и в окрестностях жилища 10 ранних хозяйственных ям. Основное заполнение рва образовано завалом обрушившейся в него части внешней обводной стены и перекрывающим ее слоем мощного зольника. Вероятно, на поздних этапах существования памятника сюда выгребали золу из очагов и печей. Располагавшаяся за рвом на раннем этапе существования поселения обводная стена оказалась полностью разобранной на этом участке памятника еще в древности.

К северу от рва раскопом были исследованы западная и центральная части поврежденного песчаным карьером котлована крупного жилища эпохи бронзы, углубленного в материковый грунт на глубину до 1,0 м. Жилище подпрямоугольной формы было вытянуто по направлению северо-северо-запад–юго-юго-восток, котлован жилища прослежен в раскопе на протяжении 12 м в меридиональном направлении и 7 м – в широтном направлении. Судя по остаткам строительных конструкций, это жилище также было построено в традиции каркасно-столбовой архитектуры; при этом по меньшей мере один ряд деревянных столбов вдоль края котлована составлял основу его стен, а два параллельных ряда столбов в центральной части жилища поддерживали его кровлю. В центральной части данного жилища были исследованы два очага разных типов: каменная выкладка и углубленное в материковый грунт основание грунтовых очаговых конструкций с многочисленными следами прокала. В районе южной (торцевой) части котлована жилища 10, где песчаный карьер срезал на глубину до полуметра первоначальный массив материкового грунта, был обнаружен и исследован древний колодец. Изначально он имел глубину около 2,6 м, но до нашего времени сохранился только в своей средней и нижней части на два с небольшим метра от уровня дна. Колодец представляет собой углубление в материковом грунте почти правильной округлой формы диаметром до 0,8 м с практически вертикальными стенками. Его заполнение почти однородным темным гумусированным грунтом с отдельными угольками, костями животных и фрагментами керамики, при этом практически без материковых затеков, говорит о том, что он был сознательно засыпан, а не разрушался естественным путем.

Керамический комплекс поселения в составе коллекций 2015–2017 гг. состоит из 1629 фрагментов керамических сосудов. Один сосуд баночной формы, обнаруженный на дне колодца, сохранился практически целиком (рис.-12); еще три развала крупных частей сосудов были обнаружены в ходе исследований торцевой части жилища 1 (рис.-22–23), развалы частей девяти сосудов расчищены в западной и центральной части жилища 10 (рис.-7, 13–15) и еще один развал обнаружен на межжилищном пространстве к западу от котлована этого жилища, в верхней части заполнения хозяйственной ямы (рис.-4). Практически вся остальная керамика с поселения довольно сильно фрагментирована.

Для изучения керамического комплекса исследуемого памятника нами была сделана выборка наиболее представительных фрагментов сосудов. Объем выборки – 246 фрагментов от 200 сосудов, по 100 сосудов из раскопов 2016–2017 гг. Указанная выборка была проанализирована нами по следующим основным признакам: форма сосудов, состав теста, способ обработки поверхности, орнаментальные композиции сосудов и орнаментальные бордюры [Рудковский, 2010, с. 133–135], а также технология нанесения орнамента.

В составе выборки было выделено пять групп сосудов, соответствующих по своим основным признакам различным культурным типам керамики позднего бронзового века Зауральской степи.

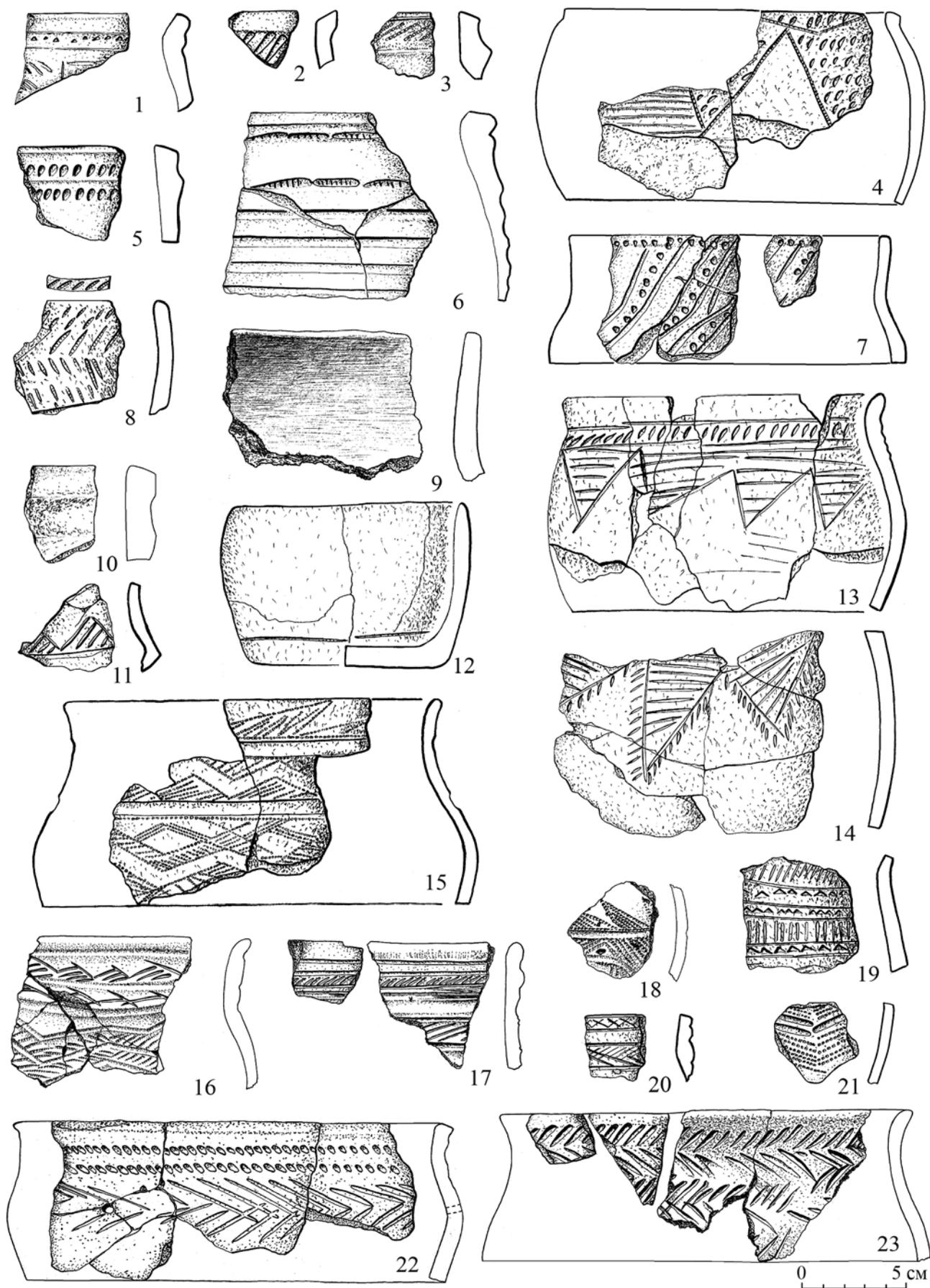
Группа 1 – керамика синташтинского типа, составляет 18% от выборки (рис.-1–8). По форме сосудов она распадается на две основные подгруппы: сосуды горшечной формы с невысокой, сильно отогнутой шейкой, образующей внутреннее ребро горловины (рис.-1–2), – тип Г1 согласно типологии

керамики поселения Аркаим [Малютина, Зданович, 2004, с. 69–72]; и крупные сосуды баночной формы с приостренными валиками или широкими желобками в верхней части сосудов (рис.-3, 5–6), они соответствуют типу БП аркаимской керамики [Малютина, Зданович, 2004, с. 76–80]. Керамика этой группы характеризуется хорошо обработанной, тщательно заглаженной поверхностью, наличием в тесте весьма значительных примесей дресвы талька или слюды, широким использованием в орнаментации гребенчатого штампа в геометрических орнаментах и технологии каннелирования – формирования на поверхности сосуда каннелюр, нешироких желобков с отчетливыми краями, использующихся в качестве разделителей орнаментальных зон и для нанесения так называемого *вертикального елочного* орнамента на внешнюю поверхность основного объема туловища сосудов. К этой же группе были отнесены фрагменты нескольких сосудов, не имеющих всех признаков классического синташтинского типа керамики, но схожих по форме и орнаменту с довольно разнообразной посудой, зафиксированной в культурном слое поселения Аркаим вместе с собственно синташтинскими фрагментами (рис.-4, 7–8); они соответствуют типу ГП и отчасти варианту ГП(2) аркаимской керамики [Малютина, Зданович, 2004, с. 72–74]. Некоторые из этих сосудов несут на себе, на наш взгляд, определенный отпечаток влияния, возможно опосредованного, позднеямной и катакомбной керамических традиций.

Группа 2 – керамика петровского типа, составляет 7% от выборки (рис.-9–12). Представлена в основном фрагментами сосудов горшечной и горшечно-баночной формы, характерным признаком которых является наличие в верхней части шейки хорошо оформленного расширения, так называемого *воротничка* (рис.-10). Поверхность сосудов хорошо заглажена, в технологии орнаментации присутствуют широкие желобки, прочерчивание и плоский штамп. В тесте сосудов встречаются тальковая дресва и шамот. Керамика данной группы аналогична петровской посуде поселения Устье-I [Виноградов, Алаева, 2013, с. 166–174], а также целому ряду сосудов из коллекции поселения Аркаим, относимых авторами типологии аркаимской керамики к типу ГПШ и отчасти к типу ГIV [Малютина, Зданович, 2004, с. 74]. В состав этой же группы нами была включена весьма немногочисленная керамика с алакульскими (раннеалакульскими) чертами: высокой почти прямой или слегка отогнутой шейкой, орнаментацией заштрихованными треугольниками или многорядным зигзагом, выполненным технологией проташенной гребенки (рис.-9, 11).

Группа 3 – керамика срубного (раннесрубного) культурного типа, составляет 10% от выборки (рис.-13–14). Представлена в коллекции фрагментами и развалами сосудов с выраженной профилировкой верхней части, изготовленных, как правило, из менее плотного, чем у первых двух групп, глиняного теста, в котором можно определить примеси шамота, дробленой раковины и органики. Технология обработки поверхности – не очень качественное заглаживание гладким инструментом или щепой, оставляющей на сосуде характерные расчесы. В орнаментации преобладает технология прочерчивания, с помощью которой на плечо или верхнюю часть тулова сосудов наносились зигзаги или бордюры из крупных, небрежно заштрихованных треугольников, в целом ряде случаев обрамленных так называемой *бахромой* (рис.-14). Несколько сосудов данной группы полностью не орнаментированы. Аналогичная посуда встречается на так называемых *укрепленных* поселениях синташтинско-петровского типа и связана, как правило, с более поздними жилищными конструкциями на площадках этих памятников, в частности, она известна в коллекциях поселений Каменный Амбар [Корякова и др., 2011, с. 69–72, рис. 11] и Куйсак [Малютина, Зданович, 1995, с. 100–106].

Группа 4 – керамика черкаскульского типа, является наиболее многочисленной керамической группой в коллекции исследуемого поселения и составляет 26% от объема выборки (рис.-15–21). Представлена фрагментами и развалами крупных частей плавно профилированных сосудов с весьма качественно заглаженной или даже подлощенной поверхностью. В тесте сосудов фиксируются, как правило, дресва слюды, реже дресва талька или кварца. В орнаментации сосудов преобладают геометрические орнаменты (заштрихованные треугольники, зигзаги и меандры), нанесенные гребенчатым штампом, которые окаймляют каннелюры, и зачастую треугольные вдавления. Для многих сосудов этого типа характерно наличие в верхней части одного скругленного валика, как правило, орнаментированного (рис.-17, 20). В коллекции присутствует отколовшийся от сосуда данного типа крупный, орнаментированный гребенчатым штампом поддон. В орнаментации двух сосудов данной группы фиксируются бордюры из скошенных заштрихованных треугольников, напоминающих распространенный элемент орнамента посуды федоровского типа (рис.-15, 18). Аналогичный случай залегания значительного количества керамики черкаскульского типа в культурном слое, связанном с поздним этапом функционирования площадки так называемого *укрепленного* поселения, был зафиксирован в ходе раскопок поселения Кизильское [Столос, 2004, с. 211, 217, рис. 3, 9].

Поселение Левобережное (Синташта-II), фрагменты керамических сосудов:
 1-8 – группа 1; 9-12 – группа 2; 13-14 – группа 3; 15-21 – группа 4; 22-23 – группа 5

Группа 5 – керамика межовского типа, составляет 19% от объема выборки (рис.-22–23). Это фрагменты и развалы крупных частей сосудов с невысокой, зачастую довольно сильно отогнутой шейкой, в тесте которых присутствуют примеси органики, раковины и кварцевого песка. Орнаментация сосудов бедная, как правило, сводится к одиночным или повторяющимся орнаментальным бордюрам, образованным так называемой *горизонтальной елочкой* или рядам наклонных вдавлений. В верхней части сосуда иногда присутствует уплощенный орнаментированный валик. Культурная атрибуция подобной посуды не всегда является однозначной, особенно если говорить о материалах с «укрепленных» поселений Зауральской степи. Так, аналогично атрибутированная группа керамики, выявленная в ходе раскопок поселения Кизильское, которую В.С. Стоколос [2004, с. 323 и др.] в публикации результатов работ называет «межовской», на наш взгляд, скорее относится к черкаскульскому культурному типу. В свою очередь прямые аналогии по форме и орнаментации 5-й группе посуды с нашего поселения можно обнаружить в группе «СА» керамического комплекса поселения Степное, которую авторы работ определяют как саргаринско-алексеевскую посуду [Зданович и др., 2010, с. 139, 141].

Таким образом, в состав пяти выделенных групп керамики вошло 80% от общего объема выборки. Оставшиеся 20% представляют собой фрагменты сосудов, которые не представляется возможным с высокой долей уверенности отнести к одной из указанных групп в первую очередь в силу малой информативности сохранившихся частей сосудов; а также фрагменты с неоднозначным сочетанием признаков и единичные фрагменты сосудов других культурно-хронологических типов, в частности, один фрагмент верхней части сосуда, которые, вероятно, точнее всего было бы отнести уже не к эпохе бронзы, а к раннему железному веку.

На внутренней поверхности фрагментов семи сосудов поселения Левобережное (Синташта-II) были обнаружены отпечатки ткани, что свидетельствует об их изготовлении на сосуде-основе. Два из них были изучены П.С. Медведевой (ЮУрГГПУ), которая определила, что отпечатавшаяся ткань была соткана по принципу полотняного переплетения, в одном случае – с так называемым репсовым эффектом. Отпечатки ткани с выявленными технологическими параметрами широко распространены на керамических сосудах синташтинской и петровской культур [Медведева, 2017, с. 50].

Технологию изготовления керамики поселения Левобережное (Синташта-II) изучает А.И. Гутков, к настоящему времени им завершена обработка коллекции 2016 г. В результате его исследований было установлено, что для изготовления подавляющего большинства сосудов изучаемого памятника использовалась ожелезненная глина, совсем небольшой процент составило илистое глиноподобное сырье с примесью раковины речных моллюсков и лишь один сосуд был изготовлен из пластичной не-ожелезненной глины. В коллекции зафиксирован 21 рецепт составления формовочных масс сосудов, из которых чаще всего встречаются «глина + дресва + шамот + органика» и «глина + дресва + органика». Установлено, что практически вся керамика поселения обработана заглаживанием, лишь на нескольких сосудах отмечены следы лощения. Полое тело сосудов выполнялось лоскутным налепом, в том числе с использованием многослойного приема; емкостные начинки конструирования полого тела несколько преобладают над донно-емкостными [Гутков, 2017, с. 40–42]. Более подробно результаты технико-технологического анализа керамики, в том числе в контексте выделяемых культурно-хронологических групп посуды, планируется осветить в дальнейшем в специальных публикациях.

Что касается планиграфического и стратиграфического распределения фрагментов керамических сосудов, то по раскопу 2016 г. можно отметить, что на данном участке памятника разновременный материал был почти равномерно «перемешан» в культурном слое. Единственная отмеченная здесь устойчивая закономерность – это залегание на дне котлована жилища 2 исключительно керамики межовского облика, что позволяет датировать данное сооружение, во всяком случае – наиболее поздний этап его существования. При этом в заполнении того же жилища присутствуют фрагменты сосудов синташтинского и петровского типов, что представляет собой типичный случай так называемой *обратной стратиграфии*, возникшей, судя по всему, в результате выборки котлованов более поздних жилищ в раннем культурном слое изучаемого поселения.

Такую же «обратную стратиграфию» мы зафиксировали в северной половине раскопа 2017 г., где наиболее крупные фрагменты керамики синташтинского типа присутствуют в верхней части заполнения котлована жилища 10 и также имеют, судя по всему, переотложенный характер. При этом в нижней части заполнения того же котлована, в основном вдоль западной стены на уровне пола жилища были обнаружены развалы крупных частей девяти сосудов срубного, черкаскульского и межовского облика. Вероятно, именно с этими культурными типами и было связано основное функционирование исследуемой жилищной конструкции.

Материалы дешифровки аэрофотоснимков и исследованные раскопами элементы строительных конструкций поселения, прежде всего – котлованы и ряды столбовых ямок, позволяют уверенно предполагать, что и котлован жилища 1 из раскопа 2016 г., и котлован жилища 10 из раскопа 2017 г. были сооружены еще на раннем, синташтинско-петровском этапе существования поселения, а в дальнейшем переиспользовались более поздним населением, с которым связана керамика срубного, черкаскульского и межовского типов. В ходе этого переиспользования ранние котлованы жилищ, вполне вероятно, были углублены, но их основная форма и архитектурные принципы возведения жилищ каркасно-столбовой конструкции продолжали оставаться практически неизменными.

Судя по распределению в культурном слое фрагментов керамических сосудов, с ранним синташтинско-петровским периодом существования поселения мы можем связывать исследованный раскопом 2017 г. участок внешнего рва, две хозяйственные ямы у западного края жилища 10 и раскопанный колодец. В заполнении всех этих сооружений были обнаружены фрагменты только синташтинской и петровской посуды, при этом раннюю позицию исследованной ямы неясного назначения убедительно подтверждает стратиграфическая ситуация, а вторая яма могла использоваться для деятельности, связанной с технологией металлургического процесса, в ее заполнении найдены многочисленные крупные фрагменты шлаковых лепешек, ошлакованная синташтинская керамика и развал керамического сосуда того же времени. Углубление, оставшееся от внешнего рва поселения, было использовано на позднем этапе его существования для складирования золы из печей, в результате чего ров в южной части памятника был полностью заполнен.

Несмотря на свой многослойный характер, затрудняющий культурно-хронологическую идентификацию ряда исследуемых объектов и обнаруженных артефактов, поселение Левобережное (Синташта-II) представляет большой интерес для изучения хозяйства и быта населения Зауральской степи на протяжении конца III тыс. до н.э. и большей части II тыс. до н.э. Особенно значимым для дальнейших исследований представляется этап существования данного памятника, связанный с наиболее многочисленным в изучаемой части поселения керамическим комплексом черкаскульского облика.

Библиографический список

Виноградов Н.Б., Алаева И.П. Керамическая коллекция из раскопок укрепленного поселения Устье-I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье: кол. монографии / отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск, 2013. С. 143–178.

Гутков А.И. Анализ результатов исследования технологии керамики поселения Левобережное (Синташта-II) по основным ступеням ее производства. Приложение 2 // Петров Ф.Н. Отчет об археологических раскопках поселения Левобережное (Синташта-II) в 2016 г. Челябинск, 2017. С. 42–49 (Архив Института археологии РАН).

Зданович Д.Г., Куприянова Е.В., Хэнкс Б., Малая Н.В., Батанина Н.С. Керамические комплексы укрепленного поселения «Степное», Южное Зауралье (предварительное сообщение) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: мат. конф. Уфа, 2010. С. 139–141.

Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №4 (48). С. 61–74.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Куйсак – укрепленное поселение протогородской цивилизации Южного Зауралья // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. V, кн. 1: Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Челябинск, 1995. С. 100–106.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: опыт типологии // Российская археология. №4. 2004. С. 67–82.

Медведева П.С. Результаты анализа технологических характеристик тканей по их отпечаткам на фрагментах сосудов поселения Левобережное (Синташта-II). Приложение 3 // Петров Ф.Н. Отчет об археологических раскопках поселения Левобережное (Синташта-II) в 2016 г. Челябинск, 2017. С. 50 (Архив Института археологии РАН).

Рудковский И.В. Термины в археологической орнаментации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 9 (99). С. 132–137.

Стоколос В.С. Поселение Кизильское позднего бронзового века на р. Урал (по материалам раскопок 1971, 1980, 1981 гг.) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Сер. 1: Исторические науки. Челябинск, 2004. С. 207–236.

Таиров А.Д., Батанина И.М., Кузнецова О.А. Исследования памятников Страны городов в 1994 г.: отчет. Челябинск, 1995. Т. 1 (Архив Заповедника «Аркаим»).

© 2017, А.С. Пилипенко^{1,2,3}, И.В. Пилипенко¹, Д.В. Папин^{2,4},
С.В. Черданцев^{1,2}, В.И. Молодин^{2,3}, Р.О. Трапезов^{1,2}, М.С. Нестерова²

¹Федеральный исследовательский центр Институт цитологии и генетики СО РАН,

²Институт археологии и этнографии СО РАН,

³Новосибирский государственный университет, Новосибирск;

⁴Алтайский государственный университет, Барнаул

РАЗНООБРАЗИЕ МИТОХОНДРИАЛЬНОЙ ДНК ОВЕЦ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Развитие методов палеогенетики позволяет проводить молекулярно-генетическое исследование разнообразных биологических останков из археологических памятников. Помимо человека, все большее внимание исследователей привлекают останки животных. Получение молекулярно-генетических характеристик диких и одомашнированных животных позволяет существенно расширить спектр информации, получаемой из палеозоологических материалов. Большой интерес представляют палеогенетические исследования останков одомашнированных животных. Их молекулярно-генетический анализ может проводиться как непосредственно в рамках исследования процессов одомашнивания, так и в качестве потенциально информативного (но при этом независимого) маркера миграционных потоков человека (в дополнение к палеогенетическому исследованию останков людей). Кроме того, палеогенетическое изучение домашних животных может дать существенную объективную информацию по проблемам хозяйственной деятельности человека, в частности, специфике скотоводческого уклада носителей тех или иных археологических культур.

В рамках данного исследования нами проведен палеогенетический анализ останков овец из археологических памятников нескольких районов юга Сибири, относящихся к широкому хронологическому периоду – от эпохи ранней бронзы до периода раннего железного века. В качестве основного маркера использована митохондриальная ДНК (мтДНК), позволяющая фиксировать временную динамику генетического состава животных. Основу исследованных материалов составили образцы из археологических памятников Барабинской лесостепи. Для этого региона исследованы серии образцов мтДНК овец, относящихся к доандроновской бронзе (одиновская и кротовская культуры), андроновскому времени (позднекротовская (черноозерская) и андроновская (федоровская) культуры), периоду поздней бронзы (ирменская, восточный вариант пахомовской культуры), переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку (материалы городища Чича-1). Дополнительно были исследованы серии образцов мтДНК овец из памятников саргаринско-алексеевской культуры эпохи поздней бронзы Кулундинской степи и тагарской культуры раннего железного века.

В данный момент исследование находится в активной фазе реализации. Из сформированной нами общей выборки овец численностью более 250 особей уже получены образцы суммарной ДНК от более 100 особей (следует иметь в виду, что если палеозоологический анализ костей животных не всегда позволяет определить принадлежность костей овце или козе, то генетические анализы говорят об этом определенно). Для более 70 особей получены данные по структуре мтДНК и определено филогенетическое положение выявленных структурных вариантов. Представленные ниже выводы носят предварительный характер и будут верифицированы по мере увеличения численности исследованной серии образцов мтДНК овец.

Важным вопросом при проведении серийного палеогенетического анализа одомашнированных животных (в данном случае – овец) является выбор адекватного материала для исследования. Результаты наших работ свидетельствуют, что наиболее подходящий материал для выделения суммарной ДНК овец – длинные кости конечностей, содержащие значительный слой компактного костного вещества (такие как бедренная и большая берцовая) и зубы. Что касается типов археологических комплексов, из которых получен материал для исследования, то предпочтительными здесь являются закрытые по-

гребальные комплексы. Это связано, во-первых, с возможностью уверенной ассоциации останков животного с конкретной этнокультурной группой, которой принадлежит погребальный комплекс. В то же время для многих поселенческих комплексов, особенно содержащих культурные слои нескольких хронологических горизонтов (что довольно часто наблюдается на поселениях эпохи бронзы юга Сибири), существует проблема корректной ассоциации обнаруженных останков животных с конкретной этнокультурной группой. Еще одним важным фактором является относительно высокая сохранность ДНК в костных останках овец из погребальных комплексов, по сравнению с аналогичными материалами из поселений. По-видимому, это различие связано с более интенсивными воздействиями на останки животных из культурных слоев поселений таких факторов, как термическая обработка и нарушение макроскопической целостности костей, что отрицательно влияет на сохранность в них ДНК. Нами также проведена оценка пригодности для проведения палеогенетического анализа такого часто встречаемого в погребальных комплексах скелетного материала овец, как альчики и изделия из них. В результате по полученным данным альчики, демонстрирующие высокую макроскопическую сохранность, становятся хорошим источником для получения образцов суммарной ДНК овец.

В суммарной выборке (более 70 образцов) нами были обнаружены четыре из пяти основных филогенетических кластеров (гаплогрупп) мтДНК овец – А, В, С, D (не была выявлена только очень редкая и специфично распространенная гаплогруппа Е, что, впрочем, было ожидаемо). Помимо этого, среди костных фрагментов, первоначально взятых в анализ и отнесенных по данным морфологического анализа к овце, в пяти случаях была установлена принадлежность останков другим видам животных, включая дикие виды мелких копытных (по этим образцам проводится дополнительный филогенетический анализ).

Доминирующее положение по частоте занимают варианты А и В гаплогрупп. Гаплогруппа А в настоящее время наиболее характерна для овец восточной части Евразии, а гаплогруппа В доминирует у овец западной части Евразии. Гаплогруппа С в исследуемой нами выборке представлена с существенно более низкой частотой, а гаплогруппа D – единичными образцами. Следует отметить, что выявленные нами варианты гаплогруппы D представляют большой интерес, так как эта группа очень редкая и для нее накоплено незначительное количество данных даже по современным материалам. В связи с этим мы предполагаем выполнить углубленный анализ структуры обнаруженных вариантов гаплогруппы D, вплоть до реконструкции полных митохондриальных геномов с использованием высокопроизводительных методов секвенирования.

Анализ распределения вариантов по хронологическим группам (который мы на данный момент можем выполнить для населения одного региона – Барабинской лесостепи) позволил выявить ряд закономерностей в составе генофонда мтДНК овец и его динамику во времени. Установлено присутствие в генофонде овец доандроновского времени вариантов гаплогрупп А и В. Полученные результаты свидетельствуют о доминировании в генофонде овец из памятников доандроновской бронзы (одиновская, кротовская культуры) гаплогруппы А, наиболее характерной для восточной части Евразии.

В период миграции андроновского (федоровского) населения на юг Сибири (овцы из материалов позднекротовских (черноозерских) и андроновских (федоровских) памятников Барабы) происходит увеличение разнообразия гаплогрупп мтДНК в генофонде овец. Увеличивается частота гаплогруппы В (становится доминирующей в генофонде), появляются линии гаплогрупп С и D. Напомним, что гаплогруппа В доминирует у овец западной части Евразии. Таким образом, подтверждается западное, относительно юга Сибири, происхождение скота (как и мигрирующих популяций человека). Гаплогруппа С для данного региона может маркировать появление овец из более южных районов относительно лесостепного пояса Западной Сибири.

Картина высокой представленности В и А гаплогрупп сохраняется и в последующие периоды поздней бронзы, при этом представленность других кластеров, по-видимому, снова снижается.

Результаты анализа мтДНК овец из материалов городища Чича-1 в Барабинской лесостепи свидетельствуют о новых изменениях в структуре генофонда мтДНК овец: происходит увеличение частоты вариантов редкой до этого периода гаплогруппы С. Филогеографический анализ указывает на их возможное проникновение из более южных районов – Средней Азии. Ранее на основании анализа археологических материалов городища высказывались предположения о существенном влиянии на его формирование мигрантов с территории Казахстана [Молодин и др., 2009]. Полученные данные по мтДНК овец независимо подтверждают выводы, сделанные нами ранее по результатам анализа генофонда мтДНК популяции человека из городища Чича-1 [Пилипенко и др., 2008, 2009], свидетельствующие

о притоке в регион групп населения, генетически контрастных по отношению ко всем предшествующим популяциям Барабы эпохи бронзы. Наиболее вероятными источниками этих групп мы называли южные районы Казахстана и Среднюю Азию.

Таким образом, полученные нами предварительные результаты по структуре генофонда мтДНК овец из археологических памятников юга Сибири эпохи бронзы свидетельствуют об эффективности использования этого подхода в качестве независимого источника данных о миграционных волнах популяций человека. Дальнейшее углубленное изучение позволяет предполагать заманчивые перспективы не только в области реконструкции историко-культурных процессов в регионе, но и изучения самих животных, а также важнейшей проблемы их доместикиции.

Библиографический список

Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Культурная принадлежность городища Чича-1 по данным статистико-планиграфического изучения керамических комплексов на разных участках памятника // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 44–50.

Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Молодин В.И., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Поздняков Д.В., Новикова О.И. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича-1 Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №2. С. 57–67.

Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Молодин В.И., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Поздняков Д.В., Новикова О.И. Особенности структуры генофонда митохондриальной ДНК населения городища Чича-1 (IX–VII вв. до н.э.) в Барабинской лесостепи // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 108–127.

© 2017, А.С. Пилипенко^{1,2,3}, С.В. Черданцев^{1,2}, Н.В. Полосьмак², В.И. Молодин^{2,3}, Р.О. Трапезов^{1,2}, М.А. Балабанова⁴, А.А. Журавлев^{1,2}, Д.В. Поздняков²

¹Федеральный исследовательский центр Институт цитологии и генетики СО РАН;

²Институт археологии и этнографии СО РАН,

³Новосибирский государственный университет, Новосибирск;

⁴Волгоградский государственный университет, Волгоград

К РЕКОНСТРУКЦИИ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУР ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ ЕВРАЗИИ (скифское и гунно-сарматское время)

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-50-00036)

С первой половины I тысячелетия до н.э. на обширных пространствах евразийского степного пояса происходит формирование многочисленных групп так называемых ранних кочевников. Эти группы доминировали на территории обширного евразийского степного пояса и в сопредельных регионах на протяжении скифского и гунно-сарматского времени, а их потомки оказали существенное влияние на этнокультурные и демографические процессы в последующие периоды, вплоть до формирования генетического состава современного коренного населения многих регионов Евразии. Южная Сибирь и прилегающие территории Центральной Азии являлись одним из важных центров становления и развития ранних кочевников. На протяжении ряда лет наш коллектив осуществляет масштабную программу исследования структуры генофонда популяций скифского и гунно-сарматского времени из различных районов Южной Сибири, а также из других районов евразийского степного пояса: от хунну Забайкалья на востоке до сарматов Нижнего Поволжья на западе. Программа объединяет ряд исследований, осуществляемых авторами как самостоятельно, так и в партнерстве с отечественными и зарубежными коллегами. Среди исследованных нами популяций скифского и гунно-сарматского времени наиболее репрезентативные материалы получены для пазырыкской культуры Горного Алтая, тагарской и таштыкской культур Минусинской котловины, саргатской культуры Барабинской лесостепи, хунну Забайкалья. Происходит накопление генетических данных о многих других популяциях рассматриваемых периодов. Суммарная численность представителей культур ранних кочевников скифского

и гунно-сарматского времени, охваченных палеогенетическими исследованиями в рамках программы, в настоящее время превысила 1000 индивидов и продолжает увеличиваться. Генетическая структура популяций оценивается нами по составу генофонда митохондриальной ДНК (мтДНК) и Y-хромосомы, которые отражают генетическую историю женской и мужской частей популяций, соответственно. Помимо генетических результатов, полученных нами самостоятельно или в рамках партнерских проектов с коллегами, в качестве сравнительного материала мы также использовали и опубликованные данные о генетическом составе населения скифского и гунно-сарматского времени из западных районов евразийского степного пояса. В данной статье тезисно изложены лишь некоторые из полученных нами результатов в рамках нескольких сюжетов.

Одно из исследований в рамках программы осуществлено при нашем участии совместно с коллегами-палеогенетиками из лаборатории палеогенетики Института антропологии Университета И. Гуттенберга (Майнц, Германия) под руководством профессора Й. Бургера [Unterlander et al., 2017]. Основной идеей исследования был сравнительный анализ генетического состава населения скифского времени из географически удаленных друг от друга частей евразийского степного пояса, своего рода географических «полосов скифского мира» – Северного Причерноморья на западе и скифо-сибирских популяций юга Сибири (Горный Алтай, Тува). Цель данного сравнительного анализа – определение сценариев происхождения носителей западных и восточных культур скифского мира и оценка наличия их генетических контактов в скифскую эпоху. Структуру генофонда популяций оценивали по составу структурных вариантов мтДНК (более 90 образцов мтДНК было исследовано непосредственно в рамках проекта, совместно с ранее опубликованными данными была получена суммарная серия, составляющая около 150 образцов мтДНК от представителей культур скифского мира), а также путем получения полногеномных данных (двумя различными способами) от единичных представителей западных и восточных групп ранних кочевников (8 индивидов).

Полученные результаты показали значительное сходство в структуре генофондов мтДНК западных и восточных популяций скифского мира. Основные общие компоненты в генофондах рассматриваемых популяций имеют западноевразийское происхождение. В то же время наблюдается значительный градиент вклада компонентов восточноевразийского происхождения в генофонд мтДНК: от половины восточноевразийских компонентов в генофонде скифо-сибирских групп до менее 10% восточноевразийских линий в генофонде популяций Северного Причерноморья.

Анализ данных по генофонду мтДНК и ядерным геномам отдельных представителей рассматриваемых популяций свидетельствует в пользу мультирегионального сценария формирования западных и восточных популяций носителей культур скифского круга, при котором локальные группы населения Южной Сибири скифского времени сформировались независимо от синхронных групп ранних кочевников из западных районов степного пояса Евразии. В состав их генофонда вошли компоненты как западноевразийского, так и восточноевразийского происхождения. Западноевразийские компоненты, обеспечившие, главным образом, генетическое сходство между населением западной и восточной периферии скифского мира, по-видимому, были привнесены на территорию Южной Сибири с миграционными волнами из западной части Евразии в эпоху бронзы. Полученные генетические данные свидетельствуют, что непосредственно на протяжении скифской эпохи между населением удаленных районов евразийского степного пояса существовали интенсивные генетические потоки. При этом доминировало распространение генетического материала с востока на запад, что привело к наблюдаемому нами градиенту частот вариантов восточноевразийского происхождения в генофондах мтДНК, уменьшающихся с востока на запад.

Среди современных коренных популяций различных районов Евразии наибольшее сходство с населением Южной Сибири скифского времени по структуре генофонда мтДНК демонстрируют некоторые тюркоязычные группы. Однако это сходство, на наш взгляд, объясняется не непосредственными генетическими связями современных тюркоязычных популяций со скифо-сибирскими группами, а схожими механизмами формирования структуры генофонда, в которых принимали равное участие компоненты западноевразийского и восточноевразийского происхождения.

За пределами охарактеризованного выше исследования нами выполнен анализ структуры генофонда мтДНК носителей тагарской культуры Минусинской котловины. Являясь одной из наиболее широко изученных с точки зрения археологии культур Сибири скифского круга, тагарская культура остается сравнительно мало исследованной в отношении генетического состава населения. Немногочисленные образцы мтДНК были опубликованы в двух работах [Keyser et al., 2009; Unterlander et al., 2017]. Мы исследовали серию из 79 образцов мтДНК, в которую были включены представители основ-

ных хронологических этапов тагарской культуры: раннего (в основном, подгорновский этап), среднего (сарагашенский этап) и позднего (тесинский этап). При этом количественно в выборке доминировали представители раннего и среднего этапов. Выборка была сформирована из материалов раскопок М.П. Грязнова, находящихся в составе антропологической коллекции ИАЭТ СО РАН (Новосибирск).

Полученные нами результаты выводят тагарскую популяцию в ряд наиболее исследованных с точки зрения генофонда мтДНК древних групп Центральной Евразии, наряду с пазырыкской культурой Горного Алтая и хунну Монголии и Забайкалья. Генофонд мтДНК тагарской популяции характеризуется очень высоким разнообразием гаплогрупп, как западноевразийского, так и восточноевразийского происхождения, что в целом характерно для населения юга Сибири рассматриваемого периода. Сравнительный анализ с древними популяциями эпохи бронзы выявил некоторое (но не близкое) сходство в структуре генофонда мтДНК тагарской популяции и носителей андроновской (федоровской) культуры Минусинской котловины. При сравнении с приблизительно синхронными группами ранних кочевников евразийского степного пояса установлено значительное сходство структуры генофонда мтДНК тагарской популяции с другими представителями скифского мира – скифами Северного Причерноморья и скифо-сибирскими популяциями (пазырыкская культура Горного Алтая и алды-бельская культура Тувы). При этом наибольшее сходство суммарная тагарская серия демонстрирует именно со скифами Причерноморья. Этот генетический результат коррелирует с полученными ранее данными физической антропологии, согласно которым тагарское население Минусинской котловины по краниометрическим признакам кластеризуется с локально-территориальными группами причерноморских степных районов (см., например: [Чикишева, 2012, с. 170–171]).

При разделении суммарной тагарской выборки по хронологическим этапам установлено, что ранняя группа (подгорновский этап) наиболее близка скифам Причерноморья. Население среднего этапа (сарагашенский этап) по структуре генофонда сближается с населением сопредельных районов Южной Сибири – пазырыкской и альды-бельской популяций. Хотя исследованная нами серия позднего этапа тагарской культуры (тесинский этап) характеризуется низкой численностью, можно констатировать, что мы не наблюдаем появления в генофонде новых элементов восточноевразийского происхождения, которые могли бы быть связаны с предположительно начавшимся на данном этапе влиянием восточных групп кочевников (хунну или родственных им групп) на тагарское население Минусинской котловины. В целом следует констатировать высокий уровень преемственности в структуре генофонда мтДНК между хронологическими этапами тагарской культуры.

В рамках исследования популяционно-генетических процессов, протекавших в евразийском степном поясе в гунно-сарматское время, нами выполнено исследование генофонда мтДНК хунну Забайкалья. Материалы для исследования были получены из антропологических коллекций Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ). В качестве сравнительного материала при анализе результатов по структуре генофонда хунну Забайкалья (18 образцов мтДНК) мы использовали данные по разнообразию мтДНК хунну Монголии [Keyser-Tracqui et al., 2003; 2006].

Хунну Забайкалья демонстрируют принципиально отличающуюся структуру генофонда мтДНК по сравнению с рассмотренными выше носителями культур скифского круга с территории юга Сибири. В частности, для генофонда хунну характерно резкое доминирование восточноевразийских вариантов, многие из которых предположительно имеют центральноазиатское происхождение. Сравнительный анализ генофонда хунну Забайкалья и Монголии показал, что при общем сходстве структуры генофонда эти группы демонстрируют особенности генетического состава, что обуславливает актуальность продолжения исследования локально-территориальных групп хунну.

По структуре генофонда мтДНК хунну Забайкалья и Монголии демонстрируют сходство с группами современного монголоязычного населения рассматриваемых регионов. Следовательно, за прошедшие со времени существования хунну почти два тысячелетия население этого региона, служившего источником многочисленных миграционных импульсов в западные районы евразийского пояса степей, не подвергалось существенному генетическому влиянию со стороны популяций, имеющих контрастную структуру генофонда мтДНК.

Для изучения процессов распространения генетического влияния хунну за пределы их основного ареала в западном направлении нами осуществлялся анализ структуры генофонда целого ряда групп, материальная культура которых свидетельствует о культурном влиянии хунну. В их число входят как население гунно-сарматского времени южных районов Сибири, непосредственно прилегающих к основному ареалу хунну, такие как население гуннского времени Тувы, таштыкское население Минусин-

ской котловины и булан-кобинское население Горного Алтая, так и территориально удаленные группы, такие как сарматы Нижнего Поволжья и носители джетыясарской культуры Приаралья.

Таким образом, реализуемой нами исследовательской программой на данный момент охвачены многие ключевые антропологические серии, отражающие наиболее значимые популяционно-генетические события, протекавшие в скифское и гунно-сарматское время на территории восточной и центральной части пояса степей Евразии.

Библиографический список

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. Новосибирск, 2012. 468 с.

Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nikolaev V.G., Montagnon D., Reis T., Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people. *Human Genetics*. 2009. V. 126. P. 395–410.

Keyser-Tracqui C., Crubezy E., Ludes B. Nuclear and mitochondrial DNA analysis of a 2000-year-old necropolis in the Egyin Gol valley of Mongolia. *American Journal of Human Genetics*. 2003. V. 73. P. 247–260.

Keyser-Tracqui C., Crubezy E., Pamzav H., Varga T., Ludes B. Population origins in Mongolia: genetic structure analysis of ancient and modern DNA. *American Journal of Physical Anthropology*. 2006. V. 131. P. 272–281.

Pilipenko A.S., Cherdantsev S.V., Trapezov R.O., Zhuravlev A.A., Babenko V.N., Pozdnyakov D.V., Konovalov P.B., Polosmak N.V. Mitochondrial DNA Diversity in a Transbaikalian Xiongnu Population. *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2017.

Unterländer M., Palstra F., Lazaridis I., Pilipenko A., Hofmanová Z., Groß M., Sell C., Blöcher J., Kirsanow K., Rohland N., Rieger B., Kaiser E., Schier W., Pozdniakov D., Khokhlov A., Georges M., Wilde S., Powell A., Heyer E., Currat M., Reich D., Samashev Z., Parzinger H., Molodin V. Ancestry, demography, and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe. *Nature Communications*. 2017.

© 2017, А.В. Поляков

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КУРГАНОВ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В основе кургана окуневской культуры лежит квадратная ограда из каменных блоков или вертикально вкопанных плит песчаника. Все погребения совершались только внутри нее, не выходя за пределы этого сакрального пространства. На первый взгляд, схема размещения могил в ограде кажется хаотичной. Однако Е.Д. Паульсом, а затем И.П. Лазаретовым [1997, с. 38] была высказана гипотеза об упорядоченности размещения захоронений. Согласно современным данным радиоуглеродного анализа, период бытования окуневской культуры оценивается примерно в 800 лет – 25–18 вв. до н.э. [Поляков, Святко, 2009, с. 27–29, рис. 4]. За это время традиция размещения могил претерпела серьезные изменения. Ее детальное изучение позволяет говорить о существовании нескольких устойчивых вариантов локализации и ориентации захоронений, которые можно объединить в единую схему (рис.).

Начальный этап развития традиции подразумевал наличие только одного погребения, расположенного в центре ограды и ориентированного по линии ЮЗ–СВ (вариант 1). Обычно оно оформлялось в виде обширной грунтовой ямы или ямы с заплечиками. Над ним возводилось крупное подквадратное надмогильное сооружение из камня, занимающее значительную часть площади ограды (Уйбат-III, курган №1). Погребение могло быть ярусным – внизу привилегированное персональное захоронение, а на его перекрытии коллективный склеп. Сразу по окончании функционирования сооружения ограда перекрывалась курганной насыпью, в которую позднее могли впускаться дополнительные погребения.

На следующем этапе развития дополнительные могилы стали устраивать еще до момента сооружения единой насыпи. Возможны два варианта размещения могил: осевой (вариант 2а) и цепочками (вариант 2б). В первом случае количество дополнительных могил невелико. Чаще всего они располагаются к северо-западу и юго-востоку от основного погребения, вплотную к его надмогильному сооружению, и образуют с ним единую линию (Уйбат-Тибик, курган №1; Красный Камень, курган №1). Известны отдельные случаи размещения могил на площади кургана без жесткой привязки к центральному надмогильному сооружению. Все они будут ориентированы по линии ЮЗ–СВ. Если могила нахо-

дится к юго-западу от центрального погребения, то она может сохранять традиционную ориентировку ЮЗ–СВ, а может быть развернута на 90 градусов (вариант 2а).

Второй вариант отличается большим количеством могил (вариант 2б). По этой схеме захоронения размещались двумя цепочками, начинающимися от дополнительных погребений, расположенных к северо-западу и юго-востоку от надмогильного сооружения (Уйбат-Чарков, курган №1). Каждое следующее погребение располагалось «ногами» к «голове» предыдущего, плавно огибая надмогильное сооружение. Таким образом, формировались цепочки, которые можно условно назвать «северная» и «южная». В том случае, если они встречались к юго-западу от центральной могилы, то «южная» всегда проходила ближе к надмогильному сооружению, а «северная» располагалась ближе к огаде. В соответствии с разворотом могил менялась и ориентировка погребенных. У погребенных, захороненных к юго-западу от основной могилы, могла быть ориентировка на северо-запад или юго-восток, в зависимости принадлежности их к определенной цепочке. Есть отдельные случаи, когда длинная цепочка могил, пройдя по юго-западной части огады и описав полукруг, поворачивает на северо-восток. Тогда и ориентировки в последних ее могилах оказываются соответствующими.

Дальнейшее развитие традиции происходит в начале черновского этапа культуры (вариант 3). Центральное надмогильное сооружение уменьшается в размерах, а местами становится неотличимо от перекрытий остальных могил. По осевой линии кургана СЗ–ЮВ теперь располагается ряд равноправных захоронений. При этом в рудиментарном виде сохраняется идея цепочек, которые хоть и теряют свой основной ориентир – край центрального надмогильного сооружения, но все еще строятся по традиционной схеме (Черновая-VIII, курган №8; Итколь-II, курган №21).

Наконец, финал черновского этапа окуневской культуры характеризуется полным отказом от идеи цепочек и переходом к расположению могил в пределах огады несколькими параллельными рядами (вариант 4). Все могилы теперь развернуты по линии ЮЗ–СВ, а понятие центрального погребения отсутствует (Уйбат-V, курган №4; Верхний Аскиз, курган №1).

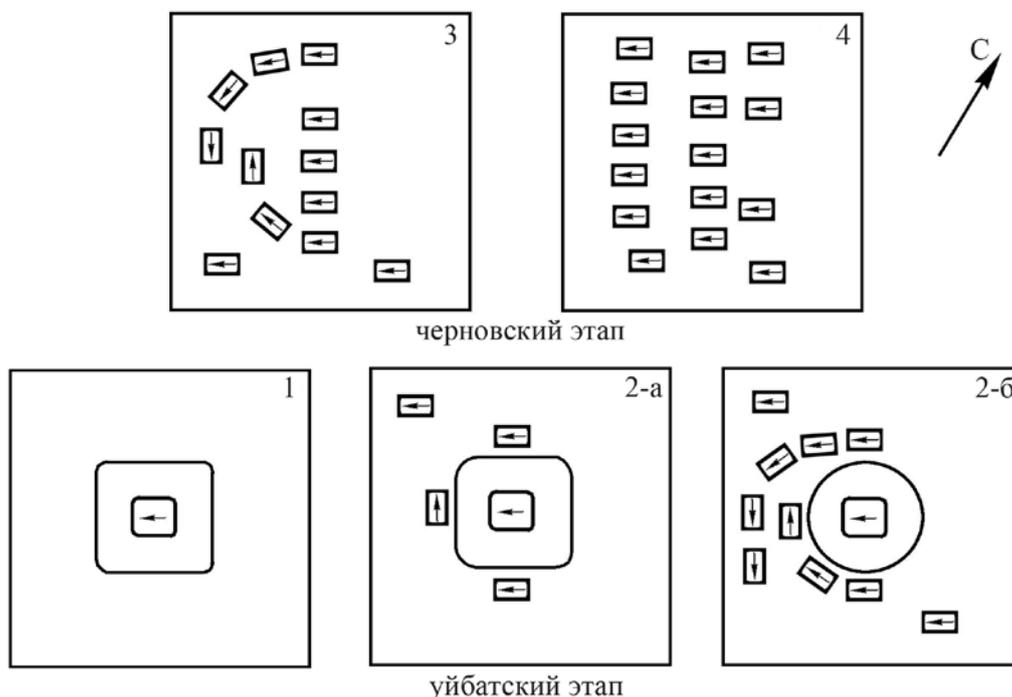

Схема развития размещения могил на площади кургана окуневской культуры

Таким образом, развитие традиции размещения могил находится в русле изменения восприятия кургана в целом: от понимания его как элитарного персонального сооружения, к коллективному и полностью равноправному кладбищу. Предложенная концепция во многом является схематичной и передает только суть происходящих изменений.

Необходимо отметить, что практически во всех случаях северо-восточная часть огады остается не заполненной могилами. Вероятно, это связано с тем, что именно с этой стороны за огадой располагается ритуально-поминальная площадка и дополнительные могилы не должны были «разрывать» ее связь с центральным захоронением [Поляков, 2014, с. 480].

Библиографический список

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 19–64.

Поляков А.В. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. I. С. 478–481.

Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 20–56.

© 2017, А.В. Поляков¹, Ю.Н. Есин²

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург;

²Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан

КУРИЛЬНИЦА С АНТРОПОМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ИЗ РАННЕОКУНЕВСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ИТКОЛЬ-II

Работа выполнена при финансовой поддержке РГО
(проект №26/2016-И «Тайны древних художников Сибири»)

В 2016–2017 гг. Саянской экспедицией ИИМК РАН проведены раскопки кургана №12 могильника Итколь-II на территории Ширинского района Республики Хакасия. Судя по размерам (28×28 м) и особенностям конструкции, он относится к числу элитарных погребальных сооружений раннего (уйбатского) этапа окуневской культуры и уступает по величине лишь кургану Тас-Хазая.

Могила 3 была впущена в центральную часть уже существующей насыпи кургана к западу от основной оси. Ее край слегка перекрывает центральное погребение. Конструктивно могила представляет собой овальную яму с заплечиками, ориентированную по оси ЮЗ–СВ с небольшим отклонением к западу. На уровне заплечиков устроено продольное деревянное перекрытие, сохранившееся фрагментарно. Верхняя часть ямы была заполнена крупными плитами. Длина ямы по дну – 1,75 м, ширина «в головах» – 0,8 м, «в ногах» – 0,6 м, глубина от заплечиков – 0,8 м.

В могиле – два погребения, совершенные с небольшим хронологическим разрывом (рис. 1). Первоначально здесь была захоронена женщина 35–45 лет, находившаяся на поздней стадии беременности. На костях таза сохранились косточки плода. Она была уложена в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Ноги не были согнуты в коленях, как предписывает окуневская традиция, вероятно, в связи с беременностью. Погребение сопровождали разнообразные артефакты: «У»-образный предмет из рога козули, костяной игольник с двумя миниатюрными иглами с ушком, серия подвесок из клыков животных. В восточном углу располагались окрашенный красной краской плоскодонный сосуд и ритуальная чаша на поддоне – «курильница» (рис. 2). Внутри сосуда находились две тонкие полированные костяные пластины из ребра животного. С одной стороны они были заострены. Еще две аналогичные пластины значительно большего размера находились в северо-восточной части могилы. Под курильницей найдены медные скобки, а рядом – нож с треугольным лезвием и черешковым насадом.

Несколько позднее в могиле было совершено погребение ребенка 7 лет. Он был положен на правом боку, поверх левых руки и ноги женщины, головой на юго-запад. При этом первоначальное погребение было частично потревожено: у женщины сломаны правое предплечье и левое бедро, сосуд и курильница опрокинуты и раздавлены. Погребение ребенка сопровождал бронзовый игольник, на основании чего можно предположить, что захоронена девочка. Ее одежда была расшита многочисленными подвесками из зубов различных животных (олень, медведь, волк и др.), бисером и каменными бусами. Также были обнаружены два костяных кольца с насечками и пронизка из позвонка рыбы.

Могила 3, как и весь курган, может быть уверенно датирована ранним, уйбатским этапом окуневской культуры. На это указывают ее конструкция в виде ямы с заплечиками, характерный сосуд, а также нож с черешковым насадом и костяные колечки с насечками по краю [Лазаретов, 1997]. Подтверждает данную точку зрения радиоуглеродная дата, полученная по остаткам деревянного перекрытия: Ле-11434 – 3940±50. После калибровки (OxCal 4.2.4 на основании кривой IntCal 13) эта могила с вероятностью

95,4% может быть отнесена к 2573–2291 гг. до н.э., что хорошо сочетается с современными данными о хронологии раннего этапа окуневской культуры [Поляков, Святко, 2009, с. 27–29, рис. 4].

Одной из наиболее интересных находок оказалась курильница. Она была повреждена при захоронении ребенка и сохранилась частично, тем не менее может быть почти полностью реконструирована (рис. 3). Ее высота – около 10,4 см, диаметр чаши – около 16 см, поддона – 10,7 см, цвет поверхности – красновато-коричневый. В одной из стенок чаши имелись два сквозных отверстия (диаметром не менее 3 мм). Этот участок обособлен от остальной емкости изогнутой перегородкой. На внешней стороне чаши, противоположной отсеку с отверстиями, прочерчен рисунок антропоморфного лика. Показан контур лица, разделенный горизонтальной линией на два яруса, два глаза и рот. С внешней стороны контура имеются рельефные рога быка (каждый рог изображен двумя линиями по контуру). В такой же технике между рогов изображен вертикальный стержень. На концах рогов имеется по одной «подвеске» в виде вертикальной линии с овальной ямкой возле кончика. По бокам лика в стороны и вверх отходят по четыре линии с овальными ямками возле концов. Слева и справа от этого лика прочерчено еще два подобных образа. У них тоже двухъярусная внутренняя структура, по два глаза и по четыре линии по бокам с ямками возле концов, но изображения сверху контура различны: у одного образа имеются рога быка с подвесками и пять вертикальных линий между ними, у другого – семь вертикальных линий, а рога отсутствуют. По верхнему срезу стенок чаши радиально нанесены овальные вдавления, аналогичные вдавлениям у кончиков линий-лучей ликов. С внешней стороны поддона прочерчено 36 вертикальных линий.

Изображения на курильнице заслуживают специального анализа сразу в нескольких аспектах. Они касаются стиля, хронологии, правил организации композиции, сопоставления с материалами наскального искусства Минусинской котловины для идентификации образов, прагматики изображений, инокультурных аналогий.

Стиль и хронология. Все лики на сосуде объединяют такие признаки, как одна горизонтальная линия между глазами и ртом, наличие только двух глаз, линии-лучи с обособленными ямками возле концов или без таковых. Характерно также использование линий с ямками в качестве подвесок на кончиках бычьих рогов. Набор таких признаков обнаруживает серию параллелей среди изображений на каменных стелах и скалах Минусинской котловины. В частности, стиль изображения ликов на сосуде находит ближайšie аналоги на стелах и плитах раннеокуневского времени из курганов Тас-Хазаа (рис. 4.-3), Большое кольцо (рис. 4.-4), на ряде каменных стел из различных частей Минусинской котловины (рис. 4.-2) [Есин, 2008, табл. I]. Близкий лик с подвесками на концах рогов быка нарисован краской на Шалаболинской писанице (рис. 4.-5). Благодаря находке в датированном погребении могильника Итколь-II возраст этой стилистической группы теперь становится более ясен – около 25–23 вв. до н.э. Отнесение погребения и всего инвентаря к раннеокуневскому этапу снимает высказывавшуюся некоторыми исследователями гипотезу о принадлежности подобных изображений к афанасьевской культуре.

Композиция. Изображения на курильнице представляют собой созданную по единому замыслу композицию. Композиции довольно редки на окуневских стелах и среди наскальных рисунков. Обычно изображался лишь один образ, к которому обращались в ходе обряда. Важно разобраться, какое место в композиции занимает каждый лик, каковы правила ее построения. Поскольку изображения нанесены на сосуде, их размещение тесно связано с его конструкцией и способом использования. Важный элемент конструкции чаши – отсек с двумя отверстиями в стенке. Через отверстия пропускался ремешок или веревочка, с помощью чего можно было подвесить сосуд, привязать его к стеле и т.п. Помимо этого, отсек мог служить ручкой [Есин, 2010, с. 63]. С учетом такого способа использования сосуда, та его часть, которая противоположна отсеку с отверстиями в стенке, – это его лицевая часть. Значит, нарисованный на этой части сосуда лик с рогами и наименьшим количеством лучей – это центральный образ трехчастной композиции с асимметричными боковыми образами. Опыт изучения подобных композиций в искусстве эпохи бронзы Саяно-Алтая свидетельствует, что они строятся на противопоставлении признаков боковых образов, а центральный выполняет связующую роль [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 34].

Идентификация образов. Композиция на курильнице объединяет три образа, обладающих как общими признаками, так и отличными. Все они имеют лучи, но при этом являются разными персонажами. Крайний левый лик, у которого нет рогов быка, можно назвать классическим «солнцеголовым» божеством окуневского искусства. Он сопоставим с изображениями на многих стелах окуневской культуры [Есин, 2008, табл. I.-2–9, 12].

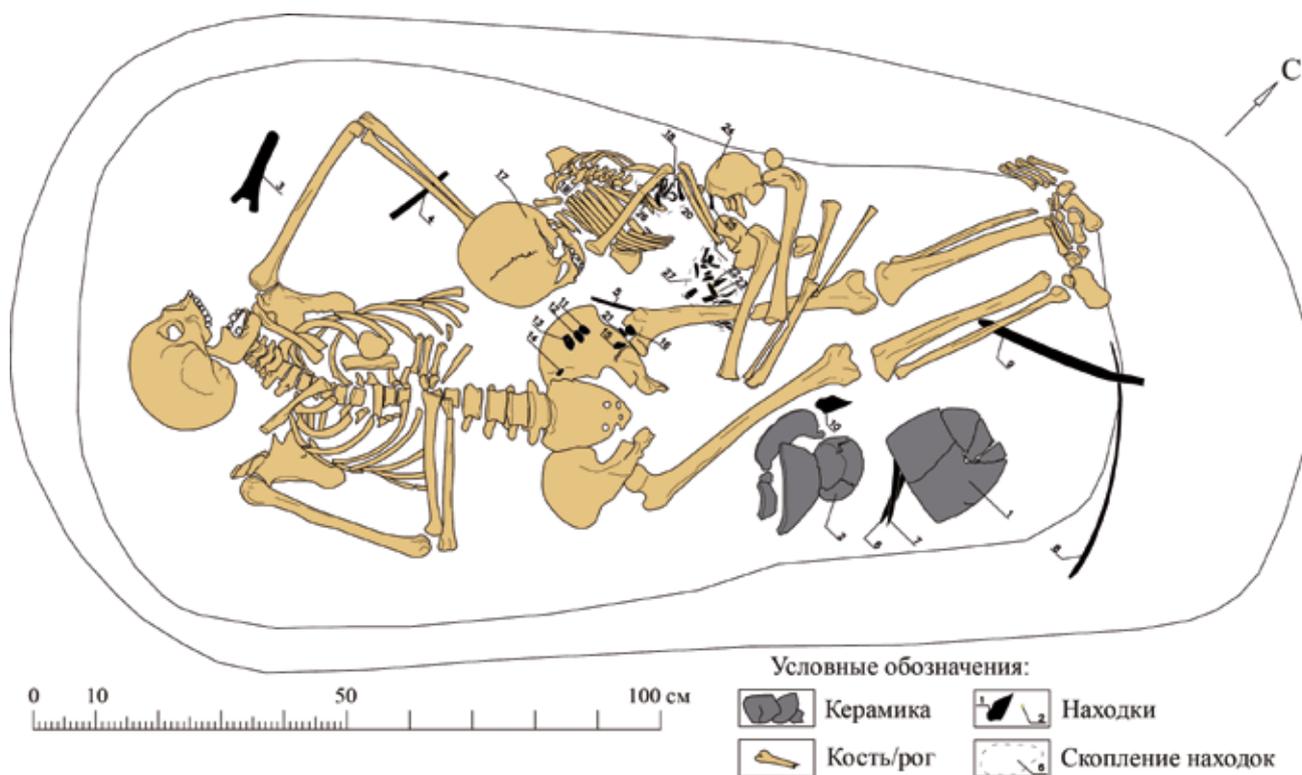

Рис. 1. Итколь-II, курган №12, план могилы 3

Рис. 2. Фото курильницы *in situ*

Идентификация двух других ликов, сочетающих лучи с рогами быка, более сложна. Подобных изображений в окуневском наскальном искусстве немного (рис. 4). Среди них специально отметим изображение на фрагменте стелы из заполнения могилы 10 того же кургана, где найдена курильница (рис. 4.-1). При этом следует учесть, что одинаковое количество лучей по бокам контура головы имеется у всех трех образов курильницы, т.е. в данной композиции они не являются признаком, выделяющим тот или иной персонаж. Видимо, это лишь способ показать лучезарность всех персонажей.

В качестве наиболее близкого и полно сохранившегося аналога центральному лику курильницы пока можно привести лишь одно наскальное изображение – с Шалаболинской писаницы (рис. 4.-5). Но

оно само довольно своеобразно и недостаточно для идентификации образа. Важной частью лика на курильнице является какой-то вертикальный стержень или столб, показанный между рогов. Изображение столба, иногда очень детального, в наголовье – лика с рогами быка типично для ряда столбообразных стел окуневской культуры [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, №36, 86, 110, 111, 288 и др.; Есин, 2010, рис. 7.-4]. Этот лик всегда является центром композиции на узкой грани таких стел. Не исключено, что на курильнице мы имеем стилистически ранний вариант изображения этого образа.

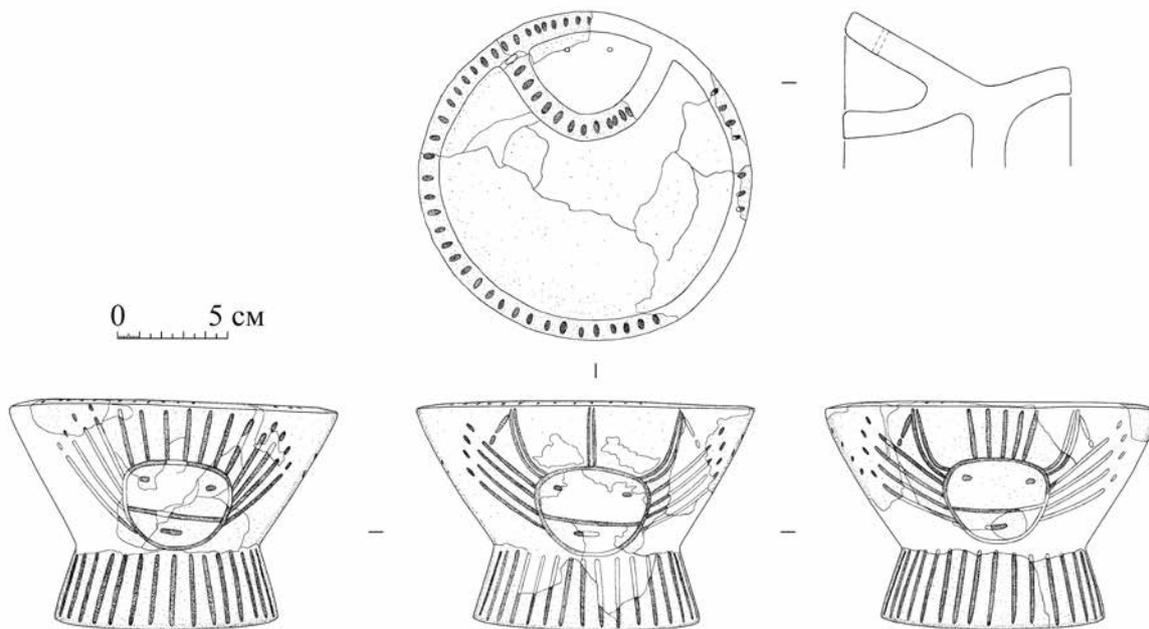

Рис. 3. Реконструкция курильницы

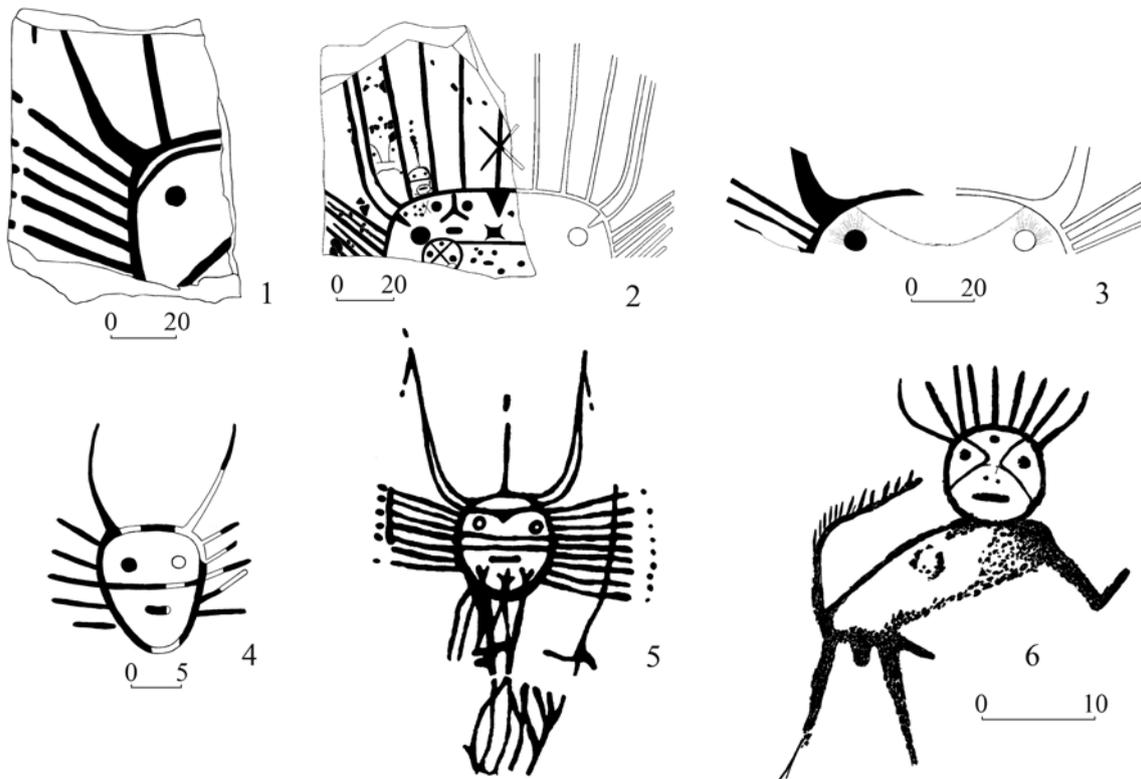

Рис. 4. Антропоморфные изображения с большим числом лучей на голове и рогами быка в окуневском искусстве Минусинской котловины: 1 – Итколь-II, курган №12, могила 10; 2 – Ширинский район Хакасии; 3 – Тас-Хазаа; 4 – Большое кольцо, могила 3-К; 5 – Шалаболинская писаница [Пяткин, Мартынов, 1985, табл. 39.-4]; 6 – Пора-тигей

У второго персонажа с рогами на голове прочерчено пять лучей. В рамках композиции важно, что этих лучей меньше, чем у «солнцеголового» персонажа в левой части композиции. Выстроенную по горизонтали трехчастную композицию на курильнице можно сравнить с представлениями о трех ключевых частях пространства, которые находили иное воплощение в материалах окуневской культуры. Например, такая организация пространства хорошо прослеживается в планиграфии окуневских курганов и святилищ, где четко отмечены и противопоставлены восток и запад, выделен центр. В этом контексте левый лик с максимальным количеством лучей можно соотнести с востоком, восходом солнца, светом, а правый – с западом, закатом, ночью. Не исключено, что левый лик может быть связан с дневным светилом, а правый, противопоставленный ему по наличию рогов быка и меньшему количеству лучей, – с ночным светилом. Любопытной параллелью правому лику является фигура мужского мифического персонажа, сочетающая признаки человека и хищного зверя, вырезанная и выбитая на сопке Пора-тигей в нескольких километрах от могильника Итколь-II (рис. 4.-6). У этого, видимо, несколько более позднего изображения иная внутренняя структура лика, но очень близкое наголовье, сочетающее рога быка и лучи. Лучей при этом семь, т.е. больше, чем между рогов у правого лика с курильницы. Однако число тех или иных изобразительных элементов вне конкретных композиций не имеет большого значения для идентификации персонажей. В окуневском искусстве использовался ограниченный набор «сакральных» чисел, связанных с календарем. Часто одни и те же числа используются при создании изображений разных персонажей.

Прагматика. Изображения нанесены на сосуде, ритуальная функция которого в общих чертах в настоящее время уже понятна: это был переносной алтарь, в котором сжигались приношения для божеств [Есин, 2010, с. 67]. Поэтому, с точки зрения прагматики, лики на стенках чаши являются образами тех персонажей окуневских мифов, для обращения к которым использовался этот переносной алтарь. С этих позиций можно рассматривать и количество элементов декора сосуда. Они понятны и важны именно в обрядовом контексте, так как проведение ритуалов тесно связано с календарем и природной цикличностью, задаваемой движением солнца и луны. Вообще курильницы, очевидно, использовались в ритуалах, связанных с разными персонажами ритуально-мифологической системы окуневцев. Но, по всей видимости, иногда их могли создавать и для какого-то конкретного обряда, подобно стелам. Возможно, именно на таких ритуальных чашах встречаются образы тех или иных божеств. Первой находкой курильницы такого рода были фрагменты с женской фигурой с р. Сыда [Леонтьев, 2002, рис. 1.-1]. В пользу предлагаемой гипотезы свидетельствует также то, что курильница из кургана №12 могильника Итколь-II использовалась короткое время, так как не имеет значительных следов горения внутри чаши.

Параллели на других территориях Азии. За пределами Минусинской котловины определенные параллели найденным изображениям имеются в искусстве каракольской культуры Алтая. Среди общих признаков можно перечислить двухъярусность лика, два глаза, наголовье из лучей, сочетание лучей с рогами быка. Среди росписей на плитах гробниц каракольской культуры имеются и сопоставимые по принципам построения трехчастные композиции [Кубарев, 2009, рис. 13.-4; 88]. Этот факт немаловажен для изучения проблемы внешних связей окуневской культуры. Стоит особо отметить, что отмеченные связи демонстрируют изображения именно раннеокуневской группы.

Библиографический список

- Есин Ю.Н. «Солнцеголовые» изображения в раннеокуневском искусстве Минусинской котловины // Тропою тысячелетий: К юбилею М.А. Дзвлет. Кемерово, 2008. С. 81–98.
- Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 53–73.
- Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009.
- Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине р. Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 19–64.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006.
- Леонтьев С.Н. Изображение матери-прародительницы на курильнице окуневской культуры из Новой Сыды // Вестник САИПИ. 2002. Вып. 5. С. 34–36.
- Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск, 1985.
- Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита – начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 20–56.

РЕКОНСТРУКЦИЯ СТРУКТУРЫ МЯСНОГО РАЦИОНА НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ (по археозоологическим материалам Турганикского поселения)

Работа выполнена при финансовой поддержке государственного задания
Министерства образования и науки РФ (проект №33.1907.2017/ПЧ
«Традиционные и инновационные модели развития древнего населения Поволжья»)

Одними из важнейших отраслей жизнеобеспечения древнего населения Южного Приуралья в эпоху энеолита – раннего бронзового века являлись охота и скотоводство. Их доля и значение в хозяйственной деятельности были обусловлены природными и экономическими факторами. Переход от присваивающих форм хозяйства к производящим и причины этого процесса остаются актуальными вопросами при изучении древней истории региона. Основным источником для их исследования являются костные остатки животных из поселенческих памятников. Их видовой состав отражает, прежде всего, мясной рацион жителей поселений и, опосредованно, хозяйственные структуры, связанные с его обеспечением [Антипина, 2008]. Характеристика же основных форм и направлений животноводческой деятельности строится на основании изучения половозрастной структуры съеденных домашних животных, особенностей их размеров, зафиксированных патологий и следов интенсивной физической нагрузки на костях.

Сложность подобных реконструкций для эпохи энеолита связана с рядом причин. Во-первых, в культурном слое поселений кость не всегда сохраняется. Во-вторых, на многослойных стоянках кости животных сложно связать с определенным типом керамики и оставившим ее населением. Археозоологические материалы из памятников самарской культуры немногочисленны не только в Южном Приуралье, но и в целом в Урало-Поволжье. Кости домашних животных присутствуют в энеолитических слоях Ивановской стоянки (II этап самарской культуры), расположенной в непосредственной близости с Турганикским поселением, Виловатовской стоянки (I этап самарской культуры) в Самарском Поволжье, поселений Муллино-III и Давлеканово на юге Башкортостана [Петренко, 2007а]. Вследствие сложного характера перечисленных памятников актуальной остается проблема соотнесения археозоологических данных с конкретным археологическим материалом. На поселениях с материалами самарской культуры, расположенных на севере южной лесостепи – Лебяжинка-III (I этап самарской культуры), Какрыбаш (самарская культура – агидельский тип), – кости домашних животных не обнаружены [Косинцев, Варов, 1996, с. 31].

Эпоха ранней бронзы на территории Южного Приуралья представлена в основном погребальными памятниками. В некоторых из них найдены кости животных, части туш которых использовались в погребальных обрядах. Они дают представление о значении разных видов животных в ритуальной практике древнего населения, но не могут рассматриваться в качестве источника для реконструкции мясной диеты населения и тем более его хозяйства. В качестве такого источника могут рассматриваться только кости животных из поселенческих памятников [Рослякова, Турецкий, 2012]. Для изучаемой территории таких данных до настоящего времени не было.

В связи с этим чрезвычайно важным представляется изучение археозоологических материалов из Турганикского поселения, которое находится в Красногвардейском районе Оренбургской области, в месте впадения Турганика в старое русло р. Ток. Раскопками 2014–2015 гг. вскрыта площадь 324 м², на которой собрано около 9,5 тыс. фрагментов костей животных. Памятник является многослойным, его материалы содержат культурные остатки эпохи энеолита и бронзового века. Керамика эпохи энеолита разделена автором раскопа Н.Л. Моргуновой [2011] на три типа: ивановский, хвалынско-ивановский и токский. Выделены две хронологические группы – в пределах 1-й половины V тыс. до н.э. и 2-й половины V тыс. до н.э. Среди керамического материала бронзового века по технологии изготовления выделяется керамика раннего бронзового века (репинского типа) и незначительное количество керамики позднего бронзового века. Для слоя раннего бронзового века устанавливается интервал от 3900 до 3400 лет ВС [Турганикское поселение..., 2017, с. 231].

По результатам анализа стратиграфического и планиграфического распределения керамики разных эпох в толще культурного слоя и в ямах костные остатки были объединены в две выборки: матери-

алы эпохи энеолита и материалы раннего бронзового века. Археозоологические материалы, связанные с эпохой поздней бронзы, выделить не удалось.

Выборка костей эпохи энеолита составляет 2282 фрагмента, среди которых 1086 (47,6%) определимых. Выделение материалов, оставленных разными группами энеолитического населения, не представляется возможным. К эпохе ранней бронзы отнесено 7157 костей, из них 3280 (45,8%) определимых. Основная часть костей животных из поселения Турганикское имеет характерные для кухонной разделки и утилизации туш животных многочисленные повреждения, т.е. является кухонными остатками. Обе выборки включают кости млекопитающих (98,6%), птиц, рыб и рептилий (черепахи). Среди млекопитающих преобладают остатки домашних видов. В выборке эпохи энеолита они составляют 83,2% костей, в выборке раннего бронзового века – 89,3%. В части коллекции, относящейся к эпохе энеолита, доминируют кости крупного (42,0%) (*Bos taurus*) и мелкого рогатого скота (49,4%) (*Ovis/Capra*). Среди костных остатков, связанных с ранним бронзовым веком, значительно преобладают кости мелкого рогатого скота (68,7%). Доля костей крупного рогатого скота составляет 25,8%. Количество костей лошади (*Equus caballus*) в обеих выборках незначительно (8,6 и 5,5% соответственно), а кости собаки (*Canis familiaris*) единичны. Что касается лошади, то ее отнесение к домашней или дикой форме не является однозначным, так как их кости не имеют между собой морфологических отличий. Учитывая, что на Турганикском поселении большинство костей принадлежит домашним копытным, мы склонны считать и лошадь на этом памятнике домашней.

Из охотничьих видов в коллекциях присутствуют кости тура (*Bos primigenius*), лося (*Alces alces*), сайги (*Saiga tatarica*), кабана (*Sus scrofa ferus*), медведя (*Ursus arctos*), волка (*Canis lupus*), лисицы (*Vulpes vulpes*), выдры (*Lutra lutra*), барсука (*Meles meles*), бобра (*Castor fiber*), зайца (*Lepus sp.*) и сурка (*Marmota sp.*). Количество костей диких животных в «энеолитической» выборке незначительно выше (на 6,2%), чем в выборке эпохи бронзы. Соотношение разных видов диких животных в выборках не достоверно, из-за малого количества определимых костей. Наиболее многочисленными оказались кости бобра, которые составляют 68,7% костей всех диких млекопитающих. Жители поселения также охотились на птиц и занимались рыбной ловлей, но эти промыслы не имели существенного значения.

Для оценки доли разных видов домашних копытных в мясном рационе необходимо перевести количество костей животных в соотношение объемов мясных продуктов. Для этого количество костей каждого вида нужно умножить на коэффициент, равный кратности веса разных видов животных по отношению к одной туше овцы. Коэффициент подбирается с учетом возрастного состава животных и их размеров. Произведенные расчеты показали, что основной мясной диеты жителей Турганикского поселения в эпоху энеолита была говядина (72,5%), значительно меньше употребляли конину (12,8%), мясо овец и коз (14,7%). Речь в данном случае идет именно о доли, а не о килограммах мяса того или иного вида животного. В раннем бронзовом веке доля говядины в мясном рационе остается на первом месте, хотя и несколько снижается (62,9%). И почти в два раза увеличивается доля мяса овец и коз (25,8%). Потребление мяса лошади остается практически без изменения (11,3%). Вероятно, в это время возрастает значение мелкого рогатого скота в хозяйственной жизни населения в целом. Это может быть связано с благоприятными окружающими условиями для его разведения, а также с развитием подвижных форм скотоводства. Значение диких видов животных в мясной диете населения Турганикского поселения постепенно снижается от эпохи энеолита к раннему бронзовому веку.

Изучение возрастного состава крупного и мелкого рогатого скота показало, что некоторые особи содержались до возраста 6–8 лет и старше. Это позволяет предположить, что, помимо мясной эксплуатации этих видов, существовала еще и молочная. Немногочисленные данные о возрасте забитых лошадей показали, что большинство из них были взрослыми – 4–6, 6–8 и даже около 10 и 15 лет. Вероятно, лошадей разводили не столько на мясо, сколько в качестве рабочей силы.

Археозоологические материалы, полученные в энеолитическом слое Турганикского поселения, отличаются от таковых в других памятниках самарской культуры. Доля диких животных на Турганикском поселении (16,8%) значительно ниже, чем на Ивановской стоянке (41,8%) [Петренко, 2007а, с. 53], на Вилатовской стоянке (54%) и на поселении Муллино-III (76,5%) [Петренко, 2007б, с. 46]. Среди домашних копытных на Турганикском поселении преобладают доли крупного и мелкого рогатого скота, тогда как на Ивановской и Вилатовской стоянках наиболее многочисленны кости лошади, которые составляют 68,5 и 52,3% соответственно [Петренко, 2007б, с. 40, 46]. Возможно, это связано с началом процесса становления скотоводческой деятельности у энеолитического населения Приуралья и в целом Урало-Поволжья. На этом этапе значение охоты и скотоводства могло отличаться у разных его групп.

Таким образом, разделение археозоологических материалов из Турганикского поселения на две хронологические выборки позволило охарактеризовать структуру мясного потребления его жителей на разных этапах заселения памятника, а также наметить основные тенденции в его изменении. Материалы эпохи энеолита показали, что в эту эпоху в структуре мясного потребления преобладало мясо домашних копытных, а основное значение имела говядина. Однако в целом в Южном Приуралье процесс перехода от присваивающего хозяйства к производящему был неравномерным даже в рамках одной культуры. Для раннего бронзового века получены первые данные о домашних животных именно из бытового, а не погребального памятника. Выяснено, что население, оставившее керамику репинского типа, разводило крупный и мелкий рогатый скот, лошадь. В мясном рационе по-прежнему преобладала говядина, но при этом установлено увеличение значения в питании мяса мелкого рогатого скота.

На всем протяжении существования Турганикского поселения его жители в небольшом количестве употребляли мясо диких животных, птицу, рыбу и мясо черепах. Однако со временем их значение в питании постепенно уменьшается.

Библиографический список

Антипина Е.Е. Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации // *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии*: сб. ст. М., 2008. Вып. 6. С. 67–85.

Косинцев П.А., Варов А.И. Ранние этапы животноводства в Волго-Уральском регионе // *Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии*: тез. докл. конф. Самара, 1996. С. 29–31.

Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург, 2011.

Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам). Сер.: Археология евразийских степей. Казань, 2007а. Вып. 3. 144 с.

Петренко А.Г. Проблемы становления производящего хозяйства в Волго-Камье // *Археология и естественные науки Татарстана*. Кн. 3: Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье. Казань, 2007б. С. 10–47.

Рослякова Н.В., Турецкий М.А. Археозоологические материалы из могильников ямной культуры Самарского Поволжья и Оренбуржья // *Известия СНЦ РАН*. 2012. Т. 14, №3. С. 291–292.

Турганикское поселение в Оренбургской области / Н.Л. Моргунова, И.Н. Васильева, М.А. Кулькова и др.; под общ. ред. Н.Л. Моргуновой. Оренбург, 2017. 300 с.

© 2017, И.В. Рудковский

Томский государственный педагогический университет

АНДРОНОВСКИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

В ряду декоративных искусств эпохи бронзы Северной Евразии андроновская орнаментика занимает особое место. Эта сложная многоуровневая система фигурирует во многих исследованиях, посвященных андроновским культурам, их предтечам и наследникам. Безотносительно специальных целей этих работ, первоначально андроновская орнаментика рассматривается в основном в трех аспектах. И эти аспекты касаются исключительно классифицирующих процедур.

Во-первых, важна технология нанесения орнамента на поверхность сосуда (здесь и далее будет иметься в виду орнамент на керамической посуде). Во многих случаях для культурной и хронологической маркировки отдельных артефактов и целых комплексов очень важно иметь информацию о технологии: имеем ли мы дело с резным, штампованным, лепным или иным образом изображенным орнаментом.

Во-вторых, морфологический аспект. В какой-то степени здесь важную роль играет технология, но в основном имеются в виду контуры исходных фигур, из которых строится композиция орнамента. В этом плане андроновские орнаменты, безусловно, не имеют себе равных. Согласно имеющимся на данный момент источникам, в ней насчитывается более 400 бордюрных композиций [Рудковский, 2013, с. 92–189], состоящих из различных исходных фигур, образующих типологически близкие группы: свастические, треугольники, меандровые, ромбы и т.д.

И, в-третьих, синтаксический аспект. Имеется в виду та часть орнаментальной грамматики, которая определяет правила сочетания исходных фигур. Эти правила зачастую более важны, чем морфологические единицы орнамента, да и любых иных артефактов культурного текста [Байбурин, 1982, с. 15].

Все три изложенных аспекта являются составными частями орнаментальной грамматики. В предлагаемой работе выбран объект, которому, как представляется, в андроновской археологии не было уделено достаточного внимания. Речь пойдет о редких и уникальных фигурах андроновских орнаментов, которые возможно обозначить как «орнаментальные эндемики».

Нельзя сказать, что редкие орнаментальные изыски вообще игнорировались исследователями. При характеристиках керамических комплексов все элементы орнаментов без исключения (или почти без исключения) заносились в сводные таблицы. Ознакомление с такими таблицами в многочисленных публикациях позволяет выделить четыре типа этих сводок. Первый тип представляет собой простой «перечень», зафиксированных в одном комплексе элементов без указания частоты их встречаемости [Потёмкина, 1985 и др.]. Второй тип, помимо перечня элементов какого-либо данного комплекса, включает и показатели их частотности [Бухонина, 1984; и др.]. Третий тип касается общеандроновских сводок элементов, но без информации об их частотности [Ковтун, 2009; Рудковский, 2013]. Четвертый тип наиболее редок. Он интересен тем, что дает некоторое представление о разнообразии и частоте встречаемости элементов в андроновской орнаментике в целом [Максименков, 1978]. Исследователи, применявшие тот или иной тип табличной записи, преследовали определенные цели и использовали разный объем источников, поэтому эти таблицы и не планировались, как исчерпывающие. Сомнительно, чтобы такие универсальные таблицы-каталоги вообще были возможны. Объект настоящего исследования имеет предельно низкую частотность в репертуаре андроновских орнаментальных фигур. Задачи настоящей статьи: первичное описание некоторых из них, обозначение их местонахождения, попытка построить некоторую типологию и, по возможности, обозначение логики (или алогичности) их происхождения.

Начнем с фигур, появление которых стало редким, но логичным результатом гомологического метаморфоза исходного прототипа. Как пример одного из таких прототипов, рассмотрим классическую свастику. В «чистом виде» свастика довольно редка, но с достаточной регулярностью фигурирует как на алакульской, так и на фёдоровской керамике – чаще как одиночный знак на днищах сосудов, хотя встречается и на их стенках. С гораздо большей частотой встречаются не сами свастики, а их разнообразные усложненные и редуцированные вариации. Фигуры этих вариаций распадаются на две подгруппы: так называемые «шагающие свастики» и «ковровые». В первом случае мы наблюдаем простую горизонтальную последовательность сомкнутых или разомкнутых, видоизмененных свастик. Во втором – горизонтальный равнобедренный зигзаг, к которому «подвешены» явные или видоизмененные фрагменты свастик. Мы предлагаем к рассмотрению серию уникальных и крайне редких фигур из подгруппы «шагающих свастик» (рис.-1–8).

Могильник Подтурино, Алтайский край (рис.-1) [Кирюшин, Лузин, 1993, рис. 3.-2]. На данный момент аналогов не имеет.

Могильник Боровое, Казахстан, Кокчетавская обл. (рис.-2) [Оразбаев, 1958, рис. 8]. Известен один зеркальный аналог из могильника Дегтярёвка (Кузнецкая котловина) [Илюшин, Борисов, 2013, рис. 3.18.-2].

Могильник Чистолёбжский, Курганская обл. (рис.-3) [Матвеев, 1998, рис. 34.-10]. «Почти» классическая «шагающая свастика», но лишена верхней перекладины. Аналогов нет.

Могильник Фирсово-14, Алтайский край (рис.-4) (Музей археологии и этнографии Алтайского госуниверситета). «Шагающая свастика» совершенно оригинальной конструкции. Аналогов нет.

Могильник Старый Тартас-4, Новосибирская обл. (рис.-5) [Молодин и др., 2002, рис. 8.-15]. Здесь весьма необычная верхняя перекладина. Аналогов нет.

Могильник Лисаковский, Казахстан, Кустанайская обл. (рис.-6) [Усманова, 2005, рис. 64.-4]. В принципе обычная «шагающая свастика», но с удвоенной «молнией-перемычкой». Прямых аналогов нет.

Могильник Хрипуновский, Тюменская обл. (рис.-7) [Матвеев, 1998, рис. 61.-8]. Прямых аналогов не имеет.

Еловский II курганный могильник, Томская обл. (рис.-8) [Матющенко, 2004, рис. 420.-1]. Здесь «шагающие свастики» лишены как верхних, так и нижних перекладин. В этом могильнике найдено несколько подобных бордюров. Аналогов из других мест нет.

В подгруппе «ковровые» учесть все вариации чрезвычайно сложно в принципе, а тем более выделить среди них локальные эндемики. Тем не менее почти бесспорно присутствие в этой подгруппе самого значительного количества андроновских орнаментальных эндемиков. Вероятнее всего, «ковровым орнаментам» и «ковровым эндемикам» необходимо посвятить отдельное исследование, которое стало бы естественным продолжением ранних изысканий на эту тему С.В. Зотовой [1965].

Следующие несколько фигур являются вариациями «классического меандра» (рис.-9–11). Тема меандра фигурирует практически во всех культурах обитаемых материков. Некоторые из фигур этого ряда в андроновской орнаментике крайне редки и часто встречаются в единичных экземплярах.

Могильник Чекановский Лог-10, Алтайский край (рис.-9) [Дёмин, Ситников, 2007, рис. 37.-3]. Этот меандр является редкостным изыском и на данный момент совершенно уникален в андроновских орнаментальных практиках.

Могильник Лисаковский, Казахстан, Кустанайское Притоболье (рис.-10) [Усманова, 2005, рис. 46.-8]. Такой двухступенчатый меандр был довольно обычен в античном Средиземноморье, но среди андроновских орнаментов встречен впервые.

Оригинальные вариации и новации в андроновской орнаментике

Могильник Большеказакбаевский, Челябинская обл. (рис.-11) [Стефанов, Корочкова, 2006, рис. 63.-13]. Среди известных вариаций меандра такая F-образная волна встречена впервые.

Следующий сюжет об элементе, не только совершенно оригинальном, но и ставшем типобразующим в андроновской орнаментике (рис.-12–14). Бордюры этого типа зафиксированы в керамическом комплексе одного-единственного памятника – в могильнике Майтан (Казахстан, Карагандинская обл.) [Ткачёв, 2017]. Здесь представлены три варианта (из восьми зафиксированных) использования в по-

строении бордюров весьма странной фигуры. Для нее довольно непросто подобрать какое-либо терминологическое обозначение (то ли «сосновая шишка», то ли «пагода», то ли неясный антропоморф). Отмечая относительно массовое присутствие данного элемента на керамике могильника Майтан, нельзя не упомянуть единственный случай, когда весьма близкое подобие «майтанской пагоде» было зафиксировано (правда, несколько раньше) на сосуде из верхнеобского могильника Елунино [Кирюшин, 1980].

Логику появления фигур подобного типа можно усмотреть в технологии «позитив-негативных» преобразований в орнаментике [Рудковский, 2003, с. 96–104]. В данном случае мы видим следствие превращения в позитив пустого пространства между изгибами равнобедренного зигзага, обрамленного небольшими треугольниками (обычного, в целом, андроновского орнамента).

Последняя группа из рассматриваемых эндемиков (рис.-15–24), представляет собой достаточно пестрое собрание элементов, большая часть из которых не имеет ни внутриандоновской логики своего появления и ни каких-либо признаков более ранних культур или заимствований от инокультурных соседей.

Могильник Лисаковский, Казахстан, Кустанайское Притоболье (рис.-15–18) [Усманова, 2005, рис. 41.-2; 44.-2; 54.-7, 9; 55.-1, 6; 56.-11; 58.-10]. Отпечатки штампов в виде «геральдических» щитков со сложной рельефной поверхностью. В пределах Лисаковской округи бордюры из подобных штампов, безусловно, типичны, но для других территорий и тем более для андроновской орнаментики в целом совершенно чужды как технологически, так и по репертуару образов. Фигурные штампы в этот период времени использовались в самусьской культуре [Есин, 2009], однако ее ареал слишком далек от Кустанайского Притоболья, чтобы допустить какие-либо тесные контакты между такими разными культурными мирами. К тому же прямых аналогов лисаковским штампам у самусьцев нет.

Могильник Раскатиха, Курганская обл. (рис.-19) [Потёмкина, 1985, рис. 89.-12]. Ряды округлых рисованных арок. Единственный случай в андроновской орнаментальной практике. Криволинейные фигуры – это, в принципе, не андроновский стиль.

Могильник Лисаковский, Казахстан, Кустанайское Притоболье (рис.-20) [Усманова, 2005, рис. 49.-7]. Плавная, равномерная волна, выполненная оттисками палочки. Та же криволинейная нетипичность, хотя, возможно, эта волна лишь дериват равнобедренного зигзага.

Могильник Таутары, Южный Казахстан (рис.-21) [Максимова, 1962]. Эта странная, замысловатая «плетенка» трудна в подражании и является единственной в своем роде.

Могильник Андронов, Красноярский край (рис.-22) [Максименков, 1978, табл. XLII.-2]. Если бы не крайняя изломанность зигзага-основы, то этот бордюр выглядел бы вполне андроновским, а так мы наблюдаем «нечаянную» оригинальность, не встреченную нигде, кроме как только в комплексе Андронов.

Поселение Атасу, Казахстан, Карагандинская обл. (рис.-23) [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 146]. Бордюр в виде ряда разомкнутых квадратов. Квадраты, в принципе, и без того довольно редкие орнаментальные фигуры, использовались только как составные части более сложных конструкций. В качестве базовой фигуры бордюра квадрат зафиксирован лишь однажды.

Могильник Урефты-1, Челябинская обл. (рис.-24) [Стефанов, Корочкова, 2006, рис. 25.-9]. Ряд прямоугольных «рамок». Очень близкое гомологическое подобие этому орнаменту встречено в могильнике Чистослебяжский [Матвеев, 1998, рис. 26.-4].

Тот объем андроновских орнаментальных эндемиков, который представлен в статье, далек от полноты, и он может и должен быть расширен. Но, даже глядя на представленные образцы, не трудно прийти к выводу, что андроновские орнаменталисты не всегда ограничивались рамками жесткого канона. Везде и всегда (и это мы наблюдаем в памятниках всей андроновской ойкумены) шел процесс формотворчества как в рамках основного канона, так и за его пределами. Другой вопрос, почему результаты этих экспериментов в своем большинстве не получили распространения, но это тема для отдельного исследования.

Библиографический список

- Байбурин А.К. Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры (к проблеме этнографического факта) // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. Л., 1982. С. 5–15.
- Бухонина Т.А. Могильник эпохи бронзы Куропаткино-II на р. Чаглинка // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С.44–58.
- Дёмин М.А., Ситников С.М. Материалы гилёвской археологической экспедиции. Барнаул, 2007. Ч. I. 274 с.
- Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура // Труды музея археологии и этнографии Сибири. Томск, 2009. Т. II. 526 с.
- Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // МИА. 1965. №130. С. 177–181.

- Илюшин А.М., Борисов В.А. Курганы развитой бронзы в долине р. Ур. Кемерово, 2013. 304 с.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992. 247 с.
- Кирюшин Ю.Ф. Новый могильник андроновской культуры у села Елунино // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 66–72.
- Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю. Андроновский могильник Подтуруино // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 67–94.
- Ковтун И.В. Основы морфологии андроновского орнамента // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4/4(64). С. 115–124.
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978. 190 с.
- Максимова А.Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1962. Т. 14. С. 37–56.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998. 417 с.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2: Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004. 468 с.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3(11). С. 48–62.
- Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1958. Вып. 5. С. 216–294.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. 376 с.
- Рудковский И.В. Системообразующие инварианты андроновской орнаментики: автореф. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2003. 21 с.
- Рудковский И.В. Андроновская орнаментика в контексте системообразующих инвариантов. Алматы, 2013. 192 с.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты-I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург, 2006. 160 с.
- Ткачёв А.А. Погребальный комплекс могильника Майтан как отражение культурогенеза атасуской культуры (предварительное сообщение) // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1(17). С. 86–103.
- Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский-1: факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005. 232 с.

© 2017, Н.П. Салугина

Самарский государственный институт культуры, Самара

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ГОНЧАРСТВЕ НАСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ВОЛГО-УРАЛЬЯ

В современном гуманитарном знании понятие «традиционная культура» предполагает определенные способы передачи и хранения информации. Традиционное общество, к каковым мы относим и общества эпохи бронзы, было устойчивым именно благодаря стабильности традиций: мифология, религия, искусство, повседневные ритуалы в обществах этого типа обеспечивали предсказуемый оборот культурных смыслов и форм [Дробышева, 2011, с. 6]. Производственные традиции занимали в таких обществах значительное место, они определяли успех производственной деятельности, ее конечный результат в виде готового изделия. Под традицией в гончарстве понимается комплекс навыков труда, повторяющихся многократно в процессе производства посуды и передающихся из поколения в поколение. Стабильность навыков труда обеспечивается следующими факторами: 1) изготовлением привычных (традиционных) форм продукции; 2) наличием устойчивой среды ее потребителей; 3) наличием технических средств изготовления посуды; 4) доступностью сырья [Бобринский, 1999, с. 48–49].

Бронзовый век на территории Волго-Уральского региона представлен следующими археологическими культурами: ранний бронзовый век – ямная культура, включающая ранний, репинский, и классический, городцовский, этапы; средний бронзовый век – полтавкинская культура, вольско-лбищенский тип; поздний бронзовый век – абашевская культура, синташтинская культура, потаповский культурный

тип и срубная культура, включающая ее ранний и развитый этапы. Этот факт делает данную территорию своеобразным «эталоном» для изучения различных проблем историко-культурного характера.

Керамике и, в частности, технологии ее изготовления принадлежит особая роль в рассмотрении указанных проблем не только потому, что это самый массовый источник, но, главным образом, потому, что этот источник обеспечен методическими разработками его анализа [Бобринский, 1978; 1999; Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, Салугина, 2015; Волкова, 1996; Волкова, Цетлин, 2015; Салугина, 2016а].

В статье подводятся некоторые итоги исследования технологии изготовления поселенческой и погребальной керамики всех этапов эпохи бронзы с территории Волго-Уралья. Источниковая база исследования составляет более 1300 сосудов.

Исследование проводилось в рамках историко-культурного подхода по методике, разработанной А.А. Бобринским [1979; 1999].

Прежде чем приступить к изложению результатов технологического исследования, необходимо отметить, что керамические комплексы не всех указанных культурных образований изучены одинаково полно с точки зрения технологии, поэтому выводы, полученные по результатам данного изучения, носят иногда альтернативный характер и могут коррелироваться по мере получения новых данных.

Ниже приводятся фактические данные по технологии изготовления керамики разных периодов бронзового века Волго-Уральского региона.

Ранний бронзовый век. Ямная культура

Ранний (репинский) этап. При отборе исходного сырья у гончаров преобладали навыки отбора илов и илистых глин. При этом для изготовления погребальной керамики использовались в основном илы, а для поселенческой – как илы, так и илистые и природные глины [Салугина, 2016б]. В качестве формовочных масс применялись шамот и органический раствор, реже – дробленая раковина и кальцинированная кость. При конструировании посуды зафиксированы две принципиально разные программы изготовления начинов: донно-емкостная и емкостно-донная с применением форм-моделей. «Строительными элементами» служили лоскуты, реже – короткие жгуты. Поверхности сосудов заглаживались крупным гребенчатым штампом.

Сравнение технологических особенностей гончарства репинского этапа ямной культуры и энеолитического гончарства указанной территории показывает значительное их сходство и преемственность как на уровне приспособительных, так и субстратных навыков [Васильева, Салугина, 2010, с. 138–139]. Новой чертой в гончарстве населения раннего этапа ямной культуры является конструирование начинов сосудов в соответствии с емкостно-донной программой [Салугина, 2011, с. 88; Салугина и др., 2016, с. 92]. А.А. Бобринский [1978, с. 115–116] отмечал, что данный прием конструирования наиболее распространен на Северном Кавказе и в Закавказье, в частности, в материалах двух археологических культур: куро-аракской и майкопской, что указывает на начало контактов населения двух указанных регионов.

Классический (городцовский) этап. При анализе исходного сырья зафиксированы навыки отбора илов, илистых глин и природных глин. При этом ведущими выступали навыки отбора илистых глин, илы представлены значительно реже, что указывает на доминантность населения с традициями отбора илистых глин и затухании традиции отбора илов, продолжается эпизодическое применение природных глин. Важной особенностью данной ступени технологии является применение наряду с ожелезненными неожелезненными природными глинами, которые зафиксированы только в составе концентратов. Данная традиция не зафиксирована ни на предыдущем (репинском) этапе, ни на последующих этапах бронзового века. При составлении формовочной массы к исходному сырью добавлялись шамот и органический раствор, реже – дробленая раковина, в единичных случаях – дресва, изготовленная из песчаниковых пород. Следует отметить, что в сосуды, изготовленные из глиняных концентратов, добавлялся шамот, сделанный из сосудов, изготовленных также из глиняных концентратов. Конструирование посуды начиналось с изготовления начинов в соответствии с донно-емкостной и емкостно-донной программами. В качестве «строительных элементов» для изготовления как начина, так и полого тела применялись лоскуты, короткие и длинные жгуты, единично – ленты. Поверхности сосудов заглаживаются тканью, щепой, гребенчатым штампом, иногда каменной галькой.

Сравнение особенностей гончарного производства населения двух этапов ямной культуры показало, с одной стороны, преемственность традиций (отбор илов и илистых глин, введение в состав формовочных масс шамота, способы конструирования), с другой – нововведения:

1. На стадии отбора исходного сырья выделен отбор природных глин как ожелезненных, так и не-ожелезненных, при этом неожелезненные глины отмечены только в составе концентратов. Широкое применение глиняных концентратов зафиксировано в среде земледельческих народов, в частности, у носителей трипольской культуры [Гей, 1986, с. 22–26]. Данный факт может указывать на контакты, возможно брачные, кочевого ямного населения с земледельческим. Таким образом, налицо расширение направления контактов населения ямной культуры с инокультурными группами.

2. При составлении формовочных масс инновацией является введение дресвы. Причем данная традиция не получила закрепления, что фиксирует эпизодические контакты населения с инокультурными группами.

3. На стадии конструирования появляется скульптурная лепка на плоскости, что можно рассматривать и как эволюционное развитие навыков конструирования, и как контакты с инокультурными группами. Расширяется ассортимент «строительных элементов» для изготовления полого тела: кроме лоскутов и коротких жгутов, начинают применяться жгуты, наращиваемые по спиралевидной траектории, и ленты, наращиваемые по кольцевой траектории.

В результате можно сказать, что на раннем этапе бронзового века Волго-Уралья гончарное производство носит эволюционный характер, смены населения не было, отмечены лишь культурные контакты с инокультурными группами, часто с весьма удаленными территориально (Кавказ, регионы распространения трипольской культуры). Данный вывод подтверждается и общеархеологическими исследованиями [Моргунова, 2014].

Средний бронзовый век

Полтавкинская культура. Анализ исходного сырья показал преобладание навыков отбора ожелезненных глин при уменьшении доли илов и илистых глин. При составлении формовочных масс ведущими становятся навыки добавления дробленой, предварительно нагретой раковины, шамота и органического раствора. Конструирование сосудов в основном осуществляется посредством скульптурной лепки на плоскости. Начины делаются в соответствии с зафиксированными по раннему этапу ямной культуры двумя программами, при преобладании донно-емкостной. Зафиксировано начало изготовления сосудов в соответствии с донной программой. Набор «строительных элементов» для изготовления и начина, и полого тела становится более универсальным: короткие и длинные жгуты и лоскуты, отрывающиеся также от жгутов. Поверхности сосудов заглаживаются преимущественно тканью и гребенчатым штампом.

Сравнение систем гончарной технологии населения раннего и среднего этапов бронзового века изучаемой территории указывает в целом также на эволюционное развитие гончарства. Однако следует отметить, что затухает традиция использования глиняных концентратов; преобладающим способом конструирования становится скульптурная лепка на плоскости при изготовлении начинов в соответствии с донно-емкостной программой; начинает распространяться способ конструирования начина в соответствии с донной программой.

Поздний бронзовый век

Абашевская культура. Исходное сырье – отбор двух видов сырья: илистых глин и природных ожелезненных глин, при преобладании последних. При составлении формовочных масс к глине добавлялись дробленая, предварительно нагретая раковина, органический раствор и шамот. Конструирование сосудов осуществляется по донно-емкостной программе с применением форм-моделей. В качестве «строительных элементов» преимущественно применялись лоскуты. Поверхности сосудов заглаживаются тканью и галькой, распространяется лощение.

Синташтинский тип. В качестве *исходного сырья* синташтинскими гончарами отбирались природные глины. При составлении формовочных масс ведущими были традиции составления формовочных масс с добавлением талька и в меньшей степени шамота. При анализе шамота выяснилось, что в его составе также массово зафиксирован тальк. *Конструирование* посуды производилось в соответствии с тремя основными системами конструирования: 1) начин донно-емкостный, спирально-лоскутный, полое тело изготовлено также из лоскутов, наращиваемых по спиралевидной траектории. При изготовлении сосудов указанной группы применялась форма-основа; 2) начин донно-емкостный, спирально-жгутовой, так называемый двухслойный, когда поверх первого слоя спирали наращивался второй, полое тело изготовлено также из жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории. Данная группа сосудов делалась с применением подставки; 3) начин изготовлен в соответствии с емкостной

программой конструирования лоскутно-спиральным способом, для изготовления дна сосудов использовались также лоскуты, наращиваемые по спиралевидной траектории.

Потаповский тип. В качестве исходного сырья отбирались природные глины. *Формовочные массы* составлялись путем добавления к исходному сырью шамота, дробленой раковины, реже – талька и органики. В составе шамота часто фиксируются раковина, шамот и тальк. Способы конструирования посуды разнообразны. Примерно в равных количествах представлены следующие системы конструирования: 1) начин изготовлен в соответствии с донно-емкостной программой из лоскутов по спирали, полое тело изготовлено также из лоскутов, наращиваемых по спиралевидной траектории; 2) начин донно-емкостный, спирально-жгутовой, полое тело изготовлено также из жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории; 3) начин изготовлен в соответствии с емкостной программой конструирования, строительные элементы – лоскуты, наращиваемые по спиралевидной траектории, дно изготовлено спирально-жгутовым способом. Часть посуды потаповского типа конструировалась с применением форм-моделей.

Срубная культура. На раннем этапе для изготовления посуды отбираются илистые и природные глины, на развитом этапе природные глины становятся преобладающим видом сырья. При этом если илистые глины в качестве небольшого «фона» отмечены в материалах всего Волго-Уральского региона, то илы – только в восточных районах Самарской области и западных районов Оренбургской, что позволяет выделить их в особый локальный вариант. При составлении формовочных масс на раннем этапе характерно добавление дробленой раковины, шамота, органического раствора и навоза животных; на развитом этапе ведущей становится традиция введения шамота и навоза жвачных животных или выжимки из него. Нововведением является введение в формовочные массы металлических шлаков – отходов бронзолитейного производства. Это новый компонент формовочной массы, не отмеченный по более ранним материалам. Конструирование посуды осуществлялось преимущественно методом скульптурной лепки на плоскости. *Способы конструирования* посуды разнообразны, но выделяются три массовые системы конструирования: 1) изготовление начина в соответствии с донно-емкостной программой конструирования, с помощью лоскутов, наращиваемых по спиралевидной траектории. Полое тело изготовлено также спирально-лоскутным способом. Значительная часть посуды этой группы изготовлена с применением форм-моделей; 2) изготовление также донно-емкостного начина, но уже с помощью целых жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории. Полое тело сосудов изготавливалось также спирально-жгутовым способом. Данная часть посуды изготовлена методом скульптурной лепки с применением подставки; 3) начин делался в соответствии с донной программой из жгутов, наращиваемых по спиралевидной траектории. Полое тело изготовлено также из жгутов по спирали.

Таким образом, гончарство населения срубной культуры в целом выглядит довольно монолитным, продолжающим в гончарном производстве традиции предыдущего этапа, что отражает в целом стабильный в культурном отношении состав населения. Однако нельзя не указать и новые черты гончарной технологии. К ним относится прежде всего введение в формовочную массу шлаков – отходов бронзолитейного производства.

Выделение по результатам конкретного технологического исследования традиционных и новационных навыков труда в гончарстве основывается на рассмотрении гончарства как особым образом организованной системы, устойчивость которой определяется прежде всего передачей технологических знаний контактным путем в основном в среде родственного населения. Исходя из этого можно заключить, что проведенный анализ свидетельствует о преимущественно эволюционном характере развития гончарства в среде населения бронзового века Волго-Уралья на протяжении всех его этапов.

Несмотря на зафиксированную преемственность, следует отметить новшества, которые ярко проявились в гончарстве: 1) конструирование начинов сосудов раннего (репинского) этапа ямной культуры в соответствии с емкостно-донной программой. Данная программа своими истоками связана с Кавказским регионом [Бобринский, 1978, с. 115–116], что указывает на ранние контакты населения двух регионов; 2) традиция составления глиняных концентратов из смеси ожелезненной и нежелезненной глины была широко представлена в трипольском гончарстве [Гей, 1986]. Проявление данной традиции в керамике классического этапа ямной культуры свидетельствует о контактах скотоводов-«ямников» с земледельческим миром; 3) распространение, начиная с эпохи среднего бронзового века, способа конструирования начина в соответствии с донной программой, что указывает на постоянные контакты с инокультурными группами населения; 4) достаточно кратковременное применение в керамике позд-

него бронзового века (потаповский культурный тип) в качестве искусственной примеси талька и способа изготовления начина в соответствии с емкостной программой конструирования отражает довольно кратковременные контакты с носителями синташтинской культуры; 5) навыки введения в формовочную массу сосудов срубной культуры отходов бронзолитейного производства, что указывает на существование особой профессиональной группы.

В связи с вышеизложенным необходимо еще раз обратиться к механизмам возникновения и распространения новых навыков труда. А.А. Бобринский отмечал, что даже в условиях стабильного существования в процессе функционирования гончарных систем проявляются изменения. Он выделяет механизмы преодоления критических ситуаций, среди которых важное место занимают механизмы адаптации новых навыков труда. Для того чтобы новые навыки включились в существующую систему технологии, необходимы хотя бы кратковременные контакты носителей разных технологических традиций [Бобринский, 1999, с. 63, 64]. Исходя из данного положения, выделенные выше новые черты гончарной технологии у населения разных этапов бронзового века Волго-Уралья свидетельствуют о контактах населения с иными гончарными традициями. Одни контакты были долговременными, постоянно возобновляющимися, другие кратковременными. Особо следует обсудить вопрос о появлении шлаков в формовочной массе керамики срубной культуры. К настоящему времени неизвестны археологические культуры, в которых зафиксирована данная примесь, т.е. возникновение данной традиции как результат контакта населения с разными технологическими навыками на данной ступени технологии невозможно. На сегодняшний день я могу предположить два варианта объяснения такого явления: 1) сакральный характер данной традиции; 2) контакты внутри родственного населения, но не внутри гончаров, а между гончарами и литейщиками, как особыми производственными группами внутри большого культурного сообщества, обладающими особыми производственными знаниями.

Библиографический список

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: (кол. монография). Самара, 1999.
- Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998. С. 193–217.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства в Самарском Поволжье // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Самара, 2010. Вып. XV. С. 135–154.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П. Самарская экспедиция по экспериментальному изучению древнего гончарства: 25 лет работы // Самарский научный вестник. 2015. №3 (12). С. 8–27.
- Волкова Е.В. Гончарство фатьяновских племен. М., 1996.
- Волкова Е.В., Цетлин Ю.Б. Некоторые проблемы экспериментального изучения обжига сосудов // Самарский научный вестник. 2015. №3 (12).
- Гей И.А. Технологическое изучение керамики трипольского поселения Старые Куконешты // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 22–27.
- Дробышева Е.Э. Традиция и контекст как элементы архитектоники культуры // Вопросы культурологии. 2011. №10. С.4–8.
- Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе Волжско-Уральского варианта ямной культурно-исторической общности. Оренбург, 2014. 348 с.
- Салугина Н.П. Результаты изучения технологии изготовления керамики ямной культуры Волго-Уралья как источник по истории населения // Археология, этнография и антропология Евразии, 2011. №2 (46). С. 82–94.
- Салугина Н.П. Идентификация раковины в составе древней керамики: критерии различения естественного или искусственного характера // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. СПб., 2016а. С. 68–70.
- Салугина Н.П. Керамика репинского стиля из поселенческих и погребальных памятников Поволжья и Приуралья (технологический аспект) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2016б. Вып. 12. С. 60–70.
- Салугина Н.П., Моргунова Н.Л., Турецкий М.А. Крупнотарные сосуды бронзового века Турганикского поселения в Оренбургской области // Самарский научный вестник. 2016. №4 (17). С. 91–98.

О ФОРМИРОВАНИИ АЛАКУЛЬСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ: К РЕКОНСТРУКЦИИ РИТУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В последнее время достаточно широко обсуждается вопрос о нарушенных погребениях древних культур Евразии. Этой проблеме был посвящен Всероссийский круглый стол с международным участием «Археология древних ограблений и символических захоронений», прошедший в январе 2015 г. в Челябинском государственном университете. В ноябре 2016 г. в Санкт-Петербурге в Институте истории материальной культуры РАН был организован круглый стол «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планиграфия некрополей». В 2016 г. в Санкт-Петербурге в «Трудах ИИМК РАН» вышел специальный сборник статей «Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления» [2016].

Многие исследователи обращают внимание на тот факт, что вторжение в погребения осуществлялось в то время, когда связки скелета еще не полностью разложились. Нередко в могиле оставались достаточно ценные вещи, но присутствовали следы манипуляции с костями погребенных. Чаще всего нарушалось расположение костей верхней части скелета, в первую очередь черепа или нижней челюсти, именно эти кости нередко извлекались из могилы. Поэтому перед исследователями конкретного могильника/могилы неизбежно встает дилемма – «ограбление или обряд». Представляется необходимым рассмотреть еще один вариант погребений. Своеобразие его в том, что в могиле присутствуют отдельные «лишние» человеческие кости, не имеющие отношения к основным захоронениям в данной погребальной камере. Такие могилы встречены в эпоху бронзы в некоторых алакульских некрополях.

В алакульском могильнике Ермак-IV (Нововаршавский район, Омская область) особый интерес представляют могилы 1 и 7. Могила 1 имела размеры 2,0×0,80 м, глубину 0,90 м от уровня материка. Ориентирована по линии СЗ–ЮВВ. Могила содержала погребения на разных уровнях.

Погребение 1 сильно нарушено. На глубине 40 см от поверхности материка в северо-восточной части ямы обнаружен раздавленный череп младенца в возрасте 3–6 месяцев. Поверх черепа, на боку лежал сосуд, повернутый дном к северной стенке. На этом же уровне (40–45 см) в различных частях могильной ямы обнаружены некоторые другие кости скелета этого младенца (левая плечевая, левая большеберцовая, два позвонка). Здесь же были найдены фрагменты керамики, орнаментированные гребенчатой качалкой. У северной и южной стенок прослежены фрагменты обгоревшего дерева. На глубине 50 см от уровня материка встречены разрозненные кости (нижняя челюсть, плечевая, локтевая и лучевая кости левой руки, кости запястья, фаланги), принадлежащие женщине в возрасте около 25 лет. Нижняя челюсть и кости левой руки женщины могли быть положены в могилу преднамеренно в ходе ритуала.

Погребение 2 находилось на глубине 70 см от поверхности материка. Подросток в возрасте около 9 лет был захоронен скорченно, на левом боку, головой на северо-северо-запад. Сохранность костяка хорошая, но отсутствовали кости ступней обеих ног. В головах погребенного располагались целый сосуд и два крупных фрагмента от разных сосудов. Рядом с погребенным обнаружена также бронзовая пластинка. У южной стенки могильной ямы прослеживались пятна прокаленного суглинка. В ногах подростка находилась обгоревшая деревянная плаха (перекрытия – ?), лежащая поперек могилы вдоль восточной стенки. В северо-восточном углу, рядом с обгоревшей деревянной плахой и под ней, найдены лежащие в беспорядке кости младенца в возрасте около 6 месяцев (локтевые, малоберцовые, левая большеберцовая, правая ключица, 4 ребра). Эти кости можно выделить как *погребение 3*. Детское погребение 1 (младенец 3–6 месяцев) находилось примерно над этим погребением 3 (младенец около 6 месяцев), но их разделяла чистая (без находок костей и предметов) прослойка, мощностью около 30 см. Костяк подростка (погребение 2) находился не на материке. Ниже шел мешаный слой – серый суглинок с материковыми вкраплениями, мощностью около 20 см [Сотникова, 1984].

Могила 7 находилась несколько в стороне от остальных захоронений, имела размеры 2,20×1,20 м и была углублена в материк на 0,65 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Могила содержала два погребения на разных уровнях.

Погребение 1 (верхнее) находилось на глубине 10 см от уровня материка. Оно занимало юго-восточную часть ямы, северо-западная была пуста. Умерший ребенок 6–7 лет захоронен в сильно скорченном положении на левом боку, головой на северо-запад. Рядом с погребенным положено два черепа (без нижних челюстей) от взрослых особей крупного рогатого скота. Под ребрами костяка – нижняя челюсть взрослого самца лошади. На глубине 50 см от уровня материка в центре ямы находилась задняя половина туши овцы с эмбрионом (незадолго до рождения), разрубленная по грудной клетке. Овца была положена на живот с подогнутыми задними ногами. Положение ног костяка овцы позволяет установить, что она была ориентирована головой на юго-восток, что совпадает с ориентацией костяка человека из нижнего погребения. В юго-восточной части ямы обнаружены две тазовые и одна берцовая кости лошади, две передние ноги крупного рогатого скота. На этом же уровне вдоль стен прослеживались фрагменты сгоревшей обкладки, а в центральной части ямы – две плахи сгоревшего перекрытия. У северо-западной и северо-восточной стенок зафиксированы пятна прокаленного суглинки. Все кости животных располагались выше перекрытия, следов огня на них нет. На глубине 55 см от уровня материка, ближе к центру ямы, обнаружены нижняя челюсть, принадлежащая женщине (?) 18–20 лет, без следов огня, и несколько разрозненных костей от скелета человека (позвонки, ребра), которые, скорее всего, принадлежали мужчине из нижнего погребения. Вероятно, в могилу была (преднамеренно – ?) положена нижняя женская челюсть. На этом же уровне зафиксирован верхний край обкладки нижнего погребения. Торцевые стороны обкладки были обожжены и имели мощные прокалы. Какое время прошло между сожжением человека из нижнего погребения и захоронением ребенка из верхнего погребения, в сопровождении женской челюсти и значительного количества домашнего скота, сказать сложно.

Погребение 2 (нижнее) находилось на дне могильной ямы. Сохранились рама из деревянных плах и перекрытие в юго-восточной части со следами огня. Погребение нарушено, кости скелета человека занимали юго-восточную половину ямы, северо-западная была пуста. В могиле обнаружены далеко не все кости скелета, их анатомическое положение нарушено, однако некоторые из них – позвонки, кости рук, тазовые кости – находились в сочленении. Возле юго-восточной стенки, под обгоревшей плахой перекрытия, располагался, вверх теменной частью, полный череп человека (с нижней челюстью), который принадлежал мужчине (?) 35–40 лет. Вероятно, спустя какое-то время или сразу после нарушения костяка мужчины погребальная камера была подожжена с торцовых сторон. Огонь затронул те части скелета, которые непосредственно соприкасались с обкладкой и перекрытием. Значительно обгорели череп и кости рук. В центральной части ямы обкладка возле юго-западной стенки не имела следов воздействия огня, так же как и кости человека, находившиеся в этой части ямы. На дне у северо-восточной стенки, ближе к северному углу, обнаружен бронзовый нож, не подвергшийся действию огня [Сотникова, 1986].

Вероятно, в могилу 7 была преднамеренно помещена нижняя женская челюсть, а в могилу 1 – нижняя челюсть и кости левой руки женщины, поэтому вряд ли следует рассматривать эти находки как самостоятельные погребения. Вероятно, это следы определенного ритуала, не случайно эти кости принадлежат женщинам и сопровождают детские погребения.

Подобная картина зафиксирована и в других алакульских могильниках. В Хрипуновском могильнике могила 13 представляла собой коллективное захоронение. Могила ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ, размеры по верху 3,55×3,10 м, глубина 0,80 м. Перекопанная грабителями юго-западная часть ямы заполнена черной супесью, а оставшаяся непо потревоженной северо-восточная половина – пестрым мешаным грунтом. На дне вдоль юго-восточной, северо-восточной и частично северо-западной стенок сохранились остатки двухвенцовой рамы из плах или бревен диаметром до 0,20 м, а также фрагменты поперечного перекрытия. У северо-восточной части домовины в непо потревоженном виде находились нижние части скелетов (кости таза и ног) взрослого мужчины и подростка 10–14 лет (девушки – ?), свидетельствующие о том, что костяки были захоронены лицом друг к другу, головами на северо-запад. Девушка положена на правый бок, мужчина – на левый. Под левой подвздошной костью мужчины найдена просверленная раковина. На левой щиколотке девушки сохранилась низка бронзовых бус, в районе таза – бронзовая обоймочка и два просверленных клыка – собаки и лисицы. С внутренней стороны коленного сустава левой ноги – другая пара клыков плохой сохранности и обломок бронзового изделия. В изголовье погребенных – два горшка, рядом с сосудами – обломки двух четырехгранных бронзовых шильев. В юго-западной части захоронено еще шесть или семь человек, однако установить, где именно и в каком положении находились костяки, удалось не во всех случаях. Анатомический порядок сохранили лишь подвздошные кости и нижние позвонки скелета взрослого мужчины, погребенного в центральной части могилы. Из их положения следует, что он был захоронен на спине и ориентирован головой на северо-запад. Этому же костяку принадлежали мас-

сивные бедренные и большие берцовые кости, находившиеся рядом, но сдвинутые с места. Рядом с ними находились бедренные и большие берцовые кости другого взрослого мужчины, а также большая и фрагмент малой берцовой кости взрослой женщины. Нижний эпифиз большой берцовой кости женщины был охвачен низкой бронзовых бус. Среди человеческих костей также обнаружены костяная подвеска, бронзовая пронизка, несколько обломков бронзовых изделий. Кроме того, в этой части могилы обнаружен верхний клык человека в возрасте около 50 лет. В ногах этой группы расчищены останки скелета ребенка 1,5–2 лет, положенного скорченно, на правом боку, головой на северо-запад. В его ногах поставлены два сосуда, причем маленькая неорнаментированная баночка перевернута вверх дном. Ближе к северо-западной стенке одним скоплением залежали следующие кости: правые плечевая, локтевая, лучевая (кости правой руки. – С.С.), а также фрагмент нижней челюсти женщины 15–17 лет. Среди ее останков найдены серебряные, пастовые, бронзовые бусы, бронзовые круглые нашивные бляшки с концентрическим орнаментом и сквозными отверстиями, бронзовые обоймы, бронзовая очковидная подвеска, около десятка просверленных клычков, в том числе 2 клыка собаки, 5 – лисицы, 1 – барсучий и 1 резец кабана, фрагменты бронзового желобчатого браслета, фрагменты перстня со спиралевидным щитком, обломки еще нескольких бронзовых предметов, украшенных спиралями, бронзовый нож. Кроме того, в заполнении могилы найдены несколько молочных зубов ребенка в возрасте 2,5–3 лет [Матвеев, 1998, с. 148, 150–151].

Наибольший интерес в хрипуновском погребении представляет захоронение фрагмента нижней челюсти и костей правой руки девушки 15–17 лет в сопровождении украшений, которые обычно входят в состав головного убора или накосника (бусы, обоймы, круглые нашивные бляшки, бронзовая очковидная подвеска, просверленные клычки) или украшают руки (браслеты, перстни). Эти действия можно интерпретировать как намеренное, с ритуальными целями, помещение определенных останков в могилу. Не исключено, что эти ритуальные действия связаны с погребением ребенка 1,5–2 лет в этой же части ямы, а также с находкой нескольких молочных зубов ребенка в возрасте 2,5–3 лет в заполнении могилы. Возможно, что к этой же категории намеренно помещенных человеческих костей относится верхний клык человека в возрасте около 50 лет. Находка женской нижней челюсти и костей одной руки в погребении имеет определенное сходство с традициями могильника Ермак-IV (за исключением украшений).

В могильнике Маринка (Восточный Казахстан) в могиле 14 захоронен младенец в возрасте до 5 месяцев, на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. Поверх костяка ребенка установлены два черепа, у которых отсутствовали нижняя челюсть и шейные позвонки, черепа принадлежали подростку 12–13 лет и женщине 30–35 лет [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 97].

Можно предложить следующую интерпретацию данной алакульской традиции. Вероятно, в алакульское время в связи с наличием колесного транспорта в степи происходят значительные перемещения отдельных алакульских коллективов (родов, племен), возникает соперничество между различными алакульскими группами за лучшие пастбища, стремление расширить свою родовую территорию. Это могло приводить к тому, что ослабевшие по разным причинам группы (из-за эпидемии, голода, падежа скота и т.д.) начинают терять контроль над территориями, где размещались их родовые кладбища и где были захоронены их предки. Но связь с предками, к которым, как свидетельствуют многочисленные этнографические данные, регулярно обращались за помощью по разным поводам, необходимо было сохранить для дальнейшего благополучного существования коллектива. Варианты сохранения связи с предками могли быть различны. По-видимому, не следует пренебрегать достаточно отдаленными этнографическими параллелями, так как они могут оказаться вполне работающими. В данном случае вполне уместно сослаться на этнографическое описание Шатобриана об исходе начезов со своих старых племенных территорий под давлением ирокезов. Шествие открывали воины, несшие костные останки предков, а замыкали процессию женщины с новорожденными на руках [Топоров, 1997, с. 144]. В данном шествии выражена модель жизни коллектива во временном аспекте – от предков прошлого к потомкам будущего. Переселение на новую территорию требовало не только ее практического, но ритуального освоения. Сакральным пространственно-временным центром мог быть могильник, где в первую очередь предавались земле кости предков, принесенные с прежней территории. Своим присутствием они восстанавливали модель существования коллектива во времени – от предков к потомкам, но уже на новой территории.

Таким образом, переселение алакульских коллективов на новую территорию могло разворачиваться по двум сценариям. Во-первых, когда более сильная группа алакульцев вытесняет более слабую, то она получает контроль и над их родовым кладбищем, но, вероятно, для этого следовало перенести и захоронить в некоторых оставленных соперником могилах отдельные кости своих предков. Не исключено, что при этом пришлая группа нарушала костяки прежних захоронений. Как представляется,

нарушение хрипуновского погребения 13 происходило неоднократно и, возможно, разными группами алакульского населения. Прежде всего, эти нарушения могли производиться самими сородичами в ходе каких-то ритуалов. Вероятно, так можно интерпретировать нарушения верхней части парных костяков в северо-восточной части ямы, когда нижняя часть скелетов оставлена непо потревоженной, кроме того, не были изъяты украшения. Костяки троих погребенных в юго-западной части нарушены более основательно и практически не сохранили анатомического положения, основная часть костей отсутствует, так же как и сопровождающий инвентарь. Вероятно, это следы нарушения погребений пришлой группой алакульцев. Более того, в нарушенной части могильного пространства прошлое население поместило нижнюю челюсть и кости правой руки девушки 15–17 лет в сопровождении богатого набора украшений. Не исключено, что они же поместили в эту часть могильной ямы погребение ребенка 1,5–2 лет в сопровождении двух сосудов. С пришлым населением, возможно, также связаны находки молочных зубов ребенка в возрасте 2,5–3 лет и клык взрослого в возрасте 50 лет.

Более слабая группа, переселяясь на новую территорию, приступала к формированию новых некрополей путем создания могил для захоронения костей предков. Возможно, следы подобного ритуала зафиксированы в Лисаковском-I могильнике в алакульском погребении 1 кургана-ограды №1 (группа А, центр-«ядро»). Данный курган был последним в курганной цепочке. В центре кургана располагались две могильные ямы. Могила 1 имела размеры 2,0×1,5 м, глубину 1,5 м, ориентирована по линии З–В. Заполнение камеры – однородная супесь серо-белого цвета. В придонной части камеры обнаружены обломки плах поперечного перекрытия. В северо-западной части – скопление фрагментов керамики двух горшков. На дне в центре ямы найдены обломки черепа, верхней и нижней челюсти человека. Фрагменты черепа лежали на левом боку. Вероятно, череп был ориентирован на запад. Других костей погребенного в могиле не обнаружено. Поверх черепа зафиксированы остатки деревянного настила. Бронзовый нож лежал на боковом лезвии, острием вниз, рядом с теменной частью черепа. Около ножа находились несколько бронзовых полушарных бляшек, бронзовая очковидная подвеска, пастовые бусины. По-видимому, они были деталями декора головного убора. С обеих сторон нижней челюсти лежали по четыре бронзовые подвески в полтора оборота, плакированные золотом. Рядом располагались два обломка бронзовой гривны и обломки трех пластинчатых браслетов, два из них со спиралевидными окончаниями. У нижнего фрагмента гривны находились две крупные бронзовые обоймы, от них отходили три низки бусин, к которым крепилось основное наконечное украшение длиной 45 см. Основная часть наконечника состояла из трех бронзовых орнаментированных пластин: сегментовидной и двух пятиугольных. Среднюю зону составляли четыре низки бронзовых обойм. Изделие завершал ряд из четырех парных бронзовых листовидных подвесок. Э.Р. Усманова считает, что, судя по украшениям, в могиле захоронена женщина, и отмечает, что все украшения носили следы насильственного слома. Э.Р. Усманова [2005, с. 10–11] не исключает, что это захоронение только одного черепа.

Данное погребение можно интерпретировать как могилу для захоронения тех костей предка, которые были перемещены по каким-то причинам из другого могильника. Об этом свидетельствует состояние украшений – все они оказались сломаны, что неизбежно при извлечении черепа из могилы и при его транспортировке. О том, что это захоронение предка, могут свидетельствовать крупные размеры ямы и ее значительная глубина – 1,5 м. Кроме того, дополнительным свидетельством в пользу этого утверждения является местонахождение кургана-ограды №1, который был «последним в курганной цепочке». Но с таким же успехом можно сказать, что он был в начале цепочки курганов, как и положено могиле предка. Именно с этой могилы, возможно, и началось формирование некрополя.

Библиографический список

- Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб., 2016. 244 с. (Труды ИИМК РАН. Т. 46).
- Сотникова С.В. Отчет о разведке левого берега Иртыша в Нововаршавском и Таврическом районах Омской области в 1983 г. // Архив МАЭ ОмГУ. 1984. Ф. 2. №36–1.
- Сотникова С.В. Отчет о раскопках могильника Ермак-IV в Нововаршавском районе Омской области в 1985 г. // Архив МАЭ ОмГУ. 1986. Ф. 2. №47–1.
- Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск, 2008. 304 с.
- Топоров В.Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Из работ московского семиотического круга. М., 1997. С. 128–170.
- Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский-I: факты и параллели. Караганда; Лисаковск, 2005. 232 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ(АлтГУ) – Алтайский государственный университет
АН – Академия наук
АНО – Автономная некоммерческая организация
АО – Автономный округ
АО – Археологические открытия
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии
ВДИ – Вестник древней истории
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭС – гидроэлектростанция
ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИИАЭ АН КазССР – Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии
ИМКЭС – Институт мониторинга климатических и экологических систем
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КНР – Китайская Народная Республика
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии
МАЭ – Материалы по археологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР (книжная серия)
НГУ – Новосибирский государственный университет
ОИРИМ – Отчет Императорского Российского Исторического музея
ОмГУ – Омский государственный университет
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РГПУ – Российский государственный педагогический университет
РНФ – Российский научный фонд
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология
СААЭ КГПИ – Северо-Ангарская археологическая экспедиция Красноярского государственного педагогического института
САИ – Свод археологических источников
САИПИ – Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СНЦ – Самарский научный центр
СО АН – Сибирское отделение Академии наук
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ТППУ – Томский государственный педагогический университет
ТГУ – Томский государственный университет
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии РАНИОН
УрО – Уральское отделение
ЦКП – Центр коллективного пользования
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЮУрГПУ – Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
FM – Finskt Museum. Helsinki
FUF – Finnisch-Ugrische Forschungen. Helsinki
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ

<i>Акимова Е.В.</i> Поздний палеолит Среднего Енисея: направления и варианты развития	5
<i>Анойкин А.А.</i> Палеолит Приморского Дагестана	8
<i>Ахметгалеева Н.Б.</i> Трасологические критерии культурного единства стоянок поздней поры верхнего палеолита Быки в Посеймье	12
<i>Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Рыбин Е.П., Козликин М.Б.</i> Особенности технологии производства крупных пластин в индустриях начала верхнего палеолита Горного Алтая	16
<i>Бочарова Е.Н., Зоткина Л.В.</i> Трасологическое исследование предметов из графита с местонахождения Казачка-I	21
<i>Голованова Л.В., Дороничев В.Б.</i> Механизмы культурных новаций в палеолите Кавказа	25
<i>Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Недомолкин А.Г., Кулькова М.А., Шекли М.С., Мурый А.А., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Корзинова А.С.</i> Грот Сарадж-Чуко – первый стратифицированный памятник среднего палеолита в Приэльбрусье (предварительные данные)	30
<i>Дьяконов В.М.</i> Мезолитическая стоянка Ферменное Озеро – опорный памятник сумнагинской культуры в Центральной Якутии	34
<i>Зейналов А.А., Кулаков С.А.</i> Еще раз к вопросу о куручайской культуре	39
<i>Зенин В.Н., Лещинский С.В., Бурканова Е.М., Гулина А.В., Федяев Н.Я., Туманцева Д.В.</i> Новейшие исследования местонахождения мамонтовой фауны и позднего палеолита Волчья Грива (Западная Сибирь)	42
<i>Козликин М.Б.</i> Новые данные по среднему палеолиту Алтая (по материалам Денисовой пещеры)	47
<i>Колобова К.А., Чабай В.П., Маркин С.В.</i> Мультидисциплинарные исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры (Горный Алтай)	51
<i>Косорукова Н.В., Жилин М.Г.</i> Костяные наконечники стрел из мезолитической стоянки Погостище-15 в Восточном Прионежье	54
<i>Кузнецов А.М., Роговской Е.О.</i> Древнейшие зубчатые наконечники стоянки Верхоленская Гора-I: хронология, морфология, интерпретация	59
<i>Кулаков С.А., Дятлов А.С., Казарницкий А.А.</i> Открытие нового памятника каменного века на Северо-Западном Кавказе	62
<i>Кулаков С.А., Тимонина Г.И., Титов В.В.</i> Некоторые итоги новых работ на раннепалеолитической стоянке Богатыри/Синяя балка на Таманском полуострове	68
<i>Леонова Е.В., Успенская (Александрова) О.И.</i> Характеристика каменного инвентаря из раскопок пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе: к вопросу о фациальности	74
<i>Макулов В.И., Дроздов Н.И., Чеха В.П.</i> Проблемы сохранения археологических памятников Красноярского водохранилища	78
<i>Мороз П.В.</i> Источники камнесамоцветного сырья и памятники каменного века в Центральном и Восточном Забайкалье	83
<i>Ожерельев Д.В.</i> Комплексные исследования на стоянке раннего палеолита Мухкай-IIA	87
<i>Павленок Г.Д.</i> Две технологические традиции камнеобработки в финальном верхнем палеолите бассейна р. Селенги	89
<i>Рыбалко А.Г.</i> Раннепалеолитические индустрии с бифасами на территории Дагестана	93
<i>Рыбин Е.П., Славинский В.С., Хаценович А.М.</i> К определению разнообразия и преемственности стратегий расщепления в среднем палеолите – раннем верхнем палеолите Южной Сибири и восточной части Центральной Азии	97

Тетенькин А.В. Поздний палеолит Витима в материалах многослойного местонахождения Коврижка-IV (Байкало-Патомское нагорье, Восточная Сибирь)	101
Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Персональные украшения начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры (по материалам полевых работ 2016–2017 гг.)	105
Харевич В.М., Акимова Е.В., Вашков А.А., Стасюк И.В. Археологические комплексы рубежа плейстоцена-голоцена в северной части Красноярского водохранилища (по материалам стоянки Бюза-II)	110
Хаценович А.М., Марченко Д.В. Вариабельность индустриальных комплексов начального этапа верхнего палеолита на территории Монголии: взаимоотношение локальных традиций и интрузивных компонентов	113
Чеха А.М. Палеолитические местонахождения Северного Приаралья в Западном Казахстане: проблемы хронологии и периодизации	116
Шалагина А.В., Шнайдер С.В., Колобова К.А. Возможности применения 3-D сканирования и анализа последовательности сколов (scar pattern analysis) при изучении двусторонне обработанных орудий	120
Шнайдер С.В., Абдыканова А., Крайцарж М., Федорченко А.Ю., Алишер-кызы С., Колобова К.А., Гурулев Д.А., Тэйлор В., Кривошапкин А.И. Обиширская культура Центральной Азии: современный этап изучения	125

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НЕОЛИТЕ

Андреев К.М. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура)	129
Бобров В.В. Современные проблемы изучения заключительного периода эпохи камня Южной Сибири	133
Горюнова О.И., Новиков А.Г. Керамика раннего неолита из поселений побережья озера Байкал	137
Дога Н.С., Выборнов А.А., Юдин А.И., Косинцев П.А., Кулькова М.А., Васильева И.Н., Попов А.С. Итоги изучения поселения неолита–энеолита Орошаемое в Нижнем Поволжье	140
Калинина И.В. Орнаментальные керамические традиции развитого неолита лесной зоны Евразии	143
Корниенко Т.В. Пищевые ресурсы и социально-идеологические аспекты жизни населения Северной Месопотамии на этапе перехода к неолиту	147
Маслодудо С.В., Константинов М.В. Неолит и бронза таежного Чикоя: природная и культурная стратификация	151
Медведев В.Е. Об особенностях развития среднего и позднего неолита на юге Дальнего Востока (Нижнее Приамурье)	155
Недомолкина Н.Г. Погребения неолита – энеолита с нарушенной анатомической целостностью костяка на поселениях Вёкса-1, Вёкса-3 в бассейне Верхней Сухоны	159
Петрова Н.Ю. Развитие технологии неолитической керамики Северной Месопотамии	163
Понкратова И.Ю. Критерии раннего неолита Камчатки (по данным исследования стоянки Ушки-V, Усть-Камчатский район, п-ов Камчатка)	167
Смольянинов Р.В. Волосовская культура на Верхнем Дону?	171
Сомов А.В., Андреев К.М. Культурно-хронологические группы неолитической керамики Среднего Поволжья (на основе анализа комплекса поселения Калмыковка-I)	175
Фрибус А.В., Грушин С.П. Неолитический комплекс могильника Чумыш-Перекаат	178
Холкина М.А. Керамика типа Ускела в восточной части Финского залива	182
Чеха А.Н. Проблемы изучения комплексов эпохи неолита–палеометалла на территории Северного Приангарья (материалы 3 слоя стоянки Устье Реки Кутарей)	186

<i>Шмидт А.В., Кардаш О.В., Лунс С.А.</i> К проблеме внедрения новых технологий в камнеобработке в эпоху раннего голоцена на территории Среднеобской низменности (на примере поселения Балинское-73)	190
<i>Шорин А.Ф., Шорина А.А.</i> Организация пространства и хронология неолитических объектов памятника археологии «Святылище Кокшаровский холм и Юрьинское поселение» (Среднее Зауралье)	194

ПРОБЛЕМЫ ЭНЕОЛИТА, РАННЕЙ, РАЗВИТОЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

<i>Борисов В.А.</i> Технологические гончарные традиции населения Восточного Присалаирья в эпоху энеолита	198
<i>Варенов А.В.</i> Бронзовые ножи с трехкнопочным кольцевым навершием в Древнем Китае	202
<i>Варенов А.В.</i> Сяотунь, Хоуган, Хоуцзячжуан – ключевые памятники в довоенном изучении поздней столицы династии Шан (XIV–XI вв. до н.э.)	207
<i>Волкова Е.В.</i> Поселение Галанкина Гора в Марийском Поволжье: история населения по данным изучения керамики	212
<i>Гак Е.И., Ивашов М.В., Кайзер Э.</i> Поселение катакомбной культуры Ксизово-1 на Верхнем Дону: результаты и перспективы комплексных исследований	216
<i>Гришин А.Е., Марченко Ж.В.</i> Проблема содержания терминов «крохалёвский керамический тип» и «крохалёвская культура» в свете новых данных (могильник Крохалёвка-5, Верхнее Приобье)	221
<i>Дубова Н.А.</i> Мозаичные композиции из гробниц Гонур-Депе (Туркменистан): изучение технологии создания	225
<i>Дураков И.А.</i> Металлообрабатывающее производство позднекротовской (черноозерской) культуры Обь-Иртышского междуречья	230
<i>Ефремова Н.С.</i> Сравнительная характеристика традиций и новаций в культовых практиках населения Западной Сибири в эпоху раннего металла	234
<i>Журавлев А.А., Пилипенко А.С., Молодин В.И., Папин Д.В., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О.</i> Генофонд мтДНК и Y-хромосомы андроновского (федоровского) и постандроновского населения Южной Сибири	238
<i>Загородняя О.Н.</i> Основные результаты изучения орудий металлопроизводства бережновско-маевской срубной культуры	241
<i>Илюшина В.В.</i> Особенности гончарного производства у населения эпохи бронзы в Нижнем Приоболье	246
<i>Кирюшин К.Ю.</i> Культурная принадлежность поселенческих комплексов энеолита Северной Кулунды	250
<i>Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю.</i> Керамика неолита–ранней бронзы поселения Киприно-I (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности)	255
<i>Ковалев А.А.</i> Роль чемурчекского культурного феномена в формировании и развитии культур бронзового века Сибири и Казахстана	260
<i>Ковтун И.В., Марочкин А.Г., Герман П.В.</i> Радиоуглеродные даты и относительная хронология сейминско-турбинских, крохалёвских и самусьских древностей	262
<i>Корочкова О.Н.</i> Металл в культуре населения эпохи бронзы (Среднее Зауралье и Западная Сибирь)	267
<i>Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.</i> О концепциях развития эпохи раннего металла Северной Евразии первой половины XX в.: В.А. Городцов и А.М. Тальгрэн	271
<i>Лазаретов И.П.</i> Общность культур Саяно-Алтая в эпоху ранней бронзы	277
<i>Лыганов А.В.</i> Луговская культура позднего бронзового века на территории Волго-Камья	282
<i>Марченко Ж.В., Святко С.В., Гришин А.Е., Рыкун М.П.</i> Радиоуглеродные даты и хронология могильника Ростовка (Омское Прииртышье)	287

Мокрушин В.П., Нарожный Е.И. Новые материалы предскифского времени с поселения Кишпек-2 в Кабардино-Балкарии	291
Молодин В.И., Комиссаров С.А., Ван Пэн. Бронзовые наконечники копий сейминско-турбинского типа из Китая	297
Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Хозяйственно-производственные комплексы на поселениях кротовской культуры (Правобережное Прииртышье)	300
Моргунова Н.Л., Турецкий М.А., Салугина Н.П. Турганикское поселение и проблемы раннего бронзового века в Южном Приуралье	305
Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Сосуды одной морфологической традиции (по материалам андроновской (федоровской) культуры памятника Тартас-1)	310
Онищенко С.С., Илюшин А.М. Неординарные артефакты периода поздней бронзы – начала перехода к раннему железному веку на Торопово-7 в Кузнецкой котловине	314
Пантелеева С.Е. Керамика петровского типа с укрепленного поселения Каменный Амбар	317
Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г. К вопросу о взаимодействии населения степного Алтая и Средней Азии в эпоху поздней бронзы	321
Петров Ф.Н. Керамический комплекс многослойного поселения Левобережное (Синташта-II) по материалам исследований 2015–2017 гг.	326
Пилипенко А.С., Пилипенко И.В., Папин Д.В., Черданцев С.В., Молодин В.И., Трапезов Р.О., Нестерова М.С. Разнообразие митохондриальной ДНК овец из археологических памятников юга Западной Сибири эпохи бронзы – раннего железного века	332
Пилипенко А.С., Черданцев С.В., Полосьмак Н.В., Молодин В.И., Трапезов Р.О., Балабанова М.А., Журавлев А.А., Поздняков Д.В. К реконструкции генетической истории носителей культур Южной Сибири и сопредельных регионов Евразии (скифское и гунно-сарматское время)	334
Поляков А.В. Особенности организации погребального пространства курганов окуневской культуры	337
Поляков А.В., Есин Ю.Н. Курильница с антропоморфными изображениями из раннеокуневского погребения могильника Итколь-II	339
Рослякова Н.В. Реконструкция структуры мясного рациона населения Южного Приуралья в эпоху энеолита и ранней бронзы (по археозоологическим материалам Турганикского поселения)	344
Рудковский И.В. Андроновские орнаментальные эксперименты	346
Салугина Н.П. Традиции и инновации в гончарстве населения бронзового века Волго-Уралья	350
Сотникова С.В. О формировании алакульских некрополей: к реконструкции ритуальных действий и представлений	355
Список сокращений	359

Научное издание

Ответственные редакторы:
академик РАН А.П. Деревянко;
доктор исторических наук, профессор А.А. Тишкин

Редакционная коллекция тома:
В.В. Бобров, С.А. Васильев, А.А. Выборнов, К.Н. Гаврилов, А.Н. Гей,
А.В. Епимахов, Ю.Ф. Кирюшин, В.Е. Медведев, Р.А. Мимоход,
Л.Н. Мыльникова, Н.М. Чаиркина, М.В. Шуньков

**ТРУДЫ V (XXI) ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА
в Барнауле–Белокурихе**

Сборник научных статей

Том I

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 15.11.2017. Печать офсетная.
Шрифт Times New Roman. Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 42,6.
Тираж 300 экз. Заказ 392.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»
656099, Барнаул, пр-т Красноармейский, 98а /ул. Мерзликина, 10.
Тел. 8 (3852) 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru